

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958**

ПРЕМ ЧАНД

Рассказы

Нирмала

РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Переводы под редакцией
Н. В Ъ Ю К О В О Й и С. Д Ы М Ш И Ц А

Предисловие
В. Б А Л И Н А

Оформление художника
А. Щ Е Р Б А К О В А

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прем Чанд — один из крупнейших индийских писателей XX века, основоположник реалистического направления и классик современных литератур на хинди и урду. Его творчество, взятое в целом, дает широкое изображение жизни и развития индийского общества на протяжении трех десятилетий, насыщенных важными событиями. Писатель был верным сыном своей родины и с непревзойденной реалистической убедительностью воспроизвел в своих произведениях страдания и муки обездоленного трудового народа. Большая галерея созданных им ярких типических образов простых людей показывает их сокровенные думы и чаяния, их поиски путей к лучшей жизни. Гуманистический пафос, демократические убеждения и горячий патриотизм Прем Чанда создали ему заслуженную славу народного писателя и принесли огромную популярность как в самой Индии, так и за ее пределами.

Дханпат Рай Шривастав (таково настоящее имя писателя) своим происхождением, воспитанием и убеждениями самыми тесными узами был связан с жизнью народа. Родился он в 1880 году в маленькой деревне Ламхи близ г. Бенареса в семье мелкого почтового чиновника. Оставшись после смерти отца единственным кормильцем большой семьи, Прем Чанд с юношеских лет на собственном опыте узнал, что такое бедность и нищета. Однако и полуголодный, перебиваясь случайными скудными заработками, он не оставляет мысли получить образование. С огромным напряжением сил ему удается окончить среднюю школу. После этого в течение почти двадцати лет он проработал школьным учителем и инспектором департамента просвещения в различных сельских районах

Северной Индии. Суровый жизненный опыт и богатые наблюдения этого периода во многом определили своеобразие творческого дарования писателя.

Близко общаясь с крестьянством, которое в Индии было наиболее угнетаемым классом, Прем Чанд рано стал задумываться над причинами бедствий народа. Год от года он все яснее осознавал антагонистический характер эксплуататорского общества и от обличения отдельных социальных язв переходил к осуждению всех форм угнетения человека человеком. Мечтая о переустройстве жизни на началах всеобщего равенства и справедливости, он решительно выступал против колониализма, как главной причины всех несчастий Индии.

Творческая деятельность Прем Чанда началась в середине первого десятилетия XX века, как раз во время охватившего всю Индию национально-освободительного антиимпериалистического движения 1905—1910 годов. Это было время, когда на всем Востоке, по словам В. И. Ленина, «сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹. Чувства, воодушевлявшие индийский народ на борьбу за свободу, в полной мере разделял и Прем Чанд. Как писатель, публицист и общественный деятель он формировался и творил под непосредственным влиянием идей национально-освободительного движения, которое периодически со все большей силой потрясало основы британского владычества в Индии.

Первый сборник рассказов Прем Чанда «Любовь к родине» (1909), проникнутый пламенными патриотическими настроениями, был конфискован и публично сожжен: английские колониальные власти усмотрели в нем «призыв к мятежу». Автору пригрозили жестоким наказанием. Но ничто не смогло поколебать свободолюбивых убеждений и твердости духа писателя-патриота. До конца своих дней он остался последовательным борцом против колониального рабства.

В 1920 году, в разгар массовых антиимпериалистических выступлений, Прем Чанд участвует в кампании гражданского неповиновения и демонстративно оставляет службу в правительственной школе. Это было общепринятой в те годы формой бойкота, объявленного английским властям по призыву Махатмы Ганди. И в дальнейшем личным участием, а главное — великой силой своего таланта Прем Чанд активно способствовал освобождению родины и раскрепощению родного народа.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 66.

Для литератур на хинди и урду творчество Прем Чанда ознаменовало новый этап, связанный с установлением и развитием метода критического реализма.

Реалистическое направление, основоположником которого явился Прем Чанд, возникло как следствие решительного поворота литературы к жизни современного общества и основным ее проблемам. Прем Чанд был одним из первых индийских писателей, кто в сложившихся исторических условиях осознал общественный долг литератора. Отказавшись от традиционных средневековых догм, отгораживавших литературу от реальной действительности, он направил литературу на новый путь. Именно ему принадлежит заслуга тематического обновления индийской литературы. В своих произведениях писатель обратился к реальной жизни страны и народа во всем ее многообразии. «Основа литературы — жизнь, — писал он. — Именно на этот фундамент и опираются стены здания литературы». Следуя правде жизни, писатель живо откликался на актуальные вопросы социального и политического характера.

Подлинный реалист, Прем Чанд не только требовал вторжения литературы в жизнь, но и утверждал ее активную действенную роль. «Критическая оценка жизни» — так определял он главную задачу литературного творчества. Выступая против ущербных, декадентских тенденций, он говорил: «Разве может удовлетворить наши потребности в мыслях и чувствах та литература, содержание которой ограничено эротическими переживаниями и их порождением: страданиями разлуки, настроениями безнадежности и отчаяния и т. п. — литература, в которой бегство от мира и жизненных невзгод считается основным смыслом жизни?»

Писатель заострял внимание преимущественно на таких общественных вопросах, как, например, роль народа, интеллигенции и буржуазии в национально-освободительном движении, борьба народа за социальное равенство и человеческие права, проблема освобождения человеческой личности от гнета средневековых пережитков и кастовых предрассудков, раскрепощение женщины и многие другие. В художественных образах он показывал взаимоотношения различных классов и сословий индийского общества. Все это по своей новизне и злободневности находило живой отклик у читателей, помогало им лучше увидеть и глубже осмыслить жизнь своей страны.

Уже одно то, что в произведениях Прем Чанда получила многостороннее отображение реальная жизнь индийского общества, было выдающимся событием для литератур на хинди и урду.

Вместе с тем его творчеству с самого начала была присуща другая, не менее важная особенность. Прем Чанд в поисках тем, сюжетов, героев и образов смело обратился к жизни широких народных масс Индии, к людям, которых он так хорошо знал. Подробно и вдумчиво раскрывая внутренний мир своих героев, он всей логикой образов неопровержимо доказывал величие духовного облика простого человека. Писатель подчеркивал, что люди труда в своих действиях руководствуются лучшими человеческими побуждениями, которых явно недостает тем, кто стоит на «верхних» ступенях социальной лестницы. Показывая моральное превосходство простых людей над эгоистичными и корыстолюбивыми представителями эксплуататорских классов, он тем самым утверждал право угнетаемого народа на изменение своей горькой участи, на счастливую жизнь, свободную от всех уродств, обусловленных социальным неравенством. Этими высокими гуманистическими идеалами отмечена многогранная писательская и общественная деятельность Прем Чанда. Таким образом, он выступил в литературе подлинным выразителем мыслей, интересов и чаяний широчайших народных масс. В этом — секрет той огромной популярности, которую творчество Прем Чанда приобрело среди индийских читателей и продолжает сохранять до сих пор.

Столь повышенное внимание писателя к судьбам простых людей не было простой случайностью. Будучи одаренным художником, страстным патриотом и демократом, Прем Чанд тонко подметил важную особенность современной ему эпохи: неуклонный процесс духовного и политического пробуждения народа, его стремление к осознанным действиям и выход широких народных масс на историческую арену в качестве борца за прогресс.

Демократическими позициями писателя определялась присущая его таланту сила разоблачения и осуждения социальных отношений. Гневом и возмущением проникнуты нарисованные им картины ограбления крестьянства помещиками и рабовладельцами, продажности суда, морального разложения эксплуататорских кругов. С течением времени критическая направленность произведений Прем Чанда становилась целеустремленнее, острее по мере идейного роста автора.

Неразрывно связанное с индийской действительностью, с конкретной исторической обстановкой, творчество Прем Чанда глубоко национально. Со страниц его многочисленных произведений встает обобщенный образ великого народа, безмерно страдавшего под невыносимым игом колониализма, но полного пробуждающихся сил.

Многолетняя деятельность Прем Чанда явилась славной страницей в истории литературы на хинди и урду. На прочном фундаменте, созданном Прем Чандом и другими писателями, развивавшими метод критического реализма, в наши дни выросла богатая и разнообразная литература, будущее которой всегда горячо волновало великого писателя. С трогательной заботливостью относился он к молодым литераторам, способствуя их творческому росту Центром, который объединял литературную молодежь в течение ряда лет, был издаваемый Прем Чандом литературно-художественный журнал «Ханс». На его страницах печатались первые произведения таких, ставших впоследствии весьма видными, писателей, как Упендранатх Ашк, Ушадеви Митра, Джайнендра Кумар и др. Много труда вложил Прем Чанд в дело объединения передовых литературных сил во всеиндийском масштабе. В апреле 1936 года на проходившей под его председательством конференции писателей в Лакнау была создана Всеиндийская ассоциация прогрессивных писателей, объединившая в своих рядах значительную часть индийских писателей-реалистов. Позднее Ассоциация играла большую роль как центр пропаганды пролетарского мировоззрения в индийской литературе. Самому Прем Чанду не пришлось принять активного участия в деятельности этой организации. Вскоре после конференции в Лакнау он тяжело заболел и 8 октября 1936 года умер в г. Бенаресе.

Прем Чанд оставил богатое литературное наследие: его перу принадлежат одиннадцать романов, около трехсот рассказов, три пьесы и много публицистических статей. Он издавал журналы, писал для детей, делал переводы из европейских литератур, в том числе и из русской. Всем своим горячим сердцем художника-патриота Прем Чанд страстно верил, что литературные произведения, воплощенная в них правда жизни помогут единению честных непредубежденных людей, где бы они ни жили, на каком бы языке ни говорили. «Потребляя австралийскую пшеницу и китайский чай или разъезжая в американских автомобилях,— писал он,— мы остаемся в совершенном неведении относительно людей, создающих эти вещи, но, познакомившись с рассказами Мопассана, Анатоля Франса, Чехова и Толстого, мы установили духовную связь с Францией и Россией. Сфера наших познаний распространяется через океаны, материки и горы и ныне включает в себя также Францию и Россию. Мы и там начинаем видеть проявление своей собственной души. Тамашние крестьяне, рабочие и студенты предстают перед нами как близкие знакомые».

Особенной любовью и популярностью пользуются на родине Прем Чанда его рассказы. Прем Чанд и сам считал жанр рассказа наиболее доступной и доходчивой для массового читателя формой литературного произведения.

В рассказах Прем Чанда встает широкая картина индийской действительности, картина жизни колониальной страны, какой была Индия в период британского владычества. На одной стороне мы видим трудовой люд, безмерно страдающий от самоуправства помещиков, лихонмства ростовщиков, произвола властей. С другой стороны — мир хищников, пользующихся долготерпением народа и основывающих свое личное благополучие на поте, крови и страданиях миллионов труженников. Такова неприкрашенная действительность, в которой надежды простых людей найти справедливость терпят жестокий крах. Прем Чанд всеми силами души ненавидел социальный строй, основанный на вопиющем неравенстве и угнетении. Обличение социального зла в разных его проявлениях, призыв к его ликвидации составляют основную цель многих рассказов писателя.

В своих произведениях Прем Чанд не останавливается на внешних фактах действительности, а старается найти их причины во взаимоотношениях людей и классов. Сюжетные события, сохраняя реалистическую основу, обычно выступают в его рассказах как сильное средство углубленной психологической характеристики действующих лиц. Главное для автора — показ духовного мира героев и их места в обществе. Большой мастер психологического анализа, Прем Чанд создал бесконечную вереницу типических образов, среди которых основное место занимают герои из народа: бедняки-крестьяне, мелкие ремесленники и чиновники. Раскрывая побудительные мотивы, лежащие в основе действий персонажей, писатель вновь показывает, теперь уже в моральном отношении, абсолютную противоположность представителей двух общественных сил: эксплуататоров и простого народа. Люди, живущие своим собственным трудом, всегда оказываются в его произведениях неизмеримо выше, благороднее и гуманнее, нежели те, кто так или иначе принадлежат к господствующим кругам общества. Авторские симпатии, всегда очень отчетливые, полностью на стороне угнетенных и страдающих.

Жизнь народа предстает в рассказах Прем Чанда не как статичная мрачная картина. Писатель неколебимо верил в конечное торжество справедливости. Выражением этой веры автора является трактовка образов простых людей. Простой человек у Прем Чанда — всегда герой положительный. При всех возможных недостатках в нем неизменно присутствует здоровое жизненное начало,

выводящее его на верный путь. Через творчество писателя единым мотивом проходит страстное убеждение в том, что человеку труда принадлежит будущее, принадлежит весь мир, созданный общими усилиями народа.

В настоящей книге помещена лишь незначительная часть из большого количества рассказов, написанных Прем Чандом. Но и они достаточно широко характеризуют особенности его художественного дарования.

В ряде рассказов («Храм», «Колодец тхакура», «За горсть пшеницы» и др.) с потрясающим драматизмом раскрывается жизнь беднейшего крестьянства и особенно невыносимое положение низших каст. Безысходное горе и воспитанная веками тупая покорность судьбе пока еще парализуют волю людей, но уже в гневном протесте героини рассказа «Храм» чувствуется, что приходит конец безропотному долготерпению страдающего народа. То сдержанно-кратко, беглыми замечаниями, то в подробных описаниях автор изображает душевные эмоции героев и неизменно при этом привлекает симпатии читателей к обездоленным людям, лишенным самых минимальных человеческих прав. Мягким обаянием отличаются рассказы Прем Чанда о крестьянских детях, среди которых лирической задушевностью особенно выделяется приводимый в сборнике рассказ «Праздничная ярмарка».

В предлагаемом сборнике довольно полно представлены обличительные и сатирические произведения Прем Чанда. С огромной разящей силой автор бичует в них ростовщиков, заминдаров, жрецов, вышнюю индийскую знать, английских колонизаторов и всю систему английского колониального господства.

Блестящее сатирическое дарование писателя ярко проявилось в цикле рассказов, где главным героем выступает пандит Мотерам Шастри («Сатьяграха», «Приглашение», «Первый долг человека» и др.). Невежество, самодовольство и необузданная жадность служителей культа, играющих на чувствах верующих, воплощены в исключительно колоритном образе. Любопытно отметить связанный с этим факт биографии Прем Чанда. Вскоре после опубликования одного из рассказов о Мотераме Шастри против Прем Чанда было возбуждено судебное дело по обвинению в клевете. Истцом оказался некий брахман, который в рассказе усмотрел... пасквиль на самого себя. В результате громкого судебного процесса писатель был признан невиновным, а брахман публично посрамлен.

Особенно резкому обличению подвергаются в рассказах Прем

Чанда те представители индийской интеллигенции, которые щеголяют пышными фразами о культуре, о прогрессе, о родине, о защите интересов народа, а на деле оказываются своекорыстными и беспринципными стяжателями («Непредвиденное обстоятельство», «Секрет цивилизации», «Наставление» и др.). Развенчивая подобных демагогов и предателей интересов народа, автор прямо дает понять, что они явились порождением общественной системы, которую стремились увековечить в Индии англичане. Мнимые радетели о благе родины лакействуют перед колонизаторами в расчете на новые милости.

Политическая сатира Прем Чанда достигает апогея в памфлете «Жажда власти». Это один из немногих у Прем Чанда рассказов, написанных в эзоповском стиле. В главном персонаже — сильном, жестоком и в то же время трусливом псе по кличке Томи легко угадывается персонифицированный образ британского империализма. Хитрыми уловками добивается Томи господства в прекрасной стране, куда он случайно попадает. Но алчность, как известно, ненасытна. Чем больше упивается Томи сознанием собственного величия, тем сильнее одолевает его страх лишиться приобретенной власти. В конце концов обезумевший от жажды власти Томи бесславно подыхает. Иносказательный смысл этой истории не мог, конечно, остаться незамеченным индийскими читателями. Остроумное развенчивание английской колониальной политики было в данном случае одним из ярких проявлений патриотических чувств автора.

В начале тридцатых годов, когда национально-освободительное движение в Индии достигло особого размаха и нередко выливалось в кровавые столкновения с полицией и войсками, Прем Чанд создает серию рассказов, объединенных в сборнике «Ратный путь». Английские власти конфисковали сборник немедленно после его выхода в свет, настолько он был злободневным и политически острым. В рассказах сборника запечатлен огромный патриотический порыв индийского народа, поднявшегося на самоотверженную борьбу за свободу. Они воспроизводят революционные события 1928—1933 годов: митинги, забастовки, массовые демонстрации, расстрелы мирных и безоружных людей, повальные аресты патриотов. Безудержный дикий террор колонизаторов не мог убить в народе духа протеста против ненавистного рабства. В огне суровых испытаний закаляется воля простых людей, они проникаются еще большей решимостью добиться счастья для всего народа и во имя этой великой цели готовы на любые муки и смерть. Таков лейтмотив основных рассказов этого сборника («Тюрьма», «Ратный путь», «Майку» и др.), который можно выразить словами героини рас-

сказа «Тюрьма»: «Горящий в поле костер теряет на ветру свой жар, но тот же огонь, заключенный в топке паровоза, становится неиссякаемым источником движущей силы». Сборник «Ратный путь» был откликом писателя на события народной борьбы и в свою очередь вносил вклад в общее дело освобождения родины.

Воспроизводя события национально-освободительного движения, писатель раскрывает процесс духовного и политического пробуждения народа. Простые люди, герои Прем Чанда, на собственном горьком опыте убеждаются в невозможности жить по-старому. Они начинают осознавать свою ответственность за судьбы страны, вступают на «ратный путь», ведущий к свободе. Участие в общем деле порождает в них чувство солидарности, веру в объединенные силы народа, придает им творческую активность и величайшую силу духа

Так политическая острота тематики переплетается в этих рассказах с прямым призывом к борьбе за свободу родины, за свободу человеческой личности.

Волнующая тема духовного раскрепощения человека, который освобождается от униженно-рабского страха перед сильными мира сего и начинает осознавать свою независимость, предстает в рассказе «Жизнь клерка».

Одним из лучших созданий Прем Чанда является образ старухи Нохри, главной героини рассказа «Ратный путь». Огромная идейная нагрузка, которую несет в себе ее образ, в сочетании с общим патриотическим содержанием рассказа позволяет говорить о Нохри не только как о глубоко типическом жизненном характере. Образ Нохри перерастает в символическую фигуру, олицетворяющую вечно живую, непокоренную, устремленную в будущее душу индийского народа. Этому органически соответствует и оптимистическая насыщенность рассказа и его патетическое звучание.

Сила убедительности и воздействия рассказов Прем Чанда заключается не только в актуальности освещаемых им проблем. Писатель считал своей задачей создавать произведения о народе и для народа. Осуществляя принцип — писать возможно более просто, быть понятным народу, писатель решительно отвергал напыщенность, витиеватость и туманность стиля, что было так характерно для части его современников-новеллистов, разделявших увлечение буржуазным декадансом. Сама тематика и проблематика его рассказов требовали для своего выражения поисков новых, подлинно реалистических художественных образов и языковых средств. Подавляющее большинство их писатель извлекал из неиссякаемого источника живой народно-разговорной речи. Осуждая

эстетические взгляды в отношении языка литературы, Прем Чанд писал: «Язык, на котором пишут немногие и который понимают тоже лишь немногие,— несомненно безжизненный, искусственный и утяжеленный язык. Откуда у него возьмутся силы, чтобы держать свою руку на пульсе народа? Он похож на пруд, к которому ведут мраморные ступени, в котором распускаются лотосы, но в котором нет ни входа, ни выхода для воды».

Психологически тонкое, искусное описание чувств, настроений, разнообразнейших духовных порывов человека придает особый эмоциональный колорит реалистическому таланту Прем Чанда. Писатель редко прибегает к портретной характеристике действующих лиц. Так же редко встречаются в его рассказах описания природы. Главное для него всегда — внутренний облик, психологическая характеристика героев.

Особого внимания заслуживает тот колоссальный вклад, который Прем Чанд внес в дело раскрепощения индийской женщины. Женская тема занимает исключительно большое место во всем его творчестве, так же как и в творчестве многих других индийских писателей.

Горячо желая облегчить положение простых людей, Прем Чанд своими произведениями призывал к скорейшему устранению социальных пороков, мешавших «маленьким» людям стать полноправными членами общества. Естественно, что, как реалист и демократ, он не мог остаться равнодушным к условиям, в которых находилась женская половина населения Индии. Это — тема его многих рассказов, большинства его романов.

Одним из произведений, где подробно описывается доля индийской женщины, является роман «Нирмала», опубликованный в 1923 году.

Центральная тема романа — трагическая судьба женщины, оказавшейся жертвой господствующих в обществе традиционных обычаев, в силу которых она считается бесправным существом.

Нирмала, чья короткая жизнь проходит перед читателем, — девушка из небогатой городской семьи. Хотя ее отец считается образованным, интеллигентным человеком, однако это не мешает ему сохранять в доме патриархальные порядки. Не удивительно, что соответствующие условия воспитания сделали Нирмалу покорной и бессловесной. Она принимает как должное, что ее судьбой полностью распоряжаются родители. Удел героини романа с юных лет и до последнего дня жизни — безропотное повиновение сначала родителям, а затем мужу.

История жизни Нирмалы является в целом типичной и глубоко

правдивой картины. Покорность и смирение индийской женщины были следствием ее полнейшего бесправия. Но все-таки, несмотря на то, что человеческое достоинство Нирмалы ежечасно попирается, она обладает нежным и чутким сердцем, способна на высокие и сильные чувства. Беда только в том, что суровая действительность не оставляет возможностей для проявления и развития лучших качеств женской души.

В таком свете предстает основной конфликт романа — конфликт между личностью и обществом.

За внешней бесстрастностью и замкнутостью героини скрывается ее богатый внутренний мир. На раскрытии духовного облика Нирмалы писатель и концентрирует свое внимание.

Здесь, как и в других своих произведениях, Прем Чанд очень широко использует прием психологической характеристики образа. Подробно объясняя психологические мотивы поступков героини, автор добивается исключительной жизненности персонажа и вместе с тем привлекает к нему симпатии читателя. В таком повышенном интересе к духовному миру простых людей находил яркое выражение активный целеустремленный гуманизм писателя, мечтавшего о социальной справедливости.

При всей правдивости каждого из жизненных фактов, описанных в романе, нельзя не заметить некоторой искусственности в композиционном построении этого сравнительно небольшого произведения: неизменно трагический исход острых конфликтов, иногда мало оправданные совпадения. Ошибкой было бы сделать вывод, что автор прибегал к этому ради придания сюжету занимательности и для общей напряженности действия. Правда, он в какой-то степени отдал дань сентиментальным вкусам части индийской читающей публики. Однако главная причина этого заключается в его стремлении как можно более многосторонне обрисовать печальную женскую долю. События происходят в романе не ради самих событий. Они играют явно второстепенную роль и предназначаются только для того, чтобы с какой-то новой стороны раскрыть внутренний облик главной героини.

В скорбных и суровых тонах выдержан стиль романа. В нем нет ни цветистости, ни напыщенности. Показывая судьбы героев, Прем Чанд ограничивается анализом фактов, внешне почти ничем не выражая своего отношения к ним. Но художественное воздействие этого произведения не оставляет никаких сомнений в том, на чьей стороне симпатии автора.

Советский читатель, знакомясь по роману с жизнью простых людей Индии тех дней, по достоинству сумеет оценить реалисти-

ческую сущность и гуманистический дух творчества крупнейшего индийского писателя.

Дело освобождения Индии от колониального ярма, за которое оружием слова активно боролся и Прем Чанд, ныне успешно победило. Индийский народ, создающий новую жизнь, высоко чтит память своего великого сына. Творчество Прем Чанда перешагнуло границы Индии и стало теперь достоянием всего человечества, помогая крепить взаимопонимание и братство между народами. Его произведения могут оказать неоценимую услугу всякому, кто хочет лучше узнать недавнее прошлое Индии, кто стремится ближе познакомиться с простыми людьми этой страны.

В. Балин

ПРАЗДНИЧНАЯ ЯРМАРКА

1

Сегодня, после целых тридцати дней рамазана¹ наступил праздник ид². Какое чудесное, какое замечательное утро принес он с собой! Деревья сегодня удивительно зелены, поля — удивительно великолепны, небо залито удивительным багрянцем. Посмотрите на солнце: оно сегодня тоже на редкость ласковое и нежаркое, словно поправляет мир с праздником. А какое оживление в деревне! Все готовится к праздничной ярмарке. У одного на рубашке оторвалась пуговица, и он бежит к соседям за иголкой с ниткой. У другого ссохлись башмаки, и он спешит к торговцу за маслом, чтобы смазать их. Скорей, скорей!.. Не забыть бы пораньше задать корм быкам: ведь пока вернешься с ярмарки, и полдень наступит. Дорога не близкая — три коса³ идти пешком, да сколько знакомых надо повидать! Нет, раньше полудня никак не вернуться.

Больше всех радуются дети. Иной и постился всего один день, да и то лишь до полудня, другой и этого не делал, но идти на веселый праздник собираются все, это их законное право. Посты — обязанность старших, стариков. А дело ребят — праздник. Сколько они мечтали

¹ Рамазан — девятый месяц лунного мусульманского года; у мусульман — месяц поста.

² Ид — мусульманский праздник в ознаменование конца поста.

³ Кос — мера длины, равная примерно 3,5 км.

об этом дне! И вот, наконец, он наступил. Конечно, ребятишкам не терпится: и почему так долго собираются эти взрослые? Ведь малышам нет дела до домашних забот! Им все равно: есть в доме молоко и сахар для праздничного угощения или нет. Они знают, что без сладостей не останутся. Им невдомек, почему отец сломя голову бежит к дому старосты Каяма Али. Разве им известно, что стоит сегодня старосте только взглянуть косо, как праздник ид превратится в мухаррам¹.

Сегодня карманы малышей набиты несметными богатствами. Сам бог Кубера² может им позавидовать. Они то и дело достают свои сокровища, пересчитывают их и, довольные, снова прячут. Вот считает Махмуд: одна, две... десять... двенадцать! У него двенадцать пайс!³ У Мохсина: одна, две, три... восемь, девять...—целых пятнадцать! Ах, сколько на них можно купить игрушек, сластей, свиштушек, мячиков — всего и не перечесть!

Но больше всех радуется Хамид, робкий, тщедушный мальчонка лет четырех-пяти. В прошлом году холера унесла его отца, а вскоре умерла и мать, неизвестно отчего день ото дня все больше и больше худевшая. Никто так и не узнал, чем она болела. Да если бы она и захотела рассказать, кого бы это интересовало? Затаив глубоко в душе все, что ее мучило, женщина молча терпела, а когда терпеть не стало сил, распрощалась с этим миром. Теперь Хамид нашел свое счастье в объятиях бабушки Амины. Он знает, что его отец ушел на заработки и принесет мешки денег. А мать отправилась к доброму аллаху за хорошими подарками для Хамида. Поэтому мальчик и счастлив. Великая вещь надежда, да к тому же еще надежда детского сердца! И горчичное зернышко за гору примешь!

Хамид бос, на голове у него старая шапка с почерневшей вышивкой, но он счастлив. Вот вернется с мешками денег отец и с подарками мать, тогда все его заветные желания сбудутся. Пусть-ка тогда и Махмуд, и Мохсин, и Нуре, и Самми поломают себе головы: где достать столько денег!

¹ Мухаррам — первый месяц лунного мусульманского года, время траурных религиозных церемоний, связанных с гибелью правнуков пророка Мухаммеда.

² Кубера — по индуистским верованиям, бог богатства.

³ Пайса — мелкая медная монета; раньше в рупии было 64 пайсы, с 1957 года — 100 пайс.

Несчастливая Амина сидела в своей хижине и плакала: сегодня праздник ид, а у нее в доме ни зернышка, только мрак да отчаяние. Был бы жив Абид, разве так встречали бы они этот день? И кому он нужен, этот проклятый праздник? Нет, в ее доме никто не звал его. Пожалуй, только Хамид! Умер ли кто, жив ли,— ему пока все равно. На сердце у мальчика светло, жизнь перед ним полна радости и надежд. И никакое несчастье не устоит перед сияющим взором мальчугана.

Хамид прибежал домой.

— Не бойся, бабуся, я вернусь раньше всех. Не бойся!

Но на сердце у Амины беспокойно. Все деревенские ребята идут со своими отцами. А у Хамида только бабушка. Как его отпустить одного на ярмарку? А вдруг потеряется в толпе? Нет, Амина так его не отпустит. Ах, голубчик! Да как же он пойдет за целых три коса? Ведь в кровь изобьет ножонки. Башмаков-то нет! Она сама понесла бы его на руках, но кто же тогда будет готовить праздничное угощение? Были бы деньги, так на обратном пути купила бы все необходимое и быстро приготовила. А здесь раздобывать еще надо. Надежда только на то, что кто-нибудь займы даст. Недавно ей повезло: подработала шитьем. Получила восемь анн¹. Эту монету в полрупии она берегла к нынешнему празднику как зеницу ока. Но вчера пристала жена пастуха... Что тут будешь делать? Мальчик и так ничего хорошего не видит, нельзя же отказать ему и в молоке. Хоть на две пайсы да надо брать. И осталось сейчас у Амины всего две анны. Три пайсы из них у Хамида в кармане, остальные пять — в тряпочке у нее. Вот и весь капитал. А праздник-то какой!.. Ид!.. Аллах милостивый, спаси и помилуй!.. Придет и жена дхоби², и жена цирюльника, и жена метель-

¹ Анна — денежная единица; прежде в анне было 4 пайсы, теперь — 25.

² Согласно древним индийским законам, население Индии делилось по сословиям на четыре касты, или варны: брахманы — жрецы, священнослужители; кшатрии — воины и правители; вайшьи — торгово-ремесленное сословие; шудры — земледельцы. Три первые касты считаются высшими; шудры — низшей, угнетенной кастой, фактически лишенной всяких прав. По мере усиления процесса разделения труда внутри каст в свою очередь происходило деление по смежным профессиям. В результате индийское общество оказалось поделенным на множество каст или, вернее, подкаст. Дхоби — каста прачек — принадлежит к шудрам; в Индии стиркой белья занимаются преимущественно мужчины.

щика, и жена ювелира. Всех надо угостить, притом как следует, не то обидятся. Впрочем, разве спрячешься от них? Да и что толку прятаться? Такой праздник раз в году бывает. Живи честно, и судьба к тебе будет милостива. Перебьемся как-нибудь и теперь. Дай только бог здоровья мальчику!

Наконец все собрались и двинулись из деревни. Среди других ребят шел и Хамид. Дети то гурьбой убегали вперед, то останавливались где-нибудь под деревом, поджидая взрослых: и почему они так медленно ползут? У Хамида на ногах словно выросли крылья. Разве он мог устать?

Скоро и город. По обеим сторонам дороги тянулись сады богачей, огороженные каменными стенами. На ветках деревьев — плоды манго и личи. То и дело кто-нибудь из ребят поднимал с дороги камень и бросал его, стараясь сбить манго. Тут же из сада с руганью выбегал садовник, но мальчики обычно были уже далеко и весело смеялись над своей шалостью.

Начались высокие дома. Вот суд, вот колледж, вот клуб... Сколько ребят, наверно, учится в таком большом колледже!.. Но там не только ребята. Есть и взрослые. Правда... У них усы, огромные-преогромные!.. Такие старые, а все еще учатся... Сколько же можно учиться?.. И что они будут делать, такие ученые?.. В деревенской школе, куда ходил Хамид, училось несколько переростков. Глупые такие, бездельники. Им каждый день от учителя доставалось... Вот и здесь, наверно, такие же учатся...

— Я слышал, что в клубе колдуют... — обратился он к приятелям. — Говорят, там черепа покойников бегают, и еще представления разные бывают, только никого туда не пускают... Там по вечерам сахибы¹ играют... Взрослые люди, с бородами, с усами, а играют... И мэм-сахибы² тоже играют. Правда, правда!.. Моей бабушке если дать это самое... как ее... ра-а... ке-е... тку! — так она за нее и взяться-то не сумеет. Как замахнется, так и упадет...

¹ Сахиб — господин; так называют в Индии европейцев, а также высших чиновных лиц индийского происхождения.

² Мэм-сахиб — госпожа.

— А моя мать и поднять ее не сможет, клянусь аллахом! — сказал Махмуд.

— Ну, что ты! А сколько она мук перемаывает! — возразил Мохсин. — Подумаешь, маленькую ракетку не поднять! Сколько кувшинов одной воды за день переносит! Пять штук только твоей буйволице нужно. Если бы какой-нибудь мэм-сахиб пришлось хоть один кувшин принести, у нее, наверно, в глазах бы потемнело.

— А все-таки бегать она не может и прыгать тоже! — упорствовал Махмуд.

— Прыгать, верно, не может. А вот когда она узнала, что моя корова отвязалась и зашла на поле к старосте, то так побежала, что я и догнать ее не смог. Вот как! — заключил Мохсин.

Шли дальше. Начали попадаться празднично раскрашенные лавки торговцев сладостями. И кто только ест все это?..

— Посмотрите-ка, в каждой лавке горы сладостей! — воскликнул один из мальчиков. — Мне рассказывали, что по ночам в них покупают джинны¹. Отец говорил, один из них в полночь в каждой лавке забирает все, что осталось. А платит настоящими деньгами, совсем такими же...

— Откуда же джинны настоящие, деньги берут? — усомнился Хамид.

— Ты думаешь, у джиннов мало денег? — не замедлил ответить Мохсин. — У кого захотят, у того и возьмут... Ведь их даже железные двери задержать не могут. У них и драгоценных камней много. Тем, кто им угодит, они дарят корзины бриллиантов... Джинны и так могут: вот сейчас он здесь, а через пять минут уже в Калькутте.

— А джинны большие? — снова спросил Хамид.

— Каждый ростом до неба. Стоит на земле, а головой в небо упирается. Но если захочет, то и в кувшин может влезть.

— А как им угодить? — допытывался Хамид. — Сказал бы мне кто-нибудь заклинание, чтобы вызвать джинна, уж я бы сумел получить от него награду!

— Этого я не знаю, — проговорил Мохсин. — А вот у нашего старосты в услужении много джиннов. Если где

¹ Джинн — дух, демон.

кража бывает, так староста сразу скажет, где вор и как его зовут. У Джумрати как-то потерялся тележок. Три дня искали, нигде найти не могли. Что делать? Пошел тогда Джумрати к старосте. А тот сразу сказал, что теленок в загоне, где вся скотина. Верно, там и оказался. Джинны ему рассказывают обо всем, что в мире делается.

Теперь Хамид понял, почему староста такой богатый и почему его так уважают.

Шли дальше... Полицейский участок...

— Это здесь полицейские маршируют?—спросил кто-то.— «На пле-е-е-чо! Отставить!» Бедняги, все ночи напролет ходят по улицам, караулят, чтобы воровства не было...

— Это полицейские-то караулят? Много же ты понимаешь! — возразил Мохсин.— Да они сами помогают воровать. Сколько ни есть в городе воров и разбойников, все с ними заодно. Ночью они говорят ворами: «Воруйте спокойно!», а сами уходят куда-нибудь в другой квартал и кричат там: «Поглядывай! Поглядывай!» Потому-то у них и денег столько. У меня дядя полицейский. Жалованье — двадцать рупий в месяц, а домой присылает пятьдесят. Клянусь аллахом! Я как-то у него спросил: «Дядя, откуда у вас столько денег?» А он засмеялся: «Аллах дает, сынок». А потом сам же и сказал: «Если мы захотим, то денег у нас будут горы. А берем мы лишь столько, чтобы самим не опозориться и службы не лишиться».

— Если они заодно с ворами, то почему же их никто не арестует? — спросил Хамид.

— Эх ты, глупый! — снисходительно пояснил Мохсин.— Кто же их может арестовать? Они сами всех арестовывают. Их только сам бог наказывает. Нечестно нажитое богатство к добру не приводит. Совсем недавно у дяди пожар был. Все дотла сгорело. Ни одного горшка не осталось. Сначала так и ночевал под деревом, клянусь аллахом! Прямо под деревом! Потом где-то занял сто рупий и начал имуществом обзаводиться.

— А сто — это больше, чем пятьдесят? — поинтересовался Хамид.

— Сравнил тоже! Пятьдесят — это одно, а сто — совсем другое. Пятьдесят рупий — это будет целый мешок. А сто и в два мешка не войдет.

Дома теперь стояли близко друг к другу. Начинали попадаться группы людей, направлявшихся к месту празднества. Одни ехали в экипажах, другие — в автомобилях, все благоухающие, разодетые, веселые. А крестьяне, забыв о своих невзгодах, увлекаемые общим радостным возбуждением, шагали все дальше и дальше.

Для детей в городе все было удивительным. Куда ни глянешь — везде интересно, глаз оторвать нельзя. Даже автомобильные гудки, то и дело раздававшиеся сзади, не могли оторвать их от чудесных зрелищ. Хамид так загляделся, что едва не попал под машину.

И вот впереди открылось место, на котором раскинулась ярмарка. Над вымощенной камнем площадкой, покрытой узорчатым ковром, нависли густые, тенистые ветви тамариндов. На площадке — ряды молящихся, один за другим, один за другим, даже там, где уже кончается каменная площадка и нет ковра, видны склоненные фигуры. Впереди места нет, и вновь прибывшим приходится располагаться в задних рядах. Тут не считаются с богатством и положением. Ислам всех делает равными.

Наши крестьяне, тоже совершив священное омовение, встали в последнем ряду молящихся. Что-то захватывающее было в согласованных движениях людей. Сотни голов вместе склонялись в земном поклоне, затем вместе поднимались. Снова сгибались спины, и все молящиеся опускались на колени. Много раз повторялись эти движения, и в каждое такое мгновение казалось, будто сразу вспыхивают, а затем также вместе гаснут тысячи электрических лампочек. Это было бесподобное зрелище. Совместные движения, всеохватывающие и бесконечные, наполняли сердца людей благоговением, гордостью и блаженством, словно всех их связывала единая нить братства.

2

Намаз окончился, и молящиеся начали обниматься. А затем народ повалил к лавкам со сладостями и игрушками.

Наши крестьяне были увлечены не меньше, чем дети...

— Смотри, смотри, качели!.. — кричал один из них. — Садись! Всего одна пайса!.. Кажется, вот-вот то в небо улетишь, то на землю свалишься...

— А карусель-то!— восхищался другой.— Деревянные слоны, кони, верблюды! За пайсу накатаешься — целых двадцать пять кругов!

И Махмуд, и Мохсин, и Нуре, и Самми уселись на коней и верблюдов. Лишь Хамид остался стоять поодаль: ведь у него всего три пайсы. Не может же он отдать треть своих денег только за то, чтобы прокатиться несколько кругов!

Наконец все слезли с карусели и пошли покупать игрушки. Лавки тут же, их целый ряд. Ах, каких только игрушек здесь нет! Солдат и пастушка, раджа и адвокат, водонос, дхоби, садху¹. До чего же красивые игрушки! И как живые, вот-вот заговорят! Махмуд купил солдата в зеленом мундире, с красным тюрбаном, с ружьем на плече — того и гляди стрелять начнет! Мохсин облюбовал водоноса... Водонос согнулся — тяжело, на плечах кожаный бурдюк, одной рукой придерживает его... И веселый какой! Наверно, песню поет... А из бурдюка-то, смотрите, сейчас вода польется!.. Нуре понравился адвокат с ученым лицом. Черная мантия, под ней белый жилет, в кармане жилета — часы на золотой цепочке... В руке книга, в которой все законы написаны... Так и кажется: еще немного, и адвокат заговорит. То ли речь в суде держать будет, то ли допрос вести...

Каждая игрушка — две пайсы. А у Хамида всего три. Разве может он покупать такие дорогие игрушки? Да и надолго ли они? Стоит игрушке упасть — и разбилась. Вода попадет на нее — вся краска облезет. Ну зачем ему такие игрушки?

— Мой водонос будет каждый день воду носить,— похвастался Мохсин.— Утром и вечером.

— А мой солдат будет дом стеречь. Если вор придет, сразу застрелит!

— А мой адвокат всех засудит!

— А мой дхоби каждый день будет белье стирать!

— Да они все глиняные. Упадут — и разобьются,— пренебрежительно отозвался Хамид.

Однако смотрел он на игрушки с завистью. Ему так хотелось хотя бы поддержать их! Руки сами собой тянулись к ним. Но дети всегда эгоистичны, особенно когда

¹ С а д х у — аскет.

еще не пресытились чем-нибудь. И Хамиду пришлось отказаться от своего желания.

После игрушек наступила очередь сластей. Один купил леденцов, другой — гулаб-джамун¹, третий — халвы. Мальчики с наслаждением жевали сладости. Хамид держался поодаль. У бедняги — три пайсы. Не купить ли и ему чего-нибудь поесть? С завистью смотрел он на товарищей.

— Хамид! — позвал его Мохсин. — Иди, попробуй ре-вари². Вкусно-то как!

Хамид колебался. Пожалуй, это только жестокая насмешка. Мохсин не такой уж добрый. Однако он все же подошел. Взяв с листа леденец, Мохсин протянул его Хамиду. Но только мальчик хотел его взять, как Мохсин положил леденец себе в рот. Махмуд, Нуре и Самми засмеялись, захлопали в ладоши, а Хамид покраснел и смутился.

— Ну, ладно, Хамид, теперь уж обязательно дам. Клянусь аллахом! На, бери.

— Не надо. Разве у меня у самого нет денег?

— Три-то пайсы? Что ты на них купишь? — сказал Самми.

— Попробуй у меня гулаб-джамун, Хамид! — позвал Махмуд. — Мохсин — насмешник.

— Подумаешь, какая невидаль — сладости. А сколько про них в книгах плохого пишут! — проговорил Хамид.

— Ну да? А сам небось думаешь, поел бы, если б дали! Зачем деньги бережешь? — не унимался Мохсин.

— Он, по-моему, хитрит, — обратился к товарищам Махмуд. — Когда мы все деньги истратим, начнет есть и нас дразнить.

За лавками со сладостями начались ларьки с железным товаром и дешевыми украшениями. Ничего интересного для мальчиков здесь не было, и они прошли дальше. Но Хамид, увидев разнообразные щипцы, остановился у скобяной лавки. Он вдруг подумал, что у бабушки нет щипцов, и каждый раз, когда бабушка снимает со сковородки лепешки, она обжигает руки. Вот купить бы щипцы да принести ей! То-то она обрадуется!

¹ Гулаб-джамун — род индийских сладостей, готовятся из молока и сахара.

² Ревари — род индийских сладостей, готовятся на патоке.

Тогда уж ей никогда больше не придется обжигать пальцы. Это будет вещь полезная в хозяйстве. А то — игрушки. Какой от них толк? Понапрасну выброшенные деньги, и только. Да и долго ли игрушкой будешь играть? Ну разок, а потом и глядеть на нее не захочется. Может быть, даже и до дому не донесешь — разобьется... Вот щипцы — ценная вещь!.. И лепешки со сковороды снимай и сковороду на угли ставь! За огнем кто придет — ими сразу можно достать из печки углей. Сама бабушка не купит: когда ей на базар ходить, а потом, где она денег возьмет?.. А ведь каждый день руки обжигает...

Друзья Хамида ушли вперед и пили шербет возле палатки.

«Ишь какие жадные! Столько сладкого накупили, а мне ничего не дали,— размышлял мальчик.— А еще зовут то и дело: «Со мной, со мной поиграй!», «Помоги мне!» Ну, если теперь кто-нибудь попросит помочь, уж я ему скажу!.. Ешьте свои сладости! Вот увидите, во рту начнет гнить, болячки появятся, язык сластеной станет — так и будет вкусненького просить. Тогда начнете дома деньги воровать, а вас за это бить будут... Я уж знаю. В книгах неправды не напишут. Зачем же я свой язык стану портить?.. А как бабушка обрадуется, когда увидит щипцы! Подбежит ко мне, скажет: «Мой мальчик для бабушки щипцы купил!» Потом соседкам покажет. Вся деревня узнает, что Хамид щипцы купил. Вот хвалить начнут! Будут говорить: «Какой хороший мальчик!» А за игрушки разве кто похвалит? А ведь когда взрослые хвалят и призывают благословение аллаха, аллах их сразу слышит... Денег у меня мало, вот Мохсин с Махмудом и хвастаются. А я перед ними тоже психваюсь. Пусть играют игрушками да сладости едят. Мне игрушки не нужны. И ничуть мне не завидно. Пусть я бедный, да ни у кого ничего не прошу. Ведь вернется же когда-нибудь мой папа. И мама тоже придет. Тогда уж я похвастаюсь перед всеми! Спрошу: «Сколько вам игрушек надо?» Каждому куплю по корзине игрушек. Покажу, как с друзьями надо обходиться! Это не то что купить леденцов на пайсу, да и поддразнивать... А вдруг все смеяться будут, что я щипцы купил? Ну и пусть смеются! Мне-то что?..»

— Сколько стоят эти щипцы?— спросил продавца Хамид.

Лавочник обернулся и, не заметив возле мальчика никого из взрослых, ответил:

— Они тебе ни к чему.

— Продаются или нет?

— Почему же не продаются? Зачем бы тогда им здесь лежать?

— Что же не говорите, сколько стоят?

— Шесть пайс.

Хамид немного опешил.

— Да вы не смейтесь! Говорите правду!

— А по правде — пять пайс. Если надо — бери, а не то иди своей дорогой.

Собравшись с духом, Хамид предложил:

— А если за три пайсы?

С этими словами он пошел прочь от лавки, опасаясь, как бы лавочник не начал ругаться. Однако лавочник не рассердился. Он окликнул мальчика и отдал ему щипцы за три пайсы. Хамид положил их на плечо, как ружье, и гордо подошел к товарищам...

Давайте послушаем, что они будут говорить.

Завидев Хамида, Мохсин рассмеялся:

— Да ты с ума сошел! Зачем тебе эти щипцы?

Хамид швырнул щипцы на землю:

— Ну-ка, брось и ты своего водоноса! Пожалуй, не выдержит, развалится на кусочки.

— А разве щипцы игрушка? — поинтересовался Махмуд.

— Почему же не игрушка? Вот положил на плечо — ружье получилось. Взял в руку — стал как факир, они ведь тоже со щипцами ходят. Захочу — щелкать ими начну, музыка будет! А то как размахнусь... Из всех ваших игрушек и дух вон! Им мои щипцы не осилить, как бы ни старались. Это не щипцы, а настоящий храбрый лев!

На Самми слова Хамида произвели впечатление.

— Давай меняться на бубен! — сказал он. — Я его за две анны купил.

Хамид с презрением посмотрел на бубен:

— Если мои щипцы захотят, так брюхо разорвут твоему бубну. Подумаешь — игрушка! Взяли натянули кусок кожи, она и гудит. Намокнет чуточку — и конец.

А мои храбрые щипцы и в огне, и в воде, и против бури — везде устоят.

Щипцы покорили всех мальчиков. Однако денег ни у кого уже не было, да и от ярмарки они отошли порядочно. Было уже далеко за девять часов, солнце начинало припекать. Надо было быстрее возвращаться домой. Даже если как следует пристать к отцу, все равно уже было невозможно купить щипцы. Ну и пронира же этот Хамид. Вот почему, оказывается, он берег деньги!

Теперь дети разделились на две группы. В одной были Мохсин, Махмуд, Самми и Нуре. Против них был один Хамид. Начались споры. Самми оказался отступником и перебежал к противнику. Оставшиеся верными друг другу Мохсин, Махмуд и Нуре, хотя и были на год-два старше Хамида, не могли устоять против него. На стороне малыша была сила правды и логики. Глине противостояло железо, непобедимое и губительное, которое сейчас считало себя сталью. Если вдруг нападет лев, то водонос задрожит от страха, солдат бросит свое глиняное ружье и убежит, и господину адвокату плохо станет: спрячет голову под мантию и прижмется к земле. А храбрые щипцы — настоящий индийский Рустам!¹ — бросятся на льва и вырвут ему глаза!..

Хамид пустил в ход последний аргумент:

— Водоносу пригрозить, так он бегом побежит за водой и станет у дверей поливать.

Мохсин был повержен, но на помощь пришел Махмуд:

— Если твои храбрые щипцы схватить, связать да привести в суд, так они сразу повалятся в ноги господину адвокату.

Хамид не нашелся что ответить на такой сильный довод и спросил:

— А кто нас может схватить?

— Вот этот солдат с ружьем, — гордо сказал Нуре.

— Этот несчастный солдатик схватит моего храброго индийского Рустама? — насмешливо проговорил Хамид. — А ну давай его сюда, пусть они поборются.

¹ Рустам — знаменитый герой персидского эпоса, образец мужества и отваги.

Да солдат убежит, как только Рустама увидит! Схватит, дожидайся!

Мохсин нацел новый удар.

— Твои щипцы каждый день будут в огне гореть!

Он думал, что Хамид не сумеет возразить. Однако этого не случилось.

— Эх, ты! В огонь ведь только храбрые прыгают,— тотчас ответил мальчик.— Ваш адвокат, солдат и водонос будут дома прятаться, как английские леди. Не каждый в огонь прыгнет. Это может только мой индийский Рустам.

Тогда снова заговорил Махмуд:

— Господин адвокат будет сидеть на стуле, за столом, а твоим щипцам так и валяться в кухне на полу!

Этот довод придал силы Самми и Нуре... Молодец Махмуд, здорово сказал!.. Конечно, что еще делать щипцам как не валяться в кухне?

Не найдя подходящего ответа, Хамид стал задираться.

— Мои щипцы на кухне валяться не будут! Если господин адвокат сядет на стул, то они сбросят его на землю, а его законы загонят ему в живот!

Ответ был так себе, пустым бахвальством. Однако слова о законах, загнанных в живот, подействовали, и подействовали настолько сильно, что трем растерявшимся смельчакам ничего не осталось как молча переглянуться. Это было похоже на победу какого-нибудь маленького воздушного змея, летающего на тонкой нитке, над большим змеем, привязанным на заговоренный шнурок... Законы, как известно, появляются у кого-то изо рта. Загнать их в живот — вещь хотя и необыкновенная, но, если подумать как следует, не такая уж невозможная... Хамид победил. Теперь и Мохсин, и Махмуд, и Нуре, и Самми — никто не сомневался, что его щипцы — настоящий индийский Рустам.

Почести победителю, которые вполне естественны со стороны побежденных, пришлось испытать и Хамиду. Его приятели истратили денег по три, по четыре анны, а ничего полезного не купили. Хамиду же и трех пайс хватило, чтобы всем нос утереть. Действительно, что толку от игрушек? Сразу же разобьются. А вот щипцам у Хамида ничего не сделается много лет!

Начались переговоры об условиях мира.

— Дай-ка мне немножко твои щипцы подержать,— попросил Мохсин.— Вот, поиграй моим водоносом.

Предложили свои игрушки и остальные.

Хамид не возражал против таких условий. Каждый по очереди подержал его щипцы. А игрушки товарищей тоже побывали в руках мальчика... Какие красивые это были игрушки!..

Хамид решил утешить побежденных.

— Я ведь вас нарочно дразнил,— сказал он.— Разве сравнить железные щипцы с вашими игрушками? Они как живые: вот-вот заговорят!

Однако утешение не подействовало. Щипцы окончательно завладели воображением детей — приклеенную марку уже не смыть водой.

— Да-да... А похвалит ли нас кто-нибудь за игрушки? — усомнился Мохсин.

— Ишь чего захотел! — воскликнул Махмуд.— Смотри как бы еще не попало! Мать обязательно скажет: неужели вы на ярмарке не нашли ничего лучше этих глиняных игрушек?

Хамиду пришлось согласиться, что ни одна из матерей не обрадуется игрушкам так, как его бабушка, когда увидит щипцы. Ведь у него было всего три пайсы! И уж конечно совсем не приходится жалеть о том, куда они израсходованы. К тому же щипцы стали индийским Рустамом и падишахом над всеми игрушками!

На обратном пути Махмуд захотел есть. Отец дал ему бананов. Махмуд поделился только с Хамидом. Остальные глотали слюнки. Вот что значат щипцы!

3

В одиннадцать часов деревня огласилась радостными возгласами:

— С ярмарки пришли!..

Маленькая сестренка Мохсина, припрыгивая от восторга, подбежала к брату и начала вырывать у него из рук водоноса. Водонос упал и тут же обрел небесное царство. Брат кинулся на сестру, началась драка. Оба заревели. На шум подросла мать и, рассердившись, добавила каждому еще по тумаку.

У адвоката конец был более славный, как это и подобает столь достойной особе. Адвокат не может сидеть на полу или на обычной полке в стенной нише. С его достоинством надо считаться! И в стену были вбиты два гвоздя. На них положена дощечка, которую покрыли ковром из листика бумаги, и господин адвокат важно уселся на троне, как раджа Бходж¹. Нуре решил обмахивать его веером: в суде ведь бывает прохладно! Там и шторы и электрические вентиляторы. Неужели здесь для него не найдется хоть обыкновенного веера! Над законами-то, пожалуй, попотеешь! Нуре схватил бамбуковый веер и принялся махать им перед адвокатом. И кто знает: то ли игрушку сдуло, то ли мальчик задел ее веером, но только господин адвокат с небес олаженства мгновенно перенесся в царство мертвых, и его глиняная мантия рассыпалась по глиняному полу. Смерть господина адвоката была горько оплакана, а затем его останки выкинуты на помойку.

Оставался еще солдат у Махмуда. Ему сразу же было приказано охранять деревню. Но ведь полицейский солдат не простой смертный, чтобы ходить своими ногами. Его следует носить в паланкине!.. Взяли корзинку, постелили на дно несколько старых красных лоскутков, чтобы господину солдату было поудобнее, и Махмуд, подняв эту корзинку, начал расхаживать с ней возле дверей своего дома. А два младших его братишки, не отставая ни на шаг, следовали за «паланкином» и кричали вместо солдата: «Посматливай! Посматливай!!» Но ведь ночью должно быть темно!.. И Махмуд споткнулся... Корзина упала, солдат с ружьем выпал на землю и сломал ногу. Махмуд тотчас вообразил себя известным врачом. У него есть особый пластырь, благодаря которому сломанная нога моментально прирастет. Нужен только фиговый сок. Соку раздобыли, стали приклеивать ногу. Но лишь только солдата поставили, как нога снова отвалилась. Операция не удалась. Тогда у солдата отломали и другую ногу. По крайней мере хоть сидеть удобно: ведь с одной-то ногой ни сидеть, ни ходить! Солдат превратился в саньяси². Сидит на своем месте и караулит. Тюрбан его по-

¹ Раджа Бходж — популярный в Индии легендарный персонаж, известный своей щедростью и великодушием.

² Саньяси — святой, отшельник.

царапался. Теперь солдата можно вообразить кем угодно. Иногда он бывает статуей божества. Время от времени его используют и вместо гири.

Теперь послушайте о том, что было с Хамидом.

Заслышав знакомый голосок, Амина выбежала из дома и, прижав мальчика к груди, начала его целовать. Вдруг она увидела у него в руке щипцы и удивленно спросила:

— Откуда это?

— Купил.

— За сколько?

— За три пайсы.

Амина горестно ударила себя кулаком в грудь. Вот глупый мальчишка! Уже полдень, а он еще ничего не ел. И купил-то что! Щипцы!!

— Неужто на всей ярмарке ты ничего не нашел, кроме этих железных щипцов?! — воскликнула она.

— Ты пальцы жжешь о сковородку, вот я их и купил, — виновато проговорил мальчик.

Гнев старухи мгновенно сменился нежностью. Это была не та показная нежность, которая целиком расстрачивается в словах. Это была нежность безмолвная и в то же время наглядно ощутимая, нежность любвеобильная и благодатная. «Как бескорыстен, как добр и умен мальчик! — думала Амина. — Как, наверно, завидовал он другим детям, когда они покупали игрушки и ели сладости! И как только он сумел сдержаться! Ведь помнил все время о своей старой бабушке!..» Сердце Амины разрывалось от переполнивших ее чувств.

И случилась еще одна удивительная вещь, еще более удивительная, чем эта история со щипцами. Маленький Хамид вел себя как умудренный жизнью старец, а старуха Амина превратилась в маленькую девочку: она заплакала. Обняв Хамида, бабушка благословила его. Из глаз ее катились крупные слезы. Могли догадаться Хамид о причине этих слез?

КОЛОДЕЦ ТХАКУРА

1

Отвратительный запах ударил в нос Джокху, когда он поднес кружку с водой к губам.

— Что это за вода? — сердито спросил он жену. — Ее же нельзя пить: она воняет! У меня горло пересохло от жажды, а ты поишь какой-то гадостью.

Ганги ходила за водой раз в день, вечером. Чаше ходить было тяжело: колодец находился далеко. Эту воду она принесла вчера, и вода не имела никакого запаха. Откуда же он появился сегодня? Ганги понюхала воду: в самом деле, пахло падалью. Наверно, какое-нибудь животное упало в колодец и подохло там. Но где взять другую воду?

Разве ей разрешат подойти к колодцу тхакура? ¹ Даже близко не подпустят — обругают. Правда, есть еще один колодец, на другом конце деревни — колодец саху ². Но и там никто не позволит набрать воды. А больше колодцев в деревне нет.

Джокху болеет уже несколько дней. С трудом подавляя жажду, некоторое время он лежит молча. Но вскоре начинает снова:

— Сил моих нет терпеть. Дай воды. Зажму нос, может быть, как-нибудь и проглочу.

¹ Т х а к у р — землевладелец, помещик.

² С а х у — ростовщик, лавочник.

Но Ганги не дала ему пить. Она понимала, что от плохой воды больному станет хуже. Бедняжка не знала, что испорченная вода становится безвредной от кипячения.

— Что ты, эту воду нельзя пить! — воскликнула Ганги. — Кто знает, какое животное сдохло в колодце. Я сейчас принесу тебе свежей.

— Откуда ты ее возьмешь? — удивился Джокху.

— Ведь есть же в деревне еще колодцы — у тхакура и саху. Неужели мне не позволят набрать хоть кружку воды?

— Ничего ты там не получишь. Только избыют тебя, переломают руки и ноги. Сиди уж лучше дома. Божественные брахманы проклянут тебя. Тхакур отколоти палкой, а саху увеличит долг раз в пять. Разве кто-нибудь понимает страдания бедняков? Даже если мы будем умирать, никто к нам не заглянет, где уж тут говорить о помощи. Думаешь, такие люди дадут воды из своего колодца?

Это была горькая правда. Что могла ответить Ганги? Но все же она не позволила Джокху пить вонючую воду.

2

Было девять часов вечера. Уставшие за день труженики давно уже спали. У ворот тхакура собралось несколько бездельников. Не храбрость в бою была темой их разговора: времена воинской доблести давно прошли. Разговор шел о победах в судебных тяжбах. Вспомнили, как искусно тхакур дал взятку полицейскому инспектору и вышел сухим из воды в одном щекотливом деле, с какой ловкостью достал он копию с какого-то очень важного судебного документа! И судебный пристав и следователь единодушно утверждали, что эту копию получить невозможно. Один требовал пятьдесят, другой — сто рупий, а тхакур раздобыл-таки ее, не затратив при этом ни пайсы. Да, надо уметь обделывать свои дела!

Как раз в это время Ганги подошла к колодцу, чтобы набрать воды.

Светильник, укрепленный на краю колодца, бросал тусклый свет, и Ганги, спрятавшись в тени, стала ждать удобного момента.

Вся деревня пьет воду из этого колодца. Никому нет запрета. Только они, несчастные, не могут им пользоваться¹. В сердце Ганги поднялась волна гнева против освященных традицией кастовых запретов и ограничений.

«Почему мы плохие, а эти люди — благородные? — думала она. — Только потому, что у них на шее священный шнурок?»² Ведь они как на подбор — один лучше другого! И крадут, и обманывают, и затевают несправедливые тяжбы. Совсем недавно этот тхакур украл овцу у бедного пастуха, зарезал ее и съел. В доме уважаемого пандита³ круглый год играют в азартные игры. А саху продает топленое масло, смешивая его с растительным. Они заставляют нас работать, а когда дело доходит до платы, для них это хуже смерти. Чем же они лучше нас? Глоткой, что ли? Мы не кричим на каждом перекрестке, что мы благородные... А какими похотливыми глазами они смотрят на меня, когда я иду по деревне! И еще гордятся — мы благородные!»

Послышались шаги. Кто-то шел к колодцу. Сердце Ганги тревожно забилося: беда, если ее увидят здесь! Несколькими пинками дело не обойдется! Схватив кувшин и веревку, она отбежала от колодца и спряталась в густой тени дерева. «Разве способны эти люди пощадить кого-нибудь? — мелькало у нее в голове. — Они так избили беднягу Махангу, что он несколько месяцев харкал кровью. И только за то, что тот не согласился бесплатно работать! А еще строят из себя благородных!»

К колодцу подошли две женщины. Набирая воду, они продолжали разговаривать:

¹ Членам низших каст в Индии запрещено пользоваться общим колодцем.

² Священный шнур носили только представители трех высших каст, которых называли дваждырожденными. Они могли получить образование, а это расценивалось как второе, духовное, рождение.

³ П а н д и т — титул ученого брахмана.

— Хороши, а? Сами ужинать сели, а мне приказали принести свежей воды! Видите ли, в доме нет денег, чтобы купить глиняный кувшин для воды!

— Мужчины не могут спокойно смотреть на нас, когда мы без дела сидим. Для них это нож острый.

— Это уж точно. Нет чтобы взять кувшин да самим сходить за водой! Куда там! Только приказывают! Точно мы служанки какие.

— А кто же ты в доме? Разве тебя не кормят, не одевают? К тому же еще и украдешь иногда несколько рупий. Чем ты не служанка?

— Не стыди меня, сестрица. Если бы ты знала, как хочется отдохнуть! Ведь работай я столько в другой семье, жила бы куда спокойней. Да и муж, пусть внешне, был бы мне благодарен. А здесь, хоть умри за работой, благодарности не дождешься.

Набрав воды, женщины удалились. Ганги вышла из своего укрытия и приблизилась к колодцу. У ворот тхакура уже никого не было — бездельники разошлись. Сам тхакур, заперев ворота, ушел в глубь двора спать. Ганги облегченно вздохнула. Теперь ей ничего не мешало. Вероятно, сам сказочный принц, добывая амриту¹, не действовал так обдуманно и с такими предосторожностями, как это делала Ганги. Нет, никогда Ганги не испытывала такого ощущения победы, как сейчас. Она бесшумно взобралась на край колодца, обвязала горлышко кувшина веревкой и настороженно осмотрелась по сторонам, словно солдат, пробирающийся ночью в крепость врага. Если ее сейчас поймают, не будет никакой надежды на пощаду или снисхождение, она это знала. Женщина обратилась к богам с горячей молитвой и, ободрившись, опустила кувшин в колодец.

Казалось, прошла целая вечность, пока сосуд погрузился в воду. Не раздалось ни единого всплеска. Ганги потащила веревку вверх, быстро перехватила ее руками. Вот уже показалось горлышко кувшина. Никакой силач не смог бы вытащить кувшин с такой быстротой.

Женщина нагнулась, чтобы взять кувшин, как вдруг в доме тхакура скрипнула дверь. Даже хищная пасть тигра не была для Ганги сейчас страшнее, чем эта

¹ Амрита — напиток бессмертия.

дверь... Веревка выскользнула из ее рук. Кувшин с грохотом полетел в колодец, и внизу послышался всплеск воды.

— Эй, кто там? Кто там?! — закричал тхакур, приближаясь к колодцу, а Ганги, спрыгнув на землю, бросилась бежать.

Вернувшись домой, она увидела, что Джокху жадно пьет из кружки вонючую воду.

ТРУС

1

Имя юноши было Кешав, девушку звали Премой. Оба учились в одном и том же колледже, в одном и том же классе. Кешав был человеком новых взглядов, противником кастовых ограничений, тогда как Према глубоко верила в справедливость древних законов и традиций. И все же они горячо полюбили друг друга. Об этом знал весь колледж. Кешав принадлежал к касте брахманов. Своей женитьбой на Преме, девушке из касты вайшья, он надеялся претворить в жизнь те идеи, приверженцем которых считал себя¹. Его не беспокоило, как посмотрят на это родители. Рассуждения о семейной чести представлялись ему какой-то комедией. В мире для него существовала одна истина — Према. Но Према считала невозможным сделать хотя бы шаг против родительской воли и семейных традиций.

Был вечер. Кешав и Према сидели друг против друга на зеленой траве в уединенном месте парка Виктории. Все гуляющие уже разошлись, и они остались одни.

¹ Согласно древним индийским законам, браки между членами различных каст строго запрещались.

Они сидели здесь уже давно и никак не могли договориться.

— Значит, ты совсем не думаешь обо мне, — раздраженно говорил Кешав.

— Ты несправедлив ко мне, Кешав! — пыталась успокоить его Према. — Я просто не знаю, как сказать об этом родителям. Они придерживаются старых обычаев. Ты даже представить себе не можешь, как они будут напуганы и обеспокоены, когда услышат от меня все это.

— Неужели ты тоже раба этих старых обычаев? — сердито спросил Кешав.

Большие красивые глаза Премы смотрели на юношу с нежной любовью.

— Нет, я не раба их, но волю родителей я почитаю выше всего.

— Но разве твоя собственная воля ничего не значит?

— Думаю что хочешь.

— А я-то считал, что эти бредни годятся только для глупцов, но оказывается, даже такие образованные, как ты, преклоняются перед ними. Ради тебя я готов отказаться от всего на свете, а потому надеюсь, что и ты способна на это.

«Разве я имею право распоряжаться собой? — подумала Према. — Разве могу я делать что-либо против воли родителей? Ведь они дали мне жизнь, вырастили и воспитали меня!»

Вслух она кротко сказала Кешаву:

— Неужели любовь должна быть только чувственной? А дружба? Я понимаю любовь как единение душ.

— Према! Своими философскими рассуждениями ты сведешь меня с ума! — воскликнул Кешав. — Пойми же, для меня лучше умереть, чем жить без надежды. Я материалист и не могу испытывать наслаждение в мире фантазий.

Он схватил руку Премы и попытался привлечь девушку к себе. Но Према высвободилась резким движением.

— Нет, Кешав, я уже сказала тебе, что не вольна в своем выборе. Не требуй от меня того, на что я не имею никакого права.

Если бы Према сурово отчитала юношу, то и тогда ему не было бы так тяжело. Некоторое время Кешав

сидел понурившись, потом встал и с глубоким отчаянием произнес:

— Дело твое!

Медленно, едва поднимая ноги, он пошел прочь. Оставшись одна, Према залилась слезами.

2

Вечером, после ужина, Према легла вместе с матерью спать, но не могла заснуть. Слова Кешава лежали у нее на сердце, как тень на зыбкой воде. Значение этих слов менялось для нее каждое мгновение. Она не могла придать им устойчивую форму. Что, если рассказать об этом матери? Но стыд не давал ей раскрыть рта. «Что останется в моей жизни,— думала она,— если я не выйду замуж за Кешава? Но разве это зависит от меня?» Однако она приняла твердое решение — не выходить замуж ни за кого, кроме Кешава.

— Ты до сих пор не спишь? — удивилась мать. — Сколько раз говорила, чтобы ты хоть что-нибудь делала по хозяйству, но из-за этих книжек у тебя совсем нет свободного времени. Скоро ты уйдешь в чужой дом; кто знает, в какую семью попадешь. Если не привыкнешь работать сейчас, в доме родителей, как будешь жить у чужих?

— Зачем же я пойду в чужой дом? — наивно спросила Према.

Мать улыбнулась.

— Для девушки это самое большое несчастье, дочка. Воспитывается она, не зная нужды и горя, у отца с матерью, а как только становится взрослой, уходит в чужую семью. Попадется хороший муж — жизнь пойдет счастливо, а не повезет — в слезах придется проводить дни. Все зависит от судьбы. В нашей общине нет ни одной семьи, которая нравилась бы мне. Нигде нет уважения к молодым женам. Но выдавать-то замуж придется среди своих. Бог весть когда исчезнут эти кастовые запреты!

Према, сама пугаясь своей смелости, сказала:

— Случается, что женятся и из разных каст.

Сказать-то сказала, но сердце тревожно забилося в груди: а что если мать догадается?

— Неужели бывает такое среди индусов?— с недоверием спросила мать и тут же сама ответила: — Ну а если и бывает, так что ж из того?

На это Према ничего не сказала. Она боялась, как бы мать не разгадала ее мысли. Будущее представлялось ей страшным чудовищем, стоящим перед ней с раскрытой пастью и готовым проглотить ее.

Она не помнила, как заснула.

3

Когда утром Према проснулась, она ощутила в душе удивительное мужество. Все важные решения мы обычно принимаем внезапно, словно какая-то посторонняя сила толкает нас на это. Так же было и у Премы. До вчерашнего дня она считала своим долгом подчиняться воле родителей. Но когда она увидела, что находится в безвыходном положении, у нее появилась такая же сила, как у ветра, на пути которого встала гора. Этот прежде слабый ветер с огромной быстротой взбирается на вершину горы и, перевалив через нее, достигает противоположного склона. «Пусть моя плоть принадлежит родителям,— думала она.— Ну и что ж? Ведь все, что придется испытать моей душе, испытает и мое тело».

Теперь она считала не только неуместным, но и губительным стыдиться своих чувств. «Зачем мне приносить в жертву свою жизнь ради ложной чести? Замужество, если оно не основано на любви,— простая продажа тела. Неужели возможно отдаться без любви?»— с ужасом спрашивала она себя. Кто знает, за кого могут выдать ее? И сердце девушки восставало при одной этой мысли.

После завтрака она собралась было идти на занятия, но отец ласково остановил ее.

— Вчера я был у директора вашего колледжа, он очень хвалил тебя.

— Вы всегда так говорите,— скромно возразила Према.

— Нет, это правда.

Отец открыл ящик своего стола, достал оттуда портрет в бархатной рамке и показал его Преме.

— Этот юноша лучше всех выдержал экзамен для поступления на индийскую гражданскую службу. Ты, наверно, слыхала о нем?

Старый отец задумал свое вступление так, чтобы девушка не поняла, к чему он клонит. Но Према поняла. Она сердцем почувствовала, с какой целью он начал этот разговор, и ответила, даже не взглянув на портрет.

— Нет, я не знаю его.

— Неужели? — деланно удивился отец. — Ты даже не знаешь, как его зовут? В сегодняшнем номере газеты помещен его портрет и биография.

— Может быть, — сухо ответила Према. — Но я не придаю никакого значения этому экзамену. Я считаю, что люди, которые сдают его, эгоисты с головы до ног. В конце концов, кроме стремления властвовать над своими несчастными, угнетенными братьями и разбогатеть, у них нет никакой другой цели. Разве в этом возвышенный идеал жизни?!

Ее возражение было резким и явно пристрастным. Отец думал, что, услышав лестные отзывы об этом юноше, Према будет от него в восторге. Но получив такой ответ, он насмешливо произнес:

— Ты говоришь так, будто ни богатство, ни власть не имеют для тебя никакой цены.

— Да, я не признаю их ценности, — дерзко ответила Према.

— То-то я вижу, — в том же насмешливом тоне продолжал отец, — как мечутся люди в поисках маленьких должностей. Хотел бы я хоть одним глазом взглянуть на юношу, который способен на такое самопожертвование. Я бы отнесся к нему с уважением.

Возможно, при других обстоятельствах Према, услышав эти слова, от стыда опустила бы голову, но сейчас она была похожа на солдата, за спиной у которого глубокий ров. Для нее не было другого пути — только вперед. Удержавшись от резких слов, но с вызовом в глазах, она ушла в свою комнату, выбрала из фотографий Кешава ту, которая, на ее взгляд, была самой скромной, и молча положила ее перед отцом.

Отец с пренебрежением взглянул на портрет, но внезапно почувствовал симпатию к изображенному на

фотографии юноше. Он был высокого роста, его худощавая фигура свидетельствовала о здоровье и умеренном образе жизни. На первый взгляд лицо молодого человека не казалось очень интеллектуальным, но было в нем что-то такое, что внушало доверие и симпатию.

Рассматривая карточку, отец спросил:

— Кто это?

— Он учится в моей группе.— От смущения Према опустила голову.

— Нашей касты?

Лицо Премы помрачнело. От ответа на вопрос отца зависела ее судьба. В душе она раскаивалась: напрасно принесла она этот портрет. Твердость духа, появившаяся в ней на какой-то момент, исчезла перед этим прямо поставленным вопросом. Сдавленным голосом она ответила:

— Нет, он брахман.

Почувствовав приступ слабости, она вышла из комнаты, словно ей не хватало воздуха, и, прислонившись к стене, заплакала.

Сначала отец рассердился, хотел приказать Преме вернуться в комнату и прямо заявить ей, что не допустит ее дружбы с брахманом. Он подошел к двери, но, увидев рыдающую Прему, смягчился. Он понял, какие чувства вызвал в сердце Премы этот юноша. Старик был сторонником женского образования, но вместе с тем хотел оградить честь семьи. Он готов был пожертвовать всем своим состоянием для достойного жениха дочери, если он принадлежал к их касте, но никогда в жизни ему не могла прийти в голову мысль, что ее избранник будет из другой касты, пусть наиболее благороднейшей и найдостойной. Большого оскорбления он и представить себе не мог.

— С нынешнего дня,— сказал он строгим голосом,— ты прекратишь посещение колледжа. Если вас учат там пренебрегать честью семьи,— это плохая наука.

— Скоро начнутся экзамены,— несмело вымолвила Према.

— Все равно, в колледж ты ходить не будешь,— решительно заявил отец и, уйдя в свою комнату, предался невеселым размышлениям.

Прошло шесть месяцев. Однажды отец Премы, оставшись с женой наедине, сказал:

— Насколько мне удалось узнать, Кешав весьма скромный и умный юноша. Я опасаясь, как бы Према не умерла с горя. Ведь и ты ее уговаривала, и я, и другие — ничто не помогает. Что же делать?

— Ну, поговори с ней еще раз, — обеспокоенно ответила жена. — Только вряд ли тебе удастся добиться толку. Удивляюсь, как только эта нарушительница семейной чести попала в мое чрево!

Отец нахмурил брови и с досадой сказал:

— Это я уже тысячу раз слышал. Но до каких пор нам плакаться о семейной чести? Развязав птице крылья, надеяться, что она будет по-прежнему прыгать в твоём дворе, — наивное заблуждение. Я хладнокровно обдумал все это и решил, что нам придется примириться с нарушением обычая. Я не могу убить Прему ради сохранения семейной чести. Возможно, люди будут смеяться — пусть смеются! Скоро наступит время, когда все эти цепи будут разорваны. Уже и теперь заключаются сотни браков, нарушающих кастовые ограничения. Если цель брака — счастливая жизнь супругов, то мы не можем не считаться с чувством Премы.

Жена раздраженно ответила:

— Чего же со мной советоваться, если ты так решил? Но я предупреждаю, что и близко не подойду к свадебной процессии, даже встречаться никогда не буду с этой девчонкой. Она умрет для меня так же, как умерли другие дети.

— Но что же ты предлагаешь делать?

— Почему не выдать ее за того юношу? Чем он не жених? Через два года закончит образование и вернется в Индию. А что хорошего ожидает Кешава? Самое лучшее — станет клерком в конторе.

— А если Према что-нибудь сделает с собой, что тогда?

— Ерунда. Это ты во всем потакаешь ей. Если она не думает о нас, зачем нам из-за нее бесчестить свое имя? Самоубийство — не шутка. А это все угрозы с ее стороны. Душа — что лошадь, которая не позволит даже руку положить к себе на круп, пока ее не обуз-

дали. Если у девчонки такой тяжелый характер, кто поручится, что она всю жизнь проживет с Кешавом. Она может завтра увлечься другим так же, как сегодня влюбилась в Кешава. Неужели ты хочешь опозориться?

Старик вопросительно посмотрел на жену.

— А что ты будешь делать, если завтра она убежит из дому и выйдет замуж за Кешава? Что тогда останется от твоей чести? Хорошо, если дочь из страха или стыда перед нами будет покорно ждать своей участи. Но если она станет упорствовать, то ни я, ни ты ничего не добьемся.

Матери даже в голову не приходило, что эта история может так ужасно кончиться. Она была настолько ошеломлена, что сначала не могла произнести ни слова. Казалось, приведенный мужем довод лишил ее разума. Но вскоре она, все еще потрясенная, произнесла:

— Странные предположения приходят тебе в голову. До нынешнего дня я никогда и не слышала, чтобы какая-нибудь порядочная девушка вышла замуж вопреки воле родителей.

— Ты не слышала, а я слышал и видел, и ничего в этом нет странного.

— В тот день, когда это произойдет, ты увидишь меня мертвой.

— Я не говорю, что так обязательно должно случиться, но, знаешь, все может быть.

— Уж если этому суждено быть, так лучше нам самим сговорить ее. Раз уж терпеть позор, то почему не уменьшить его тяжести? Позовем завтра Кешава и послушаем, что он скажет.

5

Отец Кешава — правительственный пенсионер — был раздражительным и скупым человеком. Он отводил душу, наслаждаясь показным соблюдением религиозных обрядов. Умом он не отличался, но не признавал ничьих мнений. Старик и сейчас жил в том мире, в котором провел дни детства и юности. Он считал, что наступление новой эпохи приведет к всеобщей гибели, и всеми силами стремился спасти по крайней мере свой дом.

Поэтому, когда однажды отец Премы пришел к нему и, рассказав о дружбе между его дочерью и Кешавом, предложил поженить их, старый пандит вышел из себя. Вытаращив свои тусклые глазки, он воскликнул:

— Вы что, с ума сошли! Что бы между ними ни было, но супругами они стать не могут. Мне кажется, в вас тоже проник дух нового времени!

Отец Премы смиренно ответил:

— Мне самому не нравится их сближение. У меня такие же взгляды на брак, как и у вас, но я уже не в силах что-либо сделать, поэтому и пришел к вам. Вы сами знаете, насколько своевольна нынешняя молодежь. Нам, старикам, трудно стало отстаивать свои принципы. Боюсь, как бы оба они с отчаяния что-нибудь не сделали с собой.

— Что вы говорите, сахиб! — взревел старый пандит, топая ногами. — И вам не стыдно? Я брахман и даже среди брахманов первый: Как бы низко ни пал брахман, он никогда не станет настолько безнравственным, чтобы жениться на дочери лавочника. Это может произойти только в том случае, если у благородных брахманов не останется дочерей. Да как вы посмели говорить мне такое, спрашиваю я вас!

Насколько отец Премы был подавлен, настолько был разъярен пандит. Дело кончилось тем, что отец Премы не смог больше терпеть оскорблений и, проклиная свою судьбу, ушел.

Когда Кешав вернулся из колледжа, пандит немедленно позвал его и строго спросил:

— Я слышал, ты женишься на дочери какого-то торговца. Это правда?

Кешав притворился непонимающим.

— Кто вам сказал?

— Не важно, кто сказал. Я спрашиваю: правда это или нет? Если это правда и ты решил погубить свою репутацию, ищи себе тогда другое пристанище. Ты не получишь и ломаной пайсы из моего состояния. Все, что у меня есть, приобретено мною — кому захочу, тому и отдам. После того как ты так грубо нарушил свой сыновний долг, ты и минуты не имеешь права оставаться в моем доме.

Кешав любил Прему и хотел тайно жениться на ней. Не будет же отец жить вечно! В матери он был уверен:

она противиться не станет. Из любви к Преме он, казалось, был готов перенести любые лишения. Но сейчас он очутился в положении трусливого солдата, который теряет храбрость перед дулом направленного на него ружья и отступает назад. Кешав, подобно многим заурядным юношам, мог разглагольствовать о принципах, клясться в верности им, но на деле он не был способен пойти ради них на жертвы. Кешав хорошо знал характер отца. Если сын будет упрямяться, отец выполнит свою угрозу. Где же тогда Кешав станет жить? Вся его жизнь будет загублена.

И Кешав еле слышно ответил:

— Тот, кто сказал вам это, солгал.

— Значит, это ложь? — спросил отец, испытующе взглянув на него.

— Да.

— Тогда сегодня, сейчас же напиши письмо этому лавочнику. И запомни на будущее: если подобный разговор возникнет снова, я стану твоим злейшим врагом. А теперь довольно, иди.

Больше Кешав ничего не мог вымолвить. Когда он шел из комнаты, ему казалось, что его ноги одеревенели.

6

На другой день Према отправила Кешаву письмо.

«Дорогой Кешав! — писала она. — Когда я узнала, что твой почтенный отец грубо обошелся с моим папой, меня это глубоко обеспокоило. Возможно, он оскорбил и тебя. Мне очень хотелось бы знать, как ты отнесся ко всему этому и что решил делать. С тобой я готова перенести любые трудности. Мне совершенно не нужно богатство твоего отца. Мне нужна лишь твоя любовь, и в этом мое счастье.

Приходи сегодня вечером к нам на ужин. Папа и мама очень хотят встретиться с тобой. Я мечтаю о том дне, когда мы будем связаны нитью, которая не рвется даже при самых тяжелых испытаниях.

Твоя Према».

Наступил вечер, но ответа на письмо не было. Мать то и дело спрашивала, не пришел ли Кешав.

Отец тоже сидел, не спуская глаз с дочери. Так продолжалось до десяти часов вечера. Но не было ни Кешава, ни письма от него.

В голове Премы возникали самые различные предположения. Может, он не имел возможности написать или сегодня у него не было времени прийти. Но завтра Кешав обязательно придет. Она снова перечитала все письма Кешава, написанные им раньше. Какой любовью дышало в них каждое слово, сколько чувства было в них, сколько беспокойства и пылких уверений! Затем она вспомнила слова, которые он сотни раз повторял ей. А сколько раз он плакал перед ней. Нет, с такими доказательствами любви нельзя было отчаиваться! И все же всю ночь девушка не находила покоя.

Утром пришел наконец ответ от Кешава. Дрожащими руками взяла Према письмо и прочла его. Письмо выпало у нее из рук. Казалось, кровь застыла в ее теле. В письме было сказано:

«Мне очень трудно, я не знаю, что ответить тебе,— писал Кешав.— Я хладнокровно и всесторонне обдумал создавшееся положение и пришел к выводу, что в настоящих условиях для меня невозможно пренебречь волей отца. Не считай меня трусом. Я не эгоист, но у меня нет силы преодолеть препятствия, которые возникли передо мной. Забудь все, что было между нами: в то время я и не подозревал об этих препятствиях».

Према глубоко вздохнула, разорвала письмо и выбросила его. В груди у нее что-то кольнуло, из глаз хлынули слезы. Никогда не думала она, что Кешав, избранник ее сердца, может быть таким жестоким. Ей казалось, будто до сих пор она видела какой-то чудесный сон, но вот она открыла глаза — и все исчезло. Если пропала надежда, что еще осталось ей в жизни, кроме отчаяния? Все, что было в ее сердце, она погрузила в лодку, но лодку захлестнуло волной. Откуда же взять ей поклажу для другой лодки? Если утонула та лодка, вместе с ней пойдет ко дну и она.

— Письмо от Кешава? — спросила мать.

Не поднимая глаз, Према ответила:

— Да. Он нездоров.

Что еще могла она сказать? Она сгорела бы со сты-

да, если бы рассказала о жестокости и вероломстве Кешава. На это у нее не хватало мужества.

Весь день Према хлопотала по хозяйству, словно ничто не беспокоило ее. Вечером она накормила всех, поела сама и очень долго играла на фисгармонии.

Но когда настало утро, ее нашли в комнате мертвой. В золотистых лучах утреннего солнца, падавших из окна, ее бледное лицо, казалось, сияло жизнью.

БРЫЗГИ ИЗ-ПОД КОЛЕС АВТОМОБИЛЯ

Не стоит подробно рассказывать о том, как вчера утром, после омовения и молитвы, я украсил лоб тилаком¹, надел священные желтые одежды², сунул ноги в деревянные сандалии, взял под мышку календарь, а в руку толстенную сокрушительницу вражьих черепов и отправился к одному из верующих — ему надо было выбрать благоприятный день для свадьбы³. Дело пахло по меньшей мере рупией, да сверх того угощением! А ведь угостить меня — пустяком не отделаешься! Мелкие чиновники даже не осмеливаются приглашать меня. За один день я съедаю столько, сколько они и за месяц не съедят. В этом отношении торговцы и ростовщики мне больше по душе. Они так настойчиво угощают, так вкусно кормят, и к тому же так обильно, что чувствую себя на вершине блаженства. Приглашения верующих я вообще принимаю только в том случае, если хорошо знаю человека, потому что достаточно хозяину, угощая меня, печально взглянуть, как я тотчас же теряю аппетит. Разве можно жадничать, когда приглашаешь гостя?

¹ Т и л а к, или тика — небольшой круглый значок, который ставится на лбу между бровей либо специальной краской, либо разными мазями. Обычно тилак (тика) служит кастовым знаком брахманов, но может быть и простым украшением, что особенно распространено в последнее время. Здесь: кастовый знак.

² Ж е л т ы е о д е ж д ы — одеяние нищенствующего брахмана — садху.

³ В индуистском календаре указаны дни и часы, благоприятные для начала какого-нибудь дела.

Как бы там ни было, но в подобных случаях трапеза не идет мне на пользу. Благочестивый хозяин должен, наоборот, подбадривать: «Берите, угощайтесь, почтенный Шастри-джи!»¹ Возьмите вот эти замечательные балушахи!»² А я отвечал бы: «Нет, благодарю, не могу больше!»

Ночью прошел сильный дождь, на дороге стояли лужи. Я шел, занятый своими мыслями. Вдруг мимо, разбрызгивая грязь, промчался автомобиль. Несколько капель попало мне в лицо. Я быстро взглянул на платые: ба! Все дхоти³, словно нарочно, сплошь забрызгано грязью. Мало того что одежда испорчена и неизбежны лишние расходы, ведь и тело осквернено! Ну, попадись мне только проезжавший в автомобиле! Уж я его так отделаю, надолго запомнит! Но делать нечего... В грязной одежде к верующему не пойдешь, домой возвращаться тоже далеко — не меньше мили. А прохожие смотрят на меня и зубы скалят. Никогда еще не попадал я в такое глупое положение. Как быть? Домой идти? Но что жена скажет? Однако решение пришло быстро. Я набрал с дюжину булыжников и стал ждать, когда мимо проедет какой-нибудь автомобиль. Я буквально кипел — во мне кричало оскорбленное самолюбие.

Не прошло и десяти минут, как показался автомобиль... Э, да это тот самый!.. Не иначе как в нем со станции едет его владелец... Едва автомобиль поравнялся со мной, я изо всех сил швырнул в него булыжник. У сахиба даже шляпа слетела с головы и упала по ту сторону дороги. Машина замедлила ход. Я снова бросил камень, полетели осколки вдребезги разбившегося стекла. Один из них поцарапал сахибу щеку. Полилась кровь. Автомобиль остановился. Сахиб выскочил из машины, подбежал ко мне и, размахивая кулаками, кричал на ломаном хинди:

— Свинья! Мы тебя отдавай в полиция!

Едва услышав это, я швырнул на землю свой календарь и бросился на сахиба. Миг — и он, как куль, плюхнулся в грязь. Я тотчас же уселся на него верхом

¹ Д ж и — прибавляемая к имени частица, выражающая уважение, почтение.

² Б а л у ш а х и — род индийских сладостей.

³ Д х о т и — национальная мужская одежда, кусок материи, обертываемый вокруг бедер и спускающийся до колен.

и стал так колотить кулаком по шее, что он и головы не мог поднять. Тем временем из машины вышла его жена: туфли на высоких каблуках, шелковое сари, щеки напудрены, губы накрашены, брови подведены,— и начала тыкать в меня зонтиком. Я оставил в покое сахиба и, подняв свой посох, проговорил:

— Вы бы, мэм-сахиб, не лезли в мужские дела. Вдруг и вам достанется! Мне это будет неприятно.

Улучив момент, сахиб вскочил и лягнул меня ботинком. Удар пришелся по колену. Я рассвирепел от боли. Размахнувшись посохом, я ударил сахиба по ногам. Он рухнул наземь, точно срубленное дерево. Мэм-сахиб устремилась на меня с зонтиком. Я спокойно вырвал у нее зонтик и отшвырнул прочь. До этого момента шофер оставался в машине. Теперь он выскочил и налетел на меня с тростью. Я угостил посохом и его. Шофер тоже свалился. Вокруг собралась толпа зевак. Сахиб, не поднимаясь с земли, бормотал:

— Негодяй! Мы тебя отдавай в полиция!

Я снова замахнулся посохом и хотел было огреть сахиба по голове, но он умоляюще сложил ладони:

— Нет, нет, отец! Мы в полицию не идем! Простите!

— То-то же! Про полицию болтать нечего, а не то я поглажу тебя вот этой штукой по башке! Посадят меня самое большее на полгода, зато образумлю тебя как следует. Ишь расселся в машине, обдаёт всех грязью! Ослеп от гордости-то! И видеть не хочет, что по дороге люди ходят!

— Знаете, махарадж¹, вот эти, что в машинах разъезжают, нарочно этак делают,— заговорил один из зрителей.— Окатят прохожего с ног до головы грязью — и смеются. Им весело! Правильно вы сделали, что хоть одного проучили!

— Эй, ты! Слышишь, что народ говорит?— крикнул я сахибу.

Сахиб свирепо взглянул на говорившего:

— Ты неправду говоришь, совсем неправду!

— Видно, тебе мало! — повысил я голос.— Может быть, еще разок угостить дубиной?

— Нет, нет, отец! — взмолился сахиб.— Он правильно говорил, правильно. Я теперь очень доволен.

¹ Ма х а р а д ж — почтительное обращение к брахману.

— Сейчас он что угодно скажет! — заметили в толпе. — А сядет в автомобиль, опять свое начнет. Это уж так заведено. Стоит кому-нибудь сесть в машину, как он сразу становится важным господином!

— Пусть даст обещание больше никогда так не делать! — предложил кто-то.

— Нет пусть лучше возьмет себя за уши¹ да попрыгает!

— Шофера тоже надо проучить! Они все негодяи. Одно дело — богатый человек важничает, а эти-то что нос задирают? Взял в руки колесо и замечать никого не хочет.

Я согласился с таким предложением. Пусть и шофер и хозяин возьмут себя за уши и приседают передо мной, а мэм-сахиб считать будет.

— Слушайте, мэм-сахиб! Вам придется посчитать. Пусть по сто раз присядут! Никак не меньше сотни, а хотите больше — извольте сколько угодно!

Двое схватили сахиба, другие двое — шофера. Бедняга шофер едва держался на ногах, но все-таки приседать начал. Но в сахибе еще теплилось высокомерие. Он снова лег и начал что-то бормотать себе под нос. Во мне все кипело. Я твердо решил, что не отпущу его, пока не заставлю сделать сотню приседаний. Вызвав из толпы четверых крепких мужчин, я приказал им столкнуть автомобиль с дороги.

Не успел я отдать это распоряжение, как вместо четверых к машине кинулось с полсотни человек, и все стали толкать автомобиль к краю дороги. А дорога в этом месте проходила по высокой, круто спускавшейся на обе стороны насыпи. Если бы автомобиль скатился вниз, от него осталась бы только груда обломков. Машина была уже на самом краю дороги, как вдруг сахиб, крихтя, поднялся.

— Отец, не вели ломать машину! — взмолился он. — Мы будем подчиняться.

Я сказал, чтобы автомобиль оставили в покое, но парни так увлеклись, что не обратили на мои слова никакого внимания. Они разбежались, лишь заметив, что

¹ Взять себя за уши — жест полной покорности, который делает провинившийся.

я направился к ним с посохом. Зажмурившись, сахиб начал приседать.

После десяти приседаний я спросил мэм-сахиб:

— Сколько насчитали?

— Мы не считали! — негодуяще ответила женщина.

— Ну что ж, значит, сахибу придется кряхтеть весь день! Я его так не отпущу. Если хотите, чтобы он попал домой подобра-поздорову, считайте. Досчитаете до сотни, тогда его и освободим!

Видя, что наказания избежать не удастся, сахиб снова стал приседать.

— Один, два, три, четыре, пять... — считала мэм-сахиб.

Неожиданно показался еще автомобиль. Сахиб тоже увидел его и униженно обратился ко мне:

— Пандит-джи! Будьте мне отцом! Сжальтесь! Я больше никогда даже не сяду в автомобиль!..

— Почему же? Никто не запрещает ездить в машине, — смягчился я. — Я только хочу сказать, что надо и других считать людьми, даже если ты и разъезжаешь в автомобиле.

Вторая машина быстро приближалась. Я дал знак, и собравшиеся запаслись камнями. Эту машину владелец вел сам. Замедлив ход, он хотел осторожно объехать толпу. Но в этот момент я вышел вперед, схватил его сразу за оба уха, потряс и наградил пощечинами по обоим щекам.

— Смотри, больше грязью не брызгайся! Понял?.. А теперь проваливай!..

Сахиб попытался было что-то сказать, но, увидев в руках у людей булыжники, счел за лучшее не поднимать шума и поехал дальше.

Через минуту подъехала еще одна машина. Я приказал задержать и ее. Автомобиль остановился. И на этот раз я проводил сидевших в автомобиле пощечинами. Правда, они оказались людьми порядочными и уехали весьма довольные тем, что так легко отделались.

Вдруг кто-то крикнул:

— Полиция!

Все бросились врассыпную. Я тоже сбежал с дороги и скрылся в одном из переулков.

ДЕЗЕРТИР

1

Вот уже десять лет как я веду жизнь, полную воздержания, утаивая от людей огонь, сжигающий мое сердце. Кругом наслаждаются покоем, путешествуют, посещают зрелища и развлекаются, а мой удел — быть наедине с этим пламенем, в котором сгорели и превратились в пепел все мечты и надежды моей жизни. Кому я поведаю о своей душевной боли? Да и зачем? Кому суждено всю жизнь страдать, тому лучше не жить.

Впервые я увидел Тару, когда мне было лет десять. Мой отец был одним из лучших врачей Агры, но жил я не с ним, а в Лакнау у своего дяди, которому профессия адвоката принесла довольно значительное состояние. Своих детей у дяди не было, поэтому я считался его наследником, и они с тетей называли меня своим сыном. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким, и потому любовь тети, похожая скорее на подаяние, была все же для меня, с детства лишенного материнской ласки, величайшим богатством.

По соседству с дядей жил один бабу¹ из нашей общины. Он занимал хорошую должность в железнодорожном ведомстве и получал двести — двести пятьдесят рупий в месяц. Звали его Вимал Чандром. Тара была его до-

¹ Бабу — господин; обычно титул мелких чиновников и конторских служащих.

черью. Тогда ей было, пожалуй, лет пять. Я и сейчас помню тот день, когда Тара неожиданно появилась передо мной — в светлом платье, с розой, вплетенной в косы... Увидев ее, я почему-то смутился. Она показалась мне богиней, спустившейся с неба, благоухающей ароматами и сверкающей всеми красками утренней зари.

Тара нередко приходила к нам. Дома ей резвиться было негде, а на нашем дворе имелась большая широкая лужайка, которая и стала обычным местом ее игр. Вскоре мы подружились. Когда я возвращался из школы, девочка обычно подбегала ко мне и выхватывала из моих рук ранец с книгами. А когда я в коляске отправлялся в школу, она садилась рядом со мной. Однажды, в один из приходов Тары к нам, тетя сказала моему дяде:

— Придет время, и Тара станет моей невесткой... Как, Кришна, ты женишься на Таре?

Мне стало стыдно, и я убежал, но Тара осталась возле тети, словно ожидая сладостей. После этого дядя и тетя частенько заводили разговор о нашей свадьбе, то советуя нам что-нибудь, то подшучивая над нами. В этих случаях я обычно смущенно прятался, однако Тара бывала довольна.

Между нашими семьями установились такие близкие отношения, что моя женитьба на Таре не вызвала бы ни у кого удивления. Больше того, родители девушки были уверены, что я женюсь на ней. Когда я приходил к ним, меня всегда с радостью принимали. Мать Тары оставляла нас одних, покидая дом под каким-нибудь предлогом. Никто не сомневался в том, что Тара со временем станет моей женой.

Однажды шалунья построила под деревом ним, которое росло перед нашим домом, игрушечный домик из глины. В домике было несколько комнатушек, глиняная посуда и одна крошечная кровать. Как-то раз, проходя мимо, я увидел, как Тара хлопочет около этого домика. Заметив меня, она сразу же подбежала ко мне.

— Кришна, посмотри-ка, что я построила! — воскликнула она. — Это наш дом.

Я осмотрел домик и рассмеялся:

— Кто же будет жить в нем, Тара?

Девочка ساختила мину, словно вопрос мой был совершенно неуместен.

— Как кто? Мы с тобой, Кришна! Как только поже-

нимся, так и переедем в этот дом. Здесь будет твой рабочий кабинет, в нем ты будешь учить уроки. Здесь — моя комната, в ней я буду играть в куклы...

— Вот как! — усмехнулся я. — Ты думаешь, что я буду всю жизнь учиться, а ты играть в куклы?

Тара посмотрела на меня так, будто не поняла моих слов. Глупышка была уверена, что в жизни есть только игры и забавы. Откуда ей было знать, что в один ненастный день порыв ветра унесет не только этот домик, но и нас разбросает в разные стороны.

2

Потом я уехал к отцу, в Агру, и там учился несколько лет. Я не знаю, почему это случилось: то ли климат Лакнау не подходил для меня, то ли мой отец воспользовался предлогом, чтобы взять меня к себе. Я жил в Агре до переходных экзаменов в колледж, но частенько навещал дядю. По существу все каникулы я проводил у него, в Лакнау. И бывало, не успеют еще закончиться одни каникулы, а я уже начинаю считать дни до следующих. А стоило мне задержаться с отъездом хотя бы на один день, как я получал письмо от Тары. Наша простая детская любовь теперь была наполнена радостями и восторгами юности. Разве могу я когда-нибудь забыть те прекрасные дни? И нет для меня в жизни ничего дороже этих милых воспоминаний.

Мы встречались по вечерам, тайком от всех, и без конца строили воздушные замки. Не прав будет тот, кто подумает, что в наших желаниях и помыслах было что-то дурное или порочное. О нет! Мы не сказали друг другу ничего такого, чего не могли бы повторить при посторонних или что выходило за рамки дозволенного. Ничего, кроме застенчивости, свойственной тому возрасту, в наших отношениях не было. Ведь даже муж и жена в первые дни замужества стесняются говорить друг с другом в присутствии старших. Разумеется, я не имею в виду поклонников английской цивилизации, которым ничего не стоит обниматься и целоваться при посторонних... Между нами была чистая, детская дружба. Мы играли в карты, говорили о прочитанных книгах, строили планы о том, как будем служить родине, мечтали о путешествиях.

Тара! Какая это была чистая душа! Да, сейчас я понимаю, чем может стать женщина в жизни мужчины. Она может вернуть к честной жизни даже презренного подлеца!

Беседовать друг с другом, сидеть рядом было для нас беспредельным счастьем. О любви много говорят там, где необходимо убеждать в сильном чувстве, в верности и готовности к самопожертвованию. В наших же отношениях все было ясно — оставалось только закрепить их свадебным обрядом. Тара считала меня своим мужем, а я ее — своей женой. Однако наши отношения были чисты и возвышенны: кто дерзнет прикоснуться к пище, пока не совершил подношения всевышнему? Иногда мы ссорились и по нескольку дней не разговаривали, однако обычно тот из нас, кто обижал другого, первым искал примирения. Любой пустяк мог вывести меня из себя, но у Тары характер был веселый и очень покладистый. Хотя временами и на нее, казалось, находило что-то: угощает меня, а сама не дотронется до еды, развлекает меня, а сама не улыбнется.

Как только я выдержал переходные экзамены в колледж, меня сразу же определили в армию. Мой отец пользовался большим уважением среди чиновников этого департамента, и вскоре меня произвели в сержанты. К моему великому счастью, я получил назначение в часть, расквартированную в Лакнау. Мое желание исполнилось!.. Мысли мои были заняты тем, что скоро Тара будет моей. Но судьба готовила нам другое...

Один из богачей нашего города завел с дядей разговор о моей женитьбе на своей дочери и предложил за ней восемь тысяч рупий приданого. У дяди загорелись глаза: «Это же уйма денег! — подумал он. — Зачем упускать такую удачу? Дочь Вимала-бабу все равно выйдет за кого-нибудь замуж». Пообещав богачу подумать, дядя поспешил домой. Пригласив к себе отца Тары, он завел с ним такой разговор:

— Сегодня райсахиб¹ Ситарам, — вы его, должно быть, знаете, — почтенный аристократ, говорил со мной о том, что готов выдать свою дочь за нашего Кришну.

¹ Райсахиб — титул, которым англо-индийское правительство за особые заслуги наделяло своих приспешников.

Предложил восемь тысяч приданого... Я обещал подумать и дать ответ. Как вы считаете: согласиться мне или нет?

— О чем вы говорите? — удивился Вимал-бабу. — Разве свадьба Кришны и Тары не решенное дело?

Дядя притворился непонимающим.

— В первый раз слышу! — воскликнул он. — Разве кто-то уже решил вопрос о свадьбе? Ведь у нас с вами и разговора об этом не было.

— Да что же это на самом деле! — начал горячиться Вимал-бабу. — Неужели нужно подтверждать то, о чем непрерывно говорим вот уже десять — двенадцать лет? Я считаю этот вопрос решенным. Да разве я один? Весь квартал считает так же.

— Поймите же, брат, когда я говорил о свадьбе Кришны и Тары, я не принимал этого всерьез, — мягко ответил дядя, испугавшись возможных кривотолков. — Ну, да ладно! Я не хочу огорчать вас: ведь вы мой старший друг. Ради вас я готов пойти на уступку. Мне предлагают восемь тысяч. Если вы дадите семь, пусть даже шесть...

— Да вы что, шутите или на самом деле требуете такого приданого? — удрученно проговорил Вимал-бабу. — Я просто не могу этому поверить.

— Я и не думал шутить, — недовольно хмурясь, сказал дядя. — Если хотите, я могу в вашем присутствии поговорить с райсахибом.

— Но, бабу-джи, вы же подняли новый вопрос! Мне и во сне не снилось, что эта проблема может встать между нами, — проговорил Вимал-бабу. — Всевышний дал вам много. И для вас какие-то там пять — десять тысяч рупий ничего не значат. Мне же взять такие деньги нигде. Мне ничего не остается, как только взывать к вашему милосердию. Вот уже десять — двенадцать лет мы считаем Кришну своим зятем. Несколько раз вы сами подтверждали это. Вы не можете не видеть, как дети любят друг друга. Ради всевышнего, не убивайте их из-за нескольких тысяч рупий!..

— Вимал-бабу! — строго произнес дядя. — К сожалению, я не могу уступить вам ни пайсы.

— Вы убиваете меня! — все больше волнуясь, воскликнул Вимал-бабу.

— Скажите спасибо, что я иду на такие уступки.

— Вот как! Вы схватили меня за горло, и я же должен вас благодарить! Нет, это уж слишком!.. Знай я, что вы так падки на деньги, я бы держался от вас подальше. А мы-то считали вас порядочным человеком! Выходит, что и вы — раб денег. Да, не могу назвать благородным того, в чьем сердце нет человечности и чьим словам нельзя доверять. Ваше право женить Кришну на ком заблагорассудится. Но смотрите, как бы не пришлось потом раскаиваться! Тара выйдет за кого-нибудь замуж и, если богу будет угодно, найдет жениха из лучшего дома. На свете еще не перевелись порядочные люди. Вам же не миновать бесчестья...

— Если бы вы не были моим гостем, — нахмурив брови, проговорил дядя, — я проучил бы вас за это оскорбление.

— Вы проучили бы меня? Да вы недостойны этого! — воскликнул Вимал-бабу и, взяв свою трость, вышел из комнаты.

Вечером, когда я вернулся из казарм и, поужинав, собрался было пойти к Таре, тетя сказала мне:

— Куда ты? Вимал-бабу и дядя сегодня поссорились.

— Поссорились? — ошеломленный от удивления, спросил я. — Из-за чего?

И тетя подробно рассказала мне обо всем. При этом она чернила Вимала-бабу как только могла.

— Вот что я тебе скажу, сынок, — говорила она. — Такого грубияна еще свет не видывал! А как он ругался и обзывал! Думала, вот-вот полезет драться...

— Хорошо! Я не пойду к ней, — сказал я после минутного раздумья, — но я ухожу в казармы.

Хотя тетя долго плакала и не пускала меня, я не мог больше оставаться в доме. Казалось, кто-то вонзил кинжал в самое сердце. Вероятно, мне потребовалось не более десяти минут, чтобы дойти от дома до казарм. Но всю дорогу проклинал я — не дядю и не Вимал-бабу — самого себя. «Неужели во мне нет даже капли мужества, чтобы вернуться к дяде и сказать ему: «Пусть мне посулят даже сто тысяч рупий, и тогда я не женюсь ни на ком, кроме Тары!» Неужели я настолько труслив, безволеу и робок?» — думал я.

Разгневанный и раздраженный, я написал письмо отцу, не упустив ни одной подробности. В конце письма я изложил свое твердое решение: ни за что не жениться на другой, даже если бы мне пришлось пойти против его воли. Сейчас я не могу сказать точно, что я тогда написал, так как был слишком взволнован. Запомнилось одно: за десять минут я исписал страниц двенадцать бумаги. И если бы это было возможно, то послал бы всю писанину телеграммой!

Можете представить, в каком волнении провел я три дня в ожидании ответа. Но самой гнетущей была мысль о том, что Тара считает меня низким и подлым человеком. Несколько раз я порывался пойти к ней и, упав к ее ногам, умолять: «Прости меня, моя богиня! Я так виноват перед тобой! Не думай о жестокости дяди. Я был и остаюсь твоим Кришной. Пусть разгневается на меня дядя, пусть отец выгонит меня из дому — все равно. Без тебя мне нет жизни!»

На третий день пришел ответ отца, а с ним и крушение всех надежд. Ответ был такой, какого я больше всего боялся: «Я уважаю брата. У меня язык не повернется сказать ни единого слова против принятого им решения. Да и тебе не следует сердить его».

Я разорвал письмо, растоптал его ногами и тотчас же направился к Вималу-бабу. О, если бы в этот момент кто-нибудь остановил меня и сказал: «Не ходи!» — я, наверно, не подчинился бы и пошел, и моя жизнь сейчас была бы совсем другой! Но никто не сделал этого, и мужество покинуло меня — я вернулся. Понять не могу, почему все так произошло. Меня ничуть не пугало, что этот поступок может вызвать неудовольствие дяди: в моем сердце не осталось даже тени уважения к нему, и я готов был отказать от всех его богатств. Не страшил меня и гнев отца. Боялся я только одного: с каким лицом явлюсь в дом Тары? Я, племянник такого человека? А вдруг Вимал-бабу не станет разговаривать со мной или выйдет только для того, чтобы оскорбить меня? Я не вынесу подобного позора! А если Тара начнет упрекать, как тогда мне вести себя? Это пугало меня больше всего. О бессердечная, жестокая, коварная! Если бы ты успокоила меня тогда, написав хоть несколько строк! Как счастлив был бы я теперь! Твое молчание погубило меня навеки... навеки!

Прошло еще три дня. Злоба душила меня, и я дал зарок ни к кому не ходить. Весь мир, казалось, был настроен враждебно ко мне. Я злился и на Тару; от одного вида дяди во мне закипала ненависть. На третий день, вечером, принесли записку от дяди, в которой он звал меня к себе. Первым моим побуждением было ответить: «Между нами все кончено, считайте, что я умер», — но я вспомнил о том, как он любил меня и что для меня делал. К тому же зачем было упускать благоприятный случай объясниться начистоту? Я прибыл к дяде, возбужденный и опьяненный, как солдат перед сражением.

— Ты нездоров? — спросил дядя, оглядев меня с ног до головы. — Сегодня у меня был райсахиб Ситарам. Он хотел бы кое о чем побеседовать с тобой, — продолжал он. — Если сможешь, приди сюда завтра утром, или еще лучше, если тебе не к спеху возвращаться в казармы, то я пригласю его сейчас.

Я сразу догадался, кто этот райсахиб, но, сделав вид, будто не понимаю, спросил:

— Что за райсахиб? Я с ним незнаком.

— Да тот самый господин, который добивается твоей женитьбы на своей дочери, — небрежно ответил дядя. — Один из самых знатных людей в городе, аристократ. И девушка хороша: гораздо лучше Тары. Я уже дал свое согласие. Ты можешь расспросить его обо всем, что тебя интересует.

Сдерживая ураган нахлынувших чувств, я сказал:

— Напрасно вы поспешили дать свое согласие. Я не собираюсь жениться.

— Почему? — спросил дядя, метнув взгляд в мою сторону.

— В этом деле я не хочу быть зависимым ни от кого, — с тем же бесстрашием проговорил я.

— Но я дал слово, — мягко обратился ко мне дядя. — Неужели оно ничего для тебя не значит?

— Не могу коверкать свою жизнь из-за денег, — вызывающе сказал я.

— И это твое окончательное решение? — строго спросил дядя.

— Да, окончательное.

— Ну, ты еще пожалеешь об этом!

— Не беспокойтесь! Обойдусь как-нибудь и без вас!

— Посмотрим!

С этими словами он ушел к себе, а я вышел из дома и отправился в казармы. Земля ходила ходуном у меня под ногами, небо плясало перед глазами... Казалось, что-то подбросило меня в воздух, и я поплыл, не чувствуя под собой ног.

Добравшись кое-как до казармы, я упал на кровать и разрыдался. Я стал бедным сиротой, хотя у меня есть отец и дядя, богатство и деньги. Ах, как безжалостно и жестоко поступили со мной!

4

Наутро пришел приказ о выступлении нашего полка в Дехрадун. Казалось, камень свалился с моих плеч. Лакнау с его улицами и переулками опротивели мне. На мгновение мною овладело сильное желание повидать Тару, но снова одолели сомнения: а что, если она отвернется? А ее отец? Отнесется ли он ко мне так же ласково, как и прежде? Когда-то я был юношей из богатой семьи, а теперь стал сиротой, которому не на что рассчитывать, кроме своего жалованья...

Если бы мне выпало несколько спокойных дней в Дехрадуне, то, вполне возможно, мое израненное сердце обрело бы покой и я сумел бы расположить Вимала-бабу в свою пользу. Но не прошло и недели после моего прибытия в город, как я получил письмо от Тары. У меня задрожали руки, когда я увидел на конверте знакомый почерк. Меня трясло как в лихорадке: даже встретившись лицом к лицу с тигром, я не был бы, вероятно, в таком смятении, как сейчас. Долго я не решался вскрыть конверт. Тот же почерк, тот же жемчужный бисер, который, бывало, радовал глаз и который столько раз я целовал и прижимал к сердцу! Те же черные буквы... Но сейчас они были страшнее змеи. Я мучился догадками: что могла написать Тара? Но все они были далеки от истинного содержания письма. Наконец, набравшись смелости, я вскрыл конверт, бросил беглый взгляд... У меня потемнело в глазах; внутри все горело, словно кто-то влил в меня расплавленный свинец. Тару выдавали замуж! До

свадьбы оставались всего одни сутки! Она просила извинения за все, что причинила мне, и умоляла не забывать ее. Когда я дочитывал последние строчки письма, по щекам моим текли слезы. Тара писала: «Прими этот последний знак любви. Отныне нас будут скреплять только узы дружбы. Надеяться на большее— значило бы совершать несправедливость по отношению к мужу, чего, надеюсь, ты первый не пожелал бы. Вот и все. Очень хорошо, что ты уехал отсюда, а то мы оба страдали бы еще больше. Милый! Моя последняя просьба к тебе: не забывай свою несчастную Тару!»

Я зажал письмо в руках и свалился на постель. Сердце так билось, что, казалось, не выдержит и разорвется на куски. О боже! Что мне делать? Пока я доберусь до Лакнау, свадебная процессия вступит на порог дома Тары. Это ясно как день. Но желание последний раз взглянуть на мою Тару было настолько сильным, что я не смог подавить его. Я уже ничего не хотел в жизни, кроме этого свидания.

Я пошел к начальнику.

— Мне необходимо ехать в Лакнау по неотложному делу. Прошу трехдневный отпуск,— обратился я к нему.

— Отпуска запрещены,— ответил начальник.

— Но мне необходимо ехать.

— Не могу вам разрешить!

— Я должен ехать!

— Вы никуда не поедете!

Я не стал больше настаивать и ушел, решив отправиться в Лакнау ночным поездом. Теперь мне не страшен был даже военный трибунал.

5

Вечерело, когда я приехал в Лакнау. Постояв немного вдали от платформы, чтобы дожидаться темноты, я направился смотреть самый ужасный акт драмы моей жизни. Свадебная процессия как раз прибыла к воротам дома Тары. Горели газовые фонари. Все приглашенные принять участие в свадебной церемонии были в сборе.

Крыши наших домов примыкали друг к другу, и попасть на крышу дома Вимала-бабу можно было через мужскую половину нашего дома. Дядя, вероятно, ушел

куда-нибудь на прогулку, слуги убежали поглядеть на свадьбу, и я крадучись взобрался по лестнице на крышу. Стояла напряженная тишина. Мое сердце трепетно заколотилось при виде знакомых мест. Здесь мы знали радость и счастье любви; здесь, бывало, сидя рядом, мы строили планы о том, как будем жить вместе; здесь был рай, о котором я мечтал, святая святых моей жизни. Каждая крупинка этой земли освящена милыми для меня воспоминаниями. Но, увы, как и в моем сердце, сейчас здесь царили мрак и безмолвие. Я лег на земляной пол и зарыдал. О, если бы тогда появилась Тара, я бы навсегда заснул у ее ног. Мне чудилось, что чистая душа Тары горюет над моим горем. Она тоже, наверно, приходила сюда сегодня и плакала, припав к этой земле, от которой и сейчас еще струится аромат ее душистых волос. Я вынул из кармана платок и начал собирать в него пыль с земляного пола крыши. Я очень быстро обмел всю крышу и снова долго плакал, держа в руках прах моих надежд и грез. Вот она награда за любовь и преданность, единственное сокровище моей жизни! Ах, надежды мои были тщетны!

А внизу, во дворе, совершался свадебный обряд. Ровно в полночь невеста вошла в свадебную беседку. Скоро начнется факельное шествие жениха и невесты. Я подошел к краю крыши и стал смотреть на терзавшую мою душу картину. Казалось, кто-то по кускам вырывает у меня сердце. И как только не треснула тогда моя грудь и не лопнули глаза от боли? Эта свадебная беседка была погребальным костром, на котором сгорели все надежды моей жизни.

Факельное шествие закончилось. Я спустился с крыши. Что еще оставалось мне делать? Мой погребальный костер потух. Держась рукой за сердце, сжимавшееся от боли, я дошел до конца лестницы, но дверь оказалась запертой снаружи. Делать было нечего — пришлось возвращаться. Теперь попасть на улицу было можно лишь через дом Тары. «В этой толпе, — думал я, — никто не узнает меня, и я выйду». Но не успел я спуститься во двор, как попался на глаза матери Тары.

— Это вы, Кришна-бабу?! — удивленно воскликнула она. — Давно здесь? Идите ко мне. Мы побоялись вашего дяди и не прислали вам приглашения на свадьбу. Доч-

ка уходит от нас на рассвете. Пойдемте к ней. Тара целый день только и говорит о вас.

Она схватила меня за руку и втащила в комнату.

— Вы прошли через ваш дом? — снова спросила она.

— Нет у меня здесь дома, — ответил я.

— Разве у вашего дяди нет дома?

— У дяди-то есть, но у меня теперь нигде нет. Когда-то и я мечтал построить свой дом, да вот вы помешали.

— Разве мы в этом виноваты? Девушку за кого-нибудь надо же было выдавать замуж. Ваш дядя поставил нас в очень трудное положение. Но всевышний не оставил нас в беде... Прямо со станции пришли? Наверно, проголодались?

— Угостите уж лучше ядом. Сейчас он мне больше всего нужен, — проговорил я.

Старая женщина испуганно взглянула на меня. Нет, видно, не знала она, как я любил Тару!

— Раз вы все сговорились убить меня, так зачем медлите? — сурово продолжал я. — Не думал, что и вы так подло поступите со мной. Теперь уж ничего не изменишь. Я и вам, вижу, перестал нравиться после того, как от меня отвернулись отец и дядя!..

— И вы, сынок, считаете нас такими корыстолюбивыми? — спросила старушка, посмотрев на меня с укором.

— До сих пор так не думал, — все более раздражаясь, проговорил я. — Но обстоятельства заставили меня изменить свое мнение. Даже мой кровный враг не смог бы нанести мне более жестокого удара. Моя гибель будет лежать на вашей совести!

— Не мы, а ваш дядя расстроил свадьбу.

— А вы меня спросили, сказали мне что-нибудь? Дали мне сказать свое слово? Да вы вели себя так, словно искренне желали этого конца. Что толку обвинять вас теперь? Лишь бы Тара была счастлива — с меня хватит и этого.

— Но, сынок, и вы ведь ничего не писали нам. Если бы вы послали хотя бы одно письмо, оно успокоило бы нас. Могли ли мы знать, что вы так сильно любите Тару? Мы, конечно, виноваты, но еще больше виноваты вы сами. Теперь-то мне ясно, почему Тара без конца спрашивалась о почтальоне. Еще вчера она весь день ожидала

его. И когда от вас ничего не пришло, она впала в отчаянье. Позвать ее? Хотите ее повидать?

— Нет, нет! — крикнул я, вставая с кровати, на которой сидел. — Не надо! Сейчас не могу... Сам не знаю, что я сделал бы, увидев ее сейчас...

И я ушел. Мать Тары несколько раз окликнула меня, но я даже не обернулся.

Такова моя печальная история. С тех пор прошло десять лет, и только я один знаю, что пришлось пережить мне за эти годы.

На третий день после свадьбы Тары меня уволили из армии. Иногда приходилось голодать, а сейчас вот сижу без дела. Сначала я вообще долго не мог найти работы, а потом, если мне даже и попадалось какое-нибудь место, я не дорожил им. Жизнь стала мне в тягость. Вот так и тяну лямку, безучастный ко всему; сторонюсь людей.

Ну, а Тара? О, она счастлива. Три или четыре года назад я был у нее: уж очень настойчиво приглашал меня ее муж; так умолял и упрашивал, что я вынужден был сдаться и пойти. Тара, прекрасная, как распустившийся бутон, встретила меня. Рядом с ней был ее муж, видеть которого мне было неприятно. Если бы Тара была бедна и несчастна, я бы пожертвовал всем ради нее. Но, богатая и цветущая здоровьем и красотой, Тара не нуждалась в моем сострадании. Я не мог подавить в себе недобрую мысль: «Жестокая, вероломная!»

Вечером, когда я сидел дома, погруженный в печальные думы, рассказываясь в том, что пошел к Таре, ко мне зашел ее муж.

— Бабу-джи, — заговорил он улыбаясь, — когда я узнал о том, что моей женитьбой на Таре я причинил вам столько горя, я сожалел об этом. Сами боги стали бы ревнивцами и эгоистами, обладай они такой женой, как Тара. Поверьте, я говорю вам правду: если бы я знал, что вы так любите ее, я никогда не стал бы на вашем пути. Печально, что я узнал об этом слишком поздно. Тара сама рассказала мне о вашей любви к ней.

— Вероятно, с тех пор вы ненавидите меня? — спросил я, усмехнувшись.

— О нет! Как раз наоборот! — взволнованно ответил он.

— Я признателен вам за то, что вы показали ей пример такой чистой и прекрасной любви. Тара и теперь вспоминает вас с нежностью. Не проходит и дня, чтобы она не говорила о вас. Она считает, что в ее жизни не было ничего прекрасней, чем ваша любовь. Вероятно, вы думаете, что, вспоминая былые дни, Тара грустит? О нет! Ведь это же самые приятные воспоминания в ее жизни! «Я нашла моего Кришну в тебе»,— говорит она мне.

Что ж, с меня хватит и этого.

РАССКАЗ О ДВУХ ВОЛАХ

1

Среди животных осел считается самым глупым. Когда мы хотим сказать о ком-нибудь, что он круглый дурак, то называем его ослом. Трудно сказать, действительно ли осел настолько глуп, или его считают таким за простоту и беспримерное терпение. Корова иногда бодается, а защищая теленка, становится опасной, как львица. Собака тоже смирное животное, но порой и она приходит в ярость. Но я никогда не видел и не слышал, чтобы разъярился осел. Бейте беднягу сколько угодно, кормите его гнилым сеном, на его морде вы не увидите и тени возмущения. Даже весной, когда осел резвится и прыгает, он выглядит равнодушным. На его морде застыло меланхолическое выражение, и оно не изменяется ни при каких обстоятельствах — в счастье и в горе, при удаче и неудаче. Все добродетели мудрецов достигли у осла своего предела. И несмотря на это, люди называют его глупым.

Большого пренебрежения хорошими качествами я не встречал нигде. Видимо, простота не годится для этого мира. Посмотрите на индийцев, живущих в Африке, почему они так бедствуют? Почему им не разрешается въезд в Америку? Бедняги не пьют вина, откладывают деньги про черный день, работают не жалея сил, ни с кем не ссорятся, молча сносят оскорбления — и все же их прези-

рают. Говорят, что они недостаточно культурны. Если бы они научились отвечать ударом на удар, их, вероятно, стали бы считать цивилизованными! Вспомните Японию: одна-единственная победа позволила ей занять почетное место среди цивилизованных наций мира.

У осла есть младший брат, который немногим умнее его, — это вол. Некоторые считают, что вол глупее осла, но мы придерживаемся другого мнения. Бывают волы бо-дливые, встречаются волы строптивые. Во всяком случае, все они тем или иным способом, но выражают свое недовольство. Поэтому вол менее добродетелен, чем осел.

2

У огородника Джхури было два вола — Хира и Моти. Оба малабарской породы, красивые, рослые и трудолюбивые. За долгую совместную жизнь они крепко сдружились. Часто во время отдыха разговаривали они на своем безмолвном языке. Мы не знаем, каким образом волы понимали друг друга, но несомненно им это удавалось, чего нельзя сказать о людях, хотя они и претендуют на первенство среди всего живого. Хира и Моти выражали свою нежность тем, что лизали и обнюхивали друг друга. Временами они даже бодались, но не всерьез, а в шутку, подобно тому как закадычные друзья награждают друг друга тумаками. Ведь без этого дружба слаба и непрочна, и полностью на нее нельзя положиться. Когда волы, запряженные в плуг или в повозку, шли, мерно помахивая головами, каждый из них старался, чтобы наибольшая тяжесть приходилась на его шею. А после работы, в полдень или вечером, когда волов распрягали, они лизали друг друга и тем самым отгоняли усталость.

Когда им приносили корм, оба одновременно вставали и опускали в кормушку головы. Когда один отворачивался от еды, то же самое делал и другой.

Однажды Джхури отправил обоих волов работать на поле тестя. Волам было непонятно, почему их куда-то уводят. Они решили, что хозяин продал их. Кто знает, понравилось им это или нет, но Гая, шурин Джхури, порядком помучился, пока привел волов к себе домой. Когда он погонял волов сзади, они разбегались в разные

стороны; он тянул их за повод — животные упрямылись и пятились назад. Гая принимался их бить, волю опускали рога и угрожающе ревели.

Если бы бог наделил их даром речи, они спросили бы у Джхури: «Зачем ты прогнал нас, бедных, со двора? Мы служили тебе, не жалея сил. Если тебе этого было мало, ты мог заставить нас работать еще больше. Мы были готовы умереть, служа тебе. Никогда мы не жаловались на корм и что бы ты ни давал нам, все смиренно съедали. Зачем же ты продал нас этому человеку?»

Вечером Хира и Моти пришли на новое место. Целый день они ничего не ели, но когда в кормушку положили корм, ни один из них не притронулся к пище. На сердце у волов было тяжело: их разлучили с домом, который они считали своим. Новый дом, новая деревня, новые люди — все для них было чужим.

Друзья посовещались на своем безмолвном языке, многозначительно посмотрели друг на друга и улеглись спать. Но лишь только в деревне все заснуло, волю, поднатужившись, порвали веревки, которыми были привязаны, и направились домой. Привязи были очень крепкие. Никому и в голову не могло прийти, что вол способен порвать их. Но у Хира и Моти этой ночью силы удвоились — веревки были разорваны несколькими рывками.

Когда утром Джхури вышел из дому, то увидел обоих волов около их кормушки. На шеях животных висели обрывки веревок, ноги были по колено в грязи, а глаза сверкали мятежной любовью. Джхури очень обрадовался. Он подбежал к волам и начал их обнимать. Эта сцена была очень трогательна. Прибежали дети Джхури и другие деревенские ребята и начали весело хлопать в ладоши, приветствуя волов. Хотя в истории деревни такие вещи случались и прежде, все же это событие было значительным. Дети решили хоть чем-нибудь наградить волов-героев. Кто принес им хлеба, кто — патоки, кто — отрубей.

— Ни у кого нет таких волов, — сказал один мальчик.

— Да, из такой дали одни пришли, — поддержал его другой.

Третий мальчик добавил:

— Они не просто волы. Раньше они были людьми¹. Никто не осмелился возразить ему.

Жена Джхури очень рассердилась, увидев волов.

— Какие вероломные твари! — закричала она. — И дня не проработали — удрали!

Но Джхури стал защищать животных:

— Чем же они вероломные? Их там, должно быть, не кормили, что же им оставалось делать?

— Ну, конечно, только ты знаешь, как кормить волов, — язвительно сказала жена. — А другие, по-моему, держат их на одной воде.

— Зачем им было убежать, если бы их там кормили? — поддразнил жену Джхури.

— Потому и убежали, — закричала она, — что у моего отца не привыкли нянчиться с волами, как это делают болваны вроде тебя. Там если кормят, так заставляют и работать. А твои волы — лодыри, вот и удрали сразу. Посмотрим, как они обойдутся без отрубей и жмыхов. Я теперь буду кормить их одной мякиной. Хотят — едят, не хотят — пусть подыхают.

И она приказала батраку давать волам только мякину.

Волы опустили голову в кормушку. «Как невкусно! Ничем не заправлено, не сдобрено. Как есть такое?» Выжидаяще они смотрели на дверь.

— Эй, ты! — окликнул Джхури батрака. — Добавь к мякине жмыхов!

— Хозяйка прибьет меня за это.

— А ты положи так, чтобы она не заметила.

— Нет, хозяин, потом и вы станете на ее сторону.

На другой день снова пришел шурин Джхури и увел волов. На этот раз он запряг их в повозку.

Несколько раз Моти хотел опрокинуть повозку в придорожную канаву, но Хира, более терпеливый, сдерживал его.

Вечером, приехав домой, Гая привязал обоих волов толстыми веревками и сильно избил их за вчерашний побег. Потом он бросил в кормушку одной соломы, своим же волам дал и жмыхов и муки.

¹ Последователи индуизма верят в посмертное переселение душ из человека в животных и даже в неодушевленные предметы.

Раньше над Хира и Моти никогда так не издевались. Джхури не дотрагивался до волов даже прутиком. Ему достаточно было крикнуть, и животные уже бежали быстрее. А тут их избили, от унижения побои казались еще больнее, да к тому же дали только сухой соломы! Они даже не взглянули на нее.

На следующий день Гая запряг волов в плуг, но животные словно поклялись не сделать ни шагу с места. Крестьянин замучился, избивая их. Когда же он сильно ткнул палкой в нос Хира, Моти не сдержал бушевавшей в нем ярости. Он бросился бежать, таща за собой плуг. Плуг, веревки, упряжь — все было порвано и поломано. Волов не смогли бы поймать, если бы на шее у них не болтались длинные обрывки веревок.

— Бесплезно убежать,— сказал Хира на своем воловьем языке.

— Он чуть не убил тебя,— ответил Моти.— Ну теперь держись, будут избивать еще сильнее.

— Пусть бьют. Коли родился волон, разве спасешься от побоев? Сюда бежит Гая и еще двое. В руках у них палки.

— Если бы ты согласился,— сказал Моти,— я устроил бы им хорошую встречу! Узнали бы, как бить нас палками.

Но Хира уговаривал друга:

— Не надо, брат, стой спокойно на месте.

— Если они ударят меня,— возразил Моти,— я свалю их на землю.

— Нельзя! Это не по законам нашего племени.

Моти скрепя сердце остался стоять. Подбежал Гая, поймал волов и повел домой. К счастью, на этот раз он не бил их, не то Моти не сдержался бы. Увидев налитые кровью глаза вола, и Гая и его помощники поняли, что лучше отложить расправу.

Снова в кормушку волов была брошена сухая солома. И снова друзья не стали ее есть.

Но когда у людей начался обед, из дома вышла маленькая девочка, она сунула Хира и Моти по куску хлеба и убежала. Но разве можно утолить голод одним куском хлеба? И все же на сердце у волов стало легче: и в этом доме живет благородная душа! Девочка была дочерью хозяина дома. Ее мать давно умерла, а мачеха

постоянно была девочку. Потому-то она и посочувствовала этим волам.

Весь день волы пахали, а когда упрямылись — их били. Вечером их привязали в хлеву. Когда стемнело, та же самая девочка снова принесла им по куску хлеба. Ее чистая любовь поддерживала волов, и они не ослабели, хотя и съели за день всего несколько клочков сухой соломы. Но их воловьи души были полны негодования. И Моти сказал другу на своем безмолвном языке:

— Не могу больше терпеть, Хира.

— Что ты хочешь сделать?

— Я подниму хозяина на рога и швырну наземь.

— Но ты же знаешь, что та хорошая девочка, которая кормит нас хлебом, дочь хозяина дома. Если ты убьешь его, бедняжка останется круглой сиротой.

— Тогда я подниму на рога хозяйку. Это она бьет девочку.

— Но ты забыл, что нельзя нападать на женщин.

— Ты не соглашаешься ни на что. Тогда послушай, давай сегодня порвем веревки и убежим.

— Хорошо, на это я согласен, но как разорвать такую толстую веревку?

— Я знаю способ. Сначала надо пожевать веревку, тогда она лопнет от одного рывка.

Поздно вечером, после того как девочка, накормив их хлебом, ушла, волы принялись жевать веревки. Но толстые веревки было трудно захватить ртом. Бедняги старались изо всех сил, однако ничего не получалось.

Вдруг снова пришла та самая девочка. Волы наклонили головы и, подняв от радости хвосты, начали лизать ей руки. Глядя волов, девочка сказала:

— Я сейчас вас отвяжу. Потихоньку бегите отсюда, не то они убьют вас. Сейчас они обсуждают, как продеть кольца в ваши ноздри.

Она развязала веревки. Но волы не уходили. Моти на своем языке спросил товарища:

— Почему же теперь ты не убегаешь?

— Убежать-то недолго, но завтра эта сиротка попадет в беду. Все догадаются, что это она отпустила нас.

Внезапно девочка закричала:

— Дядины волы убежали! Эй, дада, дада!¹ Волы убежали! Идите скорее!

¹ Д а д а — отец.

И волы побежали. Гая выскочил из дома и бросился ловить волов. Они побежали еще быстрее. Гая начал кричать, затем вернулся, чтобы позвать на помощь. Но друзья успели уйти уже далеко.

Они бежали все дальше и дальше, пока не поняли, что оказались в незнакомом месте. Однако как попасть на нужную им дорогу, они не знали. Все новые и новые деревни попадались им по пути. Наконец, волы остановились на краю какого-то поля и стали думать, что делать дальше.

— Кажется, мы сбились с дороги,— сказал Хира.

— Ты тоже хорош — помчался сломя голову. Надо было забодать его на месте,— проговорил Моти.

— Что сказали бы люди, если бы мы убили его? Пусть он нарушает закон, но зачем нам следовать дурному примеру?

Волы были голодны, а в поле рос горох. Они принялись его щипать, время от времени прислушиваясь, не идет ли кто.

Наевшись досыта, опьяненные свободой, волы стали прыгать и резвиться. Потом, заревев, скрестили рога и начали в шутку бодать друг друга. Моти заставлял Хира шаг за шагом отступать, пока тот не полетел в канаву. Тогда и Хира пришел в ярость. Оправившись от падения, он вскочил и бросился на Моти. Увидев, что игра вот-вот перерастет в драку, Моти отступил на край поля.

8

Но что это? На них бежал огромный бык, огромный, как слон! Друзья беспокойно оглянулись по сторонам. Вступить в бой с такой громадиной — значит погибнуть, а не вступать — все равно не спасешься. Бык бежал прямо к ним. У, какая страшная морда!

— Ну и попали мы с тобой в переделку,— сказал Моти.— Что же делать? Придумай что-нибудь.

— Бык ослеплен высокомерием,— беспокойно ответил Хира.— Наши мольбы он и слушать не будет.

— Давай убежим,— предложил Моти.

— Бегство — трусость.

— Тогда погибай один. Я убегу.

— А если бык погонится за тобой?

— Скорее же придумай, как спастись!

— Есть только один выход — напасть на него одновременно обоим. Я спереди, ты — сзади. Небось удерет, когда получит двойной удар. Если он бросится на меня, бей его рогами в живот. Это рискованно, но другого выхода нет.

И друзья, рискуя жизнью, бросились на пришельца.

Быку никогда не приходилось сражаться с таким дружным противником. Он привык бороться один на один. А на этот раз, как только он бросился на Хира, Моти напал на него сзади. Когда же он повернулся к Моти, его атаковал Хира. Бык рассчитывал расправиться с ними поодиночке, но друзья были хитры и не давали ему этого сделать. Улучив момент, когда бык, расшвицепев, бросился на Хира, Моти подскочил сбоку и вонзил рога ему в живот. Бык, еще больше разъярившись, обернулся назад, тогда Хира ударил его рогами в другой бок. Наконец жалкий, израненный бык бросился удирать, а оба друга долго преследовали его. Они гнались за быком до тех пор, пока тот, задыхаясь от ран и усталости, не упал на землю. Только тогда волю оставили его.

Опьяненные одержанной победой, друзья продолжали свое путешествие. Моти сказал:

— Мне так хотелось добить быка!

— Нельзя бить поверженного врага, — упрекнул его Хира.

— Это все лицемерие. Врага надо бить так, чтобы он никогда не смог подняться.

— Подумай лучше о том, как добраться до дому, — сказал Хира.

— Сначала поедим, потом подумаем.

Перед ними было поле гороха. Моти сейчас же забрался в него, хотя Хира и запрещал ему это. Он тут же принялся щипать сочные стебли. Вдруг к полю подбежали два человека с палками. Хира стоял на меже и без труда убежал от сторожей. Но Моти был в самой середине поля, залитого водой. Его копыта вязли в грязи, поэтому он не смог убежать и был пойман. Увидев это, Хира вернулся: уж если попадаться, так вместе. Сторожа поймали и его.

Утро застало обоих друзей в загоне для скота.

Впервые в жизни друзья за целый день не получили и былинки корма. Они недоумевали: что же это за хозяин? Даже Гая был добрее его. В загоне томилось несколько буйволиц, коз, лошадей и ослов, и никому из них не давали корма. Все они настолько ослабели, что не в силах были даже стоять и, как трупы, лежали на земле. Целый день друзья простояли, не сводя глаз с ворот. Но никто так и не покормил их. Волю попробовали лизать солоноватую глину стен, но разве этим можно утолить голод?

Когда и вечером им ничего не дали поесть, в сердце Хира вспыхнуло возмущение.

— Я не могу больше выносить этого, Моти,— сказал он другу.

— Да, я, кажется, умираю,— не поднимая головы, ответил Моти.

— Не падай так быстро духом, брат. Надо придумать, как выбраться отсюда... Давай разобьем стену.

— У меня не хватит на это сил.

— Ведь ты же так гордился своей силой!

— Была, да теперь нет.

Стена загона была из глины, и когда Хира своими острыми рогами изо всех сил ударил, от нее отвалился большой кусок. Это воодушевило вола. Он снова и снова бил в стену с разбега, с каждым ударом отбивая все новые куски глины.

В это время, проверяя, весь ли скот на месте, в загон вошел сторож с фонарем в руке. Увидев разрушения, которые произвел Хира, он жестоко избил его палкой и привязал к столбу толстой веревкой. Лежащий на земле Моти спросил друга:

— Ну вот, тебя избили, а чего ты достиг?

— По крайней мере я сделал все, что в моих силах.

— Что толку от твоих стараний, если тебя еще крепче привязали?

— Как бы крепко меня ни привязывали, я все равно буду продолжать бороться.

— Тогда ты погибнешь.

— Ну и что же, ведь оставаться здесь — все равно верная смерть. Подумай только, если бы стену удалось разрушить, сколько жизней было бы спасено! Здесь томится много наших братьев. Некоторые уже умирают.

Если так будет продолжаться еще несколько дней — все мы погибнем.

— Пожалуй, ты прав. Хорошо, теперь я попробую свои силы.

И Моти ударил рогами в то же самое место стены. Посыпалась глина. Отвага Моти возросла. Он с такой силой вонзал рога в стену, словно боролся со смертельным врагом. Наконец, после двух часов непрерывных ударов, стена сверху обвалилась, и когда Моти с удивленной силой нанес еще один удар — половина стены рухнула.

Как только часть стены упала, полумертвые животные, лежавшие на земле, пришли в себя. Сразу же через пролом галопом выскочили все лошади. Затем убежали козы, за козами исчезли из загона и буйволицы. И только два осла как стояли, так и остались на месте.

— Почему вы не убегаете? — спросил Хира.

Один из ослов ответил:

— А если опять поймают?

— Что из этого? Сейчас-то вы можете убежать.

— Мы боимся. Мы лучше останемся здесь.

Было уже за полночь. Оба осла все еще стояли и думали — бежать или нет. А Моти пытался порвать веревку, которой был привязан друг. Но это ему не удавалось, и Хира предложил Моти:

— Ты беги, а меня оставь здесь. Может быть, и встретимся когда-нибудь.

— Неужели ты, Хира, считаешь меня таким эгоистом? — со слезами на глазах ответил Моти. — Сколько лет мы прожили вместе. И если сегодня ты попал в беду, разве могу я бросить тебя здесь и убежать?

— Тебя будут сильно бить. Люди догадаются, что это твоя работа.

Моти с гордостью ответил:

— Стоит ли беспокоиться, если я пострадаю за то же, за что тебе на шею надели эту толстую веревку? Зато спаслись несколько наших братьев. Они все будут с благодарностью вспоминать нас.

Моти рогами выгнал обоих ослов из загона, вернулся к плененному другу и улегся рядом с ним.

Нужно ли описывать ту тревогу, которая утром охватила писаря, сторожа и других служащих. Достаточно сказать, что Моти жестоко избили и также привязали к столбу толстой веревкой.

Целую неделю оба друга оставались привязанными в загоне. Никто не бросил им ни травинки. Только раз в сутки приносили воду, этим они и держались. Оба так обессилели, что не могли даже подняться, и стали похожи на скелеты. Однажды за оградой забил барабан, а к полудню у ворот собралось человек пятьдесят крестьян. Волон вывели наружу. Люди осматривали животных и с презрением отходили. Кто станет покупать подыхающих волон? Вдруг какой-то бородатый человек с грубым лицом и налитыми кровью глазами подошел к волон, ткнул пальцем в их кости и заговорил с писарем. Когда друзья увидели его лицо, сердца их задрожали от мрачного предчувствия. У них не было никакого сомнения, кто этот человек и для чего он их покупает. Волон с ужасом переглянулись и опустили головы.

— Зря мы убежали от Гая,— сказал Хира.— Теперь нам уже не спастись.

— Говорят, что бог ко всем милостив,— с печальной усмешкой промолвил Моти.— Почему же на нас не распространяется его милость?

— Богу нет до нас дела. В лучшем случае мы проживем у этого человека еще несколько дней. Однажды бог спас нас руками той девочки, а вдруг спасет и теперь?

— Этот человек нас заколет. Вот увидишь.

— Чего беспокоиться? Мясо, шкура, рога, кости — все пойдет в дело!

После торга бородач увел друзей. Несчастные еле волочили ноги, дрожали всем телом, но из страха продолжали идти, спотыкаясь и падая. Как только они замедляли шаг, человек сильно бил их палкой.

По дороге им попало стадо коров и волон на зеленом лугу.

Сытые животные выглядели довольными и жизнерадостными. Одни резвились, другие, удобно улегшись, жевали свою жвачку. Как счастлива была их жизнь, и какие они были эгоисты! Никого не беспокоило несчастье двух братьев, попавших в руки к мяснику!

И вдруг друзьям показалось, что идут они по знакомой дороге. Да, именно этой дорогой вводил их когда-то Гая! Им стали попадаться знакомые поля, сады, дерев-

ни. Они ускорили шаг. Вся их усталость и слабость исчезли.

— Посмотри, это же наше пастбище! Из этого колодца мы выкачивали воду. Ну, конечно, это тот самый колодец! — воскликнул Хира.

— Вот мы и подходим к дому, — сказал Моти.

— Слава богу! — откликнулся Хира.

— Сейчас я побегу в свой хлев.

— А мясник позволит?

— Пусть попробует задержать — забодаю его.

— Не стоит с ним связываться, бежим скорее в хлев! И оттуда никуда не уйдем.

Друзья, обезумев от счастья, подпрыгивая, как молодые телята, бросились к дому. Вот и хлев, Моти и Хира вбежали в свои стойла.

Бородач гнался следом.

Джхури сидел у двери и грелся на солнышке. Увидев волов, он подбежал к ним и начал обнимать животных. Из глаз друзей потекли слезы радости. Кто-то из волов лизал руку Джхури.

Подбежал мясник и схватил волов за поводья.

— Это мои волы, — возразил Джхури.

— Как это твои? Я купил их на торгах в загоне.

— А я считаю, что ты украл их. Убирайся подсобру-поздорову. Это мои волы, и никто, кроме меня, не имеет права продавать их на торгах.

— Я пожалуюсь на тебя в полицию.

— Это мои волы. И вот доказательство — они не убегают с моего двора.

Рассердившись, мясник хотел силой увести волов. Но Моти направил на него рога. Бородач отступил. Моти за ним. Бородач пустился наутек, а Моти гнался за ним, пока не выгнал совсем из деревни.

Затем, остановившись, он стал наблюдать за действиями врага. Держась на почтительном расстоянии, мясник грозил, ругался, бросался камнями. А Моти, как победивший воин, стоял, преграждая ему дорогу. Жители деревни смотрели на это зрелище и смеялись.

Когда, наконец, бородач, потерпев поражение, пошел прочь, Моти гордой поступью вернулся домой.

— Я боялся, как бы ты в гневе не убил его, — сказал Хира.

— Если бы он схватил меня, я не оставил бы его в живых.

— Теперь не вернется.

— А вернется, я проучу его. Посмотрим, как он осмелится увести нас.

— А если он застрелит тебя?

— Умру, но к нему не пойду.

— Да нашу жизнь никто и за жизнь не считает.

— Потому, что мы такие смирные.

Вскоре кормушки быков были наполнены жмыхами, соломой, отрубями и зёрном, и друзья принялись за еду. Рядом стоял Джхури и гладил их, а целая орава ребятишек наблюдала за происходящим. Казалось, радовалась вся деревня.

В это время в хлев вошла хозяйка и поцеловала обоих волов в голову.

НЕВИННЫЙ МЛАДЕНЕЦ

1

Люди называли Гангу брахманом, да и сам он считал себя брахманом. Мой конюх и другие слуги всегда почтительно приветствовали меня еще издали, Гангу — никогда. Он, вероятно, надеялся, что я буду здороваться первым! Он никогда не дотрагивался до моего грязного стакана. А у меня не хватало мужества попросить его взяться за опахало. Если пот градом струился по моему лицу, а других слуг не было дома, Гангу сам брал веер и обмахивал меня. Но при этом он корчил такую мину, словно делал мне великое одолжение, и я, сам не знаю почему, быстро отбирал у него опахало.

Гангу был человек с характером и не переносил ничьих замечаний. Даже сидеть рядом с конюхом или другими слугами он считал, по-видимому, ниже своего достоинства. Он вообще мало с кем дружил. Да я, собственно говоря, и не знал человека, с которым бы он встречался. Удивительным было и то, что Гангу не любил даже бханг¹ — такая добродетель необычна для людей его класса. Я никогда не видел, чтобы он читал молитвы или совершал омовения. Он был абсолютно не-

¹ Б х а н г — наркотический напиток, изготавливаемый из настоя тертых листьев конопли и огуречных семян.

грамотным человеком, но все же считал себя брахманом и хотел, чтобы все уважали и почитали его. А почему бы и нет? Если люди и теперь имеют право на имущество, добытое их предками, и распоряжаются им так, словно сами его заработали, то почему ему отказываться от уважения и почета, приобретенного его предками? Ведь это же и его наследство!

Уж такой у меня характер, что я мало разговариваю со слугами, и мне не нравится, когда входят в комнату без моего зова. Но звать людей по пустому поводу я тоже не люблю. Поэтому я сам зажигаю лампу, наливаю воду в стакан или снимаю туфли, сам достаю книгу из шкафа: делать все это самому мне кажется проще, чем звать слуг — Хингана или Майку. Без них я чувствую себя свободней и уверенней. Слуги тоже знают мой нрав и без надобности заходят ко мне очень редко. Обычно они появляются либо просить аванс, либо жаловаться на других слуг. Ни то, ни другое я не терплю. Слугам я полностью **выплачиваю** жалованье по первым числам, и просьбы об **авансе** в середине месяца меня раздражают. Кто это будет вести счет по две-три рупии? Да и какое право **имеет** человек, получающий плату за все тридцать дней, истратить ее в полмесяца, а потом позорно одалживать у других или просить аванс? Не выношу я и жалобы на других слуг. Эти доносы — не что иное, как доказательство либо бессилия, либо низкого стремления к подхалимству.

Однажды **рано** утром в мою комнату вошел Гангу. Мне это очень **не понравилось**.

— В чем дело? — спросил я раздраженно. — Ведь я тебя не звал!

Но обычно недовольное и надменное лицо Гангу было на этот раз таким смиренным, смущенным и молящим, что я поразился. Он растерялся и, казалось, никак не мог найти слов для ответа.

— В чем дело, наконец? — спросил я, немного смягчившись. — Почему ты не отвечаешь? Тебе же известно, что я должен идти сейчас на прогулку. Ты меня задерживаешь!

— Пожалуйста, идите гулять. Я к вам потом зайду, — с отчаянием пролепетал слуга.

Но такой ответ еще более усложнял положение. Лучше бы Гангу изложил вкратце свое дело сейчас. Он же

знает, что мой досуг длится недолго. А после прогулки, чего доброго, он отнимет у меня своими разговорами несколько часов! Когда я пишу или читаю, Гангу, видимо, понимает: это работа. Если же я погружаюсь в размышления, что для меня является самым существенным делом, он считает, что я отдыхаю. И конечно, он явится именно в такое время.

— Пришел за авансом?— строго спросил я.— Не дам.

— Нет, саркар¹, я никогда не прошу деньги вперед.

— Значит, ты пришел с какой-нибудь жалобой. Терпеть не могу никаких жалоб!

— Нет, саркар, я никогда ни на кого не жалуюсь.

— Ну так в чем же дело?

Гангу набирался храбрости. По его лицу видно было, что он в нерешительности и напрягает все силы, словно собираясь совершить прыжок. Наконец, прерывающимся от волнения голосом он произнес:

— Увольте меня. Я не могу вам служить.

Такого рода просьбу я слышал впервые, и она, надо сказать, удивила меня и задела мое самолюбие. Я считал себя олицетворением человечности, со слугами обращался вежливо, по мере возможности старался не применять хозяйскую власть. Как мне было не удивиться?!

— Что случилось? Ты чем-нибудь недоволен?— спросил я резко.

— У вас, хузур², очень добрый характер. Такого хорошего хозяина трудно найти. Однако так сложились обстоятельства, что я не могу остаться в вашем доме. Я не хочу, чтобы из-за меня у вас были неприятности и о вас стали бы говорить плохо...

Меня все это очень заинтриговало. Забыв о прогулке, я уселся на веранде в кресло.

— Почему ты прямо не говоришь, в чем дело?

— Да дело в том,— очень смиренно начал Гангу,— что та самая женщина, которую недавно выгнали из приюта для вдов... эта Гомати...— он замолчал.

— Ну, выгнали ее, что же дальше? Какое отношение имеет к этому твоя служба?— спросил я нетерпеливо.

— Я хочу жениться на ней, бабу-джи.

¹ Саркар — господин; обычно обращение к правительственным чиновникам.

² Хузур — господин; обычно обращение к судейским чиновникам.

Я удивленно посмотрел на него. Глупый брахман! С его устарелыми взглядами, которых даже не коснулись веяния новой культуры, этот брахман собирается жениться на женщине, которую всякий порядочный человек не пустит и на порог своего дома.

Гомати, о которой говорил Гангу, внесла некоторое смятение в спокойную жизнь всего нашего квартала. В приют для вдов она пришла несколько лет назад. Трижды администрация приюта выдавала ее замуж, и каждый раз через месяц-другой она убегала от мужа. Наконец, после третьего раза ее вовсе выгнали из приюта. Тогда Гомати сняла поблизости комнатуху, которая стала местом развлечения для повес всего квартала.

Простодушие Гангу вызвало во мне одновременно злость и жалость к нему. Будто этот глупец не может найти себе другой женщины, кроме Гомати! Уж если она три раза убегала от мужей, то сколько же пробудет с ним? Будь он богат, она, может быть, и прожила бы с ним года полтора. Нет, он просто слеп: она же и недели с ним не пробудет!

— А все ли ты знаешь об этой женщине? — спросил я.

— Люди несправедливо ее опозорили, сахиб. Все, что о ней говорят, ложь, — убежденно ответил Гангу.

— Что ты говоришь? А разве она трижды не убегала от своих мужей?

— Что же ей было делать, если ее выгоняли?

— Но ты просто глуп! Кто же будет приезжать издалека, тратить на свадьбу тысячи рупий, только для того, чтобы потом выгнать женщину?

— Где нет любви, хузур, там никакая женщина жить не может, — с пылом воскликнул Гангу. — Женщина хочет быть не только сытой и хорошо одетой, но и любимой. Те мужчины, вероятно, думали, что, женившись на вдове, они оказали ей большую милость. Они хотели, чтобы она отдалась им и сердцем и душой. Но ведь, коли мы хотим, чтобы человек принадлежал нам, мы сами сначала должны принадлежать ему. Вот так, хузур. К тому же Гомати еще и нездорова. Какой-то злой дух преследует ее. Иногда она начинает бредить, а порой даже теряет сознание.

— И ты женишься на этой женщине? — спросил я и с сомнением покачал головой. — Учи, горькой будет твоя жизнь!

— Я полагаю,— отважно сказал Гангу,— что моя жизнь будет устроена хорошо. А дальше, как угодно будет всевышнему.

— Так ты окончательно решил?— спросил я, повысив голос.

— Да, хузур.

— Хорошо, я увольняю тебя.

Я не был поклонником бессмысленных обычаев и ненужных запретов, но держать у себя человека, который женится на порочной женщине,— небезопасно. Пойдут всякие толки, пересуды, могут возникнуть неприятности; не ровен час появятся полиция, судебные дела, чего доброго и воровство начнется в доме...

Гангу же, как голодный человек, которому посулили кусок хлеба, бросился бежать за своим счастьем. Правда, хлеб был надкусанный, черствый, но он не замечал этого. Сейчас ему трудно было рассуждать здраво. И я посчитал за благо отпустить слугу.

2

Прошло пять месяцев. Гангу и Гомати поженились и сняли комнату в том же квартале, где жил и я, в доме, крытом черепицей. Жили они тем, что зарабатывал Гангу, продавая зелень вразнос. Встречаясь со своим бывшим слугой на базаре, я расспрашивал его о семейных делах: Гангу меня особенно заинтересовал. Ведь это была попытка решить одну из общественных, да и не только общественных, но и нравственных проблем! Я хотел знать, чем все это кончится. Гангу выглядел теперь жизнерадостным и довольным. Благодаря благополучию и спокойствию в лице у него появилась живость, а в характере — чувство собственного достоинства.

Ежедневная торговля давала ему немного — рупию, рупию с четвертью, а после всех издержек оставалось всего восемь-десять анн. На это они и жили.

И все же, несмотря на этот, мягко говоря, скромный достаток, во всем облике Гангу было какое-то благородство. В нем и намек не было на ту забитость и приниженность, которые встречаются среди представителей его класса. Лицо Гангу светилось радостью и уверен-

постью в себе, что бывает только в результате душевного спокойствия.

Но вот однажды прошел слух, что Гомати сбежала от Гангу. Это известие почему-то доставило мне особое удовольствие. Очевидно, я завидовал спокойной и счастливой жизни Гангу и ожидал позорного и печального ее конца. Словом, это известие принесло мне утешение. Наконец случилось то, что я предсказывал. Вот когда Гангу заплатит за свой неразумный поступок! Послушаем, что он запоет сейчас! Теперь он поймет, как доброжелательны были люди, стремившиеся удержать его от этой женитьбы. Но в то время ему казалось, что он приобрел нечто необыкновенное, что перед ним раскрылись ворота в счастье! А ведь его предупреждали, что эта женщина не внушает доверия: она обманула нескольких мужей, обманет и его. О! Если бы я сейчас встретил Гангу, уж непременно бы спросил: «Ну, махарадж, теперь ты доволен своей красоткой? Это ты, кажется, говорил, что она такая и разэтакая, что люди просто из неприязни оклеветали ее. Ну, кто же был прав?»

В тот же день я случайно встретил Гангу на базаре. Он был расстроен и подавлен. Едва он увидел меня, как на глаза его навернулись слезы, но это не были слезы раскаяния: он плакал от горя.

— Гомати и от меня ушла, бабу-джи,— произнес он.

В душе я торжествовал, но постарался не показать этого. Выразив, хотя и неискренне, свое сочувствие, я сказал:

— Ведь я предупреждал тебя, но ты же не послушался! Теперь крепись, ничего не поделаешь. Она с деньгами убежала или хоть что-то оставила?

— О бабу-джи, не надо! — душевно проговорил Гангу, умоляюще сложив на груди руки. Видимо, мой вопрос причинил ему боль. — Она и полрупии не взяла, оставила даже те вещи, что ей принадлежали. Не знаю, чем я виноват?.. Значит, я ей не пара. Конечно, она грамотная, а я — неуч, буйвол неповоротливый. Спасибо, что хоть столько дней прожила со мной. И это много. Пожить бы с ней еще! И я стал бы человеком. Да что мне ее расхваливать, хузур! Пусть для других она будет чем угодно, для меня она — богиня! Не знаю, чем я провинился перед ней! Могу поклясться, что она ни-

когда ни на что не жаловалась. Ну какие у меня возможности? Зарабатываю всего лишь десять ани в день. Но знаете, в ее руках это было целым состоянием! И никогда ни в чем недостатка вроде не замечалось. Я ни разу не видел ее неопрятной...

Я был разочарован. Я ожидал, что Гангу станет рассказывать о неверности жены, а я буду выражать ему сочувствие. Но видимо, глаза этого дурня все еще не прозрели. Он по-прежнему продолжал восхвалять эту женщину.

— Так, говоришь, она сбежала и ничего не стащила? — спросил я со злорадным ехидством.

— Да, бабу-джи, даже мелочи какой-нибудь не взяла.

— И она сильно любила тебя?

— Да что теперь говорить. Эта любовь запомнится мне на всю жизнь.

— И все-таки она убежала?

— Вот это и удивительно, бабу-джи!

— Ты слышал когда-нибудь о том, что такое женская хитрость?

— О бабу-джи, пожалуйста, не говорите так! Если бы мне нож приставили к горлу, я все равно не мог бы сказать о Гомати ничего худого.

— Что ж, тогда разыщи ее!

— Да, господин, до тех пор, пока не найду, не успокоюсь. Мне бы только узнать, где она, а уж я привел бы ее обратно. Чувствует мое сердце, что она обязательно вернется, вот увидите, сахиб. Она на меня ничуть не рассердилась, я знаю. Пойду искать ее. Если останусь в живых, увижусь с вами. — Сказав это, Гангу, точно безумный, убежал куда-то.

8

После этого разговора мне пришлось по делу уехать в Найнитал. Через месяц я вернулся и не успел переодеться с дороги, как увидел Гангу с грудным младенцем на руках. Вероятно, даже Нанда¹, заполучив

¹ Нанда — мифический пастух, по древним индийским легендам, получивший от богов на воспитание младенца Кришну, в которого воплотился бог-хранитель Вишну.

Кришну, не был в таком восторге. Лицо Гангу светилось радостью и счастьем, глаза горели довольством. Он напоминал нищего, который после долгой голодовки, наконец, насытился хорошим обедом.

— Ну, как, махарадж,—спросил я,—напал ли ты на след своей богини? Ты ведь уезжал куда-то?

— Да, бабу-джи,—радостно ответил Гангу.—Вашиими молитвами я нашел ее в родильном доме в Лакнау. Когда Гомати уезжала туда, она попросила одну из своих подруг, если я буду очень беспокоиться, сообщить мне, куда она уехала. Едва я узнал об этом, как тут же помчался в Лакнау и забрал ее. А в придачу получил этого ребеночка.

И Гангу, восторженно приподняв малыша, протянул его ко мне, словно это была награда за одержанную победу.

— Итак, значит, ты еще и мальчика получил?—спросил я с иронией.—Может быть, Гомати потому и убежала от тебя, что это не твой ребенок?

— Он мой, бабу-джи, ваш, богат..

— Ты говоришь, он в Лакнау родился?

— Да, бабу-джи, вот уже месяц как родился.

— А сколько времени прошло с тех пор, как ты женился?

— Седьмой месяц идет.

— Значит, ребенок родился через пять месяцев после того, как вы поженились?

— Ну и что же?

— Так ты считаешь, что он — твой сын?

— Конечно!

— Послушай, ты же говоришь глупости!

Не знаю, понимал он, к чему я клоню, или делал вид, что не понимает, но с тем же простодушием он ответил мне:

— Ей очень трудно было рожать. Три дня и три ночи мучилась, чуть не умерла. Лучше и не спрашивайте меня об этом.

— Знаешь, я впервые слышу, чтобы ребенок родился через пять месяцев,—продолжал я насмешливо.

Наконец он понял мой намек и, улыбнувшись, сказал:

— Ах, вот в чем дело! А мне и в голову не пришло! Гомати потому и сбежала, что боялась таких пере-

судов. Я же сказал ей: «Если я тебе не по душе, то намеки только, я тут же уйду и больше не вернусь. Но если ты в чем-нибудь будешь нуждаться, напиши, по мере сил помогу». Я говорил ей, что нисколько не сержусь на нее и что она для меня такая же хорошая, как прежде, а люблю я ее еще больше. И если она меня не разлюбила, то пусть едет со мной. Я сказал ей, что пока жив — никогда не изменю ей, и женился на ней не за то, что она красивая, а потому, что люблю ее и думаю, что она тоже любит меня. И этот ребенок — мой сын. Да, мой родной сын. Уж если я приобрел засеянное поле, неужели я брошу урожай только потому, что его засеял кто-то другой?! — И Гангу громко засмеялся.

На мои глаза почему-то навернулись слезы. Не знаю, что это была за сила, которая заставила меня подавить в себе отвращение и взять этого невинного младенца на руки. Я так нежно поцеловал его, как, пожалуй, не целовал собственных детей.

— Вы очень порядочный человек, бабу-джи, — сказал Гангу. — Я часто рассказываю о вас Гомати. Я говорил ей, чтобы она зашла хоть разок взглянуть на вас, но она не идет — ей стыдно...

— Это я-то порядочный? О нет! Только сегодня с моих глаз спала пелена, и ты помог мне это сделать. Зачем Гомати идти ко мне, к такому гадкому человеку. Я сам пойду к ней, — сказал я, всем сердцем чувствуя уважение к этим простым людям. — Ты считаешь меня порядочным человеком! А на самом деле я низкий человек и только внешне кажусь порядочным. Истинное благородство — в тебе, а этот невинный младенец — цветок, благоухающий твоей порядочностью.

Прижимая ребенка к груди, я пошел вместе с Гангу.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В эти дни в городе только и разговоров было, что о благородстве господина Яшодананда. Да и не только в городе. Слава о нем разнеслась по всей провинции. Газеты печатали о Яшодананде статьи, на него, точно из рога изобилия, сыпались поздравительные письма от друзей. Вот это действительно служение обществу! Вот как поступают люди возвышенных мыслей! Этот уважаемый человек оказал неоценимую услугу всей нашей интеллигенции! Кто теперь осмелится сказать, что наши лидеры щедры только на обещания и скупы на дела? Если бы господин Яшодананд захотел, он мог бы получить с родителей невесты по меньшей мере двадцать тысяч рупий. Да к тому же его еще и благодарили бы! Однако почтенный лала¹ во имя принципа отверг деньги и согласился женить сына без единого пай² приданого. Подумать только! Нет, поистине, если есть на свете решимость, принципиальность, следование своим идеалам, то лучшего примера, чем этот, не найти. Слава тебе, герой, достойный сын своей матери-родины! Еще никто не совершал того, что сделал ты. С чувством великой гордости склоняем мы головы перед тобой!

У господина Яшодананда было два сына; старший из них уже получил образование и стал ученым. Его-то

¹ Лала — купец, представитель торговой касты.

² Пай — мелкая индийская монета.

свадьба в скором времени и должна была состояться, и, как мы только что узнали, без всякого приданого со стороны невесты.

Сегодня в доме Яшодананда происходила церемония украшения жениха свадебным тилаком¹. На торжество ожидали distinguished Свамидаяла из Шахджаханпура, конечно с подарками, по случаю столь знаменательного события. Были приглашены уважаемые жители города.

Сейчас все блистательное общество было в сборе. Гости восторгались игрой искусного музыканта на ситаре². Угощение было уже готово. Друзья превозносили Яшодананда.

— Дорогой друг! — говорил один. — Ты сотворил настоящее чудо!

— Да что там чудо! — добавил другой. — Скажите лучше — покори нас! Ведь до сих пор все, кого ни возьми, только и знают что горланить речи на митингах. А чуть коснется дела — тут же в кусты.

— И при этом как только не изворачиваются, чтобы оправдаться! — вступил в разговор третий. — Дескать, и к приданому они питают отвращение и считают, что брать его — противно их принципам, да только что поделать, если супруга и слышать ни о чем не хочет. А то на отца начнут ссылаться или еще на кого-нибудь из родственников.

— А сколько бесовестных, — произнес четвертый, — которые прямо говорят: мы должны сполна возместить расходы, затраченные на учение сына. Очевидно, они считают, что положили эти деньги в банк!

— Я прекрасно понимаю, что вы намекаете на меня, — заговорил пятый. — Но, может быть, сперва стоит поразмыслить: действительно ли виноват в этом только отец жениха? Глядишь, и отец невесты окажется кое в чем виновным.

— В чем же он виноват? — спросил первый. — Разве в том, что у него родилась дочь?

— Во всем виноват всевышний, который сотворил женщин, — заметил второй. — Разве не так?

¹ Торжественная церемония помолвки, во время которой один из родственников невесты или специально приглашенный брахман наносит жениху на лоб тилак (тику).

² С и г а р — струнный музыкальный инструмент.

— Я не то имею в виду, — ответил пятый. — Нельзя сваливать всю вину ни на отца невесты, ни на отца жениха. Виноваты оба. И если отец невесты ничего не дает за дочь, так уж пусть и не сетует на то, что невесте не принесли в подарок ни сластей, ни красивой одежды или что свадьбу справили бедно. Не так ли?

— Да, над вашими словами стоит подумать, — заметил четвертый. — Действительно, мне кажется, в подобном случае никаких претензий к отцу жениха быть не может.

— Тогда вы должны признать, — продолжал пятый, — что надо отказаться не только от обычая давать в приданое деньги, но и от обычая дарить на свадьбу сласти, наряды и украшения! Вот и получается, что выступать только против приданого — бессмысленно!

— Ваш довод также *late excuse*! — вмешался в разговор Яшодананд. — Вот я отказался от приданого, но почему мне не принести невесте подарок?

— Господин Яшодананд! — возразил первый. — Вы человек исключительный. Разве можем мы, простые смертные, равняться с вами? Ваше достойное место — среди богов!

— Да, отказаться от двадцати тысяч — не пустяк! — подхватил второй.

— Я придерживаюсь того мнения, — произнес Яшодананд, — что всегда следует поступать согласно своим principles¹. Когда главное — principle, то money² теряет всякую value³. Я никогда не выступал с публичными речами против недостойного обычая требовать приданого. Кажется, даже и в своих статьях не касался этого. Но на conference⁴ я высказался в поддержку резолюции по данному вопросу. И теперь чувствую себя обязанным действовать в духе этой резолюции. Но если бы я даже и захотел пренебречь ею, то этого не допустит моя совесть. Уверяю вас, если бы я согласился принять в приданое деньги, то испытывал бы такие угрызения совести, что, пожалуй, не в силах был бы их перенести.

¹ *Late excuse* — неоснователен (англ.).

² *Principle(s)* — принцип(ы) (англ.).

³ *Money* — деньги (англ.).

⁴ *Value* — стоимость, цена (англ.).

⁵ *Conference* — конференция, собрание (англ.).

— Будет величайшей несправедливостью, если вас не изберут председателем *conference*! — воскликнул пятый.

— Я только выполняю свой *duty*¹. Оценят это надлежащим образом или нет — меня, право же, не интересует.

В этот момент стало известно, что достопочтенный Свамидааял, наконец, прибыл. Все поспешили навстречу важному гостю. Его усадили на почетное место, и церемония началась. На пальмовом листе перед женихом Свамидааял разложил кокосовый орех, бетель, вареный рис и прочие необходимые для обряда принадлежности. Брахманы прочитали молитвы и воздали дары священному огню. После этого на лоб жениха был нанесен тилак. Тотчас женщины, родные жениха, запели величания. Потом господин Яшодананд поднялся на возвышение и начал, обращаясь к гостям, говорить о недостойном обычае требовать приданое. Речь была написана заранее, и вопрос о приданом излагался в ней в историческом плане.

— В глубокой древности никакого приданого не было и в помине, — говорил Яшодананд. — Да, господа, никто даже и не знал, что это такое. Поверьте мне, никто не представлял себе, зверь это или птица, на небесах оно или на земле, едят его или пьют. Начало существующему ныне обычаю было положено позже, во времена, когда юноши стали поступать на службу в царские войска. Это были храбрые люди, они гордились тем, что шли воевать, и матери своими руками снаряжали любимых сыновей и посылали на поле битвы. Так число молодых людей начало уменьшаться, и, как следствие, они стали больше цениться. А сейчас дело дошло до того, что заурядный, совершенно ничтожный пример моего скромного служения обществу комментируется в газетах так, будто я совершил что-то невероятное. Я заявляю, господа, если вы не хотите своей неминуемой гибели, немедленно положите конец отвратительному обычаю брать за невестой приданое.

— Неужели мы все умрем, если не откажемся от него? — с сомнением произнес один из присутствующих.

¹ *Duty* — долг, обязанность (англ.).

— Будь так, и доказывать было бы нечего — люди сразу получали бы наказание. И это, пожалуй, было бы лучше. Лишь по жестокой воле всевышнего алчные, падкие на деньги негодяи, которые торгуют живым товаром — продают собственных детей! — все еще живут спокойно и даже счастливо. И общество не упрекает их! Но все они — торговцы рабами... — В этом духе Яшодананд продолжал говорить и дальше. Выступление было очень длинным, но пересыпано остротами, и слушатели высоко оценили его.

Окончив речь, хозяин дома поднял на возвышение своего младшего сына — Парамананда, мальчика лет семи. Для него он тоже написал небольшую речь. Яшодананд хотел показать гостям, сколь острым умом отличаются в этой семье даже малые дети.

Детей вообще часто заставляют выступать с речами на всякого рода собраниях, поэтому никто не удивился, увидев красивого мальчика на возвышении. Выглядел Парамананд очень смышленным, держался уверенно. Оказавшись на помосте, он улыбнулся и, достав из кармана листок бумаги, с важным видом начал громко читать.

— Дорогой друг, здравствуйте! Из вашего письма следует, что вы мне не верите. Беру бога в свидетели и заверяю, что указанная сумма будет доставлена вам с такими предосторожностями, что ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения. Осмеливаюсь побеспокоить вас только одной просьбой. Коль скоро все будет сделано тайно, вы приобретете почет и уважение, мне же придется страдать от упреков всей своей родни. Так вот, не могу ли я, в силу этих обстоятельств, надеяться на небольшое снисхождение? Покорнейше прошу проявить ко мне милость и вместо двадцати пяти тысяч согласиться на двадцать...

Господин Яшодананд в это время вышел распоряжаться об угощении для гостей. Возвратившись, он успел услышать только: «...вместо двадцати пяти тысяч согласиться на двадцать». Изменившись в лице, он бросился к сыну и вырвал у него листок.

— Негодник! Ты что читаешь? Ведь это письмо какого-то подзащитного! Он писал о своем деле в суде. Шайтан! Где ты его нашел? Иди возьми листок, написанный для тебя!

— Пусть читает! — вступился один из присутствующих. — Пожалуй, более интересной речи, чем эта, не найти!

Раздалось еще несколько голосов:

— А наговорил-то, наговорил-то сколько! Совсем околдовал своими речами.

— Ну, теперь можно и расходиться. Я пошел!

— И я тоже!

— И я!

— Посидите, посидите, пожалуйста! — засуетился Яшодананд. — Сейчас будет угощение!

— Парамананд, сынок! — сказал один. — Иди-ка сюда! Ты где взял этот листок?

— Бабу-джи написал мне, что говорить, положил в свой стол и велел взять и прочитать. А теперь вот ругает...

— Ах ты свинья! Да это разве тот листок? Ведь я на стол положил, а ты зачем в ящик полез?

— А я на столе не нашел...

— Так почему меня не спросил? Зачем ящик открыл, я тебя спрашиваю? Ну смотри, уж я тебе так задам сегодня, надолго запомнишь!

— Вот это откровение! — проговорил один из гостей.

— Вот они — лидеры! — поддержал его другой. — Норовят людей в дураках оставить, а сами славу зарабатывать.

— Постыдились бы! Слава достается не обманом, а заслугами, — добавил третий.

— Как видите, славу-то он уже приобрел, да только вот непредвиденное обстоятельство... — заметил четвертый.

— Вот так всевышний и наказывает обманщиков, — сказал пятый.

Переговариваясь, гости поднялись со своих мест. Яшодананд понял, что хитрость его раскрыта и расположить собравшихся в свою пользу ему уже не удастся. Он метал гневные взоры на Парамананда и едва сдерживался, чтобы тут же, сию же минуту, не отколотить его палкой. Ведь все уже было в порядке, а этот шайтан испортил. Да еще как! Опозорил перед всеми! Теперь людям и в глаза-то глядеть будет стыдно. Убил! Совсем убил!

Тем временем гости, расходясь по домам, продолжали обмениваться впечатлениями.

— После такого позора порядочный человек не посмеет никому на глаза показаться,— говорил первый.

— Меня только вот что удивляет: как такие богатые, почтенные и образованные люди могут поступать столь подло? Уж если хочешь получить деньги, так бери открыто. Разве тебе кто будет мешать? Так нет. Норовят и карман себе набить потихоньку и славу приобрести. К чему это?

— Обманом долго не проживешь! — заметил третий.

— А мне все-таки жалко Яшодананда,— проговорил четвертый.— Как ни хитрил, бедняга, лицемерие его все же обнаружилось. Вот уж действительно — непредвиденное обстоятельство!

ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Давно, в детстве, когда я учился в школе, играл в мяч, выслушивал упреки учителей и еще не успел чему-нибудь научиться и поумнеть, я был восторженным членом общества трезвенников. Я участвовал во всех его заседаниях, собирал для него членские взносы. Больше того, я даже дал обет воздержания, твердо решив соблюдать его. Когда я принимал посвящение, председатель спросил меня: «Уверен ли ты, что сумеешь сдержать свой обет до конца жизни?» И я не колеблясь ответил: «Да, я совершенно убежден в этом». Улыбнувшись, председатель положил передо мной письменное обязательство. Как я был счастлив в тот день! Я ходил с гордо поднятой головой и даже позволил себе несколько раз нагрубить отцу, который имел обыкновение по вечерам, для бодрости, выпивать стаканчик-другой. Мне же было трудно это переносить, честное слово!

Но если отец и поступал неправильно, то делал это с большим тактом. Лишь только он начинал хмелеть, а это было видно сразу, потому что глаза его начинали поблескивать, он садился ужинать — ел при этом очень мало — и потом на всю ночь освобождался от мирских печалей. И я читал ему наставления! Я решался вступать с ним в пререкания! Раз я даже прибегнул к насилию: схватив бутылку и стакан, я с такой силой

швырнул их о камень, с какой даже Кришна, наверно, не ударил Кансу¹. Осколки стекла разлетелись по всему дому, и в течение нескольких дней женщины до крови ранили свои босые ноги.

Но вы представьте себе мое состояние! Меня не смущали даже строгие взгляды отца. А когда он узнал о печальной участи своей животворной бутылки, он тут же отправился на базар, и очень быстро опустевшее место на полке было снова заполнено. Я приготовился к великому бою, но отец вовсе не выглядел рассерженным. Больше того, он посмотрел на меня с радостью — мне показалось, что в глазах его светились счастье, искреннее доброжелательство и необычайная любовь, — и улыбнулся. Улыбнулся так же, как несколько месяцев назад улыбался председатель. Теперь-то мне ясен смысл их улыбок, тогда же я этого понять еще не мог. Хоть немного научился разбираться, и то хорошо. Теперь я вижу, сколько иронии было в той улыбке, сколько насмешки над моим мальчишеским обетом и сколько сострадания к моему простодушию.

В колледже я продолжал соблюдать свой обет, а так как мои товарищи в большинстве своем не отличались воздержанностью, меня считали «образцом поведения». Но это не проходило мне даром. Меня всячески дуррачили, поднимали на смех; называли «муллой», «господином советником». «Какая жалость! Ведь ты непьющий!» — говорили мне. Откуда только бралась в колледже такая узость взглядов? Короче говоря, порой я бывал вынужден поступиться своими убеждениями. Я не раз видел, как мои товарищи в своих комнатах осушали стакан за стаканом, и оставался безучастным. При мне растирали бханг, и я молчал. Меня настойчиво уговаривали попробовать хоть каплю, а я вежливо отвечал: «Извините, не могу, это вредно для моего здоровья». Так вместо принципиальных соображений мне приходилось выставлять в качестве предлога свою телесную немощ. Войнственный пыл, который некогда уничтожил бутылку отца, безвозвратно исчез. А однажды,

¹ Канса — мифический царь, захвативший трон своего отца. По народному преданию, его племянник Кришна (один из героев «Махабхараты»), приняв образ мальчика, убил дядю и вернул престол отцу Кансы.

на четвертом курсе колледжа, когда я получил известие о рождении сына, моему либерализму вовсе пришел конец. Уступая настойчивым просьбам друзей, я устроил банкет и своими руками наливал друзьям вино. И надо признаться, что роль виночерпия показалась мне в высшей степени приятной. Да, либерализм по сути дела не что иное, как отказ от принципиальности и измена идеалам. Никогда не бывает недостатка в доводах для убеждения самого себя; на свете нет ничего легче самообмана. Ведь сам-то я не пил, только поил других, так что в этом худого для меня? А для друзей? Их-то я тоже не обидел! Весь интерес в том и состоит, чтобы, угощая других, самому не брать в рот ни капли!

Итак, я вышел из колледжа безупречным и начал заниматься адвокатурой в родном городе. Тянуть лямку приходилось с утра до полуночи. Все развлечения и прогулки времен колледжа исчезли, как сон. Посещения друзей — тоже. Даже во время отпуска не было времени свободно вздохнуть. Я узнал, как тяжела жизненная борьба. Впрочем, было бы неправильным назвать мое существование борьбой! Где упоение и возбуждение борьбы? Героизм и победные клики? Нет, это была просто-напросто толкотня и сутолока. Если хочешь чего-нибудь добиться, сноси побои и оскорбления, — такова теперь жизнь. Тут уж не до встреч с возлюбленной, целования дверей ее дома, выслушивания ругательств привратника и возвращения ни с чем. Посидишь целый день за работой, всякий интерес к жизни пропадет, даже аппетита лишишься. Проглотишь с грехом пополам пару лепешек, и в голову полезли разные мыслишки — неужели ради этих двух лепешек стоит выбиваться из сил? Умирай, гибни, а ради чего?

Вместе с тем я мечтал о машине, красивом доме, хотя бы небольшом земельном участке, о счете в банке; но, с другой стороны, если бы все эти блага и были у меня, что бы я получил от этого? Наслаждаться всем будут мои дети, я же так и умру, ничего не создав в жизни. Я напоминал змею, стерегущую богатство.

Нет, так продолжаться не может. С какой стати я буду жертвовать собой! Я сам хочу наслаждаться плодами своего труда. Что же мне предпринять? Поехать куда-нибудь прогуляться? Но тогда разбежится вся моя клиентура. Ведь я не такой известный адвокат, чтобы

без меня остановились все дела. И подобно некоторым нашим «китам», я, несмотря ни на какой обет несотрудничества¹, готов броситься на любую подвернувшуюся под руку крупную дичь. Но пока мне приходится стрелять лишь по куропаткам да перепелам.

А может быть, начать ходить по театрам? Но зачем? Придется ночью спать всего часа по два, а это приведет к тому, что я умру раньше срока. Ведь вот мои сослуживцы совсем другие. И что они такое делают, чтобы всегда быть веселыми и беззаботными? Можно подумать, что они не знают никаких огорчений.

Вообще забота о своей особе — это веяние английской школы. На Востоке люди живут не ради себя, как на Западе, а ради детей, ради славы и религии. На Востоке хозяин дома — всеобщий слуга; он больше всех работает, и, лишь накормив и одев других, сам ест и одевается. На Западе же он считает себя вправе лучше всех питаться, хорошо одеваться. У нас на первом месте семья, там — сам человек. Но веяния Запада распространяются и на нас. С каждым днем мы все больше изменяем нашим лучшим идеалам.

И я стал задумываться над тем, что дал мне мой продолжительный аскетизм. Целый день надрываюсь на работе, ночь сплю как убитый. Разве это жизнь? Ни радостей, ни удовольствий. Протрубишь целый день, тут уж не до тенниса! Нет сил даже пойти погулять. Чтобы сделать эту жизнь более интересной, есть только одно средство — самозабвение, оно хоть на миг избавляет от жизненных тревог. Я забуду свое положение, забуду самого себя, немного посмеюсь и повеселюсь — словом, отведу душу. Да, есть только одно средство, которое может мне помочь, и я его знаю. А данное слово? Э! Какой-то там обет — детские забавы. Разве мог я в то время знать, что дойду до теперешнего состояния? Тогда было

¹ Имеется в виду «сатьяграха» (кампания несотрудничества, или гражданского неповиновения). «Сатьяграха» буквально означает «твердость, основанная на истине». Так назвал Ганди принятую им кампанию против английского господства в Индии. Этот метод политической борьбы выражался в ненасильственном, пассивном сопротивлении и сводился к массовому гражданскому неповиновению, отказу от выполнения отдельных распоряжений органов власти, от сотрудничества с ними, от уплаты налогов и т. п. Сторонники этого движения давали обет верности принципам «сатьяграхи».

хоть отбавляй бодрости и энергии, искусственной поддержки не требовалось. Тогда молодость пьянила. А вот что теперь делать?

Подобные рассуждения, постоянно обогащаясь все новыми и новыми доводами, начали колебать основы годами культивируемого мной воздержания. Неужели я умнее всех? Ведь все же пьют. Да вот хотя бы судьи; все они едва вышли за двери суда — отправляются выпить. Нет, обеты воздержания — это принадлежность прежних времен, когда труд не был столь губительным. Да, но надо мной будут смеяться — лез, мол, в праведники, вот и зашел в тупик! А, пусть смеются. Я неправильно дал обет. Из-за этого обета столько лет ограничивал себя во всем. Но стал ли я оттого, что не пил, великим, или добился особых почестей?

Раньше я читал в книгах — одно нехорошо, другое — плохо; но, обдумывая прочитанное, ничего дурного в тех поступках не видел. Конечно, спиться, превратиться в пьяницу — иное дело, это никуда не годится. Ведь злоупотреблять даже самыми прекрасными вещами — вредно. Так и знание, когда становится чрезмерным, приводит к отрицанию бога. Пить следует одному, чтобы пробуждать, а не усыплять разум. Первые дни, конечно, будет страшно. А дальше — чего бояться?

Надо так сделать, чтобы в первый раз меня напоили насильно, тогда достоинство мое будет сохранено. Потому что, коль скоро обет окажется в один прекрасный день нарушенным, в дальнейшем оправдываться будет уже ни к чему, и мне не придется краснеть перед домочадцами.

2

Представление я решил устроить в день праздника холи¹. Лучшего случая для подобного посвящения было трудно себе представить. Холи — это день, когда полагается пить и поить. Поэтому пьяные в день холи — явление и понятное и простительное. Но ведь если возможен священный холи, то вполне могут быть священными и воровство и взяточничество, не так ли?

¹ Холи — веселый весенний праздник в середине марта в честь бога Вишну. Во время этого праздника устраиваются народные гулянья.

Наконец наступил долгожданный день, и я начал готовиться к своему обращению. Пригласил нескольких любителей выпить, заказал в лавке виски и шампанское, запаса лимонадом, содовой, мороженым, закусками, ароматным табаком, ну и всем прочим.

Комната моя была невелика, поэтому я приказал убрать шкафы с законоведческими книгами и, расстелив ковер, стал поджидать друзей. Я напоминал птицу, которая, расправив крылья, сама зазывает птицеловов.

К девяти часам все были в сборе. Среди моих друзей были такие, которые соловели от одного глотка, но были и последователи риши Кумбхаджа¹ — они могли осушить океан и остаться трезвыми, хоть бы в одном глазу.

Итак, я выставил бутылки, стаканы и блюда с закусками.

— Друг мой, для полного удовольствия недостает мороженого и содовой, — обратился ко мне один из приятелей.

— У меня все заказано, просто забыли подать.

— Ну, коли так, во имя бога, начнем!

— А кто будет виночерпием? — спросил кто-то.

— Поручите это дело мне, — предложил я.

Я принялся наполнять чаши. Вскоре разговор стал громче, веселье горячее, вихрем закружились по комнате непристойные шутки и остроты, но мной никто не интересовался, даже не шутил, будто я какой-нибудь вишнуит². Ну и в дураках же я оказался! «Но, может быть, друзьям неловко предложить мне выпить? — подумал я. — Как бы им помочь?» Наконец, поразмыслив, я завел разговор.

— А я вот никогда не пью, — начал я.

— Почему же? — спросил один из друзей. — Вам за это придется отвечать перед богом.

— Ну-ка, соблаговолите объяснить, посмотрим, что вы нам наговорите, — вмешался в разговор еще один приятель. — Я бы тоже хотел знать, почему он не пьет?

— Да так, мне просто не хочется.

¹ Риши Кумбхадж — одно из имен мифического риши (мудреца) Агастья, который, по преданиям, выпил весь океан за то, что тот оскорбил его.

² Вишнуит — последователь вишнуизма, одного из религиозных учений Индии, связанного с поклонением богу Вишну. Вишнуиты питаются преимущественно вегетарианской пищей.

— Это не ответ. Видно, вы зря учились на адвоката, раз не можете объяснить толком.

— А ну-ка ответьте, ответьте...— заговорил третий.— Что вы такое задумали? Вы, видно, бога ни во что не ставите?

— Может быть, у вас есть религиозные основания? — спросили меня.

— Может быть,— уклончиво сказал я.

— О, праведник! Так вы, оказывается, великий праведник! Дайте-ка я посмотрю ваш хвост!

— А разве у праведников должен быть хвост? — спросил я.

— А то как же! У одного — длиной в локоть, у другого — в два. Вы к каким относитесь? Только хвостатые и считаются теперь праведниками. Мы-то все грешники!

— Благочестивый законник! Ого! — воскликнул кто-то.— Так, значит, может быть и благочестивая проститутка!

— Религиозных соображений у вас быть не может,— начал один из друзей.— Уже одна ваша профессия адвоката говорит о том, что у вас нет никаких религиозных убеждений!

— Ах, друзья мои! — воскликнул я.— Все это не для меня.

— Вот уж сразил так сразил. Прямо на месте уложил! Послушай, друг, а не помочь ли тебе?

— Может быть, врач запретил пить?

— Нет,— возразил я.

— Да что там! Он теперь сам стал доктором. Для него, видите ли, не подходит напиток богов! Эх ты, праведник, попробуй хоть раз!

— Мне просто странно слышать подобные слова,— проговорил кто-то из собравшихся.— Друг мой,— обратился он ко мне,— вино — это величайшее лекарство, ведь это же амрита. Уж не приняли ли вы обета воздержания?

— Ну, а если и принял?

— Тогда ты просто дурак, круглый дурак! — резюмировал он.

Сюда, виночерпий, налей нам полнее,
Поднимем бокалы и выпьем скорее! —

продекламировал другой.

— Все мы в свое время давали обет трезвости,— вступил в разговор один из гостей.— Но мы-то сами изменились, так почему же наши обеты должны оставаться в силе? Ведь мы по существу сохранили только свои имена. Сами мы уже не те, и наши обеты ушли вместе с нашим детством.

— В конце концов какой толк в выпивке? — спросил я.

— Это можно понять, только когда выпьешь. Выпей хоть один бокал — если не получишь удовольствия, больше пить не будешь.

— Кончено! Ну, теперь попался! Не отстанем от тебя, пока не напоем!

Амриту — чудную влагу бессмертия —
Пьем мы и ночью и днем.
Нет, о тебе позабыть мы не в силах
Даже объятые сном! —

снова продекламировал один из моих друзей.

— Вот что, братья. Вы, пожалуй, не сможете напоить его, дайте-ка я это сделаю.— Говоривший был толстый, здоровенный детина. Он схватил меня за шею и прижал к моим губам чашку. Клятва была нарушена, новое обращение свершилось, желаемое исполнилось! Но я, притворяясь рассерженным, кричал:

— Вы погубили и меня и себя!

— Будь счастлив! — провозгласил кто-то.

— Будь благословен, сто крат благословен! — поддерживал его другой.

8

Новообращенный всегда особенно ревностно берется за дело. Теперь уже каждый вечер, освободившись от дневных забот, один или с приятелями, осушал я стакан за стаканом. На душе от этого становилось веселей, по ночам спалось хорошо. Но по утрам я чувствовал себя отвратительно. В голове шумело, все тело ныло, вставать не хотелось, и я подолгу потягивался и зевал, лежа в постели. Друзья посоветовали мне для бодрости опохмеляться по утрам, уверяя, что это очень хорошо помогает. Я запомнил, и если раньше после умыванья я при-

нимался за чтение молитв, то теперь, умывшись, я брал бутылку и поспешно уединялся в своей комнате. Я знал, как опасно пристраститься к вину, знал, что человек со временем может стать его рабом настолько, что будет не в силах обходиться без него. И хотя я все это знал, сам я медленно, но верно попадал в его лапы. Дело дошло до того, что без вина я уже ничего не мог делать. Так вино, которое я попробовал ради удовольствия, в один год стало для меня столь же необходимым, как вода и воздух. И если случайно судебное разбирательство затягивалось, я теперь испытывал такое изнеможение, словно совершал трудный переход. Придя же домой, я раздражался по всякому поводу, набрасывался на слуг, бил детей, сердился на жену. Все это было, но, в отличие от других пьяниц, у меня не двоилось в глазах, в пьяном виде я не ругался, не поднимал скандалов; пристрастие к вину не причиняло также заметного вреда и моему здоровью.

Стоял сезон дождей. Вода в реках и каналах поднялась. Но хакимы¹ и в дождливый сезон не прекращают своих инспекционных поездок. Ведь их интересуют только командировочные деньги, и им нет никакого дела до того, сколько они доставляют неприятностей людям. И вот однажды мне пришлось отправиться на одно из судебных разбирательств. Я предполагал, что до вечера успею вернуться домой, но из-за разлива рек вместо десяти часов утра только туда добрался во второй половине дня. Судейский помощник дождался меня. Суд состоялся, но прения затянулись до девяти часов вечера. Как описать мое состояние? У меня появлялось желание то выцарапать глаза судейскому помощнику, то вырвать бороду у своего противника-адвоката, который затягивал прения. Временами я был готов биться головой об стенку. Я не мог ни стоять, ни сидеть. Нет, обыкновенному пьянице и не вообразить мои мучения! Конечно, следовало бы раньше подумать о том, что меня может ожидать, если придется задержаться на ночь. Ведь помощник судьи не раб мой и делать все как мне заблагорассудится не обязан.

Наконец, когда пробило девять, заседание окончилось. Но куда было идти? Дождливая ночь, на много косов

¹ Хакимы — судебный чиновник.

вокруг ни следа жилища, ни деревни, где бы можно раздобыть живительную влагу. Да если бы даже такая деревня и нашлась, то кто бы туда пошел? Адвокат — не тханедар¹, чтобы распоряжаться людьми. Я оказался в большом затруднении.

Но вот клиенты наконец удалились, разошлись крестьяне и прочая публика. Мой противник, поужинав у чапраси², улегся на веранде почтовой конторы. Но что было делать мне? О возвращении домой нечего и думать. Я был чуть жив. Сидя на веранде на циновке, я горько оплакивал свою судьбу. Не приходил и сон, в объятиях которого я мог бы забыться. Злил меня и второй адвокат, который спал так сладко, словно покоился на ложе наслаждения в доме тестя.

Положение мое было самое плачевное. А в это время в помещении почты бахадур³-сахиб осушал стакан за стаканом. Я слышал нежное журчание льющегося вина, и это еще больше расстраивало меня. Я не смог усидеть. Потихоньку подошел я к тростниковой циновке, закрывавшей дверь, и заглянул внутрь. Ах! Что это было за дивное зрелище! В хрустальных бокалах, в окружении мороженого и содовой, вино искрилось багряным великолепием. У меня слюнки потекли. Да, если бы в этот момент запечатлеть меня на портрете, то лучше нельзя было бы изобразить вожделение. А глаза сахиба блестя, губы его были красны. Он сидел один и пил и в порыве душевного наслаждения пел английскую песню. Это ли не небесное блаженство рядом с моими адскими муками! Несколько раз у меня появлялось сильное желание попросить у сахиба стакан вина, но я боялся, как бы вместо вина не получить по шее, а на помощь прийти тут было некому.

Так я стоял до тех пор, пока сахиб не кончил трапезу. Вволю поев и напившись, он велел слуге убрать со стола. Слуга сидел там же, на полу около стола, и дремал. Он встал и, взяв поднос, вышел на веранду. Тут он вдруг увидел меня и вздрогнул. Я поспешил успокоить его:

— Не бойся, не бойся, это я.

¹ Тханедар — начальник полицейского участка.

² Чапраси — курьер, посыльный.

³ Бахадур — титул высших чиновников.

— Это вы, адвокат-сахиб! Ваша милость стояла здесь? — удивился слуга.

— Да, я смотрю, как он ест и пьет. Как много он пьет вина!

— Ох, не говорите. По две бутылки в сутки. В день выпивает рупий на двадцать. В поездку он никогда не берет с собой меньше двух-трех дюжин бутылок.

— Я вот тоже привык к вину, но сегодня не смог его достать.

— Это для вас, должно быть, очень мучительно.

— Что же поделать, ведь тут нет даже лавки. Я думал, суд скоро кончится и я вернусь домой. Поэтому ничего и не взял с собой.

— А я вот привык к опиуму. Если хоть день не покурю, совершенно теряю рассудок. А пьяницам ничего не нужно, только было бы вино, они могут хоть три дня не есть.

— То же и со мной, братец. Такое состояние — кажется, вот-вот умру.

— Вам бы хоть одну бутылку захватить с собой. Положили бы в карман.

— Да вот забыл, братец, иначе о чем было бы горевать!

— И уснуть не удастся?

— Какой там сон! Еле дышу. Не знаю, протяну ли ночь.

Я хотел, чтобы слуга сам предложил залить сжигающее меня пламя; тогда мне не пришлось бы краснеть. Но и он оказался не дурак.

— Помолитесь богу и ложитесь спать, — посоветовал он. — Сон в конце концов придет.

— Нет, мне не уснуть. Скорее умру. А что, сахиб ведет счет бутылкам?

— О господин, это такой негодяй! Если не допил бутылку, так делает на ней пометку. Станет хоть на каплю меньше — сейчас же заметит.

— Как это печально. А мне нужен всего-навсего один стаканчик. Ровно столько, чтобы уснуть. Я заплачу сколько скажешь.

— Заплатить-то вы заплатите, да боюсь, он заметит! Ведь тогда он убьет меня.

— Неси, неси, голубчик, больше нет сил терпеть.

— Жизнь моя к вашим услугам. Но бутылка стоит десять рупий. А завтра я куплю у какого-нибудь крестьянина и незаметно подложу.

— Я вряд ли выпью целую бутылку.

— Возьмете с собой, господин! Если у меня останется полбутылки, он сразу догадается, в чем дело. Он очень подозрительный, даже рот мой обнюхивает, чтобы узнать, не пил ли я.

Я получил за свою работу двадцать рупий. Жаль было отдавать половину дневного заработка, но другого выхода не было. Я молча вынул десять рупий и вручил их слуге. Он принес бутылку английского виски, мороженого и содовой. Я тут же, в темноте, открыл бутылку и принялся заливать страждущую душу этим живительным бальзамом.

Мог ли я знать, какие новые козни готовит мне судьба, замышляя мою погибель!

4

Надо ли говорить о том, как хорошо мне спалось после вина,—ведь этому способствовало полбутылки виски. Я проснулся только в восемь часов утра, когда подметальщик начал уборку. Винная бутылка и стакан были припрятаны у меня в изголовье и укрыты зонтиком. Сверху я набросил свое платье. Но когда я поднялся и взглянул в изголовье—ни бутылки, ни стакана там не оказалось. Сердце мое словно оборвалось. Я стал искать слугу, чтобы спросить у него, не забрал ли он стакан и бутылку. Обеспокоенный, я отправился в заднюю часть дома, где были помещения для слуг. Но там мне представилось такое ужасное зрелище, что я замер на месте.

Я увидел сахиба, державшего слугу за ухо. Бутылки с вином были выстроены на столе одна подле другой, сахиб пересчитывал их и допытывался у слуги, куда девалась недостающая.

— Господин,—стонал слуга,—если я смошенничал, пусть господь покроет чернотой мое лицо.

— Так, значит, я лгу? Было не двадцать девять бутылок?

— Господин, клянусь богом, я не знаю, сколько было бутылок.

В ответ сахиб дал слуге несколько пощечин.

— Нет, ты считал, и если не сознаешься, я из тебя всю душу выколочу,— заговорил он.— И отвечать за это не буду. Я сам начальник, и все начальники — мои друзья. Убью, если не скажешь, куда делась одна бутылка.

Я замер от страха. Впервые за много дней вспомнил я бога и начал в глубине души молиться Гобардхандхари¹. «Честь моя в твоих руках,— мысленно обращался я к нему.— О господи! Не дай цотонуть углой ладье! Он — англичанин, кто его знает что он может со мной сделать. Боже! Замкни уста слуге, лиши его дара речи! Ведь ты приходил на помощь великим преступникам, ты пощадил Аджамилу². Я тоже отступник, худший из худших. Вызволь меня из беды. Если ты спасешь меня сейчас, я никогда больше даже взгляда не кину на вино».

Говорят, «от побоев и злой дух убежит». Каждую минуту ждал я, что эта поговорка подтвердится. Только бы слуга не проговорился! Иначе мне несдобровать. При этом я боялся не столько потери диплома, или судебного дела о воровстве, или укоров судьи, сколько того, что сахиб может меня избить. Вдруг этот злодей кинется на меня с плетью! Вообще-то я человек здоровый и смелый от природы. В колледже у меня даже был приз за спорт. Да и сейчас в сезон дождей — в течение двух месяцев — я выжимаю гири. Но тогда я страшно испугался. Моральных сил я лишился еще раньше: откуда быть этой силе у вора? Моя честь, мое будущее, моя жизнь зависели теперь только от одного слова слуги, от одного-единственного слова! Можно ли представить себе более тонкую, более ветхую и ненадежную жизненную нить!

¹ Гобардхандхари — буквально «поднявший гору Гобардхана»; одно из имен Кришны, мизинцем поднявшего гору Гобардхана, чтобы защитить своих друзей — пастухов и пастушек, с которыми он веселился, от ливня, посланного на них рассерженным пренебрежением к своей особе Индрой, богом бури и грома.

² Аджамил — нечестивец брахман, который искупил все свои прегрешения одним произнесением имени Вишну.

В душе я давал обет — не обещание пьяницы, а настоящий, твердый обет, — если я выпутаюсь из этой неприятности, никогда больше не пить вина. Я дал страшную клятву, чтобы как можно крепче связать себя и оградить душу от ложных убеждений. Но, о злосчастье! Помощи не было ниоткуда. Обо мне не вспомнили ни Гобардхандхари, ни Нарсинх¹. Все они помогали людям только в Золотой век². Мой обет не подействовал, моя клятва не произвела впечатления. Чему суждено было свершиться в моей доброй или злой судьбе, то и произошло. Провидение не сочло мою клятву достаточной гарантией данного обета.

Несчастный слуга оказался верен своему слову. Он перенес и удары и пощечины, он стерпел, когда ему рвали бороду, и ничего не сказал, ничего. Это был очень честный, мужественный человек. Я в подобном положении вряд ли смог бы остаться столь твердым. Возможно, после первых же ударов все бы выболтал. То великое опасение, которое он мне внушал, оказалось необоснованным. До конца жизни буду восхвалять я достоинства этого сильного духом человека.

Но молния обрушилась на меня совсем с другой стороны.

5

Так как удары и брань не оказали никакого действия на слугу, сахиб схватил его за ухо и потащил к почтовой конторе. Увидев это, я перебежал на переднюю веранду, делая вид, что ничего не знаю. Сахиб, все еще держа слугу за ухо, остановился передо мной. Я тоже поднялся. Кровь застыла у меня в жилах.

— Ну, господин адвокат, ты пьешь вино? — обратился ко мне сахиб.

Я не мог этого отрицать.

— А ночью ты пил вино?

¹ Нарсинх — Вишну, воплотившийся в льва, чтобы поразить злого демона Хираньякасиу.

² Золотой век — первый из четырех мировых периодов в индийской мифологии. Золотой век охватывает период, равный 1 728 000 лет. В этот век люди якобы благоденствовали, не зная забот.

Я не мог этого отрицать.

— Ты получил вино от моего слуги?

Я не мог этого отрицать.

— Выпив ночью вино, ты спрятал бутылку и стакан к себе под голову?

Я не мог этого отрицать. А я-то боялся, как бы слуга меня не выдал! Но оказалось, что я все открыл сам.

— Ты знаешь, что это воровство?

И этого я не мог отрицать!

— Я могу тебя уволить, отнять у тебя диплом, отправить тебя в тюрьму.

Действительно, так оно и было.

— Я могу избить тебя, и мне за это ничего не будет.

Действительно, так оно и могло быть.

— Ты, чернокожий, стал адвокатом, и берешь от моего слуги краденое вино. Ты свинья! Но я накажу тебя так, как тебе понравится. Что ты хочешь?

— О господин, я хочу вашего прощения,— ответил я, весь дрожа.

— Нет, я спрашиваю о наказании!

— Какое ваша милость сочтет нужным.

— Хорошо, так оно и будет.

Сказав так, этот безжалостный негодяй, этот дьявол в образе человека позвал двух слуг и велел им держать меня за руки. Я стоял молча, опустив голову, как мальчик, ожидающий наказания от учителя. Что мне грозит? Только бы он не приказал связать мне руки и не стал бы таскать меня за уши. Но никакой надежды на помощь свыше у меня больше не было. А к кому еще мог я обратиться, кроме бога?

Оставив меня в руках слуг, сахиб направился в контору и принес оттуда штемпельную краску и кисть. Тут из глаз моих хлынули слезы. Такое страшное унижение из-за одной капли вина! Вина, за которое я заплатил втридорога!

Сахиб начал кистью размазывать черную краску по моему лицу,— чтобы смыть это пятно, я знал, потребуется много серов¹ мыла,— а я стоял, как мокрая

¹ Сер — мера веса, равная примерно 900 г.

кошка. И слуги его — эти посланцы Ямы¹ — не сжалились надо мной; оба они были индийцы, но, именно находясь в их руках, я и испытывал это унижение. Да, это значит, что страна получила самоуправление!

Сахиб размазывал позорное пятно и смеялся. В конце концов на лице моем не осталось чистого места, кроме глаз. За каплю вина человек был превращен в обезьяну. Про себя я думал, что, как только выберусь отсюда, тотчас подам в суд за оскорбление или договорюсь с каким-нибудь проходимцем, чтобы он там же, в суде, хорошенько отколотил этого субъекта.

Лишив меня человеческого подобия, сахиб велел отпустить свою жертву и, хлопая в ладоши, побежал за мной следом. Было десять часов утра — время, когда чиновники, рассыльные, клиенты приходили кто на работу, кто с прошением. Сотни людей толпились на улице. Не знаю, что мне взбрело на ум, но я побежал. Из всей комедии это была самая тяжелая сцена. Впереди бежал я, за мной следом — сахиб, за ним — толпа народу, все они хлопали в ладоши и кричали: «Держите, держите его!» — словно гнали обезьяну.

Это преследование продолжалось примерно около мили. Хорошо еще, что я был спортсменом и сумел убежать, иначе бог знает что бы еще могло со мной приключиться. Может быть, они собирались прокатить меня верхом на осле.

Наконец преследователи отстали, и я, полумертвый, опустился на край канавы. Я твердо решил, что изобью камнями каждого, кто приблизится, чем бы это потом ни кончилось. Однако я даже не пытался умыться в канаве, ибо знал, что от одной воды краска не отойдет. И я стал размышлять о том, какую жалобу подам на этого англичанина. Пожалуй, придется скрыть, что я взял краденое вино от его слуги. Если это будет доказано, я сам попадусь. Ну что же, это я сумею скрыть. Я укажу какую-нибудь другую причину нашей вражды, но процесс затеять необходимо.

¹ Яма — по индуистским верованиям, бог смерти и правосудия.

Но куда я пойду? Кому я могу показать свое размалеванное лицо? Если уж этому негодяю понадобилось разукрасить меня, то разве нельзя было взять сажу со сковородки или с лампы? По крайней мере она отмылась бы, а вместе с ней смылся бы и позор. А теперь я всем своим видом сам извещаю о своем проступке. Будь на моем месте другой, он утопился бы со стыда. К счастью, по дороге до сих пор еще никто не проходил, а то как бы я смог объяснить, почему у меня такое лицо.

Но вот я несколько отдышался и задумался: «До каких же пор оставаться мне в этой канаве?» Я решил попробовать, не отойдет ли чернота, и начал тереть лицо песком. Вдруг вижу, краска начала смываться. Трудно представить себе радость, охватившую меня. Я воспрянул духом. Я так тер лицо, что в нескольких местах содрал кожу, но даже самая острая боль казалась мне тогда пустяковой. Я был с непокрытой головой, одет только в рубашку и дхоти — что ж, в этом не было ничего позорного. Верхнее платье, ачкан¹, тюрбан — все осталось в почтовой конторе, но об этом я и не думал. Ведь краска смылась!

Чернота уходит, но след ее в душе остается. Много времени прошло с тех пор, целых пять лет, а я не могу забыть того злосчастного дня. Я не то что пить, думать забыл о вине. Может быть, злосчастие это было испытанием свыше, чтобы вернуть меня на путь истинный? Да, никакие доводы, никакая логика, никакие насмешки не производили на меня более неизгладимого впечатления. И теперь, когда я вижу, к какому благотворному результату привел меня тот случай, хочется сказать — все что ни делается, все к лучшему. Так оно и должно было быть. Однако стоит вспомнить, что я в то время пережил, как я лишаюсь сна даже теперь.

Но не буду затягивать рассказ о своих горестях. Читатели могут сами догадаться о последствиях. Слухи о происшедшем, конечно, распространились, но я, вместо того чтобы стыдиться и смущаться, счел более разумным говорить обо всем открыто. Я сам много сме-

¹ Ачкан — род плотно облегающего сюртука до колен, застегивающегося спереди на пуговицы.

ялся над собственной глупостью и без стеснения рассказывал о своем столкновении с сахибом. Правда, я позволил себе небольшой обман, прибавив кое-что от себя: я рассказывал, что вечером, когда был чуть-чуть пьян, захватив бутылку и стакан, я проник в комнату англичанина, свалил его со стула и хорошенько отколотил. Это добавление немного успокаивало мою растоптанную, униженную, искромсанную душу. А что было на сердце, о том знает только сердце.

Больше всего я боялся, чтобы об этой истории не узнала моя жена,— она бы очень огорчилась. Я не знаю, слышала она что-нибудь или нет, но со мной она об этом никогда не говорила.

ПЕРВЫЙ ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА

Был праздник холи. Пандит Мотерам Шастри, любитель сластей и пирожных, сидел у себя во дворе на сломанной кровати. Он низко опустил голову и казался воплощением заботы и печали. Его жена сидела рядом. Она смотрела на него с искренним сочувствием и, ласково воркуя что-то, старалась рассеять грусть мужа.

После долгого раздумья пандит с тоской проговорил:

— Спит где-то наше проклятое счастье. Даже в день холи не проснулось!

— Да, тяжелые времена наступили. Ведь с тех пор, как ты велел, я и утром и вечером только и делаю что молю бога о приглашениях. Сотни свечей поставила матери тулси¹. Но все словно вымерли. Как на беду и работы никакой нет.

— Получается, что все эти боги ровно ничего не стоят. Вот если бы нашлось для меня хоть какое-нибудь дело, мы поверили бы, что они действительно существуют. Но, знаешь, вообще-то уж очень много желающих полакомиться 'на чужой счет.

— Неужели во всем городе не осталось доброго человека? Неужели все перемерли?

— Не только умерли, но и сгнить успели. А если и осталось пять — десять человек, так они и веселятся

¹ Тулси — базилик; тулси считается священным растением вишнуитов.

всего один-два раза в год. В лучшем случае поднесут три сера сладостей на рупию. Будь в моих силах, я бы всех их отправил на каторгу. Все это плоды Арья Самаджа¹.

— Ну что ж, придется тебе остаться дома и сегодня. В наше время не так-то легко найти благодетеля, который бы сидел дома и рассылал приглашения. Иногда и напомнить о себе надо.

— А откуда ты знаешь, что я не напоминал? Нет такого богача в городе, к которому я не заходил бы с благословением. Да разве эти проклятые слушают! Они заняты своими делами.

В это время во двор вошел пандит Чинтамани-джи, лучший друг Мотерама. Он выглядел несколько моложе товарища, и в соответствии с этим брюхо его не было столь грандиозным.

— Что нового, друг? — обратился к нему Мотерам. — Есть у тебя какие-нибудь планы?

— Нет ничего, кроме головы на плечах. Не везет нам!

— Ты прямо из дома?

— Эх, брат, видно мы с тобой скоро превратимся в аскетов. Да и зачем жить, если в этом мире не осталось никаких радостей? Знаешь, уж если сегодня нам не перепадет чего-нибудь вкусенького, так это вообще не жизнь.

— Ты прав, брат...

— Ну а ты ничего не собираешься предпринять? Скажи-ка, уж не стать ли нам действительно аскетами?

— Постой, друг, не торопись. Не умрешь — в рай не попадешь. А коли хочешь поесть вволю — так изволь сначала потрудиться. Давай-ка пойдем на берег Ганга и выступим там с речью. Может, нам удастся пробудить сочувствие в чьем-нибудь сердце.

— Что ж, это хорошая мысль. Пойдем.

И почтенные мужи отправились к Гангу.

Было раннее утро. Тысячи людей совершали омовение². Одни читали священные тексты, другие сидели на

¹ Арья Самадж — буквально «Общество ариев», индуистская религиозная секта, основанная в конце XIX в. и проповедовавшая возврат к верованиям древних ариев; стремилось приспособить индуизм к требованиям националистически настроенной индийской интеллигенции.

² Ганг почитается у индусов священной рекой; омовение в его водах якобы очищает от грехов.

стульях у брахманов, которые наносили им тилак. Некоторые, во влажных еще дхоти, уже шли домой.

Как только появились наши святые отцы, к ним со всех сторон понеслись слова приветия и уважения. Отвечая на приветствия, друзья дошли до берега Ганга и занялись омовением и прочими церемониями. Затем, усевшись поудобнее на стульях, они принялись распевать священные гимны. Это было столь необычно, что вокруг них собралось множество любопытных. Когда слушателей набралось несколько сот, пандит Мотерам торжественно произнес:

— Уважаемые господа, вам известно, что Брахма¹, сотворяя сей бренный мир, произвел брахманов из своего рта. Я думаю, никто в этом не сомневается.

— О махарадж, вы говорите совершенную правду. Как можно не согласиться с вами? — ответили слушатели.

— Итак, брахманы появились из рта Брахмы, это несомненно. Поэтому рот — важнейшая часть человеческого тела. Следовательно, услаждение его является высшим долгом каждого смертного. Так или нет? Не хотите ли мне кто-нибудь возразить? Тогда пусть выйдет вперед. Я могу научно обосновать свое утверждение.

— Махарадж, вы ученый человек. Кто осмелится возражать вам? — смиренно проговорили слушатели.

— Итак, решено, что забота о рте — высший долг каждого человека; но тогда нетрудно убедиться и в том, что люди, которые пренебрегают своим ртом, осуждены на страдания. Кто-нибудь хочет мне возразить?

— Хвала вам, махарадж, вам ведомы истина и наука! — воскликнули слушатели.

— Теперь возникает вопрос — каким образом можно доставлять рту удовольствие? На это я отвечаю — ваши возможности зависят от вашей веры. Есть различные способы. Воздавайте хвалу богам, прославляйте всевышнего, общайтесь с хорошими людьми и не произносите бранных слов. Все это приносит рту счастье. Если вы увидите кого-нибудь в несчастье, постарайтесь утешить его. И это благодатно для рта. Но есть другой способ, лучший из всех, самый превосходный, самый дей-

¹ Б р а х м а — бог-творец, создатель мира; один из трех главных богов индуистского пантеона.

ственный. Может ли кто-нибудь из вас его назвать? Если может — пусть скажет.

— Махарадж, кто смеет произнести хоть слово в вашем присутствии? Окажите милость — скажите сами, — взмолились слушатели.

— Хорошо, я во всеуслышание заявляю: из всех способов лучший, подобно тому как луна — лучшая из звезд...

— Махарадж, не медлите, пожалуйста. Что это за способ? — упрасивали слушатели.

— Хорошенько слушайте! Внимательно слушайте! Это средство — усладить рот превосходнейшими яствами, отборнейшей пищей. Может, кто-нибудь не согласен со мной? Тогда пусть подойдет, я могу привести ему свидетельства вед¹.

— Позвольте опросить вас, махарадж, — сказал один из слушателей. — Я не могу понять, каким образом вкусная пища может стать более благодатной для рта, чем праведные речи?

— Да, да, и мы тоже в этом сомневаемся! — присоединилось к нему несколько человек. — Махарадж, соблаговолите разрешить это сомнение.

— Еще у кого-нибудь есть сомнения? Ну что ж, я с большой радостью устраню его. Уважаемые господа, вы спрашиваете, каким образом насыщение вкусной пищей становится более благотворным, чем произнесение священных слов? На это я отвечаю — дело в том, что первая форма конкретна, а вторая — невидима. Вот пример. Представьте себе, что я совершил какой-то проступок. И если хаким призовет меня к себе и начнет ласково убеждать в том, что я поступил нехорошо и сделал чего не следовало, то это наказание не будет иметь успеха и не приведет меня на путь истинный. Господа, я не святой, я жалкий человек, запутавшийся в сетях майи². На меня это наказание не произведет никакого впечатления. Как только я уйду от хакима, я снова вступлю на ту же порочную стезю. Понятны вам мои слова? Кто-нибудь не согласен?

¹ Веды — древние священные книги индусов.

² Ма́йя — божественная иллюзия, творческая сила высочайшего божества, якобы создающая мир, который, будучи ей подвластен, имеет призрачное, иллюзорное существование.

— О махарадж! Вы океан премудрости, вы жемчужина среди пандитов! Слава вам! — восторженно кричали слушатели.

— Хорошо, вернемся к тому же примеру. Пусть хаким немедленно бросит меня в тюрьму, где я буду подвергаться всяческим мучениям. Поверьте, после освобождения я надолго сохраню воспоминания об этих страданиях и, возможно, сойду с дурного пути. Но вы можете меня спросить: ведь и то и другое — наказание, так почему же одно оказывает действие, а другое нет? Причина этого в том, что форма одного явная, а другого — скрытая. Понятно вам это?

— Браво, махарадж! Всевышний наградил вас великим умом! — ликовали слушатели.

— Хорошо, вы спросите теперь, какие продукты могут быть названы лучшими. Сейчас мы разберем и это. Подобно тому как всевышний создал разнообразные цвета для услаждения глаз, он сотворил также различные вкусовые ощущения. Но какое из них самое лучшее? У каждого свои вкусы, хотя, как гласят веды и шастры¹, наилучшей считается сладость. Она очаровывает богов, сам всевышний предпочитает сладкую пищу. Может ли кто-нибудь назвать бога, который принимал бы соленые приношения? Кто может назвать хоть одного такого небожителя? Никто не может. Точно так же не любят боги кислых, горьких и острых, терпких продуктов.

— Махарадж, ваша мудрость беспредельна! — восторгались слушатели.

— Таким образом, установлено, что лучшей пищей являются сладости. Но вы можете меня спросить, все ли сладкие блюда равно приятны для рта? Если я скажу «да», то вы закричите: «Пандит-джи, вы сошли с ума!», поэтому я скажу — нет, нет и еще раз нет. Не все сладости одинаково хороши, и патока значительно отличается от сахара. Поэтому при услаждении рта наш первый долг в том и состоит, чтобы угощать себя, как и других, самыми изысканными, самыми лучшими кушаньями. Мне кажется, что если на ваших блюдах будут джаунпурские амирати², сладкий горошек из Агры, сахарные лепешки из Матхуры, леденцы из Бенареса, сладкие тво-

¹ Ш а с т р ы — древние священные книги индусов.

² А м и р а т и — вид сладостей.

рожнички из Лакнау, лакомства из Аудха и вкуснейшая делийская халва, то этим остался бы доволен даже всевышний. Да что говорить, все боги были бы в восхищении! А тот доблестный, достойный человек, который угостит брахманов такими изумительными блюдами, еще при жизни удостоится райского блаженства. Если есть у вас вера, то я буду настаивать на том, чтобы вы во что бы то ни стало исполнили свой долг. Иначе вы никогда не сможете считать себя людьми.

Пандит Мотерам кончил. Раздались аплодисменты. Некоторые из присутствующих, восхищенные потоком мудрости и религиозными наставлениями, начали осыпать святого отца цветами. Тогда сладким голосом заговорил пандит Чинтамани-джи:

— Господа, вы выслушали глубоко впечатляющую речь моего дорогого друга, и говорить теперь мне как будто бы и ни к чему. Но, хотя я с пандитом Мотерамом во всем согласен, у нас все же есть небольшие расхождения во взглядах. Я полагаю, что если на ваших блюдах окажутся только джаунпурские амирати, то это будет значительно вкуснее и приятнее, чем смешанные сладости, и доставит гораздо больше удовольствия. В доказательство я могу привести выдержки из шаштр.

Слова Чинтамани-джи привели Мотерама в ярость:

— У тебя превратное представление! По сравнению со сладким горошком из Агры и делийской халвой, джаунпурские амрити ничего не стоят! — воскликнул он.

— Попробуй доказать! — закричал в ответ Чинтамани.

— Зачем доказывать то, что и так ясно?

— Ты просто невежда!

— А ты хоть всю жизнь жрешь, но толку в еде не понимаешь!

В ответ на это Чинтамани запустил в Мотерама своим стулом. Почтенный ученый, увернувшись, отвел удар и ринулся на Чинтамани, подобно разъяренному слону, но присутствующие поспешили разнять святых людей.

СОВЕТ УЧИТЕЛЯ

Домашние неприятности и отсутствие приглашений на обеды породили в душе пандита Чинтамани-джи желание уйти от суетного мира, и, когда решение стать отшельником у него созрело, лучший друг Чинтамани-джи пандит Мотерам Шастри решил дать ему несколько советов.

— Дружище, я прекрасно знаю всех этих известных аскетов и святых,— начал он.— Они не протягивают руки с мольбой о помощи, когда подходят к дверям дома какого-нибудь почтенного человека, и не расточают попусту благословений, вроде «Да избавит тебя всевышний от забот и печалей», или «Будь вечно счастлив». Так делают только нищие. Божьи люди поднимают у самого входа отчаянный крик, чтобы переполошить всех обитателей дома и чтобы они, гонимые любопытством, бросились к дверям. Я знаю несколько таких магических изречений, хочешь, выбирай одно из них. Гудари Баба говаривал: «Умрем, так все умрем». Услышав эти слова, люди сразу же падали к его ногам. Великолепный клич был у Сиддха Бхагата: «Ешь, пей, наслаждайся, наряжайся, но моей дубинки остерегайся!» Нанга Баба изрекал, как правило: «Даешь, так сам давай, на других не сваливай!» Ты пойми, почет и уважение к тебе во многом зависят от того, с каким словом обращаешься к людям. Ну, что бы тебе еще сказать? — Мотерам Шастри-джи помолчал.— Не забывай меня. Мы с тобой немало дней прожили вместе, не один обед съели, а когда вдвоем являлись на какое-нибудь пиршество — сколько блюд опустошили, соревнуясь, кто больше съест! Без тебя мне

придется туговато. Но что делать? Пусть всегда благо-
волит к тебе всевышний!

Однако Чинтамани не понравилось ни одно из пред-
ложенных изречений.

— Придумай-ка что-нибудь еще,— попросил он.

— Хорошо. А как тебе нравятся такие слова: «Поч-
теннейший, попробуй не дать,— так я брошусь на тебя!»

— О, это другое дело! Только позволь мне несколько
сократить изречение.

— Да, да, пожалуйста.

— Ну вот, представь себе его, например, таким: «Эй
ты, не дашь — так я брошусь на тебя!»

Мотерам пришел в неописуемый восторг:

— Боже мой, да ведь это же совершенно оригиналь-
но, необычайное изречение! Вера просветлила твой разум.
Ну-ка произнеси его еще разок, как следует. Посмотрим,
как это у тебя прозвучит.

Чинтамани заткнул оба уха пальцами и что есть силы
заорал:

— Эй ты, не дашь — так я брошусь на тебя! — От
этого крика словно небеса разверзлись, а Мотерам даже
вздрогнул от неожиданности; в испуге посыпались с де-
реьев летучие мыши, залаяли собаки.

— Дружище,— воскликнул Мотерам,— ты меня пере-
пугал! Никогда я не слышал такого выкрика, ты реवेशь,
как лев. Итак, с изречением вопрос решен. Теперь я по-
ясню тебе некоторые другие вещи. Слушай вниматель-
но. Язык садху отличается от нашей болтовни. Мы гово-
рим одному — «вы», другому — «ты». Садху называют на
«ты» всех: и малых и великих, богатых и бедных, ста-
рых и молодых. Но к старикам всегда относятся с поч-
тением. Помни еще одно: никогда не говори на простом
хинди, иначе тайна тут же раскроется. Говори как мож-
но витиеватее. Такая фраза, как, например, «Мамаша,
дай поесть», — на языке садху должна прозвучать совер-
шенно иначе. Опытный садху выразит эту же мысль та-
ким образом: «Матушка, благоволи угостить меня. Тебе
воздастся за это».

— Друг мой, я не знаю, как и благодарить тебя. Ве-
ликое благодеяние оказал ты мне,— сказал Чинтамани
и распрощался с товарищем.

И вот Чинтамани решительно двинулся в путь. Вскоре
он увидел несколько святых с всклокоченным волосами;

сидя против табачной лавки, они курили гашиш. Заметив Чинтамани, один из них воинственно заорал:

— Эй, убирайся-ка подобру-поздорову, да поживей!

— Та-та-та-та-там, сюда пришли мы к вам, зачем скучать тут нам! — закричал другой.

Еще не смолкли эти крики, повторившись эхом, как третий махатма¹ загремел:

— Страна Бенгалия! Ее не видел я! Быстрой, быстрой, бокал ты налей!

Тут Чинтамани-джи не вытерпел и тоже взревел:

— Эй ты, не дашь, — так я брошусь на тебя!

Заслышав эти слова, садху и махатмы принялись почтительно приветствовать своего сподвижника. Ему тотчас же набили гашишем трубку, и на нашего пандита пало тяжкое бремя — разжечь ее. Бедняга попал в чрезвычайное затруднительное положение. У него даже мелькнула мысль отказаться от трубки. Но тогда он будет немедленно разоблачен. И Чинтамани волей-неволей пришлось взять трубку. Однако никакие старания не помогут раскурить трубку тому, кто никогда не курил гашиш. Наш же герой закрыл глаза и, как умел, сильно затанулся: тотчас же трубка выпала у него из рук, глаза выкатились из орбит, на губах выступила пена, а трубка — увь! — так и не разгорелась, и изо рта не показалось ни облачка дыма.

Этой неловкости пандита было совершенно достаточно. Со злостью подскочили к нему возмущенные «святые», грубо схватили за руки и поставили на ноги.

— Проклятие тебе! — завопил один.

— И тебе не стыдно! Еще задумал стать святым, дурак! — прибавил другой.

Пристыженный, направился Чинтамани к ближайшей кондитерской и пристроился там. А хор святых, под удары тамбурина, принялся распевать свой гимн:

Наш злой и черный мир есть майя, да, бренный мир

есть майя;

Все призрачно — и добродетель и порок; лишь знание

этого есть истина живая;

Наш бренный мир есть призрачная майя;

Проклятье тем, кто запрещает гашиш вдыхать;

Наш бренный мир есть призрачная майя.

¹ Ма х а т м а — буквально «великий дух», титул выдающихся, высокопочитаемых брахманов.

САТЬАГРАХА

1

В Бенаресе ожидали приезда его превосходительства вице-короля. Все правительственные чиновники, от мала до велика, готовились к торжественной встрече.

Тем временем Конгресс¹ призвал горожан провести всеобщую забастовку протеста.

Чиновники всполошились. И вот, в то время как повсюду развешивали флажки, наводили чистоту, воздвигали величественные арки, украшали присутственные места, ставили на главной площади огромный навес-пандаль,— по городским улицам и переулкам маршировали с примкнутыми штыками отряды солдат и полицейских. Чиновники ломали головы над тем, как не допустить забастовки, а конгрессисты решили добиться, чтобы забастовка состоялась, и состоялась во что бы то ни стало. И если одни полагались на грубую силу, то другие уповали на моральное воздействие. На этот раз обоим сторонам предстояло пройти испытание. Кто одержит победу?

Городской судья с утра до вечера разъезжал верхом на коне и запугивал лавочников. Он грозил засадить их

¹ Конгресс — Индийский Национальный конгресс; основан в 1885 г. Ныне правящая партия Республики Индия.

в тюрьму, устроить погром, сделать и то, и другое, и третье. Лавочники почтительно складывали руки и говорили: «Ваша милость, вы наш падишах и бог. Что захотите, то и будет. Но мы-то что можем поделать? Ведь конгрессисты нам житья не дадут. Поставят к нашим лавкам пикеты, перестанут из-за нас стричься и бриться, объявят голодовку, будут мучить себя. И все из-за нас! А ну как двое-трое умрут? Тогда позор нам на веки вечные. Если бы вы, ваша милость, образумили этих конгрессистов, то оказали бы нам огромную услугу. Разве нам я убыток, коли забастовки не будет? Ведь со всей Индии важные господа понаедут. А будут наши лавки открыты, так мы хорошо заработаем, самые дорогие товары и те продадим. Но что поделаешь? С этими шайтанами разве сладишь?»

Еще больше, чем чиновники, были обеспокоены райсахиб Харанандан, раджа Лалчанд и маулави¹ Махмуд Али, титуловавшийся — Хан Бахадур. Действовали они и вместе с судьей и самостоятельно. Собирали у себя дома торговцев, уговаривали их, умоляли, пугали; страшали извозчиков, задабривали рабочих. Однако горстка конгрессистов навела на всех такой страх, что никто и слушать ничего не хотел. Дело дошло до того, что даже торговка зеленью, жившая по соседству, набралась храбрости и заявила: пусть делают с ней что хотят, а лавку свою она не откроет — доброе имя ей дороже. Больше всего, однако, было беспокойства о том, как бы не бросили работу рабочие, плотники и кузнецы, строившие роскошный навес для приема важного гостя. Это было бы ужасным несчастьем.

Райсахиб предложил:

— Господа, давайте привезем торговцев из других городов! Пусть они откроют свои лавки и торгуют.

На это господин Хан Бахадур возразил:

— Времени осталось мало, не успеть. Вот если бы арестовать конгрессистов или конфисковать их имущество, тогда бы они присмирели.

— Их посадишь, так народ еще больше разъярится, — заметил господин раджа. — А не лучше ли, господа, сказать конгрессистам: отмените забастовку — и тогда вы

¹ Маулави — мусульманский ученый-священнослужитель.

получите места на государственной службе? Ведь они почти все безработные. Вряд ли устоят перед таким соблазном.

Однако ни один из этих советов судья не принял. А время шло. До приезда вице-короля осталось всего три дня.

2

И вот однажды господину радже пришла в голову блестящая идея: почему бы и нам не прибегнуть к моральному воздействию? Ведь конгрессисты затеяли всю смуту во имя торжества справедливости и религии. Последуем-ка и мы их примеру, одолеем льва в его логове! Надо найти такого человека, который решился бы принять обет: лишиться себя жизни, если лавки не откроются. Но необходимо, чтобы он был брахманом, да таким, которого уважал бы весь город.

Это предложение всем чрезвычайно понравилось. Они пришли в восторг. Райсахиб заявил:

— Ну вот, теперь самое трудное позади. Остается только найти такого человека. А что, если взять пандита Гададхара Шарму?

— Нет, нет,— возразил раджа.— Кто с ним считает-ся? Он только и умеет, что в газетах писать. Разве в городе его знают?

— А Дамри Оджда не подойдет? — спросил райсахиб.

— Нет! Кому он известен, кроме студентов из колледжа?

— Тогда пандит Мотерам Шастри? — снова предложил райсахиб.

— Вот это вы хорошо придумали! — вскричал раджа.— Это как раз такой человек, который нужен. Его и надо позвать. Человек он ученый, благочестивый. Да и ловкач притом! Если Мотерам Шастри согласится, то можно считать — наша взяла!

Райсахиб тотчас послал за пандитом Мотерамом. В это время почтенный мудрец творил молитвы богам. Услышав о приглашении, он кончил молиться и поспешил на зов. Шутка ли: сам господин раджа зовет! Хвала счастливой судьбе!

— Ну, кажется, взошла-таки и моя звезда,— сказал он своей супруге.— Подавай-ка одеваться. Пойду узнаю в чем дело.

— Поел бы сначала,— отозвалась жена,— а то неизвестно еще, когда вернешься.

Однако Шастри-джи решил, что неудобно заставлять себя долго ждать.

Была зима, поэтому пандит надел шелковое дхоти с широкой красной каймой, расшитый красным шелком ачкан зеленого сукна, набросил на плечи парчовое покрывало, намотал на голову тюрбан из дорогого бенаресского муслина, всунул ноги в деревянные сандалии и отправился.

Лицо Мотерама Шастри сияло величием. Издали можно было подумать, что идет какой-нибудь махатма, и все, кто ни встречался по дороге, кланялись пандиту, а многие торговцы почтительно касались его ног: нынче вот только такие почтенные люди и поддерживают славу священного Бенареса. Не будь их, что случилось бы с городом? А какой он приветливый! Даже с детьми шутит!

И вот почтенный пандит в своем пышном наряде достиг дома господина раджи. Трое друзей почтительно встали при его появлении.

— Надеюсь, вы здоровы, пандит-джи? — обратился Хан Бахадур к Мотераму Шастри.— Клянусь аллахом, вас можно показывать на выставке! Весу в вас, вероятно, не меньше десяти ман?¹

— На один ман учености надо десять ман ума. В такой пропорции на один ман ума должно быть десять ман живого веса, иначе разве можно выдержать такую тяжесть? — сказал райсахиб.

— У вас превратные представления об этом,— вмешался раджа.— Ум — это особое воспаление, которое постепенно охватывает не только голову, но и тело.

— Я слышал, старые люди говорят, будто ум и тучность не уживаются,— заметил Хан Бахадур.

— Это не совсем так,— снова заговорил райсахиб.— Если бы вы приняли мою точку зрения, то, конечно, заметили бы, что раз соотношение ума и тела — один к десяти, значит, чем толще человек, тем больше у него ума,

¹ Ман, или маунд — мера веса, равная примерно 38 кг.

— А из этого следует, что чем больше человек жи-
реет, тем сильнее его мозги заплывают жиром,— не уни-
мался раджа.

— Если и с такими мозгами приглашают знатные
господа, так зачем мне худосочные мозги? — поддержал
разговор Мотерам.

Когда шутки утихли, раджа изложил пандиту состоя-
ние дел в городе и рассказал о возникшем у них
плане.

— Итак, знайте, что сейчас ваше будущее полностью
в ваших руках. Пожалуй, еще никому не выпадало столь
удачного случая решить свою судьбу. Не будет заба-
стовки — и вам до конца дней своих не придется просить
ни у кого милости, стучаться в чужие двери. О прочих
выгодах мы пока говорить не будем... Придумайте и
возьмите на себя такой обет, чтобы все в городе ахнуло.
Конгрессисты прикрываются религией, поэтому и нако-
пили столько сил. А вы должны изобрести такое сред-
ство, чтобы повернуть религиозные чувства народа на
нашу сторону.

— Это не так трудно,— с очень важным видом отве-
чал Мотерам.— Я способен сотворить такие подвиги
благочестия, что могу вызвать дождь или прекратить
эпидемию чумы. Могу поднять и снизить цены на пищу...
Утихомирить конгрессистов не так уж трудно. По-евро-
пейски образованные господа думают, что никто не смо-
жет совершить того, что делают они сами. Но ведь эти
господа и представления не имеют о тайных науках.

— Если это так, ваша милость, то вас можно будет
назвать вторым богом. Жаль, не знали мы раньше, что
вы владеете такой силой. Разве пришлось бы нам столь-
ко времени ломать голову? — проговорил Хан Ба-
хадур.

— Я могу разыскивать клады, сахиб,— продолжал
Мотерам,— могу вызывать предков, вот только никто не
ценит этих достоинств. В мире талантливых людей не-
мало, да, к сожалению, мало ценителей этих талантов.
«Добродетель не исчезла, лишь ценителя ей нет».

— Хорошо! И какие же дары хотели бы вы получить
за эти подвиги?

— Да уж это как ваше благочестивое сердце вам
подскажет,

— А не можете ли вы сейчас сказать, что за подвиг вы совершите?

— Я возьму на себя обет не принимать пищи и буду читать молитвы. Вот увидите: пусть не буду я Мотерам Шастри, если не наделаю шума на весь город!

— И когда же?

— Хоть с нынешнего дня! Только прикажите дать мне денег, чтобы снискать благоволение богов.

Разве жаль было денег ради такого дела? Получив их, пандит радостный вернулся домой и рассказал жене, зачем его приглашали.

— Напрасно ты суешь голову в эту петлю, — встревожилась жена. — А вдруг не сдержишь обета? Что тогда? Опозоришься на весь город, на смех поднимут. Лучше верни деньги!

— Как же это я не сдержу обета? — начал успокаивать ее Мотерам. — Не такой уж я дурак, чтобы вот так прямо пойти и начать голодовку. Приготовь-ка мне сначала поесть. Купи амирати, ладду расгуллы¹. Наемся всего досыта, потом выпью полсера сливок, отправлю туда же, — Мотерам похлопал себя по огромному животу, — еще полсера миндаля. Добавлю простокваши пожирнее, чтобы пустого места не осталось. Посмотрим тогда, осмелится ли голод сунуться в мое чрево! Да после такой «закуски» три дня не вздохнешь, какой там голод? А тем временем весь город переполошится... Наконец-то и для меня возшло солнце счастья! Если сейчас раздумывать, так потом жалеть придется. Пойми, не будет забастовки — я разбогатею! Откажусь — откуда еще мы возьмем деньги? Ведь сегодня целую сотню рупий получил!

Пока шли приготовления к трапезе, пандит Мотерам велел возвестить, что вечером перед зданием муниципалитета он самолично произнесет речь о политическом положении в стране. Пусть обязательно приходят все, кто может!.. Горожан охватило любопытство. Как так! Почтенный пандит всегда стоял в стороне от политики. И уж если он решил держать такую речь, надо послушать. В городе Мотерама Шастри очень уважали.

И вот в назначенное время на площади перед мунн-

Ладду, расгулла — индийские сладости.

ципалитетом собралась толпа в несколько тысяч человек. Мотерам вышел из дому, готовый к действию. Живот его был так набит, что бедный пандит еле двигался. Как только он появился перед толпой, люди встали, а затем склонились в почтительном пранаме¹. Мотерам заговорил:

— Жители города, торговцы, ростовщики, господа! Я узнал, что вы, послушавшись конгрессистов, решили объявить забастовку по случаю приезда вице-короля. Какая неблагодарность! Ведь если вице-король захочет, вас могут расстрелять из пушек, а от города камня на камне не останется. Он — владыка над нами, и с ним шутки плохи. Пока он смотрит на все сквозь пальцы, жалеет вас, убогих. А вы и рады! Словно коровы рветесь на зеленое поле, чтобы потом попасть на бойню. Ведь если вице-король захочет, он закроет и дороги и почту, к нам в город перестанут подвозить товары. Что вы тогда будете делать? Отвечайте-ка! Захочет, так нынче же весь город в тюрьму засадит. Что тогда будете делать? А? Куда от него убежишь? Где спрячешься? Так что, раз уж живем в этой стране, подчиняемся чужестранцам, незачем и бунтовать. Помните, ваша жизнь в его руках! А не то напустит на город чуму — заплачете! Вы что, собрались метлой остановить бурю? Берегитесь! Берегитесь! И я заявляю: если кто-нибудь осмелится прекратить торговлю, я лишу себя пищи и расстанусь с жизнью вот на этом самом месте!

— Махарадж, пока вы умрете, пройдет не меньше месяца, — усомнился кто-то. — За три дня с вами ничего не случится.

— Душа не подвластна телу, ею правит бог! — обрушился Мотерам на скептика. — Стоит мне захотеть, и силой своих заклинаний я сейчас же лишу себя жизни. Я вас предупредил. Теперь сами решайте, что делать. Послушаетесь меня — вам же будет лучше. Не послушаетесь — на вас падет грех убийства брахмана. Опозорите себя перед всем миром. А тепер — всё! Вот здесь я и располагаюсь!

¹ Пранам — поклон, выражающий почтение и любовь. Совершающий пранам поднимает к лицу сложенные ладони рук.

Когда новость распространилась по городу, жителей охватил страх. Новый маневр властей приводил их в отчаяние. Конгрессиистские деятели, правда, говорили, что все это — сплошное надувательство: пандита подкупили верноподданные. Такую хитрость они придумали после того, как им не удалось запугать народ ни войсками, ни полицией, ни судом. Попросту говоря, это банкротство политики. Нет, пандит не такой патриот, чтобы объявить голодовку из сострадания к родине. Пусть поголодает, больше двух дней не выдержит. Эту хитрость надо немедленно подрубить под корень. А вдруг она им удастся? Тогда власти получат в руки новое оружие и будут всегда им пользоваться. Народ не так опытен, чтобы сразу во всем разобраться. Как бы не испугался воя шакалов!

Однако торговцы, которые обычно бывают людьми богобоязненными, так перепугались, что никакие уговоры на них совершенно не действовали. «Люди добрые, — отвечали они, — мы вас слушались: с властями ссорились, убытки несли, торговлю бросали. Многие даже разорились. Чиновникам на глаза теперь лучше и не попадаться. Бывало раньше, случись куда-нибудь пойти, так служащие и чиновники обращались с нами почтительно: «Пожалуйста! Входите, пожалуйста, сетх-джи!»¹ А теперь обиваешь, обиваешь у них пороги, и никому никакого дела. Есть доходы, нет ли — налоги все увеличивают, смотряг только, велика ли счетная книга. Да что там говорить! Все это мы терпели и еще стерпим. Но вот что касается религии — здесь уж мы вам не попутчики. Разве сможем мы есть и спать спокойно, если ученый, родовитый и благочестивый брахман стал из-за нас голодать? А вдруг умрет? Как мы тогда оправдаемся перед всевышним?»

Короче говоря, у конгрессиистов ничего не вышло. А в девять часов вечера к пандиту-джи направилась депутация торговцев.

Хотя пандит наелся сегодня так, что вздохнуть не мог, однако это состояние не было для него необычным. В течение месяца он примерно раз двадцать получал приглашения на званые угощения, а в таких случаях набивать

¹ С е т х — титул торговца.

живот сверх всякой меры — вещь весьма естественная. Есть, не щадя себя, приходится по разным причинам: в подражание сотрапезникам, в пылу соперничества, следуя настоятельным упрасиваниям хозяина или, что бывает чаще всего, из-за великолепия кушаний. Пищеварение пандита-джи закалилось в этих испытаниях. Поэтому, когда подошло время ужина, у Мотерама стало спокойно на душе. Это, конечно, не значит, что его начал мучить голод. Но ведь если приходит время кушать, а желудок остается пустым, вместо того чтобы быть обильно наполненным, то человек невольно начинает думать только о еде. Такое состояние было и у почтенного Шастри. Ему хотелось подозвать лоточника и купить что-нибудь поесть, но по распоряжению властей пандита охраняли несколько полицейских. Все они стояли на посту и не собирались, кажется, сдвинуться с места. Прославленная ученостью голова пандита-джи занялась разрешением новой проблемы: как заставить убраться этих посланцев бога Ямы? Зачем только поставили сюда негодяев-полицейских? Я ведь не арестант, не убегу!..

Власти приняли такие меры для того, чтобы конгрессисты силой не заставили пандита уйти с площади. Кто знает, что они могут предпринять? Вдруг науськают на него собаку или начнут камнями швырять?.. Защитить пандита-джи от недостойных и оскорбительных выпадов было долгом властей.

Не успел Мотерам Шастри обдумать волновавшую его проблему, как явилась депутация торговцев. Пандит приподнялся, сел. После того, как прибывшие с поклоном коснулись его ног, один из торговцев заговорил:

— Махарадж, чем мы навлекли на себя ваш гнев? Ведь любое ваше слово для нас закон. Сделайте милость, встаньте, снимите с себя обет. Мы не знали, что вы и вправду начнете голодать, а то еще раньше пришли бы просить вас... Уже скоро десять часов... Смилуйтесь! Мы всегда будем делать, как вы прикажете.

— С конгрессистами вы пропадете. Они сами тонут, да и вас за собой тянут. Случись забастовка, одни вы останетесь в убытке. Правительству-то что! А вот если вы бросите торговлю, так сами же с голоду перемрете. Ведь правительству до этого дела нет! В тюрьму пойдете, вас там работать заставят. А правительству что?.. И с чего это им взбрело в голову себя на позор выставять, да и

других к тому же подбивать? Не слушайте вы этих нечестивцев!.. Ну, так как же, будете лавки закрывать?

— Махарадж! — продолжал тот же сетх. — Как мы можем поручиться за это, пока выборные от всех горожан не решат? Вдруг конгрессисты погром начнут. Кто тогда за нас заступится? А вы вставайте и принимайтесь за трапезу; завтра мы вам скажем, что панчаят¹ решил.

— Соберите сначала панчаят, потом и приходите.

Когда депутация, ничего не добившись, собралась уходить, пандит-джи спросил:

— Не найдется ли у кого табачку понюхать?

Один из торговцев достал табакерку и угостил его.

4

Когда торговцы ушли, Мотерам спросил у одного из полицейских:

— Вас зачем сюда поставили?

— Откуда нам знать? Начальство приказало.

— Идите отсюда прочь!

— Да как же мы можем, ваша милость? Если нас завтра со службы выгонят, вы, что ли, будете кормить нас?

— Идите прочь, говорю! Не то я сам сейчас уйду отсюда. Зачем вы меня караулите? Я не арестант!

— Уйдете? По какому праву?

— Как по какому праву? Разве я преступление совершил?

— Ну-ну! Посмотрим, как вы уйдете!

Воспылав благородным негодованием, пандит вскочил и дал солдату такого тумака, что тот отлетел на несколько шагов и упал. Другие солдаты струхнули. Раньше они полагали, что Шастри человек слабосильный. Но теперь, увидев, как он расправился с их товарищем, они молча исчезли.

Мотерам стал поглядывать по сторонам: не появится ли откуда-нибудь лоточник. Внезапно в голову ему пришла мысль: а вдруг лоточник проговорится? Что тогда? Как злорадоваться-то все начнут!.. Нет, действовать

¹ П а н ч а я т — общинный совет старейшин.

надо ловко, чтобы никому и невдомек было. Вот в таких испытаниях и проверяется острота ума. Однако и эту трудную задачу пандит решил в мгновение ока.

Случилось так, что как раз в эту минуту показался лоточник. Было уже давно за одиннадцать, и все вокруг утихло.

— Лоточник! Эй, лоточник! — позвал пандит.

— Что вам угодно? Проголодались?.. Да, жить без еды не наше с вами дело, пусть уж аскеты этим занимаются.

— Что ты болтаешь? Разве я хуже какого-нибудь аскета? Захочу, так пролежу здесь много месяцев, и ни есть, ни пить не попрошу. Тебя я позвал только затем, чтобы ты дал мне свой светильник. Что-то тут ползает, надо посмотреть. Боюсь, не змея ли?..

Лоточник снял с лотка светильник и подал пандиту. Мотерам взял его и стал что-то разглядывать на земле. Вдруг светильник выскользнул у него из рук, упал и погас. Все масло из него вылилось. Для верности пандит-джи поддал светильник ногой — теперь уж там не останется ни капли масла.

Лоточник ощупью нашел светильник и потряс его.

— Эх, что вы наделали, махарадж! Все масло вылили, до капли! Сколько бы я успел продать товаров, пока тут с вами стою, а теперь еще это несчастье!

— Братец, рука виновата — не удержала. Не отрубить же мне ее теперь! Вот, возьми деньги, раздобудешь где-нибудь масла.

— Масла-то я добуду, только уж сюда больше не приду, — сказал лоточник, принимая деньги.

— Нет-нет! Оставь здесь лоток да беги скорее за маслом! Вдруг меня змея ужалит! Тогда грех на тебя падет. Тут что-то живое ползало. Вот, вот, слушай — ползет!.. Пропало куда-то!.. Беги-ка скорее, дружок! Налей масла хоть немного. А я пока присмотрю за твоим лотком. Если боишься, то возьми свои деньги с собой!

Лоточник был в большом затруднении. Доставать из лотка деньги?.. Страшно — пандита можно обидеть. Подумает, что я ему не доверяю... Оставить?.. А кто знает, что у него на уме? Ведь всякое может случиться... Наконец он решил оставить лоток. Будь что будет!

Лоточник побежал за маслом, а пандит занялся осмотром лотка. Однако ему сразу пришлось разочароваться: сладостей там оставалось совсем немного. Из них и не возьмешь ничего, разве какую-нибудь малость! «А вдруг он заметит!..— подумал пандит.— Да разве будешь сыт этим? Только аппетит еще больше разиграется. Все равно что льву дать крови лизнуть. Понапрасну грех на душу возьмешь».

Шастри опустился на свое место. Но через минуту им снова овладело прежнее стремление. «Все-таки хоть немного повеселее на душе будет,— размышлял он.— Как бы мало пищи ни было, а все-таки пища...» Он встал, взял из лотка горсть сладостей. Но едва он положил в рот первый шарик ладду, как увидел, что возвращается лоточник, держа в руке зажженный светильник. Нужно было обязательно покончить со сладостями, прежде чем он подойдет. Пандит сунул в рот сразу два ладду. Он торопливо жевал, тем временем злой дух приблизился еще на десять шагов. Пандит сунул в рот целых четыре ладду, и проглотил их, почти не разжевывая. Оставалось еще шесть штук, а лоточник подошел уже совсем близко. Пришлось второпях забить в рот все остальное... Теперь ни прожевать, ни выплюнуть незаметно! А этот шайтан мчится, как автомобиль, и освещает дорогу светильником... Лоточник был уже рядом, когда пандиту удалось, наконец, проглотить ладду... Но ведь Мотерам все-таки человек, а не крокодил!.. На глазах у него выступили слезы, дыхание перехватило, по телу забегали мурашки, к горлу подступил неудержимый кашель...

Лоточник протянул ему светильник...

— Вот, возьмите, пожалуйста!.. Как же это вы так взялись голодать, а за свою жизнь боитесь? О чем вам тревожиться? Если и умрете, правительство о детишках позаботится!

Пандит-джи пришел в такую ярость, что готов был отчитать как следует этого негодяя, но оказался не в силах произнести ни слова. Он молча взял светильник, сделал вид, что поглядел вокруг, и так же молча вернул его обратно.

— Что это вам вздумалось за правительство вступаться? — продолжал лоточник.— А вдруг завтра пан-

чают будет заседать целый день и до вечера ничего не решит? Худо вам тогда придется. Вот узнаете, как в глазах-то потемнеет!

С этими словами он ушел, а пандит-джи, покашляв еще немного, вскоре заснул.

5

На следующий день с самого утра торговцы начали совещаться. Забеспокоились и конгрессисты. Навострили уши и чиновники из «Комитета умиротворения забастовщиков». Им представился удобный случай запугать простодушных лавочников. Ученые пандиты собрались на свой совет отдельно и вынесли решение о том, что пандит Мотерам Шастри не имел никакого права вмешиваться в политические дела. Политика их не касается.

Короче говоря, весь день прошел в дебатах и пререканиях, и никому не было дела до пандита Мотерама. Люди открыто говорили, что пандит получил от властей тысячу рупий.

Бедняга Мотерам, ворочаясь с боку на бок, кое-как скоротал ночь, но когда проснулся, почувствовал себя полумертвым. Стоило встать, как начинало резать в глазах; кружилась голова. А в животе, казалось, кто-то сидел и царапал когтями. Тщетно пандит искал глазами, не идет ли кто его упрашивать. В напрасном ожидании прошло время утренней молитвы. В эти часы, после богослужения, Мотерам обычно завтракал. А сегодня во рту у него не побывало даже капли воды. И кто знает, когда наступит снова такой блаженный час? Потом он рассердился на жену. «Всю ночь небось проспала, сыта-сытешенька,— думал он,— и сейчас, наверно, уже наелась. А сюда прийти не думает! Хоть бы посмотрела, жив я или умер? Неужели уж не могла принести незаметно хоть немного еды?.. Э, да кто обо мне теперь вспомнит? Деньги она себе прибрала, приберет и те, что потом получит. Хорошо же меня, дурака, провела!»

Короче говоря, пандит прождал целый день, но никто так и не пришел его уговаривать. Людей останавливало сомнение, запавшее глубоко в душу: а вдруг пандит действительно подкуплен и обманывает всех ради собственной выгоды?

Был десятый час вечера. Сетх Бхондумал, лидер торговцев, решительно заявил:

— Я уверен, что пандит дал обет из корыстных соображений. Однако страдания голодающего от этого несколько не легче. Наша вера не позволяет нам досыта есть и спокойно спать, в то время как почтенный брахман из-за нас мучается. Если он нарушил предписания религии, то за это сам будет наказан. Зачем мы будем пренебрегать своим собственным долгом?

Секретарь местной организации Конгресса почтительно ответил:

— Я уже сказал все, что хотел. Вы вольны поступать по своему усмотрению. Мы согласимся с любым вашим решением. Если решите пойти и уступить ему, я тоже пойду вместе с вами. Приобшусь и я к добродетели. Но у меня есть к вам одна-единственная просьба: разрешите сначала мне одному сходить туда. Я хочу поговорить с ним минут десять с глазу на глаз. Вы подождете поодаль. Когда я вернусь, подойдете и вы.

Кто мог отказать в такой просьбе? Все согласилось.

Секретарь Конгресса много лет прослужил в департаменте полиции и хорошо знал человеческие слабости. Он пошел прямо на базар и купил там на пять рупий сладостей, позаботившись при этом, чтобы они были возможно более ароматны и привлекательны на вид. Все купленное он уложил на большой пальмовый лист и отправился преподносить жертву разгневанному божеству. Не позабыл он захватить с собой и кувшин холодной воды, добавив туда ароматного сока кевры¹. И от сладостей и от воды струилось благоухание. Кто не знает, какой возбуждающей силой обладает приятный запах! Он даже у сытого вызывает аппетит, о голодном же и говорить не приходится!

Пандит-джи без чувств лежал на земле. Накануне вечером он ничего не ел. Разве можно считать едой какой-то десяток крохотных ладду? Не ел он ничего и в полдень, да и сейчас время вечерней еды уже давно прошло. Нетерпеливая надежда голодного желудка смени-

¹ Кевра — растение с душистыми цветами; экстракт из кевры употребляется в качестве приправы.

лась безразличным отчаянием. Губы запеклись. Собственное тело отказывалось повиноваться пандиту. Даже глаза не слушались его. Пандит напрягал все силы, чтобы удержать веки поднятыми, но они закрывались сами собой. Если и оставались в пандите какие-то признаки жизни, то об этом можно было судить лишь по тихим стонам. Никогда еще не попадал он в такое отчаянное положение. Случалось, раза два-три в месяц ему приходилось жаловаться на несварение желудка. Но недуг этот изгонялся обычно приемом нескольких ломтиков миробалана. Однако и при несварении желудка никогда не бывало такого случая, чтобы он отказывался от еды...

Пандит лежал и проклинал все на свете: и горожан, и «Комитет умиротворения», и правительство, и бога, и Конгресс, и жену. Надежды ни на кого не было. У него не осталось сил даже на то, чтобы самому встать и пойти на базар. Пандит не сомневался, что нынче же ночью душа его наверняка расстанется с телом. Нить жизни — это не веревка, которая, как ее ни дергай, и не думает рваться.

— Шастри-джи! — окликнул его секретарь комитета Конгресса.

Мотерам, не поднимаясь, открыл глаза. Они глядели на мир печально, точно глаза мальчика, из рук которого ворона выхватила что-то вкусное.

Секретарь положил лист со сладостями, поставил кувшин и прикрыл его перевернутой чашкой. Затем он обратился к пандиту:

— И долго вы собираетесь оставаться здесь?

Аромат еды подействовал на Мотерама как живая вода. Он приподнялся и сел.

— Пока не договорятся...

— Э, да никакой договоренности и не будет! Панчайт сегодня весь день заседал, да так ничего и не решили. Завтра к вечеру вице-король приедет. До тех пор с вами бог весть что станется. А на вас и сейчас уже лица нет.

— Если мне на роду написано умереть здесь, так никто мне помочь не сможет... Что это у вас тут, не калаканд¹ ли?

¹ К а л а к а н д — род индийских сладостей.

— Да, кое-какие сладости. Родственнику несус. По особому заказу приготовлены.

— О-о! Потому-то и пахнет так. Разверните-ка, пожалуйста, я взгляну!

Секретарь улыбнулся, развернул лист. Пандит так и впился глазами в сладости. Пожалуй, даже слепой, вновь обретший зрение, не смотрел бы на мир таким ненасытным взором. Рот пандита сразу наполнился слюной.

— Если б не ваш обет, я дал бы вам попробовать. Им цена пять рупий за сер.

— Да, тогда, должно быть, очень хорошие! Давно уж не пробовал я калаканд.

— И зачем только вы впутались в это дело? Вот умрете — к чему тогда деньги?

— Что ж поделать? Действительно, увяз... Я сразу по столько съедал на завтрак. У Бхолы, наверно, покупали? — спросил пандит, трогая сладости рукой.

— Попробуйте, попробуйте!

— Попробовать, что ли? Не знаю, как и быть...

— Да ешьте, ешьте! Подобного наслаждения не купите и за сто тысяч рупий! Не бойтесь, никто ничего и не узнает!

— А кого мне бояться! Я здесь подыхаю голодной смертью, а никому и дела нет! Чего же мне бояться? Ну-ка давай сюда лист! А теперь иди и, если хочешь, скажи всем, что Шастри нарушил свой обет. Пусть пропадет пропадом вся их торговля! Если ни в ком истинной веры не осталось, так мне-то зачем из-за этого страдать? Какое мне дело?

Пандит потянул к себе лист и так налег на еду, что в один миг половина сладостей исчезла. Торговцы тем временем подошли и, остановившись невдалеке, ожидали, что будет дальше. Секретарь направился к ним:

— Пожалуйста, идите — полюбуйтесь! Не нужно вам будет ни унижаться, ни лавок открывать. Я сразу решил все затруднения. Вот что значит Конгресс!

Сияла луна. Подойдя ближе, торговцы увидели, что пандит настолько поглощен уничтожением сладостей, что ничего не замечает вокруг, словно махатма, погруженный в раздумье.

— Припадаю к стопам вашим, пандит-джи, — произнес Бхондумал. — Зачем же вы поторопились? А мы к

вам направлялись. Хотели предложить вам такой способ, чтобы и обещание не нарушить и своего добиться.

— Я своего добился. Вот оно — неземное блаженство! Его не дадут и груды золота. А если меня хоть немного уважаете, то, сделайте милость, пошлите в ту же самую лавку, чтобы мне принесли еще сладостей!¹

¹ Мы забыли сказать, что секретарь, когда он шел со сладостями на площадь, был вынужден дать полицейскому четыре анны. Это было не совсем честно, но секретарь не считал нужным обращать внимание на такой пустяк. (Прим. автора.)

ТРАПЕЗА ДОСТОПОЧТЕННОГО АСКЕТА

К дому ахира¹ Рамдхана подошел нищий аскет.

— Да будет тебе счастье, сынок! Уважь чем-нибудь святого садху.

Рамдхан направился к жене.

— Там у двери садху стоит, надо бы ему подать что-нибудь,— обратился он к ней.

Жена в это время чистила посуду и думала тяжкую думу: что сегодня они будут есть? Во всем доме нет ни зернышка... На дворе уже весна. А у них и в полдень темная ночь... Урожай-то еще с гумна весь разошелся: половину забрал ростовщик, половину отобрали слуги заминдара. Когда продали солому, то и за быков торговцу сумели уплатить, но себе осталось всего несколько снопов. Обмолотили их — зерна оказалось с ман. Кое-как месяц чайт² протянули. А как дальше быть, чем быков кормить, что самим есть — одному богу известно... Но уж если святой садху просит милостыню, как ему отказать? Что он тогда скажет?

— Что ж я ему дам? — возразила жена Рамдхана. — Ведь у нас ничего нет.

— Погляди в горшке. Может, муки наскребешь.

— Да я еще вчера из него все выбрала. Забыл, что ел-то? Откуда там муке быть?

¹ А х и р — представитель пастушеской касты.

² Ч а й т — первый месяц индийского календаря, соответствует марту — апрелю.

— У меня язык не повернется сказать, что дома ничего нет. Иди попроси у кого-нибудь.

— Да мы старые долги еще не успели отдать. С какими глазами я снова просить буду?

— Послушай, ты ведь что-то припасала на подношение богам. Неси-ка сюда, отдадим садху.

— А богам подносить что будем?

— Боги сами по домам не ходят. Сможем, так и им дадим. Не сможем — что же делать?

— Ты что думаешь, у меня там пять или десять серов? Самое большее — полсера. А вдруг еще какой-нибудь садху подойдет? Ведь все равно придется отказывать.

— Только бы от этого отвязаться, а там видно будет!

Жена, ворча, принесла крохотный горшочек, в котором было едва ли с полсера пшеничной муки, бережно хранившейся для подношения богам. Рамдхан постоял, подумал. Потом пересыпал муку в миску, вышел к нищему и вытряхнул муку прямо в его котомку.

Получив муку, махатма сказал:

— Сынок, нынче я здесь и останусь. Дай только немножко чечевицы, чтобы садху мог трапезу совершить.

Рамдхан опять пошел к жене. Чечевица нашлась. Рамдхан взял чечевицу, соль, набрал кизяка, потом принес воды из колодца. Садху, соблюдая все обряды, испек лепешки, сварил чечевицу, достал из котомки картошку и, сварив ее, размял вместе с чечевицей. Когда все было готово, он снова обратился к Рамдхану:

— Сынок, для трапезы святому человеку надо немножко топленого масла. Ведь по закону пища без масла не чиста, ее нельзя есть.

— Нет у меня масла, отец.

— Сынок, всевышний многим наградит тебя. Не говори так.

— Махарадж, у меня нет ни коровы, ни буйволицы. Откуда же быть маслу?

— В житнице у всевышнего все есть, сынок. Иди-ка, скажи хозяйке...

Снова пришлось Рамдхану идти к жене:

— Масла требует. Милостыней живет, а без масла, видишь ли, кусок ему в горло не лезет.

— Возьми немножко чечевицы и выменяй у лавочника,— ответила жена.— Все сделал, так чего уж из-за пустяка его гневить?

Масла достали. Почтенный садху воздал хвалу богам, совершил обряд воздаяния пищи, позвонил в колокольчик и уселся совершать трапезу. Наевшись до отвала, он улегся прямо у двери, довольно поглаживая живот. Тарелку, котелок и ложку Рамдхан унес домой почистить.

В тот вечер очаг не разжигали в доме Рамдхана. Похлебали пустой чечевичной похлебки и все.

Рамдхан лежал и думал: «А ведь он куда счастливее меня!..»

ПОМИНКИ

1

Сетх Рамнатх лежал на смертном одре. Глядя потухающим взором на свою жену Сушила, он говорил:

— Я был очень несчастлив, Сушила, а вместе со мной и тебе нелегко приходилось. Ведь в доме порой не было ни крошки хлеба, ни пайсы, а тебе день и ночь приходилось хлопотать по хозяйству да с детьми мучиться. И вот теперь, когда у нас кое-что появилось и ты могла бы передохнуть, я ухожу из этого мира. Да, все надеялся выздороветь, но сегодня понял, что пришел конец. Не плачь, Сушила. Так уж устроено в мире: одни раньше, другие — позже, но умирают все. И теперь забота о семье ляжет на твои плечи. Я не оставляю наличных денег, но с нашим имуществом ты как-нибудь проживешь... Почему плачет Мохан?

— Упрямится,— ответила Сушила, вытирая слезы.— С утра пристаёт, чтобы купили ему автомобиль. А игрушка стоит не меньше пяти рупий.

С тех пор как Рамнатх заболел, он начал проявлять особую любовь к детям.

— Надо купить,— проговорил он.— Бедный мальчик давно уж плачет... Ах желания! Сколько их в душе! Но теперь все кончено... А дочке,— продолжал больной,— купи английскую куклу, чтобы она не завидовала девочкам, у которых есть игрушки... Да, деньги, которые я ценю дороже жизни, в конце концов ушли на докторов.

Чем же помянут меня мои дети? Был у них несчастный отец, который деньги любил больше своих детей и никогда не покупал им даже самых дешевых игрушек...

В последнее время, когда смерть суровой правдой встала перед глазами Рамнатха, сожаление о том, чего он не сделал, и раскаяние в том, что сделал не так, смягчили его сердце, и он стал вдруг щедрым и отзывчивым.

Сушила подозвала сына, обняла его и заплакала. Материнская любовь, подавляемая скупостью мужа, наконец вырвалась наружу. И все же ей не на что было купить Мохану игрушку.

— купишь себе автомобиль, сынок, — сказал Рамнатх. — Возьми у мамы деньги и пойди с сестрой в лавку. Выбери самую хорошую машину.

Мохан посмотрел на заплаканные глаза матери, затем — на отца, проявившего необычную нежность, и его детское упрямство словно растаяло. Желанная игрушка уже не прельщала больше мальчика.

— Не надо мне автомобиля, — пробормотал он.

— Почему? — спросил отец.

— Я куплю его, когда вы поправитесь.

Отец заплакал.

2

Через три дня сетх Рамнатх умер.

Богатый человек при жизни многим причиняет неприязности и лишь немногим делает добро. Поэтому, когда он умирает, мало кто сожалеет о нем, большинство даже радуется. Радуются брахманы и пандиты, надеясь пожить на похоронах; радуются члены общины: одним соперником стало меньше, значит, из сердца долой лишнюю занозу. Радуются компаньоны, надеясь отыграться за все обиды на семье покойного. Ведь они долго ждали столь благоприятной возможности. Теперь настал их час.

Был пятый день после смерти Рамнатха. Огромный дом казался опустевшим. Не слышалось ни детского смеха, ни детского плача. Присмиревшие малыши сидели около матери, а мать, теперь горькая вдова, лежала словно неживая, подавленная бесконечными думами о будущем. Деньги, имевшиеся в доме, были уже израсхо-

ваны на погребальные обряды. А впереди еще поминки и другие церемонии! «О всевышний,— думала несчастная женщина,— как выпутаться из всех этих затруднений?»

Вдруг за дверью послышался чей-то голос. Вошел слуга и доложил, что пришел сетх Дханирам. Дети тут же выбежали во двор. Сушила обрадовалась приходу гостя: он был старейшиной общины, к которой принадлежала ее семья. «Может быть, он пришел помочь мне? Кто же как не община и должна позаботиться о незащищенной вдове и осиротевших детях? — рассуждала она. — Хвала добродетельным людям, которые поддерживают несчастных в беде». Сушила набросила на лицо конец сари и вышла на веранду.

Дханирам пришел не один. С ним было еще несколько важных представителей общины.

— Уважаемая сестра,— приветствовал Сушилу Дханирам.— Только наши сердца знают, как мы все опечалены безвременной кончиной нашего брата Рамнатха. Он был еще так молод... Но на то воля всевышнего! А наш долг — полагаясь на бога, подумать о том, как быть дальше. Ведь надо и честь дома сохранить и утешить душу нашего брата.

— Да, честь дома — великое дело! И оберегать ее — наш долг,— проговорил Кубердас, искоса взглянув на Сушилу.— Однако по одежке протягивай ножки. Сколько у тебя денег, сестра? Ничего, наверно, нет.

— Какие у меня могут быть деньги! — воскликнула несчастная вдова.— Все, что было, израсходовали, пока муж болел.

— Так, значит, появилось новое затруднение, но как же нам быть? Что об этом думаете, Кубердас-джи? — спросил Дханирам.

— Как бы там ни было, а поминки устроить все-таки придется,— проговорил Кубердас.— Но действовать в данном случае надо строго по средствам. Заниматься на стороне не стоит. Лучше уж выкроить из того, что есть в доме. Долг перед покойным мы обязаны исполнить. Ведь он никогда больше не вернется к нам. Поэтому и поминки должны быть в соответствии с положением сетха Рамнатха при жизни. И брахманам надо строго следить за тем, чтобы не уронить честь дома.

— Так что ж, неужели у тебя так ничего и нет, сес-

тра? — снова обратился к Сушиле Дханирам. — Ну хотя бы нескольких тысяч рупий?

— Я вам правду говорю: нет у меня ничего. Зачем мне врать, да еще в такое время?

Дханирам в нерешительности посмотрел на Кубердаса.

— Тогда придется продать дом, — проговорил он.

— Больше ничего не остается. Нельзя же осквернять память умершего, — поддержал его Кубердас. — Рамнатх — человек известный. Он был опорой нашей общины. Да, у нас только один выход — продать дом. Покойный должен был мне двадцать тысяч, с процентами это составит около двадцати пяти. Остальное пойдет на поминальный обед. Если что-нибудь останется после этого, отдадим детям.

— За сколько он заложил вам дом? — спросил Дханирам Кубердаса.

— За двадцать тысяч рупий, да проценты — рупия на сотню.

— Мне называли меньшую сумму, — усомнился Дханирам.

— Есть закладная, — возразил Кубердас. — Я ведь не просто так говорю. Да и не стану же я врать из-за каких-то нескольких тысяч рупий!

— Нет, нет. Разве я об этом говорю, — успокоил его Дханирам.

— Я хотел сказать сестре, что панчаят рекомендует продать дом.

В это время на веранду вошел Санталал — младший брат Сушилы. Он услышал только последние слова и спросил:

— Для чего продавать дом? Чтобы накормить общину поминальным обедом? Гостям-то что — поедят, попьют и уйдут. А как потом жить сиротам? Надо бы и об этом подумать.

Дханирам сердито взглянул на него.

— Вы не имеете никакого права вмешиваться в эти дела. Если думать лишь о будущем, толку будет мало! Надо думать о душе умершего. Вам-то что! Смеяться-то над нами будут, нам не простят нарушения обычаев. А честь дороже всего на свете. Ради сохранения чести люди жертвуют жизнью... А впрочем, как хотите, мы ни-

чего другого посоветовать не можем. Не согласны — воля ваша, пусть всевышний решает. Но имейте в виду, после этого на нас можете не рассчитывать... Пойдемте, Кубердас, пойдемте отсюда!

— Не обращайтесь внимания на слова моего брата! — воскликнула испуганная Сушила. — У него просто привычка много говорить. Я не слушаюсь вас! Вы — старшие, и вам известно все. О! Я совсем не хочу сделать душу мужа несчастной. Но мне непонятно, как его душа может быть спокойна, если дети будут бедствовать? Ведь и дочь надо замуж выдать, и сыну образование дать... Пожалуйста, давайте устроим поминальный обед, но только для брахманов, у меня нет средств, чтобы накормить всю общину.

Члены панчаята были страшно возмущены словами Сушиллы: как можно даже произнести такое?! Нет, панчаят не позволит себя опозорить! Ведь весь свет будет смеяться не над вдовой, а над ними! Нет, нет, этого допустить нельзя. Теперь ясно, что не только приходиться в этот дом, даже смотреть на его ворота грешно!

Услышав эти грозные слова, Сушила заплакала и прерывающимся от волнения голосом начала упрашивать старейшин:

— Пожалуйста, не гневайтесь на меня. Как же я буду жить, если вы меня оставите? Я такая беспомощная и глупая.

Между тем на веранду вошли еще двое. Одня из пришедших был очень толст, другой — очень худ. И соответственно комплекции, толстого звали Бхимчанд, а худого Дурбалдас¹. Дханирам вкратце рассказал им о разговоре. Узнав в чем дело, Дурбалдас сочувственно спросил:

— А почему бы нам не собрать немного денег на поминки? Когда вырастет сын Рамнатха, он с нами расплатится, а если и не расплатится — не беда. Ради друга можно пойти и на некоторые расходы.

— Ах, если бы вы оказали такую милость! — обрадовался Санталал. — Большого и желать нельзя.

— Ты, Дурбалдас, говоришь глупости, — сердито воз-

¹ Бхимчанд — в буквальном переводе «здоровый Чанд»; Дурбалдас — «хилый Дас»

разил Кубердас.— Ну у кого есть лишние деньги при таком застое на рынке?

Кубердас стремился лишь получить свои рупии, завладеть домом Сушилы, а как эта семья будет жить дальше—его не интересовало. Поэтому предложение Дурбалдаса мешало выполнению его корыстного замысла.

— Да, это правда—еще никогда не было так тяжело, как сейчас,—подтвердил Бхимчанд.— Но жизнь-то все-таки есть жизни! И поминки устроить надо,—продолжал он.— Не исполнить этот долг—значит опозорить общину.

Сушила с надеждой посмотрела на Дурбалдаса.

— Ах, я во всем считаюсь с вашим мнением,—проговорила она.— Вы—хозяева. Поступайте как считаете нужным.

— У тебя, вероятно, есть какие-нибудь украшения, сестра?—спросил Дурбалдас.

— Да, немного,—ответила вдова.— Часть я продала, пока был болен муж, но кое-что осталось.

Сушила принесла драгоценности и положила их перед членами панчаята.

— Здесь не больше чем на три тысячи рупий,—определил Дханирам.

— Как на три тысячи?!—воскликнул Дурбалдас, взвешивая драгоценности на руке.— Да я хоть сейчас дам за них три с половиной!

Бхимчанд тоже взвесил на руке украшения.

— Мое слово—четыре тысячи,—проговорил он.

Но Кубердас снова заговорил о продаже дома.

— А что вы сделаете на четыре тысячи? Угощение, чтобы отделаться? Обед для всей общины будет стоить самое меньшее десять тысяч рупий. Нет, видно, дом продать все же придется.

В разговор опять вмешался Санталал:

— Неужели вы так жестоки, что даже до сирот вам нет никакого дела? Что же, по-вашему, выбросить их нищими на улицу?

Однако на слова Санталала никто не обратил внимания. Продажа дома была предрешена, и теперь речь шла лишь о том, что на рынке все подешевело и вряд ли за дом можно получить больше тридцати тысяч. Двадцать

пять из них пойдет на уплату долга Кубердасу, останется пять тысяч. Четыре выручат за драгоценности. Ну, а за девять тысяч можно будет — правда, с большим трудом — устроить обед для брахманов и общины.

Сушила привела детей и, поставив их впереди себя, попробовала смягчить сердца старейшин.

— Почтеннейшие старейшины, — взмолилась она, — взгляните на этих сирот! Возьмите все, что у меня есть, но оставьте дом. Ведь если вы продадите его, где же мы с детьми приклоним голову? Умоляю вас, не продавайте сейчас дом.

Что можно было ответить на подобные глупости? Разве не ясно, что старейшины сами стремятся найти выход и не продавать дома! Они же не враги сиротам. Но обед-то для общины нужно устроить! Если бы вдова достала где-нибудь еще по крайней мере пять тысяч рупий, дом можно было бы и сохранить. Но денег-то нет! Так где их достать, если не продавать дом?

Наконец Кубердас не выдержал.

— Послушай, сестра, — обратился он к Сушילה. — Положение на рынке сейчас скверное, и едва ли ты сможешь у кого-нибудь занять денег. Уж если на роду у твоих детей написано быть богатыми, они будут богатыми. И жизнь и смерть — все в руках всевышнего. А о детях нечего тревожиться. Бог заранее определяет участь каждого. Мы уже устали убеждать тебя. И коль ты так упорствуешь, нам, пожалуй, лучше уйти отсюда. Больше здесь делать нечего. Но имей в виду, что жить тебе будет трудно. Люди тебя презирать станут.

Что оставалось делать вдове? Ссориться с панчаятом? Разве может человек жить в воде, враждуя с крокодилами?

Сушила поднялась, чтобы войти в дом, но ноги ее подкосились, и она упала без чувств. До сих пор она еще на что-то надеялась: сохранит дом, будет воспитывать детей, забудет в этом свое вдовство¹, но сейчас рухнули последние надежды, мрак окутал ее со всех сторон.

¹ Согласно индуистской религии, вдова не имеет права снова выйти замуж. В средние века вдову заживо сжигали вместе с покойным мужем. В XIX в. сожжение вдов было запрещено законом, однако и в начале XX в. вдова продолжала оставаться самым бесправным существом.

Теперь друзья сетха Рамнатха стали полными хозяевами в доме вдовы. Да и кому же как не друзьям хозяйничать в доме умершего? Что такое жена? Да еще такая, которой никак не втолкуешь, что необходимо устроить пышный поминальный обед для общины? С ней говорить больше не о чем!

Бхимчанд оценил драгоценности в четыре тысячи, но потом понял, что совершил ошибку, и украшения пошли Дурбалдасу, который дал за них три тысячи рупий. Из-за этого они даже повздорили, но Бхимчанду пришлось уступить, так как справедливость оказалась на стороне Дурбалдаса. Однако в спор вмешался Дханирам.

— Смотри, Дурбалдас, ты берешь драгоценности, которые стоят значительно дороже твоей цены,— проговорил он,— и я не позволю тебе позабыть об этом.

— Послушайте,— возразил Кубердас.— Ведь украшения остаются в доме. Они никуда не денутся, и на них со временем будет устроен званый обед для друзей.

Все четверо почтенных господ рассмеялись и, освободившись от одного дела, вернулись к вопросу о доме.

Кубердас готов был дать за дом тридцать тысяч рупий, но он хотел, чтобы сделка была оформлена законным порядком,— зачем давать повод для сплетен? Поэтому пригласили маклера. Это был семидесятилетний, низенький, беззубый человек, и звали его Чокхелал.

— Чокхелал — мой старый друг,— отрекомендовал его Кубердас.— Мы знакомы с ним тридцать лет. Не человек — золото!

— Слушайте, Чокхелал,— обратился к маклеру Бхимчанд,— нам нужно продать этот дом. Найдете хорошего покупателя — получите неплохие комиссионные.

— На рынке дела сейчас неважные, но тем не менее мы должны найти хорошего покупателя, чтобы не обидеть ребятишек Рамнатха,— проговорил Кубердас и, наклонившись к маклеру, прошептал ему на ухо: — Больше тридцати тысяч не давай.

— Послушай, Кубердас, это нехорошо! — заметил Бхимчанд.

— А что я сделал? — вскипел Кубердас.— Я же говорю ему о том, чтобы он назначил хорошую цену.

— Вам нет надобности говорить мне об этом, — сказал Чокхелал, — я хорошо знаю свои обязанности. Рамнатх был и моим другом. Мне известно, что на постройку этого дома было израсходовано не меньше чем сто тысяч рупий. Но сейчас другое время — на рынке застой, вы это прекрасно знаете. По нынешним временам за дом Рамнатха больше двадцати пяти тысяч не возьмешь. Конечно, если повременить немного, можно найти покупателя, который даст на пять, а то и на десять тысяч больше. Но сейчас дороже двадцати пяти тысяч не продашь.

— Ну, брат, двадцать пять — это уж очень дешево, — возразил Дханирам. — Больше не нужно, но тридцать тысяч ты назначь.

— Да что там тридцать! Я могу назначить и сорок, но ведь надо найти, кто даст такую цену, — ответил Чокхелал. — Ну что ж, раз вы говорите — тридцать, буду вести переговоры о тридцати тысячах.

— А если продавать дом за тридцать тысяч, почему бы не отдать его Кубердасу? — спросил Дханирам. — Зачем же отдавать по дешевке чужим людям?

— Я-то не возражаю, согласны ли вы? — обратился к собравшимся Кубердас.

— Да, да, согласны, — подтвердил Дханирам.

Бхимчанд в душе был против этой сделки, но не стал возражать.

В тот же день купчая была составлена, зарегистрирована, и когда ее положили перед Сушилой, она только тяжело вздохнула и со слезами на глазах подписала.

Теперь все для нее было кончено. Дом, как неверный друг: в дни радости он был с ней, а в черные дни покинул ее.

Старейшины панчаята сидели во дворе дома Сушилы, писали пригласительные билеты членам общины на поминальный обед, а вдова, устроившись наверху, у окна, горько оплакивала свою судьбу.

Пригласительные билеты были уже готовы, когда на них сверху упали капли горьких вдовьих слез.

— Откуда эти капли? — удивился Дханирам и взглянул вверх.

— Это сестра кровавыми слезами ставит печать на ваши пригласительные билеты,— отозвался Санталал.

— Эй, сестра! — окликнул Сушилу Дханирам. — В чем дело? Ты должна радоваться, что панчайт собрался в твоём доме для столь благородного дела. Сколько счастливых лет ты прожила с мужем! Разве для тебя несчастье — поминальный обед в его честь?

Наконец пригласительные билеты были разосланы членам общины.

Четыре дня старейшины были заняты подготовкой пиршества. С помощью Дханирама доставили топленое масло, муку, сахар. И на пятый день утром был устроен обед для брахманов. Вечером же на поминках пировала вся община.

Около дома Сушилы длинной вереницей выстроились экипажи и автомобили. Гости сидели во дворе, в гостиной, в передней, на веранде, на крыше, вверху, внизу — словом, заполнили весь дом, они пили, ели и благодарили панчайт.

— Расходы в этих случаях неизбежны, но ведь дело в том, чтобы все умело организовать! А такие вкусные вещи, как на сегодняшних поминках, редко где попробуешь,— говорили одни.

— Со дня смерти сетха Чампарама у нас не было такого прекрасного поминального обеда! — восторгались другие.

— А какие амироти!

— А расгулла с фруктовой начинкой!

— Да, наши старейшины обо всем позаботились! — кротко отвечал гостям Дханирам.

— О! Вы слишком щедры на похвалы... Мы всего-навсего близкие друзья покойного Рамнатха. Кому, как не нам, устраивать этот обед? Вот уже четыре дня как мы даже не спали ни минуты!

— Да, это настоящие друзья! Хвала вам! — восторгались гости. — О чем говорить! Каждому видно, как вы чтите память Рамнатха и заботитесь о его чести! Наличные деньги — это что, их не видно, а вот угощение — дело другое.

А пока гости расхваливали панчайт и объедались вкусными блюдами, Сушила горько размышляла в своей комнатке.

«До чего же люди черствы и корыстны,— думала она.— Заботятся только о себе да о своем желудке. И никто из них даже не спросит — осталось ли хоть что-нибудь бедным сиротам».

4

Прошел месяц. Для Сушилы настали тяжелые дни. Она нуждалась буквально в каждой копейке, а наличных денег в доме не было ни пайсы. Драгоценности тоже были проданы, а над бедной женщиной еще висели мелкие долги: доктору, ростовщику, портному, лавочнику... Сушила продала оставшуюся утварь и уплатила по счетам. К концу месяца продавать было уже нечего. Брат вдовы Санталал работал мелким служащим в магазине и получал гроши. Иногда он давал сестре несколько рупий, но на эти деньги она не могла прожить с двумя детьми. Дочь и сын понимали положение матери и не докучали ей. Но когда мимо дома проходили разносчики сладостей и другие дети покупали у них всякие вкусные вещи, малыши с трудом сдерживали слезы. Они смотрели на лакомства с такой жалостью, что без сострадания глядеть на детишек было невозможно. А давно ли они привередничали и порой даже смотреть не хотели на сладости? Теперь они были бы рады самой дешевой конфетке. Высокочтимые же господа, устроившие за счет семьи Рамнатха поминальный обед для общины, сейчас проходили мимо дома Сушилы, даже не поворачивая головы в его сторону.

Однажды вечером Сушила возилась у печурки. Возле нее сидели дети и голодными глазами смотрели на жарившиеся лепешки и кипящую в горшке гороховую похлебку. Сыну Сушилы было восемь, а дочери — одиннадцать лет.

— Мама, дай мне хоть сухого хлебушка, я очень хочу есть,— не выдержал Мохан.

— Потерпи немного, сынок: горох еще не готов,— ласково ответила Сушила.

— Мама, а у меня есть пайса. Я пойду куплю кислого молока, можно? — спросила Ревати.

— Откуда у тебя пайса, дочка?

— Я нашла ее вчера, в корзинке с куклами.

— Ну раз так, иди, только возвращайся быстрее!

Ревати сорвалась с места и вскоре прибежала с зеленым листом в руке, на котором лежало немного простокваши. Мать раздала детям лепешки. Мохан, даже не спросив у сестры разрешения, начал есть их с кислым молоком. Как и все мальчишки, он был эгоистом. Сушила строго взглянула на сына.

— Сестре-то оставишь или один все съешь? — спросила она.

Мохан покраснел от стыда. У него даже слезы выступили на глазах.

— Да нет же, мама! Не надо! Ну сколько я там купила! — заступилась за брата Ревати. — Ешь, Мохан, — повернулась она к мальчику. — Тебе скоро спать, а я поем, когда будет готов горох.

В это время за дверью послышались голоса, и Ревати пошла посмотреть, кто пришел. Это были люди Кубердаса, которые явились предупредить Сушилу, чтобы она освободила дом. Сушилу охватил гнев. Она вышла в переднюю и сказала:

— И месяца не прошло после смерти мужа, а Кубердас уже гонит нас. Купил мой дом, который стоит пятьдесят тысяч, за тридцать, и все ему мало! Скажите, что сейчас я не выеду.

— Я тут ни при чем, госпожа, — мягко ответил приказчик Кубердаса, — я ведь только его слуга. Но вообще-то говоря, тут ничего не поделаешь: раз дом перешел к другому хозяину, вам все равно придется его оставить. Поэтому какой смысл спорить?

И Сушила поняла, что этот человек прав: корова, предназначенная на убой, все равно долго не напасется. Успокоившись, она тихо проговорила:

— Скажите ему, что я прошу отсрочки на пять—десять дней... Впрочем, не надо. Ничего не говорите. Зачем унижаться из-за каких-то пяти—десяти дней? Уж если бы мне суждено было жить в этом доме, разве его продали бы?

— Значит, завтра утром освободите дом? — спросил приказчик.

— Да, да, я уже сказала. Но почему завтра? Я сейчас освобожу его. Много ль у меня пожитков? И зачем я буду причинять Кубердасу убыток? Ведь если я переночую в доме, он потеряет квартирную плату за эту ночь. Идите принесите замок. А может быть, он у вас с собой?

— К чему такая спешка, госпожа? Завтра уедете.

— Зачем откладывать неприятности до завтра?

Принесите замок и закройте дверь.

Сушила вошла в дом. Накормив детей и кое-как проглотив кусок хлеба сама, она вымыла посуду. Затем, поймав извозчика, сложила на повозку весь свой скудный скарб и с тяжелым сердцем навсегда покинула родное гнездо.

Как она радовалась, когда этот дом был построен! Он сооружался из первосортного кирпича и лучшего леса. Покойный Рамнатх все дни был занят в своей конторе, и ей самой приходилось наблюдать за рабочими. А перед вселением в дом был устроен, согласно обычаю, большой обед. Несколько тысяч брахманов накормили в тот день! Сушила так набегалась, так нахлопоталась, что занемогла и пролежала больше месяца... Да, сколько воспоминаний связано с этим домом! Здесь умерли два ее первенца! Здесь умер и муж. Память об умерших сделала для нее священным каждый кирпич этого дома. Каждый камень здесь словно радовался ее радостями и горевал ее горем... И сегодня она навсегда покидала этот дом.

Ночь Сушила провела у соседей. А на следующий день сняла в одном из переулков комнатку за десять рупий в месяц.

5

С каким трудом прожила вдова с сиротами три месяца на новом месте, понять может только тот, кто сам стоял лицом к лицу с нищетой. Санталал, да будет счастлив бедняга, помогал сестре как мог из своего скудного заработка. После светлого, просторного, удобного дома новая комната показалась Сушילה тюремной камерой.

Если бы Сушила была из небогатого рода, она могла бы пойти работать: молоть зерно, шить одежду, поступить к кому-нибудь служанкой. Но она была дочерью богатых родителей и женой состоятельного мужа. И подобная работа считалась для нее унижительной. Она должна была думать и о сохранении доброго имени покойного мужа, а если бы вдова начала работать, люди осудили бы ее: «Смотрите, это жена сетха Рамнатха!

Кем она была и кем стала!» И несчастная женщина не видела для себя никакого выхода.

У Сушилы оставалось несколько украшений для дочери. Но сейчас и они были проданы. Теперь порой не на что было купить даже хлеба. А откуда взять деньги на оплату комнаты? Хозяин дома сетх Джабармал состоял в той же общине, что и Сушила. На поминках в доме Сушилы он ел за троих. Однако спустя три месяца и он начал терять терпение. Он знал о тяжелом положении вдовы, но терпеть убытки ему не хотелось. «Сколько же времени я буду ждать плату за комнату? — думал он. — Это ведь не полрупии, а целых тридцать! А такими деньгами не бросаются!»

В начале четвертого месяца хозяин сам пришел к Сушילה.

— Если ты не можешь платить за комнату — выселйся! — сердито сказал он. — Благодаря тому, что мы члены одной общины, я был снисходителен к тебе, но так продолжаться больше не может.

— Сетх-джи! Если бы у меня были деньги, я в первую очередь отдала бы долг вам. Вы были так добры ко мне! В ноги вам кланяюсь, — смиренно отвечала женщина. — Но сейчас у меня ничего нет, и я не могу заплатить за комнату. Ах, не осудите меня! Считайте, что вы помогаете детям брата... Больше мне вам нечего сказать.

— Нечего, нечего там! Такие разговоры я уже не раз слышал! — закричал хозяин, приходя в ярость. — Пользуйтесь тем, что я в одной с вами общине, и считаете, что из меня можно последние соки вытягивать! А если бы жили у другого? Наверняка платили бы за комнату каждый месяц, слова бы не сказали, иначе бы вас на улицу выбросили! Мне бы и просить-то вас не следовало. Сделать бы это прямо через общину — вот и все.

В это время в комнату вошла Ревати. Сетх внимательно оглядел ее и почему-то сказал:

— О-о! Как девочка-то выросла! Совсем на выданье!.. Вы ни с кем не говорили об этом? Или она уже просватана?

Ревати застеснялась и убежала. А Сушила, уловив нотки сердечности в голосе Джабармала, радостно ответила:

— Нет еще, сетх-джи. Где уж там, когда мне и за комнату-то платить нечем! Да и молода она еще...

— Девушек следует выдавать замуж с двенадцати лет,— возразил хозяин дома.— И вообще надо придерживаться правил нашей религии. Законы религии одинаковы и для богатых и для бедных. Дело не в плате за комнату. Отдадите потом. Я ведь не знал, что дочь сетха Рамнатха до сих пор незамужем.

— А что? У вас есть на примете хороший жених? — спросила Сушила.— Но вы ведь знаете, что мне нечего дать в приданое.

— О приданом спора не будет, сестра! — сказал Джабармал.— Это такой дом, где девушка будет счастлива до конца своей жизни. Брат ее также может жить с ней. Семья очень хорошая, богатая... Правда, жених вдовец...

— Ну, если он не стар, вдовство не имеет значения.

— Да нет, он еще не очень стар. Так... сороковой год ему. Но выглядит совсем крепким. Да что там возраст, лишь бы питание хорошее было. Словом, считай, что все ваши невзгоды окончились.

— Хорошо, я подумаю. Но нужно бы хоть раз повидать жениха,— сказала с неохотой Сушила.

— Чтобы посмотреть на жениха, не надо, сестра, никуда ходить. Он стоит перед тобой,— улыбаясь, ответил Джабармал.

От неожиданности Сушила оторопела. Она с отвращением посмотрела на хозяина.

«И этот пятидесятилетний старик, у которого дряблая грудь болтается где-то у живота, захотел жениться на двенадцатилетней девочке? — думала вдова.— Этот негодяй решил, что я польщусь на его деньги и продам свою дочь! Нет, пусть лучше Ревати никогда не выйдет замуж. Но я не могу губить ее жизни, выдав за этого мерзавца».

Однако Сушила подавила проснувшийся в ней гнев. Она понимала, что, не будь она в столь беспросветной нужде, никто даже не осмелился бы делать ей подобные предложения.

— Благодарю вас за эту милость, сетх-джи,— сказала она.— Но я не могу отдать дочь за вас.

— Ты что, думаешь, твоя дочь выйдет за молодого?

— Моя дочь навсегда останется в девушках.

— Этим ты запятнаешь честь сетха Рамнатха!

— И вам не стыдно говорить мне это? Ради чести мужа я потеряла дом, потеряла имущество, потеряла свои драгоценности, но дочь я не погублю!

— Тогда сию же минуту плати за комнату!

— Сейчас у меня нет денег,— спокойно ответила женщина.

Джабармал был взбешен, он ворвался в комнату вдовы и выбросил на улицу весь ее жалкий скраб. Вся посуда — глиняные горшки и миски — разбилась, сундук раскрылся, и белье вывалилось на мостовую. Сушила не двигаясь наблюдала за стариком и думала о жестоких превратностях человеческой судьбы. Учинив разбой и выбросив все на улицу, Джабармал запер комнату на замок и, пригрозив, что взыщет квартирную плату через суд, ушел.

6

У богатых — деньги, у бедных — сердце. На деньги богачи возводят величественные дворцы, содержат множество слуг, наслаждаются жизнью, много продают и покупают. Зато бедняки сочувствуют другим беднякам, стараются облегчить их страдания и проливают о них слезы.

Рядом с домом, где жила Сушила, была небольшая овощная лавочка, которая принадлежала небогатой бездетной вдове. На вид эта старуха казалась злой и сварливой, но сердце у нее было доброе. Она обругала, не скупясь на крепкие слова, Джабармала, собрала выкинутые им вещи, унесла их в свой дом и ласково сказала Сушילה:

— Живи, сестра, у меня. Жаль, я слишком церемонилась с этим негодяем,— ему бы усищи повыдергать надо. Смерть уже танцует у него на голове и наследников никого нет, а он лопнуть готов от жадности. Небось думает, что возьмет свое богатство в могилу... А ты живи, живи у меня. Я одинока и никого не боюсь. Будешь себе готовить пищу и мне дашь кусочек. Вот и все.

— Мать, кроме этой разбитой посуды, у меня ничего нет. Чем я буду тебе платить? — спросила упавшим голосом Сушила.

— Сестра, я не Джабармал и не Кубердас,— отве-

тила старуха.— Я понимаю, что в жизни бывает всякое: и счастье и горе. В счастье не будь гордой, а в горе не теряй головы. Я видела тебя раньше, когда ты жила в большом доме, вижу и теперь, в нужде. Но ты никогда не была гордой. Для меня счастье — приютить тебя. А насчет денег... что я, не вижу твоего положения? Неужели я сейчас буду требовать с тебя плату за комнату?.. Отдашь, когда будут...

Добрые простые слова старухи успокоили растрепанное сердце Сушилы. Она поняла, что подлинная человечность как раз и встречается среди бедняков и людей низших каст. Тут любовь настоящая, а не показная. Сострадание же богачей чаще всего проявляется в надменности и тщеславии.

В доме старой вдовы Сушила прожила полгода. Материнская забота старухи помогла ей хоть немного приглушить свое горе. Старуха полюбила молодую вдову и весь свой заработок отдавала ей. Особенно она привязалась к детям. Никто из соседей не осмеливался даже взглянуть на них косо. Санталал тоже каждый месяц помогал сестре как мог. И на эти средства Сушила как-то существовала с детьми.

Был месяц катик¹. В городе свирепствовала эпидемия лихорадки. Заболел и Мохан. Еще утром мальчик играл и смеялся, а днем слег в постель и три дня не приходил в сознание. У него был сильный жар, и даже на расстоянии чувствовалось, как он пылает. Старуха бегала к знахарям, советовалась с ними, но температура у больного никак не спадала. Сушила опасалась, что у сына брюшной тиф.

На четвертый день болезни Сушила сказала Ревати: — Дочка, ты знаешь, где дом старейшины панчаята? Иди к нему и скажи: «Мой брат тяжело болен. Пошлите, пожалуйста, доктора».

Ревати тотчас побежала к старейшине панчаята Кубердасу. Выслушав ее, Кубердас повернулся к приказчику:

— Слышал! Распоряжается мною, словно я слуга ее отца. Самой есть нечего, а докторов требует, ведьма! Иди и скажи матери,— обратился он к Ревати,— что

¹ Катик — восьмой месяц индийского календаря, соответствует октябрю — ноябрю.

за визит доктора надо уплатить шестнадцать рупий. Если она согласна, пришлю.

— У мамы нет денег,— печально ответила девочка.

— Так что ж она посылает за доктором! — гневно закричал Кубердас. — Где твой дядя? Беги к нему — пусть он зовет доктора из благотворительного общества. А еще лучше: положите мальчишку в больницу для бедных. Или твоя мать еще не отвыкла от старых замашек? До чего же глупы эти женщины! В доме нет ни пайсы, а она, видите ли, приказала прислать доктора! Или она думает, что платить будет старейшина общины? А почему он должен платить? Средства общины идут на религиозные церемонии, мы их не бросаем на ветер.

В глазах Ревати стояли слезы, когда она вернулась домой. Но девочка не могла передать матери ответ Кубердаса. Зачем растравлять ее раны? И она сказала, что не застала Кубердаса дома.

— Почему же ты не поговорила с приказчиком? — рассердилась Сушила. — Или тебя дома ждали сладости? Куда ты торопилась?

К счастью, в это время пришел Санталал и привел лекаря.

7

Лекарь посетил мальчика всего лишь раз. После настоятельных просьб два раза был у больного врач из благотворительного общества. Но затем и он, оказавшись человеком очень занятым, больше не приходил.

Тем временем здоровье Мохана день ото дня ухудшалось. Прошел месяц, а лихорадка и не собиралась покидать мальчика. Он так исхудал, что на него без слез невозможно было смотреть. Кожа его высохла и потрескалась, на спине появились пролежни. Волосы на голове выпали, руки и ноги стали как палки. Мальчик ничего не говорил, не просил. Он так ослаб, что не мог самостоятельно перевернуться на другой бок. День и ночь мать хлопотала возле больного сына. Старуха без конца молилась, взывая к всевышнему о помощи. Каждую свободную минуту приходил Санталал. Но ведь ни молитвы, ни хлопоты не могут заменить лекарства...

Однажды вечером у мальчика начали холодеть ру-

ки и ноги. Заметив это, Сушила зарыдала. Отчаявшись, она встала, сложила молитвенно руки и семь раз обошла вокруг кровати больного.

— О всевышний! — шептала она. — Сын мой — моя жизнь. Даже потеряв все, я была счастлива, прижимая мальчика к груди. Вылечи его! Если он умрет, я не перенесу этого. Лучше возьми меня вместо него... Только этой милости я и прошу у тебя, милосердный!

Кто знает тайны мира? Разве многие из нас не замечали, что в тот день, когда, совершив бесчестие, они присваивали какую-то сумму денег, они терпели убыток, вдвое превышающий украденное? Неизвестно, слышал ли бог молитву бедной женщины, но просьба ее осуществилась.

В ту же ночь Сушила тяжело заболела лихорадкой, а на следующий день ее сын, Мохан, начал поправляться. За время болезни мальчика вдова очень ослабела и была так изнурена, что недуг сломил ее. На пятнадцатый день Мохан встал с постели и подошел к матери. Он положил голову ей на грудь и горько заплакал. Сушила обняла сына и прижала к груди.

— Что ты плачешь, сыночек? Я поправлюсь. Бог милостив. Он спас тебя, теперь он — твой защитник и покровитель. Теперь я спокойна, и я скоро поправлюсь.

— Бабушка говорит, что ты не поправишься, — всхлипывая, проговорил Мохан.

— А ты не слушай ее. Пусть говорит, — ответила Сушила, целуя сына. — Я не покину тебя. Всегда, всегда я буду с тобой. А умру я только в тот день, когда ты сделаешь что-нибудь нечестное.

— Значит, ты всегда будешь со мной! — воскликнул обрадованный мальчик. — Я буду честным! Я не буду воровать. Я никогда никого не обижу!

— Да, да, сын мой, я не уйду от тебя никогда!

В ту же ночь Сушила покинула этот бренный мир, оставив сирот на попечение всевышнего.

Со дня смерти Сушиллы прошло два года. Мохан и Ревати продолжали жить у старой вдовы. Она не была их матерью, но стала для них больше чем мать.

Каждое утро она кормила Мохана и отводила в школу, а после занятий приводила домой.

Ревати пошел четырнадцатый год. Она много работала по дому: молола зерно, готовила пищу, чистила посуду, убирала комнаты. Когда старуха уходила продавать овощи вразнос, Ревати торговала в лавочке.

Однажды старейшина панчаята Кубердас послал за Ревати.

— И не стыдно тебе сидеть в лавке? — обратился он к девушке, когда та пришла. — Ты позоришь всю общину! Имей в виду, чтобы с завтрашнего дня ты больше не делала этого. Я все уже устроил для твоей свадьбы с почтенным Джабармалом.

— Да, дочь моя, ты совсем взрослая, — поддержала Кубердаса жена, — и тебе уже неприлично вести себя как раньше. Люди разное начинают о тебе говорить. Сетх Джабармал долго не соглашался взять тебя в жены, и мы еле уговорили его. Подумай только — ты станешь рани¹. Он ведь очень богат — у него сотни тысяч рупий. Нет, выйти за него замуж — это просто большое счастье. У тебя младший брат. Его можно обучить торговому делу и открыть для него какую-нибудь лавочку.

— А жить так, как ты живешь сейчас, — это же позор для общины! — воскликнул Кубердас.

— О да! — подтвердила его жена.

— Что я понимаю в этом! — ответила Ревати, смущаясь. — Поговорите с дядей.

— А кто такой твой дядя?! — рассердился Кубердас. — Мелкий служащий. Зарабатывает гроши. Что я у него буду спрашивать? Я — глава общины. И я имею право делать то, что считаю полезным для общины. К тому же все члены панчаята согласны со мной. А если ты не согласишься, мы через суд назначим над тобой опеку. Да ты с ума не сходи. Слушай, что тебе говорят. Мы ведь заботимся о твоём же благе. Может быть, тебе потребуются деньги на расходы? Так вот, возьми!

Он достал из ящика бумажку в двадцать рупий и швырнул ее Ревати. Девушка подняла банкнот и, разорвав его на мелкие кусочки, покрасневшись от гнева, воскликнула:

¹ Рани — царица, жена раджи; употребляется также как почтительное обращение к женщине.

— Община забыла о нас! Когда умерла мать, кто поинтересовался, как мы живем? Брат был при смерти. Кто пришел к нам, кто спросил, в чем мы нуждаемся? Хороша же община! Нет, такая община мне не нужна!

Когда Ревати убежала, из смежной комнаты вышел Джабармал, лицо его было печально.

— Девушка очень горда. Всякий стыд потеряла! — проговорила жена Кубердаса.

— Пропали мои двадцать рупий! — бормотал Джабармал, собирая обрывки банкнота. — Так изорвала, что и не склеишь!

— Ты не волнуйся! — успокаивал его Кубердас. — Мы все устроим через суд. Она никуда не денется.

— Теперь вся надежда только на вас, — вздохнул Джабармал.

— Разве старейшина панчаята может не сдержать слова?

Вскоре он добился судебного решения. Ревати была несовершеннолетней, ни отца, ни матери у нее не было, и поэтому панчаят имел право взять над ней опеку. Она не захотела быть под опекой у общины. Но кто станет ее слушать? Закон охраняет права и обычаи общины.

Когда Санталал узнал о решении суда, он в гневе стиснул зубы:

— И когда только эта община перестанет существовать?!

— Разве панчаят имеет право насильно взять меня под опеку? — спросила его Ревати.

— Да, дочь моя. У кого деньги — тому и законы подчиняются, — печально ответил Санталал.

— А я им скажу, что не хочу жить с ними!

— Ну и что из этого? Нет, уж раз у тебя на роду такое написано, ничего не сделаешь. Я сам пойду к старейшине панчаята.

— Нет, дядя, не ходите вы к ним. От судьбы не уйдешь. Видно, не миновать мне беды.

Ночью Ревати не могла заснуть, без конца ворочалась на постели и плакала. Снова и снова она обнимала сонного брата и, рыдая, думала о том, как же он будет жить без нее. Сердце ее замирало от жалости. Но стоило ей вспомнить отвратительное лицо Джабармала, как ее решимость обретала прежнюю силу.

На рассвете Ревати пошла к Гангу купаться. Это ни

у кого не вызвало подозрения, потому что вот уже несколько месяцев каждое утро уходила она на реку. Подозрения возникли, когда пробило восемь, а девушка еще не вернулась.

После полудня вся община уже знала, что дочь сетха Рамнатха утонула. Ее тело нашли в реке.

— Хорошо, что все так обошлось. Хоть честь общины останется незапятнанной,— твердил Кубердас.

Джабармал тоже был расстроен. Но раз не удалось жениться на Ревати, он попросил Кубердаса подыскать ему еще какую-нибудь девушку.

Мохан безутешно плакал, а старая женщина, обняв его, пыталась утешить.

— Сынок, не плачь о Ревати,— приговаривала она.— В жизни у нее были только горести. А сейчас она отдыхает в объятиях матери.

СЕКРЕТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1

Говоря по правде, мне многое неясно в этом мире. Я, например, не понимаю, почему мужчины, едва поднявшись поутру с постели, тотчас же начинают бриться? Или они стали так нежны, что их раздражает даже волос на подбородке? Я не понимаю, почему все вкусившие плодов цивилизации обязательно носят очки? В чем причина? В недостатке ли ума, или еще в чем-нибудь? Я не понимаю также, для чего люди так стремятся получить ученую степень? Ну, и так далее, и так далее...

Но сейчас речь не об этом. Сейчас меня мучает другой вопрос, причем такой, на который пока никто не мог дать мне ответа. А интересуется меня следующее: кого следует считать культурным человеком и кого — некультурным, каковы признаки цивилизованности? На первый взгляд кажется, что это ясно даже ребенку, и разрешить мои недоумения проще простого. Но если вдуматься поглубже, то волнующая меня проблема не покажется такой уж легкой.

Если культура заключается только в том, чтобы носить европейский костюм, воротничок, галстук и шляпу, есть, сидя за столом, в день по тринадцать раз пить какао или чай и ходить, дымя сигарой, то ведь придется назвать культурными и тех европейцев, которые с красными от выпитого вина глазами бродят вечерами по

улицам заплетающейся походкой, толкаются, пристаю́т к прохожим...

Но разве можно назвать таких европейцев культурными? Да никогда! Значит, культура — это нечто совсем иное, и связана она не столько с внешними признаками, сколько с внутренней сущностью человека.

2

Райсахиб Ратанкишор — один из моих лучших друзей — очень благородный, очень отзывчивый, очень образованный человек и к тому же довольно крупный чиновник. Но, несмотря на то, что он получает хорошее жалованье, денег ему не хватает. Да это и понятно: ведь только расходы по дому стоят ему четверти жалованья. В силу этих обстоятельств Ратанкишор живет в постоянных заботах.

Взятки он не берет, по крайней мере я не знаю, хотя кое-кто и поговаривает об этом, — мне же только известно, что для пополнения доходов райсахиб частенько совершает инспекционные поездки, так что средства на них приходится порой выискивать в каких-нибудь других статьях бюджета. Иногда чиновники спрашивали моего друга, почему он так много времени тратит на разъезды, но Ратанкишор обычно отвечал, что дела в данном округе таковы, что требуют частого присутствия, иначе и народ не успокоить. Но самое интересное заключается в том, что райсахиб в действительности вовсе не совершает столько поездок, сколько указывает в своих отчетах. Его резиденция находится в пятидесяти милях от города — там и разбивается лагерь, где располагаются чиновники, и райсахиб, сидя, по сути, у себя дома, мирно беседует с друзьями. Но кто посмеет усомниться в добропорядочности райсахиба? В том, что он культурный человек, никаких сомнений ни у кого и возникнуть не может.

Однажды я зашел к райсахибу в тот момент, когда он отчитывал своего косаря Дамри. Дамри нанялся к Ратанкишору на работу и должен был трудиться круглые сутки, однако питаться ходил к себе домой — жил он в деревне неподалеку. Накануне вечером он почему-то не смог вернуться к хозяину, за что тот его и ругал теперь.

— Я взял тебя работать круглые сутки, как же ты посмел остаться на ночь дома? Я вычту из твоего жалования за весь вчерашний день.

— Хузур, гость пришел, не мог же я оставить его,— оправдывался Дамри.

— Так с того гостя и спрашивай деньги.

— Саркар, этого больше никогда не будет...

— Довольно, убирайся! Ты надоед мне.

— Хузур...— взмолился несчастный.

— Заплатишь две рупии штрафа,— отрезал райсахиб.

И Дамри, заплакав, ушел. Вот как бывает в жизни — пришел просить прощения, а навлек на себя беду: «заработал» две рупии штрафа. Весь его поступок заключался в том, что он хотел, чтобы райсахиб простил ему его вину. Две рупии лишь за то, что бедняга отсутствовал одну ночь! Ведь он выполнил всю дневную работу и только не ночевал у хозяина. Ну разве можно наказывать за это? Почему же тогда никто не спрашивает у людей, которые сидят дома, за что они получают командировочные? Почему их никто не накажет? Покарал бы, да еще так, чтобы на всю жизнь запомнили, но поймать-то таких трудно. И Дамри, будь он похитрее, возвратился бы потихоньку, до рассвета, в свою каморку, и никто бы не знал, где он провел ночь. Но бедняга был слишком прост для этого.

3

У Дамри было шесть бигхов¹ земли, но и столько же ртов кормилось с нее. Оба сына, жена, две дочери — все работали на поле, однако хлеба в доме никогда не бывало вдоволь. Слишком мал был участок, чтобы прокормить такую семью. Конечно, если бы они всей семьей пошли работать на фабрику, то заработали бы себе на жизнь, но, потомственные крестьяне, они не могли даже мысли допустить о подобном унижении — назваться рабочими! Чтобы уберечь себя от такого позора, Дамри держал двух быков, причем на их содержание уходила большая часть его заработка. Впрочем, со все-

¹ Бигх — мера площади, равная 1/4 гектара.

ми этими трудностями он готов был мириться, лишь бы не покинуть поле и не стать рабочим. Это казалось ему совершенно неприемлемым! Ведь репутации-то крестьянина, обрабатывающего землю, никогда не может быть у рабочего, зарабатывай он хоть рупию в день. Не оставляя землепашества, пойти подработать — другое дело, в этом нет особого позора, да и привязанные у дверей быки сохраняют крестьянину честь. Но вот если и быков продать, тогда уже действительно со стыда и глаз никуда не покажешь!

Однажды райсахиб увидел дрожащего от холода Дамри.

— Тебе надо бы купить какую-нибудь одежонку. Смотри, как дрожишь, — сказал он.

— Что вы, саркар, хлеба и того не хватает. Где уж тут об одежде думать!

— Так почему ты не продашь быков? — удивился райсахиб. — Сотни раз говорил тебе! Такой простой вещи понять не можешь!

— Ах, саркар! Ведь тогда мне нельзя будет никому на глаза показаться, — пытался объяснить Дамри. — И помолвка дочери расстроится, и из касты исключить могут.

— Вот из-за таких-то глупостей все ваши несчастья и происходят! И жалеть-то вас — грех! — Повернувшись ко мне, Ратанкишор добавил: — Ну, скажите, муншиджи¹, как бороться с этим невежеством? Сам будет дрожать от холода, но быков у двери дома привяжет обязательно.

— У каждого своя точка зрения, джанаб², — ответил я уклончиво.

— Ну, знаете ли, подобные принципы хороши только издали, — возразил райсахиб. — Вот у меня в семье в течение нескольких поколений праздновался день Кришны³. Тысячи рупий вылетали на ветер. Устраивали пение, званый обед, приглашали родственников, беднякам раздавали одежду. В первый же год после смерти моего почтенного родителя я отменил эти празднества. Какой от них толк? Один убыток — четыре-пять тысяч рупий!

¹ Мунши — писец; здесь почтительное обращение к ученому, образованному человеку.

² Джанаб. — ваша честь.

³ Праздник Кришны — холи.

В селе началась суматоха! Ругали меня на чем свет стоит: кто называл безбожником, кто решил, что я перешел в христианство, — но мне-то до всего этого не было никакого дела! В конце концов понемногу успокоились. Да, вот еще интересная штука! — продолжал он. — Если у кого-нибудь в деревне свадьба, дрова он должен был брать непременно у меня! Этот обычай шел еще от предков. Отец, бывало, сам покупал где-нибудь дрова, но обычай этот поддерживал. Ну разве не глупо? Я сразу же прекратил и это. Люди просили, плакали, но помните — «других плач слышу, да свою пользу вижу». Эти дрова сэкономили мне самое меньшее пятьсот рупий в год. Теперь даже по ошибке никто не беспокоит меня такими делами.

И снова передо мной встал вопрос: кто же более цивилизован — жертвующий жизнью ради родовой чести прастак Дамри или приносящий в жертву богатству свою фамильную честь райсахиб Ратанкишор?

4

В суд к райсахибу поступило очень серьезное дело. Один городской богач оказался замешанным в деле об убийстве. Какими только путями не старался он подольститься к райсахибу, чтобы тот отпустил его на поруки! Вопрос стоял о чести, и богач решил пожертвовать всем своим состоянием, но выйти из процесса незапятнанным. В ход пошли подарки, всевозможные прошения, но райсахиб оставался непреклонным. У сторонников обвиняемого не хватало смелости прямо повести речь о взятке, но когда все средства оказались испробованными, супруга богача решила отправиться к жене райсахиба сама, чтобы попытаться заключить с ней сделку.

Было десять часов вечера, когда женщины приступили к переговорам. Речь шла о двадцати тысячах. Жена райсахиба так обрадовалась, что тотчас же побежала к мужу.

— Возьми! Слышишь, возьми! Не возьмешь ты, я возьму! — уговаривала она Ратанкишора.

— Не будь такой нетерпеливой, — остановил ее муж. — Своей поспешностью ты все дело испортишь. Ну что она теперь про тебя подумает? Ты хоть немного заботишься о своей чести? Ничего не скажешь, сумма боль-

шая... С ее помощью я сразу избавлюсь от всех твоих ежедневных приставаний. Но ведь честь государственного служащего — тоже непростая штука. Тебе надо было сделать вид, что ты очень рассержена, и сказать: «Если ты пришла ради подобных разговоров, лучше уходи сейчас же. Я и слушать тебя не стану».

— Я так и сделала, — ответила жена. — Рассердившись, наговорила ей кучу резкостей. Не понимаю я политики, что ли? Несчастливая в ногах у меня валялась.

— А ты сказала ей, что если об этом узнает райсахиб, он тебя живьем съест? — ликуя, произнес Ратанкишор и обнял жену.

— Конечно! Чего я только ей не наговорила! Да она все равно ничего не слушает, просто надрывается от плача.

— Но ведь ты ей еще не дала согласия?

— Согласия?... удивилась жена. — Я уже взяла деньги и положила их в шкатулку. Банковые билеты!

— До чего же ты глупа! Не знаю, вразумит ли тебя всевышний когда-нибудь.

— Что же, отдать прикажешь? Впрочем, если и прикажешь, все равно не отдам!

— Да, вот так всегда и бывает... Не сказав мне ни слова, взять деньги и уже в сундук запрятать! А если вдруг это дело раскроется, как я тогда буду выглядеть?

— Ну, что ты! Если поднимется шум, я отнесу деньги обратно.

— Еще одна глупость! — воскликнул райсахиб. — Ладно уж, теперь — чему быть, того не миновать! Теперь придется, видно, уповать на бога и отпустить его на поруки. Но в твоей глупости у меня больше нет сомнений. Пойми же наконец — поступить как ты значит положить палец в рот змеи. Знать, как я ненавижу подобные вещи, и все же так поступить! На этот раз из-за твоей глупости я нарушаю данный себе обет — никогда не впутываться в подобные дела. Ах, если бы мне удалось выйти сухим из этого дела!

— Я отошлю деньги назад!

— А я пойду и приму яд!

В то время, когда разыгрывалась эта комедия, Дамри срезал маис на поле деревенского старосты.

Сегодня он отпросился у хозяина на всю ночь. Дома — ни травинки, накормить быков нечем, до полочки еще несколько дней, и купить корму не на что. Днем-то до-

машиние, нарезав немного травы, покормили животных, но ведь это все равно что положить былинку в рот верблюда,— разве могли быки насытиться этим. Бедняги стояли голодные. Едва увидев Дамри, они замахали хвостами, жалобно замычали. Он подошел к ним. Быки начали лизать его ладони. У бедного крестьянина сердце разрывалось на части. «Сегодня я уже ничего не смогу сделать,— подумал он.— Но утром непременно займу у кого-нибудь!»

Но когда в одиннадцать часов ночи он открыл глаза, то увидел быков, по-прежнему стоящих у кормушки. Ночь была лунная, и Дамри показалось, что животные смотрят на него с мольбой и надеждой. При виде их мук глаза его наполнились слезами. Да это и понятно— крестьянину быки дороги, как родные дети, он видит в них не просто животных, а друзей и помощников. Сон сразу же покинул Дамри, и, колебавшись немного, он встал, взял серп и вышел из дому, раздумывая о том, где бы раздобыть для быков корм. За деревней начинались поля баджры¹ и маиса. Дамри остановился в нерешительности, руки его дрожали, но мысль о быках заставила крестьянина встрепенуться. Если бы он хотел, то мог бы нарезать сколько угодно охапок, но и воруя, Дамри не был вором. Он нарезал ровно столько, сколько должно было хватить быкам на ночь. «Если кто-нибудь и увидит меня,— думал он,— я скажу: быки стоят голодные, поэтому и взял немного корма». Он был уверен, что за это его никто не потащит в суд. Да и впрямь,— ведь не для продажи он косил! Ну самое большее, что сделают— это возьмут с него стоимость корма. Дамри много размышлял об этом. То обстоятельство, что маиса он накосил очень мало, казалось ему вполне достаточным, чтобы спасти себя от обвинения в воровстве. Настоящий вор накосил бы столько, сколько в состоянии унести на себе,— какое ему дело до чужих убытков! Конечно, если бы односельчане застали Дамри за этим занятием, они рассердились бы, но никому и в голову бы не пришло обвинить его в воровстве. Но на этот раз, как на грех, откуда ни возьмись появился полицейский из районного участка. Ему сообщили, что некий купец содержит за городом игорный дом, и он пошел туда,

¹ Б а д ж р а — сорт проса.

чтобы, застав игроков на месте преступления, выманить у купца взятку. По дороге полицейский увидел Дамри, и его вдруг охватило сомнение: кто же в такой поздний час косит траву? Не иначе как вор.

— Эй, кто там? Стой! — грозно закричал полицейский.

Дамри, вздрогнув, обернулся! Позади стоял полицейский!.. У бедняги отнялись руки и ноги.

— Хузур, взгляните, ведь я взял самую малость, — проговорил он дрожащим голосом.

— Мало взял или много — все равно это называется воровством, — внушительно сказал полицейский. — Ответь, чье это поле?

— Баладева Мехты... — еле слышно пробормотал Дамри.

Полицейский понял: жертва попалась, будет чем поживиться. Однако не стоять же с ним здесь! И он повел Дамри в деревню, но когда и там его надежды на взятку не оправдались, он отправил несчастного прямо в полицейский участок. Там тханедар составил акт и передал дело в суд. Попало же оно к райсахибу. Райсахиб, увидев, что обвиняется его слуга, повел расследование с особой строгостью. На суде он сказал, обращаясь к Дамри:

— Твой поступок позорит и меня! Тебе-то что — получишь полгода или год и все. Но стыд-то, стыд! Он падет на мою голову! Теперь все станут говорить, что у райсахиба служат воры и негодяи. Если бы ты не был моим слугой, я дал бы тебе легкое наказание, но так как ты мой слуга, я вынесу тебе самый суровый приговор.

И райсахиб присудил Дамри к шести месяцам тюрьмы.

В тот же день слушалось дело об убийстве. Райсахиб, взяв залог, отпустил убийцу на поруки.

Я слышал оба процесса, и во мне еще сильнее утвердилось мнение, что цивилизация — это лишь искусство скрывать пороки.

Вы можете совершить самый отвратительный и гнусный поступок, но если вы сумеете набросить на него завесу — вы культурны, вы благородны, вы джентльмены. Если же вы не обладаете таким искусством — вы некультурны, вы невежественны, вы дикарь.

Вот вам и весь секрет цивилизации!

ЗА ГОРСТЬ ПШЕНИЦЫ

В одной деревне жил крестьянин по имени Шанкар. Это был простой бедный человек из касты курми¹. Существовал он на то, что зарабатывал сам; ни у кого ничего не брал и никому ничего не был должен. Шанкар не был способен на злые шутки и козни. Плутство и хитрость были также чужды ему, и он не ведал страха стать жертвой обмана, так как сам никогда не обманывал.

Если у него было что-нибудь на обед, он обедал, если не было, он довольствовался горстью поджаренных зерен. Ну, а коли не было даже этого, он пил одну воду и с молитвой ложился спать. Но когда на пороге его дома появлялся гость, крестьянин вынужден был отказываться от своего сурового аскетизма. Ему поневоле приходилось выполнять мирские обязанности, особенно если заходил какой-нибудь садху. Сам-то Шанкар мог лечь спать с пустым желудком, но разве мог он допустить, чтобы отшельник сделал то же самое? Ведь садху — служители божьи!

1

Однажды вечером в дом Шанкара пришел садху и остался ночевать. Желтая шелковая накидка, очки, длинные косматые волосы, деревянные сандалии на ногах и

¹ Курми — земледельческая каста.

бронзовый сосуд в руках — все это придавало гостю внушительный вид. Его внешность напоминала тех садху, которые упражняются в самоотречении в особняках богачей, совершают «обход» вокруг храмов в автомобилях и пресыщаются изысканными яствами для достижения полной гармонии души и тела.

В доме крестьянина была только ячменная мука. Но разве мог Шанкар предложить ее садху? Весьма вероятно, что ячмень очень высоко ценился в древности, но в нынешний век он считается неудобоваримым для великих людей.

Шанкар долго думал, чем накормить важного садху. Наконец он решил занять у кого-нибудь нежного пшеничной муки. Однако ни в одном доме ему не удалось ее найти: в деревне жили простые люди, среди них не было богоподобных. Как же мог Шанкар раздобыть пищу, которой питаются боги? К счастью, он достал немного пшеницы в доме деревенского брахмана, одолжив у него сер с четвертью. Шанкар велел жене смолоть зерно, и махатма, отлично поужинав, безмятежно заснул. Утром он благословил Шанкара и отправился дальше.

Обычно брахману делалось два подношения зерном в год, и Шанкар решил, что сейчас ему не стоит возвращать такую малость, как сер с четвертью. Он просто добавит эту пшеницу к обычному подношению в пять серов. Брахман увидит это и поймет.

В месяце чайт, когда брахман пришел за подношением, Шанкар насыпал ему обычных пять серов и прибавил к ним еще почти два с половиной. Теперь он полагал, что расквитался с долгом, хотя и не сказал об этом брахману ни слова. Последний также никогда не напоминал крестьянину о долге. Мог ли подумать простак Шанкар, что ему придется вновь родиться на свет, чтобы расплатиться с этим долгом.

Прошло семь лет. Брахман превратился в ростовщика, а Шанкар из крестьянина — в батрака: его младший брат Мангал разделился с ним. Когда они жили вместе, оба были хозяевами; теперь же, расставшись, стали батраками.

Как ни старался Шанкар потушить огонь неприязни, отделивший братьев друг от друга, обстоятельства в конце концов вынудили его сдаться. Горько заплакал он, когда огонь домашнего очага загорелся в двух

разных местах. Огненные братья стали жить в постоянной вражде. Если один из них горевал, то другой радовался, если один оплакивал покойника — другой веселился. Вот так и порываются узы крови, узы любви, узы братской дружбы. Сколько тяжкого труда вложил Шанкар, чтобы взрастить древо доброго семейного имени! Сердце Шанкара разрывалось от боли, когда он видел, что то самое дерево, которое он орошал своей кровью, вырвано с корнем.

Неделю Шанкар не дотрагивался до пищи. Целыми днями напролет трудился под палящими лучами солнца знойного месяца джетх¹, а по ночам лежал, скованный мертвым сном. Невыносимое горе, изнурительный труд истощили его тело, расслабили мышцы, иссушили мозг. Шанкар заболел и несколько месяцев был прикован к постели. Как теперь они будут жить? Земли у них осталось немногим больше двух бигхов и только один вол. Какое уж там земледелие! В конце концов дошло до того, что возделывать землю продолжали ради поддержания семейной традиции. Что же касается средств к существованию, то их приходилось добывать батрачеством.

2

Однажды вечером, когда Шанкар возвращался с работы домой, его остановил брахман:

— Шанкар, приходи завтра и рассчитайся со мной. Ты задолжал пять с половиной маундов пшеницы и по-малкиваешь. Уж не думаешь ли ты прикарманить должок!

— Когда я занимал у вас пшеницу? Откуда взялись эти пять с половиной маундов? Вы ошибаетесь. Я никому не должен ни зернышка, ни одной пайсы.

— Вот потому ты и голодаешь сейчас, что так относишься к делам, — сказал брахман и напомнил Шанкару об одном с четвертью сере пшеницы, который он одолжил ему, Шанкару, семь лет назад.

Эти слова потрясли Шанкара. О всевышний! Столько лет делал он брахману подношения зерном, а что полу-

¹ Джетх — третий месяц индийского календаря; соответствует маю — июню.

чил взамен? Ведь когда брахман приходил, чтобы предсказать по священным книгам, благоприятствует ли момент начинанию дела, он тоже получал всегда какое-нибудь подношение. Какая корысть! Брахман — как наседка, сидел на этом сере с четвертью пшеницы и высидел чудовище, которое проглотит его, бедняка! Если бы ростовщик за эти годы хотя бы раз упомянул о долге, то уж конечно Шанкар отмерил бы ему зерно. Неужели он молчал с умыслом?

— Махарадж, правда, я никогда не говорил вам, — пролепетал Шанкар. — Но я часто прибавлял один-два сера к моим ежегодным подаркам для вас, и думал, что мы с вами в расчете. Сейчас же вы требуете пять с половиной маундов! Откуда я их возьму?

— Счет маленький, да бакшиш большой, — ответил брахман. — Все, что ты дал, пусть даже вместо одного сера двадцать — не снимает с тебя долга. В моей приходо-расходной книге против твоего имени стоит пять с половиной маундов. Можешь попросить кого угодно подсчитать. Возвратишь долг, я вычеркну твое имя; нет — долг будет расти.

— Пандит! Зачем обижаете бедного человека? Мне нечего есть... Где я возьму столько пшеницы?

— Это уж твое дело! Я не уступлю ни зернышка. Если не рассчитаешься со мной на этом свете, придется сделать это на том.

Шанкар задрожал от страха. Не будь он так невежествен, он, пожалуй, сказал бы: «Ну, что ж! Давайте рассчитаемся на том свете! Маунд на небе вряд ли меньше, чем на земле. По крайней мере у нас нет доказательств, что это не так. Стоит ли тогда беспокоиться о расплате?» Но Шанкар не знал логики и не был практичным человеком. Долг... да еще брахману! Если его имя останется в книге брахмана, он обязательно попадет прямо в ад. Шанкар содрогнулся при одной мысли об этом.

— Махарадж! Я заплачу вам все, что должен, на этом свете. Хватит с меня горя в этой жизни. Зачем же усыпать колючками мою следующую жизнь? Но это все-таки несправедливо. Ведь вы из маленького зернышка целую гору сделали. Разве можно так поступать со мной? Ведь вы же брахман! Если бы вы потребовали долг сразу, мне не пришлось бы нести такую ношу сейчас.

Я отдам долг, но вам придется ответить за это перед богом!

— Не мне, а тебе надо бояться всевышнего. На небе у меня всюду родичи и друзья. Все мудрецы и святые — брахманы, боги — тоже брахманы. Они выручат меня, если что-нибудь не так. Ну, так когда ты отдашь свой долг?

— У меня ничего нет. Придется у кого-нибудь занять. Тогда и расплачусь с вами.

— Меня это не устраивает. Прошло уже семь лет, и теперь я не дам тебе ни дня отсрочки. Если ты не можешь сейчас отдать пшеницу, лиши долговую расписку.

— Мне все равно платить: хотите — пшеницей, хотите — берите расписку. По какой цене расплачиваться-то будем?

— Рыночная цена — пять серов за рупию. Тебе же я уступлю пять с четвертью серов за рупию.

— Нет уж, пусть лучше будет по рыночной ставке. Зачем мне брать на душу грех из-за какой-то четверти сера?

Состоялся подсчет, и пшеница была оценена в шестьдесят рупий. Затем была написана расписка на шестьдесят рупий из расчета трех процентов. Было также оговорено, что если Шанкар не отдаст долг в течение года, то размер процента возрастает до трех с половиной. Сверх этого крестьянин должен будет уплатить восемь анн за марку и одну рупию за составление расписки.

Вся деревня проклинала брахмана, но делалось это за глаза: всем приходится иметь дело с ростовщиком, а кто наберется смелости перечить ему?

8

Целый год Шанкар отказывал себе во всем, словно дал обет — заплатить деньги раньше намеченного срока. Если и прежде в полдень в доме не разжигали очага и подкреплялись лишь жареными зернами, то теперь семья отказывала себе даже в этой скудной пище. Только для сына берегли корку лепешки, выпеченной вечером. Шанкар имел обыкновение тратить одну пайсу в

день на табак, и это была единственная его слабость. в которой он не мог себе отказать. Теперь же и эта привычка была принесена в жертву суровой клятве. Шанкар выбросил трубку, разбил кальян и поломал глиняный горшок из-под табака. Его одежда, и раньше изношенная до крайности, теперь состояла из жалких тряпок, едва прикрывавших наготу. Если бы не огонь очага, крестьянин не перенес бы суровых зимних холодов.

Плоды этой непреклонной решимости превзошли все ожидания: к концу года он собрал шестьдесят рупий. Шанкар полагал, что отдаст деньги брахману и скажет: «Махарадж! Повремените немного, и я принесу остальные деньги. Ведь оставшиеся пятнадцать рупий совершенно другой счет. Пандит-джи, уважьте мою просьбу!»

Шанкар принес деньги и положил их к ногам пандита.

— Ты их у кого-нибудь занял? — удивился брахман.

— Нет, махарадж. Благодаря вашим молитвам в этом году у меня был хороший заработок.

— Но здесь только шестьдесят рупий!

— Да, махарадж. Соболаговолите взять пока эти, остальные я заплачу через два-три месяца. Освободите меня от долга!

— Я освобожу тебя только после уплаты последней каури¹. Иди и принеси еще пятнадцать рупий.

— Сжалость надо мной, махарадж! Я даже не знаю, что буду есть сегодня вечером. Я ведь в деревне, никуда не денусь — обязательно отдам.

— Э, у меня так не водится, и я не люблю болтать. Если я не получу полностью все деньги, то начиная с сегодняшнего дня тебе придется платить три с половиной процента. Можешь хранить свои деньги дома или оставить у меня, как хочешь.

— Хорошо, примите хотя бы то, что я принес. Я постараюсь где-нибудь достать пятнадцать рупий.

Шанкар обошел всю деревню, но никто из жителей не дал ему денег: не потому, что они не доверяли Шанкару, или ни у кого их не было, а потому, что никто не посмел встать между пандитом и его жертвой.

¹ Каури — морская ракушка, имеющая хождение в качестве самой мелкой монеты.

Действие всегда вызывает противодействие — таков вечный закон природы. Когда Шанкару после года самоотречения не удалось избавиться от своего долга, его непоколебимость уступила место отчаянию. Ему стало ясно, что если при таких лишениях он не смог собрать за целый год больше шестидесяти рупий, то ему ни за что не скопить сумму вдвое большую. Раз предстояло согнуться под бременем долга, то не все ли равно, будет это маунд или маунд с четвертью?

Шанкар упал духом и возненавидел труд. Надежда — мать мужества, в ней — жизнь, сила и слава, надежда — движущая сила всей жизни. Потеряв ее, Шанкар стал равнодушен ко всему.

Нужда, преследовавшая его весь год, не напоминала больше нищего, который приходит за милостыней к порогу дома, она скорее была похожа на чудовище, вцепившееся в горло Шанкара, и это чудовище не отпустит его до тех пор, пока не получит то, что ему причитается. Есть предел, дальше которого латать одежду уже невозможно. Теперь, получая заработанные деньги, Шанкар не копил их, а тратил на одежду или еду. Если раньше он курил только табак, то теперь пристрастился к гашишу и чарасу¹. Он больше не беспокоился об уплате долга, словно и не был должен никому ни одной пайсы. Если раньше Шанкар шел на работу даже тогда, когда его трепала лихорадка, то теперь он искал предлога как бы увильнуть от дела.

Так прошло три года. За это время брахман ни разу не напоминал о себе. Как хитрый охотник, он хотел нанести своей жертве удар наверняка. Не в его правилах было спугивать дичь раньше времени.

Однажды пандит позвал к себе Шанкара и показал ему счет: без собранных им раньше шестидесяти рупий, за Шанкаром числилось теперь еще сто двадцать рупий.

— Я смогу уплатить такую уйму денег лишь на том свете! Я не в силах сделать это теперь.

— Я взыщу их с тебя на этом свете... по крайней мере если не основной долг, так проценты платить тебе придется.

¹ Ч а р а с — наркотик, изготавливаемый из цветов конопли.

— У меня есть вол — берите его. У меня есть хижина — можете забрать и ее. Больше у меня ничего нет.

— Зачем мне твой вол? Кроме него, у тебя есть еще кое-что, чем ты можешь расплатиться со мной.

— Что же, махарадж?

— Раз у тебя нет ничего больше, можешь расплатиться собой! Ходишь же ты куда-то на заработки? Мне тоже приходится держать батрака для работы на моих полях. Вот и работай у меня в уплату процентов, а основной долг возвратишь, когда тебе будет удобно. Правда, теперь ты не сможешь пойти на заработки куда-нибудь в другое место, пока не рассчитаешься со мной, но у тебя нет имущества, и я не могу рисковать такой большой суммой денег. Кто поручится, что ты будешь ежемесячно платить мне проценты? А если ты не способен уплатить даже проценты из своего заработка, то что и говорить об основном долге?

— А чем же я буду питаться, если стану работать на вас в уплату процентов?

— У тебя есть хозяйка и сыновья. Что же им сидеть дома сложа руки? Что касается меня, то я буду давать тебе в год одно одеяло, а еженедельно на завтрак — полсера ячменя. Получишь также и куртку. Что же тебе еще надо? Правда, другие платят шесть анн в день, но меня это не касается. Я буду держать тебя только для того, чтобы получить свои деньги.

На некоторое время Шанкар впал в тяжелое раздумье, но затем воскликнул:

— Махарадж! Это же пожизненное рабство!

— Называй как хочешь — службой или рабством, — ответил брахман. — Я не оставлю тебя, пока не взыщу своих денег. Если же ты убежишь, расплачиваться будет твой сын. Вот уж когда никого не останется из твоей семьи, кто бы мог рассчитаться со мной, ну тогда другое дело...

Некому было подать жалобу на такое решение, ибо кто поручился бы за батрака? Некуда было бежать, ибо кто предоставил бы ему убежище?

На другой день Шанкар начал работать на брахмана. Из-за горсти пшеницы он был вынужден связать себя по рукам и ногам цепями пожизненного рабства,

Единственным утешением для бедняги была мысль о том, что это, видно, искупление за грехи, совершенные в предыдущей жизни¹. Его жене пришлось наняться на работу, которую она раньше никогда не выполняла. Его дети почти умирали от голода. Но Шанкар ничего не мог поделать — он лишь молча наблюдал за происходящим. Всю жизнь, как проклятие богов, тяготело над ним бремя тех нескольких зерен пшеницы.

5

После двадцатилетнего рабства Шанкар покинул сей печальный мир. Но на нем все еще висел долг в сто двадцать рупий. Пандит не посчитал уместным беспокоить беднягу на том свете: он не был настолько жесток и несправедлив. Он вцепился в горло младшего сына Шанкара, который и поныне еще работает на него. Один бог знает, когда он добьется своего освобождения, да и добьется ли когда-нибудь?

Читатель, не подумайте, что этот рассказ — вымысел. Это действительный факт, взятый из жизни. На свете еще не перевелись такие брахманы и, такие Шанкары.

¹ Учение о переселении душ является одним из краеугольных камней философии индуизма. Согласно этому учению, человека постигает возмездие за грехи, совершенные им в «предыдущих» жизнях.

Х Р А М

1

Хвала тебе, материнская любовь! Все в мире помимо тебя — тлен и суета. Одна ты истинна, неизменна и постоянна.

...Три дня не брала Сукхья в рот ни крошки хлеба, ни капли воды. Перед ней на соломе лежал ее маленький сынишка и стонал. Сегодня уже три дня, как он не поднимает головки. А мать то носит его на руках, то снова укладывает на солому. И ведь никто не объяснит, что вдруг приключилось с веселым, подвижным мальчиком. До того ли матери, чтобы думать о голоде и жажде! Она не могла взять в рот и глотка воды! И не было конца-края страданиям несчастной женщины. В течение одного лишь года похоронила она в Ганге двух своих сыновей. Муж умер еще раньше. И теперь весь смысл жизни заключался для нее в этом мальчике. О! Неужели и его вырвет бог из ее объятий? Едва эта мысль приходила в голову бедной женщине, из глаз ее неудержимым потоком начинали литься слезы.

Ни на минуту не оставляла она мальчика одного. Ходила на прополку — брала его с собой. Отправлялась на базар продавать сено — сынишку несла на руках. Она даже заказала для него игрушечную мотыгу и такую же корзиночку. Маленький Джьяван, когда был здоров и полел с матерью траву, гордо говорил:

— Мама, сделай мне настоящую мотыгу, тогда я сумею наполоть много-много травы; ты будешь сидеть на стульчике у дверей, а я пойду продавать сено.

— А что же ты принесешь мне с базара, сынок? — спрашивала мать.

— Много-много красных сари,— обещал Джьяван. А себе он хотел одного — побольше леденцов!

Воспоминания об этих простодушных разговорах острым копьем пронзали теперь сердце матери. Ведь все, кто ни видел мальчика, в один голос твердили, что его кто-то сглазил. Но кто? «Значит, и у бедной вдовы есть в мире недруг?— думала несчастная женщина. — О, если б узнать его имя!» Тогда Сукхья упала бы ему в ноги, положила бы перед ним мальчика — неужели не смягчилось бы его сердце? Но, увы! — никто не говорит его имени. А у кого спросить? Что делать?

2

Стояла глубокая ночь. Мятущаяся душа Сукхьи не знала покоя. У какой богини искать защиты? Какому богу дать обет? С этими думами она незаметно задремала. И видит: приходит ее муж, останавливается у изголовья сына и, глядя рукой головку мальчика, говорит: «Не плачь, Сукхья! Твой сын будет здоров. Соверши завтра пуджу¹ богу Вишну, только он поможет тебе». С этими словами видение исчезло. Сукхья открыла глаза. Ну да, это приходил ее муж, сомнений быть не может. «Он и теперь заботится обо мне» — мысль эта наполнила сердце женщины надеждой. На ее глаза навернулись слезы любви и доверия к мужу. Она прижала сына к груди и, устремив взор в небо, воскликнула:

— Всевышний, исцели моего мальчика! Я совершу тебе пуджу. Сжался над беззащитной вдовой!

Тут Джьяван открыл глаза и попросил пить. Мать вскочила, набрала воды в чашку и напоила ребенка. Джьяван, выпив воду, спросил:

— Мама, сейчас ночь или день?

— Еще ночь, сынок. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, мамочка! Я уже поправился.

¹ Пуджа — религиозный обряд; заключается в подношении божеству даров (воды, плодов, цветов, риса и т. п.).

— Твоими бы устами да мед пить, сынок! Бог даст, ты скоро поправишься. Хочешь чего-нибудь поесть?

— Да, мама. Дай мне немножко патоки.

— Нет, нет, дружочек, это тебе вредно. Хочешь, приготовлю кхичри?¹

— Ну, мамочка, дай немножечко патоки — в ножки тебе поклонюсь.

Перед такими просьбами мать не могла устоять. Она достала горшок с патокой, дала немного патоки Джьявану и собиралась закрыть горшок крышкой, как вдруг услышала на улице чей-то голос. Женщина пошла открыть дверь, так и не убрав горшок. А Джьяван в это время стащил еще пару кусков патоки и в один миг проглотил их.

8

Весь день Джьяван чувствовал себя хорошо. Он поел немного кхичри и даже раза два добирался потихоньку до самых дверей: ему доставляло огромное удовольствие смотреть на забавы своих друзей, хоть играть с ними он еще и не мог. Сукхья решила, что ребенок поправился. В один из ближайших дней, как только будут деньги, она пойдет и совершит всевышнему пуджу...

В уборке, стирке, стряпне незаметно прошел зимний день, но когда к вечеру Джьяван опять почувствовал себя плохо, Сукхья встревожилась. В голову пришла страшная мысль: мальчик снова заболел потому, что она медлила с совершением пуджи.

Уже смеркалось. Уложив ребенка, Сукхья занялась приготовлением всего необходимого для пуджи. Цветы она достала в саду у заминдара; тулси росла прямо у дверей. Но при жертвоприношении богу необходимо иметь хоть немного сладостей — иначе чем же она оделит односельчан? А для этого нужна по меньшей мере анна. Женщина обошла всю деревню, однако нигде не смогла достать в долг ни пайсы. Отчаяние охватило несчастную мать. О черный день! Никто не дает ни каури! И Сукхья решила на последнее средство — она сняла со своих рук серебряные браслеты и побежала к лавочнику заложить их. На полученные деньги она купила

¹ К х и ч р я — блюдо, приготовленное из риса и бобовых.

сладоостей и бегом примчалась домой. Теперь все было готово для пуджи. Прижав сына к груди одной рукой и взяв в другую поднос с дарами богу, Сукхья направилась к храму.

Шла церемония арти¹. Собравшиеся в храме богомольцы пели хвалебные гимны.

Сукхья подошла к храму и остановилась.

— В чем дело? Зачем ты пришла?— спросил жрец, увидев женщину.

— Я дала обет богу, махарадж,— ответила Сукхья,— вот и пришла совершить пуджу.

Служение сильным мира сего занимало у жреца весь день, на поклонение же всевышнему оставались только утро и вечер. Ночи он проводил в храме, там же готовил себе и пищу, отчего белые когда-то стены святилища покрылись копотью. Вообще жрец был добрым человеком и отличался таким благочестием, что в любую непогоду — и в холод и в дождь — совершал омовение, без чего капли воды не позволял себе взять в рот. Правда, руки и ноги у него по-прежнему оставались покрытыми толстым слоем грязи, но уж в этом он был во все не виноват.

— Зачем тебе входить в храм?— возразил жрец.— Ведь богослужение уже закончилось. Ты что, пришла сюда, чтобы осквернить святилище?

— Уж не думаешь ли ты, что оказала честь богу своим посещением?— спросил какой-то богомолец.

— Я пришла припасть к стопам всевышнего, господин!— кротко ответила Сукхья.— Я принесла все, что нужно для пуджи.

— Да соображаешь ли ты, что говоришь? Уж не сошла ли ты с ума? Интересно, как это ты посмеешь прикоснуться к божеству?— удивился жрец.

Сегодня Сукхья пришла в храм впервые, и ей непонятно было, на что намекает жрец.

— Господин, ведь всевышний — владыка всего живого,— возразила она,— лицезрение его дает спасение даже грешнику. Как же мое прикосновение может осквернить бога?

¹ Арти — имеет три значения: а) обряд возжигания перед изображением какого-нибудь бога светильника, наполненного топленным маслом и благоговониями; б) название этого светильника; в) хвалебные гимны, которые поются во время церемонии арти.

— Да ведь ты же чамарка!¹ — ответил жрец.

— А разве не бог создал чамаров? Или у чамаров какой-то особый бог? Господин, я дала обет, чтобы спасти своего ребенка!

— Гоните ведьму! — закричал вышедший из храма богомолец, угрожающе надвигаясь на Сукхью. — Она осквернит здесь все! Вышвырните ее поднос! Что делается! Мир, видно, вверх дном перевернулся, если уж и чамары собираются совершать пуджу. Этак земля в тартарары полетит скоро!

— Несчастный бог! Придется ему отведать кушанья, приготовленные руками чамаров! Теперь все идет шиворот-навыворот!

Сукхья дрожала от холода; ребенок, пытаясь согреться, приник к материнской груди, а эти подрядчики от веры разводили демагогию о судьбах мира.

Но Сукхья и не думала уходить. Казалось, ноги ее приросли к земле. Временами в душе бедной женщины закипало желание, несмотря ни на что, пойти и броситься к стопам божества. «Неужели бог принадлежит только им, — думала она, — а от нас, бедняков, он далек? Почему не пускают меня в храм?» Однако женщина боялась, как бы эти люди и в самом деле не вышвырнули ее дары — что ей тогда делать? Поэтому скрепя сердце она подавляла это желание. И вдруг ей показалось, что она нашла выход... Отойдя немного в сторону, она спряталась в темноте под деревом и стала ждать, когда молящиеся уйдут из храма.

4

Закончив церемонию арти и пропев священные гимны, ревностные почитатели бога долго еще читали священную Бхагават-пурану².

А тем временем жрец развел огонь в очаге и занялся

¹ Чамары — каста кожевников; одна из низших, наиболее угнетенных каст.

² Бхагават-пурана. — Пураны — это грандиозные собрания легенд и преданий, создававшихся между началом II и началом I тысячелетия до н. э. различными религиозными сектами, главным образом вишнуитами и шивантами. Существует восемнадцать пуран, наиболее популярной из них считается Бхагават-пурана, в которой собраны легенды и предания о Вишну.

приготовлением пищи. Сидя перед очагом, он старательно поддерживал огонь. И лишь время от времени вставлял свои замечания по поводу читаемого. Эта благочестивая беседа продолжалась до десяти часов вечера, а Сукхья, погруженная в раздумье, все стояла под деревом. Наконец богомольцы разошлись по домам, и почтенный жрец остался один. Тогда Сукхья подошла ближе и остановилась перед галереей храма, где спокойно сидел жрец, замороженный аппетитным бульканьем варева в котелке. Заслышав шаги, он поднял голову и увидел стоящую перед ним Сукхью.

— Ты все еще здесь? — недовольным тоном спросил он женщину.

Сукхья поставила свой поднос на пол и, протянув руку, словно прося о милости, проговорила:

— Махарадж, я несчастна. В этом мальчике вся моя жизнь, сжался надо мной. Вот уж три дня он не поднимает головки. Добрая слава о тебе пойдет, махарадж! — И она разрыдалась.

Жрец был добрый человек, но как мог он совершить такой неслыханный, такой страшный грех — как он мог позволить чамарке приблизиться к божеству? Да и кто знает, не покарает ли за это бог и его? В конце концов ведь у него тоже дети. А ну как бог разгневается и найдет на деревню мор? Тогда что? Поэтому он сказал:

— Ступай-ка домой, женщина. Молись, и сын твой поправится. Я дам тебе эту священную травку тулси, пусть ребенок съест ее; окропи ему глаза святой водой¹, бог даст, все будет хорошо.

— Так ты не позволишь мне припасть к стопам всевышнего, махарадж? Я очень несчастна. Чтобы собрать все что нужно для пуджи, мне пришлось занять денег. Махарадж, вчера я видела во сне мужа, и он сказал мне: «Соверши пуджу всевышнему, и твой мальчик будет здоров». Вот я и прибежала сюда. У меня есть одна рупия. Возьми ее, только позволь хоть на миг припасть к стопам божества! — молила Сукхья.

Соблазн получить рупию на мгновение поколебал твердость благочестивого пандита, но по глупости своей

¹ Святая вода — вода, к которой брахманы омывают ноги себе или статуе бога.

он все же несколько побаивался бога. Овладев собой, жрец проговорил:

— О безумная! Всевышний одинаково хорошо видит, когда ему молятся в душе и когда падают перед ним ниц. Разве тебе неизвестно, что «тот, кто чист душой, увидит священный Ганг в ведре с водой». А уж если нет веры в сердце, так ничто не поможет, хоть тысячу раз падай ниц перед богом. Лучше возьми у меня амулет. Стоит он дорого, но тебе я отдам его всего за рупию. Привяжи его ребенку на шею. Увидишь, завтра он уже играть будет.

— Так ты не позволишь мне совершить пуджу богу? — повторила Сухья.

— С тебя довольно и этого. Подумай-ка лучше сама: что, если я позволю тебе такое неслыханное дело, а потом нашу деревню постигнет какое-нибудь несчастье? Что тогда? Возьми лучше этот амулет, бог захочет — твой ребенок за одну почь поправится. Его, наверно, кто-нибудь сглазил. Не иначе колдовство какое-то. Он ведь был такой живой мальчик.

— Я сама не своя с тех пор, как дитя мучает лихорадка.

— Славный мальчуган. Если бог спасет его, он будет тебе защитой до конца твоих дней. Я ведь частенько видел его. Он приходил сюда играть.

— А чем же я привяжу амулет, махарадж?

— Я дам тебе тряпочку, на шею и надень. Где ты на ночь глядя будешь искать лоскуток.

Сухья заложила браслеты за две рупии. Одна из них сразу же ушла на подношение. Вторую она отдала жрецу, взяла амулет и, стараясь сама себя утешить, отправилась домой.

5

Дома Сухья привязала мальчику на шею амулет, однако жар у него усиливался с каждой минутой. А к трем часам ночи руки и ноги малыша стали холодеть. Мать встревожилась. «Напрасно я ушла, так и не увидев всевышнего, — думала она. — Все-таки нужно было войти в храм и припасть к стопам божества. Что они могли со мной сделать? Ну пусть бы вытолкали, пусть бы даже побили. Зато исполнилось бы мое желание. Если бы я окропила ноги божества своими слезами

и убаюкала свое дитя перед взором всевышнего, неужели он не смилостивился бы надо мной? Ведь он милосердный, он защищает обездоленных!»

Эти мысли всколыхнули душу Сукхьи. Нет, не время медлить. Она непременно пойдет в храм, падет ниц перед богом и слезами вымолит милосердие. Больше не на что было надеяться бедному женскому сердцу. А если двери храма будут закрыты, она сломает замок. Ведь не откупили же они бога и никто не смеет запирать его!

Пробило три часа ночи. Накрыв мальчика одеялом, Сукхья взяла его на руки, захватила поднос с дарами и вышла из дому. Тьма окутала ее со всех сторон. Порывы резкого ветра пронизывали до костей. Путь был недалек, но от холода женщина еле передвигала ноги. Тропинка вилась под деревьями. Где-то рядом, справа, находился пруд; чуть поодаль — заросли бамбука. В пруду некогда утонул дхоби, а в бамбуковых зарослях, говорят, обитают ведьмы. Слева раскинулись зеленые поля. Какие-то звуки доносились со всех сторон, что-то шелестело во тьме. Вдруг зловеще завyli шакалы. О-о! В другое время ни за какие деньги не пришла бы она сюда в эту пору. Но материнская любовь заглушила все страхи. «О всевышний! Теперь одна надежда на тебя!» — это была ее единственная молитва.

Подойдя ко входу в храм, Сукхья нащупала дверную цепь. На двери висел замок. Жрец спал в каморке, примыкавшей к галерее. Кругом царил тьма. Сукхья подняла с земли кирпич и с силой начала сбивать замок. Непостижимо, откуда руки ее обрели столько силы! Два-три удара — и замок и кирпич, разлетевшийся вдребезги, упали на землю. Сукхья растворила дверь и хотела уже переступить порог храма, как вдруг услышала крик жреца, поспешно выскочившего на улицу.

— Воры, воры! — орал он на всю деревню.

Зимой деревенские жители обычно просыпались еще затемно. На крик служителя бога выбежало несколько человек с фонарями в руках, слышались вопросы:

— Где они? Где?

— Двери храма раскрыты, я слышал какой-то стук! — кричал жрец.

Вдруг из галерек вышла Сукхья и вступила на площадку перед храмом.

— Это не вор, это я, — сказала она. — Я пришла со-

вершить пуджу. Я и внутрь-то еще не успела войти, как он крик поднял.

— Какое несчастье! Она вошла в святилище! Она осквернила бога! — ужаснулся жрец.

Несколько человек в ярости бросились на Сукхью и начали ее бить. Несчастливая женщина одной рукой крепко прижала к себе ребенка. Другой защищала его от ударов. Вдруг какой-то могучий детина толкнул ее с такой силой, что мальчик выскользнул у нее из рук и упал на землю. Но он не заплакал, не закричал, не вздохнул. Сукхья тоже упала. Осторожно подняла она свое дитя, взглянула ему в лицо и не узнала его — это была лишь тень ее родного мальчика! Крик вырвался у нее из груди. Она прижалась губами к лицу ребенка: оно было холодно как лед. С тяжелым вздохом поднялась она на ноги. Но не было слез в ее глазах, они метали молнии, лицо пылало гневом. Сжав кулаки и стиснув зубы, Сукхья заговорила:

— О негодян, вы убили моего ребенка! Чего же теперь испугались и не убиваете заодно и меня? Ведь я осквернила бога! От прикосновения волшебного камня железо превращается в золото, но сам волшебный камень от этого не становится железом. А от моего прикосновения, оказывается, бог стал нечистым. Но почему же он не осквернился? Эй, вы, теперь я никогда и не подумаю прикоснуться к вашему божеству! Закрывайте его на замок,ставляйте стражу! О! Вам незнакомо чувство сострадания. Вы так жестоки! А ведь и у вас есть дети. Но вы не пожалели несчастную мать. И после этого еще смее считать, что служите богу. Убийцы — вот вы кто! Не бойтесь, я не пойду в полицейский участок, за меня заступится всевышний, жалобу свою я понесу теперь только ему самому.

Никто не проронил ни слова. Опустив головы, крестьяне стояли недвижимо, словно превратились в каменные изваяния.

Тем временем собралась вся деревня. Сукхья еще раз взглянула в лицо своего мальчика.

— О, мой любимый! — вырвалось у нее. И она без чувств упала наземь. Жизнь покинула ее. За дитя отдала она свою жизнь.

Будь благословенна, мать! Даже боги не знают преданности, равной силе твоей материнской любви!

ПРИГЛАШЕНИЕ

1

Пандит Мотерам Шастри вошел в дом и, поглаживая огромный живот, во весь голос запел:

И змею работать лень, птице лень трудиться —
Ведь и слугам и царям Рама¹ дать все тщится.

— Есть приятные новости? — радостно спросила его Сона.

— Добился-таки наконец! — ответил Шастри, но уже другим тоном. — Вы все в обморок упадете от изумления, когда узнаете! Приглашен весь дом! Весь дом! Вот уж наемся так наемся! Рты поразевают, на меня глядя. Владыка мой — живот уже проявляет нетерпение.

— Только бы нас снова не надули. Наверняка ли это?

— А ты не каркай, — покручивая усы, проговорил Мотерам. — Наконец-то вымолили счастье! Лучше приготовь все что нужно.

— Да уж не беспокойся. Неужели не сумею? Всю жизнь только этим и занимаюсь. Но скажи, действительно всех позвали?

— Как мне еще втолковать тебе? Всю семью! Понимаешь? Если непонятно, так лучше уж сейчас спрашивай. Да, не каждому дано проникать в смысл слов, произно-

¹ Рама — седьмое земное воплощение бога Вишну; история его жизни рассказана в грандиозной эпической поэме «Рамаяна».

симых учеными мужами. Впрочем, если бы речи мудрецов были всем понятны, то исчезло бы величие их образованности. Ну, скажи, ты все-таки понимаешь? Ведь я сейчас говорю очень простым языком, а ты никак не можешь разобраться. Объясни-ка, что такое «ученость»? Или что значит «величие»? Шутка ли — пригласить всю семью! Да, вот в таких-то случаях ученые люди и обращаются к политике, используя ее в своих интересах. Мурадпурская рани хочет по-царски угостить семерых брахманов. А уж кого привести с собой — это мое дело. Альгурам Шастри, Бенирам Шастри, ЧхеDIRам Шастри, Бхаванирам Шастри, Пхекурам Шастри, Мотерам Шастри — все у нас в доме. Так зачем же искать брахманов на стороне?

— А кто седьмой?

— А ты пошевели мозгами.

— Одну порцию ты принесешь домой...

— Опять говоришь глупости. Фу-ты! Носить домой угощение! Да разве может оно доставить здесь то наслаждение, которое испытываешь, вкушая его в доме верующего. Седьмой приглашенный — пандит Сонарам Шастри.

— Да ты шутить! Как это я могу пойти?

— Вот тут-то образование и помогает. Ученый человек использует в своих интересах каждую возможность. Только дурак оплакивает свою судьбу. Какая разница между Сона-деви¹ и Сонарамом, ты знаешь? Только в костюме. А что такое «костюм»? Костюмом называют одежду. Подвяжи свое сари так же, как у меня, надень мою рубашу, сверху закутайся покрывалом. Тюрбан я тебе сам повяжу. Никто и не догадается.

— Но мне стыдно будет, — засмеялась Сона.

— Да что тебе делать-то придется? Вести беседу будем мы.

В ответ Сона, втайне предвкушая удовольствие, тихо проговорила:

— Это, пожалуй, будет очень забавно!

— Ну, теперь живо. Иди, собирайся.

— Сколько приготовить пханки?²

¹ Деви — богиня, госпожа; почтительное обращение к высокопоставленной женщине.

² Пханки — порошок, составленный из различных специй; его принимают для возбуждения аппетита.

- Не знаю. Рассчитай так, чтобы было повыгоднее.
- Да, а что мне делать с браслетами на ногах? — вдруг вспомнила Сона-деви.
- Придется снять, — нахмурился Мотерам.
- Ну конечно, этого еще не хватало! Так я их и сниму!
- А что такое твои браслеты? Хорошая пища — вот что важно, а не браслеты!
- Нет, мой дорогой, браслеты я не сниму.
- Ну ладно, иди в них, — согласился Мотерам, подумав. — Бог даст, как-нибудь пронесет. Только наматай на ноги побольше тряпок. Я объясню, что у этого пандита, мол, слоновая болезнь. Что ты на это скажешь?
- Ах, недаром ты учился всю жизнь! — проговорила Сона восторженно, с восхищением взглянув на мужа.

2

Вечером пандит созвал своих пятерых сыновей и начал их поучать:

— Дети мои, прежде чем начать какое-нибудь дело, его надо хорошенько со всех сторон обмозговать. Вот, например, рани начнет спрашивать вас, где вы живете. Что ей ответить? Подумайте об этом заранее. Будет величайшей глупостью, если вы назовете мое имя. Только представьте себе, какой будет стыд и позор, если станет известно, что такой ученый, как я, устроил заговор ради угощений! Поэтому на некоторое время забудьте, что вы мои сыновья. Мало ли на свете имен! Выберите себе какое-нибудь и называйтесь им. Я не вижу ничего позорного в том, чтобы изменить имя отца. Это не преступление.

— Может быть, вы сами выберете нам имена, — предложил Альгу.

— Вот это совершенно правильно, — одобрил отец. — Столь важное дело мне следует выполнить самому. Слушайте же внимательно. Имя отца Альгурама — пандит Кешав Панде, запомни, сын, хорошенько. А твоего отца, Бенирам, зовут пандит Мангару Оджха, помни. Отец Чхедирама — пандит Дамри Тивари, смотри, мальчик, не забудь. А ты, Бхавани, крепко заруби себе на носу,

что твой отец — Гангу Панде... Теперь остался Пхекурам... Ты, сынок, называй своего отца Сетурам Патхак... Итак — готово! У всех есть имена! Ну, а теперь я вас проверю. Будьте внимательны, дети. Скажи, Альгу, как зовут твоего отца?

— Пандит Кешав Панде.

— Бенирам, скажи ты.

— Дамри Тивари.

— Но ведь это имя моего отца, — закричал Чхеди.

— Я забыл, — признался Бенирам.

— Забыл! — возмутился Мотерам. — Ты, сын пандита, не можешь запомнить одно имя? Очень печально! Я помню целых пять имен, а у тебя не хватает памяти на одно? Слушай, имя твоего отца — пандит Мангару Оджда.

Опрос мальчиков еще продолжался, когда у входа слышался голос лучшего друга Мотерама пандита Чинтамани. Это так взволновало Шастри, что он совсем растерялся. Что делать? Только он собрался было выпроводить сыновей, как пандит Чинтамани уже вошел в комнату. Обоих почтенных мужей связывала с детства тесная дружба. К тому же они частенько вместе пировали, и если пандиту Мотераму принадлежало первое место, то право Чинтамани на второе никем не оспаривалось. Но сегодня Мотераму не хотелось брать с собой приятеля. Взять его — означало оставить кого-нибудь из домочадцев, а он не был склонен к такому великому самопожертвованию.

Увидев сборы, Чинтамани обрадовался.

— О несравненный друг! — воскликнул он. — Похоже, что сегодня предстоит стоящее дело!

— Что это ты говоришь, друг! Было ли хоть раз, чтобы меня пригласили, а я не дал тебе знать? — не поднимая глаз, ответил Мотерам. — Разве свет перевернулся, или какая-нибудь планета на нас свалилась? Когда я говорил тебе неправду?

— Что-нибудь да есть; ты бы не стал зря собирать детей, — недоверчиво заметил Чинтамани.

— Знаешь, меня злость берет, когда ты так говоришь. Я экзаменовал мальчиков. Они сыновья брахмана, может ли с ними заниматься какой-нибудь неуч?

Но и это не убедило Чинтамани. Он решил, что раз узнает обо всем у самих мальчиков.

— Пхекурам,— обратился он к самому младшему,— продолжай-ка читать, сынок! Я тоже послушаю.

Но Мотерам даже не дал Пхекураму заговорить. Он испугался, как бы мальчик не выболтал тайны.

— Что малыш может прочитать?— возмущенно воскликнул отец.— Он целый день только и делает что играет.

Как мог Пхекурам принять на свою крохотную голову столь тяжкое обвинение? С чувством оскорбленной гордости мальчик заявил:

— Я помню: пандит Сетурам Патхак. Я все помню, а вы говорите, что я целый день играю.— И Пхекурам заплакал.

— Нет, сынок, ты свой урок знаешь.— Чинтамани обнял мальчика.— Ты молодец. А кто такой этот Сетурам Патхак, сынок?

— И ты слушаешь болтовню мальчишки? — рассердился Мотерам.— Услышал где-нибудь это имя, вот и повторяет. Поди, Пхеку, поиграй на улице,— обратился он к малышу.

Заметив смущение приятеля, Чинтамани понял, что здесь безусловно кроется какая-то тайна. Но сколько он ни ломал голову, не мог понять, кто такой Сетурам Патхак. Огорченный до глубины души вероломством любимого друга, Чинтамани обратился к Мотераму:

— Хорошо, продолжай спрашивать урок, принимай свой экзамен. А я пошел. Никогда даже представить себе не мог, что ты такой эгоист. Но сегодня я понял, что значит твоя дружба.

И пандит Чинтамани удалился. Однако Мотераму было не до того, чтобы уговаривать приятеля. Он продолжал проверять детей.

— Поди успокой его,— сказала мужу вошедшая Сона.— Он обиделся. Ребят успеешь и потом опросить.

— Надо будет — помирюсь. Стоит только сказать ему о приглашении, как весь гнев с него словно рукой снимет. Ну, Бхавани, скажи, как зовут твоего отца?

— Гангу Панде.

— А твоего, Пхеку?

— Я уже говорил, а вы сказали, что я не учусь!

— Скажи теперь и мне.

— Ну, Сетурам Патхак.

— Совершенно верно, ты молодец, мой мальчик.

Сегодня я тебя посажу рядом с собой и буду кормить самыми вкусными вещами.

— Дай и мне какое-нибудь имя,— обратилась к Мотераму Сона.

— Твое имя — пандит Мохан Саруп Сукул,— многозначительно улыбувшись, произнес Мотерам.

Сона, застыдившись, опустила голову.

3

Пока Сона-деви одевала мальчиков, ликующий Пхеку выбежал из дома. Надо сказать, что хотя Чинтамани, обидевшись, и покинул Мотерама, но из любопытства он все же спрятался у двери. Из тех слов, которые долетели до него, он узнал, что Мотерам получил какое-то приглашение, но кто приглашен и куда — этого пандит не понял. В это-то время и появился Пхеку. Чинтамани, подхватив мальчика на руки, начал его расспрашивать.

— Куда вы сегодня приглашены, сынок? — проговорил он, как ему казалось, очень тихо. Но каким-то образом звук его голоса все-таки долетел до слуха Мотерама, и тот, выскочив на улицу, увидел, что Чинтамани держит Пхеку на руках и о чем-то расспрашивает. Мотерам кинулся к мальчику, схватил его за руку и хотел отнять у пандита, но Чинтамани еще не получил ответа на свой вопрос. Поэтому он в свою очередь дернул мальчика за руку и вместе с ним помчался по направлению к своему дому. Мотерам побежал за ним, крича вдогонку:

— Зачем ты его схватил? Плут, негодяй! Чинтамани, тебе говорю — это плохо кончится. Я больше никогда и никуда не возьму тебя с собой! Хочешь по-хорошему, лучше оставь сына...

Но Чинтамани ничего не слушал; он все бежал и бежал. Комплекция пока еще позволяла ему бегать. Пандиту же Мотераму каждый шаг давался с трудом. Он пыхтел, как буйвол, и, не скупясь на всевозможные эпитеты по адресу друга, бежал рысцой. И хотя расстояние между ними увеличивалось с каждой минутой, Мотерам все же не прекращал преследования. Это были настоящие скачки. Можно было подумать, что из зоологического сада вырвались два носорога, — а это мчались

уважаемые в городе махатмы. Сотни зрителей собрались, чтобы посмотреть на них. Сзади с улюлюканьем неслась толпа мальчишек. Вероятно, эта гонка окончилась бы только у дома пандита Чинтамани, не развяжись у пандита Мотерама дхоти, в котором он запутался и упал. Чинтамани обернулся и, увидев эту картину, остановился.

— Ну, сынок, так куда же вы приглашены? — снова спросил он Пхекурама.

— А если скажу, дашь мне сладостей?

— Конечно дам. Говори же.

— К рани.

— К какой рани?

— Я не знаю. Это какая-то очень важная рани.

В городе было несколько знатных рани. Пандит решил обойти всех. «Сразу будет заметно, где пахнет угощением, — решил он. — Около дома соберется толпа».

Приняв такое решение, Чинтамани повернул назад. Теперь ничто не мешало ему выказать сочувствие. Подойдя к Мотераму и увидев, что тот лежит, стонет и не думает подниматься, Чинтамани с беспокойством спросил его:

— Как это ты ухитрился упасть, дружище? Здесь и ямы-то никакой нет.

— А тебе что за дело! Хватай мальчика, выспрашивай у него, выспрашивай!

— Ну что ты, я не способен на такую подлость. Я ведь просто пошутил, а ты уж и обиделся. Ну, вставай-ка с божьей помощью. Правду говорю, ничего я не спрашивал.

— Убирайся, ты врешь все!

— Клянусь тебе священным шнуром.

— Не верю я твоей клятве.

— Значит, ты считаешь меня таким бесчестным?

— «Бесчестным»! Это не то слово! Поклянись ты, погрузившись в самый Ганг, я и тогда тебе не поверю.

— Если бы подобное сказал кто-нибудь другой, я бы ему никогда не простил.

— Попробуй только прийти еще!

— Ну, об этом посоветуйся сначала с женой...

Мотерам не смог перенести столь уничтожающей насмешки. Он быстро вскочил и схватил Чинтамани за руку. Началась драка. В ход пошли кулаки. Оба пандита

восхваляли Ханумана-джи¹ и рычали, как львы. Казалось, будто две бочки наталкиваются одна на другую.

— Могучий, доблестный Хануман! — взывал Мотерам.

— Да сгинут демоны и пищачи², — вопил Чинтамани.

— Да здравствует великий Хануман!

— О всевышний, защити нашу честь!

— Этого нет в Хануман-чалисе³, — рассердился Мотерам.

— Я сам придумал! — крикнул в ответ Чинтамани — Это ты способен только повторять чужое. Я могу все что хочешь придумать сам.

— Ха-ха! Уж если я начну сочинять, так в один день сотворю сто тысяч стихов, да только времени нет.

И достойные брахманы начали хвалиться друг перед другом своими талантами. Кулачная борьба перешла в дискуссию, а это уже более подобает ученым мужам.

Тем временем кто-то успел сбегать в дом Чинтамани и сообщить его женам о том, что между Мотерамом и Чинтамани происходит великое сражение.

У Чинтамани было три жены. Ведь он же родовитый брахман! Да к тому же и ученый высшего ранга. Он пользовался высоким правом совершать жертвоприношения за верующих! А таким людям все дозволено! И если вместе с девушкой можно получить хорошее приданое, как же от нее отказаться? Пандит дал своим женам очень вкусные имена. Старшую жену он называл Амирати, среднюю — Гулаб-джамун, а младшую — Моханбхог⁴. Но для соседей эти три женщины были по меньшей мере тройным несчастьем. Они наводили ужас на весь квартал. В доме Чинтамани не просыхали потоки слез, не иссыкали потоки брани — до потоков крови пандит все же никогда не допускал. Однако никто из посторонних не имел права сказать этим женщинам хоть одно слово против. В подобных случаях они выступали единым фронтом. Таков был счастливый результат ловкой политики пандита!

¹ Хануман — мифический царь обезьян, союзник Рамы в войне против злого демона Равана, попал за это в разряд божеств.

² Пишач — злой дух, дьявол.

³ Хануман-чалиса — собрание сорока гимнов, восхваляющих Ханумана.

⁴ Амирати, гулаб-джамун — индийские национальные сладости; моханбхог — сорт манго.

Как только жены Чинтамани узнали, что их супруг попал в беду, они — все три, в ярости подобные трем смертным грехам, — бросились на улицу, и та из них, которая не была столь толста, как другие, раньше всех достигла поля битвы. Завидев ее, пандит Мотерам тотчас понял, что теперь ему несдобровать. Вырвавшись из объятий Чинтамани, он помчался домой галопом, без оглядки. И сколько Чинтамани ни звал его, он не остановился.

— Стой! Куда же ты?! погоди немного!.. — кричал Чинтамани.

— Сдаюсь, брат, сдаюсь! — орал в ответ Мотерам.

— Послушай-ка, пойдем перекусим...

— Нет, уж помилуй, брат, — отвечал Мотерам, убегая.

4

Когда пробило восемь, пандит Мотерам, совершив омовение и пуджу, объявил:

— Больше медлить нельзя. Готово ли пханки?

— Давным-давно готово, — ответила Сона. — Это ты словно и не торопишься. Как будто вечером кто-то может увидеть, долго ли ты совершаешь пуджу.

— Я тебя тысячу раз просил, не вмешивайся в мои дела. Где тебе понять, почему я задержался. Ох, даже на это не умудрил тебя всевышний. Поспешностью мы бы только унизили себя. Верующие подумают, что я жадный и голодный. Умные люди всегда медлят, чтобы показать, что об угощении они даже и не думают. Рани сама придет за нами. А это позволит нам поддержать свое достоинство и величие, что было бы невозможно, приди мы вовремя, точно голодающие. Вот я и жду, когда меня позовут. Кто-нибудь придет обязательно. Принеси-ка немного пханки. Ты детей не кормила?

— Покормила.

— А они не уснули?

— Кто же сегодня будет спать? Они так орали от голода, что я купила поджаренного зерна на пайсу. Теперь они едят наверху. Разве не слышишь, какая там возня?

Мотерам стиснул зубы от злости.

— Мне хочется свернуть тебе шею, — прошипел он. — Ну скажи, зачем было сейчас покупать зерно? Они на-

едятся, а в гостях будут тебя же донимать болтовней. Ох! Совсем ты безмозглая.

— Да, я сглупила,— проговорила Сона виноватым голосом.— Но дети подняли такой шум, что их никак не унять было.

— Ну пусть бы себе поплакали. Слезы не насыщают желудок — напротив, от них чувство голода обостряется...

И вдруг в этот момент снаружи донесся чей-то голос:

— Пандит-джи, махарани¹ ждет вас. Забирайте остальных и идите быстрее.

Пандит кинул гордый взгляд на жену.

— Слышала? Вот это называется приглашением. Теперь надо собираться.

Мотерам Шастри вышел на улицу.

— Приди вы минутой позже,— сказал он посланцу,— и я бы ушел читать молитвы. Я совершенно забыл о приглашении. Идите, мы скоро явимся.

5

Около девяти часов вечера пандит Мотерам со всем своим семейством подошел к дому рани.

Рани была крупная, пышная женщина. Она сидела в кресле, опираясь на шитую золотом подушку, а позади нее, скрестив руки, стояли двое слуг. Под потолком крутился электрический вентилятор.

Увидев пандита Мотерама, рани встала с кресла и почтительно поклонилась ему, затем, оглядев толпу ребятишек, с улыбкой спросила:

— Где вы раздобыли этих детей?

— Что мне оставалось делать? Я обегал весь город, и ни один пандит не дал согласия прийти сюда. Кто приглашен в одно место, кто в другое. Это меня очень взволновало, и в конце концов я сказал им: «Ну ладно, не хотите идти — бог с вами. Но сделайте так, чтобы мне не пришлось краснеть». И вот я вынужден был насильно забрать из каждого дома первых встречных ребят. Скажи, Пхекурам, как зовут твоего отца?

— Пандит Сетурам Патхак,— важно ответил Пхекурам.

¹ Ма х а р а н и — жена раджи; госпожа.

— Очень способный ребенок,— заметила рани.

Другим мальчикам тоже хотелось, чтобы их проэкзаменовали. И когда пандит не задал им никаких вопросов, а рани похвалила Пхекурама, они заволновались.

— А моего отца зовут пандит Гангу Панде,— сказал Бхавани.

— А моего — Дамри Тивари,— прибавил Чхеда.

— А моего — пандит Мангару Одджа,— сказал и Бенирам.

Альгурам был умный мальчик. Он стоял молча. Рани спросила его:

— А как зовут твоего отца, милый?

Но Альгурам никак не мог припомнить, какое имя было придумано для его отца, назвать же любое другое имя ему не пришло в голову, и он стоял, совершенно растерявшись, а когда пандит Мотерам, стиснув зубы, угрожающе взглянул на него, он окончательно потерял всякую способность соображать.

— Разрешите, я скажу,— предложил Пхеку.— Брат забыл.

— Неужели он забыл имя своего отца? Как это странно,— удивилась рани.

Мотерам подошел к Альгу и спросил его еще раз. Альгу ответил:

— Кешав Панде.

— Но почему он до сих пор молчал? — заметила рани.

— Он не совсем хорошо слышит, госпожа,— ответил Мотерам.

— Я очень много всего приготовила,— сказала рани.— Теперь все пропадет. Много ли могут съесть мальчики?

Но Мотерам успокоил ее:

— Что вы, госпожа, не смотрите на них как на детей. Даже самый маленький из них вполне справится с двойной порцией.

Когда на столе появились тарелки и слуги начали подавать великолепные кушанья, разложенные на серебряных блюдах, у пандита Мотерама загорелись глаза. Он чуть не каждый день получал приглашения, но никогда не видел таких несравненных блюд, такого благовоного

гхи¹. От явств исходил аромат кевры и розовой воды. Гхи текло рекой. «Неужели можно пресытиться такими лакомствами? — подумал пандит. — Сколько ни ешь — все будет хотеться еще. Лучшего угощения не пожелают и боги. Ничего более великолепного и представить себе невозможно».

Но тут пандиту вспомнился его дорогой друг Чинтамани. «Будь он здесь, насколько полнее было бы удовольствие! А без него угощение теряет свою прелесть. Есть ли еще кто-нибудь, с кем бы я мог потягаться? Мальчишки после двух блюд распускают языки. Сона меня поддержит, но надолго ли? Без Чинтамани все не то. Он бы меня подзадоривал, а я — его. Тут уж и блюда считать было бы некогда! А за нами и мальчишки подтянулись бы. Да, большая ошибка с моей стороны, что я не взял его. Как эта мысль не пришла мне раньше в голову? Скажу об этом рани, она не рассердится. Ну, будь что будет, нужно попытаться». Мотерам встал и обратился к рани:

— Госпожа, разрешите мне кое-что сказать вам.

— Говорите, говорите, махарадж. Вам чего-нибудь недостает?

— Нет, госпожа, ни в чем нет недостатка. Больше того, скажу вам честно, что впервые вижу такое изумительное угощение. Слава о вас пойдет по всему городу. Но у меня есть любимый друг, пандит Чинтамани. Если будет на то ваше позволение, я бы его позвал. Это в высшей степени ученый и трудолюбивый брахман. В нашем городе никто с ним не может сравниться. Я забыл его пригласить и только сейчас вспомнил о нем.

— Если вам хочется, то пожалуйста, зовите; но пока вы будете ходить, пройдет время, а еда уже подана.

— Я быстро сбегаю, госпожа.

— Возьмите мою машину.

Когда Мотерам уже уходил, Сона тихонько спросила мужа:

— Что сегодня с тобой, дорогой? Почему ты его приглашаешь?

— Нужно же, чтобы кто-нибудь составил мне компанию!

— А я на что?

¹ Гхи — топленое масло.

Но пандит с улыбкой ответил:

— Неужели ты не понимаешь — одно дело дома, а другое — на поле боя. Ведь старый боец, выйдя на поле, так себя сумеет показать, что молодому за ним и не угнаться. Там дело не столько в силе, сколько в дерзковости. Представь себе, что и здесь то же самое. Сегодня я докажу свое превосходство. Пойми ты это.

— А вдруг мальчишки уснут?

— Ничего, я их сам разбуджу, да и аппетит у детей лишь возрастет!

— Смотри, одолеет он тебя сегодня. Ведь у него в животе сам Шаничар¹.

— Превосходство всегда остается за мудростью. Знай: ученость требуется и для того, чтобы есть. Имеется специальная наука, которую создал Шаничар, махараджа из Матхуры². «Умный человек, — говорил он, — складывает всю домашнюю утварь в одном месте; глупец, даже когда места много, размышляет о том, какую вещь куда положить. Невежда с самого начала наглотеется, выпьет горшок воды — и сыт; а человек мудрый ест осторожно; ему не требуется воды, чтобы проглотить откушенный кусок — когда тщательно пережевываешь пищу, она становится более удобоваримой». Где тут Чинтамани тягаться со мной!

7

Чинтамани сидел у себя во дворе очень печальный. Тот, кого он считал своим лучшим другом, за кого он жизнь готов был отдать, совершил сегодня по отношению к нему такое вероломство! Даже не просто вероломство — он поразил его в самое сердце. Из дома пандита Мотерама не было никаких вестей. Ну а если бы он взял с собой Чинтамани, неужели рани прогнала бы его? Где уж там, когда дело касается собственной выгоды, кто будет думать о других? Чинтамани представил себе разные вкуснейшие лакомства, и у него даже слюнки потекли. «Сейчас, вероятно, уже подают угощение! — размышлял он. — А теперь появились слуги с блюдами ами-

¹ Ш а н и ч а р — царь-гурман.

² М а т х у р а — древний город на правом берегу Джумны, современный г. Муттра.

рати. Ах, какие это, должно быть, чудесные, нежные, вкусные амирати! Но вот подросли и пирожные из гороховой муки — великолепные, начиненные фруктами, пропитанные маслом пирожные, они сами тают во рту, и языком шевелить не надо! Ах! Вот настала очередь леденцов! О жестокая судьба! За что должен я томиться здесь, когда там такое наслаждение! Как ты низок, Мотерам! Мог ли я ожидать от тебя такой жестокости!»

— Ну что ты так расстраиваешься? — успокаивала его Амирати-деви. — Скоро наступит питрипакша¹, мало ли подобных приглашений получишь!

— Несчастный у меня сегодня день, — не слушая жены, проговорил Чинтамани. — Принеси-ка календарь, погляжу, что за число нынче. Нет, больше я терпеть не могу. Весь город обыщу, но узнаю, носом учую, где вкусно пахнет.

Вдруг раздался автомобильный гудок, и свет фар озарил весь дом пандита. Чинтамани, выглянув в окно, увидел выходящего из машины Мотерама. С горьким вздохом бросился он на кровать, решив, что этот негодяй, верно, сам наелся и теперь приехал рассказать ему об угощении.

— Эй, борода, кто ты? — крикнула Амирати приехавшему. — Зачем будишь так поздно?

— Да я это, я! Не ругайся.

— Пошел прочь, опаленная твоя морда! Ты говоришь — я, я! Кто знает, кто ты такой?

— Да ты что, по голосу меня, что ли, не узнаешь? Это я, твой деверь.

— Убирайся вон! Что это тебе взбрело в голову? Ты что, из мертвых воскрес? Моим деверем стал, борода!

— Ах, да это я же, Мотерам Шастри. Неужели не узнаешь? Дома Чинтамани?

— Это ты! Почему же сразу не назвал себя? Дождался, что тебя обругали! Что случилось? — начала упрекать его Амирати, открывая дверь.

— Да ничего. Просто хочу сообщить Чинтамани кое-что приятное. Рани вспомнила о нем.

— Что же она его зовет, когда есть кончили?

— Где там кончили! Когда я стал расхваливать уче-

¹ Питрипакша — безлунная половина месяца ашвин (седьмой месяц индийского календаря; соответствует сентябрю — октябрю), когда устраивается дивали — празднество в честь богини счастья и богатства Лакшми.

ность Чинтамани, его трудолюбие и справедливость, рани была очарована и попросила меня привезти его к ней. Даже машину свою дала. Что он, спит?

Чинтамани, лежа на кровати, прислушивался к разговору. Ему хотелось броситься к ногам Мотерама. Вся горькая обида на друга сразу же рассеялась. Раскаяние исторгло слезы из его глаз.

— Эй, брат, ты идешь или спать будешь? — крикнул Мотерам, подходя к приятелю.

— Почему ты сразу не взял меня с собой! Ты так меня расстроил! У меня до сих пор спина болит.

— Ну, ладно, я так угощу тебя, что ты забудешь о всех болях. Даже твои яджаманы¹ и те вряд ли ели такие вкусные вещи. Уж сегодня я обещаю тебя одолеть.

— Да разве ты, несчастный, можешь меня одолеть? Такого богатыря, как я, не найти во всем городе! Я — любимец Шаничара.

— Ты же знаешь, я немало лет практиковался. Но сколько обедов ни поглощал, аппетита ни разу не потерял. Представь себе: когда я поем, не то что идти, стоять на ногах не в состоянии; приходится погружать меня на повозку.

— Что же в этом удивительного? Меня тоже всегда приносят на носилках. К тому же у меня бывает такая отрыжка, что кажется, будто бомба взрывается. Однажды тайная полиция даже начала обыскивать дом, решив, что произошел взрыв.

— Врешь ты все. Так отрыгивать не может никто.

— Ладно, вот придешь — услышишь. Только смотри, не сбеги от страха.

Через минуту друзья уже уселись в машину и тронулись в путь.

8

Дорóгой пандит Чинтамани начал беспокоиться о том, как бы его не приняли за ученика Мотерама и не позабыли оказать должное уважение. Со своей стороны пандит Мотерам тоже опасался, что Чинтамани может стать его соперником и завладеть вниманием рани. Каж-

¹ Я д ж а м а н — верующий; тот, кто приносит жертву богу через жреца.

дый решил действовать по-своему. Как только машина подъехала к дому рани, оба пандита поспешно выскочили из нее. Мотераму хотелось первому подбежать к рани и сказать, что он привел пандита; Чинтамани же стремился прийти раньше него и пустить рани пыль в глаза. Чинтамани отличался большей подвижностью, поэтому несколько опередил Мотерама, который пустился бежать. Тогда Чинтамани тоже побегал. Это зрелище напоминало скачки носорогов. Запыхавшийся Мотерам, наконец, не выдержал и сказал:

— Не подобает бегом врываться в покои рани.

— Почему же ты не идешь спокойно, кто велит тебе бежать?

— Постой минутку, мне в ногу колючка вонзилась.

— Так ты вынь ее, а я пока пойду.

— Если бы не я, рани о тебе и не спросила бы!

Но все доводы Мотерама пропали даром. Чинтамани поспешил к особняку. Рани что-то писала, время от времени поглядывая на дверь, когда перед ней предстал вдруг пандит Чинтамани и с места в карьер запел:

— О Яшода¹, покровительница детей, чье имя подобно лотосу...

— Что такое? В чем дело? — удивилась рани.

— Да будет благословенна госпожа. Сам змей Шеша² своими тысячьо языками не смог бы описать те милости, которыми госпожа осыпала своего раба Чинтамани, пригласив его, — отвечивал Чинтамани.

— Так это твое имя Чинтамани? А где же пандит Мотерам Шастри?

— Он идет за мной, госпожа! Он не может идти наравне со мной, ведь он мой ученик.

— Вот как, он ваш ученик!

— Я не хочу сам себя возвеличивать, госпожа! Ученым людям подобает быть скромными, но мир знает правду. Госпожа, я ни с кем не спорю, это не в моей привычке. И мой ученик нередко становится моим гуру³, но я никому ничего не говорю. Ведь где истина — все равно всем будет ведомо.

Между тем пандит Мотерам, спотыкаясь и тяжело

¹ Яшода — супруга пастуха Нанды, воспитавшая бога Кришну.

² Шеша — мифический тысячеголовый змей.

³ Гуру — учитель, духовный руководитель.

дыша, добрался до покоев рани. Увидев, что Чинтамани сидит, как воплощенная воспитанность и учтивость, он и сам остановился с величавостью, достойной бога.

— Пандит Чинтамани — святой человек и большой ученый. Вы его ученик, и все же он не называет вас своим учеником, — обратилась рани к Мотераму.

— Госпожа, — ответил Мотерам, — я его покорнейший раб.

— О покровительница мира, я прах от его ног! — вторил другу Чинтамани.

— Вы оба достойнейшие люди, — заявила рани, — один лучше другого. Прошу вас пожаловать к столу.

9

Сона-рани ждала Мотерама. Она злилась, не понимая, с чего вдруг ее мужа обуяли дружеские чувства. Старшие мальчики ее не беспокоили, но она боялась, как бы не уснули младшие. Чтобы развлечь их, Сона начала рассказывать сказки. В это время вошел слуга.

— Махарадж, прошу вас к столу, оба пандита уже заняли свои места.

Что после этого было! Дети со всех ног бросились в столовую. Мотерам и Чинтамани, словно два воина, готовые к бою, восседали друг против друга. Каждый из них горел желанием показать свои способности.

— Почтеннейший, — обратился Чинтамани к слуге, — что-то ты медлишь подавать на стол. Да ты, никак, спишь на ходу?

— Сидите и помалкивайте, — отвечал слуга. — Что нужно, все будет подано. Нечего волноваться. Ведь кроме вас, никого больше нет.

— Брат, — сказал Мотерам Чинтамани, — прежде чем приниматься за еду, насладись ее ароматом.

— Да что там, аромат еще в очаге улетучился. Им питаются боги. А нам, людям, давай что-нибудь посущественнее.

— Хорошо, а с чего ты думаешь начать?

— Да со всего сразу.

— Имей терпение, брат, — остановил его Мотерам. — Пусть сначала подадут. К тому же, надо еще совершить подношение богу.

— Так что же ты сидишь, давай подноси. Одной помехой будет меньше. А не то давай я быстро это сделаю. Я ведь знаю, ты будешь зря время тянуть.

В этот момент вошла рани. Чинтамани приосанился и затянул стихи из «Рамаяны»:

Смятение у всех в столице, в каждом сердце боль, печаль.
В груди пожар невыносимый, радость удалилась вдалеке...
Так Ланку¹ всю до основания он в одно мгновение сжег.
Потом он смело прыгнул в море, далеко, насколько мог...
Проникнутый любовью, будет счастлив он всегда вполне
И силой имени заботы не познает и во сне...
Когда прекраснейшее слово молвил старый Джамбаван²,
Услышав, восхищен всем сердцем, всей душой рад Хануман³.

Увидев, что акции Чинтамани явно повышаются, Мотерам решил тоже показать свою ученость. Он начал усиленно рыться в памяти, но ни одна шлока⁴, ни одна мантра⁵, ни один стих не приходили ему в голову. Тогда он попросту начал повторять имя Рамы.

— Рама! О Рама! О великий Рама! — ревел он так громко, что Чинтамани пришлось повысить голос. Мотерам загредел с еще большей силой. Но тут их прервал слуга.

— Махарадж, — объявил он, — совершите, пожалуйста, подношение божеству.

Всякое соперничество тотчас же прекратилось, и начались приготовления к жертвоприношению. Мальчики тоже вострепнулись. Один взял гонг, другой — колокольчик; кто схватил раковину, кто тарелки⁶, а Чинтамани поднял арти⁷. Мотерам втайне досадовал на себя за то, что упустил столь удобный случай приблизиться к рани.

Но кто может знать, какие сюрпризы готовит ему судьба в дальнейшем. Церемония арти закончилась, и только было все собрались приступить к пиршеству — как вдруг

¹ Ланка — остров Цейлон.

² Джамбаван — мифический царь медведей.

³ Стихи в переводе академика А. П. Баранникова.

⁴ Шлока — двустишие, распространенный в санскритской эпической литературе метрический размер.

⁵ Мантра — заклинание, молитва.

⁶ Гонг, колокольчик, раковина (морская), тарелки — музыкальные инструменты, на которых играют во время религиозных церемоний.

⁷ Арти — сосуд с зажженным светильником, который обносят вокруг изображения божества при обряде арти.

откуда ни возьмись появилась собака¹. Пирожное вывалилось из рук пандита Чинтамани. Пандит Мотерам сидел ошеломленный. Ну и скандал!

Чинтамани растерянно посмотрел на Мотерама.

— Что же теперь делать, друг? Придумай что-нибудь! Мотерам с глубоким вздохом развел руками.

— Что тут поделаешь? И откуда только взялся этот нечистый?

— Откуда появилась здесь собака? — спросила рани. — Ведь она всегда во дворе привязана. Как это она сегодня оказалась в комнате? Теперь все угощение испорчено.

— Госпожа, по этому поводу проповедники говорят... — начал было Чинтамани, но Мотерам оборвал его:

— Ничего страшного, госпожа, ничего страшного!

— Все пропало... — принялась жаловаться Сона. — Прождали до полуночи, и так не повезло.

— Госпожа, во рту собаки амрита... — продолжал Чинтамани.

— Если вы прикажете, мы уйдем, — проговорил Мотерам.

— А что же еще остается? — ответила рани. — Мне очень жаль, что эта собака причинила нам сегодня столько зла. Ты совсем обнаглел, Тами, — сказала она, взглянув на пса. — Слуга, убери тарелки и отдай их подметальщику.

— Сердце мое разрывается, — прошептал Чинтамани Соне.

Соне было очень жаль мальчиков. Ведь несчастные ребятишки сидели с терпением, поистине достойным бога. Если б она могла, она свернула бы шею этой собаке. И все же женщина сказала:

— Мальчиков скверна не коснется. Почему бы им не дать поесть?

— Мотерам негодай, — шипел себе под нос Чинтамани. — У него помутился разум.

— Тоже мне, великий ученый! — вторила ему Сона. — Сидит да помалкивает, словно воды в рот набрал, языком пошевелить не может.

— Разве неправда? — продолжал Чинтамани. — Ведь

¹ Собака считается нечистым животным; ее появление осквернило церемонию.

он обманул рани. Из-за этого негодяя все пропало, придется теперь ни с чем уходить. А где еще получишь такое угощение.

— Присмирел,— продолжала Сона,— а дома-то рычит, как лев!

Рани позвала слугу.

— Накорми-ка детей. С какой стати бедняжкам голодать! Ну, Пхекурам, хочешь сладкого?

— Я для этого и пришел,— ответил мальчик.

— А сколько ты можешь съесть?

— Очень много. Вот столько! — широко развел руками Пхеку.

— Хорошо. Тебе дадут столько, сколько ты сможешь съесть. Но тебе придется сказать мне то, о чем я тебя спрошу. Скажешь?

— Скажу, спрашивайте.

— А если солжешь, не получишь ничего. Понимаешь?

— Хорошо, тогда ничего не дадите. Только я не скажу неправду.

— Назови имя своего отца.

— Дети не могут обо всем помнить,— вмешался Мотерам.— Он же его называл, когда пришел.

— А я хочу еще раз спросить. Что ж тут плохого! — удивилась рани.

— Спросить имя — в этом нет ничего дурного,— поддержал ее Чинтамани.

— Помолчи, Чинтамани, не то тебе не поздоровится,— рассердился Мотерам.— Ты еще не знаешь, что такое мой гнев. А то так дам, что взвоешь!..

— Вы напрасно сердитесь,— заметила рани.— Ну говори же, Пхекурам. Почему ты молчишь? Ведь ты же не получишь сладкого, если не скажешь.

— Смотри, как милостива к тебе махарани. Говори, сынок,— вставил Чинтамани.

— Чинтамани, я вижу, пришли твои черные дни,— процедил сквозь зубы Мотерам.— Хороша дружба... А ведь сюда мы пришли, кажется, как друзья.

— Разве можно так говорить с мальчиками? — заявила Сона.— Захочу — дам, захочу — не дам... «Скажи имя отца — тогда дам сладостей». Куда это годится!

Наконец Пхекурам открыл было рот, чтобы назвать какое-то имя. Но пандит Мотерам так дернул мальчика за руку, что тот осекся на полуслове.

— Зачем вы ему грозите? — вступилась за малыша рани.— Почему не даете говорить? Скажи, сынок, не бойся!

— Ведь вы же пригласили нас, так почему же позволяете себе подобные оскорбления?! — крикнул Мотерам.

— Но в этом нет ничего оскорбительного, брат,— заметил Чинтамани.

— Никогда больше не переступим мы порог этого дома,— возмущенно продолжал Мотерам.— Здесь оскорбляют благородных людей!

— Дай я ударю Чинтамани,— предложил Альгу.

— Нет, сын мой,— возразил Мотерам,— негодяев наказывает сам всевышний. Удалимся из этого дома. Ни за что сюда не возвращусь. Здесь не угощают, а оскорбляют приглашенных брахманов! Видно, свет перевернулся.

— Мотерам,— сказал Чинтамани,— в присутствии махарани тебе бы не следовало так говорить.

— Ну, ты лучше молчи. Не то весь мой гнев падет на твою голову. Тоже еще, брахманом называется, а о родителях его ничего не известно! Кто тебя брахманом-то величает?

— Можешь говорить все что тебе угодно. Плюнешь на луну — попадешь на свою собственную голову. Если ты не знаешь, как полагается вести себя, так о чем же с тобой говорить? Брахману надлежит быть сдержанным.

— Ты раб желудка. Угодничаешь ради того, чтобы тебе хоть что-нибудь перепало! И ты еще смеешь говорить о чести!

— Я уже сказал, брат, что ты — великий, а я — ничтожный; что еще я могу добавить? Ты, вероятно, прав — я не брахман, я шудра.

— Не надо так говорить, почтенный Чинтамани,— остановила его рани.— Помяните мое слово, я этого так не оставлю!

Что делать? Пришлось пандиту Мотераму с детьми удалиться. Он шел домой, проклиная свою судьбу. Всю дорогу ругал он себя за то, что позвал этого негодного Чинтамани.

— Если бы ты сознался сам, можно было бы еще спасти положение,— говорила Сона.— Надо было разрешить Пхекураму сказать имя. Пусть бы он назвал своего отца.

— Но ведь она спрашивала правду! — воскликнул Пхекурам.

— Да, Чинтамани одержал верх, — с горечью произнес Мотерам. — Теперь он уж насладится угощением!..

— Мудрость твоя ни к чему оказалась. Победил он тебя.

— Я знаю, рани нарочно позвала собаку.

— А я, как только увидела рани, сразу поняла, что она обо всем догадалась.

В то время как супруги горько сетовали на судьбу, Чинтамани был наверху блаженства. Он удобно расположился за столом, и рани сама подавала ему кушанья.

— Ну и плут же этот Мотерам! — говорила она. — Только я увидела мальчиков — сразу все поняла. Он даже жену не постыдился привести! Переодел и думает, незаметно!

— Мне, пожалуй, надо держаться от них подальше, — вторил ей Чинтамани.

— Он от меня пулей вылетел. Я сказала себе: шалишь, я тебе такой урок дам, всю жизнь помнить будешь. Ведь это я позвала Тами.

— Благословенна будет премудрость госпожи! — восклицал Чинтамани.

РАНИ САРАНДХА

1

В тишине темной ночи река Дхасан плескалась о скалы; приятное и монотонное журчание ее вод напоминало однообразный шум трущихся жерновов.

На правом берегу реки поднимаясь курган, на нем — заросшая диким кустарником древняя крепость. На востоке от кургана — небольшое селение. Оба они — и маленькая крепость и деревушка — немые свидетели славы одного из бунделийских сардаров¹.

Шли столетия. Расцвет и закат многих правителей видел Бундельканд. Приходили и уходили Великие Моголы, восходили на престол и теряли свою власть бунделийские раджи, и не было такой деревни, такого клочка земли, которые не страдали бы от этих вечных перемен. И лишь над этой крепостью никогда не развевалось вражеское победоносное знамя, а люди этого селения никогда не знали мятежей. Судьба наградила их этим счастьем.

Анирудх Синх был раджпутским героем. Это были те далекие времена, когда люди полагались только на свою силу да храбрость.

Укрепившееся мусульманское войско с одной стороны, могущественный раджа, готовый задушить менее сильных собратьев, — с другой, окружали Анирудха, у

¹ Сардар — господин, правитель.

которого был всего один очень небольшой, но храбрый и сильный отряд всадников и пеших воинов. С ними-то он и защищал свой род и границы своих владений. И никогда раджа не знал покоя.

Три года назад Анирудх женился на Шитале-деви. Но даже дни свадебных торжеств и ночи, которые могли бы принести наслаждение, Анирудх проводил в горах, и Шиталья молила бога сохранить жизнь мужу. Сколько пролила она слез у ног своего мужа, сколько раз молила его не быть вдали от нее, взять с собой в Харидвар¹, уверяла, что ей очень хорошо будет с ним в горах, что она не может больше выносить разлуки с ним. Но Анирудх только говорил свое нежное, но твердое «прости». Ведь он был бунделиец, и женские чары Шитали не могли победить его.

2

Была темная-темная ночь. Казалось, весь мир заснул, и только звезды бодрствовали в небесах. Шиталья-деви металась в постели без сна, а сестра ее мужа — Сарандха сидела рядом на ковре и нежным голосом пела:

Без героя Рагху не проходят ночь...

— Не мучь меня,— взмолилась Шиталья.— Лучше скажи, почему и тебе не спится?

— Я спю тебе колыбельную песенку.

— К чему? Глаза мои совсем лишились сна.

— Наверно, они ищут кого-то?

В этот миг дверь открылась, и вошел статный, красивый воин. Это был Анирудх. Он был в совершенно мокрой одежде, и, что еще более странно,— без оружия. Шиталья поднялась с постели, но тут же опустилась на ковер.

— Брат, что случилось? Почему на тебе мокрое платье? — спросила Сарандха.

— Я добирался вплавь.

— А где оружие?

— Отобрали.

¹ Харидвар — город в Северной Индии, в предгорьях Гималаев.

— А твои войны?

— Все героически погибли.

— Благодарю тебя, боже! — тихо произнесла Шиталья.

Но взгляд Сарандхи сверкнул решимостью, лицо ее стало серьезным.

— Брат, ты запятнал честь рода, которую так хранили наши предки. Это произошло впервые.

Сарандха готова была жизнью пожертвовать за брата. Поэтому, услышав ее упрек, Анирудх почувствовал стыд и раскаяние. Пламя отваги, которое на один лишь миг заглушила любовь, вспыхнуло с новой силой. Со словами: «Сарандха, ты навсегда вернула мне разум. Этого я никогда не забуду!» — он повернулся и убежал из дворца.

Стояла непроглядная тьма. В небе тускло светили звезды. Анирудх вышел из крепости. В один миг добрался он до противоположного берега и исчез во мраке. Шиталья все время крадучись шла за ним следом, но когда Анирудх прыгнул с крепостного вала, она, одинокая, села на камень и заплакала.

Тем временем Сарандха подошла к ней. Шиталья прошипела, словно змея:

— Неужели честь так дорога тебе?

— О да!

— Будь у тебя муж, ты бы спрятала ее поглубже в сердце.

— Нет, тогда бы я вонзила кинжал себе в грудь.

— Ну что ж, я приберегу его для тебя. Запомни мои слова! — быстро проговорила Шиталья.

— Если настанет такой день, я исполню что обещала.

Через три месяца Анирудх вернулся, одержав победу, а еще через год отпраздновали свадьбу Сарандхи с Чампатраем, раджей Орчи. Но слова, произнесенные в тот злосчастный день, как заноза бередили сердца обеих женщин.

8

Раджа Чампатрай был выдающимся человеком. Весь народ Бундельканда самоотверженно, не щадя жизни, служил ему и безоговорочно признавал его главенство. Взойдя на престол, Чампатрай не только пере-

стал платить дань могольскому падишаху, но даже сам благодаря своему могуществу начал расширять границы бунделийского царства. Не раз мусульманское войско нападало на него, но, потерпев поражение, уходило ни с чем.

Это происходило как раз в те времена, когда Анирух выдал Сарандху замуж за Чампатрая. Наконец исполнилось заветное желание девушки. Сбылась ее давняя мечта: она вышла замуж за человека, который украшал собою род Бундельканда. И хотя в гареме раджи было пять рани, но Чампатрай очень скоро почувствовал, что Сарандха именно та деви, которая всей душой почитает его.

Но вот произошли события, которые заставили Чампатрая подчиниться могольскому падишаху. Он поручил управление своим царством брату Пахарейнху, сам же отправился в Дели.

Это был последний период царствования Шах Джахана¹, и делами империи управлял царевич Дара Шикох², глаза которого светились добротой, а сердце было исполнено благородства. До Дара Шикоха дошла молва о доблести Чампатрая, и он принял его достойно, с почетом и уважением, даже преподнес в дар богатый джагир³ Кальпи, доходы с которого составляли девять лакхов⁴. Впервые в жизни Чампатрай мог отдохнуть от войн и сражений и с головой окунуться в бездумную легкую жизнь, полную удовольствий и развлечений. Дни и ночи проходили в разговорах об увеселениях и забавах. Раджа потонул в праздности, рани сияли красотой и дорогими уборами. Только Сарандха оставалась в те дни печальной и грустной. Она была очень далека от шалостей и забав. Празднества с танцами и пением не радовали ее, напротив — они казались ей пустыми и ненужными.

Однажды Чампатрай спросил Сарандху:

— Саран, скажи мне, почему ты грустишь? Я уже давно не видел твоей улыбки. Ты недовольна мной?

¹ Шах Джахан — один из императоров династии Великих Моголов. Правил с 1627 по 1658 г.

² Дара Шикох — старший сын Шах Джахана.

³ Джагир — поместье, феодальное владение.

⁴ Лакх — сто тысяч.

Глаза Сарандхи наполнились слезами.

— Владыка мой! Зачем ты так говоришь? Когда доволен ты, счастлива и я.

— С тех пор как я прибыл сюда, лотосы твоих губ ни разу не осветила пленительная улыбка. Ни разу ты не приготовила мне бетель, не украсила мой тюрбан. Ни разу не поднесла мне оружие. Быть может, лоза любви начала увядать?

— О супруг мой! Мне очень трудно ответить на твой вопрос. Ах, я страстно хочу быть счастливой, но сейчас я немного грустна, да и в груди у меня все так трепещет, будто какая-то тяжесть давит на сердце.

Чампатрай был совершенно счастлив и не мог допустить даже мысли о том, что у Сарандхи может быть серьезная причина для грусти.

— Мне кажется, ты грустишь из-за пустяков,— говорил раджа сурово.— Неужели здесь тебе не хватает чего-нибудь из прежнего счастья, из Орчхи.

— Хорошо, я скажу,— вспыхнула Сарандха.— Но ты не разгневаешься?

— Нет, говори смело!

— В Орчхе я была женой раджи, здесь я рабыня джагирдара¹. В Орчхе я была так же свободна, как Каушалья в Айодхье², здесь я жена слуги падишаха. Ведь сегодня ты почтительно склоняешь голову перед падишахом, который еще вчера дрожал при одном упоминании твоего имени. Как же могу я радоваться, ведь теперь я не рани, теперь я служанка! Очень дорогой ценой купил ты джагир и беззаботную жизнь.

Словно пелена спала с глаз Чампатрая. Он и не знал, какая возвышенная душа у Сарандхи. При одном воспоминании об Орчхе раджа заплакал, как осиротевший ребенок, вдруг услышавший голос матери. С глубоким благоговением прижал он рани к сердцу.

Отныне он снова проникся заботой о своем заброшенном селении, откуда отвлекли его желания богатства и славы.

¹ Джагирдар — владелец джагира, феодал, помещик.

² Каушалья — один из персонажей «Махабхараты», супруга Вичитравирьи, царя Айодхьи (совр. Аудх).

Как мать расцветает счастьем с приходом пропавшего сына, так Бундельканд ожил с прибытием Чампатрая. Орча благоденствовала. Веселье царило повсюду, и снова тордо засияли звезды глаз Сарандхи. Спокойно и счастливо катились дни. Но вот болезнь сразила Шах Джахана, и огонь междоусобной вражды, тлевший уже давно, вспыхнул с необычайной силой, едва распространилась эта весть. Сыновья падишаха начали готовиться к войне. Царевичи Мурад и Махиуддин¹, приведя в боевую готовность свои отряды, двинулись с юга. Был сезон дождей. Благодатная земля, напиваясь влагой, являла свою сияющую благоуханную красоту.

Мурад и Махиуддин, довольные и ликующие, быстро двинулись вперед и вскоре оказались недалеко от Дхаульпура, на берегу бездонного Чамбала, который с самоотверженностью аскета разбивал о берег свои волны. Там они встретили падишахское войско, готовое достойно отразить их напор. Положение было тяжелым. Задумались царевичи... Наконец, отчаявшись, отправили они послание Чампатраю, прося его во имя всевышнего спасти их тонущий корабль.

Раджа пришел во дворец к Сарандхе.

— Что им ответить? — спросил он рани.

— Помочь.

— Но если я помогу им, мне придется порвать с Дара Шикохом.

— Это правда. Но нужно соблюсти должное: нельзя не откликнуться на просьбу о помощи.

— Дорогая, ты сказала не подумав.

— О супруг мой, я очень хорошо знаю, что это трудный путь. Я знаю, как вода будет литься кровь наших воинов. Это будет и наша кровь. Алыми станут воды Чамбала. Но верь мне, пока несет река свой поток, она будет слагать гимны нашим героям. Пока жив будет хоть один наследник бунделийцев, алой тикой на его лбу будет гореть эта кровь.

В небе царь туч собирал свою рать. Одновременно с ней из Орчи выступило бунделийское войско. Вско-

¹ Мурад и Махиуддин — сыновья Шах Джахана.

ре оно подошло к Чамбалу. Воины Чампатрая были исполнены отваги. Сарандха обняла царевичей, поднесла радже бетель и сказала, обращаясь к ним:

— Честь бунделийцев теперь в ваших руках. — Она вся светилась улыбкой, а сердце ее радостно билось.

Увидев бунделийское войско, царевичи пришли в неописуемую радость: еще бы! — раджа знал здесь каждую пядь земли! Чампатрай оставил в укрытии свое войско и, приведя в боевую готовность армию царевичей, берегом реки двинулся на запад. У Дара Шикоха возникло подозрение, что враги хотят перейти реку где-нибудь в другом месте, и он отвел войска на другие позиции. Сидящим в засаде бунделийцам только это и нужно было. Они выскочили из-за прикрытия и стремительно бросились в реку. А Чампатрай, обманув царевича Дара Шикоха, повернул свое войско назад и переправил его на другой берег, вслед за бунделийцами. На эту трудную операцию ушло семь часов.

Продвигаясь вперед, Чампатрай вдруг увидел груды тел бунделийских воинов, бьющихся в судорогах. Но лишь только солдаты Орчи заметили раджу, как к ним вернулось мужество. Войско царевичей с возгласами: «Аллах велик!» — ринулось в бой.

Среди падишахских воинов началась паника. Их ряды смешались. Началась рукопашная битва, которая продолжалась до вечера. Уже красной от крови стала земля, уже потемнело небо, а кровопролитие все продолжалось. Падишахское войско вновь начало теснить принцев. Но внезапно с запада нахлынула еще одна волна бунделийцев. Она налетела на арьергард вражеской армии с такой стремительностью, что та вынуждена была в беспорядке отступить. Почти выигранная битва закончилась для падишаха поражением. Люди недоумевали, откуда пришла эта божественная помощь. Простаки были уверены, что сами ангелы победы явились спасти царевичей. Но когда раджа Чампатрай подъехал ближе, он увидел Сарандху, которая, сойдя с лошади, склонила голову к его ногам.

Раджа был счастлив. Да, это была его рани.

Вид поля брани в тот момент был ужасен. Там, где совсем недавно блистали храбростью и героизмом

полки, сейчас в предсмертных судорогах трепетали окровавленные тела. С незапамятных времен человек во имя личных интересов убивает своих собратьев, и победившее войско начало грабеж. Но если раньше битва полных сил воинов представляла зрелище мужества и отваги, то теперь здесь царили отвратительные картины низости и бессилия. Во время боя люди были подобны разъяренным львам, теперь же они стали хуже гиен.

В разгар этого безудержного мародерства грабители наткнулись на бездыханное тело полководца падишахского войска Вали Бахадур Хана. Рядом с ним стоял его конь, хвостом отгоняя мух от лица хозяина. Раджа был страстным любителем лошадей, с первого же взгляда он был поражен красотой этого стройного арабского скакуна. Литые мускулы, грудь широкая, как у льва, поджарый, как леопард. Все восхищались преданностью коня хозяину.

— Смотрите, — воскликнул раджа, — чтобы ничье оружие не коснулось этого красавца! Схватите его живым. Он будет лучшим украшением моей конюшни. Озолочу того, кто приведет мне коня.

Со всех сторон сбежались воины. Но никто не решился подойти близко к прекрасному скакуну. Собралась огромная толпа, как на ярмарке. Некоторые пытались привлечь коня лаской, другие — поймать петлей, но ни один не достиг успеха.

Тогда из овогого шатра вышла Сарандха и бесстрашно направилась к лошади. Глаза ее светились добротой, в них не было ни тени обмана, и конь покорно склонил голову. Рани потрепала его по шее, погладила по спине. Конь спрятал голову в складках ее одежды, а она, поймав его за повод, пошла к лагерю. И конь послушно последовал за ней, будто служил ей всю жизнь.

Если бы он не покорился и Сарандхе, многие беды миновали бы семью раджи. Но этого не случилось. Прошло время, и красивый скакун стал золотой антилопой¹ для царского рода.

¹ Стать золотой антилопой аналогично: стать яблоком раздора.

Мир — это поле брани, где одержать победу сможет тот полководец, который умеет угадывать благоприятный момент. Одинаково разумно продвигается такой полководец вперед в момент удачи и отходит назад в минуты невезения. Только подобный герой укрепляет могущество государства, и только его имя история осыпает цветами славы.

Но в великих битвах иногда участвуют и другие воины, которые победоносно идут вперед в удачные минуты, но не знают, как отступать во время неудач. Эти герои жертвуют политикой во имя победы на поле брани. Они не останавливаются перед гибелью войска, дабы не отдать ни пяди завоеванного. Редко кто из них добивается успеха на мировой арене, но часто их поражения приносят им больше славы, чем победы другим. Опытный полководец, укрепляющий мощь своей родины, — это воин, который жертвует жизнью ради сохранения чести, который не отвращает лица перед опасностью, своими поступками он возвышает чувство любви к родине и навеки высекает в сердцах людей глубокое к себе уважение и почет. Пусть даже его борьба не увенчается успехом, все равно, где бы ни произносилось его имя, оно всюду будет встречаться бурей восторженных похвал и единодушным восхвалением его достоинств.

Среди таких героев, которые не колеблясь жертвовали своей жизнью ради спасения доброго имени, была и Сарандха.

Когда царевич Махиуддин с берегов Чамбала направился в Агру, опохало фортуны веяло над его головой, и в Агре сама богиня победы украсила его трон.

Аурангзеб¹ умел ценить достоинства людей. Он простил вероломство падишахских сардаров, вернул им государственные посты, а радже Чампатраю, в благодарность за его ценные услуги, преподнес в дар джагир с доходами в двенадцать тысяч. От Орчи до Бенареса и от Бенареса до Джумны простирались теперь его владения. Но бунделийский свободный раджа

¹ Аурангзеб — тронное имя царевича Махиуддина; правил с 1658 по 1707 г.

опять стал подневольным раджой. И опять в удовольствиях и наслаждениях зажил Чампатрай, а рани Сарандха снова загрустила, чувствуя себя словно в неволе.

Вали Бахадур Хан был хитрый и сладкоречивый человек. Благодаря своей вкрадчивости он сумел быстро завоевать полное доверие падишаха, и на царском совете на него стали смотреть с уважением.

Хан-сахиб был очень огорчен потерей любимого коня. И вот однажды Чхатрасал, сын Чампатрая, отправившись на прогулку верхом на этом коне, оказался неподалеку от дворца Вали Бахадуря. Хан только и ждал такого случая. Он тут же приказал слугам отнять у юноши скакуна. Как мог принц один бороться с ними? Пешком отправился он домой и все поведал Сарандхе. Лицо рани запылало от гнева.

— Мне не жаль лошади,— сказала она.— Я огорчена тем, что ты, отдав коня, возвратился живым. Разве в твоих жилах не течет кровь бунделийцев? Скакуна нельзя было спасти, это верно, но ты должен был показать им, что не так-то просто отнять его у бунделийского юноши.

Сказав это, она приказала двадцати пяти своим воинам быть наготове. Вооружившись сама, она вместе с ними отправилась к дворцу Вали Бахадуря. А Хан-сахиб между тем верхом на своем любимом коне поехал в дарбар¹. Узнав об этом, Сарандха двинулась туда же и буквально через мгновение, словно стремительный поток, примчалась к падишахскому двору. Когда люди поняли, в чем дело, необыкновенное волнение охватило царский дворец. Начали сходитьсь падишахские советники. Даже сам Алямгир² вышел в приемную. Руки мужчин крепче сжали рукоятки мечей, шум поднялся вокруг. Тысячи глаз здесь, в этом дарбаре, видели блистающий меч Амарсинха³. Сегодня они опять вспомнили о нем.

Сарандха резко сказала:

¹ Дарбар — царский двор; церемония дворцового приема.

² Алямгир — «повелитель мира», царский титул Аурангзеба.

³ Амарсинх — свободолюбивый, могущественный удайпурский раджа, боровшийся с Великими Моголами за независимость.

— Хан-сахиб, и не стыдно тебе показывать отвагу перед неразумным мальчиком? Ее следовало проявить тебе на берегу Чамбала. Разве подобает отнимать коня у мальчишки?

Огнем заблестали глаза Вали Бахадур Хана:

— А кто имеет право присваивать мое собственное добро? — грубо крикнул он.

— Но это мой конь! Я добыла его на поле сражения, и он принадлежит мне. Разве тебе не известен простейший закон битвы?

— Я не могу расстаться с этим конем. За него я готов отдать тебе всю свою конюшню.

— Нет, это мой конь, и он будет принадлежать мне!

— Я дам тебе столько драгоценных камней, сколько он весит, но его отдать не могу!

— Ну что же, тогда меч решит наш спор. Оружие бунделейских воинов наготове. Пусть в дарбаре прольется кровь.

— Остановитесь, — вмешался Алямгир. — Рани-сахиба, тебе придется удержать своих людей. Конь будет твой, но ты заплатишь за него очень дорогой ценой.

— Я готова отдать за него все, что имею!

— Даже джагир и высокий пост?

— А что они значат для меня?

— Свои земли тоже отдашь?

— Да, отдам.

— И все это за одного коня?

— Нет, — за то, что в мире дороже всего.

— Что же это?

— Моя честь.

Так за одного коня собственной рукой рани отдала все — огромный джагир, высокий пост при дворе, почести, да и не только это. Она посеяла шипы на пути будущего, и с тех пор до конца своих дней Чампатрай не знал покоя.

Раджа Чампатрай снова удалился в Орчху. Глубоко огорчила его потеря высокого поста и богатого джагира. Но ни слова упрека не сорвалось с его уст.

Слишком хорошо знал он характер Сарандхи. Как ножом полоснули бы сейчас ее гордую душу жалобы и упрёки.

Несколько дней они прожили спокойно. Но падишах не забыл оскорбительных слов Сарандхи. Он и знать ничего не хотел о прощении. Как только падишах убедился, что братья больше не грозят ему войной, он собрал большое войско и направил его против Чампатрая. Падишах решил стереть с лица земли гордого раджу. Двадцать два опытных сардара назначил он для выполнения этого серьезного дела.

Среди них был Шубха-каран, субедар¹ бунделийского падишаха, друг детства и товарищ Чампатрая. Но сегодня и он согласился выступить против него. Да и не только он, немало было и других бунделийских сардаров, которые отвернулись от гордого раджи и перешли на сторону падишахского субедара. Произошла страшная битва. Брат поднял меч на брата. Раджа Чампатрай победил в этом сражении, но его могущество было подорвано навсегда. Соседний бунделийский раджа, некогда правая рука Чампатрая, после этого сражения тоже склонил голову перед падишахом. Иные из союзников раджи потибли, иные изменили ему. Даже родственники отвернулись от Чампатрая. Но среди всех этих невзгод Чампатрай не потерял мужества и самообладания. Он покинул Орху и три года скрывался в неприступных горах. Как охотничьи псы в погоне за дичью, рыскало по стране падишахское войско. Сколько сражений, сколько стычек пережил за это время Чампатрай!

Сарандха всегда была с ним и поддерживала его мужество. Она была рядом и в самые трудные минуты, когда раджа уже начинал терять веру в себя, когда не оставалось никакой надежды на спасение, и только закон самосохранения руководил им. Наконец, через три года, падишахские субедары доложили Алямгиру, что никто, кроме него самого, не сможет поймать этого страшного тигра. Падишах приказал отвести войска и окружить крепость. Сначала Чампатрай подумал, что наконец наступило избавление, но очень скоро ему стало ясно, насколько он заблуждался.

¹ Субедар — воинский начальник, полководец.

Три недели падишахское войско осаждало крепость. Как жестокое слово пронзает сердце, так пушечные ядра пробивали крепостные стены. В крепости находилось двенадцать тысяч человек, но больше половины из них составляли женщины и дети. Число мужчин уменьшалось с каждым днем. Все пути к освобождению были отрезаны. Даже ветер не мог проникнуть за крепостные стены. Продовольствия становилось все меньше и меньше. Матери и жены голодали, чтобы поддержать силы мужей и детей. В сердца людей начало вкрадываться отчаяние. Женщины, воздев руки к небу, кляли врагов. Даже дети, спрятавшись за крепостными стенами, с яростью швыряли камни в воинов падишаха, но те едва перелетали крепостной вал. Сам Чампатрай был тяжело болен. Его мучила жестокая лихорадка, и он уже несколько дней не покидал постели. Вид раджи всегда внушал бодрость людям, но теперь раджа не показывался, и в крепости началось смятение.

— Сегодня враги обязательно ворвутся в крепость, — сказал раджа Сарандхе.

— Всевышний не допустит, чтобы мои глаза увидели этот день.

— Меня очень беспокоит судьба этих беззащитных женщин и детей. Вместе с пшеницей погибнет и древесный жучок.

— Может быть, нам как-нибудь скрыться отсюда?

— Бросить этих несчастных?

— Для них это будет только благом. Если нас не найдут, враги смилуются над ними.

— Нет, я не могу покинуть этих людей. Неужели ты думаешь, что можно предать жен и детей тех, кто пожертвовал жизнью ради нас?

— Но, оставаясь здесь, мы тоже не в состоянии хоть чем-нибудь помочь им.

— Мы должны погибнуть вместе с ними. Я до последнего дыхания буду драться за них. Ради них я готов сдаться падишахским войскам, снести все ужасы заточения, но я не могу бросить их в беде.

Сарандха, пристыженная, опустила голову и задумалась. Бросить близких друзей в пламя, спасая свою

собственную жизнь, несомненно страшная низость. Откуда в ней этот эгоизм? И вдруг в голове ее мелькнула великолепная мысль.

— Если бы ты был уверен, что с этими людьми ничего не случится, ты согласился бы уйти отсюда? — спросила она Чампатрая.

— А кто даст мне эту уверенность? — задумчиво проговорил раджа.

— Письменное обещание падишаховского полководца.

— Да, тогда я с радостью уйду.

Сарандха погрузилась в океан мрачных дум: как заставить падишахского полководца дать такое обещание? Кто сможет отправиться туда с этой тяжелой миссией? Да и даст ли этот жестокий человек подобное обещание? Ведь он совершенно уверен в своей победе. Но все же, где бы разыскать такого ловкого человека, талантливого политика, искусного оратора, способного выполнить это трудное дело? Вот если бы Чхатрасал захотел, он смог бы. В нем есть эти достоинства.

В душе Сарандхи созрело твердое решение. Она призвала своего любимого сына. Из четверых ее сыновей он был самый смелый и самый умный. Лотосы глаз матери наполнились слезами, когда она увидела почтительно склонившегося перед ней Чхатрасала, тяжкий вздох вырвался из ее груди.

— Зачем вы звали меня, мать?

— Как идет бой?

— Погибло еще пятьдесят наших воинов.

— Честь бунделийцев теперь в руках всевышнего.

— Сегодня ночью мы предпримем атаку.

Рани кратко изложила свой план Чхатрасалу и спросила:

— Кому поручить это дело? Как ты думаешь?

— Только мне.

— А ты справишься?

— Да, я уверен в этом.

— Хорошо, иди. Пусть поможет тебе всевышний!

Рани прижала сына к груди. Затем она, простерев к небу руки, взмолилась:

— О ты, чья милость над нами! Ради чести бунделийцев я пожертвовала своим юным талантливым сыном. Теперь только ты можешь помочь нам. Бесценную жертву принесла я тебе, прими ее.

На следующий день, совершив омовение, Сарандха направилась в храм принести богам жертву. Лицо ее было мертвенно бледным, под глазами легли черные тени. Как только она подошла к воротам храма, на ее поднос со священными дарами упала стрела, посланная из вражеского лагеря. К острию стрелы была прикреплена записка. Сарандха поставила поднос на площадку перед храмом, развернула послание и прочла. Ее лицо осветилось радостью, но лишь на мгновение. О горе! За этот жалкий клочок она своими руками отдала любимого сына! Неужели у кого-нибудь поднялась рука взять столь дорогую плату?

Возвратясь из храма, Сарандха пришла к Чампатраю и сказала:

— Супруг мой, сдержи свое слово.

Раджа вздрогнул.

— Ты сделала это? — спросил он.

Рани вручила ему письменное обещание Алямгира. Чампатрай прочел его.

— Теперь я уйду, и если всевышний захочет, враги еще услышат обо мне, — проговорил он сурово, серьезно посмотрев на Сарандху. — Но, Саран, скажи мне правду, что ты отдала, чтобы получить это послание?

— Очень много, — глухо произнесла рани.

— Скажи.

— Я отдала своего юного сына.

Раджу будто пронзили копьем.

— Кого, Ангадрая? — воскликнул он.

— Нет.

— Ратансаха?

— Нет.

— Чхатрасала?

— Да.

Как подстреленная птица, взметнувшись, отчаянно бьет крыльями перед смертью и, мертвая, камнем падает вниз, так в бессильном отчаянии вскочил с ложа Чампатрай и рухнул наземь, потеряв сознание. Чхатрасал был самым любимым его сыном. Все надежды, все планы на будущее были связаны с ним. Придя в себя, раджа тихо сказал:

— Саран, ты плохо сделала.

Была непроглядная ночь. Рани Сарандха верхом на коне и Чампатрай, которого везли в паланкине, тайно выехали из крепости. Когда-то, много лет назад, была такая же темная, печальная ночь. Тогда Сарандха сказала жестокие слова Шитале-деви. Сегодня сбылось пророчество подруги. Но исполнит ли Сарандха свое обещание?

9

Был полдень. Солнце заливало землю знойным дождем огненных лучей. Горячий, резкий, обжигающий лицо ветер наполнял лес и горы нестерпимым жаром. Казалось, сам бог огня, гремя и сверкая, двинул вперед свою рать, и даже небо трепетало от страха перед ним. Рани Сарандха и Чампатрай двигались на запад. Орча уже осталась в десяти косах позади. С каждым шагом в душе рани зрела уверенность, что все ужасы, наконец, миновали.

Раджа без сознания лежал в паланкине, носильщики обливались потом. За паланкином следовали пять всадников. Всех мучила жажда. Во рту у людей пересохло. Жадно искали они глазами тенистое дерево или колодец.

Случайно Сарандха обернулась и вдруг увидела конный отряд, быстро приближавшийся к ним. Недоброе предчувствие сжало сердце рани, но счастливая мысль: может быть, это сын спешит на помощь,— подбодрила ее. Даже в отчаянии нас никогда не покидает надежда.

Несколько минут она ждала и трепетала в страхе. Но вот отряд приблизился, и стало отчетливо видно оружие воинов. Рани похолодела от ужаса и задрожала, как былинка. То были люди падишаха.

Сарандха приказала носильщикам остановиться, и бундელიйские воины приготовились к бою. Раджа был в тяжелом состоянии, но как разгорается затухающий огонь, лишь только подует ветер, так при одном упоминании об опасности воспрянула в разбитом теле раджи его героическая душа. Он откинул занавеску паланкина, вышел к воинам и схватил лук и стрелы. Но лук, который в его руках когда-то сверкал как молния Индры, теперь даже не согнулся. Голова у него закружилась,

ноги задрожали, и он как подкошенный упал на землю. Все почувствовали приближение зловещего конца. Словно птица с подрезанными крыльями, которая видит подползающую к ней змею и напрасно старается вспорхнуть, раджа Чампатрай, собрав все свои силы, поднялся, но снова рухнул на землю. Сарандха, поддерживавшая его, зарыдала. Она хотела что-то сказать, но из уст ее вырвалось только: «Супруг мой!» — и ни слова больше. Сарандха, которая не задумываясь готова была жизнью пожертвовать ради спасения своей чести, теперь превратилась в обыкновенную слабую женщину. Но ведь до некоторой степени прелесть женщин и заключается в их слабости.

— Саран, посмотри, еще один наш воин убит, — проговорил Чампатрай. — О, горе мне! Несчастье, которого я так страшился всю жизнь, настигло меня в последние минуты. На моих глазах злодеи набросятся на твое дивное тело, а я не смогу даже двинуться с места. Смерть! Где же ты?

Но вдруг спасительная мысль озарила его. Он протянул было руку к кинжалу, но рука бессильно упала. Тогда раджа обратился к Сарандхе:

— Любимая, сколько раз ты защищала мою честь!

Печальное лицо рани залил яркий румянец. Слезы высохли. Надежда хоть чем-нибудь помочь мужу еще раз наполнила отвагой ее сердце. Она ободряюще взглянула на Чампатрая.

— Если господь поможет мне, я буду бороться за нее до последнего дыхания, — проговорила она.

Рани подумала, что раджа хочет кинжалом избавить ее от позора.

— Ты всегда была послушна моей воле.

— Пока я жива, так и будет.

— Не откажи мне в моем последнем желании.

Сарандха выхватила из ножен кинжал и приставила его к своей груди.

— Не ты меня просишь об этом, это мое заветное желание, — вымолвила она. — Умирая, я хочу склонить голову к лотосам ног твоих.

— Остановись! — воскликнул раджа. — Ты не поняла. Неужели ты можешь оставить меня живым в руках врагов, чтобы они на позор всего Дели возили меня, закованного в кандалы, по улицам города?

Рани вопросительно взглянула на мужа. Она все еще не понимала.

— Я прошу тебя о благодеянии.

— Я с радостью выполню его.

— Это моя последняя просьба. Обещай мне не отказать.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Ну смотри, ты дала слово. Теперь ты не сможешь отказать мне.

Рани вздрогнула:

— Ну говори же! Что же ты медлишь?

— Заколи меня своим кинжалом,— произнес наконец раджа.

Слова эти словно огненной стрелой пронзили сердце женщины.

— Владыка души моей!..— только и вымолвила она. Безграничное отчаяние затуманило глаза Сарандхи.

— Я не хочу остаться живым, чтобы они надели на меня кандалы!

— Но я не могу этого сделать!

Пятый, и последний, воин упал.

— И ты гордилась умением непреклонно защищать свою честь?! — гневно воскликнул раджа.

Падишахские воины бросились к ним. Раджа в невыразимом отчаянии взглянул на рани. Сарандха мгновение колебалась, но в опасности крепнет решимость. Враги уже готовы были схватить раджу, когда рани, быстрая как молния, метнулась к нему и вонзила кинжал в сердце мужа.

Любовный корабль утонул в океане любви. Из сердца раджи хлынула кровь, но лицо его выражало спокойствие.

Какое сердце! Женщина, готовая отдать жизнь, чтобы спасти мужа, своей рукой убивает его! Она пронзает кинжалом сердце, прильнув к которому упивалась своим молодым счастьем, сердце, к которому стремились все ее желания, сердце, которое было пищей ее гордости. Какая еще женщина может сделать такое?

Увы! Печален конец гордой души. Даже в истории Удайпура и Марвара нет столь величественных событий.

Падишахские воины были поражены мужеством и стойкостью Сарандхи.

— Рани-сахиба! — выступив вперед, обратился сардар к Сарандхе. — Бог свидетель, мы все рабы ваши и любой ваш приказ выполним беспрекословно.

— Если кто-нибудь из моих сыновей остался в живых, — ответила женщина, — вручите ему оба трупа.

Сказав так, Сарандха тем же кинжалом пронзила себе сердце. И когда она, бездыханная, упала, голова ее покоилась на груди Чампатрая.

СЛАВА ПРИХОДИТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

1

Страсть к журналистике возникла у бабу Ишварчандра еще в те дни, когда он с увлечением занимался науками. Его постоянно волновали новые научные проблемы. Но когда он видел свое имя в газете, это приносило ему куда большее удовлетворение, чем сдача экзаменов или положение лучшего студента в группе. Он возглавлял левую партию своего колледжа. На нем же лежала обязанность давать в газеты корреспонденции о сложности экзаменов и об отношениях с преподавателями, особенно если те бывали несправедливы. Не удивительно поэтому, что в колледже он стал выступать представителем учащихся, и в каждом трудном случае роль арбитра неизменно падала на него. Ишварчандр был твердо уверен, что смог бы достичь значительно больших успехов, вырвавшись из этого тесного мирка на широкое поле общественной деятельности. Служение на благо общества он считал своим призванием. И вот, обстоятельства сложились так, что не успело еще имя Ишварчандра Датта появиться в списках допущенных к экзаменам на звание магистра искусств, как редактор журнала «Гаурау», решивший удалиться от дел, все бремя редакторской и издательской работы возложил на его плечи. Бабу-джи даже подпрыгнул от радости, узнав об этом. Пусть будет благословенна судьба за то,

что помогла ему! Его, Ишварчандра Датта, нашли подходящим для столь ответственного дела! Несомненно молодой человек был прекрасно осведомлен о серьезной ответственности, связанной с этой работой, но стремление к славе подготовило его к борьбе с любыми трудностями. На новом поприще он мечтал возвеличить свободу, чувство собственного достоинства, самоотверженное служение делу и чувство моральной ответственности. Он хотел поставить газетное дело в Индии по образцу западных стран. И теперь Ишварчандр получил такую благоприятную возможность осуществить свои намерения! Воодушевленный страстью к любимому делу и радостью свершающихся надежд, новоиспеченный редактор с головой погрузился в пучину деятельности.

2

Жена Ишварчандра, Манаки, происходила из знатного рода и была достойным представителем старозаветной семьи. Она твердо соблюдала традиционные обычаи, любила почет, пусть даже мнимый. Узнав о предложении, сделанном мужу, она испугалась, как бы ее уважаемый супруг в треволнениях нового дела не забросил юридические науки. Но бабу уверил ее, что работа не будет мешать его занятиям, и жена оставила Ишварчандра в покое.

Однако Ишварчандр очень скоро убедился, что редакторская деятельность настолько ревнива, что захватывает все помыслы души. Раньше он считал ее лишь средством для удовлетворения душевных запросов и машиной, вырабатывающей славу. Он надеялся с помощью печати хоть немного облегчить жизнь народа. О деньгах и собственном благополучии он не заботился. Но, оказавшись на редакторском корабле, бабу-джи почувствовал, что плавание это далеко не столь приятно, как он предполагал раньше. Редакторская работа, переписка со множеством писателей, поиски занимательных сюжетов, стремление превзойти соперников из других газет... Среди всех этих забот у него совершенно не оставалось времени на изучение юридических наук. Каждое утро усаживался Ишварчандр с раскрытой книгой, решив не вставать со стула, пока не прочитает ста

страниц. Однако лишь только приходила почта, он нетерпеливо набрасывался на пачку корреспонденции, и книжка оставалась забытой. Много раз давал он себе обет регулярно просматривать книги и на редакторские дела не тратить ни секунды больше положенного времени. Но едва кипа журналов оказывалась перед ним, он не мог устоять. Кричащие заголовки, журнальные дискуссии, ядовитая критика, шедевры поэзии, мастерская техника писателей — все это словно околдовывало его. К тому же затруднения с печатью, желание увеличить число подписчиков, а в связи с этим и стремление украсить каждую страницу номера еще больше осложняли жизнь. По временам молодой человек даже начинал сомневаться: может, напрасно ввязался он в эту историю?

Среди суматохи редакционных дел бабуджи и не заметил, как наступил день экзамена, а так как он был совершенно неподготовлен, то и не принял в нем участия. Ишварчандр убеждал себя, что все эти затруднения — явление временное и происходят потому, что он неопытен и занимается редакторской работой впервые. В будущем году все пойдет совсем иначе, думал Ишварчандр, и он спокойно засядет за науки. Разве трудно выдержать экзамен? Уж такие болваны, которые и простейшей статьи не могут написать, и те сдают экзамены. Так неужели он не справится? Но Манаки, слушая его, все больше и больше раздражалась.

— Я знала, что это увлечение тебя погубит, — говорила она. — Сколько раз я предупреждала тебя! Но ты и слушать не хотел! А теперь сам тонешь и меня за собой тянешь.

Почтенный отец Ишварчандра тоже негодовал. Друзья убеждали молодого редактора:

— Отложи ты свои дела хоть на несколько дней, сдай экзамен, а потом спокойно занимайся себе «освобождением родины».

Но Ишварчандр считал позором бросить дело, за которое однажды взялся. Однако он дал себе твердую клятву в будущем году во что бы то ни стало подготовиться к экзамену.

Поэтому, как только наступил следующий год, он принялся за книги по юриспруденции, составил учебный план, завел дневник — словом, всеми способами

старался ограничить деятельность своего беспокойного и неуравновешенного ума. Но, вкусив однажды нектар богов, можно ли удовлетвориться земной пищей? Разве могут быть в юриспруденции эти постоянные тревоги, вдохновение, взлеты и падения, эта кипучая деятельная жизнь? А бабу был отравлен всем этим, и душа его пребывала в постоянной тревоге. До тех пор пока молодой человек принадлежал только самому себе, он еще уделял юриспруденции часок-другой. Но теперь, когда яд журнальной работы подействовал расслабляюще на его душевные силы, ему стало казаться, что все эти законы не для него. И вскоре эта мысль породила в душе Ишварчандра равнодушие к юридическим наукам. У него даже появилась некоторая внутренняя удовлетворенность, и он начал оправдываться теориями фатализма.

— Что это значит? — спросила его однажды Манаки.— У тебя опять не лежит душа к юриспруденции?

— Да, дорогая, не лежит,— отвечал Ишварчандр с безрассудной удалью.

— Очень трудно? — ядовито заметила жена.

— Да нет, не трудно. К тому же, ты знаешь, я никогда не боялся трудностей. Не в этом дело. Сама адвокатская карьера представляется мне очень неблагоприятной. Чем ближе я знакомлюсь с внутренней сущностью адвокатов, тем сильнее у меня возникает отвращение к этой профессии. В нашем городе сотни поверенных и адвокатов, но среди них я не знаю ни одного, в сердце которого нашлось бы место милосердию, который не был бы корыстолюбив. Хитрость и лицемерие — вот сущность этого ремесла. Иначе ведь им и не прожить. А если какой-нибудь такой махашай¹ и принимает участие в общественном движении, то исключительно ради своей выгоды, ради собственных интересов. Да, мы всю жизнь только и делаем что стремимся удовлетворить свои желания. К несчастью, образованный класс в нашей стране все больше превращается в касту жрецов этого храма — храма корысти. Именно поэтому так медленно и развиваются наши национальные институты. И если бы я стал заниматься делом, к которому у меня не лежит душа, то это также было бы только ради денег и тщеславия, а я этого допустить не могу.

¹ Ма х а ш а й — господин.

Лишь несправедливость современного общественного строя возвела профессию адвоката на такую высоту — вершителя человеческих судеб. Ведь самая отвратительная сторона европейской цивилизации как раз в том и заключается, что нищая разумом страна, не создав ничего сама, наслаждается богатствами, добытыми другими — не сумев стать пчелой, она считает смыслом своей жизни быть трутнем.

— Что-то раньше ты так не осуждал адвокатов, — раздраженно воскликнула Манаки.

— Прежде я не понимал их сути. Внешнее великолепие привлекало меня.

— И откуда у тебя такая страсть к этим газетам, — взволнованно продолжала Манаки. — На кого из вас, газетчиков, ни посмотришь, все жалуются на затруднения. Один упраскивает своих подписчиков завербовать ему новых. Другой жалуется на то, что не может собрать взносы по подписке. Ну скажи, кто-нибудь из образованных людей когда-либо занимался этим делом? Издавать газету начинает только тот, у кого нет ни диплома, ни степени, у кого и в голове нет ни одной мысли. И он считает за лучшее довольствоваться куском черствого хлеба, чем умереть от голода. Люди едут за границу, изучают там медицину, технику или гражданскую службу, но что-то я не слышала до сих пор, чтобы кто-нибудь поехал изучать редакторское дело. Да, впрочем, зачем его и изучать? Кому взбредет в голову отвернуться от своих лучших стремлений и провести всю жизнь в самоотречении и воздержании. Конечно, если найдется какой-нибудь сумасшедший — это другой разговор.

— Но ведь цель нашей жизни — не только накопление капитала, — воскликнул бабуджи.

— Только что, ругая адвокатов, ты сказал, что они благоденствуют за счет чужих доходов, но ведь газетчики тоже иначе не могут существовать. — Манаки посмотрела на мужа.

— Мы пользуемся доходами других, — смущенно пряча глаза, ответил ей Ишварчандр, — но мы и жизнью жертвуем ради них. И никогда никого не грабим, как адвокаты!

— Ты говоришь это только из упрямства. Адвокаты тоже самоотверженно борются за своих клиентов. И до-

ходы у них такие же, как у вас. Разница только в том, что вознаграждение одного напоминает горный ручей, а другого — водосточную канаву в сезон дождей. В ручье круглый год струится вода, а в канаве почти все время лишь пыль летает. Самое большее на час-два наполняется она водой, да и то в сезон дождей.

— Раньше я не считал заработок адвокатов незаконным, да и сейчас, полагая, нельзя думать, что у всех адвокатов легкая жизнь. У каждого своя судьба. Но сколько таких, которые зарабатывают деньги, используя ложные показания! К сожалению, газет в нашей стране до сих пор читают очень мало, и материальное положение издателей поэтому неважное. В Европе и Америке издатели становятся миллионерами. Хозяева положения всех высокоразвитых стран современного мира — редакторы, или издатели газет, или писатели. Сколько существует миллионеров, которые нажили себе капитал на издании газет!

Ишварчандр пытался объяснить жене, что нет лучшего средства разбогатеть, добыть славу и почет, чем газета. Он говорил также о значении газеты, как реального пути для защиты правды и справедливости на земле. Но на Манаки его речь не произвела никакого впечатления. Для близорукого глаза вещи, находящиеся далеко, не представляются ясными. Она не знала ни одного преуспевающего редактора.

8

Прошло шестнадцать лет. Имя Ишварчандра стало известно в литературных кругах, он написал несколько книг, выпускал ежедневную газету; Ишварчандр стал главой народного движения, добился признания властей. Его старший сын получил степень бакалавра искусств, младшие учились в начальных классах школы. Единственная дочь была выдана замуж в богатую семью. Казалось, жизнь его должна была бы быть счастливой, но денег, как всегда, не было. Расходы превышали доходы. Несколько тысяч рупий, полученных им в наследство, растаяли, и над головой висел хоть и небольшой, но все-таки долг в банке. Даже на базаре ему перестали давать в кредит. Иногда приходилось и вовсе не ходить туда. Все чаще сожалел он

о своей недалёковидности в годы юности. Нельзя сказать, чтобы его сердце уже не волновали патриотические чувства. Это не так. Но Ишварчандр видел, что слава за все дела, которые делает он, достаётся адвокатам и сетхам. Его же признает только простой народ. Все прекрасно знали, что именно он, Ишварчандр, — душа всей общественной жизни города, но никто никогда не высказывал этого вслух. Естественно, что стареющий редактор начинал ощущать неудовлетворенность жизнью. День за днем гас его энтузиазм, и Ишварчандр не видел никакой возможности вырваться из этих пут увядания. В его книгах уже не было прежней остроты, в статьях — былой силы. Да и от газеты и журнала все больше и больше веяло равнодушием к жизни. Трудились в редакции в основном его сотрудники, на которых Ишварчандр возложил все бремя редакторских дел, сам же он почти не принимал участия в работе. И только потому, что его издания пустили очень глубокие корни, число подписчиков еще не уменьшалось. Все дело держалось исключительно добрым именем редактора.

Но как можно остаться равнодушным в период жестокой полемики и борьбы! У «Гаурау» появились противники, которые с молодым энтузиазмом обрушились на журнал, а так как «Гаурау» стала терять свою силу, народ радостно приветствовал новых глашатаев. Они начали приобретать популярность, несмотря на то, что отстаивали те же принципы, работали с теми же писателями, рассматривали те же проблемы, что и Ишварчандр. Но молодые журналисты вдохнули новую жизнь в старые понятия. С их энтузиазмом помолодел и Ишварчандр. Он еще раз налег на постромки остановившейся было повозки, но у него уже не стало прежних сил, и рядом не было никого, кто мог бы помочь ему. В отчаянии оглядываясь по сторонам, он чувствовал, что теряет последние крохи вдохновения. Да! Всю свою жизнь Ишварчандр посвятил общественному делу. Он засеял поле, оросил его, не щадя себя ни днем ни ночью, работал под палящими лучами солнца, под проливным дождем, и когда, наконец, настало время собирать урожай, он не смог удержать в руках серп. Люди, которых во время расцвета его деятельности еще и на свете не было, уберут хлеб и наполнят зерном амбары, а он будет только беспомощно смотреть на них. Ишварчандр был совер-

шенно убежден — присоединись к нему какой-нибудь энергичный юноша, его журнал и сейчас еще смог бы разбить своих противников. В культурном мире он был широко известен, и это обстоятельство благоприятствовало ему. Нужен был только молодой задор. Самым подходящим человеком для этой работы Ишварчандр считал своего старшего сына, тем более что и тот чувствовал склонность к журналистике. Но, побаиваясь Манаки, Ишварчандр ни разу не высказал этой своей мысли. Так прошло два года, и, наконец, настал момент, когда «Гаурау» или нужно было закрывать, или найти любое средство, которое подняло бы престиж журнала на прежний уровень. Ишварчандр решился на крайние меры. Другого способа он не видел. Все его помыслы были сосредоточены на журнале. С ним были связаны и его жизнь и смерть. Он не мог даже представить себе тот момент, когда журнал не будет существовать. Хотя здоровье его и без того оставляло желать лучшего, естественное желание продлить жизнь «Гаурау» подготовило его к тому, что в жертву журналу придется принести все. Целыми днями он что-то писал, читал, ни на минуту не отрываясь от работы. В «Гаурау» снова начали появляться острые интересные статьи, ученые опять заговорили о журнале, его сторонники снова начали цитировать статьи Ишварчандра, критики запели хвалебные гимны. На арене общественной жизни опять загудели призывы к борьбе, брошенные опытной рукой старого мастера.

Однако с каждым новым успехом журнала силы Ишварчандра истощались. Появились первые признаки болезни сердца. Развилось малокровие, он побледнел, но все равно продолжал работать с утра до вечера. В это время в стране вспыхнула борьба трудового люда за свои права. Честный характер Ишварчандра сделал его сторонником трудящихся. Он бесстрашно громил и разносил поборников капитала. В жилах его опять забурилась молодая кровь, слова снова начали сверкать жгучими искрами, которые разили врагов и... медленно разрушали породившее их горячее сердце.

Был холодный зимний вечер. Только что пробило десять часов. Манаки на цыпочках вошла в комнату Ишварчандра. В свете лампы его лицо казалось еще бо-

лее бледным. Он держал в руках перо и думал о чем-то. Бабу-джи не слышал, как вошла жена. Некоторое время она с болью всматривалась в его лицо, потом сказала:

— Закрой книгу. Скоро полночь. Давно пора кушать! Ишварчандр вздрогнул, поднял голову:

— Как, уже полночь? Не может быть! Сейчас не больше десяти часов. Я еще совсем не голоден.

— Ну съешь хоть что-нибудь.

— Подожди. Мне обязательно нужно кончить статью.

— Я вижу, как день ото дня тебе становится хуже. Почему ты не лечишься? Ведь погубив свое здоровье, ты совсем не сможешь работать.

— Что сейчас главное? Моя жизнь или эта ожесточенная борьба, которая всколыхнула всю страну? Если погибнет один человек, защищая миллионы других, что за беда?

— Но почему ты не возьмешь себе способного помощника?

— Я все время ищу, но пока не нашел никого подходящего,— тяжело вздохнул Ишварчандр.— Вот уже несколько дней меня мучает одна мысль. Если ты готова спокойно выслушать, я расскажу.

— Говори, я слушаю. Если это что-нибудь подходящее, почему бы мне не согласиться?

— Я хочу привлечь к журналу Кришанчандра. Теперь он уже получил степень магистра искусств, и у него есть склонность к журналистике. Мне кажется, что высший создал его именно для этого дела.

— Ты что же, решил вместе с собой и сына погубить? — презрительно глядя на мужа, сказала Манаки.— Кто-то ведь обязан заботиться о доме. Неужели все должны служить только родине?

— С Кришанчандром ничего плохого не случится.

— Ну уж извините! Хватит с меня. Он будет заниматься любым делом, но тем, где можно заработать. Только ты один и можешь быть счастлив от этой работы, нам она, кроме вреда, ничего не принесла.

— В адвокатуру пошлешь? Но смотри, пожалеешь. Кришанчандр совсем не годится для этого ремесла.

— Пусть занимается чем угодно, хоть физическим трудом... Но к журналу я его и близко не подпущу.

— Это ты на меня глядя решила, что издательское

дело приносит одни убытки. Но, посмотри, даже в нашей стране есть немало счастливиц, которые разбогатели и прославились, занимаясь газетой.

— Даже если эта работа сулила бы золотой дождь, я не разрешу сыну заниматься ею. Всю жизнь я прожила как отшельница и теперь, наконец, хочу вкусить хоть немножко счастливых дней.

В конце концов честный слуга народа не выдержал двойного бремени — народных страданий и мук своей болезни. Едва ли прошло девять месяцев после знаменательной беседы с Манаки, как Ишварчандр скончался. Всю свою жизнь он защищал справедливость, боролся за правду и счастье народа. Сколько раз, отстаивая свои принципы, ловил он на себе косые взгляды властей, сколько раз чувствовал недоверие народа, даже презрение друзей, но никогда не изменил он своему честному сердцу. Деньги перед душевной чистотой и человеческой гордостью для него ничего не значили.

Как только скорбная весть разнеслась по городу, поднялось всеобщее смятение. Базары закрылись, повсюду начались траурные митинги, конкурирующие газеты прекратили нападки. Со всех сторон слышалось одно: скончался оригинальный, честный, талантливый редактор, бесстрашный, самоотверженный патриот, равный которому найдется нескоро.

Семья бабу даже не представляла себе, насколько популярно в народе имя Ишварчандра. Когда вынесли его останки, несметная толпа людей, весь город, пошла за траурными носилками Ишварчандра. Начали возводить памятники, были установлены студенческие стипендии его имени, заказывались его портреты; но самым величественным памятником была статуя, воздвигнутая на средства трудящихся.

Уважение людей к Ишварчандру отзывалось в сердце Манаки радостным волнением. Теперь она страдала от того, что не разглядела блестящих способностей мужа, не оценила его честных стремлений и высоких идеалов. Город был в трауре. Это и понятно, деятельность Ишварчандра была таким благодеянием для народа, какого люди никогда не забудут. А она до последних минут жизни своего мужа была тернием на его пути и своей жадностью причиняла ему страдания. Если бы он осыпал ее золотом, выстроил роскошный дворец или накопил

несметные богатства, она была бы счастлива, благословляла бы свою судьбу. Но кто тогда пролил бы хоть одну слезу после его смерти? Кто прославлял бы его? А богачей на свете много! Они спокойно уходят из этого мира, и никто этого не замечает. Говорят, будет учреждена студенческая стипендия его имени. Ведь те юноши, которые благодаря этой стипендии получают образование, до смертного часа будут благословлять Ишварчандра. О горе! Она так и не поняла его самоотверженности. Корыстолюбие набросило ей на глаза пелену.

Чем больше Манаки думала об этом, тем сильнее росло ее уважение к мужу. Она была гордая женщина. Восхваление и почитание народа высоко подняли ее голову. Теперь она уже не так, как раньше, пеклась о своем материальном благополучии.

Тем временем Кришанчандр стал известным адвокатом. Необыкновенные способности и прилежание содействовали его успехам. Помимо этого он, конечно, участвовал в общественной жизни страны, и по мере сил писал статьи в газеты, к чему испытывал особенную любовь. Но Манаки всегда старалась отдалить сына от этого занятия, и он сдерживал себя. Ему не хотелось огорчать мать.

Настала первая годовщина смерти Ишварчандра. Вечером состоялся брахма-бходж¹. До полуночи раздавали беднякам еду. А рано утром Манаки в собственном экипаже отправилась к Гангу совершить омовение. Это была ее давняя мечта, которую теперь, в благоговейной преданности сыну, она исполнила. Она возвращалась с Ганга, когда вдруг услышала звуки оркестра, а через мгновение увидела и процессию. Впереди вели несколько лошадей, за ними ехал отряд конных добровольцев, а потом — бесконечная кавалькада экипажей, позади же всех, на украшенной колеснице, которую тянул сам народ, везли статую какого-то божества. Манаки недоумевала. «Что это за шествие? — думала она. — Какому богу посвящено это празднество? Для Рамлилы² и

¹ Б р а х м а - б х о д ж — поминальное угощение, которое устраивается для брахманов, совершающих религиозные обряды за упокой души умершего.

² Р а м л и л а — народное театральное представление о подвигах Рамы — героя древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяна».

Ратхаятры¹ еще рано». И вдруг сердце ее сжалось. Это была статуя Ишварчандра, сделанная на средства трудящихся, и люди везли ее, чтобы установить на центральной площади города. Да, облик был его, и его одежда, и фигура. Удивительно талантливый скульптор делал статую. Сердце Манаки взволнованно билось. Ей очень захотелось сбросить парду² и пасть к ногам мужа перед лицом всей этой толпы. Каменную статую она теперь почитала больше, чем живого человека. Но с каким лицом она предстанет перед ним? Никогда еще совесть не мучила ее так. «Если бы моя жадность к деньгам не сковывала его по рукам и ногам, бог знает какого высокого поста он мог бы достичь? — горько размышляла она. — Сколько беспокойств причинила я ему! Ведь простое сочувствие домашних куда важнее почтительного уважения посторонних. Я могла сделать для него все, но ни разу даже не поддержала его. Господин мой! Прости меня. Я виновата перед тобой, я убивала твои чистые стремления, печалила твою душу. Я сокола держала в клетке. О, горе мне!»

Целый день Манаки мучило раскаяние. Вечером она уже не могла сдержать себя и, взяв с собой служанку, пешком отправилась посмотреть на каменное изваяние того, чьей душе она принесла столько страданий.

Были сумерки. Багряный закат освещал тучи, собравшиеся на горизонте. Солнце то пряталось за облаками, то показывалось снова. И в вечернем свете статуя Ишварчандра казалась издали то радостным светлым утром, то печальным туманным вечером. Манаки подошла ближе, но она не могла смотреть изваянию в лицо. Глаза Ишварчандра были полны страдания и горя. Женщине показалось, что муж смотрит на нее с глубоким упреком. Из глаз ее хлынули слезы раскаяния и стыда. Она упала к ногам статуи, закрыла лицо руками и зарыдала. На душе у нее стало легче.

Когда она вернулась домой, было девять часов. Кришна, увидев мать, спросил:

— Мама, куда ты ходила так поздно?

И Манаки с гордостью ответила:

¹ Ратхаятра — весенний праздник, во время которого народ носит на носилках статуи почитаемых им богов.

² Парда — вуаль.

— Я ходила посмотреть на памятник твоему отцу. Он как живой стоит там.

— Его сделали в Джайпуре.

— Почему же раньше люди не относились к нему с таким уважением?

— Всю свою жизнь он защищал правду и справедливость. Так чтят только великих духом.

— Ты говоришь — защищал, но разве он был адвокатом?

— Да, он был адвокатом, но не таким, как я и тысячи моих братьев, деятельность которых попирает справедливость и закон. Он был адвокатом — в высшем смысле этого слова.

— Если это так, почему же ты не станешь таким же?

— Это очень трудно. Взгромоздить себе на плечи все мирские скорби, рыдать из-за несчастий других, размахивать дубинкой, чтобы защитить бедняков, а какая награда будет ждать тебя за все эти лишения, позор и мучения? Нужно забыть все свои личные желания и мечты.

— А слава?

— Да, и это будет. Народ будет чтить.

— Коли тебя будут чтить, как отца, продолжай его дело. И если нет иного пути воздать должное его чистой душе, то давай ухаживать за тем садом, который он посадил с таким самоотречением и любовью. От этого его душа обретет покой.

Сын преданными глазами посмотрел на мать:

— Хорошо. Но ведь мы можем лишиться нашего благополучия и все может пойти как раньше.

— Это не важно. Зато люди будут восхвалять тебя. И знаешь, если бы теперь ко мне явилась сама богиня богатства, я не склонила бы перед ней головы.

ЖАЖДА ВЛАСТИ

1

С виду Томи казался очень сильным. И лаял он так, что можно было оглохнуть, и роста был такого, что в темную ночь его легко можно было принять за осла. Однако на поле боя всегда выяснялось, что у него нет мужества, подобающего такому псу, как он. Поганое базарное дерьмо — собачонки несколько раз пытались задирать Томи. Чтобы сбить с них спесь, он принимал вызов, и очевидцы говорят, что дрался он мужественно, хотя гораздо больше ударов наносил хвостом, чем зубами и когтями. На чьей стороне оказывалась победа — точно сказать трудно. Но поскольку противникам приходилось требовать подкрепления, то согласно правилам военной науки представляется справедливым отдать славу победителя именно Томи. При этом он действовал очень умно и скалил зубы, что означало просьбу о мире. И тем не менее с тех пор Томи считал за лучшее не иметь дела с такими неблаговоспитанными противниками.

Несмотря на миролюбивый характер Томи, число врагов увеличивалось у него день ото дня. Равные ему по силе псы презирали Томи за то, что он такой здоровый, а трус. Базарные собаки ненавидели потому, что после него на свалке не оставалось ни косточки. Томи выходил на поиски пропитания еще затемно и подбирал все, что

попадалось: листья с остатками лакомств возле лавок торговцев сластями, мясные отбросы возле бойни.

Жить среди множества врагов становилось для Томи все тяжелее. Подчас месяцами он не ел досыта. Насколько раз им овладевало такое безудержное стремление поест вволю, что ради утоления голода он даже решался на риск. Однако эти попытки кончались не так, как хотелось бы, и вместо желанной еды на его долю доставались лишь неудобоваримые вещи, действие которых ощущалось несколько дней, да не в животе, а на спине — в виде жестокой боли. Волей-неволей ему снова пришлось вернуться на путь добродетели. Правда, стремление Томи утолить голод от этого не утихло, хотя палками он, вероятно, насытился уже вволю.

Томи хотелось куда-нибудь уйти, уйти в такое место, где было бы вдоволь добычи. Пусть бы там в поле гуляли зайцы, молоденькие антилопы, ягнята, и чтобы у них не было никаких хозяев, и чтобы о соперниках там не было ни слуху ни духу. Пусть бы там росли густые тенистые деревья, серебрились бы речки с прозрачной водой. «Вот где поохотился бы я всласть,— мечтал Томи.— Поел бы вволю и поспал сладко. Уж там-то я показал бы себя! Нагнал бы на всех такого страха — владыкой своим признали бы. А со временем я бы так укрепил свои владения, что никакой враг не осмелился бы ко мне и носа сунуть!»

Однажды, занятый своими сладкими мечтами, Томи понуря голову брел, не разбирая дороги, по какому-то переулку. И вдруг столкнулся с неким важным псом. Томи хотел было увильнуть, но злодей оказался крутого нрава и тотчас, налетев на Томи, схватил его за горло.

— Ради бога, отпусти! — взмолился Томи. — Клянусь, никогда больше меня здесь не увидишь. Я и сам не знаю, как забрел в твои владения.

Но высокомерный и злобный пес и слышать ничего не хотел, и в конце концов, не выдержав, Томи взревел по-ослиному, умолая о помощи. На его рев сбежались окрестные главари. Но и они, вместо того чтобы сжалиться над несчастным псом, стали со всех сторон рвать его зубами. Такое бесчестное отношение окончательно повергло Томи в отчаяние. Он вырвался и без памяти пустился наутек. Но эти гнусные скоты кинулись за ним и гнались по пятам до тех пор, пока путь им не прегра-

дила река, в которую Томи бросился, чтобы спастись от преследователей.

Говорят, что каждому судьба когда-нибудь да улыбнется. С Томи это случилось в тот миг, когда он прыгнул в реку. Прыгал он ради спасения своей жизни, а оказалось, что обрел тем самым несметные богатства. Стоило ему переплыть на другой берег, как все его давние мечты стали сбываться.

2

Это была обширная равнина, на которой всюду, пока хватало глаз, зеленела пышная растительность. Нежно журчали ручьи, мурлыкали свою тихую песню родники. Были здесь и тенистые прохладные рощи и ровные песчаные площадки. Словом, все вокруг радовало душу и привлекало глаз.

Правда, встречались здесь и звери с очень острыми когтями, увидев которых, Томи сразу струхнул. Однако звери эти не обратили на Томи никакого внимания. Они постоянно дрались между собой, и кровь в этом чудесном уголке лилась рекой. Томи понял, что ему не одолеть этих страшных зверей. Тогда он стал действовать хитростью. Когда одно из дерущихся животных, обессилев от ран, падало мертвым, Томи подбегал к нему, отрывал кусок мяса и затем съедал где-нибудь в укромном месте. Победитель, гордый своей победой, не сердился.

Да, счастье обратило, наконец, свой лик к Томи. Каждый день стал для него теперь праздником. О пропитании больше не приходилось беспокоиться: всего было вдоволь. Пес наслаждался все новыми и новыми яствами и сладко спал в тени деревьев. Он даже не представлял себе, что на земле возможно такое райское существование. Ему не пришлось умирать, чтобы попасть в рай, он оказался там при жизни.

Очень скоро от сытной, обильной пищи Томи стал упитанным и сильным и теперь уж начал действовать по-другому. С разными мелкими зверьками он уже расправлялся сам. Наконец обитатели этого рая спохватились и попытались было прогнать Томи. Но тот прибегнул к хитрости. Одному зверю он стал говорить, что вот, мол, такой-то твой враг замышляет тебя убить, другому — что тот-то отзывался о нем непочтительно. Лесные звери,

подавшись на эту уловку, затевали между собой драки, а Томи только это и нужно было. В конце концов самые страшные для него звери погибли. Маленькие же не осмеливались выступить против. Видя, как растет сила и влияние пса, зверькам стало казаться, что это удивительное животное послано самим небом, чтобы управлять ими. Да и сам Томи, гордый своим умением раздвигаться с врагами, старался укрепить в них такое убеждение.

— Всевышний послал меня управлять вами.— важно говорил он.— Это божья воля. Живите себе спокойно. Я вас не обижу. Только в вознаграждение за то, что служу вам, я буду время от времени съедать кое-кого из вас. Ведь и мне все-таки приходится думать о своем брюхе. Разве я могу жить без еды, да еще и вас защищать.

Теперь Томи ходил по лесу с величественным видом, гордо поглядывая по сторонам. Если отныне что и беспокоило пса, так это мысль о том, как бы в его владениях не появились соперники. Он стал мнительным и настроженным. По мере того как проходил день за днем его блаженного существования, Томи все сильнее одолевала подозрения. Все чаще он стал внезапно просыпаться по ночам и бросался в погоню за каким-то неведомым врагом. Короче говоря, поговорка «слепой пес на всякий шум лает» была бы здесь очень кстати. Лесным жителям он говорил:

— Не дай бог попасть вам в лапы какого-нибудь другого правителя! Он всех вас прикончит. А я желаю вам добра, только и думаю, как бы для вас лучше сделать. Лучше, чем я, вы никого не найдете!

Звери в один голос отвечали:

— Пока мы живы, из-под вашей власти не выйдем!

Наконец настало время, когда Томи уже и минуты не мог посидеть спокойно. Дни и ночи без передышки бегал он взад и вперед по берегу реки. Он выбивался из сил, задыхался, но душа его так и не находила покоя. А вдруг откуда-нибудь появятся враги?..

Когда наступил месяц куар¹, псу страстно захотелось повидать старых приятелей. Сдержатъ себя он никак не мог. Вспомнилось ему, как вместе с друзьями бегал он

¹ Куар — седьмой месяц индийского календаря, соответствует сентябрю — октябрю. В это время в Индии начинается сезон дождей, считающийся периодом любви.

по улочкам и переулкам родного города вслед за какой-нибудь красоткой. Два-три дня Томи крепился, но обуявшие его чувства оказались столь сильными, что он, забыв обо всем, не утерпел. К тому же в его душе заговорила гордость своей властью и могуществом! Он мог теперь проучить кого угодно!

Однако стоило Томи переплыть реку, как самоуверенность его стала таять, словно предрассветная тьма. Шаги его сами собой замедлились, голова опустилась, хвост поджался. Правда, завидев красотку, он встрепенулся и повернул было за ней, но его назойливость не понравилась красотке, и она громко и гневно выразила ему свое отвращение. А на милый голос поспешили ее возлюбленные и, увидев Томи, пришли в ярость. Пес растерялся. Он еще не успел сообразить, что делать, как со всех сторон его стали рвать зубами и когтями. Весь в крови, бросился он бежать, но даже это не спасло его от града ударов. Стая шайтанов долго не отставала от Томи.

С этого дня на сердце Томи стало совсем тяжело. Ежечасно мучил его страх: не идут ли недруги, чтобы лишить его небесного блаженства, отнять у него покой и счастье. Страх терзал пса и раньше, но теперь он стал невыносимым.

Однажды со страха Томи и впрямь показалось, будто приближаются враги. Он опрометью бросился на берег и начал метаться из стороны в сторону.

Прошел день, прошла ночь, он и не думал отдыхать. Второй день пришел и ушел, а Томи, позабыв о голоде и жажде, все бегал и бегал по берегу. Так продолжалось пять дней. У пса начали подкашиваться ноги, в глазах темнело. От голода он шатался, но безумный страх все не покидал его. Наконец, на седьмой день несчастный Томи, истерзанный жаждой власти, измученный и обесилевший, отправился в мир иной.

Ни один из лесных зверей не подошел к своему повелителю. Никто даже не вспомнил о нем, не проронил ни слезинки над его трупом. Лишь вороны да коршуны несколько дней кружили над его останками, и вскоре от Томи не осталось ничего, кроме скелета.

ТЮРЬМА

1

Когда после заседания суда Мридула возвратилась в женскую тюрьму, лицо ее сияло радостью, а на щеках играл легкий румянец: она надеялась, что вскоре получит свободу. В тюрьме Мридулу сразу же окружили политические заключенные. Все интересовались, на какой срок ее осудили. Гордость победителя звучала в голосе Мридулы, когда она ответила:

— Я высказала им все, что думала. «Вы сильны и можете вынести решение, какое пожелаете,— сказала я,— но я не участвовала в пикетировании, никого я не останавливала и не задерживала, никого не била, никого ни о чем не просила. Ко мне даже никто из покупателей не приходил. Я действительно стояла на пороге лавки и видела, как арестовывали нескольких добровольцев. Собралась толпа. Я подошла ближе. Вот тут-то полицейские меня и схватили».

Кшама-деви немного разбиралась в законах. Она сказала:

— Все равно суд вынесет решение на основании доклада полиции. Уж я знаю! Сколько мне пришлось видеть таких процессов!

— Ну меня-то они надолго запомнят,— возразила Мридула.— Я им дала жару. Я не хотела участвовать в деле, которое пахнет судом. Но когда увидела, что их

свидетели дают ложные показания, то не смогла сдержаться: я устроила им перекрестный допрос. И я не напрасно старалась. Я ведь тоже немного знаю законы. Полиция, должно быть, думала так: пусть говорит, сколько ей вздумается, а мы дадим такие показания, какие захотим. Когда же я начала задавать вопросы, они стали смущенно озираться по сторонам. А я доказала, что свидетели лгут. Меня будто кто подталкивал в ту минуту. Судья даже выругал полицейского. А когда тот, вместо того чтобы отвечать на мои вопросы, забормотал что-то невнятное, судья не выдержал и закричал на него: «Отвечай толком, когда тебя спрашивают! Что чепуху несешь!» И только тогда господин полицейский стал говорить более членораздельно. Я им всем рты позатыкала. И хотя приговор еще не вынесен, я уверена, что меня освободят. Тюрьмы я не боюсь. Но и не хочу, чтобы меня дурачили. В зале суда присутствовал наш секретарь и много женщин. Все говорили, что меня выпустят.

Заключенные стали расходиться, бросая на Мридулу неприязненные взгляды. Одни из них были приговорены к году тюремного заключения, другие — к шести месяцам. Однако они даже рта не раскрыли перед судом. Говорить на суде было, с их точки зрения, по меньшей мере предательством. И Мридула, которая устроила полицейским перекрестный допрос, упала в их глазах. Если бы ее заточили в тюрьму, женщины, пожалуй, оправдали бы ее поведение на суде. Но не будет ей прощения, если она получит свободу!

Отойдя в сторону, одна из заключенных проговорила:

— Так-то и мы могли бы добиться освобождения. А мы должны показать, что нам нечего надеяться на справедливость чиновников-бюрократов.

— Ты права,— поддержала ее другая.— Вести себя так, как Мридула, все равно что просить у них прощения. Она тоже принимала участие в пикетировании, иначе чего бы ей стоять у лавки. Разве в том дело, что арестовали добровольцев? Она-то зачем там оказалась? А теперь говорит, что не ходила пикетировать. Разве это не значит просить прощения? Не ясно, что ли!

— Нужно иметь большое мужество, чтобы остаться в тюрьме,— усмехнувшись, произнесла третья.— Видно,

тогда ей хотелось стать героиней, а теперь испугалась. Да таких и близко нельзя подпускать к серьезному делу! Только опозорит движение, больше ничего!

Одна лишь Кшама-деви, погруженная в глубокое раздумье, все еще стояла подле Мридулы. Она была осуждена на год тюрьмы за свою гневную, мятежную речь. Месяц назад ее перевели сюда из тюрьмы, находящейся в другом районе. Теперь ей осталось отсидеть до конца срока еще восемь месяцев. Она не подружилась ни с кем из пятнадцати находящихся здесь женщин — заключенных. Ей не нравились ссоры, которые они затевали между собой по пустякам, не нравились их заискивания перед надзирательницами в расчете на какую-нибудь вещичку женского туалета, не нравилось их показное волнение при свиданиях с родными. В тюрьме царили подлость и наушничество. Ни одна из этих женщин не обладала тем внутренним достоинством, которое, как казалось Кшаме-деви, должно было быть присуще политическому заключенному. Поэтому Кшама держалась в стороне от них. Она была истинной патриоткой, все существо ее было проникнуто любовью к родной стране. Остальные женщины не понимали ее, считали гордячкой и на презрение отвечали презрением.

Со дня ареста Мридулы прошло восемь дней, но, несмотря на столь короткий срок, Кшама полюбила ее. Мридула не была так низка и завистлива, как другие, она никого не оскорбляла, не стремилась наряжаться. Ей были не по вкусу грубые шутки заключенных, в сердце ее жило сострадание к людям и желание помочь им. Мридула горячо любила родину, и Кшама думала, что она с радостью проведет с Мридулой оставшийся срок тюремного заключения. Но неудача шла за ней по пятам. Завтра Мридулы уже не будет здесь, и она опять останется одна. Кому поведает она о своем горе? С кем поговорит о том, что происходит сейчас в стране? Как все здесь далеки от нее!

— А тебе еще целых восемь месяцев быть здесь, сестра! — произнесла Мридула.

— Что поделаешь, — печально ответила Кшама. — Как-нибудь выдержу. Но я всегда буду помнить о тебе. За эту неделю я так к тебе привязалась. С тех пор как ты пришла, тюрьма уже не кажется мне тюрьмой. Навещай меня хоть изредка.

Глаза Кшамы наполнились слезами. Мридула заметила это и ободряюще сказала:

— Конечно, навещу, диди¹. Мне и самой будет тяжело... Бхана приведу с собой. «Беги, скажу, приехала твоя тетя, она тебя зовет!» Сразу прибежит! Признаюсь тебе, сестра, если я и думала здесь о ком-нибудь, так только о Бхане. Бедняжка, должно быть, плачет все время. Наверно, надуется, когда меня увидит. «Где пропадала? — скажет. — Почему меня бросила? Уходи, не буду с тобой разговаривать! Уходи из моего дома!» Большой проказник он, сестрица! Ни секунды спокойно не посидит. С раннего утра распевает своим детским голосом «Выше наше знамя!» или «В сердце нашем храм свободы», а то начнет маршировать с флажком на плече и выкрикивает: «Не пейте алкогольные напитки!»². Нельзя удержаться от смеха, глядя на него. А отцу говорит: «Папа, ты настоящий раб!» — дело в том, что его отец работает в одной английской компании. Сколько раз собирався уволиться. И уволился бы, да как тут решишься? Ведь работать-то все равно где-нибудь надо. Иначе не проживешь... А он так ненавидит рабство, правду тебе говорю, сестра. Только я сама уговариваю его не увольняться... Как-то он там, несчастный... Ведь и на службу ходить надо и за Бханом присматривать. Бабушку мальчик совсем не слушается. Она ведь уже старенькая, где ж ей за ним угнаться! Она хочет, чтоб он рядом сидел, а это для Бхана — нож острый!.. Сердится на меня свекровь, наверно. Даже не пришла ни разу повидаться со мной. Вчера в суде муж сказал мне: «Мама очень недовольна тобой. Несколько дней ничего в рот не брала. «Эта девчонка, говорит, опозорила дом, запятнала честь семьи, негодница!» На все лады бранит». Но я не обижаюсь на нее. Она — человек старого времени. Да если б кто и попытался уговорить ее навещать меня, ничего бы хорошего из этого не вышло. Вот вернусь — придется самой просить у нее прощения... Ну ничего, посмотрим, что завтра будет... Придется совершить после тюрьмы обряд покаяния, брахманам угощение сде-

¹ Диди — старшая сестра.

² С этими песнями и лозунгами выходили на демонстрацию жители Индии во время проведения кампании гражданского неповиновения.

лать. Вся община соберется... Вот поживешь у нас денька два-три, сама увидишь, сестра. А я за тобой приду и заберу к себе.

Кшама не могла даже мечтать о подобной радости. Она была вдова и жила одиноко. Во время событий в Джалианвала Баг¹ она лишилась семьи. Мужа и сына принесла она тогда в жертву. Теперь у нее не было близких. И до сих пор сердце Кшамы не могло раскрыться настолько, чтобы сродниться с окружающими ее людьми. Все эти десять лет ее израненная душа искала покоя и поддержки в служении родине. Она работала не щадя сил. Женщина хотела найти и уничтожить причины, разрушившие ее родной дом и семью. Она пожертвовала самым дорогим в мире. И теперь у нее не осталось ничего, кроме сердца. Возможно, другие видят в служении родине лишь дань времени или средство к достижению славы — для Кшамы это был подвиг, и она отдалась ему со всей силой и страстностью женской натуры. Но даже парящая в небе птица помнит о том, что у нее есть гнездо. Кшама была лишена этого прибежища. Поэтому-то временами она так страстно жаждала сочувствия. Познакомившись с Мридулой, она впервые за много лет почувствовала себя счастливой. Но увы! И этот призрак счастья быстро исчез!

— Выйдешь из тюрьмы и забудешь меня,— печально сказала Кшама.— Ведь для тебя это так, мимолетное знакомство, как в поезде. Обещания твои так обещаниями и останутся. Если нам и доведется когда-нибудь встретиться, так ты или вовсе не узнаешь меня, или улыбнешься, кивнешь слегка головой и пойдешь дальше своей дорогой. Так уж повелось! У каждого своего горя хватает, где ему о других плакать. Я ведь для тебя ничего не значу, а ты для меня—многое. Хоть иногда вспоминай обо мне, несчастной, когда будешь дома, среди родных. Нищему дорогá даже горсточка муки.

На другой день было оглашено решение суда. Мридула была свободна. Вечером, прощаясь с сестрами, она плакала так горько, словно уходила из родного дома.

¹ Джалианвала Баг — площадь в г. Амритсаре, где в 1919 г. был произведен расстрел безоружной толпы. Командовал расстрелом английский генерал Дайер.

Прошло три месяца. Мридула ни разу не появлялась в тюрьме. Других заключенных навещали родные, друзья, приносили им еду, подарки. Но никто не справлялся о Кшама. А между тем последнее воскресенье каждого месяца она с раннего утра поджидала Мридулу. Однако время, отведенное для свиданий, истекало, и Кшама, немного поплавав, утешала себя: «Что делать? Таковы все люди!»

Однажды вечером, когда Кшама только что поднялась с колен после молитвы, она увидела идущую навстречу Мридулу. Мридула сильно изменилась: от прежней ее красоты не осталось и следа. Кшама бросилась к подруге, обняла ее и дрожащим голосом начала спрашивать:

— Что с тобой, Мридула? Ты так изменилась! Уж не больна ли ты?

Из глаз Мридулы хлынули слезы.

— О нет, сестрица, я не больна. Несчастье обрушилось на меня. Ты, наверно, сердишься? Ну вот, я пришла искупить все зло, которое совершила. Теперь я свободна от всех хлопот.

Кшама вздрогнула. Из глубины памяти волной поднялось вдруг воспоминание о своей собственной разбитой, словно утлый челн, жизни. Сквозь душившие ее слезы Кшама проговорила:

— Все ли у тебя хорошо, сестра? Почему ты опять здесь? Ведь не прошло еще и трех месяцев.

Мридула слабо улыбнулась, но чувствовалось, что она еле сдерживает рыдания.

— Теперь все хорошо, сестра, теперь всегда будет хорошо... Все заботы исчезли... Я готова прожить здесь до конца дней. Теперь я осознаю цену твоей любви и страдания!

Она глубоко вздохнула и продолжала. В глазах ее стояли слезы.

— О, ты не знаешь, что творится за стенами этой тюрьмы! Позавчера в городе была расстреляна безоружная толпа... В деревнях налог собирают штыками. Денег у крестьян нет, и взять негде. Цены на хлеб падают с каждым днем. Ман пшеницы стоит одну и три четверти рупии. Я молода и не помню, как было раньше, но свек-

ровь говорит, что никогда еще хлеб не был так дешев. С урожая не выручишь и того, что пришлось затратить на покупку зерна для посева. А сколько сил положено на то, чтобы ухаживать за посевами, поливать их. Откуда же взять бедняку крестьянину денег, чтобы внести налог? Правительство издало приказ: взимать налог со всей строгостью. Крестьяне же на все рукой махнули: «Продавайте наше имущество с аукциона, отбирайте дома, землю — воля ваша!» А чиновники вовсю стараются, чтобы показать себя, и какие бы беззакония они ни чинили над крестьянами, правительство все им прощает. Я слыхала, что оно, наоборот, еще больше подстрекает их. Ведь налоги выгодны правительству, и ему нет дела до того, останется крестьянин жив или нет! Многие помещики отказались собирать налог. Теперь на помощь им посланы отряды полиции. Они грабят район Бхайрогандж. Желая спастись, крестьяне бегут, побросав свое добро. Был такой случай: полиция ворвалась в дом одного крестьянина и принялась избивать несчастного. Бедняга молча сносил удары. Но жена его не вытерпела и начала повсюду поносить полицейских. Тогда один из полицейских сорвал с нее одежду... Язык не поворачивается рассказывать, что было дальше, сестра! И так поступают наши же братья! Что может быть позорней и горше этого! Крестьянин влачит полуголодное существование, и труд его так тяжок! Нет силы в его теле, нет отваги в его сердце. Но он все-таки мужчина.

— Несчастный лежал на полу без сознания, — продолжала Мридула. — Вопли жены привели его в чувство. Он вскочил и одним ударом швырнул на землю злодея полицейского. Завязалась драка. Крестьянин посмел грубо обойтись с представителем власти! Это даром ему не прошло: полицейские забили его до смерти.

Мридула замолчала.

— А что, соседи видели это? — тихо спросила Кшамма.

— Сестра, народ в нашей стране умеют избивать по-разному, — с горечью ответила Мридула. — Если, например, соберется толпа человек в двадцать, полиция говорит: «Это бунтовщики!» — и пускает в ход дубинки. А посмей кто-нибудь бросить в них хоть маленький камушек — тотчас гремят выстрелы и люди гибнут. Поэтому крестьяне не отваживаются собираться группами. Но

когда умер тот крестьянин, все жители деревни пришли в ярость. Они окружили полицейских. Наверно, кое-кто пустил в ход дубинку. Полицейские открыли огонь. Двенадцать крестьян было убито и многие ранены. А полицейские отделались лишь легкими ушибами. Да, ничтожные люди часто злоупотребляют своей властью! Истребив половину деревни, полиция под победный бой барабанов с гордостью удалилась. А кто выслушает жалобу крестьянина? Он беден, беспомощен, беззащитен — значит его можно безнаказанно убивать. Крестьяне давно уже перестали надеяться на справедливость судей и чиновников. И, наконец, правительство «помогло». Оно послало полицию, чтобы расправиться с ними. Разве станет оно выслушивать жалобы крестьян? Однако человеческое сердце ищет сочувствия, и крестьяне решили рассказать обо всем происшедшем своим городским братьям. Уж если народ и не сможет помочь им, так он хоть посочувствует, поплачет, выслушав горестный рассказ своих братьев. А как дороги страдающему человеку слезы сочувствия! Если бы люди из соседних деревень собрались и поплакали вместе с ними, то этим они облегчили бы горе бедняков. Но полиция блокировала деревню. Вокруг была поставлена охрана. Это еще более растравило рану крестьян. «Что ж это такое? Побили и даже пожаловаться не дают!» Тогда они подняли трупы убитых братьев и двинулись в город, чтобы рассказать горожанам о своем несчастье. В городе уже знали о случившемся. Волнение охватило людей при виде трупов. И когда начальник полиции запретил похоронную процессию, народ пришел в ярость. Собралась огромная толпа. Там был и мой муж. Как я уговаривала его, сестра: «Не ходи, недоброе чует мое сердце!» Но он отвечал: «Я ни с кем не собираюсь воевать».

Около пятидесяти тысяч человек вопреки приказу властей собрались на похороны. Пятьсот вооруженных полицейских преградили им путь. Конные, пешие, сержанты, офицеры — целая армия! И эти негодяи не постыдились обнажить сабли перед безоружной толпой! А когда, несмотря на неоднократные угрозы полиции, люди все-таки не разошлись, был отдан приказ открыть огонь. Целый час длилась стрельба, целый долгий час! Трудно сказать, сколько там было жертв.

Наш дом у самой дороги. Я стояла на веранде, при-

жав к груди руки и дрожа всем телом. После первого залпа в толпе началось смятение, не помня себя люди кинулись врассыпную. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, сестра! Страшная, ужасная, постыдная картина! Толпа таяла на глазах. Но беглецов сменил новый отряд героев-смельчаков. Они стояли непоколебимо, как скала, и принимали огонь на себя, решив не отступать ни на шаг. Ружейные залпы были отчетливо слышны, и на каждый выстрел толпа отвечала тысячеголосым, сотрясающим воздух «ура». Столько воодушевления, столько притягательной силы, столько энергии было в этом мощном крике, что хотелось броситься вперед, встать под пули и встретить смерть с улыбкой! В тот миг казалось, что умереть — ничего не стоит.

Свекровь была в комнате вместе с Бханом. Она все время звала меня, но я не отвечала. Тогда она, захватив с собой Бхана, вышла на веранду. В эту минуту к дверям нашего дома подошла группа людей, державших в руках носилки. На носилках лежал труп моего мужа. Свекровь взглянула на него и все поняла. Силы, казалось, оставили меня. Свекровь подошла к носилкам, еще раз посмотрела на сына, прижала его к своей груди, поцеловала, благословила и твердыми шагами устремилась к перекрестку, откуда все еще доносились выстрелы и крики «ура». Я стояла как вкопанная, бессмысленно глядя то на удаляющуюся свекровь, то на труп мужа. Ни единый стон не вырвался из моей груди, ни слезинки не упало с ресниц. Жизнь, казалось, ушла из моего тела, сознание покинуло мозг...

— Дошла ли твоя свекровь до перекрестка, где стреляли? — спросила Кшама.

— Да, сестра, в этом-то все и дело! При звуке выстрелов свекровь закрыла уши руками, а при виде крови она почти лишилась чувств. И все же, пройдя через ряды героев, старая женщина встала впереди, но через секунду как подкошенная замертво упала на землю. И тогда терпение людей лопнуло. Узы обета были порваны¹. Люди словно обезумели. Безоружные, они внезапно почувствовали могучий прилив сил, и с криками «ура» толпа бросилась на полицейских. Паника охватила поли-

¹ Здесь имеется в виду учение Ганди о пассивном сопротивлении.

цейских, когда они увидели надвигающуюся на них толпу. Продолжая отстреливаться, они бросились бежать.

Бхан стоял на веранде. И вот какая-то шальная пуля сразила его. Через несколько секунд мой мальчик был мертв... Но глаза мои по-прежнему были сухи. Я подняла моего дорогого сына и прижала к себе. Кровь фонтаном била из его груди. Своей кровью платил он за молоко, которым я вскормила его. Эта кровь пропитала мою одежду. Ее запах пьянил меня. Наверно, даже сидя на свадьбе сына, одетая в праздничный шелковый наряд, влажный от гулала¹, я не испытала бы такого чувства. Детство, юность и смерть! Все эти три этапа завершились в одном судорожном вздохе. Я положила сына рядом с трупом отца. В это время несколько добровольцев принесли мертвую свекровь. На губах ее, казалось, играла улыбка. «Ведь тебя же она не пускала,— промелькнуло у меня в голове,— а сама вот взяла и прыгнула в огонь, словно дорога, по которой она шла, была дорогой, ведущей в рай». Она жила только ради своего сына. Как же могла она оставить его одного?

Когда на берегу реки развели погребальный костер и положили на него три трупа, мое оцепенение прошло, и я вновь обрела рассудок. Мне захотелось самой броситься в этот костер, чтобы вместе с родными предстать перед престолом всевышнего... Но мысль о том, что за всю свою жизнь я не сделала ничего, чтобы заслужить эту столь высокую награду, остановила меня. Я смотрела на пляшущие языки пламени, и мне чудилось, что свекровь сидит с Бханом на руках и улыбается, а рядом с ней стоит муж. «Иди,— говорит он мне,— исполни свой долг!» Лицо его озарялось каким-то сиянием. Так, верно, в крови и огне, рождаются боги!

Я подняла голову. По всему берегу реки пылали многочисленные костры. Казалось, всевышний раздул горн, чтобы выковать в нем судьбу Индии.

Когда костры догорели и подернулись пеплом, мы ушли. Но у меня не хватило мужества вернуться в свой дом. Теперь он перестал быть для меня родным домом. Отныне дом мой — погребальный костер или тюрьма, где

¹ Гулал — красный порошок, растворенный в воде. Им во время праздников люди обрызгивают друг друга.

я теперь. Я даже не открыла дверей старого дома. Я пошла в женский приют. Вчерашние пули сразили многих членов комитета Конгресса. Организацию объявили мятежной. Полиция совершила налет на здание Конгресса и опечатала его. Ворвались они и в женский приют. Он также был опечатан. Тогда мы расположились прямо под деревом и, несмотря ни на что, стали продолжать свою работу. Здесь стены не сковывали нас, мы были свободны, как ветер.

Мы решили провести вечером демонстрацию в память о вчерашних жертвах. Некоторые возражали нам: «Какая польза от такой демонстрации?» Но мы отвечали: «Она докажет, что мы живы, что дух наш тверд, что мы ни на шаг не отступим!» Мы должны были доказать, что нас не запугать ни пулями, ни насилием,— ничто не заставит нас отказаться от своей цели; мы должны были доказать, что намерены уничтожить строй, покоящийся на корысти и пропитанный кровью народа. В ответ на это полиция также сочла необходимым доказать свою мощь: она всячески пыталась остановить демонстрацию. Может быть, народ решил, рассуждала полиция, что вчерашние события пробудили политическое сознание государственных служащих? Наш долг — устранить это заблуждение. Полиция хотела доказать, что она имеет власть над нами и что власть эта незыблема, как бы мы к ней ни относились. Демонстрация была запрещена. Народ предупреждали: «Не ходите на демонстрацию, берегитесь, в противном случае произойдет несчастье!» Но на это народ дал такой ответ, от которого власти долго, вероятно, не смогут опомниться.

Вечером собралась пятидесятитысячная толпа. Мне поручили возглавлять ее. Я чувствовала необычайный прилив сил и энтузиазма. Слабая женщина, не знающая жизни, шагу не ступавшая за пределы собственного дома, я, вместо того чтобы оплакивать своих близких, стала сегодня во главе демонстрации. Этот высокий пост не могли получить ни знатные господа, ни могущественные раджи. Я управляла народными сердцами. Полиция порабощает чиновников, ибо ей платят за это. Рабство желудка заставляет ее делать все. Стремясь извлечь выгоду или опасаясь навлечь немилость на свою голову, подданные не смеют ослушаться приказа раджи. Хотела ли эта огромная толпа извлечь из меня какую-нибудь выгоду,

или боялась, что я причиню ей вред? Совсем нет! Она готова была выполнить мой самый строгий приказ. И это все потому, что народ чтит жертвы, которые я принесла, потому, что в сердце его горела жажда свободы и желание разбить цепи рабства. Меня же они считали живым воплощением этой неугасимой жажды.

Демонстрация началась в назначенный час. Полиция немедленно выдала ордер на мой арест. Я тотчас вспомнила о тебе. Раньше ты нуждалась во мне, теперь мне нужна была твоя помощь. Когда-то ты жаждала моего сочувствия, теперь я прошу пожалеть меня. Но во мне нет сейчас прежней слабости, я свободна от всех уз. Я с радостью приму самое суровое наказание, которое назначит мне судья. Я не буду спорить или упрекать суд в том, что он несправедливо обвиняет меня. Ибо я знаю, что в тюрьме я смогу принести куда больше пользы, чем на свободе. Там можно совершить ошибку, сбиться с пути, пойти на сделку с совестью. Тюрьма же — это крепость почета и поклонения, и за ее порог не может ступить дьявол искушения. Горящий в поле костер теряет на ветру свой жар, но тот же огонь, заключенный в топке паровоза, становится неиссякаемым источником движущей силы.

К ним подошли другие женщины, и Мридула обнялась со всеми. И, сотрясая стены тюрьмы, понеслись в небо крики: «Да здравствует мать Индия!»

ЖЕНА — ГЛАВА СЕМЬИ

1

Мистер Сетх испытывал отвращение ко всему индийскому, а его красавица жена Годавари не переносила ничего заграничного. Но самообладание и скромность являются украшением индийских женщин, и Годавари скрепя сердце все же пользовалась иностранными вещами, которые приносил муж. Тем не менее в глубине души она чувствовала горечь и обиду от сознания собственного бессилия. Когда она смотрела на улицу с балкона своего дома и видела, как многие женщины, одетые в сари из кхаддара¹, проходят мимо, гордо подняв голову, ее душевная боль прорывалась наружу, и она глубоко вздыхала. В эти минуты ей казалось, что нет в мире женщины более несчастной, чем она, — ведь она не может оказать своим соотечественникам даже такой услуги!

Во время вечерних прогулок или когда Годавари по настоянию мужа отправлялась куда-нибудь развлечься, она все время стыдилась своего заграничного платья.

¹ К х а д д а р — грубая домотканая материя. В 1905 г. в Индии началось национально-освободительное движение «свадеши» (буквально «свое производство»); сторонники этого движения, стремясь поддержать национальную промышленность, пропагандировали ручное производство, прежде всего ткачество, и бойкотировали иностранные товары. В знак солидарности с этим движением они носили одежду из кхаддара.

Но когда она читала в газетах пламенные, патриотические выступления женщин, ее глаза загорались, и на некоторое время она забывала, что здесь, в этом доме, она скована желаниями мужа.

...Был день холи, часов восемь вечера. На широкой площади перед домом мистера Сетха остановилась процессия приверженцев движения «свадеш», и вскоре начались торжественные приготовления к сожжению заграничных тканей. Годавари наблюдала за церемонией из окна своей комнаты, и сердце ее сжималось. «Вот они, радостные и счастливые, опьяненные своей свободой и преисполненные гордости, разжигают праздничный костер, а я, как птица в клетке, не могу вырваться на волю,— думала она.— Как мне разбить свои оковы?..»

Она окинула взглядом комнату: ни одной индийской ниточки — все иностранное. Сейчас там, на улице, такие изделия пылают, а здесь они сберегаются в сундуках, постылые, как ее безысходная тоска.

Вдруг Годавари почувствовала, как в душе у нее волной поднимается желание бросить все эти вещи в тот костер, чтобы сгорели они и чтобы вместе с ними, как дым, рассеялись ее печаль и бессилие. Но страх перед мужем снова сковал ее по рукам и ногам.

Внезапно в комнату вошел мистер Сетх.

— Взгляни-ка, эти сумасшедшие жгут ткани,— проговорил он.— Это же безумие и дикость, просто бунт,— других слов не подберешь. Правильно кто-то заметил: нет у индийцев ума и не будет... Видно, ничего тут не поделаешь.

— Ведь ты тоже индеец,— сказала Годавари.

— Да,— раздраженно ответил Сетх.— И постоянно сожалею о том, что родился в этой несчастной стране... Я не хочу, чтобы кто-нибудь называл или считал меня индийцем. Во всяком случае, в своем поведении, в своих манерах и в обращении, даже в одежде, я не допускаю ничего такого, что хоть кому-нибудь дало бы основание называть меня индийцем... Скажи, пожалуйста, если мы можем приобрести превосходную материю по восемь анн за газ¹, то с какой стати покупать эту грубую рогожу?

¹ Газ — мера длины, приблизительно 90 см.

В таких вопросах каждый должен решать по собственному усмотрению... Не понимаю только, почему полиция допускает подобные сборища? Будь это в моей власти, я бы немедленно велел разогнать всех, тогда бы уж они хлебнули у меня горя!

— Неужели тебе нисколько не дороги интересы соотечественников? — почти крикнула взволнованная Годавари. — Скажи, есть ли, кроме Индии, еще такая страна, где господствовали бы чужеземцы? Ведь даже самые маленькие государства и те стремятся освободиться от рабства. Неужели ни одному из индийских чиновников не стыдно, что он, служа англичанам ради ничтожного жалованья, поступает несправедливо по отношению к своим же братьям?

— Я не считаю их своими братьями, — произнес Сетх, нахмутив брови.

— Но ведь то жалованье, которое платит тебе правительство, идет в конце концов из их кармана! — с упреком воскликнула Годавари.

— Мне нет никакого дела до того, из чьего кармана поступает мое жалованье, — возразил Сетх. — Тот, кто дает мне его, является моим хозяином. Остальное меня не интересует. И я не понимаю, что за злой дух вселился в этих безумцев... Говорят, Индия — страна высокой духовной культуры. Но разве эта культура заключается в том, чтобы разрушать установления всевышнего? Как может быть, чтобы такая опромная страна, как наша, находилась во власти англичан без согласия на то всевышнего, когда ни один лист на дереве не шелохнется без его воли? Неужели эти сумасшедшие не имеют ни капли разума, чтобы понять такую простую вещь: пока не пожелает всевышний, никто не посмеет тронуть англичан...

— Ну что же, — прервала его Годавари, — если так, то зачем ты служишь? Всевышний пожелает, и хлеб явится сам собой... А зачем ты бежишь к врачу, когда болеешь, коли все зависит от бога? Нет, всевышний помогает тому, кто сам о себе заботится.

— Все это так; но поджигать свой собственный дом, предавать огню свои вещи — просто недостойное дело, и всевышний никогда не одобрит его.

— Что же, по-твоему, этим людям надо молча терпеть и ждать?

— Нет, они должны плакать — так, как плачут дети, прося молока у матери...

Вдруг ярко вспыхнул костер, и языки пламени взвились к небу. Казалось, сама богиня свободы в огненных одеждах устремилась в объятия к небесным богам.

Сетх захлопнул окно — это зрелище было для него невыносимо. Годавари застыла, словно жертвенное животное, ожидающее заклятия. В это время с улицы слышалась песня:

...Настанет день, и Родина будет счастливой!

Сердце Годавари, преисполненное печали, больно сжалось. Она стремительно распахнула окно и взглянула вниз. Мимо ярко горевшего костра проходил слепой мальчик. Он пел, ударяя в бубен:

...Настанет день, и Родина будет счастливой!

Когда мальчик приблизился к окну, Годавари крикнула:

— Эй, слепой! Подожди-ка!

Мальчик остановился. Годавари бросилась к сундуку, чтобы достать деньги, но в руки ей попала лишь одна пайса... Там были, конечно, банкноты и рупии, но ведь не могла же она дать слепому целую рупию или банковый билет.

Будь там хоть две-три пайсы, она тотчас бросила бы их мальчику; но в сундуке оказалась одна-единственная пайса, и до того потертая, что слуга принес ее с базара обратно: монету не взял ни один торговец. Годавари было стыдно дать эту монетку слепому, и она застыла в нерешительности, зажав пайсу в руке. Затем все-таки окликнула слепого еще раз и кинула ему монету.

— Матушка, дайте мне чего-нибудь поесть, — попросил слепой. — Я с утра ничего не ел.

— Весь день просишь, и ничего тебе не дали?

— Что же поделаешь, матушка, — никто не дает ни корочки...

— Купи себе на эту пайсу поджаренного зерна.

— Обязательно, матушка, да пошлет вам счастья всевышний! Вот сейчас я здесь и устроюсь отдохнуть...

На следующий день Конгресс организовал большой митинг.

А мистер Сетх, почистив зубы заграничной зубной щеткой и порошком, умывшись заграничным мылом, напившись заграничного чаю из заграничной чашки и съев заграничный бисквит с маслом, залив его заграничным же молоком, надел заграничный костюм и вышел из дому, дымя заграничной сигарой. У подъезда он сел на свой мотоцикл и поехал осматривать выставку цветов...

Годавари всю ночь не могла заснуть... Безнадежность и отчаяние хлестали ее сердце, как неумолимый бич. Ей казалось, что внутри у нее какая-то неприятная горечь...

Она строила всевозможные планы, как подчинить Сетха своему влиянию; она делала все, что было в силах женщины в ее положении. Но напрасно: ни кокетливые улыбки, ни заигрывание, ни ласки не производили на этого человека никакого впечатления... Он не только сам не соглашался надеть национальную одежду, но даже ей запретил носить сари из кхаддара.

В конце концов она поклялась никогда и ничего у него не просить. Лучшие чувства ее омрачались гневом и печалью, подобно тому как мутнеет чистая прозрачная вода, когда в нее попадает грязь. Годавари размышляла: «Если он не хочет уступить мне даже в таких мелочах, почему я должна жить по его указке, быть рабыней его желаний? Ведь я не продала ему своей души... А если он сегодня украдет что-нибудь или совершит еще какое-нибудь преступление? Неужели я должна нести за него наказание? Нет, пусть уж сам отвечает за свои поступки, вина будет лежать на нем. Ну, а раз он имеет право действовать и говорить по своему усмотрению, так, значит, и я имею такое же право. И коли он рабски предан правительству, пресмыкается перед англичанами, что ж, и мне поступать так же? Никогда!.. И не моя вина, если у меня в сердце нет любви к человеку, который не уважает себя, который ослеплен одним лишь своекорыстьем...

Кто он — служащий или раб? Ведь между положением служащего и положением раба есть разница: служащий исполняет свой долг в соответствии с установленными законами, которые распространяются как на него, так и на хозяина. И если хозяин позволит себе дерзость или оскорбит служащего, тот не обязан терпеть унижения. Другое дело — раб. Здесь главное не то, что он физически подчинен хозяину, а то, что он раб душой! Вот, например, муж... Ведь правительство не запрещает ему покупать индийские вещи. Наоборот, на государственных марках даже написано: «Покупайте вещи национального производства». Кажется, каждому ясно, что правительство не вводило на них запретов. Но этот господин, чтобы выслужиться, хочет, видимо, перещеголять само правительство...»

Когда мистер Сетх вернулся домой, он примирительно обратился к Годавари:

— Ну как, пойдешь завтра на выставку цветов?

— Нет,— недовольно ответила Годавари.

— Очень красивое зрелище...

— Я иду на митинг Конгресса.

Если б на Сетха обвалилась крыша или он прикоснулся бы рукой к оголенному электрическому проводу, то и тогда он почувствовал бы себя, наверно, лучше, чем в это мгновение. Вытаращив глаза, он воскликнул:

— Что?! Ты пойдешь на конгрессистский митинг?!

— Да, непременно.

— Я не желаю, чтобы ты ходила туда.

— Раз ты не думаешь обо мне, я не обязана подчиняться каждому твоему требованию.

— Но это к добру не приведет,— угрожающе проговорил Сетх.

— Можешь не запугивать, здесь никто не считает тебя всесильным кумиром! — воскликнула Годавари и повернулась к нему лицом, словно подставляя грудь под удар меча.

Мистер Сетх пришел в страшную ярость и начал угрожать жене... В конце концов он надулся и молча лег спать. Утром, уезжая на выставку, он не сказал ей ни слова.

Когда Годавари пришла на митинг, организованный Конгрессом, там уже собралось несколько тысяч мужчин и женщин. Председатель собрания призывал всех выполнить свой патриотический долг и внести вклад в фонд «свадеши». Начался сбор пожертвований. Годавари, стоя среди женщин, наблюдала за происходящим. Большинство из собравшихся вносило по две-три анны. Ведь среди них не было богачей, которые могли бы дать больше. Годавари тоже пошарила в кармане и достала рупию. «Этого будет вполне достаточно», — решила она и стала поджидать, когда сумка с пожертвованиями дойдет до нее.

Вдруг неизвестно откуда появился тот самый слепой мальчик, которому она подала вчера пайсу. Едва сумка с пожертвованиями приблизилась к нему, как он что-то бросил в нее... Все взоры обратились к сумке: людям очень хотелось узнать, что мог пожертвовать этот слепой. Ведь у него ничего нет; хорошо, если перепадет где-нибудь несколько пайс, а то обычно весь день ходит по городу, распевая до хрипоты, а бедняге и куска хлеба не подадут. Если бы он пел в театре под аккомпанемент пишваджа и саза¹, деньги сыпались бы дождем; но кого может тронуть слепой юноша, поющий на улицах...

Бросив монетку, слепой тотчас же отошел, и через некоторое время в отдалении снова звучала его песня:

...Настанет день, и Родина будет счастливой!..

— Посмотрите, друзья, — обратился к народу председатель, — вот пайса, которую бросил в эту сумку слепой. По-моему, эта пайса стоит тысячи рупий какого-нибудь богача. Быть может, в ней заключалось все богатство этого бедного мальчика... Раз нам сочувствуют такие бедняки, я нисколько не сомневаюсь, что правда победит.

Почему среди нас мы видим столько обездоленных нищих? Не потому ли, что общество не дает им работы, не потому ли, что из-за болезней, вызванных невыносимыми условиями существования, они не способны уже

¹ Названия индийских музыкальных инструментов.

выполнять какую бы то ни было работу, или не потому, наконец, что нищенский образ жизни несчастных лишил их последних возможностей к существованию? Ничто, кроме «свараджа»¹, не может спасти этих людей! Прислушайтесь, он поет: «Настанет день, и Родина будет счастливой!..» Сколько чувства в этом страдающем сердце! Неужели и теперь кто-нибудь сомневается в том, что мы представляем голос народа?

И, подняв высоко над головой пайсу, он громко спросил:

— Кто из вас может купить эту драгоценность?

Годавари страшно хотелось узнать, не та ли это монета, которую она дала слепому вчера вечером. Неужели он на самом деле так ничего и не купил поест?

Подойдя ближе к столу, она взглянула на пайсу, и сердце ее забилося... Это была та самая потерянная монетка.

Годавари была растрогана благородным поступком мальчика, его самоотверженностью. Прерывающимся от волнения голосом она сказала:

— Дайте мне эту пайсу, я дам за нее пять рупий.

Председатель громко объявил:

— Одна из наших сестер дает за эту пайсу пять рупий...

— Десять рупий,— раздался чей-то голос.

— Двадцать рупий,— сказал стоявший неподалеку мужчина.

Годавари взглянула на того, кто произнес последние слова. На лице его сияла самодовольная усмешка, словно он хотел сказать: посмотрим, кто тут может померяться со мной. В душе молодой женщины вспыхнуло желание победить этого человека. Будь что будет, а она не уступит ему этой пайсы. Он воображает, что если предложил двадцать рупий, то сразу купил весь мир!

— Сорок рупий! — крикнула Годавари.

— Пятьдесят,— быстро произнес незнакомец.

Тысячи глаз устремились на Годавари, словно говоря ей: теперь вся надежда на тебя...

¹ Сварадж — буквально «свое правление», лозунг о самоуправлении, выдвинутый во время движения «свадеши».

Взглянув на своего противника, она сердито бросила:

— Сто рупий!

Но богатый незнакомец сразу же ответил:

— Сто двадцать!

По лицам людей пробежала тень беспокойства. Они решили, что незнакомец выиграл пари, и с сочувствием смотрели на Годавари. Но когда женщина произнесла «сто пятьдесят», на нее лавиной обрушились аплодисменты; казалось, что зрители приветствуют победу своего любимого борца на спортивном состязании.

Но незнакомец не хотел сдаваться.

— Сто семьдесят пять рупий... — промолвил он.

— Двести рупий! — решительно произнесла Годавари. И снова все радостно захлопали в ладоши, а ее противник счел за лучшее уйти с площади.

Годавари стояла среди ликующей толпы, скрывая под скромной и радостной улыбкой гордость своей победой, а со всех сторон, словно дождь цветов, к ней неслись тысячи дружеских приветствий.

4

Когда же собравшиеся узнали, что эта дама — жена мистера Сетха, у них вместе с чувством радости появилось и сострадание к ней...

Мистер Сетх был еще на выставке, когда один из офицеров полиции сообщил ему о случившемся. Мистеру Сетху показалось, что у него отнялись руки и ноги. Через мгновение, придя в себя, он сжал кулаки и, стиснув зубы, направился к выходу. Не медля ни минуты, он поехал домой. Никогда еще его мотоцикл не несся с такой быстротой.

Едва войдя в дом, он бросил на жену испепеляющий взгляд и закричал:

— Ты что же, хочешь совсем опозорить меня?!

— А ты будешь говорить по-человечески или намерен кричать? — спокойно остановила его Годавари. — Неужели ты не понимаешь, что если твоя честь как-то пострадает, то это отразится и на мне? Случись с тобой беда, кто останется мне опорой?

— Весь город взбудоражен твоим поступком! — воскликнул Сетх. — Зачем ты отдала мои деньги?

— Потому что считаю их и своими, — тем же спокойным тоном ответила Годавари.

— Ни в коем случае! — заскрежетал зубами Сетх. — Ты не имеешь права тратить мои деньги!

— Ошибаешься, — возразила Годавари. — Я имею такое же право тратить твои деньги, как и ты. Вот если ты добьешься принятия закона о разводах¹ и дашь мне развод, тогда я не буду иметь этого права.

Мистер Сетх, швырнув свою шляпу с такой силой, что она упала со стола и откатилась в сторону, продолжал:

— Я очень сожалею, что у тебя не хватает ума. Ты хоть раз задумывалась над тем, к каким последствиям приведет твоя своевольная выходка? Ведь меня начнут расспрашивать на службе. А что я скажу? Отвечай!.. Если известно, что Конгресс выступает против правительства, то помогать ему — тоже значит стать врагом правительства...

— Ты ведь не помогал Конгрессу!

— Но ты помогала!

— Кто будет отвечать за это — ты или я?.. Что же, если я совершу кражу, ты в тюрьму пойдешь?

— При чем тут воровство? Здесь совсем другое дело.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что помощь Конгрессу хуже, чем воровство или грабеж?

— Да, для правительственного чиновника она куда опаснее воровства или грабежа.

— Не могу этого понять...

— Очень плохо, что до сих пор не поняла. Вот ты все читаешь газеты, а тем не менее спрашиваешь у меня... Когда какой-нибудь конгрессист выступает на митинге, за ним следят десятки переодетых полицейских. За деятелями Конгресса неотступно следуют многочисленные шпионы, чтобы наблюдать за каждым их движением. Даже за ворами никогда не следят с такой строгостью. Поэтому-то ежедневно и совершается множество краж, ограблений и убийств, о которых порой никто ни-

¹ Закон о разводах был принят индийским правительством в 1954 г.

чего не знает... И полицию это нисколько не тревожит. Но когда она почует, что дело хоть немного пахнет полицией,— она тут как тут. От генерального инспектора¹ до констебля² — все стараются что есть сил. Правительству воры не страшны: они не подорвут его господства. На его власть покушается Конгресс, поэтому правительство и использует все средства для защиты своих интересов. Все это вполне естественно...

Когда мистер Сетх направился в этот день в контору, ему было не по себе. «Неизвестно, что там, на службе, сегодня...» — размышлял он угрюмо. Придя в контору, он не ругал, как обычно, чапраси, не читал наставлений клеркам, а молча сел на свое место... Ему казалось, что над его головой занесен незримый меч.

Заслышав шум автомобиля, на котором приехал сахиб, Сетх почувствовал, что сердце его замерло.

Обычно он работал у себя в кабинете и шел к сахибу с докладом через полчаса после его прибытия. Сегодня же, когда сахиб вышел из машины, Сетх уже стоял на веранде и низко кланялся, приветствуя хозяина. Но сахиб отвернулся.

Однако Сетх не смутился и, пройдя вперед, откинул перед сахибом занавеску на дверях; затем, когда тот вошел в комнату, включил вентилятор. Все время он с трепетом думал: «Скоро ли, наконец, на меня обрушится меч?» Едва сахиб уселся в кресло, Сетх быстро подал ему коробку с сигарами и спички.

И вдруг ему показалось, будто небо расколосось над ним: голосом, полным ярости, сахиб закричал: — Вы вероломный человек!

Сетх взглянул на хозяина, словно не понял, о чем тот говорит.

Сахиб снова со злобой повторил:

— Вы вероломный человек!

Кровь ударила в лицо Сетху, но он спокойно ответил:

— Мне казалось, что в этой стране вряд ли можно найти более преданного человека, чем я.

¹ Генеральный инспектор — один из высших полицейских чинов в период английского правления Индией.

² Констебл — полицейский (англ.).

— Вы — предатель!

Лицо мистера Сетха побагровело, однако он сдержался:

— Напрасно так говорите, сахиб-джи.

— Вы — отродье дьявола! — услышал он в ответ.

Глаза мистера Сетха засверкали гневом.

— Предупреждаю вас, я не привык выслушивать подобные оскорбления... — начал он.

— Молчать, негодяй! Не для того правительство платит вам пятьсот рупий в месяц, чтобы вы через вашу жену помогали Конгрессу! Совсем не для этого платят вам деньги!

Сетх решил, что теперь наступил подходящий момент для оправданий.

— Уверяю вас, — начал он, — что моя жена, отдав деньги Конгрессу, поступила против моей воли. Я в это время был на выставке цветов; купил там за пять рупий букет у мисс Фрэнк, потом вернулся домой — и только тут узнал эту новость.

— О! — прервал его сахиб. — Да ты еще хочешь провести меня!

Едва это подозрение словно молния мелькнуло в голове сахиба, как он разъярился еще больше. Какой-то туземец, и осмеливается дурачить его! Его, который является хозяином в Индии! К нему на поклон приезжают крупные помещики, знаменитые богачи делают подношения его чиновникам, и вдруг какой-то туземец пытается сделать его посмешищем! Нет, этого он не потерпит!

И, схватив со стола линейку, сахиб швырнул ее в Сетха.

Но тот тоже оказался не из робких. Обычно он всячески заискивал перед сахибом, но подобного унижения он не мог перенести. Подняв линейку, Сетх отступил на шаг и ударил сахиба по лицу с такой силой, что у того в глазах потемнело...

Сахиб не ожидал такого отпора. Ведь ему не раз приходилось убеждать, что туземцы — народ мирный, робкий и тихий, а перед европейцами они, казалось ему, вообще не смеют слова произнести, а тут...

Сидя в кресле, сахиб вытирал с лица кровь. Он не осмеливался продолжать ссору, но в душе уже злорадствовал и строил всевозможные планы отмщения.

А мистер Сетх, вернувшись в свою комнату, начал обдумывать создавшееся положение. Он совершенно не раскаивался в своем поступке, он даже был доволен своей смелостью... «Подумайте, какая подлость! Швырнуть в меня линейкой! — размышлял он. — Подумаешь, запугать хотел! Вот мэм-сахиб ездит с приятелями на прогулки, так это ничего, ей он не решается сказать... А на меня напустился... Наверно, сейчас же побежит к комиссару. Теперь он не отстанет, пока не добьется моего увольнения... И во всем виновата Годавари. Вот уж опозорила так опозорила. Теперь и на хлеб-то не будет хватать... Меня, конечно, никто и не спросит. Сразу же пришлют приказ об увольнении. А где его обжаловать? Секретарь министерства, правда, индеец, но он еще больше англичанин, чем они сами. Министр внутренних дел тоже индеец, да и он — раб англичан. Стоит ему услышать о пожертвовании Годавари, как его затрясет словно в лихорадке. Итак, надеяться на справедливость нечего, самое лучшее — уйти отсюда...»

Он быстро написал заявление об уходе и отослал его сахибу. Тот не замедлил наложить свою резолюцию: «Уволить».

5

Когда мистер Сетх понутив голову вернулся в полдень домой, Годавари спросила:

— Почему ты сегодня так рано?

— Произошло то, чего ты все время так упорно добивалась, — проворчал он, взглянув на нее сердито. — Теперь плачь, хватайся за голову!

— В чем дело? Объясни как следует!

— В чем дело? — сверкнул глазами Сетх. — Так вот: я ударил сахиба и уволился с работы.

— Но почему ты так поспешил с уходом?

— А что же прикажешь делать — ждать, пока он меня загрызет? Если уж из-за тебя создалось такое положение, то все равно не сегодня, так завтра пришлось бы уйти с работы.

— Ну что ж, все, что произошло, к лучшему. С сегодняшнего дня и ты будешь участвовать в движении Конгресса.

— Только уж не стыди меня больше, не растравляй ран,— проговорил Сетх, покусывая губы.

— Ну что ты! Я очень рада, что ты освободился от этих оков...

— А ты подумала, как быть дальше?

— Я все обдумала, вот послушай... Ты будешь теперь выполнять то, что я тебе скажу. До сих пор я слушалась тебя во всем, отныне ты будешь следовать моим указаниям. Я ведь ни на что не жаловалась тебе: послушно ела все, что ты приносил; носила все, что ты покупал. Захотел бы ты, я жила во дворце, захотел бы — жила в лачуге. Теперь настал твой черед: будь послушным и делай то, что я тебе скажу... А там увидишь — все пойдет хорошо! Величие человека заключается не в хорошей заграничной одежде или украшениях; велик тот, чья душа чиста... До сих пор ты был моим повелителем, теперь я буду главой семьи.

Сетх ласково посмотрел на жену и рассмеялся.

МАЙКУ

1

Подойдя к кабачку, Майку и Кадир увидели стоявших у дверей добровольцев Конгресса. Один из них держал флаг. Вокруг толпились многочисленные зеваки.

Вечерело. В такое время трудно встретить на этой улице кого-нибудь, кроме пьяных; порядочные люди боялись проходить здесь.

Гуляки небольшими группами все подходили к кабачку. Неподалеку вертелось несколько проституток.

Взглянув на толпу, Майку сказал:

— Э, сегодня здесь собралось много народу. Сотни две-три наберется.

Ослабившись, Кадир ответил:

— Ты что, испугался их, что ли? Да здесь в один миг никого не останется — они только поглазеть пришли, а быть битым никому не хочется.

Озабоченно оглядываясь по сторонам, Майку проговорил:

— И полицейские откуда-то взялись. А ведь тхикедар¹ уверял, что полиция не будет вмешиваться...

— Да брось ты, — продолжал Кадир, — полиция и не подумает вмешаться. Чего тебе бояться? Ты же

¹ Т х и к е д а р — подрядчик; здесь: хозяин кабачка.

знаешь, что она вмешивается только тогда, когда можно заработать несколько пайс или когда дело идет о женщине. А такими пустяками полиция не занимается. Полицейские еще сами подстрекать начнут — ведь они получают от тхикедара каждый год сотни рупий. Именно сейчас они ему и помогут.

— Наши десять рупий, считай, уже в кармане, — сказал Майку, — да и выпить, пожалуй, перепадет. Правда, я слышал, что среди добровольцев есть очень богатые люди, — как бы они потом не взялись за нас.

— Ну кто тебе будет мстить? — возразил Кадир. — Чего ты боишься? Эти добровольцы ни на кого руки не поднимают, даже если их бьют. Разве смог бы иначе десяток полицейских разогнать тогда десять тысяч человек! Четверо добровольцев навсегда остались лежать на дороге, но никто даже не пытался сопротивляться. Их вождь Махатма¹ — святой человек, он учит: молча переноси удары, в драку не вступай.

Когда Майку и Кадир подошли к дверям кабачка, навстречу им вышел один из добровольцев.

— Братья, — почтительно сложив руки, сказал он, — ваша вера запрещает вам пить вино...

В тот же момент доброволец получил от Майку такую затрещину, что у него в глазах потемнело. Казалось, он сейчас рухнет на землю, но его поддержал товарищ. На щеке добровольца горело красное пятно. Однако он не тронулся с места.

— Уйди отсюда, — сказал Майку, — а то еще попадет.

— Вы можете меня бить, если вам хочется, — покорно сказал доброволец, — но только не входите в кабак.

Сказав это, он уселся на ступеньку, загородив собою вход.

Майку взглянул в его лицо и увидел на нем отпечатки своих пальцев. Много раз видел он головы, разбитые своей палкой, но никогда не испытывал такого раскаяния, как сегодня.

Багровые следы пальцев на лице добровольца казались стрелами, и эти острые стрелы вонзались в сердце Майку.

Кадир курил, стоя поодаль с полицейскими.

¹ Махатма — Махатма Ганди.

— Что ты смотришь на него! — крикнул он Майку. — Дай ему еще!

— Встань, парень, — сказал Майку добровольцу, — дай пройти.

— Ну что ж, — покорно ответил тот, — вы можете наступить на меня.

— Пусти, говорю, — настаивал Майку. — Я не собираюсь пить вино, у меня там дело есть.

Он сказал это так уверенно, что доброволец встал и отошел в сторону. Майку, усмехнувшись, взглянул на него.

— Надеюсь, вы сдержите слово, — почтительно сложив руки, сказал доброволец.

— От пинка и черт бежит, — сказал один из полицейских. — А этому и пощечины хватило.

— Эту пощечину он вовек не забудет, — добавил Кадир. — Всем известно, как бьет Майку.

— Сегодня их всех надо так избить, чтобы они и дороге сюда забыли, — сказал полицейский.

— Ручаюсь, что они никогда больше сюда носа не сунут, — произнес Кадир, — но они смелые ребята, всегда идут на риск.

2

— Входи, входи, уважаемый! — услышал Майку радужный голос хозяина кабачка. — Что с тобой случилось? Почему ты стукнул его только один раз? Разве их может научить одна пощечина? Ведь этих людей сколько ни бей — все равно никакого толку. Ты им сегодня руки и ноги переломай, чтобы больше не совались сюда.

— Ты думаешь, остальные добровольцы не придут? — спросил Майку.

— Ну, если и придут, всем им плохо будет.

— А если они меня начнут бить палками, тогда что?

— Тогда полиция быстро разгонит их, — ответил тхикедар. — Выпей-ка бутылочку. Я сегодня угощаю.

— А эти все тоже даром пьют?

— Ничего не поделаешь. Никто не заходил, а когда услышали, что я сегодня за вино не беру денег, все повалили валом.

— Я сегодня пить не буду, — сказал Майку.

— Почему так? — удивился тхикедар. — А я специально для тебя посылал за свежим тари¹.

— Ну и зря, сегодня у меня нет желания пить. Принеси-ка лучше какую-нибудь палку, — руками драться плохо.

Хозяин быстро подал ему крепкую дубинку и встал у дверей, предвкушая интересное зрелище. Взвесив дубинку на руке, Майку неожиданно подскочил к хозяину и нанес ему такой удар, что тот согнулся пополам и упал в дверях.

После этого Майку обрушил град ударов на посетителей кабачка. Без разбору избивал он всех своей дубинкой.

Моментально отрезвев, они в панике кинулись к дверям, но, наткнувшись на лежавшего там хозяина, бросились назад. Тогда снова заработала палка Майку. В кабачке поднялось смятение. Люди метались из угла в угол и, топчя хозяина, один за другим вылетали из кабачка. У одних были сломаны руки, у других разбиты головы, третьи не могли разогнуть спину. Вскоре в кабачке не осталось ни души.

Послышался треск разбиваемых кувшинов. Заглянувший внутрь доброволец увидел, что Майку, разделавшись с пьяницами, принялся за посуду.

— Брат мой, — сказал доброволец, — дорогой брат мой, зачем вы совершаете это насилие? Лучше излейте свой гнев на нас.

Но Майку уничтожил все оставшиеся бутылки и кувшины, затем подошел к хозяину, пнул его ногой и вышел на улицу.

— Что ты сделал? — спросил Кадир. — Ты, наверно, с ума сошел! Разве мы за этим сюда пришли?

— Благодарение аллаху, что я не сделал того, за чем пришел, — глядя на Кадира налившимися кровью глазами, ответил Майку. — Если ты можешь это сделать, бей добровольцев, а у меня нет на это силы. Я до сих пор жалею, что ударил добровольца. След этой пощечины навсегда отпечатался в моем сердце. Я готов отдать жизнь для спасения других от греха. Майку — скандалист, драчун, хулиган, но не подлец и не трус. Можешь

¹ Т а р и — пальмовое вино.

сказать полицейским — пусть они арестуют меня, если хотят.

Стоявшие неподалеку пьяницы, почесывая затылки, испуганно смотрели на Майку. Сказать ему что-либо у них не хватало смелости.

Взглянув на них, Майку проговорил:

— Завтра я опять приду сюда. Увижу кого-нибудь из вас — избыю. Я не боюсь ни тюрьмы, ни виселицы. Если вы порядочные люди, вы не забредете сюда даже по ошибке. Эти конгрессисты — не враги вам. Они не дают вам пить вино, заботясь о вас и ваших детях. На те деньги, которые вы пропиваете, лучше купите детям молока и масла. Дома у вас голод и жены ваши плачут, а вы сидите здесь и пьянствуете. Будь оно проклято, это пьянство!

Майку отбросил дубинку и широким шагом направился к своему дому. Множество людей, собравшихся около кабачка, смотрело на Майку с уважением, любовью и гордостью.

РАТНЫЙ ПУТЬ

1

Сегодня в деревне с самого утра царит оживление. Даже глинобитные хижины и те, кажется, улыбаются. В деревне ждут отряд добровольцев, участников «сатьяграхи». Около дома старосты Кодан натянули навес, и крестьяне приносят туда муку, масло, овощи, молоко, простоквашу. На лицах у всех радость, ликование, восторг. Даже пастух Бинду, который всегда прятался, когда в деревню приезжало начальство и посылали к нему за молоком, сегодня сам пришел с двумя большими кувшинами молока и простокваши. Горшечник, тоже убегавший в подобных случаях из дому, на этот раз предоставил деревне все свои запасы глиняной посуды. Деревенский цирюльник, носильщики — все спешили к дому старосты, готовые на услуги. И если был в деревне кто-нибудь печален, так это тетушка Нохри. Она сидела у двери своей хижины и, глядя старческими, подслеповатыми глазами на всеобщее оживление, горевала... У нее, семидесятипятилетней старухи, нет ничего, что она могла бы принести к дому Кодан и сказать: «А вот это от меня!» Она сама живет подаением.

Правда, знала и она хорошие времена. Были и у нее когда-то и деньги и друзья. Вся деревня считалась с ней. Кодан против нее и пикнуть не смел. Хоть она и женщина, а ни в чем не уступала мужчине. Муж ее, бывало,

дома спит, а она идет в поле — урожай сторожить. Если же случалось в суд обращаться — она тоже всегда действовала сама. Денежные дела, расчеты с должниками — все было в ее руках. Но бог лишил Нохри всего: не стало ни денег, ни близких. Осталась она одна, и теперь ее удел — оплакивать прошлое. Глаза ее еле видят, уши не слышат, сдвинуться с места и то трудно. Кое-как доживает она свои последние дни.

А у Кодаи дела пошли в гору. Теперь кругом только и слышно: «Надо спросить у Кодаи», «Кодаи посоветовал...» Вот и сегодня — народ собирается у дома Кодаи, а старая Нохри — никому не нужна.

Так думала одинокая старуха, и на сердце у нее было тяжело, словно его придавили огромным камнем... «О всевышний! — сетовала Нохри. — Если бы ты не сделал меня такой убогой, я сегодня заново обмазала бы хижину, наняла бы музыканта, наготовила сладостей, напекла сдобных лепешек, а когда гости поели бы, подарила им целую пригоршню денег!»

Ей вспомнился тот день, когда она вместе со своим стариком отправилась за двадцать косов только для того, чтобы повидать Махатму Ганди. Такое же чувство ликования, святой любви и благоговения бурным потоком плескалось в ее сердце и сегодня, подобно тому как в сезон дождей благодатные клубящиеся тучи стремительно заволакивают небо.

Подошел Кодаи и прошамкал беззубым ртом:

— Сестрица, нынче к нам придет от Махатмы отряд. Ты дашь что-нибудь для него?

Нохри метнула на старосту гневный взгляд. Злодей! Он пришел нарочно, чтобы потешиться над ней, унижить ее! И она высокомерно ответила:

— Я сама отдам им то, что хочу. С какой стати я должна тебе показывать?

Кодаи улыбнулся:

— Я никому не скажу! Правда, сестрица, доставай-ка потайной горшочек! До каких пор ему лежать? Ты подумай: никто ничего не приносит! Осраимся всей деревней!

— Ладно, братец, не сыпь соль на болячку, — резко и решительно проговорила старуха. — Если бы всевышний оставил мне хоть что-нибудь, тебе не пришлось бы напоминать. У меня раньше всякие люди бывали: и свя-

тые, и аскеты, и важные господа. Да только, видишь, времена меняются!

Кодаи смутился. Морщины на его лице, казалось, ожили, поползли.

— Да ты не сердись, сестрица! Я ведь пошутил. Я к тому только сказал, чтобы ты потом не говорила, будто ничего, мол, не знала.

Кодаи ушел. А Нохри, сидя на том же месте, смотрела ему вслед. Нет, она не могла равнодушно отнестись к такой насмешке, ведь нельзя же остаться спокойным, увидев возле ног змею!

2

Нохри все еще сидела у своей хижины, как вдруг по улицам разнеслось: «Идут! Идут!» С западной стороны к деревне приближалось облако пыли. Казалось, сама земля радостно приветствует этих путников, щедро осыпая их, словно цветочной пылью, своей пылью. Все мужчины и женщины побросали дела и побежали встречать гостей. Вскоре из облака пыли показался трехцветный национальный флаг, он развевался на ветру, и всем почудилось, будто сама Независимость благословляет их со своего высокого трона.

Женщины запели приветственную песню.

Теперь уже можно было разглядеть и добровольцев. Они шли колонной по два. На каждом была рубашка из кхаддара, на голове — шапочка Ганди¹, на боку — сумка, но руки оставались свободными, словно они приготавливались обеими руками взять свободу. Добровольцы пели. Мужественно звучали их голоса. Они пели патриотический гимн, и он будил, звал, заставлял трепетно биться сердца.

Когда-то велик был наш славный народ.
Теперь — мы презренными стали.
Отчизна была нам дороже, чем жизнь,
Теперь — мы презренными стали.

¹ Шапочка Ганди — небольшая белая шапочка в форме пилотки; в прошлом — головные уборы заключенных английских тюрем в Индии. В память Ганди, которого английское правительство несколько раз сажало в тюрьму, такие шапочки носят многие члены партии Индийский Национальный конгресс.

Крестьяне побежали навстречу отряду. Бедные путники пропылились, устали, губы у них запеклись, лица почернели, но в глазах, казалось, сверкал огонь свободы.

Женщины пели, детишки радостные бегали вокруг, а мужчины обмахивали пришедших краями своей одежды.

В этой суматохе о Нохри никто и не вспомнил, а она, опираясь на палку, стояла позади всех, как воплощенное благословение. В уголках глаз сверкали слезы, лицо сияло гордостью, словно она была царицей, словно эта деревня — ее собственность, а все эти юноши — ее сыновья. Никогда прежде не ощущала она в себе таких сил, такой радости и такого подъема.

Неожиданно Нохри отбросила палку, выпрямилась, словно вместе с палкой она отбросила бремя старости и печалей, и протиснулась сквозь толпу. Встав перед гостями, она какое-то мгновение ласково всматривалась в лица борцов за свободу, будто всем своим существом впитывая их воодушевление, а потом вдруг начала плясать, плясать так, как пляшет красивая, молодая женщина, опьяненная любовью и счастьем. Люди раздвинулись, образовали небольшой круг, а старуха все плясала и плясала. Да, плясать она, видно, была мастерица... В порыве неопишуемой радости Нохри забыла о всех своих печалях и страданиях. В ее дряхлом теле, прежде немощном и больном, неизвестно откуда появились необыкновенные живость и гибкость.

Сначала люди смотрели на нее с усмешкой, как смотрят дети на пляшущую обезьяну, но постепенно очищающий поток ее неподдельного восторга увлек и их. Собравшимся начало казаться, будто вся природа вокруг закружилась в могучей, всепокоряющей пляске.

— Хватит! Хватит, сестрица! — окликнул старуху Кодаи.

Не останавливаясь, Нохри ответила ему:

— А ты чего стоишь? Ну-ка, иди, я посмотрю, как ты плясешь!

— Да где уж мне, старику, теперь плясать!

Нохри остановилась:

— Неужели ты и сегодня все так же стар? А вот от меня будто и старость сбежала. Да разве тебе не радостно видеть таких героев? Ведь это они взяли на себя обет избавить нас от невзгод! Нас, чьи руки покрылись

мозолями от господского бегара¹, чьи уши вдоволь на-
слышались ругательств и угроз. Теперь таких насилий не
будет!.. Так разве можем мы с тобой оставаться стари-
ками?

Как подводит брюхо — нам хорошо известно. Скажи
по совести: вон сколько здесь людей, а есть ли среди них
хоть один, кто досыта ел хлеба за последние полгода?
Пришлось ли кому-нибудь хоть понюхать топленого
масла? Выспаться вволю?.. За поле ты платил раньше
три рупии аренды, а теперь за него же платишь девять-
десять. Не золото же земля родит? От такой работы даже
кости трещат. А мы терпим и живем. Был бы кто другой
на нашем месте, так давным-давно либо разнес все это
в пух и прах, либо погиб бы сам. Спасибо Махатме
Ганди и его ученикам, что понимают страдания бедняков
и стараются помочь нам. А уж мы-то знаем, как себя не
жалеть, как свою кровь проливать.

Лица добровольцев светились радостью, сердца на-
полняли гордость и отвага. Они вдохновенно запели:

Когда-то прекрасной отчизна была,
И снова мы к жизни восстали!..

8

У дома Кодан, где пылали факелы, собрались не
только местные жители, но и люди из окрестных дере-
вень. Добровольцев накормили. Затем начался митинг.
Заговорил руководитель отряда:

— Братья! Прием, который вы сегодня нам оказали,
вселяет в нас надежду, что опутывающие нас оковы
скоро падут. Я видел много стран Востока и Запада
и с уверенностью могу сказать, что ни в одном государ-
стве мира нет такой простоты, такой честности, такого
трудолюбия и благочестия, как среди вас. Скажу даже
больше — вы не люди, вы настоящие боги! Вы далеки
от наслаждений, вы не нуждаетесь в губительных напит-
ках. Ваш идеал — делать свое дело и довольствоваться
скромным положением. Однако эти ваши достоинства
и кротость губительно сказываются на вашей же судьбе.

¹ Бегар — род барщины.

Не обижайтесь на меня, но вы не годитесь для жизни в этом мире. Вам надо было родиться на небесах.

Арендная плата за землю поднимается все выше, как вода в канаве в сезон дождей, а вы хоть бы пикнули! Чиновники вас обирают, вы же и рта не раскрываете! Все вас грабят без зазрения совести, но вы словно и не замечаете этого. Вас лишают заработка, вам готовят гибель, а вы и ухом не ведете.

Раньше миллионы наших братьев сами пряли, сами ткали себе одежду и жили неплохо. Теперь все ткани ввозятся из-за границы. Раньше миллионы людей добывали соль здесь. Теперь соль везут к нам из других стран. Добывать соль на своей земле стало преступлением. И в то время как у нас в Индии соли столько, что хватит всему миру лет на двести, вы платите за нее семьдесят миллионов рупий! У нас полно соли на солончаках, в озерах, но вам даже дотронуться до нее не разрешают. Пожалуй, скоро и на ваши колодцы налог установят! Неужели вы и теперь все еще будете терпеть подобный произвол?

— А что поделаешь? — раздался голос из толпы.

— Вот именно в этом и кроются ваши ошибки. Вы не понимаете, что сами являетесь хозяевами над всеми этими огромными армиями, над важными чиновниками. Ведь такая большая империя, как ваша, только и держится-то на ваших плечах. И все-таки вы мрете с голоду, терпите несправедливости. А все потому, что вы не знаете своих собственных сил! Поймите: человек, который не может себя защитить, всегда будет жертвой другого, корыстного и несправедливого. Ныне самый великий в мире человек ради вашего счастья рискует своей жизнью! Тысячи юношей не задумываясь готовы положить конец вашим страданиям. Но разве захотят когда-нибудь выпустить жертву из своих лап те, кто, видя вашу беспомощность, без всякой жалости грабят вас? Что ж, пусть творят они всяческие насилия и над вашими заступниками! Мы готовы вынести все. Подумайте же теперь, будете ли вы помогать нам? Захотите ли, как и подобает мужчинам, защищать себя от несправедливости, или, как трусы, будете сидеть и проклинать свою судьбу? Такого случая, пожалуй, больше никогда не представится, и если сейчас упустите его, всегда будете жалеть.

Мы боремся за правду и справедливость. Поэтому и драться мы должны оружием правды и справедливости. Нам нужны такие храбрецы, которые изгонят из своих сердец злобу и мысль о насилии, которые все вытерпят, всецело уповая на всевышнего. Скажите же, поможет ли нам кто-нибудь из вас?

Никто не оговаривался. Стояла тишина.

4

Вдруг раздались крики:

— Полиция! Полиция!

В сопровождении группы полицейских появился инспектор полиции. Он приближался к толпе. Собравшиеся глядели на него испуганными глазами, сердца их сжались, они мучительно старались придумать, как избежать напасти.

— А ну, разогнать сейчас же этих негодяев! — приказал инспектор.

Полицейские схватились за дубинки, но прежде чем они успели пустить их в ход, толпа пришла в смятение. Перепуганные люди разбегались в разные стороны. Через несколько минут у дома Кодаи не осталось никого из крестьян, только по-прежнему стоял на своем месте руководитель отряда да сидели добровольцы. Не убежал и староста Кодаи. Он сидел недалеко от руководителя, устремив в землю неподвижный взор.

Инспектор сурово поглядел на старосту.

— Эй ты, Кодаи! Как ты осмелился принимать у себя этих негодяев? — крикнул он.

Кодаи метнул гневный взгляд на инспектора, но сдержался и молча снес оскорбление. О, если бы на нем не висело бремя домашних и всяких иных забот! Уж он сумел бы дать инспектору достойный ответ! В это мгновение его собственное хозяйство, которому он, Кодаи, отдал пятьдесят лет жизни, внушало ему отвращение, словно ядовитая змея.

Кодаи не успел ответить, как вперед выступила Нохри.

Видно, красный тюрбан так вскружил тебе голову, что ты по-человечески и говорить-то разучился, — обратилась она к инспектору. — Разве Кодаи тебе слуга, что

ты на него так орешь? На наши деньги живете, да нам же и грозите? И не стыдно? — Нохри дрожала, как дрожит жаркое марево в полдень.

Инспектор на мгновение смутился, но, немного подумав, счел ниже своего достоинства отвечать женщине и, повернувшись к Кодаи, спросил:

— Это еще что за чертовка? Если бы я не боялся бога, тотчас же вырвал бы ей язык!

Опершись на палку и сердито глядя на инспектора, старуха проговорила:

— Ты бога не поминай, не хули его. Ведь твой-то бог — не наш. Твой бог — начальники, которым ты пятки лижешь. Утонуть бы тебе в поганой луже! — злобно крикнула она. — Да знаешь ли ты, кто эти люди, что пришли к нам? Они ради нас, бедняков, готовы жизни свои отдать, а ты называешь их негодяями! Сам-то хорош! Живешь взятками, водишься с картежниками, покрываешь воров и бандитов, вымогаешь у честных людей, а господам своим угождаешь. Да как смеешь ты называть их негодяями?..

Услышав смелые слова Нохри, попрятавшиеся было крестьяне снова начали собираться. Когда инспектор увидел, что толпа растет, он бросился на собравшихся с плеткой. Люди снова разбежались. Один из ударов пришелся по Нохри; ей показалось, будто пламенем обожгло спину, в глазах потемнело... Собрав последние силы, она закричала:

— Дети, зачем бежите? Разве вы пришли сюда пировать или смотреть представление? Вы — презренные трусы! Потому-то они и стали такими храбрецами. Доколе вы будете терпеть ругань и побои?

Один из полицейских изо всех сил толкнул старуху, и она уже совсем было упала, когда подскочивший Кодаи поддержал ее. Он повернулся к полицейским.

— Зачем же вы так... со старухой? Неужели вы действительно превратились в рабов и перестали быть мужчинами? Не к лицу мужчинам нападать на женщин, на старух, на безоружных!

Сидя на земле, Нохри сказала:

— Будь они мужчинами, разве стали бы они рабами? О всевышний! Неужто наши люди могут быть такими бессердечными? Ну, англичане жестоки — это другое дело. У них власть. А вы! Вы слуги у них, и власти вам

не видать... Правду говорят, что паршивый пес и обглоданной кости рад. Вам бы только деньги платили, а уж сечь людям головы вы всегда готовы.

Теперь инспектор обрушился на руководителя добровольцев.

— Кто велел вам идти в эту деревню?

— Бог! — спокойно ответил руководитель.

— Вы нарушаете спокойствие народа!

— Если объяснять народу его положение означает возбуждать его, тогда действительно мы нарушили спокойствие народа.

Те, кто убежал, начали понемногу возвращаться. Кодаи, печально глядя на них, дрожащим голосом произнес:

— Братья, ведь вот сегодня собрались здесь люди из многих деревень. Так неужто мы можем спокойно терпеть от инспектора такие оскорбления? Кому жаловаться на него? Начальству? Да разве оно станет нас слушать? Нет, конечно! Не станут слушать нас. Если даже убьют всех, и то им с рук сойдет! Вот она, наша честь! Эх, пропади пропадом такая жизнь!

Толпа замерла, словно поток, остановленный плотинной. Неожиданно пропал страх, дымом окутывавший сердца людей. Суровыми стали лица. Заметив настроение толпы, инспектор быстро вскочил на лошадь и приказал арестовать Кодаи. Два полицейских подошли к старосте и схватили его за руки.

— Не беспокойтесь, я никуда не убегу, — сказал Кодаи. — Пойдемте. Куда идти?

Как только Кодаи пошел за полицейскими, оба его сына, а с ними еще несколько человек, кинулись, чтобы отбить старика. Охваченная бурными чувствами толпа сгрудилась вокруг полицейских.

— Разойдись! — закричал инспектор. — Стрелять буду!

Но толпа ответила на угрозу криками: «Да здравствует Индия-мать!» — и еще несколько шагов подалась вперед.

Увидев, что спастись, пожалуй, будет трудно, инспектор заговорил вежливо:

— Господин руководитель, эти люди настроены очень мятежно. Это может плохо кончиться.

— Нет. До тех пор, пока хоть один из нас находится здесь, никто не осмелится поднять на вас руку. У нас

нет вражды к вам. И мы и вы одинаково страдаем под одной и той же пятой. Наше общее несчастье, что мы с вами во враждебных лагерях,— ответил руководитель и обратился к крестьянам: — Братья! Я сказал вам, что наша борьба — это борьба за справедливость и законность. Поэтому и бороться нам надо оружием справедливости и законности. Мы не должны выступать против своих же братьев. Воевать нам не нужно ни с кем. Если бы на месте инспектора был англичанин, то и тогда мы защищали бы его точно так же. Инспектор арестовал старосту Кодаи. Я считаю это счастьем для Кодаи. Да будут счастливы все, кто страдает в борьбе за свободу. Не нужно огорчаться или озлобляться из-за этого. Отойдите и дайте полиции уйти.

Инспектор и полицейские пошли, уводя с собой Кодаи. Вслед им снова загремел победный клич толпы: «Да здравствует Индия-мать!»

Кодаи в ответ крикнул:

— Прощайте, братья! Стойте твердо! Волноваться нечего. Всевышний — всем владыка!

Его сыновья со слезами на глазах робко обратились к отцу:

— Дада, скажи хоть, что нам делать?

— Уповайте на всевышнего и поступайте так, как подобает мужчинам,— ответил Кодаи, подбадривая их.— Страх — корень всех зол. Изгоняйте его из души, и тогда с вами никто ничего не сможет сделать. Правду никогда не победить!

Никогда прежде не ощущал Кодаи в себе такого бесстрашия, как в тот момент, когда его схватили полицейские. Тюрьма и виселица вселяли в него сейчас не страх, а гордость. Впервые, именно сегодня, понял он правду, и ему казалось, что она, как панцирь, защищает его.

5

После ареста Кодаи крестьян мучил стыд. Их старосту схватили у них на глазах, а они ничего не сумели сделать, чтобы отстоять его! Как теперь смотреть друг другу в глаза? Люди глубоко страдали, настроение у всех было такое, будто деревню дочиста разграбили...

Неожиданно заговорила Нохри:

— Что же теперь стоять да горевать? Видели, каково нам приходится? Или еще мало? Не убедились разве, что нами правит не закон, а дубинка? А мы-то хороши! Совсем потеряли стыд: видим такой позор и молчим. Если бы мы не были такими жадными, такими трусливыми, разве посмели бы нас бить плетью? До тех пор, пока вы будете оставаться рабами и прислуживать хозяевам, вас будут кормить соломой и мякиной. Но чуть начнете брыкаться, сразу же на ваши спины посыплются удары. Доколе вы будете терпеть эти побои? До каких пор вы, как мертвецы, будете отдавать себя на растерзание стервятникам? Покажите же, что и вы живые люди, что и вам дорога собственная честь. Ведь вы лишитесь собственного достоинства, и смысла никакого не станет в том, что будете трудиться на поле, копить деньги. Для чего тогда будете жить? Уж не для того ли, чтобы и ваших детей так же били, так же топтали? Хватит бояться! Все равно умрете когда-нибудь, да еще валяясь на постели. Не лучше ли погибнуть героями в борьбе за правду? Я вот старуха, да и то хочу им помочь! Уж если ни на что другое не пригодна, так хоть прибирать буду за ними, а лягут спать — опахалом над ними помашу!

— Пусть будет проклята наша жизнь, — заговорил Майку, старший сын Кодаи, — если ты уйдешь с ними, пока живы мы, тетушка Нохри! Ведь мы твои дети и еще не умерли. С ними пойду я. За хозяйством Ганга приглядит.

— Братец! — взмолился его младший брат Ганга. — Ты не прав. Ты не должен меня покидать. Если останешься ты, то хозяйство в хороших руках будет, я же один ничего не смогу сделать. Позволь лучше мне пойти!

— Пусть решит тетушка. А то мы с тобой так и будем спорить. Кому она прикажет, тот и пойдет.

— Пойдет тот, кто даст мне взятку, — гордо улыбнулась Нохри.

— Разве и в твоем суде взятка вершит? А я-то ду- мал, что здесь дело решат по совести, — ответил Майку.

— Ну ладно, ладно, — не уступала Нохри. — Уж если к старухе перед смертью власть пришла, так почему бы ей не заработать немного?

— Я дам тебе взятку, тетушка! — засмеялся Ганга. — Вот пойду на базар и принесу листик хорошего табаку.

— Ну что ж! Тогда твоя победа, тебе идти.

— Тетушка! — взмолился Майку. — Это несправедливо!

— А ты сумел бы сделать так, чтобы обе стороны в суде были довольны?

Ганга склонился к ногам Нохри, потом обнял брата и сказал:

— Передай завтра отцу, что я ухожу.

— Запишите-ка и меня! — слышался голос. — Севарам меня зовут.

Раздались одобрительные крики. Севарам вышел из толпы и встал рядом с руководителем.

— И меня запишите — Бхаджансинх!

Снова раздались одобрительные крики. Бхаджансинх вышел из толпы и тоже встал рядом с руководителем.

Бхаджан был известным во всей округе силачом. И когда, расправив плечи и вскинув голову, он стал возле руководителя, то показалось, что собравшиеся под навесом стали вдвое сильнее.

Сразу же слышался третий возглас:

— И меня тоже — Гхуре!

Это был деревенский полицейский. Крестьяне начали подниматься на цыпочки, вытягивали шеи — всем хотелось взглянуть на него. Сначала никто не поверил, что Гхуре попросил записать его.

— Что с тобой случилось, Гхуре? — засмеялся Бхаджансинх.

— То же, что с тобой! Двадцать лет тянул лямку! Хватит!

Слышался еще голос:

— Меня запишите — Кале Хан.

Кале Хан был приказчиком у заминдара, жестоким и грубым человеком. Все даже удивились, что он решил примкнуть к добровольцам.

— Чего это он? — проговорил Майку. — Грабил, грабил нас, небось целый дом добра на нашем горбу нажил!

Но Кале Хан заговорил очень серьезно.

— Братья! Неужели заблудшему человеку вы не дадите выйти на верный путь? До нынешнего дня я служил тому, кто меня кормил. Вас грабил и ему в дом нес. А теперь понял, что глубоко ошибался. Братья, вы от меня много натерпелись. Простите!

Пятеро новых добровольцев обнимались, припрыгивали, вскрикивали, будто и вправду обрели «сварадж». Да и на самом деле они уже достигли его. «Сварадж» — это прежде всего особое состояние души. Как только душа освободится от страха, порожденного зависимостью, так вы обретете «сварадж». Боязнь — вот что такое зависимость. Бесстрашие — это «сварадж». Но при этом важны также единение и организованность.

— Друзья! — обратился руководитель к новым добровольцам. — Сегодня вы примкнули к солдатам свободы. Поздравляю вас! Но известно ли вам, какого рода борьбу мы собираемся вести? Вам придется претерпеть немало трудностей, но вы должны всегда помнить: самое главное — отрешиться от злобы и насилия, так же как вы отрешились от личной корысти. Мы идем на войну за справедливость, и нам нужно следовать только по пути справедливости. Готовы ли вы на это?

— Готовы! — воскликнули в один голос все пятеро.

— Да поможет вам бог! — благословил их руководитель.

6

В это чудесное, восхитительное утро кругом было разлито ликование. Ликованием дышали легкие порывы ветерка, ликованием сияли нежные лучи солнца. Люди, казалось, сошли с ума от радости, как будто сама богиня свободы призывала их к себе. И пусть были все те же поля и гумна, все те же сады и огороды, все те же мужчины и женщины, сегодняшнее утро было особенным, как никогда. Оно благословляло, оно сулило счастье, наделяло великой силой. Эти поля и гумна, сады и огороды, мужчины и женщины сегодня были преисполнены новых сил.

Еще до восхода солнца собралась огромная толпа. Когда отряд добровольцев двинулся в путь, воздух всколыхнулся от взволнованных криков. Последние поклоны уходящих, еле сдерживаемые рыдания их жен, гордость отцов и матерей, решимость всех добровольцев заставляли сердца людей вскипать возбуждением.

И вдруг вперед, опираясь на палку, вышла Нохри.

— Тетушка, благослови нас! — закричал Ганга.

— Я иду с вами, сынок!

Несколько человек воскликнули в один голос:

— Тетушка, как же ты пойдешь?!

Нохри ласково ответила:

— Братья, пришло время идти и мне. Если не уйду сегодня — все равно через месяц-два уйду. Если я пойду сейчас, то еще успею кое-что сделать в жизни. А коли останусь и через несколько месяцев умру у себя дома, то так и не сбудется задуманное мною. Вон сколько их, молодых ребят! Послужу им и заслужу себе спасение. Дай бог вам дожидаться светлых дней, и чтобы мне привелось посмотреть на ваше счастье!

С этими словами Нохри благословила всех и пошла рядом с руководителем.

Крестьяне стояли и смотрели, как отряд уходил все дальше и дальше. Добровольцы пели:

Когда-то велик был наш славный народ,
Теперь — мы презренными стали...

Нохри не чувствовала никакой усталости. Ей казалось, будто на волшебной колеснице она поднимается прямо на небо.

БЕЛАЯ КРОВЬ

1

Был уже месяц чайт, но на токах, где в прошлом высились горы зерна и стояли загоны для скота, в домах, откуда раньше доносились весенние песни, слышались теперь лишь стенания людей, оплакивающих свою судьбу. Прошел сезон дождей, но на землю не упало ни капли. В месяце джетх выпал обильный дождь, крестьяне обрадовались, посеяли зерно. Но, видимо, Индра был щедр всего лишь на один дождь. И взошедшие было посевы сразу же увяли. Трава на пастбищах выгорела. Порой наплывали облака, собирались тучи, казалось вот-вот разбушуются стихии и смешают землю с небом. Но это были не тучи надежды, а тучи горя.

Крестьяне молились глиняным и каменным идолам, приносили им жертвы, но Индра был непреклонен. На полях не радовали глаз всходы, на пастбищах не зеленела трава, пруды пересохли, надвигалось великое бедствие. Всюду были только пыль и пепел. Приближались голод и нищета.

Сначала люди заложили у ростовщиков украшения и посуду, а затем продали то и другое; дошла очередь и до скота. И когда уже не осталось никакой надежды и никаких средств к существованию, крестьяне, готовые отдать жизнь за клочок земли, стали покидать свои дома и семьями уходить на заработки. Кое-где правительство организовало общественные работы для голодающих, и множество крестьян устремилось туда.

Вечером Джадорай пришел домой усталый.

— Мне отказали...— равнодушно сообщил он жене и, обессиленный, сел прямо на землю.

Его лицо пожелтело, живот сводило от голода. Вот уже два дня во рту у Джадорайя не было ни крошки. Все имущество — украшения, платье, посуда, глиняные горшки — было продано. Деревенский ростовщик уже старался не попадаться на глаза людям. Оставалась надежда на правительственную ссуду. Джадорай подавал прошение, но ему отказали. Погас теперь и этот мерцавший прежде огонек надежды.

Деваки с жалостью взглянула на мужа, и глаза ее наполнились слезами. Целый день он не был дома, пришел усталый, а чем его накормить? Она даже не принесла воды, чтобы муж мог вымыть руки и ноги: ей было стыдно, потому что, если подать ему воды, он подумает, что она собирается его накормить. Деваки и сама уже несколько дней ничего не ела. И все-таки боль, которую она испытала сейчас, при виде голодного мужа, была сильнее мук, причиняемых голодом ей самой. Ведь женщина — это богиня Лакшми в доме. Ее долг накормить семью. Пусть ее вины тут нет, но она все же будет страдать, если не сможет выполнить свой долг. Да, такие страдания мужчинам незнакомы.

В это время проснулся Садхо. Мальчик потянулся к отцу и попросил чего-нибудь сладкого. Утром он съел только кусочек гороховой лепешки и целый день проспал — проснется, поплачет и снова заснет. Джадорай обнял сына и с грустью посмотрел на него. Глупый малыш — ему всего четыре года, и он не понимает, что без дождя не может быть и сладостей.

На следующий день и эта семья ушла из деревни. Как гордость всегда живет в сердце мужчины, а стыдливость — в глазах женщины, так и крестьянин, если он может — пусть самым тяжким трудом — заработать на хлеб, никогда не покинет свой дом в поисках заработка. Но, увы, грешный желудок все может сделать! И гор-

дость, и честь, и стыд, и раскаяние — все эти сверкающие звезды тускнеют по воле желудка и прячутся за его черными тучами.

Было утро. Джадорай и Деваки, измученные несчастьем, вышли из дому. Джадорай посадил мальчика к себе на спину, а Деваки несла на голове узел с тряпьем, которым гнушается даже нищета. Деваки плакала. Джадорай молча глотал слезы. По дороге они встретили несколько односельчан, но никто даже не спросил их, куда они идут. Ни у кого в душе не осталось даже сочувствия.

Когда путники дошли до Лалагаджа — места общественных работ, летнее солнце было в зените и посыпало на землю дрожащие струи зноя. На много миль вокруг были видны только работающие люди, лица которых говорили лишь о нищете и страданиях. Худые, как скелеты, обнаженные, они копали землю. Казалось, сами мертвецы перед погребением роют себе могилы. Старые и молодые, мужчины и дети — все они в отчаянии и безысходности работали так, словно голод и смерть подгоняли их. В подобном несчастье ни у кого не бывает ни родственников, ни друзей. Доброта, сострадание, любовь — эти душевные качества выдуманы самим человеком, природа же дала ему одно чувство — эгоизм. И, как случайные друзья, эти созданные людьми чувства часто покидают нас, эгоизм же, данный природой, всегда остается.

4

Как-то вечером, спустя неделю, Джадорай и Деваки сидели под деревом в манговой роще недалеко от лагеря. Оба так исхудали, что их нельзя было узнать. Да, они уже не были больше независимыми крестьянами, они превратились в поденщиков-батраков.

Мальчик спал рядом. Уже несколько дней он тяжело болел лихорадкой, и его нежное личико осунулось. Очередной приступ только что прошел, и Деваки, легонько тронув мальчика за плечо, сказала:

— Открой глазки, сынок, посмотри: уже вечер.

Садхо открыл глаза.

— Мы уже пришли домой, мама? — спросил он.

Деваки вспомнила дом, и глаза ее наполнились слезами.

— Нет, сынок,— проговорила она.— Вот ты поправишься, тогда мы и пойдем домой. Встань, посмотри, какая красивая роща!

Мать поддержала Садхо рукой, и он поднялся.

— Я очень хочу есть, мама, но у тебя ведь ничего нет. Чем же ты меня накормишь?

У Деваки защемило сердце от боли, но она спокойно ответила:

— Не беспокойся, сынок. У меня все есть. Вот отец принесет воды, и я дам тебе мягких-мягких, только что испеченных лепешек.

Садхо положил голову матери на грудь.

— Если бы меня не было, мама, ты бы так не страдала.— И он заплакал.

Это был тот же глупый малыш, который всего лишь две недели назад из-за сладостей готов был перевернуть весь дом. Горе и заботы сделали его взрослым! Вот он — результат несчастья.

К роще подошло несколько человек с фонарями, подъехали повозки, нагруженные палатками. Быстро вырос какой-то лагерь, и роща ожила. Садхо удивленно смотрел на происходящее и, пока Деваки пекла лепешки, подошел к одной из палаток.

5

Миссионер Мохандас вышел из палатки и увидел стоящего невдалеке мальчика. При виде его слабенького, тщедушного тельца в душе миссионера вспыхнула жалость. Взяв малыша на руки, он принес его в палатку, усадил на мягкий диван и начал кормить бисквитами и бананами. За всю свою жизнь Садхо никогда не ел ничего более вкусного. К тому же его мучил голод, обостренный лихорадкой. Садхо досыта наелся и, благодарно взглянув на Мохандаса, спросил:

— А вы всегда будете кормить меня так вкусно?

Миссионер улыбнулся наивности мальчика.

— У меня есть кое-что и повкуснее.

— Тогда я буду приходить к вам каждый день,— сказал Садхо.— У моей мамы нет таких вкусных вещей. Она кормит меня только гороховыми лепешками.

Тем временем Деваки испекла лепешки и позвала сына. Садхо подбежал к ней.

— Знаешь, мама,— начал он рассказывать.— Сахиб дал мне поесть что-то очень вкусное. Сахиб очень хороший.

— А я напекла для тебя мягких лепешек. Будешь есть?

— Нет, я не хочу сейчас. Сахиб сказал, что каждый день будет меня вкусно кормить. Теперь я буду жить с ним.

Мать решила, что ребенок шутит, и, обняв его, проговорила:

— Как же так, сынок?! А нас ты забудешь? Разве ты не знаешь, как я тебя люблю?

— Ты меня кормишь гороховыми лепешками, и у тебя больше ничего нет, а сахиб будет давать мне бананы и манго,— пролепетал Садхо и снова убежал к лагерю; там он остался и ночевать.

Лагерь миссионера Мохандаса простоял в манговой роще три дня. И все эти три дня Садхо не отходил от сахиба. Мохандас давал ему сладкие лекарства, и лихорадка начала проходить. Простодушные крестьяне стали чуть ли не молиться на миссионера. «Ведь мальчик-то поправляется! — говорили они.— Дай бог счастья господину. Он спас жизнь ребенка».

На четвертый день, ночью, Мохандас уехал. А ранним утром Деваки нигде не могла найти Садхо. Она подумала, что мальчик, вероятно, пошел в рощу собирать опавшие плоды манго. Деваки сказала об этом мужу, и Джадорай согласился с ее предположением... Но вот уже взошло солнце, надо было идти на работу, а Садхо все не возвращался. И тогда у Джадорая зародилось сомнение.

— Ты сиди здесь,— сказал он Деваки,— я сейчас приведу его.

Джадорай осмотрел все окрестные рощи и в отчаянии вернулся часам к десяти утра один. Видя, что Садхо с ним нет, Деваки зарыдала. И родители вновь отправились на поиски пропавшего сына. Какие только мысли не приходили им в голову! Деваки была уверена, что миссионер околдовал мальчика. Но Джадорай сомневался в этом. Мальчик не мог уйти один так далеко по незнакомой дороге. Они шли по следам колес и лошадиных копыт, пока не очутились на шоссе. И тут

они потеряли след: следов было так много, что разыскать тот, который им был нужен, не представлялось возможным. Какие-то отпечатки копыт привели их к лесу и там исчезли. Все надежды рухнули. Наступил полдень, и родители наконец сели в тени дерева. Деваки плакала, а Джадорай пытался ее утешить.

Когда жара немного спала, они отправились дальше. Но теперь у них не осталось никакой надежды, она пропала вместе со следами лошадиных копыт.

Пришел вечер. То там, то здесь виднелись расположившиеся на ночлег стада буйволов и коров. Джадорай и Деваки, убитые горем, снова сели под деревом отдохнуть. В ветвях того же дерева устроилось и семейство скворцов, их маленький птеник попал сегодня в силочку птицелову, и скворцы, тщетно искавшие его весь день, теперь уселись на дереве.

Три дня Джадорай и Деваки искали своего сына. Три дня они ничего не ели и лишь утоляли жажду несколькими глотками воды. Надежду сменило отчаяние, и у них не осталось ничего, кроме страданий и печали. Но когда несчастные родители видели след чьих-нибудь детских ножек, их снова охватывала волна надежды и страха.

Но каждый шаг все дальше и дальше уводил их от сына.

6

Прошло четырнадцать лет. Многое изменилось за это время. Наступили счастливые дни. И бог Индра и земля уже перестали быть такими жестокими, как прежде. Подобно разлившейся реке, затопило зерно амбары. Снова вернулись люди в свои заброшенные деревни. Поденщики вновь стали крестьянами, а крестьяне превратились в землевладельцев. Опять наступил месяц чайт. На токах грудями лежало зерно. Бродячие певцы и нищие слагали песни о богатой жизни земледельцев. До поздней ночи у дверей ювелиров толпились покупатели. У портных оказалось так много работы, что им некогда было поднять голову от шитья. У каждого ворот ржали лошади. Служители храмов страдали несварением желудка.

Настали и для Джадорая счастливые дни. Дом он покрыл черепицей, а не соломой, у ворот всегда стояла

пара хороших волов. Джадорай частенько садился на свою тележку и ездил на базар. Он уже не был таким худым, как прежде, сытая жизнь сказалась в первую очередь на форме его живота. Но Джадорай поседел. Постарела за это время и Деваки, и платье из тонкой ткани стало ей уже не к лицу, хотя в отношении украшений она не была столь строга к себе. Теперь к Деваки постоянно обращались за советами, и когда она заходила в дом соседок, молодые женщины трепетали от страха, потому что вся деревня боялась ее острого языка и резких суждений.

Жизнь Джадорайя и Деваки вообще стала радостней. У них было двое детей: сына звали Мадхосинх, он работал с отцом в поле, а дочь Шивагаури помогала матери молотить зерно, весь день распевая песни. Девочка хорошо готовила, но зато терпеть не могла мыть посуду. Ей никогда не надоедало устраивать свадьбы своим куклам: каждый день какая-нибудь из них выходила замуж. При этом девочка старательно рассчитывала, как бы устроить свадьбу получше и подешевле.

Джадорай и Деваки до сих пор не могли забыть Садхо, и эти воспоминания не обходились без слез. Порой Деваки по целым дням предавалась воспоминаниям о своем любимце.

Был вечер. Уставшие за день волы понуря головы возвращались домой. Жрец в храме бил в гонг: во время сбора урожая там каждый день совершалась служба. Джадорай, усевшись на кровать, курил трубку, а Шивагаури ругала на улице волов, которые растоптали ее чудесный глиняный дворец. Услыхав звуки гонга, донесшиеся из храма, Джадорай поднялся, чтобы выпить святой воды, как вдруг увидел юношу, который направлялся к его дому, ведя рядом с собой велосипед и отгоняя лающих собак. Подойдя к Джадорайю, юноша склонился к его ногам. Джадорай внимательно посмотрел на юношу, и они бросились друг другу в объятия.

Мадхо с удивлением рассматривал велосипед, а Шивагаури с плачем кинулась в дом.

— Мама! Там какой-то сахиб на отца бросился! — рыдая сказала она матери.

Взволнованная Деваки выбежала на улицу. И Садхо, едва увидев мать, тут же припал к ее ногам. Деваки подняла его и, прижав к своей груди, заплакала. А вокруг уж собралась вся деревня.

— Простите меня за то горе, которое я вам причинил,— говорил Садхо своим родителям.— Я и сам сильно пострадал из-за своей глупости. А сейчас прошу — примите меня опять в свою семью!

— Когда ты убежал, мы искали тебя три дня,— сквозь слезы рассказывала сыну Деваки.— Но так и не нашли. Что нам делать было? Только и знали что оплакивали свою судьбу. С тех пор и дня не проходило, чтобы не вспоминали о тебе. Кажется, целый век в слезах прошел. Но вот ты, наконец, вернулся. Скажи же, сынок, куда ты убежал от нас и где жил все это время?

— Что же об этом вспоминать, мама...— смутившись, ответил Садхо.— Я убежал от вас поздно ночью... Еще вечером я узнал, где расположился лагерь миссионера, и на другой день к полудню разыскал его. Сахиб сначала уговаривал меня вернуться домой, но я отказался, и тогда он послал меня в город Пуну. Там были сотни таких же, как я, детей, и никто уже не собирался больше кормить нас бананами и бисквитами. Вспоминая вас, я часто плакал, но я ведь был совсем маленьким и поэтому постепенно привык к чужим людям. Но с тех пор я все же поумнел и понимаю теперь, что такое свои и чужие. Мне очень жаль, что я так поступил тогда... День и ночь просил я бога отпустить меня к вам. И вот благодаря вашим молитвам этот счастливый день наступил. Я долго жил среди чужих, долго был сиротой. Примите же меня в свой дом! Мне так хочется родительской любви... Дайте мне счастья, которого я был лишен столько лет!

К тому времени у дома Джадорая собрались деревенские старики. Один из них, Джагатсинх, сказал Садхо:

— Эх, сынок, ты столько времени прожил среди миссионеров. Они, наверно, и из тебя сделали христианина?

— Да, таковы их правила,— понурился, ответил Садхо.

— Тогда это очень сложно,— произнес Джагатсинх, посмотрев на Джадорая.

— Чтобы искупить свою вину, я готов сделать все, что прикажет община,— сказал Садхо.— Ведь я же по глупости совершил преступление перед общиной и готов понести за это любое наказание.

Джагатсинх снова взглянул на Джадорайя.

— Среди исповедующих индуистскую религию, — серьезно произнес он, — никогда еще не бывало такого. Конечно, твои родители, Садхо, могут принять тебя в свой дом — ты их сын. Но община не может дать на это согласия. Что ты, Джадорай, скажешь?

Трудно было Джадорайю, он очень любил сына, но идти против общины боялся. А его мальчик, о котором он так горевал, стоял перед ним и со слезами на глазах умолял:

— Отец, возьми меня к себе. Никогда больше не случится со мной ничего подобного. О, горе мне! Как уговорить этих жестоких людей? Что надо сделать?

Деваки больше не могла молчать. В ней заговорила материнская любовь.

— Я оставлю сына у себя! — воскликнула она. — Я прижму его к сердцу! После стольких лет разлуки я наконец нашла его! Так как же я могу с ним расстаться?

— Даже если придется покинуть общину? — раздраженно спросил Джагатсинх.

— Да, даже если придется покинуть общину, — сердито ответила Деваки. — Именно для защиты детей наших нужна нам община. Но если эта община не позволяет моему мальчику остаться со мной, так зачем же тогда она мне нужна?

— Почтенная Деваки, — произнес в ответ один из богатеев, глаза которого от гнева налились кровью, — ты хорошо соблюдаешь обычаи общины, мы знаем, но пусть твой сын убирается куда угодно. Против этого община возражать не будет! Разве есть где-нибудь еще такая община? И мы говорим тебе откровенно: если этот парень останется в твоём доме, община тоже покажет, на что она способна.

Джагатсинх, иногда занимавший у Джадорайя деньги, постарался смягчить положение.

— Сестра, — медовым голосом обратился он к Деваки, — община вовсе не требует, чтобы ты сейчас же прогнала сына. После стольких лет он наконец вернулся домой. Ну и пусть остается на здоровье. Только надо избегать прикосновения к нему, нельзя есть и пить с ним из одной посуды... А теперь, брат Джадо, скажи, до каких пор ты собираешься испытывать терпение общины?

Джадорай с грустью взглянул на Садхо.

— Сын мой, уж раз однажды ты поступил так нехорошо с нами, так теперь должен согласиться с тем, что говорит брат Джагатсинх.

— С чем я должен согласиться? — воскликнул Садхо. — С тем, чтобы жить чужим среди своих? С тем, чтобы терпеть оскорбления? С тем, чтобы глиняный горшок от моего прикосновения считался оскверненным? И с этим я должен согласиться?! Нет, этого я никогда не сделаю! Я еще не потерял гордости!

Джадорайю не понравилась резкость сына. Он хотел сейчас, пока в сборе вся община, прийти хоть к какому-нибудь соглашению, а потом видно будет. Кто увидит, как они обращаются со своим сыном? Поэтому он сказал недовольным тоном:

— Тебе же все равно придется согласиться.

Но Садхо не понял намерений отца. В его словах он увидел только жестокость.

— Я ваш сын, — произнес он, — и останусь здесь только как сын. Любовь к вам привела меня сюда. Я пришел, в свой родной дом. Но если вы откажетесь признать меня своим сыном, что ж, иного выхода у меня нет — я уйду отсюда, и уйду как можно скорее. Бессмысленно оставаться среди людей с белой кровью¹.

— Я не отпущу тебя, мальчик мой! — заплакала Деваки.

Слезы навернулись на глаза Садхо, но он все же улыбнулся и спросил:

— А ты меня накормишь из своей тарелки?

Деваки с любовью взглянула на сына.

— Я кормила тебя своей грудью, так почему же ты не можешь есть из моей тарелки? Ты ведь мой сын, им ты и остался.

Слова матери словно опьянили Садхо. Сколько в них было любви! Сколько близких радостных чувств!

— Я пришел, чтобы никуда не уходить отсюда, — прошептал он, обращаясь к матери. — Но если из-за меня вас выгонят из касты, я этого не перенесу. Я не смогу видеть пустую, глупую гордость этих невежественных людей. Поэтому позволь мне уйти сейчас. Я буду приезжать к тебе, когда смогу. Твоя любовь всегда будет

¹ Идиоматическое выражение, означающее бездушных, жестоких людей.

жить в моем сердце. Но я не могу, оставаясь в этом доме, отдельно сидеть от вас, отдельно питаться. Поэтому простите меня.

Деваки вынесла из дома воды, и Садхо умылся.

Шивагаури, все еще побаиваясь незнакомца, по знаку матери подошла к Садхо. Юноша почтительно поклонился ей. С удивлением смотрел он то на мать, то на девочку, но, увидев улыбку на лице Деваки, все понял. Он прижал сестренку и братишку к груди, и все трое засмеялись. Глядя на них, радовалась и Деваки.

Садхо позавтракал, осмотрел велосипед, поклонился родителям и отправился туда, откуда пришел, туда, где не было родных ему людей.

Деваки рыдала, а Джадорай с щемящей болью в сердце и со слезами на глазах смотрел вслед сыну и думал: «О мой сын! Ты снова покидаешь меня, ты, такой умный, способный мальчик, уходишь от нас, и все потому, что кровь наша побелела».

ОТ ЖИВОТНОГО К ЧЕЛОВЕКУ

1

Садовник Дурга служил у юриста — доктора Мехры. Он получал пять рупий в месяц, имел жену и троих детей. Жена молола для соседей пшеницу, а два мальчика, которые уже начали кое-что понимать, собирали на улице палки и кизяк. Но, несмотря на все старания, семье жилось трудно. И нередко Дурга потихоньку от господина доктора собирал в саду цветы и продавал на базаре. Бывало, не гнушался он и фруктами. Вот это и составляло побочную статью его доходов. Так и добывал себе Дурга средства на пропитание. Не раз обращался он к господину доктору с просьбой увеличить плату, но тот считал подобные нововведения заразной болезнью, которая, дай ей пищу, перекинется и на других.

— Я ведь не держу тебя, брат,— заявлял он всегда откровенно.— Плохо тебе здесь — иди куда-нибудь еще; я могу нанять и другого.

Но Дурга не осмеливался бросить работу и идти искать ее где-то еще, к тому же, говоря по правде, он не надеялся, что в другом месте получит больше. Так садовник и влачил жалкое существование, сетуя на тяжкую свою судьбу.

Господин доктор питал к садоводству особое пристрастие. Он выращивал в своем саду всякие цветы, насадил саженцы лучших сортов плодовых деревьев, которые выписывал из Дарбханга, Малихабада, Сахаранпура и дру-

гих мест. При виде деревьев, усеянных плодами, он испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. Сам он не любил фруктов, но находил безграничное удовольствие угощать ими своих друзей, поэтому он посылал знакомым букеты, корзины с овощами и фруктами. А когда наступал сезон сбора урожая, он приглашал друзей в гости и устраивал пикники, которые и были главным его развлечением.

Однажды летом господин доктор пригласил кое-кого из друзей отведать плодов манго. На малихабадском дереве их уродилось особенно много. Доктор-сахиб каждый день посматривал на них с вожелением. Ему очень хотелось послушать, как друзья будут хвалить плоды, тем более что этот сорт плодоносил в его саду впервые. Похвалы друзей вызывали в его душе такое же чувство удовлетворения, какое испытывает борец, демонстрирующий силу своей мускулатуры. Крупные, красивые и нежные суфеды¹ невольно притягивали его взор. Он был настолько уверен во вкусовых качествах своих плодов, что даже не считал нужным попробовать хотя бы один из них, потому что это уменьшило бы их количество и, следовательно, лишило бы кого-нибудь из его друзей некоей доли удовольствия.

Был апрельский вечер. Пришедшие в гости друзья удобно расположились в саду, на берегу пруда. Лед и молоко были приготовлены заранее, но плоды манго еще не срывали. Господин доктор хотел, чтобы прежде друзья увидели их на дереве, дабы никто не усомнился, что они из его сада.

— Я позволю себе немного побеспокоить вас,— обратился он к друзьям, когда все были в сборе.— Прошу вас пройти к малихабадскому дереву и своими глазами взглянуть на висящие на нем плоды. Уверяю вас: великолепное зрелище. Даже у розы нет столь ласкающей глаз прелести. Уже сам цвет суфедов говорит об их вкусе. Этот саженец я специально выписал из Малихабада и заботливо ухаживал за ним.

Гости поднялись. Господин доктор пошел впереди, рассказывая по пути о великолепных сортах роз, которыми была обсажена дорожка. Наконец они подошли

¹ Су ф е д — сорт манго.

к малихабадскому дереву. Но что это?! Ни один плод не украшал его ветвей. «Наверно, это не то дерево», — подумал господин доктор и, сделав еще несколько шагов, посмотрел на другое дерево — опять не то; он прошел дальше, взглянул на третье, затем вернулся назад и, пораженный, остановился под малихабадским деревом. Сомнений нет, это именно то дерево. Но что же случилось с плодами? Еще утром их было штук двадцать — двадцать пять, а теперь — хотя бы один!

— Странно, но я не вижу ни одного плода, — проговорил Мехра, виновато взглянув на друзей. — Еще утром их было полно. Вот, взгляните, — одни черешки остались. Ясно, это дело рук садовника. Ну хорошо! Уж я ему посчитаю сегодня ребра! Так обмануть меня! Ах, негодяй! Мне очень неловко, господа, что я напрасно беспокоил вас. Но, поверьте, мне самому так горько, что не могу даже выразить. В жизни не видал я таких красивых и нежных плодов. О! Я не переживу этого!

И доктор в отчаянии опустил на стул.

— Везде со слугами одно и то же, — принялись утешать его друзья. — Подлый это народишко. Но все же не расстраивайтесь так, доктор. Нет суфедов — другие плоды есть.

— А мне так все манго кажутся одинаковыми, — заметил один из присутствующих. — Суфеды, моханбхог, лангре, бомбейские фазли, дашхари — никакой разницы не вижу. Я даже не понимаю, как вы различаете их на вкус.

— Уж если так случилось, прикажите, доктор, подать те, которые есть, — сказал другой. — Стоит ли сожалеть о том, что пропало?

— Разве у меня мало манго? — уныло проговорил доктор. — Весь сад в вашем распоряжении, ешьте в свое удовольствие и домой берите. Для чего же еще они существуют? Но разве это суфеды? Ни один плод не сравнится с ними по вкусу. Поверите ли, они были такими гладкими и ровными, ну словно яблоки, да не простые какие-нибудь. Но разве яблоко бывает таким нежным на вкус, разве есть у него такая живительная сочность!.. До чего же подло поступил садовник! Прямо убить хочется подлеца! Ну пусть только попадется мне! До полусмерти изобью!

А садовник давно уже ушел на базар.

Доктор-сахиб велел конюху сорвать несколько плодов манго. Друзья съели их, запили молоком и, поблагодарив хозяина, отправились по домам. А мистер Мехра, живое воплощение гнева, с хлыстом в руках остался у пруда ждать садовника.

2

Через некоторое время Дурга вернулся с базара. Он приближался к дому осторожно, озираясь по сторонам, и чуть не лишился чувств, увидев сидящего у пруда хозяина. Дурга сразу понял, что кража обнаружена. Сегодня он предчувствовал это, потому так долго и пробыл на базаре, рассчитывая, что господин доктор тем временем уедет куда-нибудь, и он потихоньку проберется в свою хижину, а утром видно будет, спросят — как-нибудь оправдается; пусть обыскивают хижину, там-то ведь ничего не найдут; таким образом дело и замнется.

Время — самый лучший друг удачливого вора. С каждой прошедшей секундой укрепляются доказательства его невиновности. Но когда возбужденные руки хватают его тут же, на месте преступления, — пути к спасению уже нет. Так высохшие капли крови легко можно принять за пятна краски, но свежая кровь сама кричит о себе.

У Дурги подкосились ноги, бешено забилося в груди сердце. Господин доктор увидел его, и поворачивать обратно было бессмысленно.

Заметив садовника, Мехра тотчас поднялся. Первым побуждением доктора было подойти к наглецу и как следует отхлестать его. Но в нем тут же заговорил адвокат, и адвокат решил, что прежде, пожалуй, нужно выслушать виновного. Жестом подозвав Дургу к себе, он сказал:

— На малихабадском дереве были манго, а сейчас нет ни одного. Не знаешь, куда они делись?

— Хузур, я только что вернулся с базара, — с невинным видом ответил Дурга. — До моего ухода плоды были. Может, за это время кто-нибудь сорвал их. Откуда я знаю?

— Ты никого не подозреваешь?

— Кого я могу подозревать, господин? Столько слуг! Может, из них кто сорвал манго?

— А я подозреваю тебя! Если ты оборвал их и спря-

тал, сейчас же принеси сюда или хотя бы скажи прямо, что это ты сделал. Не то плохо тебе будет.

Вор всегда хочет спастись не только от палки, но и от позора. Он и боится-то не столько палки, сколько позора. Даже когда у него не остается никакой надежды избежать наказания, он и тогда не сознается в преступлении и предпочитает перенести побои, оставшись невиновным, чем освободиться от наказания, сделавшись преступником. Так и Дурга мог избежать наказания, признавшись в своем проступке, но он сказал:

— Хузур, вы — хозяин, поступайте со мной как хотите, но я не рвал манго. Сколько времени я служу у вас, господин? А тронул ли я хоть один листочек?

— И ты можешь поклясться?

— Клянусь водами Ганга, что даже не дотронулся до плодов.

— Я не верю такой клятве. Ты сперва принеси воды в кувшине, брось туда тулси, а потом произнесешь такую клятву: «Если я сорвал манго, то пусть мой мальчик станет недостойным сыном», — тогда я поверю.

— Правда и в огне не горит, хузур! Как скажете, так и поклянусь. Что случится со мной от клятвы, если я ни в чем не виноват.

— Ладно, хватит рассуждать. Иди неси воду, — потребовал многоуважаемый доктор; он хорошо знал человеческие характеры: ведь он часто имел дело с преступниками.

Хотя языком Дурга болтал смело, но сердце его было полно страха. Он вошел в свою лачугу, однако взять кувшин с водой не осмелился. У него задрожали руки. На память пришли случаи, когда божий гнев обрушивался на тех, кто лгал, принося клятву на водах Ганга. Никогда еще не было у него такой глубокой уверенности в том, что бог всеведущ. «Нет, не буду я давать ложной клятвы... — решил он. — Но если я не сделаю этого, меня выгонят... Ну что ж, ладно. Пусть выгоняют. Где-нибудь найду службу. На худой конец рабочим пристроюсь. Если придется, землю буду копать, на кусок хлеба всегда заработаю».

Медленно подошел он с пустыми руками к господину доктору.

— Принес воды? — сурово спросил хозяин.

— Хузур, водами Ганга я клясться не буду!

— Значит, это ты оборвал плоды манго.

— Считайте как хотите, господин. Но посудите сами, если даже я сорвал манго, так я ведь ваш раб. День и ночь тружусь на вас. Ну куда я пойду, если дети плачут, манго просят? Простите меня на этот раз, больше я не буду так делать.

Господин доктор не отличался особым великодушием, но на сей раз он поступил благородно: он не передал Дургу полиции и даже не отхлестал его. Религиозность садовника немного смягчила его. Однако держать у себя столь малодушного человека доктор не мог и тотчас уволил Дургу, удержав с него причитающуюся за полмесяца плату.

8

Прошло несколько месяцев. Как-то доктор Мехра решил посмотреть сад бабу Премшанкара. Ему хотелось взять оттуда несколько саженцев.

Премшанкар также увлекался садоводством, только это и было общим между двумя этими людьми, во всех же других отношениях они резко отличались друг от друга. Премшанкар был веселым, простым, душевным человеком. Он прожил несколько лет в Америке, где хорошо изучил агрономию, и, вернувшись на родину, всецело посвятил себя этому делу. Его суждения относительно нравственности человека и современного общественного устройства отличались от того, к чему привыкли жители городка. Поэтому культурные, образованные горожане относились к нему с пренебрежением и считали болтуном. Несомненно, с философской точки зрения они питали некое сочувствие к его принципам, но сильно сомневались в их практической ценности: ведь мир — это поле деятельности, а не место для исследования; теории так теориями и останутся, они не имеют отношения к реальной жизни.

Войдя в сад, доктор-сахиб застал Премшанкара за поливкой цветочных клумб. У колодца стоял человек и качал помпой воду. Мехра тотчас узнал его. Это был Дурга. При виде своего бывшего слуги в душе господина доктора вновь проснулось какое-то странное чувство не-

приязни к нему. Как, и этот негодяй, которого он в наказание выгнал из своего дома, устроился на службу? Если бы у Дурги был жалкий, несчастный вид и он, увидев господина доктора, повалился бы ему в ноги, то, может быть, Мехра посочувствовал бы ему, возможно даже подарил бы что-нибудь или похвалил его перед Премшанкаром. По своей натуре доктор-сахиб был мягкосердечным человеком и доброжелательно относился к слугам. Но эти его доброжелательность и мягкосердечие ничуть не отличались от того чувства, с каким он относился к своим собакам и лошадям, ибо основа их заключалась не в стремлении быть справедливым, а просто в хорошем воспитании.

Увидев господина Мехру, Дурга, не отходя от колдунца, поздоровался с ним и снова занялся своей работой. И это высокомерие слуги, словно копьем, пронзило сердце господина доктора. При мысли о том, что перемена места работы оказалась лишь выгодной для Дурги, его охватил страшный гнев. Великодушию, которым кичился доктор, был нанесен жестокий удар.

— Давно ли у вас этот человек? — спросил он Премшанкара, когда тот повел его осматривать клумбы.

— Да месяцев шесть-семь.

— И ничего не крадет? Он был у меня садовником. Меня измучили его постоянные мошеннические проделки, и я в конце концов выгнал его. То он рвал цветы и продавал их, то выдергивал саженцы, а о фруктах и говорить нечего — они исчезали все до одного! Однажды я пригласил к себе друзей. Тогда на моем малихабадском суфедe уродилось множество плодов. И вот когда гости собрались и я повел их, чтобы показать это великолепное зрелище, плодов на дереве не оказалось! Можете представить, каково мне было тогда! Я тут же выгнал этого сударя с работы. Мошенник высшей марки, и такой ловкий — поймать трудно. Нужно быть опытным адвокатом, чтобы разобраться в его мошенничестве. Так чисто и смело действует, что прямо диву даешься. У вас ничего еще не случилось?

— Нет, ничего. Пока он не давал мне никакого повода жаловаться. Хорошо работает, даже в обеденный перерыв не отдыхает. Я так поверил в него, что поручил ему весь сад. Весь дневной доход он вечером отдает мне, и всегда копейка в копейку.

— В том-то и дело, что он умеет так обманывать, что вы ни в чем его даже и не заподозрите. Сколько вы ему платите?

— Зарплата у нас никому не выплачивается. Все являются равными компаньонами в доходах. Всю выручку за месяц, за вычетом необходимых издержек и десяти рупий с сотни взносов на религиозные цели, мы делим между собой поровну. В прошлом месяце доход составил сто сорок рупий. Вместе со мной у нас работает семь человек. На долю каждого пришлось по двадцать рупий. Сейчас уродилось много апельсин, неплохую выручку ожидаем от стручкового гороха, сахарного тростника, капусты и других овощей. Думаю, что на каждого придется не меньше сорока рупий.

— И на таких условиях вы ведете дело? — с удивлением спросил доктор Мехра.

— Да. Что ж тут такого? Я ношу одинаковую с этими людьми одежду, питаюсь так же, как и они, и ничего другого мне не нужно. Двадцать рупий ежемесячно мы расходует на лекарства, которые раздаются бедным. Эти деньги выделяются из общего фонда, и никто против этого не возражает. Велосипед, который вы видите, тоже приобретен на деньги из общего дохода. Кому нужно, тот и едет на нем. Меня все здесь считают самым опытным работником и полностью доверяют. Так что я здесь всего лишь руководитель. Они внимательно прислушиваются к моим советам, и никто даже не думает, что он чей-то слуга — все без исключения считают себя равноправными компаньонами и прилежно работают. А вот там, где один — хозяин, а другой — слуга, тотчас же возникает вражда. Хозяин стремится выжать из работника побольше, а слуга старается работать как можно меньше. А при таких взаимоотношениях привязанности или симпатии не бывает и в помине. Оба в сущности постоянно враждуют друг с другом. Вот мы с вами и наблюдаем отрицательные последствия этой вражды: Создались две противоположные партии: богатых и нищих людей, и между ними непрерывно идет жестокая борьба. А между тем колесо истории движется, и ясно, что исход этой борьбы предрешен. На смену ей теперь приходит сотрудничество. Последствия подобной разрушительной борьбы я видел в других странах, и это зрелище вызвало во мне

по меньшей мере антипатию. Только сотрудничество может спасти нас от надвигающегося кризиса.

— В таком случае скажите, вы что же, социалист?

— Ни в коей степени. Не социалист и даже не демократ. Я всего лишь смиренный слуга долга и справедливости и считаю, что бескорыстное служение лучше всякой науки. Я не хочу, чтобы мои духовные и умственные силы стали рабами богатства и славы. Современное образование и цивилизация не внушают мне доверия.

Долг науки — духовный прогресс, и плодом этого духовного прогресса должны быть благородство, самоотречение, великодушие, сострадание, справедливость и гуманность. Скажите, не порочно ли образование, которое готовит людей к тому, чтобы мучить слабых, которое делает нас рабами земли и богатства, которое ввергает нас в пучину удовольствий и наслаждений и заставляет стремиться к обогащению за счет пота и крови других?

Ну, я понимаю, невежде еще простительно попасть в лапы алчности, но для людей, считающих себя ценителями образования и цивилизации, своекорыстие чрезвычайно постыдное качество. А мы что? Все наши знания, все силы разума мы сделали средством восхождения к вершине могущества, тогда как они должны были стать средством служения народу и любви к ближнему. В самом деле, разве это не удивительно: чем крупнее ученый, тем он своекорыстнее? Одним словом, вся наша наука и разум, весь наш энтузиазм и любовь охвачены жадой обогащения. Получали бы наши профессора зарплату меньше тысячи, они не были бы такими высокомерными. А наши министры и крупные чиновники? Им даже двух тысяч в месяц мало, тоже сетуют на свою судьбу. А высококочтимые врачи. Им абсолютно все равно, жив пациент или умер, лишь одно беспокоит их: вовремя получить вознаграждение. А господа адвокаты — извините, пожалуйста, — только и молят бога, чтобы вспыхнула зависть и вражда между людьми, а они нажились бы на этом. «Время — деньги» — вот что стало для нас свято.

И каждый из этих сильных мира сего присваивает средства к существованию не у сотен, а тысяч, даже сотен тысяч бедняков, и тем не менее претендует на звание защитника интересов народа. Он бьет в литавры о своей любви к народу. Но работают пусть другие, считает он,

пусть другие обливаются потом, а его дело — улаживать свое чрево и самодовольно покручивать ус. Всю интеллигенцию, все так называемое образованное общество я считаю не только никчемным, но даже вредным.

— Вы хотите, чтобы мы все, без исключения, занимались физическим трудом? — очень спокойно спросил господин доктор.

— Отнюдь нет. Хотя если бы было так, то это принесло бы человечеству огромную пользу. Я возражаю лишь против несправедливого неравенства. Если какой-нибудь рабочий может жить на пять рупий в месяц, то для человека, занимающегося умственным трудом, должно быть достаточно вдвое, ну втрое больше, и это нужно лишь потому, что человеку умственного труда необходимо немного более качественное питание, одежда и удобства. Но к чему такая противоестественная разница: пять рупий и пять тысяч, пятьдесят рупий и пятьдесят тысяч? Мало того, у нас не только не осуждают подобное несоответствие, но даже восхваляют его. Государственное управление, правосудие, медицина, живопись, образование, компрадорство, торговля, музыка и сотни других подобных видов деятельности стали теперь средством существования для многих представителей образованных слоев общества. И никто из них не желает заняться производительным трудом. Все они живут за счет производимого другими. Так почему же тогда профессии, которые непосредственно производят средства существования, на которых зиждется сама жизнь, считаются ниже тех профессий, единственная задача которых — доставлять развлечение или, в лучшем случае, способствовать созданию материальных благ. Если бы, к примеру, взять да изгнать из страны всех адвокатов и ликвидировать всех компрадоров, если бы, допустим, исчезло все чиновничество, то мир и тогда продолжал бы развиваться, и еще лучше, чем прежде. Крестьяне так же будут пахать землю, ткачи — ткать одежду, плотники, кузнецы, каменщики, кожевники — все по-прежнему будут продолжать свою работу, а панчаюты — разрешать их споры. А вот если бы вдруг не стало крестьян, мир охватил бы голод. А между тем считают, что крестьянину много и пяти рупий, тогда как господину адвокату или врачу недостаточно даже пяти тысяч.

— Вы забываете об одном из важных принципов экономики, который называют разделением труда. Природа наградила людей различными способностями, и для развития этих способностей необходимы различные условия,— заметил доктор.

— Разве я говорю, что необходимо каждого человека заставить заниматься физическим трудом? Отнюдь нет. Кому бог дал разум, тот пусть изучает науки, кто впечатлителен, пусть занимается поэзией, тот, кто ненавидит несправедливость, пускай занимается юриспруденцией. Я говорю лишь о том, что не должно быть такого различия в положении разных профессий. Такая разница между умственным и физическим трудом противоречит справедливости. Ведь превосходство ненужных и бесполезных профессий над необходимыми и полезными явно противоречит законам природы.

Некоторые господа думают, что такая нивелировка приведет к принижению выдающихся людей, и их высокие мысли и великие дела не смогут приносить пользу миру. Но эти господа забывают, что самые выдающиеся ученые мира, самые великие поэты, крупнейшие изобретатели, известнейшие преподаватели были свободны от жажды богатства и власти. Часто обстоятельства заставляют нас становиться поэтами и преподавателями, и это также одно из нежелательных последствий нашей неустроенной жизни. Сколько сейчас в мире писателей и поэтов, адвокатов и преподавателей — и все они за малым исключением лишь обременяют собою землю. И когда они наконец поймут, что их «божественная» деятельность никому не приносит никакой пользы, тогда поэтами останутся лишь те, которым действительно следует ими быть. Короче говоря, жажда наживы привела в беспорядок все наше общество.

— Милостивый государь,— возбужденно сказал доктор Мехра,— предлагаемая вами форма общественного устройства более подходит для рая, чем для реального мира, и в наш век материализма она никак не может быть приемлема.

— Вот потому-то и существует до сих пор плутократия богачей, помещиков и образованного общества,— продолжал Премшанкар.— Однако этому господству уже не раз наносились удары. И все, что происходит сей-

час, говорит о том, что в ближайшем будущем оно снова потерпит поражение. И это поражение, очевидно, будет окончательным. Движение колеса истории началось с равенства, равенством оно и закончится. Монархия, власть феодалов и господство торговли — всего лишь промежуточные стадии его движения. И на современном этапе оно уже миновало эти промежуточные фазы и все ближе и ближе подходит к финишу. Но наши глаза настолько затуманены властью и господством, что мы ничего не видим ни позади, ни впереди. Со всех сторон мы слышали крики о демократии, но относимся к ним с непростительной беспечностью, словно это обычный гром. Мы все еще занимаемся науками и искусством, базой для существования которых служит труд других. Все больше и больше растет у нас число учебных заведений, в нашей коллегии адвокатов некуда ногой ступить, в каждом переулке открываются фотостудии, число врачей уже превзошло число больных, а наши глаза все еще никак не прозреют. Мы даже не стремимся освободиться от чар этой неустроенной жизни, этой так называемой цивилизации. Мы открываем заводы в городах, с тем чтобы разбогатеть на труде рабочих. Мы вне себя от радости, предвкушая тридцати-сорокапроцентные доходы, однако нигде что-то не видно, чтобы какой-нибудь образованный господин начал вдруг ткать одежду или пахать землю. А если даже кто-нибудь и сделает что-либо подобное, то его просто-напросто поднимают на смех. Мы считаем достойным чести и славы того, кто восседает на мягких подушках и наживает сотни тысяч на торговых сделках и ростовщичестве, не пошевелив даже пальцем.

Разговор еще не окончился, когда Дурга принес корзинку с апельсинами, цветной капустой, гуавами, стручковым горохом и поставил ее перед господином доктором.

Лицо садовника светилось гордостью.

— Какие саженцы желает господин? — спросил он, сев рядом с доктором на плетеный камышовый стул. — Напишите список и отдайте его нашему многоуважаемому управляющему. Завтра я доставлю саженцы к вам домой. Как здоровье ваших детей?

— Да дети чувствуют себя хорошо. Ну, а как ты поживаешь? — несколько смутившись, спросил в свою очередь доктор.

— Благодаря вашей милости замечательно!

Господин доктор поднялся. Премшанкар проводил его до ворот. Сев в машину, Мехра, улыбнувшись, сказал Премшанкару:

— Я не согласен с вашими принципами, но несомненно, вы из животного сделали человека. Это плод вашего общения с хорошими людьми. Но, простите меня за смелость, я все же советую вам остерегаться этого человека. Наука не изобрела пока еще такого средства, которое уничтожило бы врожденные инстинкты.

ПОБЕДА ПОРАЖЕНИЕМ

1

Ш а р д а ч а р а н: Кешав был моим давним соперником. И в красноречии, и в остроумии, и в веселой выдумке, и, наконец, в литературных талантах — во всем он намного опередил меня. Тусклый свет моего светильника не мог соперничать с лунным сиянием его достоинств. И самым сокровенным моим желанием в то время было хоть раз превзойти Кешава, хоть раз унижить его, в чем, конечно, я не признавался тогда даже себе. Кто же признается в своих недостатках? Хотя, говоря по правде, всевышний и в самом деле не наделил меня таким же, как у Кешава, умом. Лишь одно в какой-то степени утешало меня: пусть мне никогда не удастся сравниться с ним в области теоретических знаний, но уж в практической жизни — и в этом я был твердо уверен — венец первенства будет принадлежать мне. Однако, когда, к несчастью, он вместе со мной нырнул в море любви и прекрасный жемчуг оказался в его руках, я пришел в отчаяние.

Темой своих диссертаций на звание магистра искусств мы оба избрали вопросы социализма. И я и он были социалистами. В отношении Кешава это было вполне естественно: он не был ни слишком знатного рода, ни слишком богат, что обычно восполняет первый недостаток. Со мной же дело обстояло несколько иначе. Я был потом-

ственным аристократом, сыном крупного помещика. Поэтому многих удивляла моя приверженность социализму.

Господин Харидас Бхатия, профессор, читавший нам курс лекций по социализму, хотя и признавал принципы социализма, но, должно быть, не считал нужным пренебрегать богатством, ибо для своей Ладжавати он предпочел не талантливому Кешава, а меня.

Однажды вечером он зашел ко мне.

— Шардачаран,— сказал он взволнованно,— вот уже много месяцев меня беспокоит один вопрос. Надеюсь, ты можешь разрешить его. Ты знаешь, что у меня нет сына, и вас обоих—тебя и Кешава—я считаю своими детьми. Хотя Кешав и способнее тебя, но я уверен, что он не сможет достичь такого успеха в этом необъятном мире, какого добьешься ты. Поэтому для своей Ладжавати я выбрал тебя. Могу ли я надеяться, что мое желание исполнится?

Я был свободен. Мои родители, отправившись в мир иной, покинули меня, когда я был еще ребенком, и теперь мне не у кого было спрашивать разрешения. Пожалуй, не найдется мужчины, который не поблагодарил бы судьбу, заполучив в жены такую скромную, прекрасную и хорошо образованную девушку, как Ладжавати. И я не помнил себя от радости.

Ладжавати была прекрасна, как цветущий сад, плывущий своей свежестью и полный чарующего аромата роз, нежных порывов ветра и сладкого пения птиц. Она тоже увлекалась социализмом. Сколько раз беседовали мы с ней относительно участия женщин в общественной жизни страны и о других подобных вопросах. Ладжавати стояла не только за принципы вообще, как профессор Бхатия, она хотела провести эти идеи в жизнь. Своим возлюбленным она избрала способного Кешава. И хотя я знал, что девушка никогда не сможет нарушить волю профессора Бхатия, мне все же не хотелось, чтобы она стала моей против своего желания. В этом вопросе я придерживался принципа добровольности. Поэтому я не мог насладиться нежданной радостью, зная, как это взволнует и даже взбесит Кешава. Мы оба страдали, и во мне впервые проснулось сочувствие к товарищу. Я только хотел узнать, почему у Ладжавати не лежит ко мне сердце. Но я боялся говорить с ней на столь деликатные темы, и это было вполне естественно, потому что каждая женщина всячески оберегает свои сердечные тайны. Но

Ладжавати сама, вероятно, считала своей обязанностью объяснить мне положение дел и только искала для этого удобного момента. Случилось так, что вскоре эта возможность ей представилась.

Был вечер. Кешав ушел в общежитие раджпутов читать лекцию о социализме. Профессор Бхатия председательствовал на этом собрании. Ладжавати сидела дома одна. Стараясь скрыть свое волнение, изнывая от страданий и отчаяния, я сел рядом с ней. Девушка бросила на меня мимолетный взгляд и сочувственно произнесла:

— Ты, кажется, чем-то взволнован?

— Да нет, пустяки,— ответил я с притворным равнодушием.

— И лекцию Кешава не пошел слушать?

Мои глаза метнули искры, но, овладев собой, я проговорил:

— У меня сегодня болит голова.

И вдруг из моих глаз скатилось несколько слезинок. Я не хотел, чтобы она видела мои страдания, не хотел стать объектом ее сочувствия. По-моему, плакать при- сущее лишь женщинам. Я хотел выразить ей свой гнев, а полились слезы. Не всегда чувства поддаются контролю.

У Ладжи тоже покатались по щекам слезы, когда она увидела, что я плачу.

Я не злой, не подлый человек, но неизвестно, почему в тот момент при виде плачущей Ладжавати я почувствовал радость. И хотя у меня самого на душе было не-весело, я все же не смог удержаться, чтобы не съязвить.

— Странно, Ладжа. Вот я, например, оплакиваю свою судьбу, взываю, можно сказать, к твоей справедливости. И это понятно. Но почему у тебя на глазах слезы?

Ладжа укоризненно взглянула на меня.

— Где уж тебе постичь тайну моих слез,— произнесла она.— Ведь ты никогда даже и не пытался понять меня. Стараясь язвить, ты успокаиваешь себя. А что делать мне? Знаешь ли ты, сколько я передумала, сколько ночей провела без сна, сколько слез пролила, прежде чем скрепя сердце решила на это. Твое аристократическое происхождение, твое поместье, словно стена, встали на моем пути, и я не могу преодолеть эту стену. Я знаю, ты нисколько не кичишься своим знатым происхождением и поместьем, но я знаю также и то, что твой социализм, взлелеянный в прохладной тени колледжа, недолго

сможет вытерпеть зной и пламя мирской суеты. И тогда ты непременно расквасишься и пожалеешь о своем решении, а я перестану что-либо значить для тебя и буду лишь отравлять твою жизнь.

— Неужели ты думаешь, что те обстоятельства, которые уничтожат мой социализм, пощадят и твой? — ласково спросил я.

— Да, я совершенно уверена, что на меня они не окажут никакого влияния. У меня никогда не было поместий, и ты прекрасно знаешь, что мы небогаты. Отец получил профессорскую должность лишь благодаря неустанному труду и упорству. Я не забыла тех дней, когда еще жива была моя мать и отец приходил домой после частных уроков в одиннадцать часов ночи. И если я никогда не смогу кичиться тем, чего у меня не было, то в твоем сердце вечно будет жить тщеславие обладателя поместья и знатного происхождения. Я же могу возгордиться этим лишь в том случае, если потеряю память.

— Что делать, не в моей власти уничтожить свое знатное происхождение, — резко ответил я, — но ради тебя я готов хоть сейчас отказаться от поместья.

— Опять то же благородство! — воскликнула Ладжа с жестокой усмешкой. — Если бы ты говорил все это наивной девочке; она, наверно, не помнила бы себя от радости. Я же не могу играть в благородство, когда дело идет о счастье или горести всей жизни двух человек. Женитьба это не пустая формальность. Бог свидетель, я вынуждена так поступить. Пока мне и самой неизвестно, куда поплывет мой челн. Но я не могу осложнять твою жизнь.

Уходя от нее, я был не столько расстроен, сколько озабочен. Ладжа задала мне новую задачу.

2

Мы оба одновременно получили звание магистра искусств. Кешаву был присужден диплом первой степени, мне — второй. Его послали преподавателем в один из колледжей Нагпура, а я, уехав домой, стал приводить в порядок свое поместье. Расставаясь, мы обнялись с ним и даже всплакнули. Соперничество и ревность остались в колледже,

В своей провинции я был первым помещиком, получившим звание магистра искусств, и государственные чиновники сначала относились ко мне очень любезно, но, узнав о моих убеждениях, несколько поумерили свою благосклонность. В свою очередь и я прекратил общение с ними. Большую часть времени я проводил среди своих крестьян-арендаторов.

Не прошло и года, как один из помещиков отправился на небеса, освободив место в совете штата. И хотя я со своей стороны не предпринимал никаких попыток, чтобы войти в совет, крестьяне решили возложить на меня обязанности своего представителя. И вот в то время, когда бедняга Кешав читал лекции в колледже, прозябал в безвестности, я благодаря своему знатному происхождению стал членом совета. Мои речи печатались в газетах. Вопросы, которые я в них ставил, вызывали одобрение. В совете ко мне начали относиться с особым уважением. Воспряли духом сторонники демократизма, которым обстоятельства не давали прежде возможности проявить себя. Мы создали демократическую фракцию и начали энергично отстаивать права крестьян. Это вызвало у большинства помещиков недовольство мной, и кое-кто из них даже пытался угрозами заставить меня сойти с избранного мною пути. Но я был верен себе. Разве мог я отказаться от такой благоприятной возможности служить народу. К исходу второго года меня уже считали видным общественным деятелем. Мне приходилось много работать, много читать, много писать и часто выступать с речами, но это ничуть не смущало меня — своей работоспособностью я был обязан Кешаву. Это он приучил меня к напряженному ритму жизни.

Я продолжал получать письма и от Кешава и от профессора Бхатия, писала иногда и Ладжавати. Раз за разом от ее писем все больше и больше веяло любовью и уважением. С восторгом, не скупясь на похвалы, одобряла она мое служение родине. Сомнения, которые мучили ее раньше, рассеивались. Мое самопожертвование стало привлекать девушку. Письма Кешава были полны разочарования. Колледж, в котором он преподавал, испытывал недостаток в средствах. Прошло уже три года, а Кешав все еще не получил повышения. По письмам его я понял, что он недоволен жизнью. Возможно,

главная причина этого скрывалась в том, что до сих пор не осуществлялась сокровенная мечта его жизни.

На третий год, во время летних каникул, приехал по-видаться со мной профессор Бхатия. От меня он возвращался очень довольным. Ровно неделю спустя я получил письмо от Ладжавати.

Итак, суд зачитал решение. Мне вынесли приговор. Впервые Кешав оказался побежденным в соперничестве со мной. Я был в беспредельном восторге.

Профессор Бхатия решил объездить все провинции Индии. Он писал книгу о социализме, и ему необходимо было провести кое-какие исследования в крупных городах страны. Ладжу он хотел взять с собой. Было решено, что наша свадьба состоится в марте, когда они вернутся. С огромным нетерпением коротал я дни разлуки. До тех пор, пока я был уверен, что выигрыш достанется Кешаву, я был безнадежно спокоен, теперь же вместе с надеждой пришла и страшная тревога.

3

Наступил конец марта.

Давно уж истек срок ожидания. Прошли дни тяжелого труда, наступило время уборки урожая. В письме из Дакки господин профессор написал, что из-за ряда неотложных дел он приедет не в марте, а в мае.

Тем временем в Найнитал приехал диван¹ Кашмира Лала Сомнатх Капур. В Законодательном собрании шли дебаты по вопросу о бюджете.

В честь кашмирского дивана губернатор устроил прием. Получили приглашение и представители совета. Мне выпало счастье произнести от имени совета торжественное приветствие. Моя речь очень понравилась господину министру, и перед уходом он несколько минут беседовал со мной и пригласил к себе в гости. Вместе с ним была на приеме и его дочь Сушила. Она стояла позади отца, склонив головку, и казалось, будто она внимательно изучает что-то у себя под ногами. Я не мог не залюбоваться ею. Во время моего разговора с министром она неоднократно порывалась уйти, но, словно испу-

¹ Д и в а н — министр, ведающий всеми делами княжества.

гавшись чего-то, возвращалась с полдороги. Так бывает с маленькими детьми: когда какой-нибудь незнакомец пытается приласкать ребенка, тот сначала устремляется к нему, но затем вдруг испуганно прижимается к материнской груди. Если Ладжа казалась цветущим садом, то Сушила напоминала прохладную реку с тенистыми берегами, о которые нежно плещутся волны, резвится у водопоя стадо оленей, а в ветвях деревьев порхают птицы.

Вернувшись домой, я почувствовал себя таким усталым, будто совершил трудный переход. Красота — живой бальзам, но почему она так бережит душу?

Я лег, но едва я закрыл глаза, как моментально возник передо мной образ Сушил. Я боялся, что стоит мне хоть на один миг отдалиться во власть этого водоворота, и он засосет меня. Ведь я уже принадлежал Ладжавати, и теперь только она была владычицей моего сердца, у меня уже не осталось на него никаких прав. Но все мои попытки сдержаться, все мои доводы оказались тщетны. Разве можно удержать на нитке лодку в бурном потоке? В конце концов я целиком отдался нахлынувшему потоку мыслей, и моя ладья, лишь недолго продержавшись на бурных волнах, исчезла в их пучине.

На следующий день в назначенное время я прибыл к господину министру.

Я дрожал и трепетал, точно малыш, который, вздрогнув при виде сверкающего алмаза, закрывает глаза, боясь, что этот чудесный блеск пропадет и он его больше не увидит. Даже самый простодушный крестьянин не испытывал, должно быть, такого страха перед судом, как я, трепещущий при одной лишь мысли о предстоящем испытании. Я был уже побежден, и у меня не было сил сопротивляться.

Господин министр поздоровался со мной за руку, и почти час беседовали мы на экономические и общественные темы. Я был удивлен его эрудицией. Никогда еще не встречал я такого интересного собеседника: шестидесятилетний старик, а настоящий кладезь шуток и юмора. Уж и не знаю, сколько стихов помнил он на санскрите, хинди и урду. Нет-нет да и вставит к месту какое-нибудь правоучительное изречение. Жаль, что теперь все меньше становится людей подобного склада. Каким должно было быть образование, если оно порождало такие сокровища? Ничего похожего сейчас уже нет. Нынешние люди — хо-

дичее воплощение одолевших нас забот, улыбки на губах никогда не заметишь.

Господин министр сначала велел подать чаю, затем фрукты. Я же время от времени нетерпеливо озираясь по сторонам, напряженно глядел на дверь, мой слух жадно старался уловить звук ее голоса. И страшно было, и что-то влекло; и трепет был и какое-то напряжение. Вот так ребенок хотя и боится качелей, но все же очень хочет на них покачаться.

Пробило девять часов вечера. Пора было уходить. Я чувствовал себя неловко, мне казалось, что господин министр думает обо мне примерно так: «Делать ему, видно, нечего. И чего он сидит тут вот уже часа два? Почему не уходит?»

Темы для разговора иссякли, закончились и шутки. Наступило молчание, которое говорило: «До свидания. С вами хорошо, а без вас лучше». Я несколько раз намеревался встать, но ведь даже смерти приходится повременить, когда влюбленный ожидает свою возлюбленную. Так мы просидели до половины десятого. Теперь уж мне ничего не оставалось сделать, как распрощаться. Сердце мое, казалось, остановилось.

То, что я называл страхом, было на самом деле апогеем страсти.

Выйдя из дома, я почувствовал себя таким ослабевшим и разбитым, что казалось, душа моя вот-вот расстанется с телом. Мне стыдно было за свою ничтожность. «Неужели ты думаешь, что ты что-либо значишь,—ругал я себя.— Никто тебя здесь не знает, и никому и дела нет, жив ты или мертв. Так зачем мне страдать? Что в ней особенного? Мало ли в мире девушек, кроме нее? Да и красота не такая уж редкая вещь. Плохо тебе придется, если ты будешь приходить в такое состояние при виде каждой смазливой девушки. А ведь она, наверно, и обо мне думает то же самое: «Стоит ли обращать внимание на всякого красивого юношу? Знатные девушки так не поступают. Если по отношению к мужчинам увлечение красотой достойно осуждения, то для женщин оно просто губительно. К тому же, если женщина будет заменять свои чувства, это пагубно отразится на ее внешности».

Вечером следующего дня я сидел на веранде и просматривал газету, раздумывая, не сходить ли в клуб. На

сердце было немного грустно. Вдруг я увидел проезжавший мимо экипаж господина министра. Он недолюбливал автомобиль, называя его дьявольской машиной. В экипаже сидели господин министр и Сушила. Сердце мое бешено заколотилось. Не знаю, взглянула ли она на меня, или нет, но я провожал ее пристальным взором до тех пор, пока экипаж не скрылся из виду.

На следующий день я снова сидел на веранде. Мой взгляд был прикован к улице. Экипаж снова проехал мимо. И это стало заведенным правилом. Теперь у меня только и дела было, что весь день сидеть на веранде, ибо неизвестно, когда может появиться экипаж. Вечером я особенно старался не покидать своего наблюдательного пункта.

Так прошел месяц. К делам совета я теперь охладел, к газетам и романам тоже душа не лежала. Не было настроения ходить даже на обычные прогулки. Не знаю, как это влюбленных безумно тянет уйти куда-нибудь в лес, в горы, забраться в глухие дебри. Я же, казалось, был прикован к одному месту. Веранда и экипаж — больше меня ничто не интересовало. Должно быть, у меня не на шутку вскружилась голова. Я мог пригласить к себе в гости господина министра или даже Сушилу — это вполне возможно согласно английским правилам вежливости, — но я действительно все еще боялся ее. К тому же я до сих пор считал Ладжавати своей возлюбленной, и мое сердце принадлежало ей, несмотря на то, что им овладела какая-то другая сила.

Прошел еще месяц, а я не написал Ладже ни одного письма. Писать ей было теперь свыше моих сил. Я считал преступлением перед совестью вести переписку с ней. Я изменил ей и не имел отныне ни малейшего права осквернять ее своей нечистой душой. «Чем все это кончится?» — думал я, и эта мысль, подобно прозовой туче, давила меня день и ночь. Жизнь стала бесцельной. Я таял день ото дня, сгорая от страсти. Друзья часто спрашивали меня: «Что с тобой? Ты побледнел и осунулся. Ешь побольше, — советовали они. — Хорошее питание подобно лекарству». Когда я ложился спать, мне казалось, что меня заперли в клетке. Если кто-нибудь приходил в гости, я не мог говорить с ним — мысли витали где-то далеко-далеко — и подчас оказывался в нелепом положении.

Однажды вечером экипаж господина министра остановился у ворот моего дома. Недавно был издан сборник статей Лалы Сомнатх Капура, и господин министр приехал подарить мне один экземпляр. Я стал упрашивать его присесть, но он сказал, что Сушила постеснялась зайти сюда и будет волноваться, если надолго останется в экипаже одна. Я проводил гостя до самого экипажа. Когда господин министр сел в экипаж, я, набравшись смелости, устремил свой взор на Сушилу. О! В тот миг я чувствовал себя томимым жаждой путником, который жарким летним днем набрел на прохладный источник и старается напиться досыта, не зная, когда снова доведется достать воды. В моем пристальном взгляде были такая сила, мольба и страсть и в то же время такая печаль, надежда и кротость, что взгляд этот мог бы расплавить даже каменную статую. А ведь Сушила была женщиной. Она тоже посмотрела на меня, посмотрела бесстрашно, просто, ничуть не смутившись, даже не вздрогнув. Мое поражение завершилось, и вместе с этим взгляд девушки точно наполнил меня живительным бальзамом. Во мне пробудились новые силы.

Когда я вернулся домой, меня охватила такая радость, словно я нашел сказочное дерево кальпаврикша¹.

На следующий день я написал письмо профессору Бхатия. «Вот уже несколько дней меня мучит какая-то болезнь, возможно, это туберкулез. Поэтому я считаю, что устраивать свадьбу в мае не следует».

Я хотел порвать с Ладжой, но так, чтобы не потерять уважения в ее глазах. Иногда во мне вспыхивал гнев на самого себя за мой непростительный эгоизм. Хитря и обманывая Ладжу, я пал в собственных глазах. Но взять себя в руки у меня не было сил. Сколько раз плакал я, размышляя о том, какую боль причиню этой девушке! Ведь до сих пор я совершенно ничего не знал о характере, убеждениях и склонностях Сушиллы. Я приносил в жертву ее красоте годами лелеемые мечты о Ладже, словно несмысленное дитя отказываясь от молочной рисовой каши при виде конфет. Я просил про-

¹ К а л ь п а в р и к ш а — мифическое дерево желаний, которое, по верованиям индуизма, исполняет любое желание своего владельца.

фессора не говорить Ладже о моей болезни. Но господин профессор был слишком мягок. И на четвертый день я получил от Ладжи письмо, в котором она обнажила свое сердце. Ради меня она была готова на все — вплоть до страданий вдовы. Она хотела, чтобы мы поженились немедленно. О боже! Несколько часов сидел я с письмом в руках в полуобморочном состоянии. Как отвратительны были мой эгоизм, мое бессилие и ничтожество перед этим неземным самоотречением!

4

Ладжавати: Разве Савитри, зная обо всем, не вышла замуж за Сатьявана?¹ Так почему же я должна бояться? Зачем мне отступать от своего долга? Я выполню обет, совершу предначертанное и пожертвую собой ради него. Страх не может разлучить нас. Я никогда еще так не любила его, никогда не испытывала такого волнующего чувства. Это час моего испытания, и я решилась. Отец только что вернулся из поездки, денег нет, и он не в состоянии устраивать сейчас свадьбу. Свадьба возможна лишь месяца через три-четыре. Но я не буду медлить. Мы теперь же будем принадлежать друг другу, наши сердца соединятся навеки, и никакое несчастье, никакое горе не разлучит меня с ним. Даже один день промедления невыносим для меня. Я не сторонница традиционных обрядов и обычаев, он тоже рабски не следует им, да и отец не поклонник старины. Так почему бы мне не поехать в Найнитал сейчас же. Я буду ухаживать за ним, утешать его; я освобожу его от всех забот и трудных дел, хозяйство в поместье возьму в свои руки. Он подорвал здоровье лишь потому, что, не жалея себя, занимался делами совета. Ведь именно его вопросы, его критические статьи, его выступления печатаются в газетах. Я попрошу его на некоторое время оставить совет. С каким удовольствием слу-

¹ Савитри — жена легендарного раджи Сатьявана. Согласно легенде, царевна Савитри согласилась стать женой Сатьявана, хотя и знала, что ему предопределено жить всего лишь год. Когда бог Яма пришел за душой ее мужа, Савитри последовала за ним в подземное царство. Пораженный самоотверженностью женщины, Яма вернул ей мужа.

шал он прежде, как я пою! Я порадую его своими песнями, буду читать ему сказки — я сделаю все, чтобы предоставить ему покой. В нашей стране не могут лечить эту болезнь. Я упаду ему в ноги и буду умолять поехать полечиться в какой-нибудь санаторий в Европе. Завтра же пойду в колледж и возьму в библиотеке книги об этой болезни и изучу их как следует. Через два-три дня занятия в колледже заканчиваются, и я сегодня же поговорю с отцом о поездке в Найнитал.

5

Ох! Я еле узнала его вчера. Раньше у него было свежее лицо, он был упитан — ну прямо кровь с молоком! Он был красивым, стройным и выглядел мужественно. И что же случилось с ним всего за три года. Лицо побледнело, сам превратился в щепку. Все время о чем-то грустит, никуда не выходит, аппетит потерял. Столько слуг, такое очаровательное место — только и развлекайся! А ему, видно, жизнь не мила. Да пропади пропадом эта проклятая болезнь! Уж если ей нужна была жертва, так почему не выбрала она меня?! Я с радостью отдала бы за него свою жизнь. Ах, найти бы такое средство и заставить болезнь перекиннуться на меня! Как радовался он прежде, видя меня, — он весь, казалось, светился от счастья. А теперь... Вот уже второй день я в Найнитале и до сих пор не видела улыбки на его лице. Когда я вошла на веранду, он, конечно, улыбнулся, но как печальна была эта улыбка. Даже отец не смог сдержать слез и долго плакал, уйдя в свою комнату. Говорят, в совет идут только те, кто жаждет почестей и славы! Какое грубое обвинение против несчастных членов совета! Какая жестокая несправедливость! И это, когда им приходится, не жалея себя, до последней капли крови отдаваться служению народу... И вот награда!..

А здешним господам и заботы мало! Мой отец попытался было заговорить о болезни кое с кем из тех, кто навещает Шардачарана, но они остались равнодушными. И это называется сочувствием друзей! Все заняты самими собой. Никому нет дела до того, как живут другие. Да, и все же мне кажется, что он ошибается. У него нет туберкулеза! Я не вижу никаких признаков этой бо-

лезни. О боже! Сделай так, чтобы мои предположения были верными. Думаю, что он болен чем-то другим. Я несколько раз измеряла температуру — температура была нормальная, она не поднималась внезапно, как бывает при туберкулезе. Но если это и туберкулез, то в начальной стадии, и нет никаких оснований бояться, что при правильном лечении болезнь нельзя вырвать с корнем. С завтрашнего же дня я регулярно буду возить его на прогулки. Нет нужды в машине — поездка в экипаже принесет больше пользы. Мне кажется, он сам несколько беспечен. Я видела, как больные туберкулезом сами предпринимают меры предосторожности. Десятки раз в день измеряют температуру, тщательно обдумывают, что полезно и что вредно для здоровья, составляют себе диету из молока, фруктов и других питательных продуктов, не то что он: съест два-три кусочка из того, что подано к столу по усмотрению повара, и все.

Я больше и больше убеждаюсь, что его мучает что-то другое. При первом же удобном случае выясню, в чем дело. Уж не беспокоит ли его что-нибудь еще? Не висят ли над помещьем долги? Небольшой долг, очевидно, все-таки есть. Это же одно из неотъемлемых достоинств нашей аристократии. Но если главная причина его недомогания — долги, в таком случае это должна быть крупная сумма.

6

Горестные думы так угнетают меня, что писать ничего не хочется. Желания всей моей жизни пошли прахом. О, злая судьба! Какой счастливой считала я себя прежде, а теперь на всем свете нет, наверно, никого несчастнее меня. То бесценное сокровище, которого я добивалась долгим самопожертвованием и преклонением, без всякого труда досталось этой красавице, с глазами серны. Шарда видел ее только что. Возможно, до сих пор они даже не разговаривали друг с другом. Но как он любит ее! Мне кажется, он обезумел от любви к ней. Бог не дал мужчинам сердца, он наградил их только глазами. Они не умеют ценить душевных качеств и преклоняются лишь перед красотой. Если бы я хоть сколько-нибудь могла быть уверенной в том, что Сушила принесет ему больше счастья, чем я, что она сделает его жизнь

более содержательной, я бы без всяких возражений уступила ей дорогу. Но она так горда, так жестока, что я боюсь, как бы Шарде не пришлось раскаиваться. Однако это все мои корыстные мечты. Пусть Сушила горда, пусть жестока, пусть кокетлива, но ведь Шарда принес ей в жертву свою любовь. Он умный, талантливый, дальновидный. Он сам прекрасно решит, что для него лучше, что хуже. Должно быть, он все уже обдумал. И если это так, то я не имею права мешать его счастью. Я должна смириться и, разочарованная, отчаявшаяся, с разбитым сердцем, должна заставить себя уехать отсюда. Я только молю бога сделать его счастливым. Я ничуть не ревную, нисколько не притворяюсь. Ведь я раба его желаний и с радостью выпила бы чашу яда, если бы это доставило ему удовольствие. Только любовь — душа жизни. Лишь ради нее желаем мы жизни. И если случается умереть ради нее, то это большое счастье! Ну что ж, я уйду, если только уход мой уладит все трудности. На то божья воля. Да, ничто человеческое не чуждо человеку! Можно ли спокойно смотреть на то, как топчут цветок любви, взлелеянный долгими трудами и политый слезами. Сердце мое разрывается на части, точно мокрый листок бумаги, слезы неудержимо льются из глаз. Как успокоить душу? И вот теперь я навеки разлучаюсь с тем, кого считала уже своим, к ногам которого я принесла свое сердце, с тем, кто пробудил к жизни древо моей судьбы, к кому возносила я свои молитвы и думать о ком было самым дорогим для меня занятием.

Ох! Кому пожаловаться? Кому выплакать свое горе?..

Мое слабое сердце не перенесет такого удара. Я погибну. Ну и пусть! Для сердца, лишенного любви, мир — тюремная камера, полная отчаяния и мрака. Я знаю, если сегодня мой отец еще раз поговорит с ним о нашей свадьбе, Шарда согласится на нее. Ведь он воплощение доброты и вежливости. Но он пойдет на жертву только для того, чтобы успокоить меня! Ах! Шарда один из тех порядочных людей, которые не умеют говорить «нет». До сих пор он даже не поговорил с господином министром относительно Сушил. Возможно, ждет, как поведу себя я. Теперь мне ясно: неопределенность привела его в такое состояние. Он, конечно, постарается сделать меня счастливой, никогда не будет огорчать меня, даже случайно не обмолвится о Сушילה. Я знаю его характер. Он

настоящее сокровище. Но я не хочу стать путами на его ногах. Все, что случилось, случилось только со мной. К чему же и его втягивать в это? Уж если суждено утонуть — тони одна. Зачем же его топить с собой? Я знаю, если горе убьет меня, он никогда не простит себе этого, никогда не успокоится и всю жизнь будет сокрушаться и раскаиваться. Ах, как трудно: я даже не вольна умереть! Чтобы принести ему счастье, я сама должна стать счастливой. Единственный выход: поступить с ним жестоко и пойти на хитрость. Ну что ж, скажу ему, что раз он болен, не может быть никакого разговора о свадьбе. Придется взять на себя вину за нарушение клятвы. Другого пути к освобождению нет. Боже, дай мне силы выдержать это испытание.

7

Шардачаран: Один-единственный взгляд решил все. Так одержала надо мной победу Ладжа. Одним-единственным взглядом сразила меня и Сушила. В этом взгляде была могучая, влекущая сила, какая-то чарующая непосредственность, откровенное восхищение и детская радость, словно она нашла красивую игрушку. Во взоре Ладжи было прощение и печаль, отчаяние и душевная боль. Она приносит себя в жертву моим желаниям. Как тонко разобралась она в моей душе. В своей проницательности она поняла все и быстро приняла решение. Она не захотела стать помехой моему счастью и потому решила показать, что ей до меня нет никакого дела: если ты хоть чуть-чуть отодвинешься от меня, я отодвинусь на целый метр. Но чувства как аромат — их утаить нельзя. И за жестокостью Ладжи скрывалась боль отчаяния, в улыбке ее блестели слезы. Почему она тайком от меня уходила на кухню и готовила для меня мои любимые кушанья? Почему она потихоньку, чтоб я не слышал, приказывала слугам заботиться обо мне? Почему всегда прятала от меня газеты? Почему заставляла меня ходить по вечерам на прогулки? Каждое слово Ладжи, каждый поступок обнажали ее сердце. Возможно, она не догадывалась, что дар познания души — не исключительно женское качество.

Когда однажды профессор Бхатия во время разговора начал язвить по моему адресу, назвав меня рабом

власти и богатства, и поднял было на смех мой социализм, как ловко уклонилась она от разговора на эту тему. Не знаю, что она сказала ему потом, но, сидя на веранде, я слышал, как отец и дочь спорят о чем-то в саду. Так неужели найдется такое бессердечное существо, которое не склонило бы голову перед этим бескорыстием? Я знал Ладжавати очень давно, но только во время этой встречи увидел ее подлинный облик. Раньше я преклонялся перед ее красотой, благородством и нежным голосом, но не замечал ее светлой прекрасной души. И только сейчас узнал я, как глубока, как чиста и беспредельна ее любовь. Другая на ее месте обезумела бы от ревности, и если не меня, то уж Сушилу возненавидела бы непременно. Наговорила бы ей всяких дерзостей, назвала бы меня обманщиком, бессердечным лицемером и уж не знаю как еще. Но я никогда не забуду, как искренне, с любовью встретила Ладжа Сушиллу. Ни единого пошлого, оскорбительного или хотя бы резкого слова. Она взяла девушку за руку и гуляла с ней, точно это была ее младшая сестра, приехавшая погостить. Сушиллу тоже тронуло такое отношение. Ох!..

Не забуду я и прощания с Ладжавати. Профессор Бхатия уже сидел в машине. Он был недоволен мной и хотел как можно скорее уехать. Ладжавати, в белом сари, подошла ко мне. В ней было что-то напоминающее отшельницу, приносящую на алтарь любви свою жизнь. Она казалась гирляндой из белых цветов, возложенной к ногам божества.

Улыбнувшись, Ладжа сказала мне:

— Пиши хоть изредка, я все-таки считаю себя вправе на такую милость.

— Непременно,— ответил я возбужденно.

— Наверно, это последняя наша встреча,— вновь проговорила девушка.— Не знаю, где буду жить, куда поеду, смогу ли приехать еще когда-нибудь... Но ты все же не забывай меня... Если я что-нибудь не так сказала, огорчила тебя, прости и... следи за своим здоровьем.— И она протянула ко мне руки. Они дрожали. Я чувствовал, что еще немного, и из глаз ее хлынут слезы. Боясь, что не сдержится, она уже собралась было выйти из комнаты и бросила на меня прощальный взгляд из-под полуопущенных ресниц. И во взгляде девушки бурлил такой стремительный поток еле сдерживаемых слез, что я не

мог оставаться долее безучастным. Вот этот взгляд и решил исход уже проигранной было партии. Я сжал руки Ладжи и прерывающимся от радостного волнения голосом воскликнул:

— Нет, Ладжа! Теперь мы с тобой не расстанемся.

Вошедший слуга положил перед нами письмо от Сушилы.

«Дорогой и уважаемый Шардачаран,— писала она.— Завтра мы уезжаем. Сегодня я очень занята и поэтому встретиться с Вами не смогу. Этой ночью я поняла, в чем мой долг. Я не хочу разрушать построенный Ладжавати дом. Жаль, я не знала этого прежде, тогда между нами не было бы столь близких отношений. Прощу Вас, не упускайте Ладжу, она настоящее сокровище. Я знаю, я немного красивее ее, и, очевидно, именно это и ввело Вас во искушение, но во мне нет такой самоотверженности, такого чувства преданности и самопожертвования. Я могу принести Вам счастье, но вряд ли помогу Вам сделать жизнь ярче, богаче, чище, Ладжа — богиня, она сделает божество и из Вас. Я же не считаю себя способной на это. Не помышляйте о встрече со мной завтра. Какая польза от слез. Простите!

Ваша Сушила».

Я передал письмо Ладже. Прочитав, она воскликнула:

— Я сегодня же пойду к ней!

— Прости меня, но я не хочу второй раз испытывать твое благородство,— сказал я, поняв ее намерение, и отправился к профессору Бхатия. Профессор, сердито надувшись, сидел в машине. Если бы вместо меня подошла Ладжавати, на нее несомненно обрушился бы ливень упреков.

— Вы всегда считали меня своим сыном,— сказал я, коснувшись его ног и склонив голову.— Так скрепите же теперь наше родство еще крепче.

Профессор Бхатия посмотрел на меня сначала недоверчиво, но затем, улыбнувшись, произнес:

— Это всегда было заветным желанием моей жизни.

НАСТАВЛЕНИЕ

1

В кругу высокообразованных людей Праяга¹ пандит Деваратна Шарма поистине был сокровищем². И образование он получил высшее и из рода был высокого. Справедливое правительство хотело назначить его на высокую должность, но он не считал для себя удобным лишиться свободы. Некоторые друзья-доброжелатели долго уговаривали пандита:

— Не упускайте этого случая, лишь благодаря счастливой судьбе можно получить государственную службу; очень большие люди жаждут ее, но так и уходят из мира с этим желанием. Поймите, нет другого, лучшего пути прославить свой род. Считайте это даром кальпаврикши. Власть, богатство, почет и слава — все ее рабы. Остается служение родине, но зачем же вам жертвовать собой ради родины? В этом городе немало весьма ученых и богатых людей, которые преспокойно и счастливо живут в своих бунгало и разъезжают на автомобилях, поднимая облака пыли. А разве они не патриоты? При случае (когда это необходимо) и они отдают себя служению родине.

¹ Праяг — современный г. Аллахабад.

² «Деваратна» на языке хинди означает «божественное сокровище».

Сколько автомобилей стояло в разгар муниципальной избирательной борьбы у подъезда Мейохолла! ¹ Множество патриотических речей и песен раздавалось в самом Мейохолле. Но разве кто-нибудь из участников этих собраний пожертвовал своими интересами во имя служения родине? Таков закон жизни: свечу зажигают раньше дома, а потом уж в мечети. По правде говоря, эти патриотические разговоры придают блеск лишь студентам некоторых колледжей. Но стоит молодым людям выйти в свет, куда деваются и мысли о народе?! Так уж повелось. Кроме того, какая вам необходимость делаться общественным деятелем? — спрашивали у Деваратны Шармы. — Ведь если вдуматься — ни на одном поприще человек не сможет принести столько настоящей пользы своим соотечественникам, как на государственной службе. Один великодушный полицейский инспектор стоит сотен так называемых служителей народа. Один справедливый, преданный долгу судья может сделать для родины больше, чем тысячи националистов-крикунов. Поэтому любовь к народу надо хранить в сердце. На самом деле, в каком бы положении ни был человек, он всегда, если захочет, найдет возможность позаботиться о благе родины. Поэтому, не колеблясь более, немедленно принимайте должность.

Большинство аргументов в пользу государственной службы не представлялись Шарме-джи сколько-нибудь вескими, но этому последнему доводу он не мог отказать в большой глубине. Однако, то ли из верности принципу, то ли по инертности, которая часто при таких обстоятельствах гордо именуется патриотизмом, пандит счел за благо для себя уклониться от службы. Юноши из колледжей принесли ему немало поздравлений за такое самопожертвование. В связи с этой моральной победой была даже разыграна патриотическая драма, героем которой был наш Шарма-джи. В высших кругах общества также шла молва о его необыкновенном самопожертвовании, и Шарма-джи получил широкую известность.

После этого пандит в течение нескольких лет жил, всецело отдавшись служению народу. Большая часть этого служения проходила в обозрении газет, что счи-

¹ Мейохолл — здание в Аллахабаде, где происходят общественные собрания.

тается особо важным элементом служения народу. Кроме этого, он писал статьи для газет, устраивал собрания, где произносил прочувствованные речи. Шарма-джи был секретарем общества «Свободная библиотека», председателем «Студенческой ассоциации», помощником секретаря «Лиги общественного служения» и основателем «Комитета начального образования». Но особую склонность пандит питал к вопросам сельского хозяйства. Когда он встречал в газетах сообщения о применении какого-нибудь удобрения или о новейших открытиях в области агрономии, он тут же отмечал эти заметки красным карандашом и в дальнейшем писал о них в своих статьях.

Однако, хотя Шарма-джи владел большой деревней совсем недалеко от города, он не знал ни одного крестьянина. Он даже гулять никогда не ходил в ту сторону, где были поля.

2

В том же квартале, где и Шарма, жил некий Лала Бабулал, служивший секретарем у адвоката. Он знал немного урду, хинди и благодаря этому хорошо справлялся с работой.

Красивым его никак нельзя было назвать. Но еще больше «привлекательности» придавал ему ачкан из отечественной клетчатой ткани и ботинки отечественного производства — других он не носил. Однако, следуя своей низкой природе, эти ботинки, хотя Лала Бабулал и смазывал их горчичным маслом, не переставали жать ему ноги. И бедняге шесть месяцев в году приходилось прикладывать к ногам пластыри. Поэтому чаще всего секретарь ходил в суд босиком, но, опасаясь, что его назовут скрягой, носил ботинки в руках.

Лала Бабулал владел небольшой частью той самой деревни, в которой находилось имение Шармы-джи. В дни отдыха он обязательно уезжал в деревню. Это соседство давало Бабулалу повод навещать Шарму-джи. Но пандиту визиты Бабулала казались невыносимыми, особенно если тот появлялся у него в присутствии уважаемых гостей. Бабулал же был столь несообразителен, что совершенно не замечал нежелательности своего присутствия. Обычно он прочно усаживался на стул, словно ворон среди лебедей, и это было самым большим

несчастьем. Тогда друзья пандита начинали разговаривать по-английски и честили Бабулала невежей, пусто-словом, болтуном, болваном и другими прозвищами. Иногда они поднимали его на смех, а Шарма-джи, как человек благородный, всячески старался оградить своего неразумного друга от унижения. Как тому и следовало быть, Бабулал искренне почитал Шарму-джи, который, во-первых, получил ученую степень бакалавра искусств, а это означало, что он был избранным сыном Сарасвати-деви¹, и, во-вторых, был патриотом. Вполне естественно, что такой необразованный человек, как Бабулал, считал подобное сокровище достойным почитания.

3

Однажды в Праяге началась эпидемия чумы. Городская знать бежала. Несчастные бедняки вымирали как мыши. Шарма-джи также решил уехать. Но секретарь «Лиги общественного служения» остался в городе, и Шарма, помощник секретаря «Лиги», побоялся опозорить себя бегством. Прэтому он всячески искал благо-видного предлога для отъезда. В «Лиге» почти все юно-ши были из колледжа. И вот, создав их, Шарма-джи та-кими словами объявил им о своем намерении:

— Друзья! Вы — светоч своего народа. Вы одни — надежда этого народа, стоящего перед лицом смерти, на-рода, над которым сегодня нависли тучи бедствия. На кого же нам смотреть в беде, как не на вас? Друзья! В этой жизни возможность служить стране — всегда большое счастье. Кто знает, не для того ли только, чтобы испытать вас, ниспослал всевышний этот жестокий удар на наш город? Покажите народу, что у вас мужественные сердца героев, которые не дрогнут ни при каких бедст-виях. Да, докажите, что та богатая героями, священная земля, которая создала Харишчандру и Бхарату², и те-перь не бесплодна. Навсегда сохранит в мире славу на-

¹ Сарасвати-деви — то есть богиня Сарасвати. Счи-тается в пантеоне индуизма богиней-покровительницей литературы, искусства и наук.

² Харишчандра — легендарный царь солнечной династии; о его щедрости и верности своему слову рассказывается множество легенд. Бхарата — легендарный царь; ради того чтобы всецело посвятить себя почитанию бога Вишны, отрекся от престола.

род, сыновья которого относятся к своим больным собратьям с милосердием и стойкой любовью. Братья, нам надо подтянуть пояс¹ и выступить на поле действий. Нет сомнений, что работа трудна, а путь — тернист; вам придется оставить свои развлечения, хоккей и теннис, оставить Милля и Мильтона². Вы будете колебаться, отступать, отворачиваться... но, братья, небесная радость служения народу не достается легко! Если наше мужество, наши душевные силы, наше тело не отданы на благо нации, они бесполезны.

Моим сильнейшим желанием было разделить с вами труды в этом почетном деле, но сегодня получено известие о том, что болезнь распространяется и в деревнях. Поэтому я передаю работу здесь, в городе, в ваши, вполне достойные, крепкие руки и отправляюсь в деревню, чтобы посильно служить сельским братьям. Я надеюсь, что вы с радостью выполните свой долг по отношению к матери-родине.

Ускользнув таким образом, Шарма вечером прибыл на станцию. Но на душе у него было скверно. Он все же стыдился своей трусости и слабости. На станции ему повстречался один из друзей, который также бежал из города. Это был тот самый адвокат, у которого служил Бабулал.

— Куда это вы направились, Шарма-джи? — спросил он. — Неужели удрали?

Шарма-джи готов был сквозь землю провалиться от стыда, но, овладев собой, сказал:

— Зачем мне бежать?

— Затем же, зачем весь город бежит.

— Ну, я не такой трус.

— Друг, зачем лукавить, скажите правду, куда едете?

— Болезнь распространяется и в деревнях. Я буду работать там по оказанию помощи, с пафосом произнес пандит.

— Это чистейшая ложь. Я только что читал окружающую газету. Нигде вне города болезни нет и в помине, — сказал адвокат.

¹ Выражение «подтянуть пояс» соответствует по смыслу русскому «засучить рукава».

² Милль, Джон Стюарт (1806—1876) — английский буржуазный философ, логик и экономист, один из видных представителей позитивизма; Милтон, Джон (1608—1674) — великий английский поэт и публицист.

Возразить было нечего, и все же Шарма не сдавался.

— Вы, должно быть, считаете газету божьим гласом, а я не считаю.

— Ну, конечно! Вам, наверно, принес вести посланник небес. Почему не говорите правду, что бежите, опасаясь за свою жизнь? — не отставал адвокат.

— Хорошо. Допустим. Но разве я совершаю преступление? Каждому своя жизнь дорога,— переменял тон Шарма-джи.

— Ну вот, давно бы так. Это слова достойные мужчины. Защищать свою жизнь — первая заповедь шастры. Но отныне, Шарма-джи, даже по ошибке не хвастайтесь своим патриотизмом. Патриоту необходимы большая твердость и душевные силы. Эгоизм и патриотизм — вещи несовместимые. Запомните. Лишь тот, кто отдает жизнь интересам родины, получает самое высокое звание — звание патриота. Болтовня и исписывание перьев не помогут делу. Во всяком случае, я не придаю столь важного значения чтению газет. И никогда больше не произносите громких слов. Я говорю это вам потому, что вы, Шарма-джи, весь мир, кроме себя, считаете своекорыстным.

Шарма ничего не ответил на эту дерзость. С ненавистью взглянув на адвоката, он отвернулся и сел в вагон.

4

На третьей же станции Шарма вышел из вагона. Жесткие слова адвоката мучили его. Он хотел уйти так, чтобы тот его не видел. Но адвокат заметил пандита и, смеясь, сказал:

— Разве и в вашей деревне свирепствует чума?

Шарма-джи ничего не ответил и сел на двуколку. Слуги взяли его багаж.

Был месяц пхагун¹. Дул легкий ветерок, напоенный благоуханием цветов мангового дерева. Изредка слышалась мелодичная трель кояли². Крестьяне, работавшие

¹ П х а г у н — двенадцатый месяц индийского календаря; соответствует февралю — марту.

² К о я л ь — разновидность кукушки, но с мелодичным голосом.

на токах, с упоением пели песню пхаг¹. Но Шарма-джи был так раздосадован своим унижением, что ничего не замечал.

Вскоре он прибыл в деревню.

Покойный отец Шармы был человек со вкусом. Небольшой сад, маленький, выложенный камнем колодец, бунгало, храм Шивы — были славными памятниками ему. Летом отец всегда жил в деревне, но Шарма приехал сюда впервые, и к его приезду в доме постарались навести чистоту. Шарма, сойдя с двуколки, пошел прямо в бунгало. Сотни крестьян пришли повидать его, но он ничего не сказал им.

Поздней ночью явились и слуги Шармы, сопровождавшие повозку. Но они отнеслись к крестьянам так, будто те были их слугами.

— Распряги лошадь, — приказал конюх толстому крестьянину.

Бедняга боязливо подошел к лошади. Животное, увидев незнакомого человека, насторожилось. Крестьянин, испугавшись, вернулся. Тогда конюх толкнул его.

— Э, да ты настоящий остопоп! — сказал он. — Что, от пахоты ум потерял? Возьми повод и лошадь. Чего отворачиваешься? Разве это лев, съест она тебя, что ли?

Крестьянин, дрожа от страха, взял повод. Его взволнованное лицо вызывало смех. При каждом шаге он настороженно поглядывал на лошадь, словно это был полицейский².

Повар развалился на лавке.

— Эй, где парикмахер? — кричал он гневно. — Поди принеси воды, омой мне руки и ноги.

— Ну, вы, у кого тут есть жевательный табак — дайте сюда! Давно не жевал табачку, — требовал слуга.

Управляющий устроил гостям угощение. Для конюха и слуг начали готовить пури³, повару выдали продукты.

¹ Пхаг — песня весны, которую поют в праздник пхаг, в месяце пхагун — время сбора первого урожая.

² Крестьяне в Индии пахут на волах. Лошади там редки и дороги.

³ Пури — тонкие лепешки, напоминающие блины.

Сам управляющий бегал по каждому их знаку, а о бедных крестьянах и говорить нечего — они превратились в некупленных рабов. Совершенно свободные люди стали слугами слуг.

5

Прошло несколько дней. Шарма-джи все сидел дома и читал газеты и книги. Как говорит Раскин, наслаждался обществом раджей и святых людей. Пандит размышлял над голландской агрономией, американской коммерцией, германской системой образования и другими серьезными вопросами. Ну с кем, спрашивается, было ему интересно беседовать в этой деревне? Он хотел поговорить с крестьянами, но эти простофили-неучи почему-то сторонились его.

Голова Шармы была кладезем знаний по сельскому хозяйству. Он наизусть помнил все, что касалось голландского и датского земледелия, о мерах по повышению урожайности в Дании и Голландии и о многом другом. Разве этим неучам известно что-либо подобное? Все они, конечно, низко кланялись ему, но проходили стороной, словно опасаясь бодливого быка. Правда, трудно было устоять, почему Шарма-джи хотел беседовать с ними, что руководило им — подлинное сочувствие или желание продемонстрировать свою ученость.

Двух человек посылали ежедневно в город для отправки и доставки корреспонденции Шармы-джи. К тому же пандит был поклонником водолечения Луи Кона и большим любителем фруктов. По этому делу также гоняли человека в город. Шарма-джи строго-настрого приказал своему управляющему, чтобы тот расплачивался за всякую работу, и все же с удивлением видел, что никто не шел к нему на работу с радостью. Крестьяне смотрели на эти задания как на принудительный труд. И хотя людей посылали по очереди, удавалось это управляющему с трудом. Мятежностью, и ничем иным, считал Шарма-джи такую распушенность крестьян. Иногда он сам, разгневанный, выходил из своей спокойной дачи и начинал демонстрировать чудеса красноречия.

Не меньше затруднений было и с приобретением травы для прокорма лошади Шармы. Ежедневно, по вечерам, до слуха пандита доносились угрозы, плач и крики. Каждый раз из-за этого поднимался шум. Но пандит утешал

себя: «Не должна же лошадь погибать от голода! Стоимость травы ведь оплачивается,— рассуждал он,— и если, несмотря на это, все же происходят скандалы, ну и пусть!» Шарме никогда и в голову не приходило спросить у чамаров, получают ли они деньги за траву. Наблюдая такие картины сельской жизни, пандит все больше убеждался в том, что крестьяне — большие мятежники и негодяи, и то, что управляющий говорит о них,— правда. Напрасно в газетах и речах поднимают шумиху из-за положения крестьян. Эти люди заслуживают только сурового обращения. А те, что плачут об их обездоленности и нищете, просто незнакомы с действительным положением в деревне.

Однажды Шарма-джи, соскучившись в обществе великих людей — героев книг, которые он читал,— вышел погулять. Ходил он, бродил и пришел к токам. Там, под деревьями манго, лежали золотые груды зерна — плоды тяжелого крестьянского труда. Вокруг тучей летала мякина. Быки лениво жевали зерно. Их трудом было все это добыто, и было бы очень неблагодарно надеть на них сегодня намордники. Деревенский плотник, кожевник, дхоби и гончар тоже пришли сюда — получить причитающуюся им за год работы долю.

В стороне акробат, под звуки барабана, показывал свое искусство. Несравненное поэтическое вдохновение лучшего местного поэта было сегодня в зените.

Шарму эта картина привела в восторг. Однако, несмотря на радостное состояние, он заметил несколько караульных с дубинками, сидевших возле груд зерна. Благородному Шарме они казались безобразным зачехленным деревом среди цветника, режущей слух фальшивой нотой в красивой мелодии. Подойдя ближе, он подошел одного из них. Увидев хозяина, караульные побежали к нему, придерживая тюрбаны.

— Зачем это вы тут собрались? — спросил Шарма.

— Господин,— ответил один из сипаев,— если бы мы не стояли над душой у крестьян, они бы не выплатили ни одной каури. Стоит им отправить зерно домой, и они уже по-доброму платить не станут, очень мятежный народ. Мы просиживаем здесь ночи напролет, но стоит только сомкнуть глаза — кучи зерна как не бывало.

— Сколько же времени вы пробудете здесь? — задал вопрос Шарма.

— Ваша милость, мы зовем торговцев, заставляем при нас взвешивать зерно. Из всего урожая мы отбираем сколько нужно на уплату за аренду, а остальное отдаем крестьянам.

«Если это так, то положение крестьян, пожалуй, скверное,— подумал Шарма-джи.— Бедняги — не хозяева своего добра. Они не могут хранить его дома, чтобы продать тогда, когда это им более удобно. Как освободить их от этой беды? Но если я сейчас проявлю к ним милосердие, то будет ли выплачен налог?»

Обдумывая этот вопрос, пандит удалился. Караульные хотели было последовать за ним, но он запретил: Шарма-джи уставал от толпы. И он в одиночестве пошел бродить по деревне.

Деревня была маленькая, грязная, насквозь пропитанная зловонием. У чьих-то ворот разлагался навоз, в другом месте куча мусора и отбросов отравляла воздух. Навоз для удобрений бросали в кучи тут же, около домов, отчего не только распространялось зловоние, но и значительная часть удобрений рассеивалась вместе с испарениями. Деревенские улицы не имели ни порядка, ни плана, дома представляли собой полуразрушенные лачуги. Так как сточные канавы не имели никакого выхода, то вонь на улицах была такая, что дыхание спирало. Шарма-джи прижал платок к носу и пошел быстрее, задерживая дыхание, когда же терпеть не стало больше возможности — побежал и, наконец, запыхавшись, приблизился к густому дереву и спрятался в его тени. Не успел он еще отдышаться, как к нему подошел Бабулал и, поклонившись, спросил:

— Уж не бык ли за вами гнался?

— Отравленный воздух страшнее быка,— все еще тяжело дыша, ответил Шарма-джи.— Ох! Как только эти люди живут в таком зловонии?

— Разве они живут? — возразил Бабулал.— Кое-как влачат существование.

— Но здесь уже чисто,— сказал Шарма, оглядываясь вокруг.

— Да, с этой стороны до конца деревни везде чисто,— подтвердил Бабулал.

— Но почему же там так грязно?

— Если простите мне дерзость, я скажу.

Шарма-джи рассмеялся:

— Словно о помиловании просите. Говорите правду, в чем дело? Почему в одной стороне чистота, а в другой грязь?

— Это — моя часть деревни, а там — ваша, — ответил Бабулал. — Я сам слежу за хозяйством, а ваше владение предоставлено на милость служащих.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Шарма. — Но как же вы это делаете?

— Постоянно строго слежу за чистотой, и ничего больше. Где увижу много грязи, сам очищаю. Я установил награду за чистоту; эту награду каждый месяц получает хозяин самого опрятного дома. Идемте, присядьте, пожалуйста.

Для Шармы-джи был поставлен стул.

— Вы только сегодня приехали? — спросил Шарма, усаживаясь.

— Да, завтра день отдыха. Вы ведь знаете, что в дни отдыха я бываю здесь.

— Как дела в городе? — поинтересовался Шарма.

— Все по-прежнему. Даже еще хуже. Члены «Лиги общественного служения» тоже исчезли. В домах бедняков лежат неубранные трупы. Базары закрылись. Даже хлеб испечь не из чего.

— Ну вот, скажите, как же я мог остаться в таком огне? Да, только мою жизнь ни во что не ставят, — пожаловался Шарма. — В тот день, когда я отправился сюда, мне повстречался ваш адвокат-сахиб; он был очень сердит и принялся наставлять меня в патриотизме. Вот уж действительно те, кто даже по ошибке никогда не подумают о своей родине, считают своим долгом наставлять меня. Но я полагаю, что претендовать на имя патриота имею право. На кого ни посмотришь — все в патриотах ходят. Даже те, кто швыряет тысячи рупий на свои удовольствия и развлечения, тоже зачисляются в патриоты. Я-то все-таки кое-что делаю. Но ведь я тоже человек, не божество. И мне хочется разбогатеть. Однако я трачу свою жизнь на писание статей для газет, погружен в заботы о благе родины, и то уважение, которым я за это пользуюсь, кое-кто считает чрезмерным. Вот, захожу я в контору к какому-нибудь дельцу или адвокату — они милостиво осведомляются о моем здоровье. Если же я появляюсь по поводу какого-нибудь пожертвования, то меня считают посланцем Ямы и встречают так сухо, что

весь пыл пропадает. Я перенес бы все эти неприятности, но ведь и почета нет. Когда приходит время выбирать председателя какого-либо собрания, то этой чести удостоивают адвоката-сахиба, у которого, кроме богатства, нет никакого права на это место. Нет уж, брат мой, кто съел сахар, тому и прокалывай ухо¹. Вознаграждение за патриотизм — уважение народа, и если я его не добился, то к чему даром жизнь отдавать? Если бы я эти восемь лет потратил на поклонение Лакшми, то теперь был бы важным человеком. С каким трудом писал я статьи о сельских банках, целые месяцы потратил на подбор материалов, пришлось перевернуть сотни листов газет и журналов, но никто не потрудился даже прочитать мои статьи. Если бы я столько труда вложил в какое-нибудь другое дело, по меньшей мере хоть выгода какая-то была бы. Да, я теперь понял, что никого эти вопросы не интересуют. Почет и слава — слуги богатства.

— Ваши слова справедливы, — сказал Бабулал. — Но если вы, выдающийся человек, будете так думать, кто же будет работать для народа?

— Пусть работают те, кто получает титул «оноребл»², или те, которые называются отцами города. Я теперь отправлюсь за границу — хочу попутешествовать.

Бабулал понял, что его собеседник расстроен, и, переменяя тему, спросил:

— Скажите, как вам понравилась деревня? Вы ведь приехали сюда в первый раз.

— Да уже опротивело здесь, — признался Шармаджи. — Конечно, получил кое-какие новые впечатления. Некоторые заблуждения рассеялись. Раньше я думал, что крестьяне — несчастные горемыки, а теперь понял, что они мятежные, неблагодарные и дурные люди. По-хорошему ничего не сделают, лишь строгостью можно от них добиться чего нужно. Ну просто скоты. Не говорю о чем-либо другом, но даже из-за арендной платы приходится стоять у них над душой. Отойди — так и каури не внесут. Возбуждайте против них дело, гоните их с земли, на-

¹ При прокалывании у детей мочек ушей им дают сахар, чтобы заглушить боль.

² Оноребл. — Члены общендийского и провинциальных законодательных собраний получали к своему имени титул «оноребл» — «почетный» (англ. honourable).

кладывайте арест на урожай — все бедствия перенесут, но отдать деньги вовремя — этого они не понимают. Должен сказать — все это для меня новость, и теперь у меня нет к ним прежнего сочувствия. Совершенно надуманы все скорбные песни, которые поются в газетах о тяжелом положении крестьян. А что вы об этом думаете?

Бабулал помолчал некоторое время, затем ответил:

— Пока жаловаться не на что. Из своего опыта я знаю, что крестьяне вполне добропорядочные люди, почерные и благодарные. Но эти их качества заметишь не вдруг. Навешайте их, приглашайте к себе, тогда и обнаружатся их достоинства. Доверяйте им, и они будут доверять вам. Вы скажете, что их дело — сделать первые шаги в этом направлении, и это справедливо. Но в течение столетий крестьян так угнетали, столько обманывали, что они как будто утратили качества свободных людей. Крестьяне считают заминдара пугалом, дело которого — глотать их. Противостоять ему они не могут, поэтому прибегают к хитрости и обману — единственному оружию бессильных. Но если вы однажды добьетесь их доверия, то никогда больше не будете на них жаловаться.

В это время несколько чамаров принесли огромные охапки травы и, сбросив их, молча ушли. Шарма был поражен. Из-за этой самой травы у его бунгало ежедневно происходят скандалы, а здесь никому и слова не было сказано.

— Есть же, наконец, какое-нибудь средство, чтобы завоевать доверие крестьян? — спросил он.

— Вы человек умный. С моей стороны — дерзость даже рот открывать в вашем присутствии, — проговорил Бабулал. — Я знаю только одно средство: помогите им, когда увидите их в затруднении. Я ради них изучил медицину и держу дома небольшую аптечку. Просят денег — даю, зерно просят — даю зерно. Но процентов не беру. От этого я не несу никакого ущерба, а в другой форме получаю больше, чем от процентов. В деревне есть две слепые женщины и двое сирот. Я их устроил, они живут своим трудом, но добрая слава достается мне.

В это время подошли несколько крестьян.

— Брат, — обратились они к Бабулалу, — получите за аренду земли.

Шарма-джи подумал: «Из-за этой арендной платы мои слуги ночуют на токах и не дают крестьянам даже

подойти к зерну, а здесь эту самую плату крестьяне приносят сами».

— Но все это возможно лишь в том случае, если заминдар сам живет в деревне,— обратился он к Бабулалу.

— Это верно,— ответил Бабулал.— А как же иначе? Крестьяне терпят большой ущерб от того, что заминдары не живут в деревне. Ошибкой было бы думать, что управляющие будут хорошо обращаться с крестьянами. Ведь они тем и живут, что обманывают этих бедняг ради своей выгоды. Тех крестьян, которые их «подмажут», они назовут перед хозяином смирными, а тех, которые ничего не дают,— мятежниками и негодяями. Из-за каждого пустяка прижимают они крестьян: крестьянин хочет настелить потолок — надо им взятку дать, хочет вбить колышек у ворот — тоже надо им поднести. За то, чтобы крышу поднять¹, надо заминдару сделать подарок в десять рупий, а две рупии уж обязательно придется дать управляющему, которого, кроме того, надо бесплатно снабжать маслом и молоком, а иногда пшеницу и даже рис принуждают давать бесплатно. Заминдар эксплуатирует крестьян — это само собой, но и управители эксплуатируют не меньше. Если заминдар берет за три четверти рупии целый сер масла, стоящий рупию, то и писарю для своего дома и для родственников жены необходимо восемнадцать чатанков². За малейший пустяк управляющие накладывают на крестьян наказания и штрафы, которые стали просто невыносимы для крестьян. Вы знаете, они бросают службу в других местах, где платят по тридцать рупий, и поступают на должности управляющих к заминдарам при жаловании в восемь — десять рупий, потому что управляющий, который получает восемь — десять рупий, имеет в год свыше восьмисот — тысячи рупий. К сожалению, среди заминдаров, по мере распространения образования, все больше распространяется и обычай жить в городе. Не знаю, как будут жить дальше эти несчастные — крестьяне.

¹ Крыша для деревенского дома делается из тростника на земле, а затем поднимается, укладывается и закрепляется на доме.

² Чатанк — мера веса, равная $\frac{1}{16}$ сера. Следовательно, 18 чатанков равно $1\frac{1}{8}$ сера, или приблизительно 1 кг.

Шарме-джи слова Бабулала показались глубокомысленными. Но он был человек весьма образованный, и любое утверждение, как бы оно ни было справедливо, не принимал без анализа. Бабулала же он считал человеком посредственного ума. Это мнение не могло сразу резко измениться. Больше того: слова секретаря адвоката возымели совершенно обратное действие — Шарма рассердился на Бабулала. Ему казалось, что Бабулал, гордясь благоустройством своей части деревни, считает его, Шарму-джи, ничтожеством, пытается даже поучать. А как мог склонить голову перед человеком вроде Бабулала тот, кто сам постоянно стремился поучать и наставлять на путь истинный других? Поэтому, когда Шарма-джи ушел от Бабулала, он подверг слова соседа критическому анализу. «Зачем мне жить в деревне? Почему я должен развеять в прах стремления всей своей жизни? Сидеть с мужиками и пустословить? Полчаса, ну час побеседовать с ними для развлечения еще можно, но постоянно терпеть их присутствие — нет, этого я не в силах перенести. Я с ума сойду. Я признаю, что защищать крестьян — мой долг, однако совершенно немыслимо, чтобы ради них я губил свою жизнь. Я не способен превратиться в Бабулала, мысли которого не могут выйти за пределы этой деревни. Меня ожидают иные, большие дела, я должен создать себе имя. Сельская жизнь мне не только неприятна, она губительна для меня».

Размышляя таким образом, Шарма подошел к бунгалу. И что же он увидел? На веранде бунгало лежало несколько полицейских. Управляющий, едва заметив хозяина, вышел к нему навстречу.

— Ваша честь! — обратился он к Шарме. — Прибыли старший и младший полицейские инспекторы. Я приготовил им постели в комнате. Когда они сюда приезжают, то всегда у нас останавливаются. Да и где в деревне найдется другое подходящее для них место? Я просто не мог сказать им, что комната не свободна. Постель для вашей милости я постелил наверху.

Шарма-джи, по примеру своих собратьев-патриотов, был убежденным врагом полиции. Он относился к ней с величайшим отвращением из-за насилий, чинимых ею. Он считал, что если полицейский даже умирает от жаж-

ды, ему и тогда не следует давать воды. Когда же пандит услышал от управляющего известие о прибытии гостей, он вспыхнул, словно внутри у него зажгли костер. Налившимися кровью глазами посмотрел он на управляющего и бросился к дому, чтобы выкинуть оттуда пожитки негодяев.

— Тьфу! Мой дом превратился в какой-то постоянный двор! Пришли и расположились!—бормотал он про себя.

Разъяренный Шарма уже достиг веранды. В это время на веранду вышел младший инспектор бабу Кокиласинх. Увидев пандита, он, с поклоном протягивая руку, сказал:

— В добрый час отправился я, что увидел вас. Вы, должно быть, забыли меня?

Этот господин два года тому назад был ревностным членом «Лиги общественного служения». Провалившись на переходных экзаменах, он пошел служить в полицию. Шарма-джи узнал его тотчас же, как увидел. Гнев его утих. Пытаясь улыбнуться, он ответил:

— Забывать — дело важных людей. Я же узнал вас еще издали. Скажите, разве вы в этом полицейском участке?

— Да, джи, теперь я нахожусь здесь,—подтвердил Кокиласинх.— Пойдемте, я познакомлю вас с инспектором.

Инспектор Зульфикар Алихан разлегся в шезлонге и курил трубку. Это был крупный мужчина с выражением важности на лице. Увидев Шарму-джи, он встал и протянул ему руку.

— У меня давно было желание выразить вам почтение, многоуважаемый,—промолвил он.— Сегодня, к счастью, и случай представился. Простите, пожалуйста, наше неуместное вторжение.

Шарме стало теперь ясно, что назвать полицейских невоспитанными — несправедливо. Протянув в свою очередь руку, он проговорил:

— Ну, что вы! Располагайтесь как дома.

Однако он не хотел упустить удобного случая уязвить полицию. Взглянув на Кокиласинха, он сказал:

— Вы ведь в прошлом году оставили колледж, а служите в полиции!

Старший инспектор понял намек пандита, однако сдержался и спросил вежливо:

— А что, господин, разве полиция наихудшее из всех ведомств? Скажите мне,— продолжал он энергично,— найдется ли такое учреждение, где бы не процветало взяточничество? Если вы назовете хоть одно — я ваш раб на всю жизнь. Служить и не брать взятки невозможно. Вот считают честным отдел просвещения, но я-то его хорошо знаю. Издатели представляются совершенно чистенькими, однако знаю я, что они такое. Нет, я решительно не могу признать ничьих претензий на честность. Я не берусь говорить о других учреждениях, но тех, кто в полиции не берет взяток, считаю дураками. Я знал нескольких честных субинспекторов, но, знаете, видел их всегда несчастными. Один — в опале, другой — отстранен от работы, третий — уволен. А возьмите чаукидаров и констеблей. Бедняги — ведь люди с малым достатком, как им прожить? А между тем они — наши ноги и руки, от них зависит наше доброе имя, и если они умрут с голоду, кто поможет нам? Те, кто, протянув руку, берет — сами едят, кормят других, угождают начальству и занимают место в ряду людей деловых и почтенных. Вот это-то я и сделал своим принципом, и, благодарение богу, начальство и подчиненные — все довольны,— горделиво закончил свою речь старший полицейский инспектор.

— Именно поэтому я и спросил у сахиба, почему он пошел в это учреждение,— с иронией сказал Шарма-джи.

— Если и пошел, то не совершил этим никакого благодеяния для ведомства,— рассердился наконец Зульфикар Алихан.— Будь он в каком-нибудь другом учреждении, до сих пор терпел бы всяческие затруднения. А здесь, как жених, ездит на лошади¹. Я-то правду говорю, нравится это кому-нибудь или не нравится. Спросите у этих новичков, приносил ли им когда-нибудь пользу противозаконный доход, если брать его только себе одному. Те, что сейчас поступают к нам на работу, стараются забирать одному себе все что ни получают. Потихоньку берут, а служащие полицейского участка только рты разевают. Хотят быть честными в глазах света, а бога не боятся! Ну, уж если мы и бога не страшимся,

¹ По старинным обычаям индусов, жених должен ехать на свадебный обряд на лошади, что было очень торжественным моментом.

так чего бояться людей? Хотите быть честным — будьте честным душой. Зачем строить из себя святых? К тому же эти господа бросаются на самые пустячные суммы. Из гордости ни с кем не советуются. Приходят в восторг от пяти рупий там, где легко могли бы получить сто. То надули продавца молока, не уплатив ему, то не расплатились с парикмахером, то подрались из-за цены с торговцем. Это не чиновники, а ничтожество! Пользы никакой, напрасно грех на себя берут, даром позорятся. Я высматриваю только крупную добычу, а всякую мелкосту оставляю подчиненным. Клянусь, корысть — плохая вещь. На свете, вероятно, нет людей более глупых и слепых, чем те, кто дает взятки. Сколько приходит ко мне глупцов, желающих только одного — чтобы я выбрал их врага или соарендатора. Приходят и бесчестные заминдары, которые хотят, чтобы полиция не вмешивалась, когда они творят насилия над крестьянами. За это они преподносят мне сотни рупий и лесть в придачу. Но ведь глупо проявлять снисхождение к таким дуракам. Этот участок в районе называют золотой копью, — продолжал свой откровенный рассказ инспектор. — Все жаждут его потому, что здесь каждый день какая-нибудь добыча да попадется. Заминдары совершенно безграмотны, невежественны, дерутся из-за, малейшего пустяка. Я-то молю бога, чтобы они навсегда остались в яме этого невежества. Слышал я, некоторые выдвигают вопрос о всеобщем образовании. Безумие! Чего только не выдумают эти почтенные господа! Спасибо, наше весьма разумное правительство не разрешило этого. А знаете, на всем моем участке есть, пожалуй, один действительно умный человек — это ваш сосед по имению. С ним ни мне, ни другому каши не сварить. И самое забавное, нет никого, кто был бы им недоволен. Да, он очень мягок в обращении. За своих крестьян готов жизнь отдать. И, клянусь, если бы я был заминдаром, я бы действовал так же. Долг заминдара — спасать от насилий своих крестьян. Нельзя допускать, чтобы они становились добычей охотников. Все норовят поживиться на несчастных нищих крестьянах. И, клянусь, они не пользуются тем, что зарабатывают. Мы наслаждаемся плодами их труда. Конечно, чего только не сделает человек, побуждаемый алчностью и нуждой, но факт, что действительное положение этих бедняг достойно сожаления. И надо целовать

следы того, кто смог бы быть щиглом для них. Однако для меня лучше всех тот человек, который помогает мне в моей охоте.

Шарма с большим вниманием слушал болтовню старшего инспектора. Его поразила глубина рассуждений Зульфикара Алихана. Пандиту открылся удивительный человеческий характер — такое странное сочетание сердечности и жестокости. Бесполезно было пытаться отвечать на его речь.

— У вас какое-нибудь расследование или просто прогулка? — спросил он инспектора полиции.

— Да, джи, просто прогулка, — ответил Алихан. — Нынче у крестьян дни сбора урожая, а это время урожая и для нас. И тигр не получит добычу, если все время будет сидеть в логове. Он бродит по лесу. Мы тоже ищем добычу. На одного возведем обвинение в тайной торговле, другого схватим за продажу краденых вещей, третьего накажем, возбудив против него процесс за незаконный аборт. Если на наше счастье случится грабеж, то, сами понимаете, мы тоже погреем руки. Разбойники-то ограбят и убегут, а настоящий грабеж — это наш. Метлой подметаем в окрестных деревнях. Днем и ночью молимся, чтобы бог послал нам на пропитание, чтобы пришли ложные или правдивые сообщения о грабеже. Но если видим, что случай не приходит нам на помощь, то сами прилагаем усилия. Нужен лишь малейший знак — и грабеж не замедлит случиться. Вас, должно быть, поражает моя откровенность. Но если бы я рассказывал вам о всех наших фокусах, вы не поверили бы. И самое забавное, что среди субинспекторов района я считаюсь весьма умным, деловитым и честным. Возвожу ложное обвинение в грабеже, хватаю ложно обвиненных, но наказания даю настоящие. И свидетелей подставляю таких, что никакой адвокат, как бы ни был он популярен, не сможет уличить их во лжи.

В это время из города прибыла почта Шармы. Он поднялся.

Вы рассказываете очень интересные вещи, инспектор джи. Но теперь позвольте мне удалиться. Прибыла почта, надо ее просмотреть.

Была лунная ночь. Шарма-джи, лежа на плоской крыше, читал газету. Вдруг он услышал какой-то шум. Пандит посмотрел вниз и увидел, что со всех концов деревни к бунгалу идут крестьяне в сопровождении констеблей. Большая толпа с глухим ропотом подходила со стороны гумна. То и дело раздавались угрожающие голоса сипаев. Люди собирались во дворе и рассаживались перед бунгалом. Порой слышались крики женщин. Шарма-джи не мог понять, что случилось. В это время раздался грозный рев инспектора.

— Мы ничего не признаем! Всем придется отправиться в полицейский участок!

Затем наступила тишина. Видимо, люди пришли в замешательство. Временами слышны были громкие угрозы управляющего и сипаев. Потом Шарме показалось, что кого-то бьют. Он не мог больше сдерживаться. Пандит поднялся, подошел к лестнице. Заглянув в комнату, Шарма увидел за столом людей, которые считали деньги. Он услышал голос инспектора:

— В такой большой деревне, и так мало собрали?

— Не беспокойтесь, — уговаривал его управляющий. — Это только начало. Надо потребовать со старост. Денег соберется куча.

Затем управляющий вызвал нескольких крестьян. Однако никто не отозвался. Тогда снова раздался рев инспектора:

— Ах, так! Они не хотят по-хорошему! Хватайте старост! Надевайте наручники! Всех сошлю на каторгу!

Получив этот высочайший приказ, отряд констеблей набросился на людей. По спинам и головам начали колотить, как по барабанам. Плач и крики огласили воздух.

У Шармы кровь закипела. Он всегда служил справедливости и правде и теперь не мог более выносить этой волнующей драмы несправедливости и жестокости.

Вдруг он услышал, как кто-то, плача, проговорил:

— Помогите, о господи! Управляющий-сахиб готов нас без вины погубить.

Шарма-джи задрожал от гнева. Стуча ногами по ступенькам лестницы, он спустился со второго этажа. Пандит принял твердое решение хлыстом избить управляющего. Но в служении народу вырабатывается огром-

ная сила воли и умение подавлять свои душевные движения. Уже по дороге он сдержал себя и, позвав управляющего строго спросил:

— Что это вы за скандал подняли?

— Господин инспектор-джи собрал крестьян для расследования грабежа,— ответил тот.

— Так, я отлично понимаю смысл вашего расследования,— сказал Шарма.— Целый час наблюдаю это зрелище. Расследование кончилось или что-нибудь еще осталось?

— Господин, это знает инспектор-джи. При чем тут я?

Инспектор был очень ловкий человек. Из слов управляющего он понял, что Шарма по характеру похож на других заминдаров, и поэтому действовал смело. Но, увидев, что у Шармы брови нахмурены, а глаза мечут молнии, он понял свою ошибку.

К тому же инспектор был прекрасно осведомлен о большом авторитете Шармы. Поэтому, подойдя к пандиту, он сказал:

— Ваш управляющий ввел меня в заблуждение, а не то, клянусь, здесь не разгорелся бы этот пожар. Вы друг моего друга, бабу Кокиласинха, и уже поэтому я считаю вас своим покровителем. Но этот низкий мошенник надул меня. И я, поддавшись обману, оказался в дураках. Мне очень стыдно, что по моей глупости у вас, сударь, произошли такие неприятности. Прошу прощения. По-дружески советую вам—как можно скорее увольте этого человека. Он губит ваше поместье. А теперь разрешите мне унести отсюда свои злосчастные ноги. Клянусь, мне стыдно смотреть вам в глаза.

8

В то время как в доме Шармы разыгрывались эти события, Бабулал беседовал у себя на веранде с несколькими крестьянами.

— Брат, почему бы вам не пойти к инспектору-джи и не уговорить его? Рам! Рам! ¹ Какое беззаконие! — говорил Шивадин.

¹ Рам! Рам! — восклицание, соответствующее русскому «О боже!».

— Кто я, брат, чтобы вмешиваться в чужие дела,— ответил Бабулал.— Шарма-джи ведь там, а он человек умный, что будет нужно — сделает. В этом сегодняшнем деле нет ничего нового. Ведь сами видите, каждый день учиняется какое-нибудь бесчинство. Управляющему это выгодно. Шарме-джи я ничего не говорил, чтобы он не подумал, будто я по злобе жалуюсь.

— Шарма-джи наверху, а внизу несчастных избивают. Глядеть невозможно. Бросает тех, от кого получает все! — воскликнул Рамдас.— Мне-то кажется, что это расследование-обследование делается ради денег.

— А для чего же еще? Инспектор только такой добычи и ищет,— согласился Бабулал.— Но увидите, теперь Шарма-джи, конечно, накажет управляющего. Он не такой человек, чтобы видеть своими глазами насилие и промолчать... Да, скажите-ка, сколько нынче сахарного тростника посеяли?

— Посеяли-то много, да кто знает, не случится ли какая беда, уцелеет ли что-нибудь? — ответил Рамдас.— Не поверите, братец, но я сам видел — варится полный котел сока, а не остается даже чатанка патоки. Не пойму, кто это колдует.

— Ладно, на этот раз потерпите убыток по моей вине, ведь это я посоветовал,— сказал Бабулал.— Посмотрю, что это за могущественный волшебник, который испаряет котлы сока. Конечно, здесь что-нибудь да есть. В этой деревне столько прессов в землю врыто! Видно, раньше здесь бывало много сахарного тростника, а теперь беднягам сладкое и попробовать не удастся.

— Да, брат! На нашей памяти все эти прессы действовали,— заметил Шивадин.— Бывало раньше, в магхе — пусе¹ ночи напролет в деревне праздники справляли. Но с тех пор как появились эти пагубные науки, никто и подойти не решается к сахарному тростнику.

— Всевышний захочет, снова столько же сахарного тростника уродится,— сказал Бабулал.— В нынешнем году я это заклинание уничтожу. Ладно, скажите лучше вот что: если сахарный тростник уродится и патока будет, получите вы со своего участка сахара на тысячу рупий?

¹ Магх — одиннадцатый месяц индийского календаря; соответствует январю — февралю; пус — десятый месяц, соответствует декабрю — январю.

— Что вы говорите, брат,— рассмеялся Хараку.— Тысячу-то с пяти бигхов можно получить, а на нашем участке не меньше двадцати пяти бигхов засеяно сахарным тростником. Если ничего не случится, то две с половиной тысячи от нас никуда не уйдут.

— Тогда, надеюсь, рупий пятьдесят комиссионных мне достанется,— улыбнулся Бабулал.— Эти деньги истратим на поддержание чистоты в деревне.

В это время подбежал один из деревенских и стал рассказывать:

— Брат! Мы ходили смотреть расследование. Инспектор-джи всем грозит, всех избивает. Староста Деви сказал: «Пусть управляющий-сахиб хоть зарежет нас, но мы не дадим ни одной каури. Готовы идти куда прикажете: хоть в полицейский участок, хоть в суд». Когда управляющий-сахиб услышал это, он так рассердился, что приказал четырем сипаям схватить старосту и хорошенько избить его. Тогда Деви начал кричать. Кричал-кричал и заплакал. В это время Шарма-джи, стуча ногами, спустился со второго этажа и стал грозить управляющему. Тот так и застыл на месте. Инспектор-джи потихоньку потребовал лошадь и удрал, а люди разошлись, благословляя Шарму-джи.

— Ну что, ведь говорил я, что Шарма-джи не потерпит такой несправедливости,— воскликнул Бабулал.

В это время вдаль замелькал свет фонаря. Вскоре показался Шарма-джи в сопровождении слуги. Бабулал удалил крестьян, приказал поставить для ландита стул и, поднявшись навстречу гостю, сказал:

— Зачем же вы побеспокоили себя в такое время, позвали бы меня.

Но Шарма-джи смиренно ответил ему:

— Как я мог позвать вас? Там моих людей избивали, душили их, а вы и близко не подошли. Я надеялся на вашу помощь. Сегодня мой управляющий затеял грабеж в деревне. Но что говорить об управляющем. Бедняга — человек маленький. Прискорбно то, что даже наш инспектор был с ним заодно. Хорошо еще, что я там присутствовал.

— Мне очень стыдно, что я не смог услужить вам в этом деле,— ответил Бабулал.— Но я боялся, что и управляющий и инспектор — оба были бы недовольны, если бы я пришел. Управляющий мне уже несколько раз го-

ворил: «Не вмешивайтесь в мои дела». Я никогда не говорил вам об этих делах в деревне, боялся, что вы подумаете, будто я наговариваю по злобе. Для нас же сегодняшнее бесчинство — не новость. Подобные случаи происходят ежедневно. И не только в этой деревне. Куда ни посмотрите — везде такое же положение. И единственная причина этих бедствий — отсутствие в деревне преданных своему делу, образованных, знающих законы людей. Городские, хорошо образованные заминдары, на помощь которых возлагаются огромные надежды, бросают, как правило, все дела на управляющих. А сельские заминдары — люди безграмотные. Если же некоторые более или менее образованны, то неразвиты — ведь здесь нет хорошего общества. Узнают они несколько статей закона, и довольно, — только на них и ссылаются. Говорю вам правду, если бы мне хоть что-нибудь было известно, непременно предупредил бы вас.

— Ну хорошо, эта беда прошла, — вздохнув сказал пандит. — Но дальше так дело не пойдет. Мне стало очень больно, когда я увидел своих крестьян в таком бедственном положении, разум мой настойчиво твердит, что именно на мне лежит ответственность за все несчастья. Те, чей труд меня кормит, благодаря кому я езжу в экипаже, как аристократ, — также ведь имеют некоторое право на меня. Сегодня мне стало ясно, что я эгоист. Я упал в собственных глазах. Взялся за освобождение народа, отдаю жизнь за Индию, а что делается в собственном доме — не знаю. К тем, чей хлеб ем, — невнимателен. Теперь я хочу в корне изменить это тягостное положение. Но мне необходимы ваша помощь и сочувствие. Возьмите меня в ученики. Я пришел к вам как проситель. У меня нет более сил видеть Индию такой. Мое образование сделало меня книжным червем, научило лишь вкушать сладость ума и больше ничего. Я не человек, а сборник законов. Сделайте меня человеком; я останусь здесь, но и вам придется жить в деревне. Убытки, которые вы от этого потерпите, я возмещу. Научите меня осмысленной жизни. Лучшего гуру, чем вы, я не найду. Возможно, что, сделавшись вашим последователем, я сумею выполнить свой долг.

ИСПЫТАНИЕ

1

Когда диван княжества Деогарх, сардар Суджансинх состарился, он вспомнил о боге. Он пришел к махарадже и обратился к нему с просьбой:

— О милосердный к бедным! Сорок лет служил сей раб своему повелителю, но теперь силы уже оставляют меня, не могу я больше справляться с государственными делами. Если ошибусь в чем-нибудь, то опозорю тем свою старость, запятнано будет доброе имя, созданное трудами всей жизни. Поэтому позвольте мне удалиться от дел и посвятить остаток дней своим служению всевышнему.

Раджа-сахиб очень уважал своего опытного, искусного в политике дивана. Он долго уговаривал его, однако диван-сахиб стоял на своем, и махараджа, сдавшись, удовлетворил его просьбу, но с одним условием: сардар Суджансинх должен сам найти для княжества нового дивана.

На другой день в наиболее известных газетах страны появилось объявление о том, что в Деогархе нужен новый диван. Те, которые считают себя способными занять этот пост, должны явиться к нынешнему дивану сардару Суджансинху. Нет необходимости, чтобы претендент обладал дипломом, но он обязательно должен быть здоровым и жизнерадостным. Страдающим несварением же-

лудка не стоит и утруждать себя поездкой в Деогарх. В течение месяца будут проверены образ жизни, поведение и взгляды претендентов. Приниматься во внимание будет не столько ученость, сколько преданность долгу.

Тот, кто выдержит испытание, удостоится высокого поста министра.

2

Это объявление взволновало всю страну. Такой высокий пост — и никаких ограничений? Все зависит от игры судьбы! Сотни людей отправились испытать свое счастье.

В Деогархе появилось много новых, самых различных людей. С каждого поезда сходили толпы кандидатов. Один из Пенджаба, другой из Мадраса, один любитель всего нового, другой сходит с ума по старинной простоте.

Пандитам и маулави также представился случай испытать свое счастье. Бедняги плакали о дипломах, а здесь они, оказывается, совершенно не нужны! Пестрые тюрбаны и плащи, всевозможные халаты и шалки начали щеголять друг перед другом в Деогархе. Однако больше всего было дипломированных; хотя диплом и не требовался условиями, но ведь им все можно прикрыть.

Сардар Суджансинх устроил великолепный прием всем этим господам.

Сидя по своим комнатам, люди считали дни месяца, как мусульманин, соблюдающий пост. Каждый старался показать свой образ жизни в лучшем свете.

Мистер А, который, бывало, спал до девяти часов утра, теперь любовался утренней зарей, прогуливаясь в саду.

Мистер Б, который имел привычку курить хукку¹ начал курить сигары, и то лишь поздно ночью, в темноте, заперев дверь комнаты.

Мистеры В, Г, Д дома мучили слуг, здесь же они не обращались к ним иначе, как «Вы» и «Ваша милость». Господин К, всегда считавшийся атеистом, последователем Гексли, стал настолько религиозным, что у храмового жреца при виде его рвения явилось опасение потерять место. Мистер Л, питавший отвращение к книгам,

¹ Хукка — курительная трубка особого устройства.

сидел теперь погруженный в чтение фолиантов. Побеседуйте с любым — каждый покажется вам воплощением кротости и добродетельного поведения. Брахман глубокой ночью погружался в чтение ведических мантр, а маулави-сахиб не занимался ничем, кроме намаза и чтения корана. Люди полагали, что все эти трудности лишь на один месяц, как-нибудь их пережить можно, а когда дело выгорит — можно будет ни с кем не считаться.

Но старый знаток людей сидел спрятавшись и высматривал, где среди этих цапель скрывается лебедь¹.

8

Однажды группа поклонников современности задумала сыграть в травяной хоккей. Предложение внесли изошренные в игре любители этого вида спорта. В конце концов и хоккей ведь тоже наука, и скрывать это незачем. К тому же, кто знает, глядишь и ловкость рук окажется полезной.

Сказано — сделано!

Разделились на команды, и игра началась. Мяч принимал удары, словно ученик в какой-нибудь конторе.

Для жителей княжества Деогарх эта игра была совершенно необычной. Солидные, образованные люди играли в такие серьезные игры, как шахматы, карты. Беганье же и прыжки считались детским развлечением.

Игра шла с большим подъемом. Когда нападение, подхватив мяч, мчалось к воротам противника, казалось, что растет и надвигается какая-то огромная волна. Но защита, как железная стена, останавливала эту поднимающуюся волну.

До вечера длилась игра. Люди вспотели, покраснели. Глаза у них блестели. Разгорячилась кровь, грудь тяжело вздымалась, но они еще никак не могли решить, кто победил и кто проиграл. Наконец стемнело. Игра закончилась, и игроки сели, чтобы передохнуть. Неподалеку от площадки, где происходило это сражение, находилась канава. Мостика через нее не было, и путникам приходилось перебираться кто как может. В это время

¹ Лебедь в индийском народном эпосе считается олицетворением мудрости.

в канаву въехала крестьянская телега, нагруженная зерном. Но края канавы были очень крутые и в ней было так много грязи, что телега не могла выбраться из нее. Как крестьянин ни кричал на быков, как ни толкал колеса руками,—ничего не помогало. Груз был слишком тяжел, а быки слабые.

Телега почти не двигалась, а если немного и приподымалась, то сейчас же скатывалась обратно. Крестьянин приноравливался и так и этак, разозлившись, бил быков, но телега оставалась на месте. Бедняга в отчаянии смотрел по сторонам, но не видел никого, кто бы мог помочь ему. Оставить же телегу одну и отправиться за помощью он не решался. Словом, попал, бедняга, в большую беду. Как раз в это время показались важно шагающие игроки с клюшками в руках. Крестьянин боязливо взглянул на них, но не посмел заговорить о помощи. Хоккеисты же смотрели на него невидящими глазами, в которых не было сочувствия; эгоизм и высокомерие, а не великодушные и любовь выражали их взоры.

4

Но был среди игроков один человек, в сердце которого жило сострадание и мужество. Играя в хоккей, он повредил себе ногу и теперь, прихрамывая, шел очень медленно. Вдруг он увидел телегу и остановился. Взглянув на крестьянина, он сразу понял, в чем дело. Тогда он положил клюшку на край канавы и, сбросив с себя пиджак, подошел к крестьянину и спросил:

— Ну, что, вытащить тебе телегу?

Крестьянин увидел, что перед ним стоит высокий, хорошо сложенный мужчина.

— Ваша милость! Как мне просить вас?— ответил он робко.

Молодой человек продолжал:

— Кажется, ты основательно завяз. Ладно, садись в телегу и правь волами, а я буду толкать сзади. Телега сейчас же выедет.

Крестьянин забрался в телегу, а юноша с силой подтолкнул колеса. Грязь в канаве была очень глубока, и молодой человек завяз в ней почти до колен, но не потерял решимости. Он сделал еще усилие, а крестьянин

в это же время прикрикнул на волов. Получив поддержку, волы напряглись, круче согнули шеи, рванули — и телега выкатилась на высокий край канавы.

Крестьянин стал перед юношей, почтительно сложив руки.

— О махараджа! — проговорил он. — Вы спасли меня. Не будь вас, сидеть бы мне здесь всю ночь.

— Чем же ты отблагодаришь меня? — смеясь, спросил юноша.

Но крестьянин серьезно сказал ему:

— Если всевышнему будет угодно, пост дивана достанется вам.

Молодой человек внимательно посмотрел на крестьянина. «Не Суджансинх ли это? — подумал он. — Голос что-то похож. И лицо его». Крестьянин тоже проникающе взглянул на юношу и, может быть, угадав его познания, сказал, улынувшись:

— Только когда нырнешь поглубже, найдешь жемчужину.

5

Наконец месяц прошел. Настал день избрания дивана. С самого утра стремились претенденты узнать свою судьбу. День казался им вечностью. Выражение надежды на их лицах сменялось отчаянием. Неизвестно, чья судьба сегодня воспрянет, неизвестно, на кого упадет милостивый взгляд Лакшми...

Вечером был созван дарбар раджи-сахиба. Столичная знать и богачи, государственные чиновники, придворные и толпа претендентов на пост дивана — все разодетые, блистали на приеме. Сердца претендентов трепетали.

Наконец поднялся сардар Суджансинх.

— Господа претенденты на мой пост! — начал он. — Простите за беспокойство, которое я причинил вам. Мне нужен был такой человек, в сердце которого жило бы милосердие и вместе с тем духовная сила; мне нужны были великодушное сердце и сильная душа, которые мужественно боролись бы с бедой. К счастью нашего княжества, я нашел такого человека. На свете мало людей, обладающих подобными достоинствами, а те, которые есть, находятся на вершине славы и почета, и нам до них не

достать. И все же я поздравляю княжество с получением такого дивана, как пандит Джанкинатх.

Государственные чиновники и знать посмотрели на Джанкинатха. Толпа претендентов также обратила на него свои взоры. Но в то время как в глазах первых было почтение, вторые смотрели с завистью.

А сардар-сахиб продолжал:

— Каждый из вас безусловно признает, что мужество, душевная твердость и великодушие обитают в сердце человека, который, даже будучи ранен сам, помог бедному крестьянину вытащить из болота нагруженную телегу. Такой человек никогда не будет притеснять бедняков. Воля его тверда, и она поддержит его ум. Пусть он даже будет обманут, но он никогда не сойдет с пути милосердия и справедливости.

ЖИЗНЬ КЛЕРКА

Клерк — самое смиренное существо на свете. Бросьте сердитый взгляд на рабочего, и он ответит вам таким же взглядом; обругайте носильщика, и он швырнет ваш багаж на землю; оскорбите нищего, и он найдет способ вызвать краску стыда на вашем лице; даже осел, если его долго бить, начнет лягаться. А конторского служащего можно оскорблять, ругать и бить — он все перенесет молча. Клерк обладает такой способностью подавлять свои чувства, какая недоступна даже для йога¹ после многих лет покаяния и самосовершенствования. Клерк — воплощение покорности, образец преданности, пример терпения, идеал почтительности. В нем сочетаются все добродетели. И несмотря на это, счастье никогда не улыбается ему. Даже соломенная кровля жалкой крестьянской хижины знает минуты радости: в ночь праздника дивали ее украшают фонариками; ее омывает свежий ливень, ее ласкает вновь выглянувшее солнце. Но однообразие жизни конторского служащего не нарушается ничем. Жизнь его беспросветна. И по лицу его никогда не скользит улыбка.

Лала Фатехчанд как раз и был одним из таких несчастных людей. Буквально имя Фатехчанд означает «Победитель луны», но этому человеку больше подошло бы называться «Раб неудачи». Служебная карьера

¹ Йог — последователь древнего религиозно-философского учения, согласно которому путем самоусовершенствования и самоистязания можно якобы овладеть «сверхъестественными» силами.

ему не удалась, личная жизнь тоже, дружба не ладилась,— словом, всюду сплошные неудачи. У него не было ни одного сына, зато три дочери, ни одного брата, зато две свояченицы и ни гроша в кармане. Он был добрым и отзывчивым, а это означало, что всякий, кто хотел, садился ему на шею.

Здоровьем он тоже не мог похвастаться. В тридцать два года в волосах Фатехчанда уже поблескивала седина, глаза были тусклые, лицо бледное, щеки ввалились, плечи ссутулились. Храбростью и силой Фатехчанд тоже не отличался.

Ежедневно в девять утра он отправлялся в контору, а в шесть вечера возвращался домой. И у него не хватало сил пойти куда-нибудь еще. О том, что происходит за стенами его дома и конторы, он не имел ни малейшего представления. Настоящее и будущее, рай и ад — все ограничивалось для него конторой, где он служил. Религия его не интересовала, развлечения — тоже. Он уже не помнил, когда в последний раз держал в руках игральные карты.

Был холодный, пасмурный вечер. В половине седьмого, когда в доме уже горели свечи, Фатехчанд вернулся со службы. По обыкновению, он прилег отдохнуть, иначе бы несчастный не смог и пальцем пошевелить. Вдруг со двора кто-то громко позвал его. Младшая дочь Фатехчанда вышла узнать, в чем дело, и, вернувшись, сказала, что явился посыльный из конторы. Жена Фатехчанда в это время мыла посуду.

— Спроси, что ему нужно,— сказала она дочери. — Отец только что пришел из конторы. Зачем он опять понадобился?

— Сахиб требует его по важному делу.

Дремота покинула Фатехчанда. Он поднял голову и спросил:

— Кто там?

— Это чапраси из конторы,— ответила жена.

— Чапраси? Зачем? Неужели сахиб опять требует?

— Да. Говорит, очень нужно. Удивительный человек твой сахиб. Минуты без тебя прожить не может! Мало ему, что ты целый день работал в конторе. Скажи, что ты не можешь прийти. Что он тебе сделает? Со службы прогонит? Ну и пусть!

— Я, кажется, все сделал,— пробормотал Фатех-

чанд.— Что ему еще понадобилось? Странно! — Потом он крикнул курьеру, стоявшему перед домом: — Сейчас выйду! — и, кряхтя, стал подниматься.

— Поешь сначала, — сказала жена.

Она принесла ему миску чечевичной каши. Фатехчанд уже встал было с кровати, но увидел еду и сел снова. Посмотрев на кашу голодными глазами, он спросил:

— Дети ели?

— Ели, ели! — сердито ответила женщина, словно ждала этого вопроса. — Все получили свою долю. Это тебе.

Но тут как из-под земли появилась младшая дочка Фатехчанда и застыла в нескольких шагах от стола. Мать посмотрела на нее уничтожающим взглядом.

— Что тебе здесь надо? — крикнула она. — Иди играй во дворе!

— Не кричи на нее, — сказал Фатехчанд, — ты напугаешь ребенка. Подойди ко мне, Чанни, сядь-ка рядом. Покушай каши.

Но Чанни, бросив на мать испуганный взгляд, выбежала из комнаты.

— Каши и так мало, — сказала жена. — А начнешь раздавать, и вовсе не останется. Ведь если ты дашь этой, обе старшие тоже начнут кланяться.

С улицы опять раздался крик посыльного:

— Скорее, бабу-джи, ведь время идет!

— Да скажи ты, что не пойдешь! — настаивала жена.

— Как же я могу послушаться: хозяин лишит меня куска хлеба!

— Он тебя насмерть загоняет! Посмотри на себя в зеркало. У тебя такой вид, словно ты полгода пролежал в больнице.

Лала Фатехчанд съел несколько ложек каши, запил стаканом воды и поспешил на улицу.

— Долго копался ты, бабу-джи, — сказал ему посыльный. — Теперь надо бежать, а то сахиб изругает тебя и слушать ничего не захочет.

Фатехчанд попробовал бежать, но скоро, запыхавшись, остановился.

— Пусть ругает, — сказал он. — Я не могу бежать. Где он нас ждет: у себя дома или в конторе?

— Чего ради ему в конторе сидеть? Кто он, по-твоему: хозяин или невольник?

Для посыльного быстрая ходьба — дело привычное. А Лала Фатехчанд давно уже отвык ходить быстро. Но как в этом признаться? Он старался не отставать от чапраси, хотя это и было ему не под силу. В груди кололо, дыхание прерывалось. Потом вдруг закружилась голова, все тело покрылось липким потом, перед глазами завертелись огненные круги. А чапраси грубо поторавливал:

— Ну, поживей, бабу-джи! Ползешь, как черепаха!

— Иди вперед,— с трудом выговорил Фатехчанд.— Скажи, что я сейчас приду.

Он сел у обочины дороги и, тяжело дыша, положил голову на руки. Посыльный посмотрел на него, ничего не сказал и продолжал путь. Фатехчанд в испуге подумал, что этот болван, пожалуй, бог знает что наговорит на него англичанину. Через силу он встал и побрел дальше. Клерк был так слаб, что ребенок мог бы свалить его с ног. Но все же он шел, спотыкаясь, и, наконец, добрался до бунгало хозяина.

Англичанин большими шагами ходил по веранде. Он то и дело поглядывал на калитку и всё больше раздражался, видя, что никто не идет. Когда же, наконец, появился посыльный, хозяин закричал:

— Где ты пропадал столько времени?!

Стоя на ступеньках веранды, чапраси робко вымолвил:

— Фатехчанд так долго собирался, сахиб, что я не мог его дождаться. Всю дорогу я бежал.

— Что он сказать тебе? — спросил англичанин на языке хинди, немилосердно коверкая слова.

— Он сказал, что придет. Я целый час ждал, пока он выбрался из дому.

Тем временем Фатехчанд вошел на просторный двор бунгало. Приблизившись, он низко поклонился англичанину.

— Почему так долго?! — рявкнул тот.

Взглянув на хозяина, клерк похолодел.

— Сахиб, я пришел домой из конторы всего полчаса назад. Как только чапраси позвал меня, я все оставил и поспешил сюда.

— Лжешь! Я целый час тебя жду!

— Я не лгу, сахиб. Может быть, я долго шел, потому что плохо себя чувствую. Но вышел я сейчас же, как только меня позвали.

По всем признакам англичанин был пьян. Он потряс в воздухе тростью.

— Молчать, свинья! Я ждал тебя больше часа! Сейчас же бери себя за уши и проси прощения!

Лала Фатехчанд проглотил, словно сгусток крови, рвавшиеся наружу слова.

— Сахиб,— сказал он,— я целый день работал в конторе. Девять часов подряд. Даже больше! И я никогда...

— Молчать, свинья! Бери себя за уши!

— Я ничего дурного не сделал.

— Чапраси! Оттаскай-ка эту свинью за уши! — закричал в пьяном бешенстве англичанин.

Посыльный ответил тихо, но твердо:

— Он же старший надо мной, сахиб. Как я смею таскать его за уши?

— Таскай,— говорят,— или я тебя самого исколочу!

— Сахиб,— возразил посыльный,— я поступил на службу для того, чтобы работать, а не для того, чтобы меня били. Я не позволю себя оскорблять. Я готов выполнить все ваши приказания, но унижать другого человека не стану. Лучше прогоните меня. Служба эта не на век, и я не желаю из-за нее со всеми ссориться.

Не помня себя от ярости, англичанин с поднятой тростью бросился на посыльного. Тот понял, что медлить нельзя, и пустился наутек.

Клерк же застыл на месте, словно статуя. Когда англичанин увидел, что посыльного ему не догнать, он накинудся на Фатехчанда. Он схватил его за уши и рванул изо всей силы.

— Свинья! Наглец! Как ты смеешь не слушаться! Ступай сейчас же в контору, принеси папку.

— Какую папку, сахиб?—спросил клерк, потирая уши.

— Какую, какую?.. Глухой ты, что ли, болван? Сказано тебе, папку! Понял?

Фатехчанд собрался с духом.

— Какую папку, сахиб?— повторил он.— Какая папка вам нужна?

В душе его вспыхнуло возмущение. Он не мог понять, чего хочет хозяин. Но просить, чтобы ему объяснили, у него не хватало мужества. Он знал, что англичанин вообще не умеет сдерживать себя, а сейчас он вдвойне пьян: пьян от сознания своей власти и попросту пьян от виски. Неизвестно, что ему еще взбредет в голову.

Фатехчанд повернулся и покорно пошел к калитке.

— Бегом! — скомандовал англичанин.

— Я не могу бежать, сахиб, — ответил клерк.

— Ах, не можешь? Лень одолела! Ну, я тебя научу! Бегом! Слышишь? Бегом, бегом! — И пинки посыпались на Фатехчанда.

Лала Фатехчанд был клерком, но все же он был человеком. Будь у него больше сил, не стерпел бы он подобного унижения от этого пьяницы. Но сил не было. Он выбежал из калитки на дорогу.

* * *

Фатехчанд не пошел в контору. Ведь хозяин даже не объяснил толком, какая папка ему нужна. Может быть, ему спьяну казалось, что здесь и объяснения не нужны! Клерк поплелся домой, еле передвигая ноги; боль и стыд от неожиданного оскорбления сковывали его, словно цепями. Конечно, англичанин во много раз сильнее его. И все же, разве можно так безропотно все сносить? Хоть бы отвести душу и ответить ему как следует! Снять бы башмак да треснуть его по физиономии!

«Нет, все это ни к чему, — решил Фатехчанд. — Англичанин попросту пристрелил бы меня. И ничего бы ему за это не было: присудили бы в крайнем случае к двум месяцам тюрьмы или к штрафу в триста рупий. А вот для моей семьи это была бы гибель. Кто стал бы заботиться о детях? Умерли бы с голоду на улице. Ах, почему я так беден! Будь у меня хоть немного денег, не потерпел бы такого обращения. Пусть бы меня потом застрелили, лишь бы проучить этого грубияна англичанина! Жизни не жаль: не так уж много в ней радости. Только вот жена, дети...»

Лала Фатехчанд плелся по дороге, а в голове у него проносились бессвязные мысли. Почему он не заботился о своем здоровье? Если бы он был сильным!.. Надо всегда носить с собой нож. Следовало бы закатить англичанину пощечину! Но тогда слуги сахиба набросились бы на Фатехчанда, исколотили бы до потери сознания, а то и до смерти... Ну и пусть! Зато все узнали бы, что нашелся человек, который не побоялся постоять за себя. Смерти так или иначе не миновать, а умрешь — семья все равно лишится кормильца. Но в том, чтобы умереть, борясь за

свои права, есть что-то почетное... Эта мысль так воспламенила клерка, что он даже повернул назад и сделал несколько шагов к бунгалу. Но его решимость быстро угасла.

Англичанин, наверно, уже ушел в клуб. К чему навлекать на себя новые неприятности? Довольно и того, что было.

* * *

Едва клерк переступил порог своего дома, как жена засыпала его вопросами:

— Зачем он тебя звал? Что ты там делал так долго?

— Он был пьян,— ответил Фатехчанд, опускаясь на кровать.— Ругался площадной бранью. Оскорблял меня. Толком ничего не сказал, твердил только, как попугай: «Почему так поздно? Почему так поздно?» Велел чапраси оттащить меня за уши.

— А почему ты не треснул его башмаком? — сердито закричала женщина.

— Чапраси — хороший человек,— продолжал клерк.— Он сказал хозяину прямо в глаза: «Сахиб, я не затем поступил к вам на службу, чтобы оскорблять почтенных людей». Потом распрощался с ним и ушел.

— Вот молодец, так и надо. А ты почему не отругал этого англичанина как следует?

— Я-то отругал. И даже больше того. Он накинулся на меня с палкой. А я снял башмак. Он меня палкой, а я его башмаком.

Жена пришла в восторг.

— Нет, неужели это правда? — воскликнула она.— Вот, наверно, разукрасил синяками его рожу!

— Еще как!

— Ты правильно сделал. Будь я на твоем месте, он бы от меня живым не ушел.

— Да, я задал ему хорошую трепку. Но теперь надо ждать беды. Не знаю, что с нами будет. Меня, конечно, прогонят со службы, а может быть, посадят в тюрьму.

— С какой это стати сажать тебя в тюрьму? Разве нет на свете правосудия? Он ведь оскорбил тебя? Он ударил тебя первый. Разве не так?

— А кто мне поверит? Судья встанет на его сторону.

— Не беда. Зато, вот увидишь, после этого ни один английский чиновник не посмеет так разговаривать со своими подчиненными!

— Ведь он мог бы застрелить меня!

— Если бы застрелил, сам бы угодил под суд — уж свидетели бы нашлись.

— А что было бы тогда с тобой и детьми? — горько усмехнулся Фатехчанд.

— Ничего, не пропали бы! Самое важное для человека — не уронить свою честь. А кто не уберег чести, тот недостоин беречь и своих детей. Ты избил этого негодяя, и я горжусь тобой. А если бы ты молча снес оскорбление, мне противно было бы смотреть на тебя. Я, может быть, ничего бы не сказала, но в душе навсегда потеряла бы к тебе уважение. — И спокойным голосом она продолжала: — Каковы бы ни были последствия, теперь я их встречу с легким сердцем. Стой, куда же ты?.. Подожди!..

* * *

Лала Фатехчанд выбежал из дому как ошпаренный. Жена что-то кричала ему вслед, но он не отозвался. Клерк зашагал к бунгалу, но не так, как раньше — еле волоча ноги, съездившись от страха, — а большими шагами, гордо подняв голову. На лице его была написана решимость. Это был другой человек. Не жалкий, приниженный конторщик, бледный и безвольный, а смелый, сильный, полный энергии мужчина, окрыленный принятым решением. Сначала он зашел к одному из своих друзей и взял у него толстую трость, а затем направился к хозяину.

Было уже девять часов. Англичанин обедал, но клерк не стал дожидаться, пока тот кончит. Как только слуга подал на стол последнее блюдо и удалился на кухню, Фатехчанд откинул дверную штору и вошел. Комната была залита электрическим светом, пол устлан красивым и, видимо, дорогим ковром. Фатехчанду никогда, даже в день своей свадьбы, не доводилось ступать по такому ковру.

Англичанин гневно взглянул на него и крикнул:

— Пошел вон! Как ты смеешь входить без позволения?

Фатехчанд угрожающе поднял трость.

— Вы требовали папку. Я принес ее. Когда кончите обед, я вам ее покажу. А пока я посижу тут. Ешьте, не спешите, может быть, это последний обед в вашей жизни.

Англичанин оцепенел от изумления. Он уставился на Фатехчанда. Гнев его сменился страхом. Он видел, что его подчиненный вне себя. Сил у клерка, положим, немного, но когда человек доведен до крайности, он становится опасен; а этот, как видно, готов на все. И англичанин испугался. Легко бить собаку, пока она не огрызается, однако стоит увидеть оскаленные клыки, и уж не так просто на нее замахнуться. Именно это и произошло с англичанином. Пока он был уверен, что Фатехчанд молча снесет любую брань и даже побои, он чувствовал себя храбрецом. Но сейчас, когда клерка словно подменили, когда этот дьявол стоит в двух шагах и, как кошка, следит за каждым движением... Англичанин решил, что лучше с ним не связываться. Он понимал, что в ответ на первое же бранное слово получит удар палкой. Конечно, клерка можно прогнать со службы, можно даже запрятать в тюрьму, но скандала и неприятностей не избежать. Поэтому англичанин, как человек дальновидный, вступил на путь дипломатических переговоров.

— Ты за что-то сердит на меня? — спросил он с необыкновенной кротостью. — Смею спросить, за что именно?

— Полчаса назад вы отодрали меня за уши и раз десять подряд называли свиньей и наглецом. Неужели вы так скоро забыли, сахиб?

— Я драл тебя за уши? Да ты шутишь!

— Чапраси — свидетель. Ваши слуги тоже видели.

— Да когда же это было?

— Полчаса назад. Вы послали за мной, а когда я пришел, отодрали меня за уши и избили.

— Неужели? Видишь ли, бабу-джи, должен признаться, что я был изрядно пьян. Буфетчик подал мне слишком большую порцию виски. И я ничего не помню. Неужели правда, что я все это проделал?

— Ах, вот что? Пьян — значит, не виноват? Ну, а если бы вы меня застрелили спяну! Ведь меня бы уж на свете не было! Ладно же! Раз пьяному все можно, так сейчас и я пьян. И вот вам приказ: возьмите себя за уши, просите у меня прощения и дайте слово, что больше никогда не станете оскорблять. А не то получите хорошую трепку! Не шевелиться! Только встаньте со стула — голову раскрою! Ну, тяните себя за уши!

— Ты шутник, бабу-джи, — сказал англичанин и при-

нужденно рассмеялся.— Хорошо. Если я оскорбил тебя, прошу прощения.

— Берите себя за уши! — решительно потребовал Фатехчанд, потрясая палкой.

Этого англичанин не стерпел. Выполнить такой унижительный ритуал! Он сделал попытку вскочить и вырвать трость из рук конторщика, но тот был настороже. Не успел хозяин приподняться со стула, как получил такой оглушительный удар по голове, что у него искры из глаз посыпались. Минуту он сидел, держась за голову, потом сказал клерку:

— Я тебя уволью.

— Увольняйте! Мне все равно! Но откуда я не уйду до тех пор, пока вы не потянете себя за уши и не поклянетесь, что больше никогда ни с кем не посмеете так поступать. А не хотите, еще угощу палкой! — И клерк уже снова занес ее.

Но англичанин не оправился еще от первого удара. Он проворно схватил себя за уши.

— Ну, теперь ты доволен? — спросил он.

— Не будете больше ругаться?

— Не буду.

— Ну то-то же! А вздумаете еще кого-нибудь обругать или оскорбить, так я не поленюсь, приду и опять проучу вас!

— Больше моя не будет ругать никого, — сказал англичанин на хинди, коверкая слова.

— Ладно! Прощайте. С нынешнего дня я у вас больше не служу. Завтра пришлю письменную просьбу с объяснением, что не могу у вас работать из-за ваших дурных манер.

— Но зачем же уходить со службы? Я тебя не гоню.

— А затем, что я сам не желаю работать у такого грубияна. Вот зачем!

Сказав так, клерк Фатехчанд вышел из бунгало и с легким сердцем направился домой. Он чувствовал, что одержал большую победу; он чувствовал себя свободным человеком.

Никогда еще Фатехчанд не был так счастлив.

УЧИТЕЛЬ

1

Пандит Чандрадхар преподавал в начальной школе. Однако он очень сожалел о том, что стал учителем. Служи он в каком-нибудь другом ведомстве, у него наверняка водились бы деньги и он спокойно прожил бы всю жизнь. Здесь же ему по месяцу приходится ожидать свои пятнадцать рупий. Да и не держатся они у него. На эти деньги он не может позволить себе ни вкусно поесть, ни купить что-либо получше из одежды. «Батраки и те живут лучше нас!» — с горечью думал пандит.

По соседству с пандитом жили двое: начальник полицейского участка — тхакур Атибалсинх и счетовод района — мунши Байджанатх. Они получали немногим больше пандита, но жизнь их протекала в довольстве. Атибалсинх и Байджанатх баловали своих детей и, вернувшись с работы, оделяли их деньгами и сладостями. У обоих были слуги, в домах — стулья, столы, ковры и всякая другая домашняя утварь. По вечерам тхакур, полулежа в кресле, наслаждался ароматом дорогого табака. У мунши было пристрастие к спиртным напиткам, и он, сидя в своей богато обставленной комнате, выпивал по целой бутылке вина, а опьянев, играл на фисгармонии. Перед ними трепетал весь район. Лавочники приветство-

вали их стоя; на базаре они покупали все за полцены. Дрова вообще доставались им даром.

Видя все это, пандит расстраивался еще больше и еще больше клял свою судьбу. Тхакур и мунши даже не знали, солнце ли вращается вокруг земли, или земля вокруг солнца, не имели ни малейшего представления о самых обыкновенных горах, и все же бог наделил их такой властью!

Они были очень милостивы к пандиту, даже посылали ему то молоко, то овощи. Но за это учителю приходилось присматривать за двумя мальчиками тхакура и тремя сыновьями мунши.

Тхакур говорил: «Досточтимый пандит, эти мальчишки весь день проводят в играх, присмотрите за ними, пожалуйста». Мунши тоже обращался к нему: «Ребята живут без призора, взгляните на них иногда». И говорилось все это снисходительным тоном, так, будто пандит был у них слугой.

Подобное обращение оскорбляло учителя, но у него не хватало смелости сказать об этом,— не дай бог вызовешь недовольство господ! Ведь в доме пандита бывали все же молоко, и творог, и кое-какие приправы. Да и на базаре он тоже мог купить дешевле, чем другие. Потому-то бедняга и пил маленькими глотками этот яд несправедливости. Учитель прилагал массу усилий, пытаясь выбраться из унижительного положения. Он писал просьбы, льстил чиновникам, но надежды его все не осуществлялись. И наконец, побежденный, он вообще перестал что-либо предпринимать.

Однако в своей работе учитель не допускал никаких погрешностей: вовремя приходил в школу, допоздна засиживался там; он отдавал всю душу обучению детей. Начальство было довольно им. Несколько раз в год он даже получал наградные, и если бы представилась возможность увеличить жалованье, ему повысили бы в первую очередь. Но повышение жалованья в этом ведомстве было совершенно безнадежным делом.

В поселке учителя тоже уважали, число учеников у него росло, и дети души в нем не чаяли. Они приходили в дом пандита, помогали ему по хозяйству: то воды на-таскают, то травы нарвут для козы. И пандит, надо сказать, все это очень ценил.

Однажды в месяце шраван¹ мунши Байджанатх и тхакур Атибалсинх решили совершить паломничество в Аудх. Это было очень далекое путешествие, и приготовления к нему начались за несколько недель. Ехать всей семьей в сезон дождей было нелегко, но женщины ничего и слушать не хотели. Отказавшись от попыток отговорить их, оба чиновника взяли недельный отпуск для поездки. Они пригласили и пандита: в толкотне и суматохе лишний человек всегда может пригодиться. Пандит долго колебался, но когда мунши и тхакур согласились взять на себя все путевые расходы, он не мог не соблазниться столь прекрасной возможностью посетить Аудх.

От Билхаура поезд отходил в час ночи. Сытые и довольные, сидели эти господа на станции. Но вот подошел состав, и вокруг началось настоящее столпотворение. Тысячи путешественников бросились к вагонам. В этой толчее мунши оказался где-то впереди, пандит и тхакур сели в другое купе. Разве можно в такой суматохе не растерять друг друга!

Вагоны были переполнены, мест не хватало, но в том купе, куда попали тхакур и пандит, находилось всего четыре человека. Все они лежали. Тхакур с укором сказал одному из них:

— Встаньте, сахиб. Разве вы не видите, что мы стоим?

Не двигаясь с места, пассажир возразил:

— Почему я должен встать, уважаемый? Разве я подрядился уступать вам место?

— Но мы тоже платили деньги за место в вагоне.

— Ну и спрашивайте у того, кому платили.

— Имейте хоть немного совести. В этом купе разрешается сидеть десяти человекам.

— Придержите язык, это вам не полицейский участок!

— А вы кто такой? — спросил удивленный тхакур.

— Я тот, кого вы обвинили однажды в незаконной торговле. Вы ушли из моего дома, унося в кармане двадцать пять рупий наличными.

¹ Шраван — пятый месяц индийского календаря; соответствует июлю — августу.

— А, теперь узнал! Но я был снисходителен к вам. Если бы я дал делу ход, вам бы недоборовать.

— О, я тоже снисходителен. Я разрешаю вам стоять в купе. Если бы я вышвырнул вас отсюда, вы и костей бы не собрали.

Тхакур побагровел от злости. Услышь он такое у себя в участке, он вырвал бы болтуну поганый язык.

А тут еще в разговор вмешался другой.

— Что же вы меня-то, господин начальник, не поднимаете? — насмешливо спросил он.

Тхакур попал в беду. Он был сильным мужчиной, но и те двое были не слабее его.

— Снимите ваш чемодан на пол, и освободится достаточно места, — обратился он к говорившему.

— А почему бы вам не расположиться на полу? — возразил Атибалсинху второй пассажир. — Разве в этом есть что-нибудь унижительное? Не забывайте, что здесь не участок, и вам придется-таки умерить свои претензии.

Внимательно посмотрев на него, тхакур спросил:

— Вы тоже имеете что-то против меня?

— Да, не возражал бы свести с вами счеты.

— Что я вам сделал? Я вас даже никогда не видел.

— Вероятно, вы не видели моего лица, но зато я видел ваше. Не далее как вчера вечером на ярмарке вы несколько раз ударили меня дубинкой. Я стоял и спокойно смотрел представление, а вы подошли и избили меня. Я ничего не сказал вам, но в сердце затаил обиду. И вот сегодня я плачу.

Сказав это, пассажир поудобнее улегся на лавке, вытянул ноги и сердитым взглядом уставился на тхакура.

До сих пор пандит стоял молча. Он боялся, как бы не вспыхнула драка. Но теперь, улучив удобный момент, он начал уговаривать Атибалсинха уйти. На следующей станции, как только поезд остановился, тхакур перебрался со своим семейством в другой вагон, а его враги вышвырнули вслед ему весь его багаж. Когда же он выходил из вагона, они так подтолкнули его сзади, что он шлепнулся на платформу, растянувшись во весь рост. Тхакур начал было искать полицейского, но в эту минуту засвистел паровоз, и Атибалсинх поспешил в другой вагон.

Мунши Байджанатху пришлось еще хуже. Он не спал всю ночь. Было так тесно, что он не мог даже вытянуть ног. Полная бутылка вина, лежавшая в его кармане, так и осталась нетронутой! На каждой станции он пил кока-кола и в результате почувствовал себя плохо. Сводило все внутренности. Ему хотелось прилечь, но места не было. До Лакнау он кое-как продержался. Но дальше ехать был не в состоянии. На какой-то станции он сошел с поезда и, так как стоять не мог, лег прямо на платформу. Жена, испугавшись, тоже вышла из вагона вместе с детьми, в спешке забыв на полке один из чемоданов. Тхакур, увидев своего друга в столь тяжелом положении, тоже сошел с поезда.

Состояние господина мунши ухудшалось: высокая температура, боль в желудке, судороги, рвота, понос. Поднялась паника. Решив, что у больного холера, начальник станции распорядился вынести его со станции. Пришлось уложить Байджанатха под деревом. Жена плакала. Начали искать врача. Выяснилось, что рядом есть больница. Это всех немного успокоило. Узнав, что имя доктора Чокхелал и что он родом из Билхаура, обрадовались еще больше: об этом враче люди говорили с уважением. Тхакур побежал в больницу, рассказал доктору о случившемся и попросил осмотреть больного.

Выслушав Атибалсинха, доктор сухо сказал:

— Утром мне запрещено покидать больницу.

— Так, может, принести господина мунши сюда?

— Несите, если хотите.

С трудом тхакур раздобыл где-то носилки. Положили на них мунши и понесли в больницу. Однако Чокхелал не разрешил войти даже на террасу.

— Холерных больных вносить не разрешается.

Мунши Байджанатх был в сознании. Услышав голос, он узнал доктора и произнес, еле ворочая языком:

— Да ведь он из Билхаура. Знакомый человек. Бывает у нас в районе. Узнаете меня, сахиб?

— Да, конечно.

— Узнал, а такой бессердечный. Совсем умираю. Посмотрите, что со мной.

— Все это я сделаю — такова моя работа. Но придется заплатить.

— Но какой же гонорар в больнице, джанаб? — вмешался тхакур.

— Точно такой же, какой брал с меня господин мунши, джанаб.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— В Билхауре у меня дом и немного земли. Раз в два в год мне приходится там бывать. Заходишь в тахсил¹ платить налог, так господин мунши угрозами требует взятку. Не дашь — можешь стоять хоть до вечера... Нет, мол, прихода-расходной книги... Но, сахиб, роли меняются! Выкладывайте десять рупий, тогда осмотрю, дам лекарство. А не то — можете идти своей дорогой.

— Десять рупий!

— Да, и если хотите остаться здесь, то каждый день тоже будет стоить десять рупий.

Что было делать? Атибалсинх спросил у жены Байджанатха, есть ли у нее деньги. Только тут она вспомнила о чемодане. С отчаяния женщина начала бить себя кулаками в грудь. У тхакура при себе денег было мало, кое-как наскреб он десять рупий и вручил доктору. Тот дал лекарство. Целый день больному не становилось лучше, лишь ночью пришло облегчение. На следующий день опять понадобилось лекарство. Продали на базаре за десять рупий одно из украшений жены мунши, а стоило оно не меньше двадцати. Наконец, к вечеру, мунши почувствовал себя крепче. Ночью сели на поезд и отправились в Аудх, ругая Чокхелала на чем свет стоит.

4

Приехав в священный Аудх, путешественники принялись искать место, где бы остановиться. В домах для паломников комнат уже не было. Частные дома были также переполнены. Обошли весь поселок, но квартиры для ночлега не нашли. Решили устроиться под каким-нибудь деревом. Но под каждым деревом уже расположились паломники. Путешественникам не оставалось ничего другого как провести ночь под открытым небом. Выбрали место получше, расстелили постели и улег-

¹ Тахсил — район; здесь: районный участок по сбору налогов.

лись. Нежданно-негаданно набежали тучи, начало накрапывать, засверкали молнии, от ударов грома, казалось, лопались перепонки в ушах. Дети плакали, женщины дрожали от страха. Остаться в поле было невозможно, но идти тоже было некуда. Вдруг показался какой-то человек с фонарем в руке. Он шел со стороны реки. Пандиту этот человек показался знакомым, но вспомнить, где он его видел, учитель никак не мог. Когда же незнакомец проходил мимо, пандит все-таки решил обратиться к нему.

— Сахиб, не найдется ли у вас места для приезжих? — спросил он.

Человек остановился, пристально посмотрел на пандита и в свою очередь задал учителю вопрос:

— Не пандит ли вы Чандрадхар?

— Да, сахиб, это я, — подтвердил тот, обрадовавшись. — Откуда вы меня знаете?

— Я ваш ученик, — почтительно приветствуя учителя, ответил путник. — Меня зовут Крипашанкар. Одно время мой отец был почтовым чиновником в Билхауре. Тогда-то я и учился у вас.

— Ах, это ты, Крипашанкар! — снова обрадовался пандит. — Ты был таким худеньким мальчиком! Впрочем, с тех пор лет восемь-девять прошло?

— Да... девятый год пошел. Уехав от вас, я сдал экзамены и теперь служу в муниципалитете. Да что я, лучше расскажите, как вы живете? Какое же это счастье, что я встретил вас.

— Я тоже рад видеть тебя. Где сейчас твой отец?

— Он умер. Со мной живет мать... А когда вы приехали?

— Только сегодня, но в гостиницах нет мест, вот и пришлось остановиться здесь, в поле.

— Это ваши дети?

— Нет, не мои, но со мной господин тхакур и господин мунши. Это их ребяташки.

— Сколько вас всего?

— Всего нас десять, но места нужно очень немного.

— Нет, учитель, места вы получите столько, сколько надо. Моя большая комната все равно пустует. Пойдемте, поживете у нас сколько понадобится. Это мое счастье, что представился случай услужить вам.

Крипашанкар позвал носильщиков, велел взять багаж паломников и повел всех в свой дом.

Комнаты были чистыми и уютными. Слуга быстро расставил кровати, а в доме начали печь лепешки. Крипашанкар прислуживал как мог. Лицо его светилось радостью. Усердие и почтительность бывшего ученика пандита очаровали всех.

Поужинав, путешественники улеглись спать, но к пандиту сон не шел. Мысленно он перебирал события этого путешествия. И когда учитель вспомнил ссору в поезде и грабеж в больнице, то сердечность и искренность Крипашанкара показались ему еще необычнее. В этот день пандит впервые испытал гордость за свою профессию — профессию учителя. Он понял все величие этого звания!

Они жили в Аудхе три дня, и все три дня ни в чем им не было отказа. Крипашанкар сам знакомил их с городом, а в день отъезда пришел на станцию провожать.

Наконец загудел паровоз.

Почтительно прощаясь с учителем, Крипашанкар сказал ему:

— Вспоминайте иногда о вашем ученике.— В глазах у него стояли слезы.

Домой пандит вернулся очень переменившимся. Он уже не стремился перейти на работу в другое ведомство.

ОТСТУПНИК

1

Сегодня, отбыв тюремное наказание, Адитья должен был вернуться домой. Еще за день до возвращения мужа Каруна побелила стены и навела в доме порядок. Несколько десятков рупий, которые она скопила за три года, отказывая себе в самом необходимом, Каруна потратила на то, чтобы достойно встретить своего Адитью. Для него она приготовила новое дхоти, сшила новые рубашки, а сыну купила пальто и шапку. В радостном возбуждении она то и дело принималась ласкать малыша. Если бы этот ребенок не появился на свет и не озарил, подобно солнцу, ее мрачную жизнь, Каруна, возможно, не перенесла бы ударов судьбы.

Мальчик родился через три месяца после того, как Адитью приговорили к тюремному заключению. Заботы о сыне помогли несчастной женщине пережить эти три года разлуки. «Как обрадуется муж,— думала она,— когда увидит сына! Сначала он очень удивится, но потом возьмет его на руки, прижмет к груди и скажет: «Каруна, ты осчастливила меня, подарив такое сокровище!» Все муки заточения будут забыты, когда он услышит лепет ребенка. Невинный, светлый взгляд малыша исцелит все страдания».

Мечтая о встрече, Каруна то плакала, то смеялась от радости. «С Адитьей придет много людей,— думала

она,— и когда он ступит на порог родного дома, небо дрогнет от приветственных криков. Как это будет замечательно!» Для тех, кто придет с мужем, женщина постелила старенький коврик, приготовила скромное угощение, и теперь то и дело нетерпеливо поглядывала на дверь. Снова и снова представляла она себе мужественное, благородное, вдохновенное лицо мужа, снова вспоминала слова, сказанные им, когда его уводили из дома. Его самообладание, сила духа, которую не смогли сломить даже полицейские дубинки, его спокойная улыбка — разве могло все это когда-нибудь изгладиться из ее памяти? Воспоминания о муже оживляли поблекшее лицо женщины. Да, она гордилась Адитьей. Именно эти воспоминания поддерживали ее во время самых тяжелых испытаний за минувшие три года. Сколько раз они с сыном ложились спать голодными! Часто не на что было купить масла для светильника. И все же Каруна никогда не пролиwała слез отчаяния. Сегодня наступал конец ее страданиям. Сильные руки мужа помогут ей в любом испытании. Его возвращение — огромное счастье, и когда они снова заживут вместе, ей не о чем будет больше мечтать.

Утомленный длительным путешествием, небесный путник устремился на отдых к краю неба, где вечер уже приготовил ему золотое ложе, украшенное гирляндами великолепных цветов. В это время Каруна увидела незнакомца, который шел, опираясь на палку, словно олицетворяя собой старческую немощь. На каждом шагу он останавливался и надрывно кашлял. Голова человека была опущена, и Каруна не могла видеть лица, но незнакомец показался ей стариком. Когда же он подошел ближе, Каруна узнала его. Это был ее любимый муж. Но, увы, как он изменился! Ни молодости, ни энергии, ни красоты... Перед ней стоял обтянутый кожей скелет. И возле Адитьи никого не было: ни друзей, ни приятелей, ни сопровождающих.

Как только Каруна узнала мужа, она выбежала на улицу и хотела было броситься в его объятия, но, подавив это желание, застыла у порога. Все ее надежды рухнули. Всю радость унесло потоком слез.

Войдя в дом, Адитья с улыбкой взглянул на Каруну. И в этой улыбке отразился океан страданий. Каруна почувствовала такую слабость, как будто сердце ее

перестало биться. Она замерла на месте и потухшим взором неотрывно смотрела на мужа, словно боясь поверить своим глазам. С ее губ не сорвалось ни стона, ни слова приветствия. Ребенок тоже испуганно тарашил глазенки на страшного незнакомца и жался к матери.

Наконец Каруна с трудом вымолвила:

— Ты так изменился! Что с тобой?

— Ничего, я лишь немного ослаб. Но на твоих обещаниях снова поправлюсь,— ответил Адитья, пытаясь улыбнуться.

— Высох-то как! — продолжала Каруна. — Превратился в спицу. Неужели тебя там не кормили? Ты же сам говорил, что с политическими заключенными обращаются хорошо. Почему тебе не помогли товарищи? Ведь они когда-то готовы были пожертвовать жизнью ради тебя!

Адитья нахмурил брови.

— Это очень горькое испытание,— печально ответил он. — Мог ли я подумать, что люди забудут меня, как только я окажусь в тюрьме? Никого даже не интересовало, жив я или нет! Такова, видно, награда тому, кто жертвует собой во имя народа. Я знал, что люди быстро забывают тех, кто им служит. Но с вероломством товарищей и соратников я столкнулся впервые. Нет, я ни на кого не жалуюсь. Служение народу — само по себе является наградой. Я глубоко заблуждался, надеясь заслужить славу и почет.

— Неужели тебя там не кормили? — снова спросила Каруна.

— Лучше не спрашивай,— ответил Адитья. — Это очень печальная история. Но хватит об этом. Считай за счастье, что я вернулся живым. Значит, на роду у меня написано — еще раз увидеть тебя. Если бы не эта надежда, я бы давно отправился на тот свет, такие мучения пришлось вытерпеть. Я прилягу немного. Не могу стоять: прошел длинный путь...

— Сначала поешь хоть немного, потом отдохнешь,— предложила Каруна и взяла ребенка на руки. — Это твой папа, сыночек, папа твой. Поди к нему, он тебя приласкает.

Адитья посмотрел на мальчика глазами полными слез и принялся ожесточенно ругать себя. Нет, никогда еще не ощущал он так горько свое бессилие. И если по

безграничной милости небес его здоровье улучшится, он никогда больше не будет принимать участия в национальном движении. Как смел он дать жизнь этому ребенку только для того, чтобы обречь его на нищету и бедствия? Теперь он будет поклоняться богине Лакшми и всю свою ничтожную жизнь посвятит воспитанию сына. В этот момент Адитье показалось, что мальчик смотрит на него с презрением, точно говоря: «Вот как вы выполнили долг по отношению ко мне!» Вся нежность и любовь отца сосредоточились сейчас на одном желании — горячо прижать сына к сердцу. Но он не мог даже протянуть к мальчику рук — в них не было никакой силы.

Продолжая держать сына на руках, Каруна накрывала стол. Адитья смотрел на тарелки такими голодными глазами, будто давно не видал ничего съедобного. Он знал, что после многодневной голодовки не следует набрасываться на еду, но не мог сдержаться и моментально съел все дочиста. Каруна даже испугалась. Муж не просил принести еще, и она поспешила убрать тарелки, думая про себя: «Раньше он никогда не ел с такой жадностью».

Женщина кормила ребенка, когда вдруг услышала слабый стон:

— Каруна!

Она подошла к мужу.

— Ты меня звал?

Лицо Адитьи побледнело. Дыхание стало прерывистым. Опираясь на руки, он полулежал на той самой подстилке, на которой только что сидел во время еды.

— Может быть, врача позвать? — забеспокоилась Каруна.

— Не стоит, — проговорил Адитья. — Бесполезно скрывать от тебя правду. У меня туберкулез. Уже несколько раз я был при смерти. Но, видно, суждено было мне повидать вас перед смертью, поэтому вот я и не умирал. Не плачь, дорогая.

— Я сейчас же приведу врача, — крикнула Каруна, подавляя рыдания.

Но Адитья только покачал головой:

— Не надо. Лучше побудь со мной. Теперь я ни на что не надеюсь. Доктора отказались лечить меня. Не знаю, каким чудом я добрался до дому. Наверно, это

последняя вспышка угасающего светильника. О Каруна, как бессердечно я поступил с тобой! Это до самой смерти будет мучить меня. Я не дал тебе счастья, ничем не сумел помочь тебе. А теперь ты остаешься несчастной вдовой и вся тяжесть воспитания мальчика ложится на твои плечи.— Он тяжело вздохнул.

— Что у тебя болит? Зажечь свет? Ну почему ты не отвечаешь? — беспокойно спрашивала женщина.

Адитья приподнялся с подстилки.

— Ничего не нужно делать, дорогая. У меня ничего не болит. Мне только кажется, что сердце куда-то опускается, точно погружается в воду. Жизненный спектакль подходит к концу. Светильник мой догорает. Пока я еще в состоянии говорить, хочу высказать тебе то, что у меня на сердце. Зачем уносить все это с собой? Я хочу задать тебе, Каруна, несколько вопросов, но прошу ответить на них прямо, то, что думаешь.

Слабость и печаль сменились в душе Каруны твердостью духа, которая презирает опасность и смеется над смертью. Как острый меч прячется в усыпанных драгоценностями бархатных ножнах, как могучая сила скрывается в плавном течении воды, так и нежное сердце женщины таит в себе мужество и самообладание. И подобно тому как гнев извлекает меч из ножен, как наука открывает энергию воды,—любовь воспламеняет в женщине мужество и твердость духа.

Ласково глядя мужа по голове, Каруна прошептала:

— Почему же ты не спрашиваешь, любимый?

Чувствуя нежное прикосновение руки жены, Адитья сказал:

— Как, по-твоему, я прожил жизнь? Достойна она награды? Ты никогда от меня ничего не скрывала, Каруна, скажи и сейчас правду. Как ты думаешь, радоваться мне прожитой жизни или оплакивать ее?

— Зачем ты задаешь такие вопросы, дорогой мой? Разве я когда-нибудь винила тебя? Жизнь твоя была подобна жизни богов: самоотверженная, чистая, идеальная. Уставая от непосильных жизненных тягот, я много раз пыталась направить твои помыслы на личные интересы, но и тогда в душе я понимала, что этим принижаю тебя. Если бы ты поддался власти денег, я, возможно, была бы более счастлива, но моя душа не ощущала бы той гордости и радости, которыми напол-

нена она сейчас. И если бы я захотела пожелать кому-нибудь самого большого счастья, я пожелала бы ему прожить такую жизнь, какую прожил ты.

Когда Каруна говорила, ее преждевременно поблекшее, некогда прекрасное лицо светилось чудесным внутренним светом. С гордостью глядя на жену, Адитья промолвил:

— Довольно, Каруна. Теперь я не боюсь за ребенка. Нет на свете более надежных рук, чем твои. Я верю, что высокий, светлый идеал жизни всегда будет перед тобой. Теперь я готов спокойно умереть.

2

Прошло семь лет.

Пракаш стал красивым, сильным, жизнерадостным десятилетним мальчиком. Он был смел и ловок, ему было неведомо чувство страха, и наболевшее сердце матери успокаивалось, когда она глядела на сына.

Люди считали Каруну несчастной и обездоленной, но она никогда не жаловалась на судьбу. Каруна продала украшения, которыми дорожила при жизни мужа, и на вырученные деньги купила несколько коров и буйволиц. Теперь это занятие стало средством существования для нее и ребенка, а так как она была дочерью крестьянина, то уход за скотом явился для нее привычным делом.

Каруне приходилось работать день и ночь, но она не унывала. На ее лице не было и следа скорби или отчаяния. Оно выражало волю и энергию. Держалась она независимо, с достоинством, а глаза ее излучали дивный свет — глубокий и проникновенный. Этот свет затмевал безжалостную судьбу, все прошлые страдания и печальное вдовство. Свою жизнь она посвятила Пракашу. Ее счастье, ее желания, ее земля и небо — все было принесено в жертву сыну. Но это совсем не означало, что Каруна закрывала глаза на его проступки. В ее любви к мальчику материнская нежность сочеталась с отцовской строгостью. До сих пор звучали в ее ушах последние слова мужа. Радость, озарившая ее лицо при этих словах, гордость, которая блеснула тогда в ее глазах, до сих пор согревали сердце Каруны. Адитья постоянно жил во всех ее помыслах. Ей казалось, что он всегда с

ней и молча охраняет ее. И сокровенным желанием матери было вырастить Пракаша достойным своего отца.

Однажды вечером какая-то нищенка, подойдя к дверям, попросила милостыню. Каруна в это время кормила коров, а Пракаш играл возле дома. Мальчику пришлось в голову напроказить, он забежал в дом, набрал в миску мякины и снова выбежал на улицу. Нищенка протянула свой мешок. Пракаш высыпал в него мякину и, громко хлопая в ладоши, убежал.

— Ай да мальчик! — провозжая его гневным взглядом, проговорила нищенка. — Прибежал посмеяться надо мной. Вот чему научили тебя родители! Ты прославишь свой род...

Услышав ее голос, Каруна вышла на улицу и спросила:

— В чем дело, мать? С кем ты так разговариваешь?

Кивнув в сторону Пракаша, нищенка ответила:

— Ведь это твой сын? Подумай только, набрал в миску мякины и высыпал мне в мешок. Была там горсточка муки, и ту смешал с мусором. Разве можно так издеваться над несчастными? Не всем суждено прожить жизнь безбедно. Нечего вам зазнаваться перед людьми.

Каруна с возмущением окликнула сына:

— Пракаш!

Но мальчик не испытывал никакого смущения. Вызывающе подняв голову, он подошел к матери и сказал:

— Зачем она пришла в наш дом просить милостыню? Почему она не работает?

Каруна попыталась усовестить его:

— И тебе не стыдно? Ты же еще и нападаешь на несчастную женщину!

— А почему я должен стыдиться? Чего она попрошайничает? Разве нам что-нибудь достается даром?

— Если тебе нечего дать, скажи об этом прямо. Зачем же поступать так гадко?

— А как еще отучить ее попрошайничать?

Совсем расстроившись, Каруна закричала:

— Я сейчас побью тебя!

— За что? В других странах нищих сажают в тюрьму, а не потворствуют им.

— Что же, по-твоему, должен делать старый, дряхлый человек? — спросила встревоженная мать.

— Пусть пойдет и утопится, для чего ему жить?

Каруна ничего не ответила. Она дала старухе муки, бобов и проводила ее. Но рассуждения сына терзали ее сердце. Где он научился такому бессердечию и грубости? Эта мысль неотступно преследовала ее и ночью.

В полночь Пракаш вдруг проснулся и увидел, что возле горящей лампы сидит Каруна и плачет. Приподнявшись, мальчик спросил:

— Мама, ты еще не спишь?

— Не спится. А ты чего проснулся? Пить хочешь?

— Нет, просто почему-то глаза сами открылись. Я сильно провинился сегодня, мама?

Каруна с нежностью посмотрела на сына. А Пракаш продолжал:

— Я очень плохо поступил с этой старушкой. Прости меня, мама. Больше я никогда не стану так делать,— и мальчик заплакал. Растроганная Каруна обняла сына и, расцеловав его в обе щеки, спросила:

— Сынок, ты сказал это, чтобы утешить меня, или ты на самом деле раскаиваешься?

— Да, мама,— ответил Пракаш, всхлиывая,— мне на самом деле очень жаль ее. Если эта старушка придет снова, я дам ей много денег.

Огромное счастье переполнило сердце Каруны. Ей показалось, что перед ними, благословляя сына, стоит Адитья и говорит: «Не печалься, Каруна, Пракаш прославит имя своего отца. Все твои желания исполнятся».

8

Однако Пракаш говорил одно, а делал совсем другое. И со временем эта черта его характера становилась все очевиднее. Он был способным юношей, получал стипендию в университете, да и Каруна оказывала ему сильную помощь, однако денег ему не хватало. И хотя он мог с блеском прочитать лекцию о пользе экономии и воздержания, сам же подражал тем, кто слепо следовал моде. Его никогда не оставляло желание покрасоваться. Его сердце и разум были постоянно не в ладу. Доброе сердце побуждало юношу делать что-то для окружающих, холодный же рассудок ограничивал все его помыслы сугубо личными интересами, при этом ду-

шевные влечения Пракаша обычно не выдерживали борьбы с разумом, и разум подавлял сердце.

В его представлении служение народу было возделыванием поля, которое не дает плодов, и он считал, что самое большее, чего можно добиться на этом поприще,— это почета и уважения. Но подобные награды недолговечны: в одно мгновение все, что завоевано ценой всей жизни, может пойти прахом. Поэтому он неотвратимо склонялся к жизни, полной наслаждений. Постепенно Пракаш стал все больше и больше испытывать отвращение к идеям воздержанности. Он презирал лишения и нищету. У него не оставалось ни участливого сердца, ни добрых чувств, был только расчетливый ум, в котором не появлялись ни боль, ни страдания, а были только умозаключения, честолюбие и расчет.

В провинции Синд произошло наводнение. Тысячи людей лишились крова. Университет послал туда бригаду для оказания помощи пострадавшим. В душе Пракаша началась борьба: ехать или не ехать? Ведь если это время он посвятит подготовке к экзаменам, то сдаст их по первому разряду! Когда бригада уезжала, юноша притворился больным. От матери он получил письмо: «Я очень огорчена, узнав, что ты не едешь в Синд,— писала Каруна.— Ты должен был поехать туда, несмотря на болезнь. Ведь в бригаде были и врачи». Пракаш не ответил на это письмо.

Ориссу охватил голод. Люди гибли как мухи. Национальный конгресс создал комиссию для помощи голодающим. Как раз в это время университет, где учился Пракаш, посылал на Цейлон группу студентов для исторических изысканий. Каруна в письме советовала сыну ехать в Ориссу, но молодой человек мечтал о поездке на Цейлон. Несколько дней он был в нерешительности — куда ехать? В конце концов он поехал на Цейлон.

На этот раз Каруна ничего не написала сыну. Она молча плакала.

Вернувшись с Цейлона, Пракаш приехал домой на каникулы. Каруна встретила его очень приветливо. Это породило в душе юноши смущение, и он решил, что при первой возможности обязательно порадует мать. С этим решением Пракаш вернулся в университет. Но сразу же по возвращении его целиком захватили заботы об экзаменах. Однако после экзаменов юноша не сразу поехал до-

мой. Один из преподавателей университета собирался совершить путешествие по Кашмиру, и Пракаш отправился с ним. Вернувшись, он узнал, что сдал экзамены по первому разряду, и только тогда вспомнил о доме. Он тотчас же послал Каруне письмо, в котором извещал о своем приезде. Для того, чтобы порадовать мать, он написал также несколько слов о своем будущем служении народу:

«Теперь я готов выполнить твои наказы,— писал он.— Я решил работать в области просвещения. Мне удалось получить почетное место учителя, и я смогу служить народу. Даже наши лидеры с уважением относятся к преподавателям университета. Они до сих пор не освободились от преклонения перед учеными званиями, предпочитая их таланту, смелости и преданности. Получив ученое звание, я устранил препятствие на пути к служению народу. Теперь все будут уважать меня и начнут поручать мне ответственную работу, о которой прежде я не мог и мечтать».

Надежды вновь воскресли в душе Каруны.

4

В начале следующего учебного года на имя Пракаша пришло письмо от ректора университета. Юношу извещали, что для продолжения образования в Англии ему утверждена правительственная стипендия. Вне себя от радости Пракаш с письмом в руках явился к матери.

— Мама, я получил правительственную стипендию для учебы в Англии.

— Что же ты намерен делать? — печально спросила Каруна.

— Что делать? — переспросил молодой человек. — Разве можно отказываться от этого?

— Ты же собирался вступить в ряды добровольцев.

— Мама, неужели ты считаешь, что, только став добровольцем, можно служить родине? Я могу служить народу и вернувшись из Англии. Сказать по правде, тысяча добровольцев, вместе взятых, не сможет принести стране столько пользы, сколько один судья. Я буду сдавать экзамен для поступления на гражданскую службу и уверен, что успешно его выдержу.

— Разве ты хочешь стать судьей? — удивилась Каруна.

— Один судья, желающий служить стране, сможет принести больше пользы, чем тысяча председателей Конгресса. Правда, его не будут прославлять в газетах, его речам не станут аплодировать, на демонстрациях народ не встретит его овациями, студенты не будут посылать ему приветственных писем, но именно судья может сослужить народу настоящую службу.

— А разве не тот же самый судья бросает в тюрьмы и расстреливает тех, кто служит народу? — резко возразила Каруна.

— Но если сердце судьи исполнено благожелательности, он добром добьется того, чего другие не смогут добиться, даже прибегая к расстрелу.

— С этим я никогда не соглашусь. Правительство не предоставляет своим служащим такой свободы действий. Оно устанавливает единый закон, и все чиновники должны подчиняться ему. Суть этого закона — еще большее укрепление власти правительства. Для этого и подавляют в людях независимость. Если же какой-нибудь судья станет действовать против указаний правительства, он не удержится на своем посту. Ведь именно индийский судья несправедливо осудил на три года твоего отца! А тюремное заключение погубило его. Сынок, послушайся меня. Не соблазняйся правительственными должностями. Я согласна на то, чтобы ты ел грубую пищу, просто одевался, зато служил родине. Я против того, чтобы ты стал судьей и жил в роскоши. Пойми, с того дня, когда ты сядешь в кресло судьи, ты будешь думать так же, как и другие судьи. Ты захочешь создать себе карьеру и выдвинуться среди чиновников. Вот тебе простой пример. Пока девушка живет у родителей, она считает их дом родным, но едва она попадает к свекру, старый дом становится для нее чужим. Ее родители, братья — все живут на старом месте, но их дом она уже своим не считает. Таков закон жизни!

— Неужели ты хочешь, чтоб я всю жизнь бедствовал? — рассердился Пракаш.

— Если в бедности легче сохранить свою независимость, то лучше жить бедно, — сурово взглянув на него, проговорила Каруна.

— Значит, таково твое желание?

— Да, это мое желание...

Пракаш ничего не ответил. Он молча встал, вышел из комнаты и тотчас послал в университет письмо с отказом от поездки в Англию.

Но с этого момента он стал вести себя так, словно на него обрушилось большое несчастье. Все время проводил он в своей комнате, мрачный и безразличный ко всему, ни с кем из друзей не встречался, к матери подходил с опущенной головой.

Так длилось целый месяц. С лица Пракаша сошел румянец, исчезло внутреннее воодушевление, глаза наполнились скорбью, как будто, отказавшись от осуществления своих планов, он отрекся от молодости и счастья. Каруна понимала настроение сына и пыталась отвлечь его от мрачных мыслей, но оскорбленное божество было неумолимо.

Однажды, не выдержав этого, Каруна сказала Пракашу:

— Сынок, если тебе так хочется поехать за границу, поезжай, я не буду противиться этому. Жалею, что удержала тебя в тот раз. Знай я, что это окажется таким тяжелым испытанием для тебя, я бы ни за что не стала возражать. Я сделала это лишь в память о твоём отце — он был бы счастлив видеть тебя слугой народа. Умирая, он завещал тебе этот путь.

— Как я теперь поеду? — сухо ответил юноша. — Отказ я уже отправил. Вряд ли меня ждут там до сих пор. Наверно, послали кого-нибудь другого. Раз уж ты захотела, чтобы я бесполезно провел всю жизнь в деревне, пусть будет по-твоему.

Каруна была подавлена. Своим великодушием она надеялась укрепить сына в его решимости отказаться от поездки в Англию, но успеха не добилась.

— Возможно, что вместо тебя никого еще не послали, — возразила она. — Напиши, что передумал, я отвезу письмо.

— Теперь ничего не исправешь, — раздраженно ответил Пракаш. — Люди смеяться станут. Буду строить жизнь так, как угодно тебе.

— Если бы ты принял это решение с чистым сердцем, то не был бы таким, как сейчас. Ты воюешь со мной методом «сатьяграхи». Что из того, что ты подчинился моей воле, подавив свои желания? Ты же все

равно считаешь меня помехой на избранном пути! Если бы у тебя самого зародилось стремление служить народу!.. Сегодня же напиши письмо ректору.

— Не могу я теперь писать.

— Так и будешь предаваться скорби?

— Стать веселым — выше моих сил.

Каруна не проронила ни слова. Однако вскоре Пракаш увидел, что мать куда-то собирается. Отлучки из дома не были для Каруны необычными. Когда же наступил вечер и Каруна не вернулась, Пракаш забеспокоился. Он то и дело спрашивал себя: куда девалась мать? Всю ночь юноша не ложился спать, поджидая ее. В его воображении возникали страшные картины. Теперь он вспомнил, какой печальной была Каруна, когда уходила из дому, какими заплаканными были ее глаза. Как Пракаш не обратил на это внимания? Каким слепым он стал в своем эгоизме!

Да, теперь Пракаш вспомнил — мать надела свое лучшее платье. В руках у нее был зонтик. Неужели она уехала куда-нибудь далеко? Кого спросить? В предчувствии чего-то ужасного Пракаш зарыдал.

Была темная, страшная ночь месяца шраван. Небо, как в ужасном сновидении, покрывали черные тучи, и Пракаш то и дело всматривался в небо, словно Каруна пряталась в этих мрачных облаках. Он решил, что с рассветом отправится на поиски матери, и если... Кто-то постучал. Пракаш быстро открыл дверь и увидел Каруну. У нее было такое отчужденное, скорбное лицо, словно она навек утратила счастье и теперь у нее в мире ничего не осталось, будто она с берега видит, как тонет ее нагруженная лодка, и не может спасти ее.

— Ты куда-то ездила, мама? — встревоженно спросил Пракаш. — Почему так поздно вернулась?

Каруна, не глядя на сына, ответила:

— По делу ездила. Задержалась.

Она бросила на стол запечатанный конверт. Пракаш, заинтересовавшись, взял его в руки. На конверте была печать университета. Пракаш прочитал адресованное ему письмо, и легкий румянец залил лицо юноши.

— Откуда у тебя это письмо?

— Мне дал его ваш ректор.

— Неужели ты ездила в университет?

— Что же мне оставалось делать?

— Но ведь вчера не было поезда.

— Доехала на попутной машине.

Пракаш молчал. Потом спросил срывающимся голосом:

— Почему ты помогаешь мне уехать, когда сама не хочешь этого?

— Потому что ты стремишься уехать, — недовольно ответила Каруна. — Я больше не в состоянии видеть тебя мрачным и недовольным. Двадцать лет отдала я тому, чтобы выполнять все твои желания, и сейчас не могу мешать твоим честолюбивым замыслам. Хочу, чтобы твоя поездка оказалась успешной, это мое искреннее желание...

Ее душили слезы, и она умолкла.

5

Пракаш стал готовиться к поездке за границу. Все, что было у Каруны, она потратила на сборы сына. Пришлось даже занять небольшую сумму. Были сшиты новые костюмы, куплены чемоданы. Пракаш с головой ушел в приготовления к отъезду и сам заказывал то одно, то другое.

Он ничего не видел вокруг, не замечал, как постарела за эту неделю мать, как поседели ее волосы, какая густая сеть морщинок покрыла ее лицо. Он видел только Англию. Честолюбие пеленой застилало его глаза.

Наконец настал день отъезда. Впервые после длительного ненастья выглянуло солнце. Каруна вынесла на улицу старые вещи мужа. До сих пор она берегла в сундуке его плащ, куртку и штаны из домотканой материи, ватное одеяло. Каждый год просушивала она их на солнце, тщательно выколачивала из них пыль и снова прятала вещи в сундук.

Сегодня Каруна достала одежду мужа не для того, чтобы просушить на солнце, а чтобы раздать ее беднякам. Она гневалась на мужа. Все его вещи были выброшены во двор — миска, священный шнур, часы. Все эти предметы долго служили Адитье и двадцать лет были для Каруны священными. Сумку, которую Адитья многие годы носил за плечами, она выкинула в мусорный ящик. Портрет, перед которым двадцать лет благоговейно преклоняла голову, теперь валялся на земле. Каруна

не хотела оставить в доме ни одной вещи, напоминающей ей о муже. Душа ее была сломлена горем и отчаянием, а на ком еще, кроме мужа, могла она выместить свой гнев? Что оставалось у нее теперь? Кому она расскажет о своих страданиях? Перед кем сможет раскрыть свое сердце? Если бы Адитья был жив, разве радовался бы Пракаш тому, что надевает на себя цепи рабства? Кто мог объяснить ей, что тут даже Адитья не смог бы ничего сделать, разве только пожалеть о происходящем?

Друзья Пракаша устроили ему прощальный обед. Домой он вернулся вечером на автомобиле, вместе с несколькими товарищами. Когда дорожные вещи были уложены в машину, он вошел в дом и сказал матери:

— Я уезжаю, мама! Когда доберусь до Бомбея, напишу тебе. Очень прошу, не горюй обо мне и отвечай без промедления на мои письма.

У Каруны было такое чувство, словно из ее дома выносят покойника. Самообладание покинуло ее, долго сдерживаемые слезы полились нескончаемым потоком, и все горе утраты вырвалось наружу. Измученным сердцем Каруны овладело страшное волнение. Ей казалось, что она упала в воду и волны, качая, несут ее неизвестно куда. С ее уст не сорвалось ни одной жалобы, ни слова напутствия. Пракаш припал к ногам матери, омыл их слезами и вышел из дома. Каруна словно окаменела.

Неожиданно в дом вошел сосед.

— Уважаемая сестра! Твой сын уехал. Как горько он плакал!

Его слова вывели Каруну из оцепенения. Она осмотрелась. Вокруг уже никого не было. В доме стояла могильная тишина, казалось, даже сердце перестало биться. Вдруг Каруна подняла голову, и ей представилось, будто перед ней стоит Адитья и плачет, держа на руках безжизненное тело Пракаша. Каруна упала в обморок.

6

Каруна продолжала жить, но теперь уже ничто не связывало ее с внешним миром. Ее собственный маленький мирок, который она создала в своем воображении, растворился в бесконечности, подобно сновидению. Тот свет, который манил ее в темной ночи жизни и напол-

нял сердце надеждой, погас, и мечты развеялись. Теперь у нее не осталось никаких иллюзий, и она не стремилась создавать их. Коровы, которых она прежде кормила дважды в день, стояли привязанными к стойлу и, напрасно ожидая ее, смотрели на дверь. Никто не ухаживал за телятами. Для кого доить коров, сбивать масло? Кто будет есть все это? Каруна замкнулась в себе.

Но прошла еще неделя, и жизнь Каруны снова изменилась. Ее мирок, разрастаясь, вместил в себя всю вселенную. Якорь, державший судно у берега, был поднят. Теперь оно поплывет в безграничные просторы океана, даже если ему суждено погибнуть в бурных волнах.

Каруна сидела на пороге дома и, собрав детей со всего квартала, поила их молоком. До полудня она трудилась, сбивая масло, и это масло тоже ели соседские дети. Затем она кормила собак. Так повторялось каждый день. Собаки, кошки, даже муравьи — все стало ей бесконечно близким. Никому не отказывала она в своем внимании. Ее нежности, которой она не смогла удержать одного Пракаша, теперь хватало на весь мир.

Однажды от Пракаша пришло письмо. Каруна взглянула на него и отложила в сторону. Потом, когда оно снова попало ей на глаза, разорвала его на мелкие клочки и ушла кормить птиц. Но ночью бедная женщина не могла уснуть, несмотря на физическую усталость, и ее стали терзать противоречивые чувства. Она подумала: «Кто для меня Пракаш? Что мне до него? В самом деле, кто же для меня Пракаш?» И сердце ее ответило: «Пракаш — это все, что ты имеешь. То, чему отдала всю свою бессмертную любовь и чего ты навсегда лишилась. Он — воздух, которым ты дышишь, свет твоей жизни, сладость твоих несбывшихся желаний, лебедь, реzzaющийся в озере твоих слез».

Каруна зажгла светильник и принялась собирать клочки письма, словно это была ее разбитая жизнь. Каждый клочок казался ей частицей утраченной любви. Когда все клочки были найдены, Каруна села перед светильником и начала подбирать их, словно связывая порванные нити любви.

О материнская любовь! Каруна всю ночь просидела за склеиванием письма. Оно было написано с обеих сторон, поэтому представляло немало труда поставить клочки на нужные места. Исчезли некоторые слова, отдель-

ные предложения. Один из утерянных клочков она так и не нашла. Прошла ночь, но письмо оставалось неполным.

Наступил день, собрались со всего квартала ребята, чтобы полакомиться маслом и молоком, прибежали собаки и кошки, слетелись птицы и принялись летать по двору. Одни уселись на ступу, другие на террасу, уютную базиликом. Но Каруне было некогда заняться ими.

В полдень Каруна все еще сидела над письмом. Она не чувствовала ни голода, ни жажды. Затем пришел вечер, а письмо все еще не было собрано. То, что она могла прочесть, постепенно входило в ее сознание. Где-то далеко плыл пароход Пракаша. В сердце Каруны вошло что-то новое. Что это было? Каруна не могла понять. Разве человек, умирающий от жажды, в состоянии утлить ее росой? Каруна хотела прочитать и запечатлеть в своем сердце каждое слово из письма сына.

Так прошло три дня. Вечером Каруна, бодрствовавшая трое суток, прикрыла глаза. Она увидела какую-то большую комнату с расставленными в ней столами и стульями. Посередине ее, на возвышении, сидел человек. Каруна всмотрелась в его лицо — это был Пракаш. Перед ним стоял в кандалах заключенный, с согнутой спиной. Это был Адитья.

Каруна открыла глаза. Слезы покатались по ее щекам. Она собрала все клочки письма и сожгла их. Не осталось ничего, кроме щепотки пепла. Это был погребальный костер материнской любви, которая погубила ее сердце. В этой щепотке пепла было сосредоточено все: ее безоблачное детство, печальная молодость и горькое вдовство.

Рано утром, когда к дому Каруны пришли соседи, она лежала на полу, прижимая к опустошенному сердцу портрет Адитьи, и казалось, воспоминания о муже умиротворили ее. Несчастливая была мертва.

А пароход Пракаша уплывал в Европу.

Нирмала

Роман

Глава первая

По правде сказать, семья Удай Бханулала была довольно многочисленной. Он был неплохим адвокатом, богиня Лакшми относилась к нему снисходительно, и он считал, что обязан дать приют всем своим обедневшим родственникам. Поэтому вместе с Удай Бхануалом жили его двоюродные братья по матери и по отцу, а также племянники — дети его сестры и брата. Но не о них поведем мы речь в этой книге. Нас будут интересовать только его дочери, старшую из которых звали Нирмала, а младшую Кришна.

Еще до вчерашнего дня они вместе играли в куклы, хотя Нирмале было уже пятнадцать лет, а Кришне только десять. Да и вели они себя почти одинаково. Обе были веселыми резвушками, страстными любительницами прогулок и всякого рода зрелищ. Своим куклам они устраивали пышные свадьбы, но от работы всегда увиливали. Стоило матери позвать их, как они мгновенно оказывались на крыше и, притаившись, выжидали, что будет дальше: кто знает, зачем их зовут! Обе они воевали со своими братьями и одинаково вздорили с прислугой. И каждый раз, заслышав звуки музыки, они вместе выбегали к воротам.

Но вскоре одно событие резко подчеркнуло разницу в их возрасте. Кришна осталась прежней Кришной, а Нирмала сразу стала серьезной, задумчивой и застенчивой.

В течение нескольких месяцев Удай Бханулал подыскивал Нирмале жениха, и наконец труды его увенчались

успехом: он договорился о свадьбе Нирмалы и Бхуванмохана Синха, старшего сына Бхальчандра Синха.

Отец жениха сказал: «Дадите вы приданое или нет — ваше дело, да меня это и не интересует. Но, чтобы не стать посмешищем, надо будет как следует встретить тех, кто приедет на свадьбу».

Надо сказать, что адвокатура не помогла Удаю Бханулалу нажить состояние, и приданое было для него настоящей проблемой. Поэтому, когда Удаю Бханулалу услышал, что отец жениха не интересуется приданым, он несказанно обрадовался. Кроме того, адвокат уже задолжал нескольким ростовщикам, и теперь ломал голову, где достать денег. А нужно было, даже по самым скромным подсчетам, не менее двадцати тысяч. Естественно, что, услышав заверения Бхальчандра, адвокат пришел в восторг. Нирмала, эта глупая девчонка, узнав о предстоящей свадьбе, забилась в угол и сидела там, закрыв лицо руками. В сердце ее теснились тревожные сомнения, она дрожала от какого-то неизведанного страха. Кто знает, что с ней будет дальше? В ее душе не было радости, которая проступает во взглядах, нежном смехе и медлительных движениях счастливых девушек. Нет, она ничего не желала! Лишь страх, опасения и робкие мечты одолевали ее. Ведь для нее еще не наступил полный расцвет юности. А Кришна и давно понимала далеко не все. Она знала, что сестра получит богатые украшения, что у ворот будет играть музыка, придут гости, начнутся танцы — и это ее радовало. Но она также знала, что сестра будет плакать, прощаясь со всеми, и когда она в слезах уйдет из дома, Кришна останется одна — это ее огорчало. Однако девочка не понимала, для чего все это делается, почему отец и мать так стремятся выпроводить сестру из дому. Сестра никому не говорила ничего плохого, ни с кем не ссорилась. Неужели они когда-нибудь точно так же выпроводят из дому и ее? Неужели она тоже будет вот так сидеть в углу и плакать, и никто ее не пожалеет? Кришна была встревожена.

Наступил вечер. Нирмала поднялась на крышу и, сидя там в одиночестве, печально смотрела в небо. Ах, будь у нее крылья, она бы улетела отсюда и разом избавилась от всех тревог!

В этот час сестры обычно выезжали на прогулку,

а если коляска бывала занята, бродили вдвоем по саду. Поэтому Кришна отправилась искать сестру. Не найдя ее в доме, она поднялась на крышу и засмеялась, увидев Нирмалу:

— Вот ты где прячешься, а я тебя ишу повсюду. Пойдем, коляска уже ждет!

Нирмала печально ответила:

— Ступай одна. Я сегодня не пойду.

— Нет, моя милая диди, сегодня как раз надо показаться. Такой прохладный ветерок!

— Не хочется, поезжай без меня.

Глаза Кришны наполнились слезами. Дрожащим голосом она спросила:

— Почему ты не хочешь ехать со мной, почему не хочешь разговаривать, почему прячешься? Мне скучно одной! Если ты не поедешь, я тоже не поеду и буду сидеть возле тебя.

— Что же ты будешь делать, когда я уеду совсем? С кем будешь играть и гулять?

— Я тоже поеду с тобой! Я здесь одна не останусь.

— Тебя мама не пустит, — улыбнулась Нирмала.

— Тогда я не пушу тебя. Почему ты не скажешь маме, что не поедешь?

— Я-то говорю, да кто меня слушает?

— Разве это не твой дом?

— Нет. Если бы это был мой дом, меня не выгоняли бы отсюда.

— Значит, когда-нибудь меня тоже выгонят из дому?

— Конечно! Думаешь, тебя здесь оставят? Мы — девушки, а у девушек нет дома ни здесь, ни там — нигде!

— А Чандра не прогонят? — спросила Кришна.

— Чандр — мальчик. Кто же посмеет его прогнать?

— Значит, девушки плохие?

— Если бы мы не были плохими, нас бы не выгоняли из дому.

— Чандр такой разбойник, — сказала Кришна, — и никто его не прогоняет. А мы никогда ничего плохого не делаем...

Вдруг раздался страшный шум: это на крыше появился Чандр. Увидев Нирмалу, он закричал:

— Ага! Вот ты где! Ура! Теперь и у нас будет играть музыка. Диди станет невестой, ее понесут в паланкине! Ура!!

Полное имя Чандра было Чандрабхану Синх. Он был на три года моложе Нирмалы и на два года старше Кришны.

— Чандр, если ты будешь меня дразнить, я сейчас же все расскажу маме! — крикнула Нирмала.

— Чего ты злишься? Ты сама услышишь музыку. Ого-го! Теперь ты станешь невестой! Здорово! Кришна, будешь слушать музыку? Такой музыки ты, наверно, никогда еще не слыхала!

— Лучше оркестра? — изумилась Кришна.

— Еще бы! Конечно, лучше! В тысячу раз, в миллион раз! Что ты понимаешь? Один раз услышала оркестр и решила, что лучше ничего не бывает. Музыканты — в красных куртках и черных шапках. Знаешь, какие они красивые, — и рассказать нельзя! Фейерверк тоже будет. Ракеты взлетят сначала до самых звезд, а потом полетят вниз красными, зелеными, желтыми и голубыми искрами. Вот здорово!

— Чандр, братик, расскажи, пожалуйста, все, все, что будет! — взмолилась Кришна.

— Пойдем со мной гулять — тогда расскажу. Ох, и красиво будет — глаз не оторвешь! А вокруг ты увидишь фей, настоящих фей!..

— Хорошо, пойдем, но если обманешь — смотри!

И Кришна с Чандром ушли. Нирмала осталась одна. Уход сестры опечалил ее. Даже Кришна, которую она любила больше всех, оказалась такой черствой! Ушла и оставила ее! Ничего особенного, конечно, не случилось, но израненное сердце подобно больному глазу, которому даже ветер причиняет страдания.

Долго еще сидела Нирмала на крыше и плакала. Скоро вот так же забудут ее и отец с матерью. И кто знает, сколько придется ей мучиться и сколько пройдет времени, прежде чем она снова увидит их...

Воздух благоухал нежным ароматом цветов, распустившихся в саду. Дул прохладный и тихий весенний ветер. В небе мерцали звезды. Нирмала уснула, погруженная в свою печаль, и душа ее незаметно перенеслась в страну сновидений. Ей снилось, что она стоит на берегу какой-то реки. Уже вечер. Подобно сказочному чудовищу надвигается темнота. Нирмала ждет лодку. Тоскливое беспокойство сжимает ей сердце. Как переправится она на другой берег, как доберется до дому? Она плачет

и молит темноту замедлить свой приход: страшно оставаться здесь ночью одной. Вдруг появляется красивая лодка, она подплывает к берегу. Вне себя от радости спешит Нирмала к лодке, но только хочет сесть в нее, как слышит голос лодочника: «Для тебя здесь нет места!» Нирмала упрасивает его, умоляет, рыдает, но лодочник твердит свое: «Для тебя здесь нет места!» И через мгновение лодка отплывает. Нирмала заливается горькими слезами. Провести ночь на этом безлюдном берегу! В страхе бросается она к воде, чтобы удержать лодку. Но вдруг раздается голос: «Остановись! Река глубока, ты утонешь! Эта лодка не для тебя. Ты сядешь в другую, и тебя перевезут на тот берег».

Нирмала испуганно озирается по сторонам: откуда этот голос? И вдруг видит маленький челн без паруса и без руля. В днище его пробоина, скамейки сломаны, и какой-то человек беспрестанно вычерпывает из него воду. Нирмала говорит: «Челнок протекает. Как же мы поплывем?» — «Тебе прислали только такой, — отвечает лодочник. — Садись!» Нирмала колеблется: садиться или нет? Наконец она решает: сяду! Лучше плыть в дырявом челне, чем оставаться здесь одной и быть растерзанной каким-нибудь ужасным зверем! Кто знает, может быть, им удастся переплыть реку. С замирающим сердцем она садится, и челнок отплывает, зарываясь в волны. С каждым мигом в нем все больше воды. Нирмала вместе с лодочником вычерпывает ее. У девушки сводит руки от усталости, но вода все прибывает и прибывает. И вот, наконец, челнок завертелся на месте. Нирмала понимает, что сейчас он потонет. Она протягивает руки в поисках незримой опоры, но челн накреняется, и она падает на спину.

Громко вскрикнув, Нирмала проснулась. Над нею стояла мать и трясла ее за плечо.

Глава вторая

Дом Удай Бханулала стал похож на базар. На террасе стучали молоточки ювелиров, в комнате мелькали иголки портных. В тени дерева ним плотник делал кровати. Под навесом, крытым черепицей, была сложена печь для кондитера. Гостям отвели отдельные помещения

с кроватями, столами и стульями. Предполагалось представить к каждому трем приглашенным одного кахара¹. До свадьбы оставался еще целый месяц, но подготовка к ней шла полным ходом. Гостям нужно было оказать такой прием, чтобы все остались довольны. Они должны запомнить, у кого гуляли на свадьбе! Одной посуды собрали столько, что она еле вмещалась в одной комнате. Чего здесь только не было — чайные сервизы, тарелки для закусок, подносы, кувшины, стаканы! Все домохозяйцы, которые обычно валялись в постелях и курили трубки, теперь с усердием взялись за дело. Еще бы! Ведь им после долгого перерыва предоставилась такая прекрасная возможность доказать, что они не даром едят свой хлеб. Поэтому туда, где работы было на одного, бежало пятеро. Пользы от них было мало, но шуму много. Самый пустяковый вопрос обсуждался часами, и в конце концов его вынужден был решать сам господин адвокат. Один говорил, что топленое масло никуда не годится. Другой клялся, что если на базаре найдут масло лучше, чем это, то пусть ему всю жизнь не будет счастья. Третий уверял, что масло прогоркло. Четвертый горячился: «В носу у тебя горчит! Откуда тебе знать, что такое хорошее масло? Ты ведь и попробовал его только здесь, а до этого и в глаза не видел!» Перебранка разрасталась, и адвокату приходилось вмешиваться самому и улаживать ссору.

Было девять часов вечера. Удай Бханулал сидел у себя, подсчитывая расходы. Он занимался этим почти каждый день, и каждый день сумма расходов все возрастала. Перед ним, нахмутив брови, стояла его жена Кальяни. После долгого молчания адвокат поднял голову и проговорил:

— Меньше чем в десять тысяч не уложимся. А может, придется потратить и еще больше.

— За десять дней от пяти тысяч до десяти дошли! — заметила Кальяни. — А через месяц, наверно, и до ста тысяч дотянем!

— Что я могу поделывать? — вздохнул Удай Бханулал. — Не хочется становиться посмешищем. Ведь если будут жалобы, люди скажут: «Имя-то громкое, а смотреть

¹ Ка х а р ы — каста водовосов и носильщиков паланкинов; здесь: слуги.

не на что!» И потом, раз уж с нас не берут приданого, то мой долг сделать все возможное, чтобы оказать гостям достойный прием.

— С самого сотворения мира и по сей день не бывало такого, чтобы хозяева угодили гостям. Всегда находится повод для осуждения. Даже те, у кого дома нет и черствого хлеба, привередничают на свадьбе, словно падишахи. Про масло скажут, что прогорклое, да еще спросят, где, мол, раздобыли это «мыло» по рупии за сер. Кахары, дескать, не слушают приказаний, фонари дымят, в стульях клопы, кровати еле держатся, комнаты душные... Чего только не наговорят! Разве всем угодишь? Не то, так другое — все равно найдут, к чему придраться! Пойдут болтать: «Это масло, сестрица, годится разве только для шлюх. Пусть дадут нам чистого масла!..» И почему хозяин прислал нам это «мыло»? Хвастаются своим богатством, словно мы не видели настоящего масла!.. А какие слуги! Не кахары, а разбойники, со всем от рук отбились! И что за лампы нам дали! Глаза начинают слезиться!.. А какие комнаты! Сквозняк со всех сторон!» Еще раз тебе говорю: брось думать о гостях!

— Но что же ты мне посоветуешь?

— Вот что я тебе скажу: ты должен твердо сказать самому себе, что не будешь тратить больше пяти тысяч. Денег дома нет. Если уж решил взять в долг, то зачем брать столько, что потом всю жизнь не расплатишься? В конце концов у меня есть и другие дети. Им тоже нужно что-нибудь оставить.

— Ты только и твердишь о моей смерти!

— А чего ты сердишься! Все умрем. Бессмертных нет. Но жизнь-то не останавливается, если кто-нибудь умирает! Вот у меня все время и стоит перед глазами картина: отец умер, а дети его нищенствуют. Зачем же до этого доводить?

— Значит, по-твоему, день моей смерти близок? — вспыхнул Бханулал. — Ну что ты каркаешь? Не знал я, что женщинам так не нравится иметь мужей. Сегодня первый раз об этом слышу. Должно быть, вдовой быть куда приятнее!

¹ Индийские женщины смазывают волосы ароматичным маслом.

— О чем с тобой ни заговори, ты всегда начинаешь меня оскорблять! Или ты думаешь, мне некуда деваться, раз я твой хлеб ем? Стоит что-нибудь сказать, как ты сразу начинаешь кричать, словно я какая-нибудь служанка и мое дело — только заботиться о еде и одежде. И чем больше я уступаю, тем больше ты на меня нападаешь. Всякие там приживальщики расточают наше добро, а им и слова не скажи. Сколько денег уходит на вино и мясо, а я все молчи! А ведь все это оборачивается против моих детей!

— Значит, я твой слуга?

— А я твоя служанка?

— Что это за муж, который пляшет под дудку жены?

— А что это за жена, если она молча терпит все попреки мужа?

— Я зарабатываю деньги и могу их тратить, как мне захочется. И никто не имеет права совать свой нос в мои дела!

— Тогда следи сам за хозяйством. Если со мной не считаются в этом доме, мне все равно! Я имею такие же права, как и ты, во всяком случае не меньше. Если ты будешь делать все по-своему, я тоже буду поступать, как хочу! Дай бог тебе счастья, я как-нибудь прокормлюсь и сама! Дети твои — можешь их казнить, можешь миловать. Не буду видеть этого, значит и сердце кровью обливаться не будет!

— Ты что же думаешь, без тебя все здесь пойдет кувырком? Я один могу управиться с десятком таких домов!

— Ты? Да здесь через месяц все пойдет прахом! Иначе я об этом и заикаться не стала бы!

Лицо Кальяни покраснелось; раздраженно повернувшись, она направилась к двери.

Удай Бханулал был достаточно искушен в судебных делах, но женщин знал плохо. Эту науку мужчине не всегда удается постичь даже в преклонном возрасте. Если бы он сейчас удержал Кальяни и сказал ей несколько ласковых слов, она, вероятно, не ушла бы. Но Удай Бханулал поступил как раз наоборот. Он бросил вслед жене еще один упрек:

— Куда ж это ты пойдешь? К своим родственникам?

Кальяни остановилась у двери и посмотрела на мужа горящими от гнева глазами.

— При чем тут мои родственники? Я еще не настолько низко пала, чтобы обращаться к ним за куском хлеба!

— Так куда же ты денешься? — бросил Удай Бханулал.

— Кто ты такой, чтобы спрашивать меня об этом? У бога нашлось место для стольких людей — найдется и для меня!

Выбежав во двор, Кальяни взглянула на небо, как бы призывая звезды в свидетели того, с какой жестокостью ее прогоняют из дома. Шел уже одиннадцатый час. В доме царил тишина. Кальяни неслышно прошла к себе. Дети спали в ее комнате, поэтому она сразу же увидела, что Чандрабхану уснул, а младший сын, Сурьябхану, сидит на кровати. Увидев мать, он пролепетал:

— Мама, ты куда ходила?

— Никуда, сынок. Я была у твоего отца, — ответила Кальяни.

— Я так боялся один! Зачем ты ушла?

Ребенок тянулся к ней, прося взять его на руки, и Кальяни не выдержала. Живительный бальзам материнской любви омыл ее израненное сердце, и в нем вновь ожили нежные ростки чувств, сожженные пламенем гнева. На глазах женщины показались слезы. Взяв ребенка на руки, она спросила:

— Почему же ты не позвал меня, сынок?

— Я звал, только ты не слышала. Ты теперь никуда не пойдешь?

— Нет, сыночек, никуда, — ответила Кальяни, опустившись на кровать. Прижавшись к материнской груди, мальчик безмятежно заснул. Кальяни погрузилась в раздумье. Когда она вспоминала слова мужа, ей хотелось все бросить и уйти из дому, но когда она смотрела на детей, сердце ее переполнялось любовью к ним. «На кого я оставляю моих крошек? Кто будет каждый день поить их молоком и кормить халвой? Кто будет укладывать их спать и будить по утрам? От них останутся только кожа да кости! Нет, родные, я вас не покину! Ради вас я все вынесу: упреки и брань, угрозы и унижения — все, все!» Так думала Кальяни, прижимая к себе сына.

А в это время Удай Бханулал никак не мог заснуть. Из головы не шли слова жены. «Ох-хо! Ну и характер! Как будто я ее жена, а она — мой муж! Слова не скажи! Хочет, чтобы я был ее слугой! Если бы она хозяйничала

одна, живо бы разделалась и со своими и с чужими. Вечно всем недовольна. Только и думает о моей смерти. Отдохнуть захотела. Как ни скрывай, что у тебя на душе, когда-нибудь да проговоришься! Так и вышло. Вот уже несколько дней я от нее доброго слова не слышу. Но чего она хочет? Уехать к своим родственникам? Там она не найдет сочувствия. Конечно, приехать в гости — это одно, все примут радушно, но если она сядет им на шею, то горя хлебнет немало и домой вернется вся в слезах. А сколько тщеславия! Вообразила, что одна заправляет всем домом. Надо бы мне уйти дня на четыре, тогда б узнала, что такое горе! Все бахвальство как рукой снимет. Нужно хоть раз сбить с нее спесь. Пусть испытывает все прелести вдовьей доли! И как только у нее язык поворачивается меня бранить! Просто непостижимо! Или она меня больше не любит, или считает, что я настолько привязан к дому, что не уйду, как бы она меня ни ругала. С ума сойти можно от такой жизни! Да пропади он пропадом, этот дом! Ведь это не дом, а настоящий ад! Когда мужчина приходит с работы усталый, он хочет отдохнуть в своей семье. А здесь вместо отдыха приходится выслушивать всякую брань да разговоры о смерти! И это венец двадцати пяти лет супружеской жизни! Нет! Хватит с меня. Сейчас же уйду! И не вернусь, пока не узнаю, что весь ее гонор улетучился и она в себя пришла. Четырех-пяти дней с нее вполне хватит. Пусть знает, с кем имеет дело».

С этими мыслями Удай Бханулал встал с постели, обмотал шею шелковым шарфом, взял немного денег, положил в карман визитную карточку и, прихватив трость, тихо вышел из дому. Слуги крепко спали. Только собака, заслышав шаги, насторожилась и подбежала к нему.

Кто бы мог предположить, что судьба так трагически посмеется над ним! Рок, безжалостный автор этой житейской драмы, уже готовил исподтишка кровавый заключительный акт. Но трудно было поверить, что предположение станет реальностью, а спектакль — жизненной правдой.

Над городом воцарилась ночь. Ее демонические силы сковали мир. Все хорошее погрузилось в сон, и на смелу ему дерзко шествовало все преступное и злое. Под покровом тьмы в лесу бродили дикие звери, а на улицах городов — грабители и убийцы.

Удай Бханулал быстро шел в сторону Ганга. Он решил бросить свою куртку на берегу и уехать дней на пять в Мирзапур. Утром куртку найдут и подумают, что ее владелец утонул. В кармане лежит визитная карточка, поэтому установить имя будет нетрудно. Весть об этом мгновенно разнесется по всему городу, и к восьми часам у его дома соберется толпа. Интересно, что тогда будет делать его уважаемая жена!

Раздумывая об этом, Удай Бханулал шел по извилистым улицам. Неожиданно позади него послышались шаги. Он понял, что кто-то идет следом. Удай Бханулал пошел быстрее, но куда бы он ни сворачивал, неизвестный не отставал от него. Адвокат начал подозревать, что этот человек преследует его, и, очевидно, с далеко не добрыми намерениями. Быстро вынув карманный фонарь, он осветил незнакомца. Перед ним стоял здоровенный детина с дубинкой на плече.

Удай Бханулал вздрогнул: это был самый отъявленный преступник в городе.

Три года назад его судили за ограбление. На этом процессе Удай Бханулал выступал обвинителем, и бандит был приговорен к трем годам тюрьмы. Еще тогда он поклялся отомстить. Отбыв срок наказания, он только вчера появился в городе. Увидев адвоката одного в столь поздний час, бандит решил, что это превосходный случай свести счеты. Вряд ли когда-нибудь еще представится такая возможность! Он пошел за адвокатом и был уже готов нанести удар, когда Удай Бханулал внезапно осветил его фонарем. Замешкавшись, бандит проговорил:

— Не узнаете меня, господин? Я Матаи.

— Почему ты ходишь за мной? — угрожающе спросил Бханулал.

— Как почему? Разве человеку запрещено ходить по городу? Может быть, эта улица принадлежит вашему папаше?

Бханулал в молодости занимался борьбой и даже теперь был еще довольно сильным мужчиной. К тому же он не был трусом. Сжимая трость, он произнес:

— Неужели ты еще не набрался ума? Ведь на этот раз получишь не меньше семи лет.

— Пусть мне дадут семь лет, пусть четырнадцать, но зато ты от меня не уйдешь! Только если ты встанешь на колени и поклянешься, что больше никого не будешь

упрятывать в тюрьму, тогда я тебя помилю. Говори, согласен?

— Как бы ты за это не заплатился!

— Поплатишься ты, а не я! Повторяю, даешь клятву? Считаю до трех! Раз!

— Убирайся, или я позову полицию.

— Два!

— Пошел отсюда, негодяй!

— Три!

При этом Матаи нанес дубинкой такой страшный удар по голове Бханулала, что тот замертво упал на землю. С губ Бханулала сорвалось только:

— О, убил!!

Наклонившись, Матаи убедился, что голова адвоката проломлена, а из раны течет кровь. Пульса уже не было. Он понял, что дело сделано. Спокойно снял он с руки мертвеца золотые часы, вынул золотые запонки, снял с пальца кольцо и пошел своим путем, как будто ничего особенного и не случилось. Впрочем, он оказал адвокату одну любезность — оттащил труп с дороги в сторону.

Ах! О чем думал несчастный, когда покидал свой дом, и что получилось на деле! Жизнь! Есть ли в мире что-нибудь более непостоянное? Жизнь так же недолговечна, как пламя свечи, которое гаснет от легкого порыва ветра. Во время дождя пузыри на лужах появляются и лопаются почти мгновенно, однако в жизни перемены подчас происходят еще быстрее. Так на что надеяться, раз жизнь — всего лишь презренная иллюзия? Сколько великодушных замков строим мы на этой иллюзии, не зная даже, последует ли за вдохом выдох! Ах люди! Всегда вы думаете, что смерть от вас далека, словно вы бессмертны.

Глава третья

Я не буду омрачать читателя описанием того, как убивалась вдова и плакали осиротевшие дети. Когда над кем-нибудь разражается беда, он рыдает, падает в обморок — все это далеко не ново. Однако, если вам угодно, вы можете сами представить, какие нечеловеческие душевные муки пришлось испытать Кальяни от одной мысли, что именно она оказалась до известной степени убийцей своего мужа. Слова, которые в порыве гнева сорва-

лись с ее языка, вонзались теперь ей в сердце, как стрелы. Если бы муж умер у нее на руках, она утешалась бы тем, что выполнила свой долг перед ним до конца. Только это и могло принести успокоение ее истерзанной душе. Какой отрадной была бы мысль, что ее муж был счастлив и любил ее до последнего мгновения! Но Кальяни не получила этого утешения. Она думала: «Двадцать пять лет я выносила все и ничего не добилась. В последнюю минуту в сердце моего мужа не было любви ко мне. Если бы я не сказала ему тех жестоких слов, он ни за что не ушел бы ночью из дому. Кто знает, о чем он тогда думал!» Кальяни промучилась целый день, пытаясь отгадать, какие были у ее мужа мысли в тот вечер, и все больше и больше винила во всем себя. Теперь даже дети, которых она любила больше жизни, вызывали у нее раздражение: ведь она поссорилась с мужем из-за них! Это они во всем виноваты!

Дом, где всегда было полно народу, опустел, и шум сменился тишиной. Не стало кормильца — разбежались и едоки. За какой-нибудь месяц один за другим разбежались все родственники. Они бежали без оглядки, лицемерно заявляя, что не могут оставаться там, где пролилась кровь.

Все пошло кувырком. Даже дети, раньше такие выхоленные, что при встрече хотелось их приласкать, ходили теперь грязные и запущенные. Куда только делась вся их привлекательность!

Но вот горе немного забылось, и вновь встал вопрос о браке Нирмалы. Некоторые советовали не устраивать свадьбы в этом году, но Кальяни не соглашалась. «Если перенести свадьбу после стольких приготовлений, — думала она, — весь труд пропадет даром, и в будущем году придется опять готовиться. Нет, на это я пойти не могу! Лучше уж сыграть свадьбу сейчас, когда все готово, пока есть чем принять гостей. Чем дальше мы будем ее откладывать, тем больше будет расходов!»

Поэтому Бхальчандру одновременно с известием о смерти Удай Бханулала было послано и сообщение о дне свадьбы.

Кальяни писала в своем письме: «Умоляю вас, окажите милость сироте, не дайте ей погибнуть. Мой муж мечтал о многом, но богу было угодно другое. Теперь моя честь в ваших руках. Моя дочь теперь ваша. Я по-

что за счастье оказать вам достойный прием, но если будут какие-либо неполадки, подумайте о моем положении и не осуждайте меня. Я хочу верить, что вы и сами не позволите обидеть сироту».

Это письмо Кальяни не послала по почте. Позвав своего пурохита¹, она сказала ему:

— Вам будет нелегко, но поезжайте туда и лично передайте письмо. Скажите от моего имени, что чем меньше придет народу, тем будет лучше. У нас теперь некому принимать гостей.

На третий день к вечеру пурохит Мотерам прибыл в Лакнау. Он застал Бхальчандра на веранде перед гостиной. Хозяин дома лежал совершенно голый в шезлонге и дымил трубкой. Это был крупный, сильный человек, похожий не то на какого-то черного идола, не то на африканского негра. Он был черен с головы до пят, и даже лицо его было настолько черным, что трудно было понять, где кончается лоб и начинаются волосы. Короче говоря, он напоминал живую статую из угля.

Бхальчандр невыносимо страдал от жары. Два человека обмахивали его опахалом, но с него все равно градом лил пот.

Бхальчандр занимал высокий пост в акцизном департаменте. Он получал пятьсот рупий в месяц и без стеснения брал крупные взятки с торговцев вином. Достаточно было сунуть ему взятку, чтобы потом продавать вместо вина почти чистую воду и круглые сутки не закрывать лавку. Все законы служили ему на пользу.

У Бхальчандра была такая страшная внешность, что, увидев его при лунном свете, пугались даже мужчины, не говоря уже о детях и женщинах. Мы упомянули здесь про лунный свет потому, что в темную ночь его бы вообще никто не заметил: он растворился бы в темноте. Только глаза у него были красными! Сочетания одних цветов могут быть приятны, а сочетания других — безобразны. Красные глаза делали его черное лицо еще более отталкивающим.

Подобно правоверному мусульманину, который пять раз в сутки совершает намаз, Бхальчандр пять раз в сутки пил вино. Пить даровое вино — привилегия кази². Но

¹ Пурохит — домашний жрец.

² Каз — судья.

поскольку Бхальчандр заведовал винными делами, он присвоил себе эту привилегию и пил сколько хотел. Кто мог ему запретить? Он пил вино, как воду, когда чувствовал жажду.

Увидав почтенного пурохита, Бхальчандр поднялся с шезлонга.

— А, это вы? Проходите, пожалуйста, проходите! Эй, слуги, есть там кто-нибудь? Куда все разбежались? Эй, Джагру, Гурдин, Чхакаури, Бхавани, Рамгулям! Есть кто-нибудь в доме? Да что вы, все умерли, что ли? Идите сюда! Рамгулям! Бхавани! Чхакаури, Гурдин! Джагру! Не отзываются, словно мертвые... Держишь столько слуг, а когда нужно, никого не дозовешься! Черт знает куда они все подевались. Эй, кто-нибудь, принесите сюда стул!

Он еще несколько раз повторил эти пять имен, но обмахивающих его людей за стулом не послал. Через несколько минут появился наконец одноглазый старик кахар. Покашливая, он произнес:

— Господин, мы не можем так больше работать. Все в долг и в долг!.. Надоело каждый день кланчить свои же деньги.

— Хватит болтать! Поди принеси нам стул. Что ни попроси сделать, только и знают что хнычут. Скажите, пожалуйста, пандит-джи, как у вас дела?

— Что я могу сказать хорошего, господин? Какие тут могут быть дела! Все в доме пошло прахом.

Появился кахар с разбитым деревянным ящиком в руках.

— Мне одному стул не донести,— пробормотал он.

Пандит-джи смущенно и с некоторой опаской сел на ящик, моля бога, чтобы он под ним не развалился. Потом он достал письмо Кальяни и передал его Бхальчандру.

— Да, теперь вся семья рассыплется,— проговорил Бхальчандр.— Какое несчастье! Что может быть страшнее этого? Удай Бханулал был моим старым другом. Не человек — алмаз! Какое сердце, какая выдержка! — Тут Бхальчандр даже утер набежавшую слезу.— Я как будто потерял правую руку. Поверите ли, у меня даже в глазах потемнело, когда я услышал эту новость. Сажусь есть — кусок застревает в горле. Все время его лицо стоит перед глазами. Так и выхожу из-за стола, едва при-

коснувшись к еде. И душа ни к чему не лежит. Я бы, наверно, меньше горевал, если бы умер мой родной брат. Да, это был настоящий алмаз!

— Вы правы, господин. В нашем городе не было более уважаемого человека.

— Что и говорить!.. Я знал его, как никто другой. Такой человек встречается один на сотни тысяч! После первых же встреч я проникся к нему уважением и буду помнить его до конца своих дней. Передайте, пожалуйста, своей госпоже, что сердце мое разывается от горя.

— Мы о вас всегда думали хорошо. Редко можно встретить такого человека, как вы. Разве кто-нибудь другой согласится теперь женить сына, не получив приданого!

— Махарадж! Какие же могут быть разговоры о приданом с такими почтенными людьми! Породниться с ними — все равно что сто тысяч получить. Я считаю, что для меня это огромное счастье. Да, благородной души был человек. На деньги и не смотрел. Они для него ничего не значили. Да и вообще плохой это обычай — брать приданое, очень плохой. Если бы это было в моей власти, я бы расстреливал и тех, кто берет приданое, и тех, кто дает. Или просто вешал! Что они, женят своих сыновей или продают их? Если хочешь устроить свадьбу сына побогаче, устраивай на здоровье по своим возможностям. Но разве можно хватать за горло отца невесты? Это же низость, подлость! Подлость!.. Моя бы воля, я просто четвертовал бы таких негодяев!

— Хвала вам за эти слова, господин! Бог наделил вас большим умом, а это достоинство выше всего. Но вот что я должен передать вам. Кальяни хочет, чтобы свадьба состоялась в назначенное время. А все остальное она написала в своем письме. Одним словом, теперь все зависит от вас. Мы готовы принять и угостить всех гостей, которые приедут на свадьбу, но обстоятельства сейчас изменились, господин. В доме нет хозяина. Поэтому сделайте, пожалуйста, так, чтобы имя господина адвоката не было опозорено.

Бхальчандр закрыл глаза и сидел некоторое время молча. Потом, глубоко вздохнув, он произнес:

— Богу не было угодно, чтобы в мой дом пришла радость. Иначе разве такое несчастье случилось бы? Все

мои планы расстроились. Я так радовался, что это счастливое событие приближается, но кто же знал, что всевышний рассудит иначе и покарает нас? Одно воспоминание о покойном вызывает у меня слезы. Увидеть Нирмалу — значит еще больше разбередить рану. Ума не приложу, что мне теперь делать? Хорошо это или плохо, но я не в силах забыть того, кто когда-то был моим близким другом. И сейчас его лицо все время стоит перед моими глазами, и если эта девушка придет в мой дом, жизнь станет просто невыносимой. Поверьте, глаза мои ослепнут от слез! Я знаю, что слезами делу не поможешь: кто умер, того не воскресишь, и ничего не остается, кроме скорби. Да, я вынужден отказаться от свадьбы. При виде этой девушки мое сердце разорвется на части!

— Не говорите так, господин. Пусть Удай Бханулала нет в живых, зато вы живы! Теперь вы замените Нирмале отца. Эта девушка теперь ваша дочь, а не его. Никто не знает, что у вас на душе, и люди подумают, что вы нарушили свое обещание только потому, что адвокат умер. Тогда вам не избежать позора. Подумайте хорошенько и с легким сердцем жените сына. Действительно, несчастье случилось непоправимое. На нашу голову свалились тысячи бед, но хозяйка не остановится ни перед чем, чтобы оказать достойный прием вам и вашим людям.

Бхальчандр понял, что пандит Мотерам неглупый человек и, кроме своих книг, прекрасно разбирается в житейских делах.

— Я клянусь, — воскликнул он, — что люблю эту девушку больше, чем своих дочерей! Но если свадьба не угодна богу, что я могу поделать? Эта смерть является каким-то зловещим предостережением свыше! Она пророчит нам грядущие беды. Всевышний дал ясно понять, что их брак не будет счастливым. Сами подумайте, как же может счастливо кончиться то, что началось с несчастья? Нет, по доброй воле я не могу на это пойти. Объясните все своей хозяйке. Я готов ей повиноваться, но последствия будут плачевными. Разве можно во имя собственных интересов совершить преступление по отношению к дочери лучшего друга?!

Этот довод поставил достойного Мотерама в тупик. Бхальчандра пустил стрелу, которую пандит не

смог отразить. Противник нанес удар его же оружием, и пандиту нечем было ответить.

Мотерам все еще придумывал, что бы ему сказать, но в это время Бхальчандр снова начал звать своих слуг:

— Эй, куда вы все опять запропалились? Эй, Джагру, Чхакаури, Бхавани, Гурдин, Рамгулям! Никто не отвечает, словно умерли все! Ведь пандиту поесть надо! Ну скажите, сколько раз можно твердить одно и то же этим болванам! Ничего не соображают! Видят, что почтенный человек приехал издалека, устал, а им словно ни до чего нет дела. Приготовьте что-нибудь поесть! Пандит-джи, что вы хотите: сделать вам шербет или послать за сладостями?

Пандит Мотерам любил сладости сверх всякой меры. Ему нравились всякие печения, приготовленные на топленом масле; он обожал пирожные, расгулла и амирати, но был совершенно равнодушен к шербету. Наливаться водой было против его правил. Поэтому, поколебавшись для виду, он сказал:

— Я не привык пить шербет. Но чего-нибудь сладкого с удовольствием поем.

— Фрукты в сахаре, не так ли?

— Мне все равно.

— Вот это дело! А всякие разговоры о недозволенной пище — один обман! ¹ Я тоже в это не верю! Но почему до сих пор никто не пришел? Чхакаури, Бхавани, Гурдин, Рамгулям! Откликнитесь же кто-нибудь!

Наконец появился, кашляя, все тот же старик кахар и завел свою песню:

— Господин, когда мне заплатите?.. Пропади пропадом такая служба — все бегом да бегом. Так и в гроб вогнать можно...

— Сам ползаешь еле-еле, а деньги тебе подай! Целый день только и знаешь что кашляешь, а жалованье растет. Поди принеси с базара свежих сладостей на одну анну. Да поскорее!

¹ Религиозный обычай запрещает членам высших каст употреблять в пищу целый ряд продуктов и предписывает «очищать» многие продукты топленным коровьим маслом, которое считается священным.

Отдав приказание кахару, Бхальчандр ушел в дом.

— Этот пандит приехал оттуда,— сказал он жене.— Письмо привез. Прочитай, пожалуйста!

Жену Бхальчандра звали Рангили Баи. Это была приятная женщина, с чистым, белым лицом. Хотя красота и молодость уже покидали ее, она в свои тридцать лет все еще не утратила привлекательности.

Пережевывая бетель, Рангили Баи проговорила:

— Надеюсь, ты сказал ему, что мы не согласны на эту свадьбу?

— Сказать-то сказал, да только от стыда слова в горле застревали. Пришлось наплести бог знает что.

— Какой может быть стыд, когда говоришь правду? Не согласны, и делу конец. Хотят обхитрить нас!.. В другом месте дают десять тысяч наличными. Зачем же женить сына на дочери адвоката? Что она, золотая, что ли? Если бы Удай Бханулал был жив, еще получили бы тысяч пятнадцать—двадцать. А что теперь?

— Неловко как-то отказываться от своего обещания,— пробормотал Бхальчандр.— Может, никто ничего и не скажет, но позора все равно не оберешься. Только ты меня и заставила отказать им.

Сплюнув бетель, Рангили Баи вскрыла конверт и стала читать. Бхальчандр совершенно не знал хинди. Рангили Баи вряд ли прочла хоть одну книгу, но письмо она могла разобрать. После первых же строчек глаза ее увлажнились, а когда она кончила читать, то была вся в слезах. Каждое слово в этом письме было наполнено скорбью, в каждой букве чувствовалось страдание. Сердце Рангили Баи было не каменное, а скорее напоминало воск, который плавится от малейшей жары. Горестные слова Кальяни смягчили это, казалось, себялюбивое сердце. Прерывающимся голосом Рангили Баи спросила:

— Брахман все еще здесь?

Слезы на лице жены повергли Бхальчандра в уныние. Теперь он рассердился на самого себя: зачем только он показал ей это письмо! Для чего ему это понадобилось? Никогда еще не совершал он столь грубой ошибки!

— Наверно, здесь,— неуверенно ответил он.— Правда, я ему намекнул, чтобы он уходил.

Рангили Баи осторожно выглянула из окна. Пандит Мотерам стоял на веранде и внимательно смотрел на дорогу, ведущую к базару. Пораженный жадностью хозяина, он просто не знал, что ему дальше делать. Своим приказанием «Сладостей на одну анну!» Бхальчандр обманул все его надежды. Да и слуга куда-то пропал, и это промедление не сулило ничего хорошего.

Увидав, что пандит еще здесь, Рангили Баи сказала мужу:

— Пойди к нему и скажи, что мы согласны на свадьбу. Несчастливая так страдает!

— Как ты можешь говорить такое? Ну, словно дитя малое! — вскипел Бхальчандр. — Я ведь только что сказал ему, что не согласен на этот брак. Мне пришлось сочинить целую историю. Если я теперь начну говорить другое, что он обо мне подумает? Ты представляешь? Это же свадьба, а не детская игра: дал слово, нарушил слово! Слово серьезного человека — не шутка!

— Хорошо, не хочешь говорить сам, пришли тогда этого брахмана ко мне. Я ему так все растолкую, что и твои и мои слова останутся в силе. Ладно?

— Ты считаешь всех, кроме себя, дураками. Какая разница, кто из нас скажет. Что сделано, то сделано. Я не хочу еще раз возвращаться к этому вопросу. Ты же сама столько раз говорила, что не согласна на эту свадьбу! Только из-за тебя мне пришлось нарушить свое слово. А теперь снова что-то выдумываешь. Ты меня совсем замучила! В конце концов должна ты хоть немного думать о моем достоинстве или нет?

— Откуда же я могла знать, что вдова окажется в такой беде? Ты ведь сказал, что она припрятала все имущество мужа и хочет обделать свои делишки, прикрываясь бедностью. Ты мне говорил, что эта женщина — плутовка, и я тебе поверила. Делать что-нибудь плохое после хорошего — стыдно, а хорошее после плохого — вовсе нет. Если бы ты сначала сказал «да», а потом «нет», то тебе действительно было бы чего стыдиться. Но если ты сказал «нет» и теперь говоришь «да», — твоя честь от этого не пострадает.

— Ты считаешь, что это хорошо, а по мне так просто глупо! И потом, откуда ты взяла, что все, что я говорил о жене адвоката, — ложь? Уж не из этого ли

письма? Ты думаешь, что если ты сама честный человек, то и все вокруг тебя честные?

— В этом письме нет притворства. Я бы сердцем почувствовала ложь.

— Притворство иногда бывает таким искусным, что сама правда меркнет перед ним. Разве сочинители всяких басен, над книжками которых люди часами плачут, пишут правду? Ведь это же сплошное вранье! Ну, и тут своего рода искусство!

— Зачем ты хитришь? Почему ты хочешь утаить правду? Если я тебе верю, не думай, что меня легко обмануть. Я вижу тебя насквозь! Ты хочешь все свалить с больной головы на здоровую и выйти сухим из воды. Может быть, скажешь, я лгу? Когда адвокат был жив, ты думал, что уговариваться о приданом заранее ни к чему: адвокат сам даст столько, сколько может. Без твердого уговора ты надеялся получить побольше. А теперь, когда адвоката уже нет, начинаешь изворачиваться и хитрить. Это низко, и виноват во всем только ты! Я больше и думать не желаю об этой свадьбе. Поступай сам как знаешь! Но я ненавижу лицемеров! Если уж что-нибудь говоришь, так говори искренне, хорошо это или плохо. А двуличие никому не делает чести. Ну скажи мне прямо, хочешь ты женить сына на этой девушке или нет?

— Раз я лицемер и лгун, чего ж ты меня спрашиваешь? Скажу тебе одно: плохо ты знаешь людей. Тоже умница выискалась!

— Обидели бедняжку!.. И как только не стыдно. Эх, ты!.. Признайся лучше: я ведь угадала, в чем дело? Да или нет?

— Эх ты! Другие жены хоть понимают своих мужей! До сих пор я думал, что женщины умнее, но сегодня убедился в обратном. Придется мне, видно, признать, что великие люди не зря говорили плохо о женщинах.

— Ты лучше пойди и посмотри на себя в зеркало! Полюбуйся, какой у тебя вид!

— Какой же?

— Да ты похож сейчас на воришку, которого схватили за руку!

— Ну и пусть! Только свадьбе этой все равно не бывать!

— Теперь это дело не мое, поступай как знаешь. Но почему не спросить об этом еще раз у Бхувана?

— Хорошо, пусть будет так, как он скажет.

— Только, пожалуйста, ни на что ему не намекай!

— Да я даже не буду смотреть в его сторону!

Как раз в это время вошел Бхуванмохан. В колледжах редко можно встретить таких красивых, хорошо сложенных и сильных юношей. Он был очень похож на мать: такая же белая кожа, такие же нежные, подобно лепесткам розы, губы, тот же широкий лоб, те же огромные глаза, в которых сверкали самолюбивые искорки. Только фигура у него была отцовская. Пиджак, брюки, галстук, ботинки, шляпа — все ему очень шло. Легкой юношеской походкой он прошелся по комнате.

— Ты сегодня задержался дольше обычного, — сказала Рангили. — Посмотри, из дома твоей невесты пришло письмо. Его писала твоя будущая теща. Скажи мне откровенно, пока еще есть время: ты хочешь жениться или нет?

— Вообще-то жениться надо, но я пока подожду.

— Почему? — спросила Рангили.

— Потому что мне нужна такая жена, за которой дадут побольше денег. Надо все так устроить, чтобы получить в приданое тысяч сто. А что мы теперь получим в том доме? Адвоката нет, а со старухи много не возьмешь.

— И тебе не стыдно так говорить! — возмутилась Рангили.

— Какой же здесь может быть стыд? Кому не нужны деньги? Сто тысяч рупий я не скоплю и за сто тысяч жизней. Если я даже закончу колледж, то все равно у меня своих денег не будет по крайней мере еще лет пять. Да и потом я смогу откладывать по сто—двести рупий в месяц, не больше. Пока доберусь до пяти-шести тысяч, пройдет треть жизни. Так я никогда не разбогатею и не увижу в жизни ничего хорошего. Нет уж, лучше женюсь на той, за которой дадут тысяч сто наличными. Я не против взять в жены дочь вдовы, но только если она у нее единственная.

— А какой будет эта девушка, тебе все равно? — возмущенно спросила Рангили.

— Деньги прикроют ее недостатки! Ради них я все

вытерплю, даже брань. Кто же обижается на бодливую корову, если она дает молоко?

— Мы, конечно, сочувствуем этим людям,— удовлетворенно сказал Бхальчандр.— Мы скорбим, что бог послал им такое тяжкое испытание, но это не должно влиять на наше решение. Тут нужно действовать с умом. Хотя мы и бедны, свадьбу надо справить как следует, побогаче. А у них даже угощения настоящего не будет! Над такой свадьбой все люди будут смеяться.

— Что отец, что сын — одного поля ягоды! — воскликнула Рангили.— Вы просто хотите опозорить бедную девушку!

— Кто беден, тот должен родниться с бедными. Выше головы не прыгнешь...

— Замолчи! — крикнула Рангили.— Что ты считаешь чужие деньги! Подумаешь, какой богач! Приди к тебе в дом человек, умирающий от жажды, ты ему и кружки воды не дашь. Тоже, миллионеры нашлись!

С этими словами Рангили поднялась с места и ушла на кухню. Бхуванмохан, самодовольно улыбаясь, отправился к себе в комнату, а сам Бхальчандр важно вышел во двор, чтобы сообщить Мотераму окончательное решение. Но брахмана нигде не было видно.

Пандит Мотерам некоторое время ждал кахара, но тот слишком долго не возвращался. Наконец ему это надоело. Он подумал, что сколько здесь ни сиди, дело от этого скорей не пойдет. Если же сидеть и надеяться на бога, можно и с голоду умереть. В этом доме, пожалуй, ничего не высидишь! Приняв такое решение, Мотерам взял свой посох и отправился вслед за кахаром.

Базар оказался совсем рядом, и он быстро его нашел. Вскоре он увидел старика кахара, который, пригостившись около кондитерской лавки, преспокойно покуривал трубку. Мотерам бесцеремонно обратился к нему:

— Что, любезный, еще не готово? Господин уже сердится: ушел и пропал — то ли уснул, то ли напился!.. Тогда я ему говорю: «Что вы, господин, не может этого быть! Старый человек идет потихоньку, но когда-нибудь он дойдет». Станный он, твой господин! Как только с ним уживаются слуги!

— Кроме меня, никого не осталось и никто к нему больше не пойдет,— ответил старик.— Целый год я не получаю жалованья. Он никому не платит. А потребу-

есть денег, начинает угрожать... Бедный слуга терпит-терпит, а потом бросит все и убежит. Те двое, что обманивают его,— это курьеры. Они на службе у правительства, поэтому никуда и не убегают. А я так думаю: как он относится ко мне, так и я буду к нему относиться. Десять лет мучался, помучаюсь и еще год, другой...

— Так ты у него один? — удивился Мотерам. — Он же называл несколько имен!

— Эти слуги перебивали у него за несколько последних лет, но все уже успели сбежать. А он до сих пор повторяет их имена, просто так, для большей важности... Нашли бы вы мне работу, я бы тоже ушел...

— Работы везде много, почтеннейший! Сейчас хорошего кахара днем с огнем не найдешь. А ты человек старый, опытный — тебя везде возьмут. Ну, ладно! Есть здесь что-нибудь свежее? Твой хозяин спросил меня, что мне приготовить, — кхичри или батти? ¹ Но я ему сказал: «Господин, ваш кахар старый человек, ему будет трудно возиться вечером со стряпней. Я лучше что-нибудь куплю на базаре, не беспокойтесь». Тогда он ответил: «Хорошо. Вы встретите кахара около лавки». Скажи, сах-джи ², — продолжал Мотерам, обращаясь к кондитеру, — есть у тебя что-нибудь свежее? Пирожные на вид не дурны. Свешай-ка мне один сер. Я, пожалуй, зайду к тебе.

С этими словами Мотерам вошел в лавку, уселся и начал пробовать все сладости подряд, выбирая посвежее. Он ел и похваливал кондитера:

— Сах-джи, видно, не зря мне рассказывали про твое искусство! Твои товары под стать твоей славе! В Бенаресе не умеют так готовить! Правда, леденцы там хорошие, но и твои не хуже. А вообще тут дело не в продуктах. Главное, как их приготовить!

— Кушайте на здоровье, махарадж, — любезно потчевал его кондитер. — Попробуйте еще сгущенного молока!

— Больше не хочу. Впрочем, дай одно пао ³.

— Что же вы почувствуете с одного пао? Сгущенное молоко — вещь хорошая! Возьмите сразу полсера!

¹ Батти — лепешка, испеченная на углях.

² Сах-джи — лавочник, торговец.

³ Пао — мера веса, равная $\frac{1}{4}$ сера.

Напробовавшись до отвала любимых кушаний, пандит побродил по базару и к девяти часам вернулся в дом Бхальчандра. Там уже царил тишина. Горела только одна лампа. Мотерам устроил себе постель на террасе и заснул.

Проснувшись, по своему обыкновению, около восьми утра, он увидел Бхальчандра, разгуливавшего по двору. Заметив, что пандит открыл глаза, Бхальчандр склонился перед ним в знак приветствия и спросил:

— Махарадж, куда это вы ушли вчера вечером? Я ждал вас дотемна и не садился без вас за стол. А когда понял, что не дожусь, велел оставить вам ужин. Вы что-нибудь ели?

— Поел немного у кондитера.

— Пандит-джи, от пури и сладостей немного толку! Куда лучше батти или горох! Вы, наверно, потеряли анн двенадцать, а остались голодными. Но вы мой гость, поэтому возьмите, пожалуйста, столько, сколько потратили.

— Я закусил у вашего же кондитера, который торгует на углу.

— Сколько же вам пришлось заплатить?

— Кондитер все записал на ваш счет.

— Прошу вас, скажите, сколько вы взяли сладостей, чтобы он потом не надул меня. Это такой плут!

— Сера два с половиной и еще полсера сгущенного молока.

Бхальчандр так широко раскрыл глаза, словно услышал о чуде. В его доме за целый месяц никогда не съедали трех серов сладостей. А этот господин за раз слопал на целых четыре рупии! Если он пробудет здесь еще день-два, он же их разорит! Да что у него — живот или бездонная бочка? Подумать только — три сера! Нет, всему есть предел.

Страшно расстроенный, Бхальчандр вбежал в дом.

— Ты слышала? — крикнул он жене. — Вчера этот господин сожрал три сера сладостей, целых три сера!

— Да что ты! — изумилась Рангили. — Кто же может съесть за раз три сера сладостей? Это только слону под силу.

— Он сам сказал, что съел три сера. А на самом деле, наверно, сожрал не менее четырех...

— И как у него только живот не разболелся!

— Если он останется здесь, съест за день еще шесть серов.

— Зачем же его оставлять? Дай ему ответ на письмо, как мы решили, и выпроводи! А если он задержится, скажи прямо, что у нас сладости не даровые. Кхири, если захочет, мы ему сделаем, а не захочет — пусть отправляется на все четыре стороны. Если кому-нибудь нравится кормить обжору, пусть кормит, а нам такого счастья не нужно¹.

Но пандит уже и сам собрался уходить, и поэтому Бхальчандру не пришлось с ним хитрить. Он только спросил:

— Как, вы уже собрались, махарадж?

— Да, господин, сейчас ухожу. Успею ли я на девятичасовой поезд?

— Конечно успеете! Но, может быть, вы еще у нас погостите?

Когда у Бхальчандра вырвались эти слова, он не на шутку испугался: как бы пандит в самом деле не застрял в его доме! Поэтому он поспешил добавить:

— Хотя, наверно, вас там уже заждались.

— День-другой в таких делах не имеет значения. К тому же я собирался искупаться в Тривени². Но вот что я вам скажу, и не обижайтесь на меня: у вас нет ни капли уважения к брахманам! Тот, кто чтит нас, не спускает с пандита глаз и старается исполнить любое его желание. Когда мы заходим в дом верующих людей, они почитают это за величайшее счастье, и все от мала до велика стремятся нам услужить. Но там, где нас не уважают, мы не остаемся ни на миг. А где не чтят брахманов, там не будет счастья!

— Махарадж, с нами еще не было такого греха! — взмолился Бхальчандр.

— Не было? Что же вы тогда называете грехом? Только что вы сами, войдя в дом, закричали: «Вчера этот господин сожрал три сера сладостей, целых три сера!» Вы, наверно, и не видели, как угощают брахманов! Если бы вы хоть раз видели, вы бы знали, как нужно нас принимать. Почтенные, благочестивые люди — а та-

¹ Согласно древнему религиозному закону, угощение брахмана считается заслугой перед богами и должно принести семье счастье.

² Т р и в е н и — место слияния трех рек; считается священным.

ких немало! — и слова тебе не скажут, даже если ты съешь шесть серов сладостей. Наоборот, еще потчевать будут и деньги предлагать! А вы... Я не какой-нибудь нищий брахман, что пришел к вам за милостыней! Ведь не к чужим ехал!.. И мысли не допускал, что здесь мне придется самому заботиться о пропитании. Ну, да бог с вами!

Бхальчандр был так смущен, что не мог вымолвить ни слова. За всю свою жизнь ему никогда еще не приходилось выслушивать такие упреки. Он попытался оправдаться:

— Мы же не о вас говорили, пандит-джи! Мы говорили совсем о другом человеке!

Но гнев пандита не утихал. Он мог стерпеть любое оскорбление, кроме упреков своему желудку. Женщина приходит в негодование, когда нелестно отзываются о ее внешности, но еще больше негодует мужчина, когда осуждают его аппетит. Бхальчандр пытался успокоить пандита, но тот так разошелся, что его невозможно было остановить. У Бхальчандра не осталось никакого сомнения, что жадность его разоблачена, и теперь надо было загладить это любым способом. К каким только уловкам он не прибегал! И все напрасно. Что сделано, то сделано! Он говорил пандиту:

— Ну зачем мне было идти в дом распространяться об этом? И неужели вы думаете, что если бы речь шла о вас, я стал бы говорить так громко?

Однако про себя Бхальчандр возмущался: «Этот негодяй все подслушал! Но что толку в запоздалом раскаянии? Если бы я знал, что такая беда свалится на голову! А сейчас этот обжора уйдет отсюда обозленный, растрезвонит повсюду о моих делах и перед всеми опозорит. Нет, нужно любой ценой заставить его замолчать!»

С такими мыслями Бхальчандр вошел в дом и сказал Рангили:

— Этот негодяй подслушал наш разговор и теперь собирается уходить. Видела бы ты, как он обозлился.

— Если ты знал, что он сидит у дверей, зачем же ты кричал?

— Откуда же я знал, что он подслушивает? От беды не убережешься!

— Разве он нас видел?

— Этот подлец сидел прямо под окнами. Знай я это, я бы не стал выглядывать. А теперь, чтобы умилистит-вить его, придется ему что-нибудь дать.

— Да пускай он уходит, чего ты волнуешься? Нам ведь свадьбу там все равно не устраивать! Пусть думает что хочет и говорит что хочет!

— Нет, так от него не отделаешься. Я ему лучше на прощание суну рупий десять, вроде как на дорогу. Бог с ним! Только бы не привелось опять увидеть это чудо-вище!

Тяжело вздыхая, Рангили достала десять рупий. Бхальчандр взял их и, выйдя к пандиту, почтительно положил к его ногам.

«Несчастный скряга! — подумал Мотерам. — Я тебя так ославлю, век будешь помнить. Ты думаешь, что, сунув мне в карман десять рупий, сможешь купить меня? Ошибаешься! Я тебя насквозь вижу!»

Положив деньги в карман, он благословил хозяина и отправился на станцию.

А Бхальчандр долго еще смотрел ему вслед и раздумывал: «Неужели он и теперь считает меня скупым? Как бы мои денежки не пропали даром...»

Глава четвертая

Перед Кальяни неожиданно встала новая трудная проблема. Впервые после смерти мужа она так остро почувствовала всю горечь своего положения. Что еще может доставить большее огорчение бедной вдове, чем взрослая дочь, которая сидит у нее на шее? Мальчишки могут ходить в школу и босиком. Посуду для еды можно сделать своими руками. Можно питаться самой простой пищей, можно жить в лачуге, но нельзя держать в доме совершеннолетнюю дочь¹.

Кальяни так разгневалась на Бхальчандра, что готова была сама поехать в Лакнау и ославить его на весь город. Она грозилась выдрать ему все волосы и рассказать всем, что он нарушил слово и недостойн теперь по-

¹ Древний обычай предписывает обязательное замужество девушки с момента наступления зрелости. Родители, которые не выдали своевременно свою дочь замуж, считались перед лицом бога убийцами ее нерожденных детей.

сильно имя своего отца. Пандит Мотерам подробно сообщил ей о всех уловках и низостях Бхальчандра.

Однажды, когда Кальяни была особенно зла на Бхальчандра, к ней в комнату, играя, вбежала Кришна.

— Мама, через сколько дней будет свадьба? — спросила она. — Ведь пандит-джи уже приехал?

— Какая тебе еще свадьба?

— Но ведь Чандр говорил, что скоро у нас свадьба! Разве это не правда?

— Я уже сказала тебе! Что ты пристаешь ко мне с пустыми вопросами?

— Во всех домах празднуют свадьбы, почему же у нас ничего нет?

— У жениха Нирмалы сгорел дом.

— Правда, мама? Неужели сгорел весь дом? А где они будут жить? Куда же теперь пойдет сестра?

— Эх, дурочка, ничего-то ты не понимаешь! Дом не сгорел, а вот свадьбы у нас не будет. Он не хочет жениться на Нирмале.

— Почему, мама? Ведь раньше там все были согласны!

— Потому что они требуют слишком много денег. А у меня денег нет.

— Значит, они очень жадные, да, мама?

— Если они не жадные, тогда что же такое жадность! Настоящие головорезы, кровопийцы и мошенники!

— Тогда очень хорошо, что сестру не выдали замуж! Как бы она жила с ними? Тут надо радоваться, а ты печалишься.

Кальяни с любовью посмотрела на дочь. А ведь она верно говорит! Бесхитростные слова Кришны попали в цель. Действительно, надо не скорбеть, а радоваться, что они не связались с такими людьми. Кто знает, как бы жилось бедной Нирмале у этих низких людей, у этих скряг. Да она прокляла бы свою судьбу: чуть перелила масла в бобы — скандал на весь дом, приготовила еды чуть побольше, чем нужно, — свекровь готова со свету сжить. И сын у них, наверно, такой же скряга. В самом деле — все к лучшему! По крайней мере бедняжке не придется плакать всю жизнь.

У Кальяни сразу полегчало на сердце.

Но выдать Нирмалу замуж было все же необходимо. И лучше всего — в этом году. Если отложить свадьбу до будущего года, опять придется все готовить заново. Теперь нечего разговаривать о хорошем доме и хорошем женихе. Где уж ей, несчастной! Надо во что бы то ни стало выдать девушку замуж. Хуже все равно не будет. Нирмала, правда, красива, умна, у нее хороший характер, она из порядочной семьи, — но к чему теперь все это? Приданое ведь значит больше, чем все хорошие и плохие качества девушки. Похоже на то, что сам человек ничего не стоит, ценится только приданое. Какая ирония судьбы!

У Кальяни было немало недостатков. И то, что она была женщиной и вдовой, не могло ее оправдать. Своих сыновей она любила гораздо больше, чем дочерей. Мальчики как кормильцы-буйволы, и поэтому о них нужно заботиться в первую очередь. А буйволицам обычно идет то, что остается.

В доме было еще немного наличных денег и на несколько тысяч украшений¹. На эти средства нужно было выучить сыновей. Младшая дочь через несколько лет тоже станет невестой, поэтому Кальяни не могла израсходовать много денег на приданое одной Нирмале. Да и мальчикам тоже что-то нужно было оставить, чтобы они знали, что у них был отец. Ведь если они ничего не получают, им нечего будет даже вспомнить!

Со дня возвращения пандита Мотерама из Лакнау прошло полмесяца. Дня через два после своего приезда он принялся за поиски жениха, клянясь, что покажет «этим, из Лакнау», что на них свет клином не сошелся и что таких, как они, везде полно. Однако у Кальяни каждый день был на счету, и она не могла больше ждать. Она решила написать пандиту письмо, но только взялась за перо, как Мотерам заявился сам.

— Входите, прошу вас, пандит-джи! А я уже собиралась вам писать. Когда вы вернулись?

— Еще утром. Но меня тут пригласили к одному купцу, и я задержался. Хотел освободиться побыстрее, да у него свежие сладости, а я не пробовал их уже столько

¹ В Индии женщины не пользуются правом наследования имущества родителей или мужа. Единственным их достоянием являются украшения, которые они получили в подарок.

дней!.. К тому же думал, что и по вашему делу полезно туда заглянуть. Сейчас я как раз от него. Там собралось тьма сколько брахманов...

— Удалось вам что-нибудь сделать?

— Конечно! Разве это трудное дело? Я договорился в пяти местах. Вот вам пять фотографий — выбирайте жениха, какой больше по душе. Посмотрите хотя бы эту карточку. Отец юноши служит в почтовом ведомстве и получает сто рупий в месяц. Сам жених еще учится в колледже, но тоже думает вскоре поступить на службу. Дом у них небогатый, почти ничего нет, зато юноша, кажется, неплохой. И семья хорошая. Дело можно уладить за две тысячи рупий. Хотя просят они три.

— У него есть братья? — спросила Кальяни.

— Нет, но есть три сестры, и ни одна незамужем. Мать тоже жива. Ну, бог с ними. Теперь посмотрите на другую фотографию. Этот молодой человек служит на железной дороге и получает пятьдесят рупий в месяц. Отца и матери у него нет. Очень красивый и скромный юноша. Посмотрите на него — прямо герой. Но семья не из хороших. Одни говорят, что его мать была любовницей парикмахера, другие — тхакура. Отец его был управляющим в каком-то имении. При доме есть небольшой участок земли, но зато у него на несколько тысяч долгов. О приданом не будет и речи. Парню около двадцати лет.

— Если бы о его родителях так не говорили, я бы согласилась. Но, зная об этом, я не могу сознательно, по доброй воле, выдать за него свою дочь.

— Посмотрите на третью. Это сын помещика. У него около тысячи рупий годового дохода, есть небольшое хозяйство. Парень в грамоте не силен, но очень искусен в судебных делах. Женится второй раз. Первая жена умерла два года назад. Детей от нее нет. Образ жизни ведет грубый. В доме у него грязновато.

— Сколько он просит приданого?

— И не спрашивайте. Говорит, четыре тысячи... Лучше посмотрите на четвертого. Этот жених — адвокат. Ему лет тридцать пять, и получает он сотни три-четыре. Первая жена умерла. От нее осталось три мальчика. Построил собственный дом, приобрел кое-какую обстановку. Здесь тоже о приданом разговоров не будет.

— Из какой он семьи?

— Семья самая прекрасная, древний род. А вот и пятое фото. У отца есть типография. Сам жених образованный, даже бакалавр искусств, но работает в типографии отца. Ему около восемнадцати лет. В доме, кроме типографского станка, ничего нет, но зато они никому не должны. Семья не то чтобы очень хорошая, но и не плохая. Юноша — красавец, покладистый, скромный. Но меньше чем за тысячу рупий здесь дело не уладишь, тем более что он просит три тысячи. Ну скажите теперь, какой жених вам больше понравился?

— А вам, пандит-джи?

— Мне нравятся вот эти двое. Тот, что работает на железной дороге, и сын типографа.

— Но у первого, вы говорите, с родней не все благополучно?

— Это правда. Тогда остановитесь на сыне владельца типографии.

— Но где же взять тысячу рупий? Ведь это мы предполагаем, что понадобится всего одна тысяча. А вдруг он потребует больше! Вы-то знаете, что у нас осталось. Если с голоду не умрем, и то хорошо. Заминдар говорит о четырех тысячах, тот, что с почты, — о двух. Этим придется сразу отбросить. Итак, остается один адвокат. Тридцать пять лет — это не так уж много! Почему бы не выбрать именно его?

— Подумайте хорошенько. Я, конечно, сделаю так, как вы захотите. Куда прикажете, туда и понесу тикку. Но если забыть о тысяче рупий, то сын типографа — просто клад. С ним девочка будет счастлива. Парень, как и она, воплощение красоты и добродетели.

— Он мне тоже нравится, махарадж. Но где я возьму столько денег, кто мне даст взаймы? Раньше у нас родственники ели-пили, а теперь все разбежались. Вместо благодарности меня только ругают, но никто и носа не кажет. Нет, лучше уж не стремиться к тому, что недостижимо! Конечно, все любят своих детей, все хотят видеть их счастливыми, но ведь это не всегда в нашей власти. Отправляйтесь с богом и отнесите тикку в дом адвоката. Конечно, он уже в годах, но жизнь и смерть в руках всевышнего. Мужчину в тридцать пять лет не назовешь стариком. Если девушке суждено быть счастливой, ей не придется горевать, за кого бы она ни вышла,

а если уж написано на роду другое, она будет страдать везде. Наша Нирмала любит детей и будет считать его мальчиков своими. Так что при первом удобном случае отнесите, пожалуйста, тiku господину адвокату.

Глава пятая

Сыграли свадьбу, и Нирмала переехала в дом мужа. Адвоката звали Мунши Тотарам. Это был толстый, упитанный человек со смуглым цветом кожи. Ему еще не было сорока, но утомительная работа в суде уже посеребрила его волосы. Занимаясь гимнастикой ему было некогда, пешком он ходил мало и поэтому очень растолстел. Несмотря на свой вид здоровяка, адвокат беспрестанно жаловался то на одно, то на другое. Он уже давно страдал геморроем и несварением желудка, поэтому двигался очень осторожно. У него было три сына. Старшему, Мансараму, исполнилось шестнадцать лет, среднему, Джияраму, двенадцать, а младшему, Сияраму, — семь. Все трое изучали английский язык. Единственной женщиной в доме была овдовевшая сестра адвоката, которая и вела хозяйство. Звали ее Рукмини, и было ей далеко за пятьдесят. Поскольку на женской половине никого больше не было, она забрала весь дом в свои руки¹.

Тотарам не был новичком в семейной жизни. Чтобы завоевать расположение Нирмалы, он решил восполнить естественные недостатки своего возраста подарками. Несмотря на то что он был человеком экономным и даже скуповатым, адвокат ежедневно приносил Нирмале какой-нибудь подарок, стараясь по мере возможности не думать о деньгах. Младшему сыну не хватало денег на молоко, но у Нирмалы не было недостатка ни в фруктах, ни в сладостях. За всю свою жизнь Мунши Тотарам никуда не выходил, но теперь по воскресеньям отправлялся с Нирмалой в кино, в театр или в цирк. Каждый день он уделял Нирмале несколько минут своего драгоценного времени: сидя рядом с нею, слушал граммофон.

¹ В индийских семьях, приверженных старым традициям, женщины живут в особой части дома, куда не должны входить не только посторонние мужчины, но и дальние родственники.

Но Нирмала почему-то стеснялась сидеть с мужем, говорить с ним или смеяться при нем. Скорее всего это объяснялось тем, что таким же пожилым был ее отец, перед которым она всегда появлялась, склонив голову и не смея поднять глаза. Мужа она могла только уважать, но не любить. Нирмала сторонилась адвоката и, завидев его, сразу грустно склоняла голову.

Жизненный опыт подсказывал адвокату, что молодой женщине следует говорить красивые слова любви и подходить к ней с открытым сердцем: это единственный путь завоевать ее доверие. Поэтому Тотарам всячески изошрялся, стараясь показать, как он любит Нирмалу. Но его слова вызывали у нее отвращение. Подобные речи в устах юноши заставили бы сильнее забиться ее сердце и зародили бы в нем большое чувство, но когда их произносил Тотарам, они разрывали ей душу на части. В его устах слова умирали; в них не оставалось ни любви, ни радости, ни страсти, ни души; было только притворство, обман и пустая, напыщенная болтовня.

Нирмала любила духи, ароматное масло, наряды и украшения, ей нравилось ходить в кино и в театр. Но сидеть рядом с Тотарамом было для нее мукой. Ей было горько отдавать ему свою молодость и красоту: ведь он все равно не мог это оценить! Нет, он был недостоин ее. Бутон распускается от дуновения утреннего ветерка, но откуда мог подуть этот ветерок на Нирмалу?

Через месяц Тотарам сделал Нирмалу своим казначеем. Возвращаясь из суда, он отдавал ей весь свой заработок. Он надеялся, что это приведет жену в восторг. И в самом деле, Нирмала с большой охотой исполняла свои новые обязанности, тщательно учитывая каждую пайсу. Когда адвокат приносил меньше обычного, она его спрашивала:

— Почему сегодня так мало?

Нирмала часто обращалась к мужу по всяким хозяйственным делам, потому что считала его человеком сведущим. Но как только он пробовал с ней шутить, она сразу мрачнела и умолкала.

Иногда, надев свой богатый наряд, Нирмала становилась перед зеркалом и разглядывала в нем свое прекрасное отражение. Тысячи желаний теснились в такие минуты в ее груди, а в сердце загорался огонь неизведанной страсти. В голове у нее вертелась навязчивая

мысль: сжечь этот дом и покончить со всем. Она сердилась на свою мать, но больше всех доставалось несчастному, ни в чем не повинному Тотараму. На него она злилась все время. Смелый наездник предпочитает идти пешком, чем тащиться на старом муле. И Нирмала была в положении такого наездника. Ей хотелось стремительно мчаться вперед, наслаждаясь упительной быстротой езды. Но чего можно ждать от такого мужа, как Тотарам? Старый мул только ржет да поводит ушами!

Можно бы было забыться хоть на миг, играя с детьми, но Рукмини и близко не подпускала их к Нирмале, словно та была ведьмой и могла их похитить. Рукмини обладала поистине редкостным характером! Невозможно было понять, что нравится ей, а что нет. То, что ей нравилось вчера, не нравилось сегодня. Если Нирмала не выходила из своей комнаты, она начинала ворчать: — И откуда только взялась такая нелюдимка!

Если Нирмала поднималась на веранду и заговаривала со служанками, Рукмини принималась еще сильнее браниться:

— Ни стыда, ни совести! Потеряла всякую скромность! Того и гляди будет распутничать на базаре!

После того как адвокат начал отдавать все деньги жене, Рукмини совсем озлобилась. Ей казалось, что пришел конец света.

Мальчикам нужны были деньги на карманные расходы. Пока Рукмини была хозяйкой, она их ограничивала во всем, но теперь она просто отсылала мальчиков к Нирмале. Той не нравилась их расточительность, и иногда она им отказывала. Каждый раз это давало Рукмини новый повод для язвительных укоров:

— Ишь, почувствовала себя хозяйкой! Что станет теперь с бедными сиротами? Кто о них позаботится? Раньше-то они тратили на сладости рупии, а теперь приходится вымаливать каждую дхелу¹.

Все это очень раздражало Нирмалу, и порой она давала детям деньги без всяких расспросов. Тогда Рукмини нападала на нее с другой стороны:

— Ей-то что, пусть дети хоть умрут! На все наплевать! Кто, кроме матери, им скажет: нельзя, мол, есть

¹ Д х е л а — мелкая монета.

столько сладкого! А потом будут во всем обвинять меня!

Если бы дело ограничивалось только этим, Нирмала могла бы еще примириться. Хуже было другое: Рукмини, словно агент тайной полиции, неотступно следила за каждым ее шагом. Когда Нирмала стояла на веранде, старуха обвиняла ее в том, что она на кого-то заглядывается; если Нирмала разговаривала со служанками, Рукмини воображала, что она ругает ее; если Нирмала просила принести что-нибудь с базара, то, по мнению Рукмини, это наверняка была только лишняя трата денег. Старуха не раз пыталась прочитать письма Нирмалы и все время подслушивала. И Нирмала чувствовала себя так, словно над ней постоянно висит обоюдоострый меч. Однажды, не выдержав, она даже пожаловалась мужу:

— Прошу вас, скажите хоть вы диди... И что она все время следит за мной?

Тотарам настороженно спросил:

— Она тебе что-нибудь сказала?

— Каждый день меня пилит! Я боюсь и слово сказать. Если ей неприятно, что я стала хозяйкой, то, пожалуйста, отдавайте все деньги ей, пусть хозяйничает сама! Я хочу, чтобы она оставила меня в покое!

При этих словах на глаза Нирмалы навернулись слезы. Для Тотарама это была прекрасная возможность доказать ей свою любовь. Он сказал:

— Сегодня же ее проучу! Я ей прямо скажу: если хочешь здесь жить — молчи, а нет — так убирайся отсюда куда угодно! Хозяйка этого дома ты! Она должна только помогать тебе. Если же она вместо этого будет тебя беспокоить, ей здесь нечего делать. Ведь я что думал: она вдова, у нее никого больше нет, да и нужно ей немного, съест свое пао муки и будет довольна. Если уж слуги кормятся у меня в доме, так она как-никак моя сестра. Да и для присмотра за детьми нужен был женский глаз. Вот я ее и оставил. Но это не значит, что она может командовать тобой.

— Она учит детей, чтобы они все время просили у меня денег то на одно, то на другое, — всхлипывая, продолжала жаловаться Нирмала. — Мальчики каждую минуту прибегают ко мне. Я просто не знаю, что и делать. Если я пачинаю их бранить, она тут же прибегает

сама, набрасывается на меня. Прямо тигрица разъяренная! Такая злая! Она думает, что я ненавижу детей. Только один бог знает, как я их люблю! Ведь это теперь мои дети! Как же я могу их ненавидеть?

Тотарам весь затрясся от ярости: .

— Отлупи любого мальчишку, который тебе надоедает, и все! Я тоже вижу, что они разбаловались! Мансарама я отправляю в пансион. А младших сегодня же сделаю шелковыми!

Тотарам спешил в суд, и у него не было времени сразу заняться этим делом. Но вернувшись, он сказал Рукмини:

— Послушай-ка, сестрица, ты хочешь жить в моем доме или нет? Если — да, то живи тихо. Зачем ты портишь жизнь другим?

Рукмини поняла, что это дело рук невестки. Она была не робкого десятка и на своем веку повидала и не такое. А главное, она хозяйничала в этом доме почти всю жизнь. Кто посмеет ее прогнать отсюда? Оскорбленная грубостью брата, Рукмини ответила:

— Ты что же, хочешь превратить меня в свою служанку? Не выйдет! Если я и стану ею, так только не в твоём доме! Как же я могу не вмешиваться, если вижу, что все в доме вверх дном, если вижу, что кое-кто ведет себя недостойно? Ты хочешь, чтобы тут каждый делал что ему вздумается, а я оставалась бы безучастной и молчала? Я так не могу! Что ты набросился на меня? Тебя, видно, разум покинул! Какая-то девчонка водит тебя за нос и заставляет плясать под свою дудку! Ты вперед разберись, что к чему! Так нет — она ему что-то наговорила, а он, как оловянный солдатик, сразу и в драку!

— Я слышал, что ты к ней все время придираешься и упрекаешь ее по всякому поводу. Если хочешь чему-нибудь научить, делай это с любовью, говори с ней ласково, тогда и для дела будет польза и она не обидится. А ты вместо этого начинаешь ее бранить, злишься.

— Значит, ты хочешь, чтобы я ничего ей не говорила? Ну, ладно же! Но как бы тебе не пришлось пожалеть. Сам потом скажешь: «Ты же сидела дома! Почему меня не предупредила?» Если мои слова тебе неприятны, то уж и я плоха. Но помни: невестка в доме, что червь в поле! Я ведь вижу, как она здесь хозяйничает!

В это время из школы пришли Сиярам и Джиярам. Не успев еще переступить порог, они начали просить есть. Рукмини в ответ только отмахнулась:

— Просите у своей новой матушки! Я здесь не хозяйка.

— Если вы будете бегать к ней на женскую половину, я вам ноги переломлю! — закричал на детей Тотарам. — Я вам покажу, как безобразничать.

Джиярам, самый дерзкий из всех сыновей адвоката, тут же возразил:

— Почему вы ей ничего не говорите? Только и знаете что нам грозить! А она никогда не дает нам денег...

— Говорит: не приставайте, уши вам оборву! — подержал брата Сиярам. — Правда, Джия?

— Когда я тебе это говорила? — крикнула Нирмала из своей комнаты. — Ты хоть не ври!

Это переполнило чашу терпения адвоката. Он схватил Сиярама за уши и поднял его так, что тот закричал от боли и заплакал.

Подбежала Рукмини и вырвала мальчика из рук Тотарама:

— Хватит, оставь его! Ты что, хочешь убить ребенка? Ай-ай-ай! Смотри, как уши покраснели! Видно, не зря говорят: кто второй раз женится — сразу слепнет! Если уже сейчас в доме творится бог знает что, то что же будет потом!

Нирмала уже торжествовала победу; но, когда мальчик закричал, она не вытерпела и выбежала из своей комнаты, чтобы отнять его. Рукмини опередила ее.

— Сначала заварила кашу, а теперь вmeshиваешься... — прошипела она. — Народишь своих детей, тогда и командуй! А сейчас разве тебе понять чужую боль?

— Постойте! Я ведь ничего не сделала! Я только сказала, что дети все время пристают ко мне и просят денег. Разве это не правда?

— Я сам вижу, что эти сорванцы вытворяют! — вmeshался Тотарам. — Я-то еще не ослеп! Все трое своевольничают! Избаловали их тут! Старшего сегодня же отправлю в пансион.

— До сих пор ты ничего не замечал. А тут прозрел сразу!.. Что они тебе сделали, эти крошки? — возразила Рукмини.

— Я знаю, это ты учишь их дерзить!

— Конечно, я, во всем виновата я! Должно быть, из-за меня у тебя в доме теперь все вверх дном! Хватит с меня! Дети твои — делай с ними что хочешь, — я больше и слова не скажу!

Разъяренная Рукмини пулей вылетела из комнаты. Нирмала при виде плачущего мальчика совсем расстроилась. Она взяла его на руки, прижала к своей груди и отнесла к себе в комнату. Здесь она начала целовать и утешать его, но Сиярам расплакался еще сильнее. В этой ласке наивное сердечко не чувствовало той материнской любви, которой лишила его судьба. Это была не любовь, а только сострадание, подобие милостыни. Отец и раньше, когда еще была жива мать, несколько раз бил мальчика, но тогда мать не целовала его и не плакала над ним. Наоборот, она сердилась и не разговаривала до тех пор, пока он сам не прибегал к ней через некоторое время, забывая обо всем. Малыш понимал, когда его наказывали за проступки, но не понимал, почему теперь, после наказания, его целуют и утешают. Любовь матери была строга, но в ней было столько сдержанной нежности! А здесь была одна жалость.

Разве можно сразу излечить человека, если о его здоровье долго никто не заботился? Слезы Нирмалы напомнили ребенку, что он сирота. Сиярам долго еще плакал у нее на руках и наконец уснул.

Нирмала хотела уложить мальчика на кровать, но он во сне так судорожно прижался к ней, обвив ее шею ручонками, словно внизу под ним была бездна. Ужас искажил его лицо. И она вновь взяла его на руки. Прижимая это маленькое тело к груди, Нирмала впервые испытала новое, еще неизведанное чувство. Душевная боль раскрыла перед нею то, в чем состоял ее долг. С этого дня она обрела свое место в доме адвоката!

Глава шестая

После такого бурного проявления своей любви у Тотарама появилась надежда, что теперь-то он завоюет сердце Нирмалы. Но эта надежда оказалась тщетной. Наоборот, если раньше Нирмала иногда непринужденно беседовала с ним и смеялась, то теперь она целиком отдалась заботам о детях. Когда бы Тотарам ни приходил

домой, он заставлял их возле Нирмалы. Он видел, как она кормит их, одевает, играет с ними и рассказывает им сказки. Истрадавшаяся душа Нирмалы, отчаявшись в любви, искала теперь утешение в заботе о детях. В разговорах и играх с ними пробуждалось ее материнское чувство. Беседуя с мужем, Нирмала испытывала такое смущение, такое отвращение и апатию, что ей хотелось бежать куда глаза глядят; и наоборот — бесхитростная детская любовь доставляла ей истинную радость.

Раньше Мансарам сторонился ее, но теперь и он начал принимать участие в их домашних делах. Он был ровесником Нирмалы, но по духовному развитию отстал от нее лет на пять. Футбол и хоккей составляли главный интерес его жизни и были пределом его мечтаний. Этот веселый и немного застенчивый юноша был красив и превосходно сложен, несмотря на худобу. Домой он приходил только для того, чтобы поесть, а все остальное время проводил неизвестно где. Слушая его рассказы о спорте, Нирмала на время забывала свои заботы. Ей хотелось, чтобы снова вернулись те дни, когда она играла в куклы и устраивала их свадьбы. Но они ушли безвозвратно. Ах! Как недавно все это было!

Мунши Тотарам, подобно другим людям, которым каждая пайса достается тяжелым трудом, был человеком расчетливым. Некоторое время он еще водил Нирмалу по кино и театрам, но убедившись, что это не приносит никаких результатов, вновь погрузился в свою напряженную работу. После утомительного трудового дня ему хотелось отдохнуть в своем доме, как в тенистом саду. Но когда он приходил в этот сад, то видел увядшие цветы, высохшие молодые побеги и покрытые пылью клумбы. Невольно Тотарам начинал задумываться: «К чему теперь все это? Нирмала питает ко мне только отвращение». Но почему? Этого он не понимал. Для него это оставалось тайной. Тотарам испробовал все, чему он научился в семейной жизни, но безрезультатно. Он не знал, что ему делать дальше.

Однажды, когда Тотарам сидел, погруженный в подобные мысли, к нему пришел его друг детства Наянсуххам. После обычных приветствий он сказал, улыбаясь: — Теперь ты, наверно, живешь как в раю! С молодой женой к тебе, должно быть, вернулась весна жизни.

Счастливец! Нет лучшего средства обрести утраченную молодость, чем жениться второй раз. Завидую тебе. Как она, наверно, обожает тебя и ласкает! Я, пожалуй, тоже женюсь второй раз. Если есть у тебя кто-нибудь на примете, посоветуй. А за это я тебя как-нибудь угощу бетелем, приготовленным молодой женой.

— Не вздумай сделать подобную глупость,— уныло отозвался Тотарам.— Потом пожалеешь. Девушкам нравятся только молодые люди. Мы с тобой для них уже не годимся. Сказать по правде, я раскаиваюсь, что женился. Одни только неприятности. Думал понаслаждаться жизнью еще немного, а попал в беду.

— Что ты говоришь? Неужели так трудно покорить сердце женщины? Ходи с ней почаще в кино, в театр, хвали ее красоту — и все будет в порядке.

— Все это я делал, да толку мало!

— А ты пробовал дарить ей духи, цветы, приносить угощения?

— Эх, все это уже было. Все перепробовал. У меня ведь есть опыт семейной жизни. Но все напрасно!

— Хорошо, тогда выслушай мой совет. Последни за своей внешностью. Сейчас сюда приехал один врач, который уничтожает все следы старости. Он делает так, что на голове не остается ни одного седого волоса, а на лице — ни одной морщинки. Как, неизвестно. Но человека потом просто не узнать.

— А сколько он за это берет?

— Говорят, не мало. Рупий пятьсот.

— Ну, тогда это наверняка мошенник, который надует простаков. Намажет лицо какой-нибудь гадостью, чтобы оно несколько дней выглядело прилично, и все. Я этим знаменитым докторам не верю. Если бы речь шла о небольшой сумме, еще можно было бы рискнуть. Но пятьсот рупий — деньги немалые.

— Что пятьсот рупий! Это же твоя месячный заработок. Будь они у меня в кармане, я бы сразу пошел к этому врачу. Один час молодости дороже каких-то рупий,

— Нет, брат, придумай способ подешевле. Что-нибудь вроде целебной травы, которая бы действовала на лицо не хуже разных квасцов и масел. Электричество и рентген пусть останутся для богатых. Это только им идет на пользу.

— Тогда займись собой сам. Выброси этот широкий пиджак, закажи себе узкий ачкан из шелка, брюки со складками, повесь на шею золотую цепочку, а голову укрась джайпурским тюрбаном. Глаза надо подвести сурьмой, а волосы покрасить хной. Живот придется подтянуть. Подвжись двумя кушаками: это немного неудобно, но зато ачкан будет сидеть изумительно. Краску для волос я тебе достану. Выучи несколько десятков газелей¹ и читай их при каждом удобном случае. Да с чувством, с сердцем. Старайся внушить жене, что ты ни о ком и ни о чем, кроме нее, не думаешь. И не упускай случая показать ей свою храбрость. Ночью можешь нарочно закричать: «Вор! Вор!» Затем выскакивай на улицу с саблей. Только смотри действуй осторожно! Не дай бог на самом деле заберется к вам вор, а ты на него и выскочишь. Тогда все откроется, и ты останешься в дураках. В этом случае лучше всего притаиться, чтобы жена думала, будто ты ничего не видел, а как только вор побежит, броситься за ним и крикнуть: «Хватай его! Где он?» И достаточно. Вот так, брат. Испробуй это, и увидишь — не пройдет и месяца, как будут результаты. Держу любое пари: она начнет тобой гордиться.

Как и подобает благоразумному человеку, Тотарам обратил все это в шутку. Но некоторые советы приятеля крепко засели у него в голове. Он не сомневался, что сможет, следуя им, завоевать сердце Нирмалы.

Прежде всего адвокат занялся своей внешностью, стараясь, однако, все делать так, чтобы это не бросалось в глаза. Покончив с сединой, он перешел к лицу, и через пару месяцев его уже нельзя было узнать. Совет заучить газели показался ему, правда, смешным, но в том, чтобы продемонстрировать свою смелость, он не видел ничего плохого. Оставалось только улучить подходящий момент.

Но его старания увенчались лишь тем, что Нирмала начала подозревать, что ее муж сходит с ума. В этом не было ничего удивительного. Кто же посчитает нормальным пожилого мужчину, который не может обойтись без слабительного после бобовой похлебки и лепешек и который, как кокетка, часами не отходит от зеркала. Нирмала теперь искренне жалела этого человека, чье пове-

¹ Газель — небольшое лирическое стихотворение.

дение было таким странным. Чувство гнева и отвращения проходило. Ненавидеть и презирать можно того, кто в своем уме, а больной достоин сострадания. В разговорах с мужем Нирмала начала подшучивать над ним, как это делают с детьми, но старалась, чтобы он ничего не заметил. Она думала, что бедняге приходится страдать за грехи своей прошлой жизни. Такова уж, видно, его судьба!

Однажды, вернувшись около девяти часов вечера с прогулки, Тотарам, подбоchenясь, сказал Нирмале:

— Мне сегодня пришлось схватиться с бандитами. Пока добрался до Шивапура, стемнело. Подхожу к железной дороге, откуда ни возьмись — трое с саблями. Какие-то черные, огромного роста — прямо великаны. Поблизости ни души, а в руках у меня только вот эта трость. Я так и замер. Ну, думаю, пришел мой конец. Но если уж умирать, так умру с честью! Тут один из них говорит: «Выкладывай все, что у тебя есть, да ни звука». Тогда я крепче сжал трость и отвечаю: «При мне только эта палка, и цена ей — голова одного из вас». И сразу же все трое бросились на меня с саблями. Я начал отбиваться. Дрались минут десять, и как они ни старались меня поразить, посмотри — ни одной царапины. Жаль только, что в руках у меня была трость, а не сабля. А то бы ни один из них не ушел живым. Да что там говорить. Если б ты только все это видела! Я и сам не пойму, откуда у меня такая ловкость взялась. Наконец они поняли, что тут номер не пройдет, вложили сабли в ножны, а один говорит: «Молодой человек, таких удалцов, как ты, мы еще не встречали. Втроем мы сильнее трехсот, не боимся нападать и на целые деревни, но сегодня ты нас посрамил». И сразу же скрылись.

Выслушав все это, Нирмала улыбнулась и с серьезным видом сказала:

— На трости, должно быть, осталось немало следов от сабельных ударов.

Этого Тотарам не ожидал. Надо было как-то выпутываться.

— Я все время уклонялся, — пробормотал он. — Если по трости и пришлось несколько ударов, то только вскользь. Поэтому никаких следов не осталось.

Едва успел он закончить свой рассказ, как в комнату вбежала перепуганная Рукмини.

— Ох, хорошо, что ты здесь,— проговорила, задыхаясь, она.— В мою комнату заползла змея. Лежит под кроватью. Я вскочила и убежала. Наверно, около двух газов длиной. Раздула свой капюшон и шипит. Пойди сделай что-нибудь. Возьми с собой палку!

Тотарам побледнел, лицо его покрылось желтыми пятнами. Однако, овладев собой, он спросил:

— Откуда здесь быть змее? Да ты ошиблась. Это, верно, просто веревка!

— Что ты, я ее видела собственными глазами. Поди посмотри сам. Э-эх ты! Мужчина, а боишься!..

Тотарам выбежал на террасу и остановился. Ноги у него подкашивались, сердце учащенно билось. «Змея — штука опасная,— думал он.— Если укусит, ни за что ни про что можно отдать богу душу». Но вслух он сказал:

— Чего тут страшного! Это ведь не тигр. Но для змеи палка не годится. Пойду возьму у кого-нибудь копьё. И он выбежал на улицу.

В это время Мансарам ужинал. Когда отец выбежал из дому, он оставил еду, схватил клюшку, бросился в комнату Рукмини и быстро отодвинул кровать. Вместо того чтобы ускользнуть, кобра беспечно подняла свой капюшон. Мансарам сорвал с постели покрывало, набросил его на кобру и нанес подряд несколько ударов. Видно было только, как змея извивается под тканью. Убедившись, что кобра мертва, Мансарам подцепил ее клюшкой и вынес на улицу. Навстречу ему шел отец, ведя за собой несколько человек.

Когда адвокат увидел, что Мансарам приближается к нему со змеей на клюшке, он вскрикнул от испуга, но потом, овладев собою, сказал:

— Зачем ты поторопился? Ведь я уже шел сюда. Отдай эту гадость слугам — пусть выкинут.

С этими словами он вошел в дом и остановился, покручивая усы, на пороге комнаты Рукмини. Тщательно осмотрев все углы, он отправился к Нирмале и сказал ей:

— Пока я ходил за копьём, Мансарам убил змею. Глупый мальчишка! Побежал к змее с палкой. Их надо убивать копьём. Да откуда ему это знать? А я таким способом уничтожил не одну змею. Я сначала ее прокалы-

ваю, а потом убиваю. А сколько их я задушил голыми руками!

— Хватит тебе болтать,— прервала его Рукмини.— Видели мы твою храбрость.

— Ну ладно, ладно...— смущенно сказал Тотарам.— Пусть я трус; я и не прошу, чтобы ты считала меня храбрецом. Ступай скажи повару, чтобы подавал на стол.

Мунши Тотарам пошел ужинать, а Нирмала, прислонившись к двери, раздумывала о случившемся: «Боже, неужели он так серьезно болен? Неужели моя жизнь станет еще более невыносимой? Я могу ухаживать за ним, почитать его, могу принести ему в жертву все, но я не могу сделать то, что превышает моих сил — стереть разницу в годах. Чего он добивается от меня? Боже мой! Поняла! Наконец поняла! Так вот почему он ведет себя так странно!..»

Глава седьмая

С этого дня Нирмала заметно изменилась. Она решила целиком посвятить себя своим обязанностям. До сих пор она все-таки не уделяла им достаточного внимания. Сердце ее пылало огнем отчаяния и горя, и невыносимая боль делала ее безучастной ко всему на свете. Но сейчас эта боль начинала утихать. Нирмала думала, что счастье не для нее. Зачем же терзаться, мечтая о несбыточном. Ведь далеко не все люди счастливы, и, видно, это и ее удел. Бог предопределил ей бремя печали, и эту ношу не сбросишь с плеч. Хотелось бы сбросить, да не хватает сил. И хоть темнеет в глазах, сгибается спина, подкашиваются ноги,— все равно это бремя придется нести до конца. Сколько может плакать и терзаться приговоренный к пожизненному заключению? Да и кто увидит его слезы? Кто его пожалеет? Слезами делу не поможешь, они только приносят еще больше страданий.

На следующий день, вернувшись из суда, Тотарам еще с порога увидел улыбку на лице Нирмалы и залюбовался ее ослепительной красотой. Наконец-то распустился этот цветок лотоса. В комнате на стене висело большое зеркало. Раньше оно было задернуто тафтой, но сегодня ее сняли. Войдя в комнату, Тотарам посмотрел в зеркало

и отчетливо увидел в нем себя. У него защемило сердце. От каждодневной утомительной работы лицо его поблекло, и даже хорошее питание не могло сгладить глубоких морщин, избородивших щеки. Живот отвисал, как у старой клячи, несмотря на то что был туго затянут кушаком. Нирмала стала рядом с ним, пристально глядя в зеркало. Какие разные лица. Одно — словно дворец из сверкающих драгоценностей, другое — будто старое, полуразвалившееся здание. Тотарам не мог больше смотреть на свое отражение: ему был невыносим его жалкий вид, ненавистно собственное лицо. Он отошел от зеркала. В конце концов нет ничего удивительного в том, что эта красивая женщина ненавидит его. Он не решался даже взглянуть на Нирмалу. Ее сияющая красота причиняла ему боль.

— Где вы сегодня так задержались? Я жду вас и жду, все глаза проглядела.

— Все дела,— ответил Тотарам, напряженно глядя в окно.— Работы столько, что и отдохнуть некогда. Сейчас слушается еще одно дело, но я сказал, что у меня болит голова, и ушел.

— Зачем же вы ведете сразу так много дел? Надо работать так, чтобы хватало времени и на отдых. Разве можно не жалеть себя? Кому это нужно? Не набирайте столько работы. Лучше жить спокойно, а денег у нас и так достаточно.

— Если деньги сами в руки плывут, разве их можно упускать?

— Когда богатство достается ценою здоровья, лучше жить без него. Мне такое богатство не нужно.

В это время из школы вернулся Мансарам. Он шел по жаре, отчего лицо его покраснелось и покрылось капельками пота. Глаза сияли: казалось, из них струились потоки света. Остановившись в дверях, он сказал:

— Мама, дайте мне что-нибудь поесть. Я хочу пойти поиграть.

Нирмала принесла ему стакан воды и немного фруктов на тарелке. Когда юноша поел и уже собрался уходить, она спросила его:

— Когда ты придешь?

— Не знаю,— ответил Мансарам.— Сегодня хоккейный матч с англичанами, а это далеко отсюда.

— Приходи пораньше. А то обед остынет, и ты опять есть не захочешь.

Мансарам посмотрел на Нирмалу с чувством искренней нежности:

— Если задержусь, поем там. А вы меня не ждите.

Когда он ушел, Нирмала сказала:

— Раньше он вообще сюда не заходил. Стеснялся даже разговаривать со мной. Если что было нужно, просил через кого-нибудь. Я его сама позвала и сказала, чтобы этого больше не было. Тогда только он и стал приходить.

— Почему же он просит есть у тебя, а не у сестры? — несколько раздраженно спросил Тотарам.

Нирмала думала, что муж похвалит ее. Ей хотелось, чтобы он понял, как она любит его детей, ведь это не было притворством. Она действительно их любила. В ее характере до сих пор осталось еще много ребяческого: общительность и жажда веселья. Когда она оставалась с сыновьями Тотарама, эти детские черты вновь оживали. И, разумеется, она не понимала, что такое супружеская ревность. Поэтому и не заметила, как муж, вместо того чтобы обрадоваться, сразу помрачнел.

— Откуда я знаю, почему, — ответила Нирмала. — Наверно, потому, что я его не гоню, когда он ко мне приходит. Если бы я не поступала так, твоя сестра возненавидела бы меня еще больше.

Тотарам ничего не ответил.

В этот вечер адвокат не стал принимать своих клиентов, а прямо прошел к Мансараму и начал его экзаменовывать. Первый раз в жизни он вдруг заинтересовался, как учатся его сыновья. Раньше у него для этого не находилось времени.

К несчастью, сам Тотарам изучал школьные премудрости лет двадцать назад и после этого к учебникам даже не притрагивался. К тому же за недосугом он ничего не читал, кроме правоведческих книг и газет. И вот сегодня он начал экзаменовывать сына по школьным предметам.

Мансарам был способным и трудолюбивым юношей. То, что он являлся капитаном хоккейной команды, не мешало ему оставаться первым учеником в классе. Ему достаточно было прочесть урок один раз, чтобы знать его наизусть. Тщетно Тотарам пытался придумать такой

вопрос, над которым мальчику пришлось бы поломать голову. А с простыми вопросами Мансарам справлялся быстро. Как солдат после безуспешной атаки на позиции противника приходит в ярость и бросается в бой с новой силой, так и Тотарам все более распалялся, слушая ответы Мансарамы. Он старался задать сыну такой вопрос, на который тот не смог бы ответить. Адвокат хотел нащупать слабое место. Сейчас ему важно было узнать не то, что знает его сын, а то, чего он не знает. Искусный экзаменатор легко мог бы обнаружить пробелы в познаниях Мансарамы, но как мог их найти адвокат, успевший к своим сорока годам позабыть все, чему его когда-то учили? Наконец, отчаявшись найти предлог, чтобы сорвать свою злобу, Тотарам сказал:

— Ты целыми днями где-то пропадаешь. А для меня хорошее поведение важнее твоих прекрасных способностей. Мне надоело, что ты вечно где-то шляешься, словно бродяга.

— Да я целыми днями никуда не выхожу, — смело возразил Мансарам. — Разве только вечером поиграть на часок. Можете спросить у мамы или у тети. Я и сам не люблю сидеть без дела. Но директор школы очень просил не уходить из нашей команды, так что поневоле приходится играть. Если вам это неприятно, я с завтрашнего же дня брошу хоккей.

Тотарам вовремя заметил, что разговор принимает совсем не тот оборот, и строго сказал:

— Откуда я знаю, может быть, ты ходишь не только играть? Мне надоело, что на тебя постоянно жалуются.

— Кто же вам жалуется? — обиженно спросил Мансарам.

— Кто бы ни был, тебя это не касается! Ты знаешь, что я никого зря не упрекаю.

— Но почему они не придут и не скажут мне все в глаза. Если это правда, я не буду отпираться...

— Еще чего захотел!.. Ну и ну! Ты думаешь, что говоришь? Кому хочется нажить себе врага? А вдруг ты со своими дружками потом станешь ему мстить? Мне на тебя жаловался не один человек, а многие, и у меня нет причин не верить их словам. Я хочу, чтобы ты жил при школе.

— Можно и так, — опустив голову, ответил Мансарам. — Только скажите — я сразу перееду...

— Ты что нос повесил? Не хочется жить при школе? В чем же дело в конце концов? Что с тобой там случится?.. Разве тебе там будет плохо?

Мансараму не хотелось жить в пансионе, но когда отец начал его настойчиво расспрашивать, он, чтобы этого не показать, ответил с довольным видом:

— Да мне все равно, где жить — дома или в пансионе. Ничего со мной не случится. Можно хорошо устроиться и там. Хотите, перееду хоть завтра. Вот только если не будет свободных мест, придется подождать.

Тотарам недаром был адвокатом. Он сразу подумал, что сын ищет предлог, который дал бы ему возможность остаться дома и в то же время отвел бы от него всякие подозрения.

— Для всех есть места, а для тебя нет? — едко спросил он.

— О! Вы не знаете. У нас многие приезжие не получили мест и снимают комнаты сами. Недавно один мальчик ушел из пансиона, а на его место поступило сразу пятьдесят заявлений.

Тотарам не считал нужным обсуждать далее этот вопрос и, приказав сыну готовиться к отъезду, велел заложить коляску. С некоторых пор он завел обыкновение совершать вечерние прогулки, потому что какой-то сведущий человек сказал ему, будто это самое лучшее средство продлить свою жизнь.

Когда отец уехал, Мансарам отправился к Рукмини.

— Тетя, — сказал он, — папа велел мне с завтрашнего дня жить при школе,

— Это еще почему? — удивилась Рукмини.

— Не знаю. Он говорит, что здесь я все время где-нибудь пропадаю, словно бродяга.

— Ведь ты никуда не ходишь. Надо было так и сказать...

— Я и говорил — да он не верит.

— Это все по милости твоей махехи. Скажи ей спасибо!

— Нет, тетя, ты не права. Она, бедняжка, и нечаянно ничего такого не проронит. Ведь она мне ни в чем не отказывает...

— Все это женская хитрость! Э, да откуда тебе это знать. Вот я пойду расспрошу ее. Тогда сам увидишь, что во всем виновата она.

И разъяренная Рукмини пошла к Нирмале. Старуха не упустила ни одного удобного случая пристыдить ее, уколоть, упрекнуть и даже довести до слез, хотя Нирмала уважала золовку, молча покорялась, не отвечала на оскорбления и искренне хотела, чтобы та учила ее,правляла там, где она ошибалась, и как раньше вела хозяйство. Но теперь Рукмини сама уклонялась от этого.

— Входите, сестрица, садитесь,— радушно проговорила Нирмала, поднимаясь.

Однако Рукмини осталась стоять:

— Ты что, хочешь всех нас выгнать из дома и остаться одной?

— Что случилось, сестрица? — испуганно спросила Нирмала.

— Сама выгоняет сироту из дому и еще спрашивает, что случилось! Меня не проведешь. Я все вижу!

— Сестрица, как перед богом клянусь, я ничего не знаю! Пусть лопнут мои глаза, если я хоть когда-нибудь заикнулась об этом.

— Зря клянешься. До сих пор брат никогда не говорил такого. Когда Мансарам на неделю уехал к родным, он так беспокоился, что сам за ним отправился и привез сюда. А теперь он же собирается поместить его в пансион! Вот погоди, заболит мальчик, тогда ты поймешь, что сделала. Он всегда жил дома, не привык заботиться ни об одежде, ни о еде, до сих пор, где сядет, там и уснет. Вырос-то большой, а еще ребенок. Погибнет там!.. Кто будет о нем заботиться? Если даже дома до него никому нет дела, то что же будет у чужих? Хочу предупредить тебя. А там — поступай как знаешь.

И с этими словами Рукмини вышла.

Когда адвокат вернулся с прогулки, Нирмала сразу же завела с ним разговор о Мансараме. Она сказала, что он начал заниматься с ней английским языком и если уедет, это отразится на занятиях. Кто же будет ее учить? Адвокат до сих пор ничего не знал об этом. Нирмала хотела немного подучиться и как-нибудь удивить мужа, заговорив с ним по-английски. Кое-что она знала еще от братьев, а сейчас занималась регулярно.

Какое-то мучительное чувство овладело адвокатом, когда он услышал эту новость. Изменившимся голосом он спросил:

— И давно он тебя учит? Ты мне об этом никогда не говорила.

Таким Нирмала видела своего мужа всего один раз, когда он так безжалостно наказал Сиярама. Но сегодня он показался ей еще страшнее.

— Это ему не мешает учиться,— испуганно залепетала она.— Он занимается со мной только когда свободен. И я всегда ему говорю: если тебе некогда, приходи потом. Я у него отрываю минут десять в день, не больше, и то когда он собирается идти играть. Я все делала, чтобы не мешать...

Наступило молчание. Ничего особенного во всем этом как будто не было, но Тотарам в отчаянии опустил на кровать и, положив руку на лоб, погрузился в мрачное раздумье. Значит, дело обстоит куда сложнее, чем он думал. Тотарам проклинал себя за то, что не догадался раньше отослать сына. Теперь он понял, почему его супруга была сегодня так весела. Раньше она и комнату не прибирала так тщательно и никогда так не наряжалась. Он не сомневался в том, что что-то уже произошло. Ему хотелось сейчас же отправить из дома Мансарам, но трезвый голос рассудка подсказывал, что не следует обнажать свою ревность. Если Нирмала о чем-нибудь догадается, будет только хуже. А главное, нужно осторожно выведать, что у нее самой на душе.

— Конечно,— сказал Тотарам,— от того, что он уделит тебе несколько минут в день, ему никакого вреда не будет. Но негодный мальчишка использует это как предлог для того, чтобы не делать свои уроки! Провалится на экзаменах, а потом скажет: я, мол, учил ее! Лучше я найду тебе какую-нибудь англичанку. Это не так уж дорого. Но почему ты мне раньше ничего об этом не говорила? Да и какой из него учитель? Скажет, наверно, несколько слов и убежит! Так ты ничему не научишься.

Нирмала возразила:

— Нет, нет, это не так! Он ко мне очень внимателен, а потом он говорит очень интересно. Послушайте как-нибудь сами, как он мне объясняет. Никакая англичанка не будет учить так старательно.

Гордясь своим профессиональным умением задавать вопросы, адвокат спросил:

— Сколько раз в день он с тобой занимается?

Нирмала, все еще не понимая, к чему клонит муж, ответила:

— Раньше мы занимались только по вечерам, но вот уже несколько дней он иногда заходит и днем посмотреть, как я пишу. Мансарам ведь первый ученик в классе. И экзамены сдал лучше всех. А у вас получается, будто он не хочет учиться! Я это к тому говорю, чтобы ваша сестрица знала! Она тут затеяла со мной разговор, и мне опять пришлось выслушивать всякие упреки. Чем она только меня не попрекала!

«Вот как! — подумал про себя Тотарам. — Совсем еще девчонка, а уже хочет меня одурачить и все свалить на сестру». Но вслух он сказал:

— Не понимаю, почему мальчик так расстраивается, едва слышит о пансионе! Другие дети радуются, что будут жить вместе с товарищами, а этот чуть не плачет. Раньше, конечно, он прилежно занимался, оттого и был первым учеником в классе. Но за последнее время слишком пристрастился к прогулкам. Если он сейчас же не прекратит их, то наверняка отстанет. Все-таки я тебе лучше найму англичанку.

На следующий день рано утром, когда Тотарам оделся и вышел в приемную, его уже ожидало несколько клиентов. Среди них был и тот знатный господин, от которого адвокат ежегодно получал несколько тысяч рупий гонорара за свой труд. Но сегодня Тотарам не принял даже его и, пообещав вернуться через десять минут, уехал в коляске к директору школы.

Директор школы, человек весьма уважаемый, встретил адвоката любезно. Однако ни одного свободного места в его пансионе не оказалось. Все комнаты были уже заняты. Кроме того, инспектор требовал, чтобы сначала устраивали приезжих. Поэтому, если бы даже и имелось свободное место, Мансарам все равно не смог бы его занять — слишком много было подано заявлений от иногородних.

Тотарам был адвокатом и привык иметь дела с такими людьми, которые за деньги готовы были сделать невозможное — возможным, трудное — легким. Поэтому он подумал: «Может, дать директору немного денег, и все будет устроено? Нужно только умело поговорить с ним». Но из этой попытки ничего не вышло. Директор только рассмеялся в ответ и сказал:

— Это вам не суд, господин адвокат, а школа. Если до инспектора дойдут хотя бы слухи об этом, поднимется такая буря, не приведи бог, а Мансарам вообще отсюда выгонят! Да еще начальству на вас пожалуются!

Бедняга Тотарам, обозленный до крайности, часам к десяти вернулся домой ни с чем. Как раз в это время Мансарам выходил из дверей, направляясь в школу. Адвокат взглянул на него, как на своего заклятого врага, и молча прошел в дом.

После этого в течение десяти — двенадцати дней Тотарам с утра до вечера разъезжал из одной школы в другую, добиваясь, чтобы Мансарам поместили в пансион. Однако свободных мест не было, и он везде получал отказ. Оставалось только одно: либо снять комнату, либо устроить его в школу за городом. И то и другое было нетрудным делом: в пансионатах загородных школ всегда имелись свободные места.

Тем временем адвокат немного успокоился. За эти дни он ни разу не видел, чтобы сын выходил из дому куда-нибудь, кроме школы. Мансарам забросил даже хоккей. Стояли на редкость жаркие летние дни, и люди даже на воздухе обливались потом, но Мансарам оставался в своей душной комнате. Его самолюбие было задето. Еще бы! Отец назвал его бродягой! Мансарам хотел доказать, что это не так.

Однажды, когда адвокат обедал, к столу подошел Мансарам. Он только что облился водой и был в одной набедренной повязке. Тотарам, который уже давно не видел сына без верхней одежды, теперь просто обомлел — перед ним стоял живой скелет! Глаза юноши, как и прежде, светились умом, а тело совершенно высохло.

— Что с тобой? Ты нездоров? Отчего ты так похудел?

— Да нет, я здоров, — нехотя ответил Мансарам, затягивая дхоти.

— А почему ты такой худой?

— Разве я когда-нибудь был полнее?

— Что ты мелешь! От тебя и половины не осталось! Сестра, разве он когда-нибудь был таким?

В это время Рукмини поливала во двореке тулси.

— С чего бы ему похудеть? — отозвалась она. — Ведь уход сейчас хороший. Я женщина простая присматривать за детьми не умела, портила их, баловала. А теперь хо-

зайство в руках у такой павы! Она ведь больше меня во всем смыслит! Разве не так? Храни ее бог!..

— Ты не права, сестра. Никто этого не говорил. Тебе бы помочь ей, научить, а ты совсем хозяйство забросила. Ведь Нирмала еще ребенок! Разве она может ходить за детьми? Это — твоя обязанность.

— Пока я считала, что это моя обязанность, я все делала. Но ты решил, что я тебе не нужна. Что же мне еще остается? В ножки тебе кланяться? Ты спроси у него — ведь он уже несколько дней не пил молока! Зайди в его комнату — сладости, которые подавали на завтрак, так и лежат нетронутыми! Хозяйка думает, что ее дело только подать на стол, а если кто-нибудь не ест, ну и пусть! Вот так и растут мальчики, не видя ласки. Твоими сыновьями помыкают как хотят. Где уж тут им быть счастливыми! Живут как сироты. Я тебе прямо говорю. Хочешь обижайся, хочешь нет — мне сейчас все равно! А теперь ты отсылаешь Мансарам в пансион. Значит, бедняге нельзя даже оставаться в родном доме? То-то я смотрю, что он и ко мне перестал ходить. Хотя, зачем ему приходить ко мне, когда я сама приношу обед к нему...

Мансарам съел две лепешки и поднялся из-за стола.

— Ты что, уже кончил? — удивился отец. — Ведь и минуты не прошло! Что же это за еда — две лепешки?

— Я еще ел бобы и салат, — робко ответил Мансарам. — Больше не могу, а то буду плохо себя чувствовать...

Тотарам встал из-за стола весьма обеспокоенный. Если мальчик будет и дальше так худеть, он заболеет! Больше всего адвокат негодовал, конечно, на свою сестру. Он думал: «Рукмини бесится потому, что хозяйка в доме не она. Но ведь должна же она понять, что у нее на это нет никаких прав! Как она может вести хозяйство, если не умеет даже считать? Хозяйничала целый год и не сэкономила ни одного пай. А покойная Рупкала при том же доходе откладывала ежегодно рупий двести — двести пятьдесят. Когда она вела хозяйство, деньги всегда оставались. К тому же Рукмини избаловала детей. Разве можно таких больших мальчиков кормить с ложечки? Они должны сами о себе заботиться».

Целый день адвоката не покидали подобные мысли. Он даже поделился ими с некоторыми из своих друзей. Те ему посоветовали: «Не мешай сыну заниматься спортом. Не держи его дома! На свежем воздухе он станет куда здоровей и духом и телом. Конечно, нужно оградить его от дурных влияний, но это не значит, что он должен все время сидеть взаперти. Затворничество плохо сказывается на характере детей».

Адвокат понял свою ошибку и, вернувшись домой, сразу же направился к Мансараму. Тот уже пришел из школы. Он сидел, так и не переодевшись, с книгой в руках и смотрел в окно. Его взгляд был прикован к стоявшей на улице нищенке, которая, прижимая к груди ребенка, протягивала руку за милостыней. Мальчуган казался таким счастливым на руках у матери, словно сидел на троне. Мансарам не выдержал и зарыдал. Разве этот ребенок не был счастливее его? Что может в этом мире сравниться с объятиями матери? Даже бог не заменит мать. Бог! Зачем только он дает жизнь детям, которым предопределено судьбой быть сиротами!

«Есть ли кто-нибудь в этом мире несчастнее меня? — думал Мансарам. — Кто подумает о том, как я живу? Кто обо мне пожалеет, если я даже умру? Родной отец меня невзлюбил и не хочет даже видеть: не зря же он теперь выгоняет меня из дому! Ах, мама! Тот, кому ты нас доверила, считает твоего любимого сына бродягой! Нет, не жить мне больше в этом доме!»

От этих горестных мыслей Мансарам разрыдался еще сильнее.

В этот момент в комнату вошел отец. Юноша быстро вытер слезы и встал, опустив голову. Пожалуй, это было в первый раз, когда адвокат переступил порог его комнаты. Сердце Мансарамы сильно забилося, предчувствуя недоброе.

Когда Тотарам увидел слезы на глазах у сына, в его душе на мгновение проснулась отцовская нежность.

— Почему ты плачешь, сынок? Тебя кто-нибудь обидел? — с тревогой спросил он.

— Я... Я не плачу... — с трудом сдерживая слезы, ответил Мансарам.

— Твоя новая мама тебе ничего не говорила?

— Нет, она ведь не разговаривает со мной.

— Что же делать, сынок? Я ведь и женился-то только для того, чтобы у детей была мать, но эта надежда не сбылась. Она что, вообще с тобой не разговаривает?

— Нет, только последнее время.

— Странная женщина. Нельзя даже понять, что она хочет. Если бы я знал, что у нее такой характер, никогда бы на ней не женился. Каждый день она надоедает мне какими-нибудь жалобами. Это она мне сказала, что ты неизвестно где пропадаешь целыми днями. Разве я знал, что у нее на душе? Я подумал, что ты попал в дурную компанию и проводишь там время. Разве может отец спокойно смотреть, как гибнет его любимый сын? Поэтому я и решил поместить тебя в пансион. Только поэтому, сынок! Я вовсе не хотел запрещать тебе играть. Мое сердце разрывается на части, когда я вижу тебя таким. Вчера я понял, что ошибался. Играй себе на здоровье, гуляй утром и вечером каждый день: свежий воздух тебе полезен. А если что понадобится, скажи мне, с ней говорить не о чем. Считай, что ее нет в этом доме. Пусть твоя мать умерла, но ведь у тебя есть отец!

Наивное чистое сердце Мансарам радостно затрепетало от этого необычайного проявления отцовской любви. Он готов был боготворить своего отца! А он-то в отчаянии и гнев считал его жестоким и невесту что о нем думал! Мансарам ни в чем не винил мачеху; он просто понял, как был несправедлив к своему доброму отцу, и это было важнее всего. Нежность и любовь переполняли его сердце, и Мансарам снова зарыдал, склонив голову к ногам адвоката.

Тотарама охватило раскаяние. Как он мог быть таким жестоким к своему родному сыну? Ведь при виде этого юноши сердце его начинало радостно биться! Он всегда так гордился его умом, его добротой и примерным поведением! Почему же он стал смотреть на любимого сына, как на врага? Как он дошел до того, что готов был выгнать его из дому?

Нирмала встала между ними, разделив отца и сына незримой стеной. И в усилии приблизить к себе жену адвокат неизбежно отталкивал Мансарам. Так вот Тотарам и дошел до того, что был вынужден лицемерить перед своим родным сыном.

После долгих размышлений адвокат придумал ловкий ход, с помощью которого рассчитывал примириться с сыном и одновременно завоевать Нирмалу. Первый шаг был уже сделан. Но кто знает, сбудутся его замыслы или нет?

С того дня, когда Тотарам, несмотря на все просьбы Нирмалы, все же решил отослать сына в пансион, она прекратила свои занятия с Мансарамом и даже перестала с ним разговаривать. Она начала замечать, что муж ее как-то странно задумчив. «Боже, защити меня в этом доме! — думала Нирмала. — Муж так подозрителен! Неужели он считает, что я могу себе хоть что-нибудь позволить?»

От этих мыслей она проплакала несколько дней. Потом она стала думать: «Почему он так сомневается во мне? Что в моем поведении кажется ему недостойным?» Но сколько Нирмала ни размышляла, она не могла обнаружить в своих поступках ничего предосудительного. И вдруг у нее мелькнула мысль: «Может быть, все его сомнения вызваны тем, что я занимаюсь с Мансарамом, разговариваю с ним, улыбаюсь ему? Тогда я брошу занятия и не буду с ним даже разговаривать!»

Однако такое решение вскоре показалось Нирмале неосуществимым. Разговоры с Мансарамом давали пищу ее женскому воображению. Беседуя с ним, она испытывала безграничную радость, которую трудно выразить словами. В ее душе не было и тени дурных помыслов. Она даже во сне не могла подумать о какой-то порочной любви к юноше. Это было лишь естественное желание иметь друзей, свойственное каждому человеку. Это неудовлетворенное желание горело в сердце Нирмалы неугасимым огнем, какая-то непонятная боль терзала ей душу. Она ходила словно потерянная; где садилась, там и оставалась сидеть; ничего не желала и ни о чем не думала. Но когда приходил Тотарам, Нирмала отчаянным усилием воли подавляла свою боль и, улыбаясь, начинала говорить с ним о всяких пустяках.

Однажды, едва Тотарам позавтракал и ушел в суд, Рукмини начала осыпать Нирмалу упреками:

— Ведь ты знала, что здесь тебе придется заботиться о детях! Если ты не хотела это делать, что же ты не сказала своим домашним, чтоб они не выдавали тебя замуж за вдовца? Шла бы в другую семью, где, кроме

мужа, нет никого! Он бы любовался твоими нарядами и красотой и благодарил судьбу. А ты думала, старый человек будет восхищаться твоей внешностью и манерами? Он женился на тебе для того, чтобы ты ухаживала за его детьми, а не для баловства!

Рукмини долго еще растревляла раны Нирмалы, но та даже не возражала. Нирмала хотела сказать, что она не виновата, и не могла. Если бы она ответила, что исполняет волю мужа, то раскрыла бы семейную тайну. А признай она себя виновной, неизвестно к чему бы это привело. От природы Нирмала была очень откровенной и, говоря по правде, не смущалась и не боялась людей, но в таком щекотливом положении ей приходилось хранить молчание. Другого выхода не было. Она видела, что Мансарам замкнулся и страдает. Она видела, как он с каждым днем становится все слабее и слабее, но ее уста были сомкнуты, а руки скованы.

Глава восьмая

Обманутые надежды всегда причиняют жестокие страдания. Мансарам меньше всего ожидал, что Нирмала пожалуется на него, и поэтому страдал особенно глубоко.

«Почему она наговаривает на меня? — думал он. — Чего она хочет? Может быть, все это потому, что я живу на деньги ее мужа, что приходится платить за мои занятия и одежду? Она, наверно, хочет, чтобы я совсем ушел из дому! Если я не буду здесь жить, она, может быть, сбережет лишнюю рупию! Но ведь она была так добра со мной! Я никогда не слышал от нее грубого слова. Неужели все это хитрость? Может быть и так. Для того чтобы заманить птицу в сети, птицелов разбрасывает перед нею зерна. Если бы я знал, что над этими зернами раскинуты сети! Вот она, любовь мачехи! Это она гонит меня сейчас из родного дома.

Но почему же мое присутствие в доме ей так не нравится? Разве ее муж не может быть одновременно и моим отцом? Неужели сын менее дорог отцу, чем жена? Не оспаривай она у меня сердце отца, она могла бы делать все, что хочет, — я бы и слова не сказал. Но почему она хочет лишить меня отцовской любви? Почему

она не желает, чтобы и мне досталось хоть немного тени в ее семейном саду?

Она, должно быть, думает, что я, когда вырасту, стану хозяином всего, что сейчас принадлежит ее мужу, и поэтому стремится сейчас избавиться от меня. Как мне ее уверить, что она может этого не бояться? Как ей сказать, что Мансарам скорее согласится выпить яд и умереть, чем причинит ей хоть малейшее зло? Сколько бы мне ни пришлось выстрадать, я ничем не раню ее сердце. Отец дал мне жизнь; он заботится обо мне и сейчас, но разве не видно, что с того дня, как он женился на ней, в его сердце не осталось для нас места. Теперь мы живем, как сироты, мы никому не нужны в этом доме. Хорошо еще, что по старой памяти к нам здесь относятся лучше, чем это бывает в других домах, но все равно — мы сироты. Мы осиротели в тот день, когда умерла наша мать. А потом еще одно горе — отец женился второй раз. Ведь я и сам раньше не хотел иметь ничего общего с мачехой. Если бы она пожаловалась на меня тогда, мне это, пожалуй, было бы безразлично. Тогда я был готов к удару. Разве я не смог бы сам зарабатывать себе на жизнь? Но она выбрала для нападения самый удобный момент! Хищники тоже нападают на свою жертву врасплох. Потому-то она и была со мной так любезна, по нескольку раз посылала за мной, если я хоть немного запаздывал к завтраку, всегда готовила нам свежую халву, спрашивала, не нужно ли мне денег, купила мне часы за сто рупий...

Но неужели она не могла придумать ничего иного, как назвать меня бродягой? Она-то знала, где я бываю! Она ведь могла сказать, что я не хочу учиться, что я постоянно для чего-нибудь прошу денег, но почему она выбрала именно это? Может быть, потому, что хотела ранить меня сильнее? Ну что ж, она метнула такую огненную стрелу, от которой нет спасения! Может быть, она сделала это, чтобы унижить меня в глазах отца? Отправить меня в пансион — это только предлог. Она хочет навсегда выгнать меня из дому, выкинуть отсюда, как муху из молока! А потом, через несколько месяцев, конечно, перестанет давать мне деньги на расходы — пускай, мол, живет как хочет! Если бы я знал, что всему причиной она — я бы нашел себе место во что бы то ни стало! Хоть в комнатах для слуг

или на веранде! Впрочем, это и сейчас еще не поздно сделать. Если в сердце не осталось любви, жить здесь только для того, чтобы есть и пить, невысказано. Это теперь не мой дом. И отец теперь мне не отец, хотя я и остаюсь его сыном. Все в мире основано на любви. Где нет любви — там ничего нет. О мама! Где ты?»

Сердце Мансарамы сжалось от боли, он заплакал, и по мере того как в его душе пробуждались воспоминания о матери, слезы все обильнее катились из его глаз. Он несколько раз принимался звать мать, словно она стояла где-то рядом и слышала его. Сегодня он в первый раз остро почувствовал ту боль, которую испытывает человек, когда лишается матери. Он был самолюбив и мужествен. Но сейчас он чувствовал себя таким беспомощным и одиноким! Ведь он рос среди довольства и счастья!

Пробило десять часов вечера. Сегодня Тотарам ушел к кому-то на званый ужин. Уже дважды служанка приходила звать Мансараму к столу, но когда она явилась в третий раз, он раздраженно сказал:

— Я не стану есть! Я не голоден. Ходишь тут, только надоедаешь.

Поэтому, когда Нирмала послала служанку еще раз, та отказалась.

— Госпожа! — сказала она. — Он не пойдет. Ведь сколько раз звали!..

— Почему же это? Поди скажи ему, что ужин стынет. Пусть поест хоть немного!

— Я все уже говорила, но он не идет.

— А ты говорила, что я жду?

— Нет, госпожа.

— Тогда ступай и скажи, что я здесь сижу и жду его. Если не придет, я все уберу со стола, уже пора спать. Ну, Бхунги, сходи еще разок! А не пойдет, так принеси его на руках! — добавила Нирмала, улыбнувшись.

Бхунги ушла с недовольным видом, но почти тотчас же вернулась.

— Ой, госпожа, — запричитала служанка, — он там плачет! Может быть, его кто обидел?

Нирмала вскочила и бросилась к двери. Она походила сейчас на мать, которой сказали, что ее ребенок

упал в колодез. Но сделав несколько шагов, Нирмала остановилась и спросила Бхунги:

— Он плачет? А ты спросила, почему он плачет?

— Нет, госпожа, не спросила.

«Мансарам плачет,— подумала Нирмала.— Он сидит и плачет, один в эту безмолвную ночь. Должно быть, ему вспомнилась мать. Что мне сказать ему, как объяснить мои страдания? Ведь здесь я и слова вымолвить не могу! Что же делать? Он, должно быть, думает, что это я нажаловалась на него отцу. Как мне его уверить, что я не говорила ни единого слова против него? Я была бы самой жестокой женщиной в мире, если бы желала зла мальчику с такой доброй душой!»

Нирмала видела, что здоровье Мансарамы ухудшается с каждым днем, что лицо его становится все печальнее, а сильное тело все больше худеет. От нее не укрылась и причина этого, но мужу она ничего не сказала. Как она страдала! А иногда и сердилась: «Почему Мансарам мучается из-за какого-то пустяка? Разве оттого, что его называли бродягой, он действительно стал бродягой? Другое дело я — малейшее подозрение может меня погубить. Но ему-то чего волноваться?»

Ей так хотелось пойти сейчас к нему, успокоить его, привести сюда и накормить. Ведь он останется голодным на всю ночь!

«О! Это я виновата во всех раздорах! — терзалась Нирмала.— До моего прихода здесь царил мир и покой. Отец безумно любил своих детей, а дети — отца. Не успела я прийти, как сразу начались всякие неприятности. Чем только все это кончится? Лучше бы мне умереть! А он, бедняжка, так и сидит там один, голодный. В это время он обычно вставал из-за стола. Только много ли он съедал — словно малый ребенок!»

И Нирмала пошла к Мансараму, пошла вопреки воле мужа. Она шла, чтобы успокоить того, кто стал ей сыном, а ее собственное сердце трепетало от страха.

Прежде чем войти к Мансараму, Нирмала с опаской посмотрела в ту сторону, где находилась комната Рукмини, но золовка после ужина спала крепким сном. Нирмала вышла в соседнюю комнату. Там тоже было тихо — Тотарам еще не пришел. Тогда она направилась прямо к комнате Мансарамы. Дверь была открыта. Мансарам сидел за столом, положив перед собой книгу

и склонив на нее голову. Он казался живым воплощением скорби. Нирмала хотела позвать его, но язык не повиновался ей.

Внезапно Мансарам поднял голову, взглянул на дверь, но в темноте не узнал Нирмалы.

— Кто там? — вздрогнув, спросил он.

— Это я, — ответила Нирмала прерывающимся голосом. — Почему ты не идешь ужинать? Ведь уже поздно!

— Я не голоден, — отвернувшись, отрезал Мансарам.

— Это я слышала от Бхунги уже три раза.

— Должно быть, вам самим не хочется есть, иначе вы бы меня не ждали! — криво усмехнувшись, съязвил Мансарам.

С этими словами он попытался закрыть дверь, но Нирмала толкнула створки и вошла в комнату. Она взяла Мансараму за руку и, глядя на него полными слез глазами, проговорила нежно и кротко:

— Пойдем, поужинаем, хоть немножко! Если ты не будешь есть, я тоже не буду, так и пойду спать. Ну, хоть кусочек! Ведь ты же не хочешь, чтобы я легла спать голодной?

Мансарам задумался: «Мачеха еще не ужинала — сидела и ждала меня. Кто же она? Богиня любви и смирения или воплощение зла и коварства?»

Он опять вспомнил свою мать; она точно так же приходила утешать его, и он не шел ужинать до тех пор, пока она сама не звала его. Мансарам не мог отвергнуть смиренную просьбу Нирмалы.

— Мне очень жаль, что вы так беспокоитесь из-за меня, — сказал он. — Если бы я знал, что вы ждете меня, я бы давно пришел.

— Как ты можешь так думать обо мне? Ты будешь сидеть голодным, а я спокойно пойду спать? Разве могу я быть такой эгоисткой, хоть я тебе и мачеха?

Внезапно с мужской половины дома донесся кашель вернувшегося Тотарама. Судя по звуку его шагов, он направлялся к комнате сына. Лицо Нирмалы покрылось мертвенной бледностью. Она выскользнула из комнаты и, не имея времени уйти к себе, громко сказала:

— Я тебе не девочка, чтобы целую ночь ждать, пока все поужинают! Если не хочешь есть, говори об этом заранее.

Увидев Нирмалу, Тотарам остолбенел. Это неслыханно! Зачем она явилась сюда?

— Ты что тут делаешь? — спросил он.

— Что делаю? Оплакиваю свою судьбу! — резко ответила Нирмала. — Во всем всегда виновата одна я! Там кто-то обиделся, тут кто-то рассердился. Почему я должна всех успокаивать и уговаривать?

— А что случилось? — встревоженно спросил Тотарам.

— Он не идет ужинать, чего же еще? Я десять раз посылала служанку, наконец пришлось самой прийти. Ему-то легко говорить, что он не голоден, а мне каково! Все тут как сговорились меня опозорить! Он не голоден, а люди скажут: «Эта ведьма даже есть детям не дает!»

— Почему ты не ужинаешь? — обратился адвокат к Мансараму. — Ты знаешь, который час?

Мансарам был ошеломлен, ничего не мог понять; возникшая перед ним загадка казалась ему неразрешимой. Откуда взялась эта злость в тех самых глазах, которые всего мгновение назад были наполнены слезами смирения? Откуда вдруг этот яд на тех самых губах, которые только что источали мед?словно в каком-то полубессознательном состоянии он ответил:

— Я не хочу есть...

— Почему это ты не хочешь? — нахмурившись, спросил Тотарам. — Если так, надо было об этом сказать. Никто не обязан ждать всю ночь, пока у тебя появится аппетит! И вообще, что это за новая привычка? Не капризничай! Иди и ешь!

— Но я совсем не хочу есть!

— Ах, так? Ну что ж, когда захочешь — тогда поешь, — процедил адвокат сквозь зубы и вышел из комнаты. Тотарам отправился спать, а Нирмала убрала со стола, прополоскала рот, пожевала бетель и, изобразив на лице улыбку, присоединилась к нему.

— Ну как, поужинала? — спросил ее муж.

— Конечно! Сколько можно его упрашивать!..

— И что с ним стряслось, ума не приложу! Ничего не ест, все время сидит в душевной комнате, худеет с каждым днем. Просто непостижимо!

Нирмала, думая о своем, ничего не ответила. Она не находила себе места от беспокойства: «Что подумает обо мне Мансарам после этой комедии, кото-

рую пришлось разыграть? В душе он, наверно, спрашивает себя, почему я так внезапно изменилась, когда пришел отец. Разве ему понять! Бедняжка, ведь он уже согласился пойти поужинать! И надо же было мужу явиться как раз в эту минуту! Ну как мне теперь объяснить все это мальчику? Да разве такое объяснишь? Ох, в какую беду я попала!»

На следующее утро Нирмала занималась домашними делами, когда вдруг часов в девять к ней прибежала Бхунги и сообщила:

— Мансарам укладывает свои вещи на двуколку!

— На двуколку? — спросила Нирмала. — Куда же он собрался?

— Он мне сказал, что теперь будет жить при школе.

Мансарам действительно встал на заре, отправился к директору школы и все устроил сам. Правда, сначала директор ему ответил, что у него нет мест и к тому же многие ученики подали заявление раньше его. Но когда Мансарам заявил, что если он не получит места, то, вероятно, не сможет дальше учиться и сдавать экзамены, директору пришлось уступить. Все преподаватели рассчитывали, что Мансарам будет на экзаменах в числе лучших и что он приумножит славу их учебного заведения. Директору не хотелось терять такого способного ученика, и он освободил для юноши комнату, где до сих пор помещался его собственный кабинет. Затем Мансарам вернулся домой и не теряя времени принялся укладывать свои вещи.

— Почему такая спешка? — спросил его Тотарам. — Ничего не случится, если ты отправишься через несколько дней. Я сначала хочу подыскать тебе хорошего повара.

— Не надо, повар в пансионе готовит неплохо.

— Следи там за собой! Учеба — учебой, а о здоровье тоже нельзя забывать!

— В пансионе не позволяют заниматься после девяти часов вечера. Там и учатся и отдыхают по расписанию.

— А почему ты не берешь с собой постель? На чем же ты будешь спать?

— Я взял одеяло, а постели мне не нужно.

— Пока носильщик будет укладывать вещи, поди поешь. Ты ведь со вчерашнего дня ничего не ел!

— Позавтракаю там. Я уже сказал повару, чтобы он мне что-нибудь приготовил. А с вашим завтраком я опоздаю.

Джиярам и Сиярам тоже захотели уехать вместе с братом, и Нирмале пришлось их отговаривать:

— Что вы! Маленькие дети там не живут! Там ведь все приходится делать самим!

Неожиданно к ней вошла Рукмини.

— Махарани,— сказала она,— у тебя, видно, и впрямь каменное сердце! Мальчик вчера ничего не ел; сейчас уезжает голодным, а ты сидишь тут и болтаешь с детьми! Неужели ты его не знаешь? Пойми, он не просто переезжает в школу, он уходит от нас и больше не вернется! Он не из тех детей, которые поиграют и все забудут. В его сердце обида останется навсегда, как след резца на камне!

— Что же мне делать? — печально вздохнула Нирмала.— Он ведь никого не слушается! Вы бы сами пошли и уговорили его поесть. Может быть, он пойдет, если вы позовете.

— Почему же он все-таки уезжает? Ведь он любил свой дом! Нигде ему так не нравилось, как у себя. Наверно, это ты ему что-нибудь сказала или нажаловалась на него. Не сыпь на пол иголки — как бы потом самой не пришлось по ним ходить! Если ты погубишь семью — не будет тебе покоя.

— Пусть у меня язык отсохнет, если я сказала ему хоть что-нибудь обидное! — вскрикнула Нирмала, заливаясь слезами.— Все меня оговаривают уже за то, что я мажеха! Ну, пожалуйста, подите позовите его!

— А почему ты сама его не позовешь? — резко спросила Рукмини.— Что, тебя убудет? Если бы это было твое дитя, ты бы, наверно, не сидела здесь сложа руки!

Нирмала была похожа на птицу с подрезанными крыльями, которая видит приближающуюся змею, хочет взлететь и не может. Трепеща, падает она на землю, бьется в конвульсиях, но остается на месте; сердце ее рвется из груди, однако улететь она уже не в силах.

В это время в комнату вошли Сиярам и Джиярам и сказали, что брат уехал. Нирмала замерла, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. «Уехал! Даже не зашел сюда, даже не попрощался со мной! Уехал! Как он должен

меня ненавидеть! Ну хорошо, я ему никто. Но ведь у него есть тетка! Он мог бы попрощаться хоть с ней. Из-за меня он не захотел войти сюда!.. Из-за меня он уехал! Все из-за меня!»

Глава девятая

После отъезда Мансарам дом как-то сразу опустел. Младшие мальчики учились в одной школе с братом, и Нирмала каждый день спрашивала о нем. Сначала она надеялась, что Мансарам навестит их хотя бы в воскресенье, но он не пришел. Тогда Нирмала начала волноваться. Она приготовила ладду и в понедельник утром послала Бхунги отнести пирожное в пансион. В девять часов служанка возвратилась. Мансарам не взял ладду.

— Ну, как он, поздоровел немного? — спросила Нирмала.

— Какое там! Наоборот, похудел еще больше.

— Что с ним? Плохо себя чувствует?

— Не знаю, госпожа. Чего не спрашивала, того не спрашивала. Но там служит один кахар, деверем мне приходится, так вот он говорит, что наш мальчик почти ничего не ест. Скушает две лепешки и встает из-за стола. И так день за днем! Все только читает.

— А ты не спросила, почему он не взял ладду?

— Нет. Он только сказал: «Возьми свои ладду и уходи!» Я и ушла.

— И больше ничего? Ты не узнала, почему он вчера нас не навестил? Ведь было же воскресенье.

— Нет, госпожа, чего не спрашивала, того не спрашивала. Не умудрил всевышний. Еще он сказал, чтобы я к нему не ходила и ничего не приносила. Передай госпоже, говорит, чтобы она не присылала больше мне писем и записок и с братьями ничего не передавала. А потом сказал такое, что у меня и язык не поворачивается выговорить. И... заплакал.

— Боже мой!.. Что же?

— Как же такое можно, госпожа?.. Она, говорит... проклятие моей жизни! Сказал и заплакал.

Из груди Нирмалы вырвался мучительный вздох. Ей казалось, что сердце ее вот-вот остановится. Жалобно

вскрикнув, она залилась слезами и, чувствуя, что не в силах больше оставаться в этой комнате, убежала к себе. Там Нирмала упала на постель и, спрятав лицо в подушку, безудержно разрыдалась. Ее терзала одна и та же мысль: «Что же он обо мне подумал? Что? Боже, что теперь будет?» Огонь страданий, испепелявший женщину, бушевал в ее сердце с невиданной силой.

Нирмала несколько не тревожилась о себе. У нее уже не осталось никаких надежд на счастье, которого она когда-то так ждала. Она решила, что ей суждено страдать, искупая какие-то неведомые грехи своей предыдущей жизни. Кто еще мог вынести столько, сколько она? Во имя долга она пожертвовала всей своей жизнью, всеми своими мечтами. Сердце ее разрывалось на части, но ей приходилось улыбаться. Она должна была ласково разговаривать с тем, на кого было противно даже смотреть! Кто поймет, какую ненависть, какие страдания испытывала она, когда ее обнимал человек, каждое прикосновение которого казалось холодным прикосновением змеи! В эти минуты она желала только одного — сгинуть, провалиться сквозь землю. Но все это имело отношение только к ней, а о себе она давно перестала думать. Но теперь боль в ее душе стала невыносимой. Она не могла видеть, как страдает Мансарам. Нирмала содрогалась при мысли о том, что мог подумать о ней этот добрый и мужественный юноша. Пусть ее подозревают в чем угодно, пусть ей придется покончить с собой, но больше молчать она не будет! Чтобы спасти Мансараму, Нирмала решила отбросить прочь и стыд и страх.

После ужина адвокат, прежде чем отправиться на прогулку, обычно заходил ненадолго к жене.

«Скоро придет», — подумала Нирмала и встала около двери. Но против обыкновения Тотарам в этот день вышел во двор, не зайдя к ней, и Нирмала услышала, как он приказал заложить коляску.

«Почему же он не зашел ко мне? — удивилась Нирмала. — Нет, нет, я должна, наконец, с ним объясниться!»

Она крикнула Бхунги:

— Поди позови хозяина! Передай, что у меня к нему важное дело.

Тотарам уже собрался ехать, но, услышав, что его зовет жена, вернулся. Не заходя в комнату, он спросил с порога:

— Ну, в чем там дело? Говори скорей, я спешу. Только что получил письмо от директора школы. Мансарам заболел, у него жар. Надо взять его обратно — дома ему будет лучше. Я сейчас поеду туда, а потом в суд. Ну что там у тебя? Действительно что-нибудь серьезное?

Нирмалу словно молнией ослепило. Слезы комом стояли у нее в горле и мешали говорить. Ей хотелось кричать и плакать, и ни одно из этих чувств не могло пересилить другое. Если бы эта борьба продлилась еще мгновение, неизвестно, что бы произошло. Но нужно было отвечать, и, собрав всю свою волю, она проговорила:

— Об этом потом... Поезжайте скорее!

И в тот же миг слезы хлынули у нее из глаз.

— Спрашивал у мальчиков... говорят, что вчера он занимался, как и все, — продолжал адвокат. — Непонятно, что с ним могло случиться?

— Это все из-за вас! — дрожа от волнения, бросила Нирмала.

— Из-за меня? Что я ему сделал? — нахмурился Тотарам.

— Спросите у своего сердца!

— Я думал, что ему здесь не нравится и он охотнее будет заниматься вместе с другими мальчиками. Ничего плохого в этом нет. В чем же я виноват?

— Подумайте сами! Разве вы отослали его только поэтому? Разве не было других причин?

— Какие тут могли быть причины? — пробормотал адвокат, пытаясь улыбкой скрыть свое замешательство.

— Ладно, не надо об этом... Только, ради бога, сегодня же привезите его сюда. Я боюсь, что ему станет еще хуже. А здесь — его тетя, она будет ухаживать за мальчиком, как никто другой.

И, помолчав, Нирмала прибавила, опустив голову:

— Если вы не хотите вернуть его... из-за меня, отправьте меня домой.

Адвокат ничего не ответил. Он вышел из дому и поехал в школу.

Душа! Как сложны твои переживания! Как недостижимы тайны, которые ты хранишь, и как мгновенно все в тебе изменяется! Быстро вращается веретено, но еще быстрее открываются и закрываются двери нашего сердца. Только что в тебе была любовь, и вдруг — сомнение! Тотарам терзался теперь одной мыслью — не притворится ли жена?

Глава десятая

С тех пор как за Мансарамом закрылись двери родительского дома, он ни на минуту не расставался со своими грустными мыслями. Снова и снова вспоминал юноша покойную мать и обращался к ней. У него пропал аппетит, не стало желания учиться. Его как будто подменили. Он уже успел не выполнить домашнее задание. В результате — пришлось в наказание целый урок стоять рядом со своей партой. Раньше этого никогда не случалось! Мансараму довелось вынести и это унижение.

Прошло два дня. Теперь он думал: «Разве только у меня одного умерла мать? Все мачехи такие. То, что случилось со мной, не ново. Теперь мне нужно работать вдвое больше и вести себя как подобает мужчине. Если я в этом году получу стипендию, то смогу жить и без помощи из дому. Разве мало людей пробивает себе дорогу своими силами? Человек должен преодолевать все препятствия и работать, работать! Что толку проклинать судьбу!»

В это время к нему пришел Джиярам.

— Ну, как дела дома, Джия? — спросил Мансарам. — Мачеха теперь, наверно, довольна?

— Не знаю, что у нее на душе, но только с тех пор, как тебя не стало, она и крошки в рот не берет. Как ни посмотришь, все время плачет. При отце-то она, конечно, улыбается!.. Знаешь, я в тот вечер хотел уйти к тебе совсем, уже собрал книжки, а эта ведьма Бхунги все рассказала мачехе. Да и отец был дома. Мачеха прямо у него на глазах отняла у меня ранец, заплакала и говорит: «Если ты уйдешь, кто же здесь останется? Вы все бежите из дому из-за меня! Лучше я сама уйду». Когда отец вышел из комнаты, я ей сказал: «Зачем же

вам уходить! Ведь это теперь ваш дом! Живите себе на здоровье! А мы вам — чужие. Без нас вам же будет лучше!»

— Хорошо сказал, очень хорошо! — похвалил его Мансарам. — Ну, а она? Наверно, пошла жаловаться отцу?

— Да нет... Она опустилась на колени и заплакала. И я тоже — мне ее стало так жалко... А потом она вытерла мне слезы и говорит: «Джия! Разрази меня гром, если я хоть раз сказала что-нибудь плохое отцу о твоём брате. Бог уготовил мне этот позор. Такова уж моя судьба!» Потом она еще что-то говорила, только я не понял. Что-то об отце.

— Ну, вспомни, хоть чуть-чуть, что она говорила о нем? — с тревогой спросил Мансарам.

— Разве упомнишь! Была б у меня такая память, как у тебя. Ах, да! Говорила, что, мол, должна притворяться, чтобы отец был доволен. Потом все о долге и грехе: что-то непонятное. Я теперь знаю, она хочет, чтобы ты жил дома.

— Знаешь... Это — одни хитрости! Ты просто не понимаешь всех ее уловок!

— Ну конечно, ты все понимаешь, а я ничего!

— Где же тебе понять такое, когда ты не можешь осилить даже геометрии. Помнишь тот вечер, когда она пришла звать меня к ужину? Я уже хотел уступить, а тут вдруг входит отец. Видел бы ты, какой она сразу стала!

— Но почему? Знаешь, когда я вернулся из школы, она так о тебе расспрашивала! Я ей передал, как ты велел, что ноги твоей в доме больше не будет. Так и сказал. А она опять в слезы. Плачет и плачет. Лучше бы я молчал! Только и твердит: «Неужели он из-за меня ушел из дому? Неужели так на меня обиделся? Даже не попрощался! Завтрак был готов, а он и не притронулся. Боже! Какая я несчастная!» А вот когда приходит отец, — сразу утирает слезы и улыбается, как будто ничего не случилось. Что бы это могло значить? Сегодня она опять просила привести тебя домой. Пойдем, Мансарам! А то и я здесь останусь! Если бы ты видел, как она убивалась все эти дни, ты бы ее пожалел. Пойдешь?

Мансарам ничего не ответил. Ноги его подкашива-

лись. Услышав звонок, Джиярам убежал на урок, а он растянулся на скамье и так глубоко вздохнул, словно перед этим долго сдерживал дыхание.

— О боже, боже! — вырвался стон из уст Мансарамы.

Всю свою боль, отчаяние и мольбу вложил он в этот призыв. Сейчас только вера в богов давала ему силу жить. Сердце его кровоточило. Он начинал понимать все. О боже! Какой позор! Что может быть хуже этого? Какая низость! Наверно, ни один отец еще не оскорблял своего сына так жестоко! Но за что? Ведь его поведение вызывало у всех одни только похвалы! Все ставили его в пример другим юношам. У него никогда не было таких грязных мыслей! За что же отец так опозорил его? Мансараму казалось, что его сердце разрывается на части.

Прозвенел второй звонок. Ученики разошлись по своим классам, а Мансарам все еще лежал, подперев щеки ладонями и пристально глядя в землю. В один миг он потерял все. Ему было стыдно показаться людям на глаза. О том, что его могут наказать за пропуск занятий, он даже не беспокоился. Ему ли бояться таких мелочей, после того как у него отняли все на свете? Если он и переживет этот страшный позор, на нем все равно останется печать проклятья.

В отчаянии Мансарам воскликнул:

— Мама! Мама! Где ты? Твой сын, тот, которого ты любила больше жизни и ради которого ты жила, попал в беду! Ох, какая это страшная беда! Родной отец вонзает ему кинжал прямо в сердце! О мама, слышишь ли ты меня?

Немного успокоившись, Мансарам попытался во всем разобраться. «Почему он меня подозревает? — думал юноша. — Что толкнуло его на это? Боже, ведь это мой отец! Не враг же он мне; как он мог вдруг ни с того ни с сего заподозрить своего сына в таком грехе? Может быть, ему что-нибудь показалось или послышалось? А как он раньше меня любил! Даже за стол без меня не садился. Неужели он теперь меня ненавидит? Но ведь ничего не бывает просто так. Когда родилось это подозрение? Отослать меня в пансион он решил уже потом! Он начал смотреть на меня косо с того самого дня, когда как-то вечером пришел ко мне в комнату и стал экзаменовывать. Наверно, в тот же день и случилось что-то

такое, что ему не понравилось. Но что? Я попросил у мачехи поесть, и отец это слышал. Да, теперь я вспомню! Он тогда так изменился в лице! И с того самого дня мачеха перестала со мной заниматься. Если бы я только знал, что отцу не нравится, когда я разговариваю с ней или что-нибудь прошу у нее, если бы знал, что ему не нравятся наши занятия, разве бы все это случилось? А мачеха? Каково ей сейчас?»

До сих пор Мансарам не вспоминал о Нирмале, но теперь ему вдруг стало страшно за нее: «Сможет ли ее честное, нежное, любящее сердце вынести такой удар? Как я заблуждался, принимая ее любовь за хитрость! Но откуда я мог знать, что она так резко обращалась со мной только из-за отца? О, как я был к ней несправедлив! Ведь ей еще хуже, чем мне. Я-то ушел сюда, а ей куда уйти? Джия говорит, что она уже два дня ничего не ест и все время плачет. Как мне все объяснить ей? Зачем она навлекает на себя беду из-за меня? Зачем она каждый раз спрашивает обо мне? Зачем просит меня вернуться? Как мне сказать ей: «Я больше не сержусь и думаю о вас только хорошее»? Вот и сейчас она, наверно, тоже плачет. Какая нелепость! Но что же случилось с отцом! Что с ним? Неужели он для того и женился, чтобы убить ее? Сорвал нежный цветок, а теперь топчет его ногами. Чем ей помочь? Как сделать так, чтобы вновь засияла чистота этой невинной души? Ведь она страдает только за то, что относилась ко мне с любовью. Хорошую же награду она получила за свою доброту! Неужели я буду спокойно сидеть и смотреть, как она страдает? Пусть это будет стоить мне жизни, но я должен спасти ее, сберечь ее доброе имя и избавить от подозрений. Прощайте все мои надежды, прощайте мечты, я должен от вас отказаться! Отец подозревает верную жену, и все из-за меня! Я должен спасти ее! Это — мой долг! Ну что ж, я умру, как умирают настоящие герои. Мама, я своей кровью смою этот позор! От меня зависит теперь твое и мое счастье».

Целый день просидел Мансарам, погруженный в подобные мысли. Вечером к нему пришли оба брата и настойчиво стали звать домой.

— Почему ты не идешь? — упрашивал Сиярам. — Ну, пойдем!

— Не могу, я занят, — отвечал Мансарам.

— Но ведь завтра же воскресенье! — воскликнул Джиярам.

— У меня и на воскресенье есть дела.

— Но хоть на минутку забежишь?

— Нет, у меня игра.

— Мама готовит ладду, — вставил Сиярам. — Если ты не придешь, тебе ничего не достанется. Мы с Джиярамом все съедем!

— Мансарам, если ты завтра не придешь, мама, наверно, сама придет сюда, — предупредил Джиярам.

— Этого еще не хватало! — раздраженно ответил юноша. — Зачем ей приходить? Только лишнее беспокойство. Скажите, что меня не будет.

— Зачем же я буду врать? — пожал плечами Джиярам. — Я скажу, что ты сидишь тут и дуешься. А там посмотрим, придет она или нет.

— Мы скажем, что ты сегодня не ходил заниматься и целый день спал, — добавил Сиярам.

Кончилось тем, что Мансарам пообещал братьям в воскресенье прийти домой. Когда они ушли, он снова погружился в тяжкое раздумье. Всю ночь он не мог заснуть и ворочался с боку на бок. Весь воскресный день он просидел взаперти, опасаясь, как бы Нирмала и в самом деле не пришла в пансион, и всякий раз, когда с улицы доносился стук колес, сердце его начинало учащенно биться: не она ли это приехала!

При пансионе была небольшая аптека, и по вечерам туда на часок обычно приходил доктор. Если кто-либо из пансионеров заболел, он мог получить лекарство. Мансарам, поразмыслив немного, направился туда.

Доктор хорошо знал юношу.

— Что с тобой? — изумленно спросил он, увидев Мансараму. — Как ты похудел! Уж не заболел ли? Что случилось? Поди сюда!

— У меня душа болит, — ответил Мансарам, улыбувшись. — Нет ли у вас лекарства от этого недуга?

— Дай-ка я тебя осматрю. Ты так изменился, что тебя трудно узнать.

Доктор взял Мансараму за руку, пощупал пульс, затем прослушал грудь, спину, осмотрел глаза, язык.

— Я сегодня же увижусь с господином адвокатом, — взволнованно проговорил он. — По всем признакам у тебя туберкулез.

— Значит, скоро все будет кончено? — нетерпеливо спросил юноша. — Сколько дней мне еще осталось жить?

— Что ты говоришь! Я увижусь с господином адвокатом и посоветую отправить тебя куда-нибудь в горы. Бог даст, ты скоро поправишься. Сейчас болезнь в самой начальной стадии.

«Значит, болезнь затянется на несколько лет, — подумал Мансарам. — Я не могу столько ждать».

— Послушайте, — сказал он, — нет у меня никакого туберкулеза. Я ни на что не жалуюсь. И, пожалуйста, не беспокойте отца понапрасну. Сейчас у меня просто болит голова. Вы бы лучше дали мне такое лекарство, от которого можно уснуть! Я не спал уже две ночи.

Доктор открыл шкафчик с ядовитыми лекарствами, отлил несколько капель в пузырек и протянул его Мансараму.

— Что это, яд? — спросил юноша. — Можно умереть, если выпьешь?

— Ну, нет! Умереть — не умрешь, а голова наверняка закружится.

— А есть такие яды, от которых умирают?

— Конечно есть. Вон стоит пузырек: капли из него достаточно, чтобы отправиться на тот свет. Смерть наступает мгновенно.

— Скажите, доктор, это очень мучительная смерть?

— Смотря какой яд. Есть и такой, от которого умирают сразу. Вот флакон с таким ядом. Человек теряет сознание и уже больше не приходит в себя.

«Оказывается, расстаться с жизнью не так уж трудно! — подумал Мансарам. — Тогда почему же люди боятся смерти? Как бы мне заполучить этот флакон? Если я спрошу название лекарства и попытаюсь его купить, аптекарь мне его все равно не продаст. Впрочем, если постараться, можно раздобыть этот яд!»

Когда Мансарам понял, что покончить с собой легко, он так обрадовался, словно получил драгоценный подарок. Огромная тяжесть свалилась с его плеч. Тучи сомнения рассеялись. Впервые за эти дни он почувствовал необыкновенный прилив сил.

В этот вечер несколько пансионеров отправились с разрешения директора в театр, и Мансарам пошел вместе с ними. Он был так весел, что казалось, счастливей его никого не было на овете. Глядя на сцену, он буквально

умирал от смеха, первым начинал аплодировать и без устали кричал «бис». Он пьянел от музыки и пения и восторженно вскрикивал: «Вот здорово! Вот это да!» Зрители оборачивались в его сторону, и даже актеры бросали на него со сцены удивленные взгляды: откуда, мол, взялся этот веселый и непосредственный юнец? Но больше всего удивлялись его несдержанности товарищи Мансарамы: ведь он всегда был таким уравновешенным и серьезным! Почему же сегодня он так разошелся? Чему так радуется?

Веселое настроение не покинуло Мансараму и после того, как он в два часа ночи возвратился из театра. Он опрокинул чью-то кровать, запер комнату, где находилось несколько мальчиков, и хохотал до упаду, слушая, как они стучатся в дверь, пока, наконец, не проснулся от шума воспитатель и не сделал ему замечание. И никто не знал, какая страшная буря бушует в его душе! Жестокое подозрение отравило его сознание. Теперь он ничего не боялся — ни брани, ни упреков. Это было не радостное веселье, а горький плач сердца.

Когда все мальчики уснули, Мансарам тоже лег, но сон не приходил. Немного погодя он встал, собрал все свои книги и положил их в ящик. К чему заниматься, если все равно скоро умирать? Смерть куда лучше жизни, которая приносит одни несчастья и муки.

С такими думами Мансарам встретил рассвет. Третью ночь подряд юноша не сомкнул глаз, и теперь, когда он поднялся, ноги его дрожали, голова кружилась. Глаза его лихорадочно блестели, а все тело ломило от страшной усталости. У него не было сил даже умыться.

Вдруг Мансарам увидел Бхунги, которая шла по двору рядом с кахаром и несла что-то завернутое в платок. Сердце его замерло. О боже! Неужели приехала она? Что теперь будет? Бхунги, наверно, пришла не одна. Коляска, должно быть, осталась на улице. И хотя минуту назад Мансарам с трудом поднялся с кровати, сейчас он со всех ног бросился к служанке.

— Что, мама здесь? — взволнованно спросил он. И только когда услышал, что Нирмала не приехала, немного успокоился.

— Почему ты вчера не пришел? Госпожа тебя весь день прождала, — начала Бхунги. — И чего ты так сердишься на нее, сынок? Она сказала, что никогда никому

на тебя не жаловалась. А сегодня позвала меня и говорит: «Отнеси ему ладду и спроси, неужели он ушел из дому из-за меня?» Куда поставить блюдо?

— Поставь его себе на голову, старая дура! — грубо оборвал ее Мансарам. — Убирайся отсюда! Не нужно мне ее милостыни! И смотри больше не приходи! Передай, что мне ничего не нужно, дом — ее, пусть она живет там спокойно! Мне и здесь хорошо. Скажи, что я сыт и живу весело. Слышишь? Так и скажи, при отце, поняла? Я не боюсь, пусть делают что хотят. А если что — уеду! В Аллахабад, в Лакнау, в Калькутту. Мне ведь все равно, что Бенарес, что другой город. Что я здесь потерял?

— Сынок, возьми ладду, не то она умрет от горя. Поверь, правда умрет!

— Ну и пусть! — вскричал Мансарам, отчаянным усилием сдерживая слезы. — Как можно жалеть змею, которая тебя ужалила! Передай ей — пусть больше ничего мне не присылает. Мне от нее ничего не нужно.

— Ты говоришь, что тебе хорошо, а сам смотри как похудел! И половины не осталось!

— Это тебе только кажется, Бхунги. Вот увидишь, я скоро поправлюсь. Скажи ей еще, чтобы она не плакала. С чего бы это? Сначала выгнала меня из дому, а теперь показывает свою любовь! Знаю я эти женские хитрости.

Бхунги ушла. Мансарам буквально трясло во время этого разговора. Чтобы сыграть свою роль, ему пришлось подавить в себе все чувства, а это для него было самым трудным. Каждое лживое слово возмущало его честную душу, и он хотел только одного: быстрее все кончить. Но чего он добился? Сможет ли Нирмала вынести такой удар? До сих пор, погруженный в мысли о самоубийстве, он не думал ни о ком другом, но сейчас вдруг понял, что его жизнь принадлежит не ему одному. Нирмала может подумать, что она виновна в его гибели. Разве перенесет ее нежное сердце такой удар? Жизнь мачехи, и без того горькая, станет невыносимой, если ее будут терзать эти страшные сомнения.

Мансараму вдруг стало нестерпимо холодно. Он лег на кровать и накинул на себя одеяло, но озноб не проходил. Вскоре у него начался сильный жар, и он впал в полузабытье. Глаза юноши застлал туман странных видений. Потом озноб усилился. Время от времени Ман-

сарам приходил в себя, открывал глаза, но тут же снова терял сознание.

Мансарам вздрогнул и сразу очнулся: он вдруг услышал голос отца. Да, да, это был его голос! Отбросив одеяло, он соскочил с кровати. Больше всего ему хотелось сейчас умереть, тут же, на глазах у отца. Мансараму казалось, что отец только обрадуется его смерти.

«Может быть, он и пришел для того, чтобы посмотреть, долго ли я еще проживу!» — пронеслось в голове юноши.

Видя, что Мансарам едва стоит на ногах, адвокат поддержал его за руку и спросил:

— Как себя чувствуешь, сынок? Почему не в постели? Ложись! Тебе нельзя вставать.

— Напрасно вы беспокоитесь, я чувствую себя превосходно!

Тотарам промолчал. Он видел, в каком состоянии его сын, и с трудом сдерживал слезы. Цветущий юноша, от одного взгляда на которого, бывало, сердце радовалось, теперь напоминал живой скелет. За какие-то пять-шесть дней он так похудел, что его трудно было узнать.

Тотарам уложил сына в постель, старательно поправил одеяло и задумался: «Что же делать дальше? А вдруг мальчик умрет?» Сердце адвоката мучительно сжалось, он опустил на стул и заплакал. Мансарам тоже всхлипывал, уткнувшись лицом в одеяло.

Совсем еще недавно Тотарам гордился здоровьем сына. Но сейчас он прекрасно понимал, в каком тяжелом состоянии находится Мансарам. И все же адвокат раздумывал: «Брать его домой или нет? Ведь получить лечение можно и в пансионе! Я сам готов ухаживать за ним день и ночь. И доктор здесь есть. Так что все уладится».

Возвращение сына домой, напротив, повлекло бы за собой, как думалось адвокату, массу тревог и неприятностей. Больше всего он боялся, что Нирмала будет ухаживать за Мансарамом, и ему придется с этим примириться. Одна мысль об этом причиняла ему страдания.

В это время в комнату вошел воспитатель.

— Я, конечно, понимаю, — сказал он, — вы хотите взять мальчика с собой. Тонга¹ у вас есть, так что за-

¹ Тонга — двухколесный экипаж, напоминающий пролетку.

труднений не будет. Правильно делаете! Здесь за ним не будет такого ухода, как дома.

— Да, да,— пробормотал адвокат.— Я именно для этого и приехал. Но сын, кажется, очень нездоров. Боюсь, что от тряски ему станет хуже.

— Конечно, это причинит мальчику некоторое беспокойство, но сами понимаете, дома ему будет лучше. Кроме того, больных учеников оставлять в пансионе не разрешается.

— О, на этот счет не беспокойтесь. Я получу согласие у директора. Мне кажется, что в таком состоянии его нельзя трогать с места.

Когда адвокат упомянул о директоре, воспитатель подумал, что ему угрожают, и раздраженно обронил:

— Директор не может пойти против закона. Да и я не возьму на себя такую ответственность!

Что тут было делать? Адвокат надеялся оставить Мансараму в пансионе именно под тем предлогом, что боится, как бы ему не стало хуже после дороги. Конечно, можно было бы поместить сына в больницу, но тогда все скажут, что он пожалел денег на лечение. Приходилось везти сына домой, другого выхода не было. Если бы воспитатель согласился принять взятку, он дал бы ему немало, может быть столько, сколько тому не заработать и за несколько лет. Но разве у таких служак хватит на это ума? Подскажи кто-нибудь сейчас предлог, который позволил бы ему не брать сына домой, он воспринял бы это как благодеяние. Но раздумывать было некогда. Воспитатель стоял перед ним, словно злой гений. Адвокат был вынужден позвать слуг и принялся поднимать Мансараму. Несчастный лежал в полузабытии. Когда его приподняли, он востропел и спросил:

— Что такое? Кто это?

— Не бойся, сынок! — успокоил его Тотарам. — Я хочу отвезти тебя домой. Дай я возьму тебя на руки.

— Зачем домой? — вскричал Мансарам. — Я туда не поеду!

— Здесь тебе нельзя оставаться.

— Нет, нет! Везите меня куда хотите, хоть оставьте под открытым небом, но только не домой!

— Не обращайте внимания на его слова, — сказал воспитатель. — Он бредит.

— Кто бредит? — воскликнул Мансарам. — Я?.. Нет, я в полном сознании. Позвольте мне остаться здесь. Что будет, то будет. А если уж нельзя, отвезите меня в больницу. Суждено мне жить — выживу, суждено умереть — умру. Но домой я ни за что не поеду!

Обрадованный внезапной поддержкой сына, адвокат вновь принялся упрашивать воспитателя, но этот слушак ничего не хотел слушать и твердил свое:

— Если болезнь заразная и другие ученики заболеют, кто будет тогда отвечать?

Все доводы Тотарама оказались бесполезными.

— Сынок, почему ты не хочешь ехать домой? — наконец спросил он Мансараму. — Там тебе будет спокойнее, чем здесь.

Задавая этот вопрос, адвокат больше всего боялся, как бы сын не передумал. А вдруг он согласится вернуться домой? Что тогда? Тотарам уже решил отправить его в больницу, но хотел снять с себя ответственность. Все происходило на глазах у воспитателя, он всегда мог заверить, что Мансарам поместили туда по его же собственному желанию и отец тут ни при чем.

— Нет, нет, тысячу раз нет! — сердито ответил Мансарам. — Домой не поеду. Отвезите меня в больницу! И всем домашним запретите ко мне приходить. Ничего со мной особенного не случилось. Не так уж я тяжело болен. Отойдите от меня, я пойду сам.

Мансарам встал и направился к двери, шатаясь, как пьяный, но тут ноги у него подкосились, и если бы адвокат его не поддержал, он упал бы. С помощью слуг Тотарам вынес сына из школы и усадил в коляску.

Они ехали к больнице. Все было так, как того хотел Тотарам, и сейчас он радовался даже этому несчастью. Ведь сын ехал в больницу по собственному желанию! Разве это не является доказательством того, что Мансарам к дому ничто и никто не привязывает? Разве из этого не следует, что Мансарам невиновен? Значит, он подозревал его напрасно?

Но через несколько минут удовлетворение в душе адвоката сменилось чувством подавленности и уныния. Почему он везет своего любимца не домой, а в больницу? Неужели в его большем, просторном доме нет места для родного сына, да еще сейчас, когда его жизнь в опасности? Какой позор! И тут же мелькнула мысль:

«А что, если Мансарам разгадал мои намерения? Не потому ли он и возненавидел свой дом? Горе мне, если это так!»

Когда адвокат подумал об этом, ему стало страшно, и сердце так заняло, словно его чем-то кольнули. Неужели сын и заболел от этого? *Помилуй бог!*

В ту минуту Тотарам был достоин сочувствия. Огонь, который он развел для того, чтобы согреть свои коченеющие руки, охватил теперь весь дом. Сердце его содрогалось от жалости, горя, раскаяния и страха. Каждый, кто услышал бы рыдания его души, заплакал бы вместе с ним! Охваченный горем, он посмотрел полными любви глазами на мертвенно бледное лицо сына, прижал Мансараму к своей груди и разрыдался.

Впереди показались ворота больницы.

Глава одиннадцатая

Когда вечером Мунши Тотарам вернулся из суда, Нирмала спросила его:

— Вы его видели? Как он себя чувствует?

Тотарам заметил, что на лице Нирмалы не было и тени озабоченности или беспокойства. Она была сегодня наряднее, чем обычно: ожерелье, которое она никогда раньше не надевала, сегодня красовалось на ее шее, и даже не любимый ею джумар¹ сверкал в ее черных как смоль волосах, прикрытых краем полупрозрачного шелкового сари, словно драгоценный камень на солнце.

— Как же он может себя чувствовать? Болеет, — ответил Тотарам и отвернулся.

— Почему же вы не привезли его сюда? Вы ведь хотели! — продолжала Нирмала.

— Он не хочет! — с раздражением возразил адвокат. — Не тащить же мне его силой! Как я его только не уговаривал. Здесь-то ведь ему было бы куда лучше... Но стоило мне упомянуть о доме, как его прямо затрясло. Я, говорит, лучше умру, а домой не вернусь! В конце концов пришлось отправить его в больницу. Что же еще оставалось делать?

С веранды вошла Рукмини.

¹ Джумар — женское головное украшение.

— Такой уж он упрямый! — сказала она. — Теперь он домой ни за что не вернется. Но, помяните мои слова, в больнице мальчик тоже не поправится.

Тотарам помрачнел еще больше. Потом, обращаясь к Рукмини, проговорил:

— Было бы хорошо, если бы ты присмотрела за ним хоть несколько дней. Можешь ты посидеть у его постели? Это успокоило бы его. Прошу тебя, сестра, уважь мою просьбу. Если к Мансараму никто не придет, он умрет с тоски. Он и так все время плачет и только повторяет: «Мама! Мама!» Пойдем со мной, я как раз собираюсь в больницу. Чувствует он себя очень плохо. Исхудал страшно. Бог знает что с ним дальше будет!

При этих словах Тотарам разрыдался, но Рукмини осталась невозмутимой:

— Я-то, конечно, пойду. Если это спасет жизнь Мансараму, я готова переселиться в больницу. Но запомни, брат, мои слова: в больничной палате он не поправится. Я Мансараму прекрасно знаю. Ничем он не болен, просто тоскует по дому. Я лихорадка у него от этой тоски. Так что, какие бы лекарства ему ни давали, каким бы врачам его ни показывали — ему ничто не поможет!

Тотарам начал оправдываться:

— Я же не гнал его из дому. Я просто думал, что в пансионе он будет лучше учиться...

— Что бы ты там ни думал, а заболел он именно из-за этого! — возразила Рукмини. — Со мной ты совсем перестал считаться, я теперь не имею права и слова сказать! Хозяин здесь — ты, хозяйка — твоя жена. Кто меня будет слушать? Я только вдова, живущая вашей милостью. Но запомни одно: Мансарам поправится только тогда, когда вернется домой и когда ты будешь относиться к нему как раньше.

С этими словами Рукмини повернулась и направилась к выходу. Она-то прекрасно понимала смысл того, что происходило перед ее утратившими былой блеск, но так много видевшими в жизни глазами! Однако весь ее гнев обращался против ни в чем не повинной Нирмалы. Она даже остановилась, чтобы сказать, что пока эта красавица останется в доме, дела в семье будут идти все хуже и хуже; и хотя она не высказала эту мысль вслух, Тотарам понял, что хотела сказать сестра.

Когда Рукмини вышла, адвокат опустил голову и задумался. Его вдруг охватила такая злость на самого себя, что он готов был биться головой о стену. Для чего он только женился? Зачем ему это понадобилось? Бог дал ему не одного сына, а целых трех. Самому ему уже за сорок. Для чего же он женился вторично? Наверно, за это бог его и покарал!

Адвокат поднял голову, еще раз взглянул на точеную неподвижную фигурку Нирмалы и отправился в больницу. Равнодушное выражение красивого лица жены немного успокоило его: впервые за много дней у Тотарама стало легче на душе. Разве может сердце, страдающее от любви, оставаться безразличным в такие минуты? Конечно нет. Как бы человек ни умел владеть собой, ему не скрыть своих сердечных страданий!

Теперь Тотарам горько раскаивался в своей душевной слабости. Как он был глуп со всеми этими ничем не обоснованными подозрениями! Напрасно он так думал про Мансарам! Больше всего адвокат боялся сейчас одного: неужели Мансарам догадался? Наверное догадался! Поэтому он и не хочет возвращаться домой! Какое несчастье! Что же будет?

При одной этой мысли сердце Тотарама затрепетало, а тело ослабло. Стремясь заглушить охватившее его волнение, адвокат приказал извозчику гнать быстрее. Только сегодня рассеялся густой туман, много дней окутававший его душу, и все вокруг прояснилось.

Он высунул голову наружу — уж не заснул ли извозчик? Никогда еще бег лошади не казался ему таким медленным!

В больнице адвокат сразу же прошел к Мансараму. Увидев около постели сына озабоченно склонившегося над ним врача, Тотарам совсем упал духом. Язык не повиновался ему. Дрожащим от волнения голосом он спросил:

— Ну как, господин доктор?

И, не выдержав, разрыдался. Врач чуть помедлил с ответом, и адвокат почувствовал, как больно сжалось его сердце. Он бросился к кровати и, по-детски всхлипывая, обнял сына. Мансарам лежал без сознания. Тело его горело как в огне. Только один раз он приоткрыл глаза. О боже, каким страшным и каким печальным был его взгляд!

Обнимая сына, Тотарам спросил:

— Что с ним, господин доктор? Что же вы молчите?

Тот неуверенно прогворил:

— Сами видите, в каком он состоянии. Температура высокая — сто шесть градусов¹, — и все время повышается. Я делаю, что могу, но все в руках божьих. С тех пор как вы ушли, я ни на шаг не отходил от больного. Даже поесть некогда. Положение критическое: трудно предугадать, что будет через минуту. Очень уж высокая температура. Больной почти не приходит в сознание, все время бредит, зовет мать. Может быть, у вас дома что-нибудь случилось?

Не успел доктор договорить, как Мансарам приподнялся и начал сталкивать адвоката с кровати.

— Зачем вы меня мучаете? — кричал он, словно безумный. — Убейте меня! Убейте! Где нож? Неужели даже веревки нет? Дайте мне ее! Скорей! Я сам надену петлю на шею! Мама, мама, где ты?

Затем сознание снова оставило его.

Адвокат с ужасом посмотрел на безжизненное тело Мансарамы, потом схватил доктора за руку и взмолился:

— Господин доктор, спасите моего мальчика, заклинаю вас! Спасите его, ради бога, а не то я тоже умру! Я не богат, но не пожалею денег, я все сделаю — только спасите его! Может быть, вы соберете консилиум? Я заплачу всем знаменитостям. Я не в силах видеть, как мучается мой сын! О бедный мой Мансарам, жизнь моя, надежда моя!..

— Сказать по правде, я со своей стороны сделал для больного все возможное, — с сочувствием ответил доктор. — Вы советуете проконсультроваться с другими? Ну что ж, я как раз собирался пригласить для консилиума доктора Лахири, докторов Бхатию и Матхура, а также Винаяка Шастри. Но не хочу вас обнадеживать — положение больного очень серьезное.

— Пршу вас, не говорите так! — сквозь слезы пробормотал Тотарам. — Неужели бог на меня разгневался? Вызовите лучших врачей из Бомбея и Калькутты! Спасите его, и я до конца дней своих буду вашим рабом!

¹ 41,1° по Цельсию.

Ведь Мансарам — гордость нашей семьи, опора моей жизни. Как подумаю о том, что произошло, прямо сердце разрывается! Дайте ему какое-нибудь лекарство, чтобы он пришел в себя и сам сказал, что его мучает! О, бедное дитя!

Доктор попытался успокоить адвоката:

— Не волнуйтесь, прошу вас, вы ведь взрослый человек! Поймите же наконец, что слезами делу не поможешь и армия докторов тут ни к чему. Лучше успокойтесь и сядьте. Я уже вызвал лучших в городе врачей. Посмотрим, что они скажут! Но только возьмите себя в руки! А то вы сами того гляди упадете в обморок.

— Хорошо, господин доктор, — согласился адвокат. — Я больше не скажу ни слова; делайте все, что считаете нужным. Жизнь Мансарамы в ваших руках, только вы можете его спасти. Но я хочу сейчас одного: чтобы он хоть ненадолго пришел в себя, узнал меня, понял мои слова. Разве у вас нет какого-нибудь орудства? Ведь мне нужно сказать ему так немного!

С этими словами адвокат снова склонился над Мансарамом и взволнованно стал его звать:

— Сынок, открой глаза. Открой хоть на секунду! Как ты себя чувствуешь? Ты слышишь меня? Я сижу здесь, рядом с тобой, и плачу! Мне не в чем тебя упрекнуть, я на тебя совсем не сержусь!

Доктор еще раз попытался образумить Тотараму:

— Послушайте, господин адвокат, вы же не ребенок! Ведите себя, как подобает мужчине!

— Хорошо, — согласился Тотарам. — Я больше не скажу ни слова, делайте что хотите. Все надежды я возлагаю на вас. Только помогите мне объяснить мальчику, что он передо мной ни в чем не виноват! Прошу вас, придумайте что-нибудь, господин доктор! Или скажите ему сами, что здесь у его постели рыдает отец, который до сих пор заблуждался и жестоко поплатился за свою ошибку. Скажите ему только это, и больше мне ничего не надо. Тогда я буду сидеть тихо и даже рта не раскрою! Но, пожалуйста, скажите ему то, о чем я прошу!

Тут терпение доктора лопнуло.

— Перестаньте, ради бога! — прикрикнул он на Тотараму. — Не то мне придется удалить вас отсюда! Сидите тихо и ждите, а я ненадолго отлучусь: надо известить врачей о консилиуме.

Бессердечный эскулап! Какой же отец может оставаться спокойным, когда его сын при смерти? Тотарам прекрасно понимал, что сейчас причитаниями делу не поможешь, но он не мог сидеть и терпеливо ждать. Если бы это была обыкновенная, случайная болезнь, он, наверно, так бы не волновался, а просто объяснил врачам, что произошло. Но как сохранить присутствие духа, если ты сам во всем виноват? Ведь никто даже не поверит, что на свете есть такие жестокие отцы!

Тотарам проклинал себя и думал: «Почему же у меня возникло это нелепое подозрение? Почему я поверил в него без всяких доказательств?» Но он и сейчас не был уверен, что смог бы поступить иначе, если бы все повторилось. Эта женитьба вырвала у него из-под ног почву и лишила всякой уверенности. Из-за нее на него посыпались всяческие несчастья.

«Но в конце концов, — думал Тотарам, — я ведь не совершил никакого преступления! Все люди рано или поздно женятся и живут счастливо. Ради этого счастья они и вступают в брак. Сотни людей из нашего квартала женились во второй, третий, четвертый и даже в седьмой раз, хотя многие были гораздо старше меня. И все живут в свое удовольствие, пока живется, да еще переживают своих жен. Чем же я хуже других? Почему моя женитьба всем помешала? Мой отец женился в пятьдесят пять лет, а когда я родился, ему было не меньше шестидесяти. Сейчас, конечно, не те времена. Женщины тогда хоть и были неграмотными, зато почитали и уважали мужей, что бы те ни делали. В этом вся суть! Хотя, с другой стороны, если юноше противно жить со старухой, то каково же молодой девушке со стариком? Да, но ведь я-то еще не старик. Больше сорока мне на вид не дашь! Конечно, жениться в моем возрасте на такой молоденькой девушке было неблагоразумно. Женщина, правда, если говорить о порядочной женщине, от природы гораздо целомудреннее мужчины, и в то же время добрее и неприхотливее. Достаточно того, что брак равный — и сколько бы мужчин ни увивалось вокруг нее, она сохранит овою чистоту. Но если брак неравный, женщина тоскует и стыдится даже взглянуть на кого-либо: она стыдится себя. Счастливая жена подобна каменной стене, которую ничто не может опрокинуть, несчастная

же — это глинобитная ограда, которая держится только до тех пор, пока ее не толкнешь».

Погруженный в подобные мысли, Тотарам задремал, и чувства, переполнявшие его душу, излились в скорбных видениях. Ему снилось, будто его первая жена стоит над Мансарамом и говорит, обращаясь к мужу: «Что вы сделали с ним? Вы убили нашего сына, моего мальчика. У вас нет сердца! Как вы могли так подумать о моем мальчике? Что же вы плачете сейчас? Ведь вы сами отказались от него, и я беру его к себе из ваших жестоких рук. Раньше вы не были таким, но едва успели жениться, как вас начали мучить сомнения. Вы истерзали доверчивое сердце моего сына! Вам никогда не смыть это позорное пятно. Примириться с таким ужасным оскорблением может лишь тот, кто потерял всякую совесть, — только не мой сын. Он этого не перенесет!» С этими словами она взяла Мансарам на руки и направилась к двери. Тотарам, рыдая, бросился к ней, пытаясь ее удержать, отнять сына... и проснулся. Около него стояли доктор Лахири, доктор Бхатия и еще несколько врачей.

Глава двенадцатая

Прошло три дня. Мунши Тотарам не отходил от сына и даже не появлялся дома. Рукмини успела за это время побывать в больнице дважды, мальчики также навестили Мансарам, но как могла пойти к нему Нирмала? Ведь она была скована по рукам и ногам!..

Нирмала хотела знать все о Мансараме, но если она спрашивалась о его здоровье у Рукмини, то слышала в ответ одни только колкости, а когда начинала расспрашивать Джиярама и Сиярама, те мололи несусветную чушь. Ей хотелось самой пойти в больницу и разузнать обо всем, но она боялась, что Тотарам вновь начнет подозревать сына и каким-нибудь поступком помешает его выздоровлению. А врачам ведь все равно! Им нет дела до близких больного; их интересует только одно — деньги. Куда отправляется их пациент — в ад или в рай — им совершенно безразлично.

В душе Нирмалы росло желание пойти в больницу, дать врачу тысячу рупий и сказать: «Это — ваше, только

спасите Мансарам!» Но у нее не было таких денег и не хватало мужества, чтобы так сделать. В то же время она знала, что если бы она стала навещать Мансарам, он бы скорее поправился. Для него в больнице недоставало самого главного — душевного тепла. За три дня у него даже температура не снизилась. Нирмала знала, что он болен не столько телом, сколько душой. Его недуг сразу пройдет, когда он обретет душевный покой. Если бы ей удалось провести в больнице хоть одну ночь, не вызывая подозрений мужа, думала она, Мансарам, может быть, поверил бы, что отец ни в чем не винит его, и начал бы выздоравливать.

Но все это было неосуществимо. Что скажет Тотарам, когда увидит ее в больнице? Что он сейчас о ней думает? Когда он уходил в больницу, ей показалось, что он рассказывает в своей ошибке. А вдруг получится так, что едва она придет к больному, как подозрения мужа воскреснут с новой силой и Мансарам этого не выдержит?

Три дня Нирмала не могла ни на что решиться.

В эти дни в доме не разводили огня, не накрывали на стол; для ребят приносили с базара сдобные лепешки. А Рукмини и Нирмала так и ложились спать голодными. До еды ли им было!

На четвертый день, когда Джиярам, навестив после школы больного, вернулся домой, Нирмала засыпала его вопросами:

— Ты был у Мансарамы? Ну как он? Лучше или нет?

Джиярам ответил сквозь слезы:

— Сегодня он даже не бредил. Лежит молча, и у него все время судороги. Так страшно!

Нирмала побледнела:

— А отец твой там?

— Там. Сегодня он плакал.

Сердце Нирмалы сжалось.

— Что говорят врачи? — спросила она.

— Врачи все шепчутся между собой. Самый главный врач сказал по-английски, что нужно сделать переливание крови. Отец услышал и говорит: «Возьмите мою кровь! Берите сколько нужно». А врач засмеялся и отвечает: «Ваша кровь не годится, нужна кровь молодого организма». А потом он впрыснул в руку Манса какое-то лекарство. Игла была длинная, пальца в четыре, не

меньше, но он даже не застонал. А я от страха зажмурился.

Решимость приходит только в моменты сильных душевных потрясений. Еще недавно над Нирмалой довлел страх, и она казалась такой пришибленной. А сейчас в ее глазах вдруг загорелся огонь, и она твердо решила: если это спасет жизнь Мансарамы — она отдаст ему свою кровь до последней капли. Пусть муж думает о ней что угодно — теперь это ее не беспокоило. Она попросила Джиярама:

— Беги, достань поскорее тонгу! Я еду в больницу!

— Но Мансарамы сейчас смотрят врачи, много врачей, — возразил он, — лучше подождать до вечера.

— Нет, беги за тонгой сейчас же!

— А отец не рассердится?

— Ну и пусть сердится! Делай, что тебе говорят.

— Я ему скажу: «Мама велела позвать тонгу».

— Хорошо, скажи.

Джиярам побежал за тонгой, а Нирмала тем временем причесалась, переоделась, надела свои украшения и, пожевав бетеля, вышла на террасу.

Рукмини сидела в своей комнате. Услышав, что Нирмала собирается в больницу, она спросила:

— Куда это ты направляешься?

— В больницу!

— А для чего?

— Просто взглянуть. Что можно делать в больнице? За людей там все делает бог.

— Сидела бы лучше дома.

Нирмала вежливо возразила:

— Я сразу же вернусь, сестра. Джия говорит, что Мансараме очень плохо. У меня душа не на месте. А вы не поедете?

— Я уже была там. Врачи советуют сделать мальчику переливание крови. Только это может спасти его. Но кто согласится отдать свою кровь? Ведь это опасно для жизни.

— Для этого я и еду в больницу. Как вы думаете, сестрица, подойдет моя кровь?

— Наверно, сгодилась бы. Ты молодая. Но лучше эту кровь вылить в реку, а не спасать ею Мансараму.

Нирмала не ответила на эти колкие слова. Вместе с Джиярамом она сразу же отправилась в больницу.

А Рукмини долго еще стояла на пороге дома и плакала. Сегодня у нее впервые проснулось доброе чувство к невестке. Будь это в ее власти, она связала бы ее и никуда не пустила. Смутные опасения закрались в ее сердце. Куда заведет Нирмалу сострадание? Рукмини боялась, что слишком далеко. От жалости один шаг до греха. А этот путь ведет к гибели.

Нирмала приехала в больницу, когда уже зажгли лампы. Консилиум окончился, и врачи разошлись. Температура у Мансарамы немного спала. Он лежал, устремив взгляд на дверь, словно ожидая, что через нее в палату вот-вот войдет какое-то неведомое божество. Он не признавал даже, где он, но, увидев Нирмалу, вздрогнул и сел на кровати. Взгляд его стал осмысленным, сознание вернулось к нему. Он пристально посмотрел на мачеху, затем отвернулся. Вдруг послышался резкий голос Тотарамы:

— Зачем ты сюда пожаловала?

Нирмала не могла выговорить ни слова. Этот вопрос поставил ее в тупик. О чем он спрашивает? И что можно на это ответить? Разве не ясно без всяких расспросов, что она пришла навесить больного родственника! Уж не сходит ли она с ума? Ведь она столько раз слышала от мальчиков о страданиях и раскаянии мужа. Ей казалось, что теперь-то все его подозрения рассеялись. Но сейчас она видела, что ошиблась. И жестоко ошиблась. Если бы она знала, что даже ливень не погасит огонь его подозрений, она бы скорее умерла, но не пошла в больницу!

— Зачем ты сюда пожаловала? — повторил Тотарам.

— А зачем вы сами сюда пожаловали? — с внезапной смелостью ответила Нирмала.

Это уж было слишком! Тотарам вышел из себя. В ярости он вскочил с кровати и схватил Нирмалу за руку.

— Тебе незачем сюда являться. Придешь, когда я тебя позову. Понятно?

И тут случилось то, чего она опасалась больше всего. Мансарам, у которого до этого не было сил даже шевельнуть рукой, вдруг вскочил и, рыдая, припал к ее ногам.

— Мамочка! За что вы так мучаетесь из-за меня! Я никогда не забуду вашей доброты! Я только об одном молю бога, чтобы в следующем перевоплощении моя душа вселилась в плоть, рожденную вами. Только так я смогу отдать вам свой долг. Видит бог, я не считал вас своей мачехой. Вы были для меня матерью. Вы не намно-

го старше меня, но мне вы заменили мать. И я всегда относился к вам, как к матери. Не могу больше говорить... Мама! Простите меня! Больше я вас никогда не увижу...

— Ну зачем ты так говоришь? Через несколько дней ты поправишься,— еле сдерживая рыдания, произнесла Нирмала.

Мансарам тихо прошептал:

— У меня нет желания жить, нет сил...

С этими словами он потерял сознание и упал на пол.

Нирмала смело посмотрела в лицо мужу:

— Что говорят врачи?

— Они сделали все, что могли. Осталось только одно — переливание крови.

— Если мы найдем здоровую кровь, удастся спасти Мансараму?

Адвокат строго посмотрел на Нирмалу:

— Я не бог всемогущий и доктора не считаю им.

— Разве мало людей, у которых здоровая кровь? — продолжала Нирмала.

— Звезд на небе тоже много,— возразил Тотарам.— А ты попробуй-ка достань хоть одну!

— Я дам свою кровь. Позовите доктора!

Тотарам остолбенел:

— Ты?

— Да, я. Разве моя кровь не годится?

— Ты дашь свою кровь? Разве это так необходимо? Ведь это же опасно!

— А кому нужна моя жизнь?

У Тотарама на глаза навернулись слезы:

— Нет, Нирмала, никогда твоя жизнь не была мне так дорога! До сегодняшнего дня я просто любил тебя, но теперь преклоняюсь перед тобой. Я был так несправедлив к тебе! Прости меня!

Глава тринадцатая

Случилось неизбежное. Кто удержит сорвавшуюся с тетивы стрелу? Доктор даже не успел взять кровь у Нирмалы; Мансарам, в последний раз проявив благородство своей души, ушел из этого мира, мира ошибок и сомнений. Может быть, он и жил до этой минуты только потому, что все время думал о Нирмале и ждал ее. Разве

мог он умереть, не исполнив своего долга, не убедив отца в ее нравственной чистоте? Теперь его заветная цель была достигнута: адвокат поверил в невиновность жены. Но какой ценой? Стрела сорвалась с тетивы, измученный путник отправился в свой последний путь.

Смерть сына перевернула всю жизнь Мунши Тотарама. С того дня улыбка ни разу не появлялась на его лице. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Он по-прежнему ходил в суд, но не для того, чтобы вести какие-то дела, как раньше, а просто так — лишь бы отвлечься от мрачных мыслей. Уже через час-другой он возвращался к себе в самом подавленном настроении. Он садился обедать, но кусок застревал в горле. Нирмала готовила ему любимые его блюда, однако адвокат и к ним почти не притрагивался. Все вызывало у него отвращение. Стоило ему подойти к комнате Мансарамы, как он чувствовал, что сердце его разрывается от боли. Дом, где раньше сияли лучи надежды, погрузился в мрак скорби. Правда, у Тотарама оставались еще два сына, но разве могли они заменить Мансараму? Разве можно утешиться, глядя на слабые побегов после гибели цветущего дерева! Конечно, все люди умрут, и молодые и старые. Но Тотарам, сознавая, что он собственными руками убил сына, страдал невыносимо. Стоило ему подумать об этом, как сердце его тоскливо сжималось.

Нирмала искренне сочувствовала мужу и старалась, как могла, облегчить ему жизнь. Ни одним словом, ни одним намеком не напоминала она о случившемся. А сам адвокат не заговаривал с ней о Мансараме: ему было больно и стыдно. Порой у него возникало желание раскрыть перед Нирмалой душу, но чувство неловкости связывало его язык. Он не мог найти успокоения, которое приходит, если человек поделится с кем-нибудь своим горем.

Яды организма, не находя выхода, подтачивают здоровье изнутри. Тотарам молча страдал и худел с каждым днем.

За последнее время адвокат близко познакомился с доктором, лечившим Мансараму. Заходя к нему, врач каждый раз успокаивал Тотарама, иногда уводил его с собой на прогулку. Судха, жена доктора, тоже несколько раз навестила Нирмалу. Скоро и сама Нирмала стала бывать в их доме. Но после каждого такого посещения она

по несколько дней ходила сумрачной. Она не могла не расстраиваться, когда видела эту счастливую супружескую пару и сравнивала их жизнь со своей. Доктор получал всего двести рупий в месяц, но тем не менее и он и его жена были довольны судьбой. В их доме была только одна служанка, и Судхе приходилось самой хлопотать по хозяйству. У нее было очень мало украшений, но любовь, которая связывала ее с мужем, не нуждалась в драгоценных побрякушках. Судха буквально расцветала, когда видела мужа, а тот рядом с ней чувствовал себя безмерно счастливым. Дом Тотарама был куда богаче докторского, многочисленные драгоценности Нирмалы даже в сравнение не шли с украшениями Судхи, и ей почти ничего не приходилось делать самой. Но, несмотря на это, Нирмала чувствовала себя несчастной, а Судха была вполне довольна своей скромной жизнью. У Судхи было то, чего недоставало Нирмале, и в сравнении с этим все богатства Нирмалы казались ничтожными. Теперь, отправляясь в дом доктора, она даже стыдилась надевать свои украшения.

Однажды, когда Нирмала пришла в гости к жене доктора особенно грустной, та спросила ее:

— Ты сегодня чем-то опечалена. Уж не заболел ли господин адвокат?

— Что об этом говорить! Ему с каждым днем становится все хуже и хуже. Не знаю, чем это кончится.

— Мой муж считает, что ему надо переменить климат, иначе он серьезно заболеет. Он уже не раз говорил об этом господину адвокату, но тот уперся на своем: «Я чувствую себя прекрасно и ни на что не жалуюсь!» Хоть бы ты его уговорила!

— Если он доктора не слушает, то на мои слова и давно не обратит внимания,— проговорила Нирмала, еле сдерживая слезы.

И вдруг все страхи и сомнения разом нахлынули на нее, разрывая ей сердце. Она не могла больше терпеть. Она должна была высказаться!

— Судха! Я сама вижу, в каком он ужасном состоянии! Что с ним только будет?

— Втолкуй ему, что он должен обязательно переменить климат! Пусть он проведет хоть несколько месяцев за границей, тогда все забудется! Я даже думаю, что если он переедет хотя бы в другой дом, он перестанет так

тосковать. Жаль, что тебе не удастся поехать с ним за границу. Сколько тебе осталось до родов?

— Идет восьмой месяц, но я о ребенке и думать не могу. Чем я прогневала бога? За что он послал мне еще и это испытание? О боже, какая я несчастная? За месяц до свадьбы умер мой отец, и с тех пор закатилась звезда моего счастья. Люди, с которыми уже сговорились о моей свадьбе, нарушили свое слово. У бедной мамы дела шли все хуже и хуже, и ей пришлось выдать меня замуж за Тотарама. А теперь на очереди свадьба младшей сестры. Как только сложится ее жизнь?

— А почему та семья нарушила уговор о свадьбе? — спросила Судха.

— Наверно, потому, что отец умер, а без него кто же мог дать им столько денег?

— Какая низость! Откуда эта семья?

— Из Лакнау. Фамилии я не помню. Знаю только, что это семья какого-то крупного чиновника из акцизного управления.

— А чем занимался их сын? — вдруг заинтересовалась Судха.

— Да ничем. Кажется, где-то учился. Но в семье на него возлагали большие надежды.

Судха опустила голову и спросила:

— И он ничего не сказал своему отцу? Не смог настоять на своем?

— Почему я знаю! Деньги все любят. Пандит, который пытался устроить свадьбу, говорил, что жених сам был против этого брака. Мать у него настоящий ангел: она пыталась убедить сына и отца, но напрасно.

— Если бы я знала этого человека, я бы пристыдила его как следует! — сказала Судха.

— Что об этом говорить! Видно, так уж мне на роду написано. Но что будет с бедной Кришной, даже подумать страшно! — тихо промолвила Нирмала.

Вечером, когда Нирмала ушла, Судха спросила мужа, вернувшегося с работы:

— Что бы ты сказал о юноше, который связал себя словом с одной девушкой, а потом погнался за деньгами и женился на другой?

Доктор Бхуванмохан Синха удивленно посмотрел на жену:

— Сказал бы, что не следует так поступать, вот и все.

— А разве ты не считаешь это подлостью, настоящей подлостью?

— Пожалуй.

— А кто, по-твоему, больше виноват,— спросила Судха,— жених или его отец?

Доктор, все еще не понимая, куда клонит жена, недоуменно ответил:

— Это уж смотря по обстоятельствам. Если жених зависел во всем от родителей, виноват отец.

— Как бы ни зависел один человек от другого, у него все равно должно быть чувство долга! Если бы ему понадобился новый костюм, он бы, наверно, его заказал, несмотря на возражения отца. Как же он мог промолчать в таком деле? Согласись, виноваты оба — и жених и его отец, но жених все же больше! Пожилой человек рассуждает по-своему: «Мне, мол, придется вести все расходы, и чем больше денег удастся выманить у родных невесты, тем лучше!» А долг жениха — если только он не законченный подлец — настоять на своем. Если он этого не сделал — значит он скареда, безвольный трус! К несчастью, мой муж именно таким и оказался! Боже мой!..

Синха растерялся:

— Это... это совсем другое дело. Деньги тут ни при чем, все было совсем по-другому. Отец невесты умер. Сама посуди, что нам было делать? Особенно когда стало известно, что у нее столько недостатков. Нет, деньги тут ни при чем... Но кто тебе рассказал?

Судха уклонилась от ответа.

— Какие же пороки были у невесты? — спросила она. — Может быть, она была кривой или горбатой? Может быть, она была дочерью парикмахерши¹ или о ней ходила дурная слава? Почему ты молчишь? Хотела бы я знать все-таки, что это за недостатки?

— Я ее сам не видел, знаю о ней только понаслышке.

— Тогда я скажу тебе: самым большим пороком невесты было то, что отец ее умер и не оставил ей хорошего приданого! Тебе стыдно это признать? Ну что ж! Я не

¹ Работа парикмахера считалась «низким» занятием, и большая часть профессиональных парикмахеров относилась к числу людей, общение с которыми для представителей высших каст было не только предосудительным, но и оскверняющим.

хочу тебя обижать, и если мои слова так неприятны тебе, пропусти их мимо ушей. Можешь, конечно, пустить в ход и палку — воля твоя. Ведь говорят, что женщине это только на пользу! Но все-таки я тебе скажу: если невеста была плоха, тогда и саму богиню Лакшми нельзя считать безупречной! Тебя просто обманули. Видно, тебе было суждено связать свою жизнь со мною.

— Но кто рассказал тебе об этой девушке? — спросил Синха. — Ты ведь ее не видела? Значит, и ты веришь в то, что говорят другие?

— Я не верю сплетням, — возразила Судха. — А ее я видела собственными глазами. Могу еще добавить, что никогда не встречала такой красивой женщины.

Синха заволновался:

— Она где-нибудь здесь? Скажи, где ты ее видела? Она приходила сюда?

— Да, приходила. И не один раз. И я часто бывала у нее в доме. Женщина, которую ты когда-то отверг за ее несуществующие пороки, — жена адвоката.

— Это правда?!

— Истинная правда. Если бы она знала, что ты за человек, ноги бы ее не было в нашем доме. Во всем городе не сыщешь второй такой скромницы, такой хорошей хозяйки, такой красавицы! Вы восхищаетесь мною, а я недостойна быть даже ее служанкой. В доме адвоката всего полно, но если люди друг другу не пара — к чему все это? Однако у нее хватает терпения жить с этим старым, немощным уродом. Я бы на ее месте, наверно, давно уже отравилась. Она же ни словом не выдает свои страдания: смеется, болтает, носит украшения. А у самой сердце обливается кровью.

— Но все-таки она жалуется на адвоката? — спросил Синха.

— Какой толк жаловаться? Разве он ей не муж? Только он у нее и остался в жизни. Пусть он стар, пусть болен — все равно он ее хозяин. Порядочные женщины не осуждают своих мужей, а разве Нирмала похожа на развратницу? Она свое горе переживает молча.

— И как это адвокат решил жениться в таком возрасте, — задумчиво проговорил Синха.

— Если бы не было таких людей, как он, за кого бы выходили бедные девушки? Ведь такие, как ты, о свадьбе и говорить не станут, если у невесты нет денег.

Куда же ей было деваться, бедняжке? Ты поступил несправедливо по отношению к ней, и тебе придется теперь искупить свою вину. Я молю бога, чтобы он послал ей вечное счастье. Но если с адвокатом что случится, вся жизнь Нирмалы будет загублена. Она уже сейчас плачет. Вы, мужчины, в самом деле жестоки. Но своего Сохана я обязательно женю на девушке из бедной семьи.

Последних слов жены доктор уже не слышал, погружившись в свои мысли. Его мучил один вопрос: «А что, если в самом деле с Тотарамом что-нибудь случится? Что тогда?» Теперь Синха ясно видел, сколь непригляден был его поступок. Во всем был виноват, конечно, он. Если бы он сказал отцу о том, что женится только на Нирмале или вообще никогда не женится, разве стал бы тот возражать?

Судха вдруг спросила:

— Хочешь завтра увидиться с Нирмалой? Пусть она узнает, кто ты такой. Она, конечно, ничего не станет тебе говорить, разве только взглядом упрекнет, но ты этот взгляд никогда не забудешь. Ну как, согласен? Я вас быстро познакомлю.

Доктор встревожился:

— Нет, Судха, прошу тебя, не делай этого! Иначе я убегу из дому! Я говорю серьезно.

— Бойтесь пожать то, что сами посеяли? Почему же вы не хотите полюбоваться на мучения той, кого обрекли на пытку? Да, неплохо устроилась ваша семейка! Пять тысяч рупий дал мой отец, женитьба младшего брата принесет вам еще тысяч шесть дохода, и тогда во всем мире не будет дома богаче вашего. Одиннадцать тысяч — огромная сумма. Одиннадцать тысяч! Подумать только! Если сидеть и пересчитывать их монетка за монеткой, не один месяц пройдет! Даже если проматывать эти деньги, и то хватит поколения на три. Кстати, твои почтенные родители уже договорились с кем-нибудь о женитьбе младшего брата?

Доктор молча выслушивал эти насмешки. От стыда он не смел поднять головы. Куда вдруг делось все его красноречие! Он сразу стал каким-то жалким, точно побитая собака. К счастью, в этот момент кто-то позвал его с улицы, и бедняга, облегченно вздохнув, выскочил из комнаты. Да, сегодня он узнал, какую жену послал ему бог!

Вечером, укладываясь спать, доктор спросил Судху:

— У Нирмалы есть сестра?

— Да. Мы как раз сегодня говорили о ней. Ее будущее очень тревожит Нирмалу. Со своей судьбой она уже смирилась, но о сестре думает все время. Ведь у ее матери нет ничего! Придется, видно, и Кришну выдать замуж за какого-нибудь старика.

— Но ведь Нирмала может сейчас помочь своей матери! — возразил доктор.

— Не говори ерунды! — резко оборвала его Судха. — Самое большее, что может сделать Нирмала, это послать матери триста—четыреста рупий, вот и все. У адвоката дела идут неважно, а Нирмале нужно подумать и о будущем. Мы ведь не знаем, что у них творится в доме. Вот уже полгода, как адвокат даже не появляется в суде, а деньги с неба не падают. Есть у них, наверно, тысяча десять—двадцать, но они, конечно, лежат в банке. А у самой Нирмалы нет ни пайсы. Да и расходы у них в семье большие. Если уж мы тратим в месяц двести рупий, то они наверняка расходуют раза в два больше.

Судха скоро уснула, но доктор еще долго ворочался с боку на бок. Потом он встал, сел за стол, и начал что-то быстро писать.

Глава четырнадцатая

Три события произошли одновременно: у Нирмалы родилась дочь, была назначена свадьба Кришны, и дом Мунши Тотарама был продан с аукциона.

В рождении дочери не было ничего необычного, однако Нирмале казалось, что это самое значительное событие. Но два других события тоже были из ряда вон выходящими. Почему эта семья решила взять к себе Кришну? Приданого у нее не было, а старый Бхальчандр Синха, ушедший на пенсию, был известен всем как великий скряга. Как же он согласился на брак сына с девушкой из такой бедной семьи? Это было просто невероятно.

Еще более удивительным событием была продажа дома Мунши Тотарама с аукциона. Люди считали его если не миллионером, то во всяком случае человеком вполне

состоятельным. И вдруг его дом пошел с молотка! А дело было в том, что адвокат взял когда-то солидную сумму денег у ростовщика, чтобы приобрести права на одну заложенную деревню. Он был уверен, что через полгода-год сможет погасить долг, а потом пройдет еще лет пять, и помещик совсем уступит ему свою землю, запутавшись в закладных, долгах и процентах. Деревня была очень большая и приносила до пятисот рупий дохода. Но все планы Тотарама так и остались планами. Он еще заставлял себя ходить в суд, однако заниматься делами все равно не мог. Горе отняло у него способность работать. Разве найдется на земле хоть один столь бессердечный отец, который после убийства родного сына будет жить как ни в чем не бывало!

Ростовщик целый год не получал денег и, когда Тотарам не пожелал прийти к нему, хотя он несколько раз просил об этом, начал терять терпение. В последний раз адвокат прямо заявил этому господину, что он ему не раб и что тот может делать что хочет. Ростовщик пришел в ярость и возбудил судебное дело. Но Тотарам даже не явился в суд.

Решение суда прозвучало для всех как гром с ясного неба. Откуда было адвокату взять нужную сумму? Теперь ему всюду отказывали в кредите, и в конце концов дом пошел с молотка.

Нирмала была в это время в родильном доме. Узнав о случившемся, она чуть не заболела с горя. Хотя она и не видела в жизни настоящего счастья, но все же до сих пор ей не приходилось страдать от нужды. Конечно, деньги в жизни не самое главное, но они необходимы. Теперь еще одна забота свалилась на ее голову.

Нирмала послала кормилицу к мужу с наказом продать все ее драгоценности¹, чтобы спасти дом, но адвокат отказался наотрез.

С того дня Мунши Тотарам еще более помрачнел. От его богатства, от счастья, о котором он мечтал, когда женился, остались одни воспоминания. Смертельно усталый от всего, он не смел даже показаться на глаза Нирмале. Он понял, что был несправедлив к жене. А рожде-

¹ Продажа женских драгоценностей считается большим позором, и на нее решаются лишь в случае крайней необходимости.

ние девочки окончательно убило его. Он так ждал сына!¹

На двенадцатый день с новорожденной на руках Нирмала вернулась из родильного дома. Она выглядела такой довольной, словно ее и не тревожила мысль о близкой нужде. Нежно обнимая свою дочурку, она забывала о всех невзгодах. Стоило ей посмотреть в широко раскрытые, сияющие глаза ребенка, как сердце ее начинало биться от радости. Чувство материнской любви помогало ей забывать все огорчения.

Нирмале очень хотелось, чтобы муж взял дочку на руки, но девочка чем-то отпугивала адвоката, и он всячески избегал к ней прикоснуться. Лишь однажды Тотарам печально взглянул на девочку и сразу же отвернулся: она была так похожа на Мансарам!

Но Нирмала истолковала этот жест по-своему и еще крепче прижала девочку к себе, как бы говоря: «Если ты тяготишься ею, я не позволю и тени твоей упасть на нее. И как только ты можешь так относиться к сокровищу, которое досталось мне после стольких невзгод».

В ту же минуту, прижимая девочку к груди, она ушла к себе в комнату и выплакалась там вволю. Она не пыталась даже разобраться в поведении мужа. Нирмала забыла, какую тяжесть он носит в душе. Подумай она об этом, и для нее все стало бы ясным! Тогда она перестала бы считать его жестоким.

Зато Тотарам сразу понял свою ошибку. Сердце матери настолько переполнено любовью к своему ребенку, что ее ничуть не пугают житейские невзгоды и заботы о завтрашнем дне. Она чувствует, что в ее душе скрыта неведомая, необыкновенная сила, способная преодолеть все трудности!

Адвокат пришел в комнату к Нирмале, взял дочку на руки и проговорил:

— Мансарам, я помню, был совсем таким же. Как они похожи!

— И Рукмини говорит то же самое,— согласилась Нирмала.

¹ Главной целью брака индийцы считают рождение сына, так как сын является не только наследником имущества и продолжателем рода, но и единственным исполнителем погребальных и поминальных церемоний, обеспечивающих душам его родителей «вечное блаженство».

— Смотри,— продолжал адвокат,— такие же огромные глаза и такие же ярко-красные губки. Бог вернул мне Мансарам в облике этой девочки. И лоб у нее такой же. О всевышний, воистину пути твои неисповедимы!

В комнату зашла Рукмини и сказала, обращаясь к брату:

— Посмотрите, ну чем это не Мансарам? И все так говорят, не я одна. Вылитый Мансарам! Он и умер как раз год назад.

Теперь адвоката невозможно было остановить:

— Сестрица! Взгляни-ка. И тельце у нее совсем такое же. Ну конечно! Бог вернул мне моего Мансарам! И, обращаясь к ребенку, адвокат проговорил:

— Ну, что ты плачешь? Ты же Мансарам! Только не вздумай уйти от меня! Я тебя не отпущу. Как жестоко поступил сын, когда ушел от меня. Но я обрел его снова — не так ли? Не оставляй меня! Смотри, Рукмини, как девочка глядит на нас!

С этого часа надежда на счастье вновь воскресла в душе Тотарама. Любовь к дочери вернула его к жизни.

Человеческая жизнь! Как ты ни коротка, законы твои вечны! Тот самый Тотарам, который испытывал отвращение ко всему, который день и ночь молил бога о смерти, теперь изо всех сил ухватился за эту последнюю иллюзию, как цепляется за соломинку утопающий, стараясь добраться до берега.

Но кому из тонущих удавалось достигнуть суши с помощью столь ненадежной опоры?

Глава пятнадцатая

Как ни была Нирмала занята по хозяйству, она не могла остаться дома, получив известие о свадьбе Кришны. Мать настойчиво приглашала ее приехать. И самым интересным было то, что Кришна выходила замуж в тот самый дом, из которого раньше был жених Нирмалы. Но почему-то на сей раз эта семья согласилась на свадьбу без всякого приданого. Это тоже было прелюбопытно.

Нирмалу очень тревожило будущее Кришны. «Неужели сестренку ждет такая же судьба, как и меня?» — думала она. Ей очень хотелось помочь матери деньгами, чтобы подыскать Кришне достойного жениха. Но с того

дня, как ростовщик предъявил иск и дом был продан, это стало невозможным. Поэтому, когда Нирмала узнала о том, что сестра устроена, у нее будто гора свалилась с плеч. Она твердо решила ехать к матери.

Тотарам проводил ее на вокзал. Он успел по-настоящему полюбить свою маленькую дочку и не хотел с ней расставаться. Ради дочки он даже готов был поехать в гости вместе с женой, но Нирмала решила, что ему неудобно приезжать за целый месяц до свадьбы.

Нирмала никогда не рассказывала матери о своих невзгодах. Для чего ее огорчать и расстраивать! Поэтому старая Кальяни была уверена, что дочери живется хорошо. Но, увидев свою Нирмалу, она сразу опечалилась. Разве это дело, когда молодая женщина приезжает в гости из дома мужа такой изможденной! Тем более Нирмала, у которой есть все, что нужно для счастья. Сколько раз Кальяни видела, как девушки выходили замуж рыдая, дурнели от горя и страха, а потом приезжали в гости к родителям счастливыми, в полном расцвете молодости и красоты.

«Какая красавица, наверно, теперь Нирмала! — думала Кальяни до встречи с нею. — Пополнела, должно быть! Ведь она теперь настоящая женщина!» Но то, что она увидела, поразило ее. От Нирмалы, которую она знала, не осталось и половины. Прежняя живость исчезла, цветущая красота юности, которая некогда очаровывала душу, поблекла; от мягкой нежности счастливого подростка не осталось и следа. Вместо этого — пожелтевшее лицо, потухший взгляд, исхудавшее тело. В девятнадцать лет она уже казалась немолодой.

Когда, наконец, двоюродные сестры оставили Нирмалу в покое, мать спросила ее:

— Что с тобой? Тебя там не кормят? Когда ты жила здесь, ты выглядела куда лучше! Трудно тебе приходится?

Кришна засмеялась:

— Она же там хозяйка. А у хозяйки тысяча дел, так что самой и поесть некогда.

— Да, мама, несладко мне, — ответила Нирмала. — И чувствую я себя неважно.

— А господин адвокат принял приглашение? — спросила мать. — Вот приедет, тогда я спрошу у него: «Что вы сделали с моей славной девочкой?» Ну, ладно! А

теперь объясни, зачем ты прислала мне деньги? Я ведь тебя об этом не просила. Как бы мне ни было тяжело, я никогда не позволю себе брать деньги у дочери.

Нирмала удивилась:

— Какие деньги? Я вам ничего не посылала.

— Не ври. Разве не ты прислала мне пятьсот рупий?

— Если не ты, значит эти деньги свалились с неба, — вмешалась Кришна. — Но только на переводе ясно написано твое имя и стоит штамп того места, где ты живешь.

Нирмала ничего не могла понять.

— Клянусь вам, никаких денег я не посылала. Когда вы их получили?

— Месяца два назад, — ответила мать. — Но если деньги посылала не ты, кто же мог это сделать?

— Откуда я знаю! Только я не посылала. Муж после смерти сына даже в суд перестал ходить, а у меня ничего нет. Откуда же взялись эти деньги?

Пришла очередь матери удивляться:

— Очень странно! У тебя там нет никаких родственников? А может быть, адвокат послал деньги тайком от тебя?

— Нет, мама! Я уверена, он не мог этого сделать!

— Тогда нужно выяснить. А деньги я потратила на наряды и украшения для Кришны. Как трудно все это было устроить!..

Тут младшие братья из-за чего-то заспорили, и Кришна вышла из комнаты, чтобы утихомирить их. Воспользовавшись этим Нирмала спросила мать:

— Как все это случилось, мама? Я так удивилась, когда узнала о свадьбе.

— Не ты одна — все удивляются! — ответила мать. — Я сама толком не пойму. Те же люди, которые раньше расстроили уже решенное дело, только бы не потерять какие-то гроши, сейчас вдруг согласились на свадьбу без всякого приданого. Ведь они сами прислали письмо! Я им ответила, что у меня нет ничего, кроме дочки-бесприданницы.

— И что же они?

— Приехал пандит с письмом и все твердил, что теперь им ничего не нужно. Им-де стыдно за то, что они нарушили тогда свое слово. Я прямо не ожидала от них

такого великодушия. Правда, дошли до меня слухи, что это их сын, всеми уважаемый человек, убедил отца.

— А ведь раньше этот господин сам любил денежки! Не так ли?

— Да,— согласилась мать.— Но пандит сказал, что теперь он питает к деньгам отвращение. И еще я слышала, что он очень жалеет о том, что ваша свадьба тогда расстроилась. А о деньгах он теперь и не думает. Он взял в приданое кругленькую сумму, но жена ему не по душе.

Нирмале вдруг неудержимо захотелось увидеть этого человека, который поступил с ней так некрасиво, а теперь вдруг решил устроить жизнь ее сестры. Допустим, он делает это для того, чтобы загладить свою вину перед ней. Но много ли найдется людей, готовых вот так искупить свой грех? Нирмале хотелось поговорить с этим человеком. Она бы не стала его упрекать, усугублять раскаяние. Пусть только взглянет на ее красоту,— этого будет достаточно.

Спать сестры улеглись в одной комнате. Они долго обсуждали всякие новости: кто в их квартале вышел замуж, у кого родились дети, чья свадьба была пышнее, кому достался хороший муж, кто какие принес подарки и тому подобное. Кришна несколько раз порывалась спросить у сестры о ее жизни, но Нирмала умышленно избегала этой темы. Она знала, что ей стыдно будет отвечать на вопросы Кришны. Наконец Кришна улучила удобный момент.

— А твой муж приедет? — спросила она сестру.

— Сказал, что приедет.

— Теперь он доволен тобой или у вас все по-прежнему? Я слышала, что человек, женившийся во второй раз, в жене души не чает. А у тебя, я вижу, наоборот. Почему же он все-таки такой?

— Откуда мне знать, что творится в чужой душе?

— А я думаю, он недоволен твоей холодностью,— вдруг заявила Кришна.— В тебе ведь все кипело, когда ты уходила к нему в дом. Сказала ему, наверно, что-нибудь, вот и пошло...

— Дело не в этом,— возразила Нирмала.— Могу тебе поклясться, что моя душа перед ним чиста. И пока это будет в моих силах, я буду ухаживать за ним и угождать ему. Будь на его месте сам бог, я бы и то не могла сделать для него больше. Знаешь, ведь он меня любит! Но

мы оба ничего не можем поделать с тем, что не в нашей власти: он не может превратиться в юношу, а я — стать старухой. Каких он только соков и витаминов не перепробовал, чтобы помолодеть! А я все стараюсь постареть и поэтому совсем не ем молочного. Если я похудею, разница в возрасте, может быть, не будет такой заметной. Только ни от его молодящихся блюд, ни от моего поста нет никакого толку. К тому же после смерти Мансарамы он совсем сдал.

— А ты очень любила Мансараму? — поинтересовалась Кришна.

— Этого юношу нельзя было не полюбить, увидев хоть раз. Я не встречала ни у кого таких больших, чудесных глаз! На лице у него не было и тени печали. А какое сердце билось в его груди — храброе и благородное!.. Если бы нужно было, он, не раздумывая, прыгнул бы в огонь. Знаешь, милая Кришна, когда он приходил и сидел рядом со мной, я забывала обо всем. Мне хотелось, чтобы он все время был возле меня, и я могла бы на него любоваться. Но в моих мыслях не было и намека на что-то низкое. Если бы в моей душе хоть на миг возникло какое-то другое чувство, я бы, наверно, сгорела от стыда. Не знаю почему, но когда я его видела, у меня прямо сердце замирало от радости. Поэтому-то мне и приходилось разыгрывать прилежную ученицу: ведь иначе его не удержишь дома! Но теперь я знаю, если бы в душе у него проснулась страсть, я пошла бы на все что угодно.

— Молчи, Нирмала, как ты можешь так говорить?

— Да, ужасно слышать такие вещи. Наверно, я очень плохая. Но никто не в силах переделать человеческую душу. Ответь мне на один вопрос, но только откровенно: что бы ты сделала, если бы тебя выдали замуж за старика?

— Я бы отравилась. Я не смогла бы даже смотреть на него!

— Теперь ты меня понимаешь? Мансарам не смел на меня и глаз поднять, но старики так мнительны... И вот мой муж возненавидел его. В конце концов свел юношу в могилу. О боже! Никогда не забуду его последний взгляд. Я пришла к нему в больницу... Он лежал в лихорадке, без сознания... У него не было сил даже подняться. Но лишь только он услышал мой голос, как вскочил с кровати, закричал: «Мама, мама!» — и упал к моим ногам.

Нирмала тихо заплакала.

— В ту минуту, Кришна, мне хотелось отдать ему свою жизнь. Он потерял сознание у моих ног и уже больше не открывал глаз. Доктор хотел сделать ему переливание крови... Потому-то я и помчалась в больницу, едва узнала об этом, но врачи опоздали. Смерть опередила их.

— А переливание крови спасло бы ему жизнь? — спросила Кришна.

— Кто знает! Но я была готова отдать ему всю свою кровь до последней капли. Мансарам умирал, но его лицо все равно сияло, как солнце. Если бы он не бросился к моим ногам, ему, возможно, успели бы сделать переливание крови и спасли...

— Почему же ты не удержала его?

— Какая ты глупенькая. До сих пор ничего не поняла. Ведь он припал к моим ногам, чтобы показать, что наши отношения были только отношениями матери и сына! Он хотел рассеять подозрения отца. Только для этого он и встал с постели. Он отдал свою жизнь для того, чтобы избавить меня от страданий. Его последнее желание осуществилось: с того дня Тотарама словно подменили. Сейчас мне его просто жалко. Скорбь может свести его в могилу. Эти страдания — возмездие за то, что он сомневался в моей чистоте. Ты испугаешься, когда увидишь, во что он сейчас превратился. Весь как-то согнулся — настоящая развалина!

— А почему старые мужья так подозрительны?

— Это ты у них спроси.

— Я думаю, — сказала Кришна, — что бес недоверия сидит у них в сердце и отнимает счастье у молодых девушек. Потому-то они и подозревают всех по любому поводу.

— Если знаешь сама, зачем же спрашиваешь? — упрекнула сестру Нирмала.

— Просто так. Должно быть, они, бедняги, сами мучаются из-за этого. А со стороны люди смотрят и думают, что такой муж очень любит свою жену.

— И откуда ты только успела все это узнать? Ну, хватит об этом. Скажи-ка лучше, тебе нравится твой жених? Ты видела его хотя бы на фотографии?

— Да, карточка у меня есть. Принести?

Нирмала не успела ответить, как Кришна уже принесла фотографию жениха и показала сестре.

Нирмала улыбнулась:

— Ты счастливица!

— Маме он очень понравился,—проговорила Кришна.

— А тебе? Самое главное, чтобы тебе понравился.

Кришна смутилась:

— На вид ничего, а какой у него характер — один бог знает. Правда, пандит говорил, что немного найдется таких скромных и порядочных молодых людей, как он.

— А ему переслали твою фотографию?

— Конечно, отправили с пандитом.

— Ну и как? Понравилась ты ему?

— Откуда же мне знать? Пандит только сказал, что жених остался очень доволен.

— Ну вот и славно! А теперь, Кришна, скажи, что тебе подарить? Говори сейчас, чтобы я могла заказать подарок заранее.

— Подари что хочешь. Он очень любит читать. Купи хорошие книги.

— Я спрашивала про подарок для тебя, а не для него.

— Так это будет подарком и для меня.

Нирмала еще раз посмотрела на фотографию.

— У него вся одежда из кхаддара.

— Да, он любит эту ткань,—подтвердила Кришна.— Мне рассказывали, что он ходит по деревням и сам продает кхаддар. Говорят, он очень хороший оратор.

— Пожалуй, тебе тоже придется носить платье из кхаддара, хоть это и очень грубая ткань,—сказала с улыбкой Нирмала.

— Если кхаддар нравится жениху, придется и мне его полюбить,—возразила Кришна.— А знаешь, я уже умею обращаться с прялкой! — с гордостью добавила она.

— Да ну? — изумилась Нирмала.— И прясть уже научилась?

— Да, немного. Если мой жених так почитает кхаддар, он, наверно, и прясть умеет. А я и подавно должна знать, как обращаться с прялкой. Вот я и учусь, чтобы не осрамиться перед ним.

Наконец сестры уснули. Часа в два ночи Нирмала проснулась — заплакала дочка. Она вдруг заметила, что кровать Кришны пуста. Нирмала удивилась — куда могла уйти сестра среди ночи? Может быть, попить? Но вода стояла рядом с ее кроватью. Нирмала несколько

раз позвала Кришну, однако ответа не последовало. Она забеспокоилась. В голову полезли всякие страхи. Потом ее осенило: может быть, Кришна у себя в комнате? И когда девочка уснула, Нирмала направилась в комнату сестры.

Ну конечно, она была там. Пока все в доме спали глубоким сном, Кришна сидела за прялкой и пряла. Она была поглощена этим занятием больше, чем театральным представлением.

— Что ты здесь делаешь? — изумилась Нирмала. — Нашла время сидеть за прялкой!

Кришна вздрогнула и смущенно потупила взгляд:

— А ты почему не спишь? Воду я тебе принесла.

— Я тебя спрашиваю! Тебе что, дня мало? Почему ты прядешь по ночам?

— Днем у меня совсем нет свободного времени, — оправдываясь, проговорила Кришна.

Нирмала взглянула на пряжу:

— Хорошая нить, тонкая!

— Ну что ты! — возразила Кришна. — Разве это тонкая пряжа? Мне хочется ссучить пряжу еще тоньше и соткать ему на тюрбан. Это будет моим подарком.

Нирмале понравилась затея сестры.

— Это ты хорошо придумала. Нет ничего дороже, чем такой подарок. Ну, а сейчас кончай, завтра допрядешь. А то свалишься от усталости, и все твои труды пропадут.

— Нет, сестрица! Ты иди спи! Я скоро приду!

Нирмала больше не настаивала. Она вернулась в спальню, легла, но долго не могла сомкнуть глаз. Нирмала снова видела сестру, увлеченную работой, и ее охватило какое-то непонятное, щемящее чувство. Как, должно быть, бьется сердечко Кришны от радости! Как опьяняет ее любовь! И невольно Нирмала вспомнила о своей свадьбе. Ей пришел на память день помолвки, тот самый день, когда она разом утратила всю свою девичью живость, все веселье. Она сидела тогда в своей комнате, оплакивала судьбу и молила бога о смерти. Наверно, ни один преступник не ожидает казни с таким ужасом, с каким она ждала своей свадьбы. Она словно предчувствовала, что эта свадьба до основания разрушит все ее надежды, что жертвенный огонь, зажженный в свадебной беседке, испепелит все ее мечты о счастье.

Глава шестнадцатая

Месяц пролетел незаметно, и вот, наконец, пришел радостный день свадьбы. Дом был полон гостей. За день до бракосочетания приехал Мунши Тотарам, а с ним Судха. Правда, Нирмала особенно на этом не настаивала, но та сама выразила желание поехать.

Нирмале больше всего хотелось увидеть старшего брата жениха и при случае поблагодарить его за благородный поступок.

Судха в шутку спросила ее:

— А ты сможешь с ним разговаривать?

— Что же здесь особенного? — удивленно возразила Нирмала. — Сейчас между нами совсем другие отношения. В крайнем случае, если я не смогу с ним разговаривать, ты ему все скажешь вместо меня.

— Ну нет, милая моя! На это и не надейся. Я ведь его совсем не знаю!.. Как же я буду разговаривать с незнакомым мужчиной?

— Человек он, наверно, неплохой! А потом, ты ведь не собираешься выходить за него замуж. Ничего страшного не будет, если ты скажешь ему пару слов. Будь здесь доктор, я бы конечно добилась, чтобы он заставил тебя это сделать.

— Разве у людей с добрым сердцем обязательно должен быть благородный нрав? — возразила Судха. — Ни один из мужчин не стыдится пялить глаза на незнакомую женщину!

— Ну ладно, — сдалась Нирмала. — Я сама с ним поговорю. Пускай смотрит на меня сколько хочет.

В комнату вошла Кришна, и Нирмала решила подшутить над ней:

— Скажи, Кришна, почему ты сегодня такая серьезная?

Но Кришне было не до шуток.

— Тебя муж зовет, — сказала она. — Поди узнай, в чем дело, а потом можешь болтать всякие глупости. Он чем-то недоволен.

— А что с ним, ты не знаешь?

— Похоже, что заболел, хмурым сидит.

— Надо было его успокоить, посидеть с ним, поговорить, а ты прибежала сюда. Благодарю бога, что тебе не

достался такой муж. Поди к нему, развесели его чем-нибудь. Да побудь с ним подольше! Старики любят рассказывать всякие истории, если молодые слушают их и зря не болтают.

Кришна не согласилась:

— Нет уж, иди сама. Я к нему не пойду.

Когда Нирмала вышла, Судха спросила Кришну:

— Свадебная процессия уже, наверно, подходит?

Когда же будут встречать жениха?

— Не знаю. У пандита, по-моему, уже все готово.

Судха вдруг переменяла тему разговора:

— Я слышала, у невестки жениха очень скверный характер.

— А откуда вы знаете? — полюбопытствовала Кришна.

— Мне говорили. Поэтому я вас и предупреждаю. Вам с ней нелегко придется.

— Но я никогда ни с кем не ссорюсь. И неужели она будет на меня злиться просто так, ни за что?

— Я слышала, что именно так это и бывает. Она скандалит без всякого повода.

— Я знаю одно, — решительно сказала Кришна, — кротость смягчает даже камни.

Вдруг с улицы донесся шум приближающейся свадебной процессии. Собеседницы подбежали к окну. Через мгновение к ним присоединилась и Нирмала. Ей не терпелось увидеть старшего брата жениха.

— А как мы узнаем его среди гостей? — спросила Судха.

— Спросим у пандита Мотерама, — быстро нашлась Нирмала. — Вон на слоне отец жениха. Интересно, а почему это доктор оказался в процессии? Смотрите, он на лошади!

— Да, да, это он, — подтвердила Судха.

— Он, наверно, дружен с семьей жениха, — проговорила Нирмала. — А может быть, он их родственник.

— Вот не знала! — воскликнула Судха. — Когда увижусь с ним, обязательно спрошу.

— А господин, который сидит в паланкине, совсем не похож на брата жениха, — продолжала Нирмала.

— Ни капельки, — согласилась Судха. — У него, по-моему, и туловища-то нет — один сплошной живот.

Нирмала недоумевала:

— Никак не могу разобрать, кто это сидит на другом слоне.

— Это тоже не брат жениха,— заметила Судха.— Ему, наверно, уже за сорок.

— Жаль, что пандит Мотерам сейчас занят церемонией встречи жениха, а то можно было бы у него спросить.

В комнату влетел Наи, слуга, которого Кальяни прислала к Нирмале за деньгами, так как ключи от сундуков были у нее. Понадобилось несколько рупий для церемонии встречи жениха. Наи в свое время ездил с пандитом Мотерамом договариваться о свадьбе. Нирмала его спросила:

— Нужны деньги?

— Да, госпожа.

— Сейчас дам. Только сперва скажи, ты сможешь узнать старшего брата жениха?

— Конечно! Вон он, впереди процессии!

— Где? Я не вижу.

— Да вон, на коне! Видите?

Нирмала удивилась:

— Да что ты вздор несешь? Какой это брат жениха! Брось дурачиться!.. Если знаешь его, то покажи... Слышишь!..

— Ну что вы! Как же можно ошибиться? Я ведь совсем недавно подавал ему завтрак.

— О боже! Так ведь это же доктор Синха, мой сосед!

— Да, да, он доктор,— подтвердил Наи.

Нирмала посмотрела на Судху.

— Ты слышишь, Судха, что он говорит?

Еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Судха сказала:

— Он врёт!

— Ну ладно; пускай я вру. Тогда давайте спросим у кого-нибудь из тех, кому вы поверите. Хотя бы у пандита Мотерама.

В этот момент Мотерам сам появился во дворе и начал кричать:

— Теперь один только бог может спасти честь этого дома. Куда делся Наи? Ушел за деньгами час назад и до сих пор его нет!

— Идите сюда, пандит-джи! — позвала Нирмала Мотерама. — Сколько вам нужно? Я сейчас достану!

Ворча и отдуваясь, Мотерам поднялся вверх.

— Нашли время заниматься разговорами! — бубнил он. — Давай скорее деньги!

— Сейчас, сейчас, — нетерпеливо ответила Нирмала. — Уж и в окно посмотреть нельзя! Только покажите нам сначала старшего брата жениха.

— О боже! Для такой чепухи заставили меня лезть на небо! Как будто Наи не мог его показать!

— Он говорит, что это тот самый человек, который едет верхом на лошади.

— Ну конечно! — подтвердил Мотерам. — А кто же еще? Он и есть.

Наи торжествовал:

— Я ей все время твержу об этом, а она не верит!

Нирмала посмотрела на Судху со смешанным чувством нежности, любви и наигранной обиды:

— Так, значит, ты всё это время разыгрывала меня? Знай я об этом раньше, ни за что не пригласила бы тебя сюда. Какая же ты скрытная! И так ты, наверно, обманываешь меня уже не первый месяц? Ну хоть бы случайно, хоть бы словом обмолвилась! А я-то столько дней места себе не нахожу.

— Если бы ты узнала об этом раньше, ты не стала бы ходить ко мне.

— Вот несчастье! Я ведь уже несколько раз разговаривала с доктором! И во всем виновата ты. Полюбуйся, Кришна, на свою невестку! Опасайся этой плутовки!

Кришна не согласилась:

— А я буду перед ней преклоняться! Хвала богу за то, что он дал мне возможность увидеть ее.

— Теперь мне все понятно, — прервала ее Нирмала, обращаясь к Судхе. — Это ты подстроила дело с деньгами. Если ты и это будешь отрицать, я просто тебя убью — честное слово!

— Нельзя покушаться на гостей в своем доме!

— Посмотри-ка! Вот еще новости! Я написала тебе пару строк только из вежливости, а ты и в самом деле приехала.

— Ах, вот как!.. — засмеялась Судха.

— Я теперь никогда к тебе не приду. Хоть бы намекнула, что от доктора надо скрываться!

— А что плохого в том, что ты его увидела? И он тоже — он, наверно, проклял бы свою судьбу, если бы ни разу не увидел тебя! Как бы он мог тогда узнать, кого он потерял, погнавшись за деньгами? А теперь он увидел тебя и раскаивается. Он, конечно, ничего не говорит, но в душе, я думаю, сожалеет о своей ошибке.

— Я к тебе больше никогда не приду,— повторила Нирмала.

— Ну что ж, зато я к тебе буду приходить почаще. Дорогу в твой дом я знаю!

Тем временем церемония встречи жениха окончилась, и гостей пригласили к завтраку. Доктор Синха сел рядом с Мунши Тотарамом. Нирмала увидела обоих через бамбуковую циновку, и сердце ее дрогнуло, но она сразу же сумела взять себя в руки. Один был олицетворением здоровья, молодости, ума, а другой... Лучше и не говорить!

Сколько раз Нирмала видела доктора, но сегодня она смотрела на него совершенно другими глазами. Ей хотелось подозвать его, наговорить дерзостей, оскорбить, напомнить обо всем, довести до слез... Но чувство жалости к нему удерживало ее.

Свадебная процессия направилась в покои для гостей. В доме готовились угощения, и Нирмале пришлось ваяться различными блюдами. Неожиданно к ней обратилась служанка:

— Вас зовет Судха! Она у вас в комнате.

Нирмала оставила свои подносы и, встревоженная, направилась к себе. Но на пороге она внезапно остановилась. В комнате был доктор.

Судха увидела ее и улыбнулась:

— Это я послала за тобой! Вот он — делай с ним что хочешь! Дверь я закрыла, и убежать он не сможет.

— Да куда мне бежать? — растроганно сказал доктор. — Мне осталось только склонить перед вами голову и сгореть со стыда.

В ответ Нирмала смиренно проговорила:

— Делайте в жизни только добро, тогда не ошибетесь, это — единственное, о чем я вас прошу.

Вскоре после свадьбы Кришны Судха уехала. Однако Нирмала задержалась у родителей. Хотя муж часто писал ей и просил вернуться, она не торопилась. Ей просто не хотелось ехать к нему: в его доме ее ничто не привлекало. А здесь она с удовольствием помогала матери по хозяйству и присматривала за младшими братьями. Если бы адвокат приехал сам, она, может быть, и согласилась бы уехать, но во время свадьбы девушки из их квартала так жестоко посмеялись над ним, что он даже и не помышлял о повторном визите к родителям жены. Судха тоже прислала несколько писем, но Нирмала отделивалась разными отговорками. Наконец в один прекрасный день Судха явилась сама со своей служанкой.

После поцелуев и объятий Судха спросила Нирмалу:

— Ты, кажется, боишься возвращаться к мужу?

— Да, Судха, боюсь. Три года прошло с того дня, как меня выдали замуж за Тотарама. И сейчас мне кажется, что я там умру. Теперь никто не придет ко мне в гости, никто не позовет к себе.

— А зачем к тебе приходиться? Когда захочется, можешь сама пойти к кому-нибудь. А твой адвокат очень беспокоится.

— В самом деле? Наверно, по ночам не спит?

— Какое у тебя бесчувственное сердце! — укоризненно сказала Судха. — Ты бы видела Тотарама, на него ведь смотреть страшно! Все жалуется: не с кем, мол, и поговорить в доме, ни сына нет, ни дочери — никого! Он так страдает с тех пор, как переехал в другой дом!..

— Но ведь у него есть еще два сына! — возразила Нирмала.

— Есть-то есть, да только он все время жалуется на обоих. Джиярам совсем от рук отбился, дерзит отцу. Да и младший портится под его влиянием. Бедному адвокату достаточно вспомнить о старшем сыне, чтобы снова дать волю слезам.

Нирмала удивилась:

— Раньше Джиярам совсем не был таким испорченным! И когда он только научился непослушанию? Мне он не перечил, что ни скажу — все делал.

— Не знаю, сестрица! Только я своими ушами слышала, как он говорил отцу: «Вы сами отравили брата,

вы убийца!» И все время язвит по поводу женитьбы на тебе. Вообще говорит такие вещи, что Тотарам то и дело плачет. А однажды он даже бросился на отца с камнем. Чуть не убил!

— Вот негодник! И откуда он взял, что отец отравил его брата?

Нирмала совсем расстроилась.

— Ну, ты его исправишь! — утешала ее Судха.

Теперь у Нирмалы прибавилась новая забота. Если Джиярам дошел уже до того, что бросается с камнем на отца, послушается ли он ее, Нирмалу? Мысль об этом всю ночь не давала ей спать. Невольно она вспомнила Мансараму. Как спокойна была бы ее жизнь, если бы он находился рядом! А теперь? Уж раз Джиярам так ведет себя при отце, разве сможет она с ним ужиться, если с Тотарамом случится беда? Вся семья развалится! И с деньгами плохо: наверно, уже появились новые долги. Доходов-то почти никаких, и помощи ждать не от кого — разве что от бога.

Впервые Нирмалу охватило чувство тревоги за свою дочь. Что только будет с бедняжкой? Чем она прогневала бога? Лучше бы ей совсем не родиться или родиться в богатом доме.

Девочка спала, прильнув к груди Нирмалы, и мать прижимала к себе малышку так крепко, словно кто-то собирался вырвать ее из материнских объятий.

Кровати Нирмалы и Судхи стояли рядом. Нирмала, думая о своем, лежала с открытыми глазами, а Судха безмятежно спала сладким сном. «Неужели она совсем не тревожится за сына? — удивлялась Нирмала. — Но почему? Ведь смерть не делает различия между стариками и молодыми. А она и не думает о завтрашнем дне».

Судха вдруг проснулась и, увидев, что Нирмала все еще не спит, спросила:

— Не можешь заснуть?

— Да, что-то не спится.

— А ты закрой глаза — и сразу уснешь. Мне вот стоит только лечь в постель, и я тут же засыпаю как убитая. Даже не слышу, когда муж уходит! Сама не знаю, почему я так крепко сплю? Может быть, это какая-нибудь особая болезнь?

— Ну конечно, очень тяжелая болезнь! — иронически подтвердила Нирмала. — И главное, затяжная. Тебе нужно поговорить с доктором — он пропишет какое-нибудь лекарство.

— Да ну тебя! Просто дурацкие мысли спать не мешают, — отмахнулась Судха. — Вот только когда вспомню о родительском доме, — не спится!

— А о муже ты не думаешь? — любопытствовала Нирмала.

— А что о нем думать, если я и так знаю, что он после тенниса пришел домой, поужинал и спит себе спокойно!

— Смотри-ка, — сказала Нирмала, — Сохан проснулся! Раз мать не спит, он тоже спать не желает.

— Это правда, Нирмала. Странная у него привычка: всегда засыпает и просыпается одновременно со мной. В прошлой жизни он несомненно был святым. Посмотри, какой у него знак на лбу. И на руках такие же знаки.

— У святых не бывает таких знаков, — возразила Нирмала. — Но, должно быть, в прежней жизни он был каким-нибудь хитрым жрецом. Слышишь, жрец? — шутливо добавила она, обращаясь к Сохану.

— Вот родится у меня дочь, — заявила Судха, и я женю Сохана на ней.

Нирмала искренне удивилась:

— Да что ты говоришь? Где это видано, чтобы брат женился на сестре?

— Что бы там ни говорили, а я все равно так сделаю, — упрямо повторила Судха. — Где я еще найду для него достойную невесту?

Она с любовью склонилась над сыном и вдруг забеспокоилась:

— Что с ним? У него, по-моему, жар. Посмотри, сестрица, может мне это только кажется?

Нирмала коснулась рукой лобика Сохана:

— Да у него и в самом деле жар. И что это с ним случилось?

— Ведь только что спал спокойно, и жара никакого не было. Он, наверно, простыл. Я укурую его, убаюкаю — и к утру все пройдет.

Но к утру Сохану стало хуже. У него начался озноб, температура продолжала повышаться. Глаза его остекленели, головка бессильно поникла. Он больше не сме-

ялся, не лепетал — лежал тихо, безразличный ко всему, и не шевелился. Порой грудь его разрывало от кашля.

Судха встревожилась не на шутку. По мнению Нирмалы, следовало немедленно вызвать доктора, но старая Кальяни была категорически против:

— Врачу здесь делать нечего! Ребенка наверняка кто-то сглазил. Зачем же звать доктора?

— Кто же мог его сглазить? — возразила Судха. — Ведь он и на улице не был.

— Разве сглазить может только чужой? У каждого человека бывает дурной взгляд. Иной раз сами родители могут сглазить ребенка. Ведь этот малыш с того самого дня, как появился здесь, ни разу не заплакал. Я сразу поняла, что это добром не кончится. А когда увидела, как он подпрыгивает на руках, прямо испугалась. Как бы, думаю, чего не случилось! Посмотрите, какие у него глаза! Совсем стеклянные! Конечно, его сглазили!

Старуха служанка и соседка, жена пандита, поддерживали Кальяни. Поэтому к мальчику вызвали знахаря Махангу.

Осмотрев больного, знахарь усмехнулся и сказал:

— Хозяйка! Это дурной глаз, больше быть нечему! Принесите мне поскорее тоненьких травинок и, если дозволит бог, мальчик к вечеру снова будет смеяться!

Махангу принесли пять стебельков сарканда¹. Он связал их в пучок, выравнивал концы стебельков и, зажав пучок в своей неприятно желтой руке, провел им пять раз по личику Сохана, что-то бормоча себе под нос. Когда женщины увидели, что пять одинаковых стебельков чудесным образом превращались в разные по длине, все страшно изумились. Никто больше не сомневался, что ребенка сглазили.

Махангу снова начал водить пучком по лицу мальчика, и травинки стали почти равными. Небольшое различие, которое все же оставалось, доказывало, что действие дурного глаза, хотя и слабое, еще не было уничтожено. Но Махангу успокоил всех, пообещав прийти вечером.

А днем мальчику стало еще хуже. Кашель усилился. Вечером Махангу явился опять и снова начал колдо-

¹ Сарканд — разновидность камыша.

вать со своими травами. На этот раз все травинки по длине оказались одинаковыми, и женщины успокоились. Но кашель Сохана не утихал всю ночь; он так надрылся, что страшно было смотреть.

Судха и Нирмала не сомкнули глаз до утра. К счастью, ночь прошла благополучно. А утром старая Кальяни решила испытать новое средство. Раз Махангу не смог исцелить мальчика от дурного глаза, нужно позвать какого-нибудь маулави, чтобы он прочитал над больным ребенком заклинания. И Судха опять ничего не сообщила мужу о болезни Сохана.

Служанка завернула малыша в простыню и отнесла в мечеть, где над ним читали заклинания. Вечером эту церемонию проделали еще раз, но Сохану лучше не стало.

Когда стемнело, Судха твердо решила, что, если ночью ничего не изменится, она утром даст телеграмму мужу. Но было поздно — в полночь мальчика не стало. Судха потеряла величайшее сокровище своей жизни.

И вот уже все в доме оплакивали того, о чьей свадьбе совсем недавно шли веселые шуточные разговоры. Сердце матери разрывалось от горя. А как, бывало, она радовалась, глядя на своего сына! Все в доме успокаивали Судху, но ее рыдания не затихали. Она утратила мужество. Больше всего ее мучила мысль о том, как она теперь покажется на глаза мужу. Ведь она даже не известила его о болезни Сохана!

Телеграмму доктору отправили только вечером, и на следующий день, часов в девять утра, он приехал на автомобиле. Узнав о его приезде, Судха снова разрыдалась: погребальная церемония уже совершилась. Доктор несколько раз заходил в дом, но Судха к нему не вышла. Ей было страшно показаться ему на глаза. Ведь она сама по своей собственной глупости погубила сына, который был для мужа дороже всего на свете. От одной мысли, что ей придется встретиться с доктором, у Судхи сжималось сердце.

Раньше, когда муж видел мальчика у нее на руках, глаза его сразу теплели. Сохан с трудом добирался до отца, тот брал его на руки, и как мать ни пыталась заманить ребенка обратно, он только крепче прижимался к отцовской груди и, несмотря на все ее ласки и поцелуи, не уходил из объятий отца. Тогда Судха говорила сыну:

«Ах ты, маленький эгоист!» А с чем она выйдет к мужу сейчас? С пустыми руками? Ей было легче умереть, чем увидеть слезы на глазах мужа. И Судха ни на минуту не отходила от Нирмалы, боясь этой встречи.

Нирмала пробовала ее убедить:

— Сестрица, случилось то, что должно было случиться. До каких пор ты собираешься прятаться от него? Мать сказала, что вечером он уедет.

Судха печально посмотрела на Нирмалу:

— С какими глазами я к нему выйду? Я боюсь. Мне кажется, что у меня ноги подкосятся и я упаду.

— Иди, не бойся. Я пойду с тобой, поддержу тебя!

— Только не оставляй меня одну!

— Нет, нет, конечно не оставлю.

— Ох, как сердце бьется! Сама не знаю, почему я осталась жива после такого ужаса! Что с ним теперь будет? Как мне его утешить? Я ведь сама все время плачу... Постой, он когда собирался уехать, вечером?

— Да, вечером. Мне об этом сказала мать. Ему не дали отпуска.

Подруги направились на мужскую половину дома, но когда они дошли до дверей, Судха попросила Нирмалу обождать на пороге. В комнату она вошла одна.

Не зная, что происходит с Судхой, доктор Синха не находил себе места. Самые страшные мысли приходили ему в голову. Он должен был ехать, но горе сделало его ко всему безразличным. Жизнь, казалось, утратила для него всякий смысл. В душе поднимался протест: неужели бог даровал ему сына только для того, чтобы тут же отнять? Он ведь не просил даровать ему потомство! Но когда у него родился сын, даже мысль о том, что он может его лишиться, казалась ему невыносимой. И в самом деле, разве человек — игрушка в руках бога? Где же тогда величие человеческой жизни? Или она подобна игрушечному домику, который дети строят и разрушают без всякой причины? Но дети хотя бы любят свои игрушечные домики, свои бумажные кораблики, своих деревянных лошадок. Хорошие игрушки они берегут. Неужели бог хуже их? Неужели творец вечной жизни взбалмошнее любого ребенка? Может быть. Потому что деяния бога недоступны нашему пониманию. В них есть какая-то жестокая легкомысленность. Но ведь жизнь — не

игрушка! Почему же великий бог убивает детей? Как может он забавляться такой чудовишной игрой?!

Судха на цыпочках вошла в комнату.

— Что ты прячешься? — спросил доктор, поднимаясь ей навстречу. — Думаешь, мне легко без тебя?..

Комната поплыла перед глазами Судхи. Обвив руками шею мужа, она склонилась к нему на грудь и разрыдалась. И этот поток слез вернул ей прежнее мужество. Прижавшись к груди мужа, она почувствовала необычайный прилив энергии и душевных сил, подобно тому как горящая свеча, задуваемая ветром, вновь разгорается под защитой несокрушимой стены.

Доктор сжал обеими руками мокрое от слез лицо жены.

— Ну что ты так убиваешься? С Соханом случилось то, что ему было на роду написано. Он уже свое отстрадал. Слушай, Судха, дерево вырастает от влаги и света, но укрепляется в земле только под ударами ветра. Так и любовь — она выковывается в невзгодах. Мы считаем настоящими друзьями тех, кто смеется, когда у нас радость, и плачет, когда у нас горе. Тот, кому никогда не приходилось проливать слез, не познает счастья любви. Смерть Сохана уничтожила все преграды между нами. Теперь мы видим друг друга такими, какие мы есть на самом деле.

— Это я виновата, что поверила в дурной глаз, — проговорила Судха, заливаясь слезами. — О боже! Тебе даже не удалось увидеть его личико! Знал бы ты, каким он стал понятливым в последние дни! Когда он видел, что я плачу, он забывал о своих страданиях и начинал улыбаться. А на третий день глаза нашего мальчика закрылись навсегда. К нему даже не успели позвать врача!

И Судха снова разрыдалась. Доктор Синха обнял ее и сказал дрогнувшим голосом:

— Всех лекарств на больном все равно не перепробуешь. Когда человек, старый или молодой, умирает, родные думают, что его плохо лечили. Однако это не всегда так.

— Мне очень помогала Нирмала, — продолжала Судха. — Я и то немного вздремнула, а она не сомкнула глаз ни на секунду. Ночи напролет просиживала возле Сохана или носила его на руках. Я этого никогда не забуду! А ты уезжаешь сегодня?

— Да. Мне не удалось получить отпуск. А главный хирург на охоте.

— Он все охотится?..

— А чем еще заниматься сильным мира сего?

— Я тебя не отпущу сегодня.

— Мне и самому не хочется уезжать.

— Тогда оставайся! Отправь им телеграмму. А потом мы поедем вместе. И Нирмалу возьмем с собой.

Когда Судха вышла из комнаты, она чувствовала себя так, словно у нее с души сняли тяжелый камень. Нежные, полные любви слова мужа уничтожили все ее сомнения, избавили от угрызений совести. Ведь любовь таит в себе безграничную веру в счастье, беспредельное мужество и великую силу.

Глава восемнадцатая

Бедя никогда не приходит одна. Когда у тебя случается горе, всегда найдутся люди, готовые позлословить. Так и сейчас, произошло именно то, чего Нирмала боялась больше всего. Смерть Мансарамы развязала языки. Никто не стал разбираться, отчего он умер: все дружно твердили, что во всем виновата мачеха. Начались обычные разговоры: не приведи, мол, бог попасть детям в руки такой мачехи! Если кто-нибудь хочет разорить свой счастливый дом и погубить любимых детей, пусть женится второй раз! С приходом мачехи все в доме идет прахом. Когда отец женится вторично, он становится врагом своих детей. Еще не родилась такая женщина, которая бы считала чужих детей своими. И так без конца.

Хуже всего было то, что нашлись люди, которые стали вдруг выказывать поистине необъяснимую любовь к Джияраму и Сияраму. Как они сочувствовали несчастным сиротам! Некоторые женщины даже начинали плакать, вспоминая доброту и удивительные достоинства их покойной матери!

— Увы, думала ли несчастная, что сразу же после ее смерти дети окажутся в такой беде! — сетовали они. — Теперь вас, наверно, и молоком не поят и масла вам не дают!

— Да нет же, дают...

— Ну, что вы там получаете! Эх, сынок, молоко и масло бывают разными. Поставят перед вами разбавленное молоко — хочешь пей, хочешь нет — жаловаться-то некому! Другое дело мать! Покойница посылала слугу покупать молоко прямо из-под коровы! Если ребенок пьет молоко, сразу видно. А ты? Разве ты был таким?

Джиярам не помнил, каким молоком поила его мать и как он сам тогда выглядел, поэтому он не мог ничего возразить. Но соболезнования добрых людей постепенно делали свое дело. Недовольство Джиярама домашними росло день ото дня.

После продажи дома с аукциона вся семья перебралась в небольшую квартиру, за которую приходилось к тому же платить. Нирмала перестала покупать масло, уволила слуг. Ведь от прежних доходов почти ничего не осталось! Но Джияраму не нравились все эти ограничения. К тому же, когда Нирмала поехала к своим родственникам, Тотарам перестал покупать даже молоко, экономя каждую пайсу для своей новорожденной дочери.

— Вы, наверно, думаете, что если не будете покупать молоко, то выстроите себе новый дом! — раздраженно сказал ему однажды Джиярам. — Тогда можете нас вообще не кормить!

— Если тебе так хочется молока, поди и купи сам прямо из-под коровы, — ответил Тотарам. — А на воду, которую продают на базаре, я не намерен тратить!

— Я бы пошел! А вдруг меня кто-нибудь из школьников увидит! Что тогда?

— Ну и что ж тут страшного? Скажешь, что купил молоко для себя. Ты ведь его не украл, чего же стыдиться?

— Как чего? Неужели вам не будет стыдно, если увидят, как вы сами несете молоко?¹

— Конечно не будет. Я сам когда-то таскал воду и мешки с зерном. Мой отец не был богачом.

— Но мой-то отец — не бедняк! Почему я должен ходить за молоком? Зачем вы уволили слуг?

— Не прикидывайся дурачком! Ведь мои доходы не те, что прежде.

¹ Слуги принадлежат обычно к более низшим кастам, хозяева не должны выполнять их работу, так как это считается унижительным.

— Почему же они уменьшились?

— Что я тебе буду объяснять, если ты сам не можешь сообразить. Я устал. Мне уже трудно вести сразу столько судебных дел, как раньше. Да и сердце стало пошаливать. Дни мои сочтены. Все надежды ушли со смертью Мансарамы.

— Вы сами его погубили!

— Дурак! — закричал Тотарам. — На то была воля божья! С какой стати я стал бы душить самого себя?

— Может быть, вы и женились второй раз по божьей воле?

Глаза Тотарамы налились кровью. Не в силах больше сдерживаться, он заорал на сына:

— Ты что меня допрашиваешь? На каком основании? Ты, что ли, кормишь меня? Когда будешь меня кормить, тогда и поучай. Кто дал тебе право распоряжаться здесь? Научись вперед вежливости! Тоже, нашелся советчик! Я сам наживал свои деньги и могу их тратить как мне заблагорассудится. И не суй нос не в свои дела! А если ты и впредь будешь мне грубить, плохо тебе придется. Я потерял такого сына, как Мансарам, и остался жив, а без тебя и подавно обойдусь. Понятно?

Но Джиярам не сдавался.

— Значит, вы хотите, чтобы мы молчали и все терпели? — дерзко спросил он отца. — От меня вы этого не дождетесь! Мой брат был слишком хороший — вот его и нет! А я от яда умирать не собираюсь. Лучше уж буду плохим!

— И тебе не стыдно говорить такие слова?

— С кем поведешься, от того и наберешься.

Тотарам умолк. Он убедился, что не может повлиять на сына, а поэтому предпочел прекратить разговор и отправился на прогулку. Сегодня он понял, что скоро всему придет конец.

С этого дня между отцом и сыном по любому поводу вспыхивали ссоры. Адвокат совершенно перестал обращать внимание на Джиярама, а тот все больше наглед. Однажды он прямо сказал Рукмини:

— Не будь он моим отцом, я бы его проучил! У меня есть такие приятели, что не побоятся отлупить его при всем народе!

Рукмини передала эти слова брату. Тот внешне остался спокойным, но в сердце его закрался страх. Он

даже перестал гулять по вечерам. Ко всем его огорчениям прибавился и страх. Теперь он уже не торопил Нирмалу приехать, боясь, как бы Джиярам чего-нибудь ей не подстроил. Недаром же сын как-то раз процедил сквозь зубы:

— Посмотрю я, как она сюда явится! Не будь я Джиярамом, если не выгоню ее. На старика мне теперь наплевать!

Тотарам и сам понял, что он ничего не сможет сделать. Если б это был кто-нибудь посторонний, он бы просто передал его в руки полиции. Но как быть с собственным сыном? Видно, правду говорят, что человек бессилен перед своими детьми.

Однажды доктор Синха зазвал Джиярама к себе и начал его наставлять на путь истинный. Джиярам уважал доктора и поэтому выслушал его молча. Но когда тот, наконец, спросил, чего он, собственно, добивается, Джиярам ответил:

— Сказать вам правду? Только не обижайтесь!

— Не обижусь. Выкладывай все, что у тебя на душе.

— Ну так слушайте! С тех пор как умер брат, я не могу и смотреть на отца. Мне кажется, что это он убил Манса. А при случае он поступит так же со мной и Сиярамом. Если бы это было не так, разве он женился бы второй раз?

Доктор Синха с трудом удержал улыбку.

— Разве для этого необходимо жениться? Какая чепуха! Он мог бы избавиться от вас и так!

— Никогда! До этой свадьбы он был совсем другим! Он готов был жизнь отдать ради нас, а теперь и смотреть на нас не желает. Он хочет, чтобы, кроме их двоих, в доме никого не осталось. Им нужно убрать нас с дороги, чтобы мы не мешали их дорогим детям. Только об этом они и мечтают. Только для того и придумывают разные трудности, чтобы выжить нас из дому. Отец нарочно не берется за судебные дела. Если мы вдруг умрем, увидите, как они обрадуются!

— Если бы твой отец хотел выгнать тебя из дому, он мог бы это сделать и без всякого повода.

— К этому я давно готов.

— Что же ты будешь делать?

— Придет время, увидите!

И с этими словами Джиярам выбежал из комнаты. Доктор несколько раз окликнул его, но мальчик даже не обернулся.

Через несколько дней доктор Синха вновь встретился с Джиярамом. Оба они были страстными поклонниками кино, и когда доктор завел разговор о кино, Джиярам постепенно втянулся в беседу. Так они дошли до дома, где жил доктор. Подошло время ужина, и они уселись за стол.

Джияраму нравилось, как готовят у доктора.

— С тех пор как уволили повара, у нас все так не вкусно! Тетка варит только свою вишнунитскую бурду, на которую и смотреть не хочется. Ем и давлюсь...

— Да, у меня готовят вкуснее,— согласился доктор.— Твоя тетка, кажется, признает только лук и чеснок. Ничего больше!..

— Вы правы! Только этим и питаемся. Лук да чеснок!.. Отцу и дела нет, что мы едим. Поэтому-то он и повара уволил. Говорит: нет денег. Если так, на что же он покупает украшения мачехе?

— Не в украшениях дело, Джиярам. Отец твой действительно зарабатывает сейчас меньше, чем прежде. А тут еще ты его расстраиваешь.

— Я? Клянусь вам, я ему раньше ничего не говорил. Это он бранил меня на чем свет стоит! Пристал ко мне без всякой причины: и то ему неладно, и это! Даже мои друзья его раздражают. Ну скажите сами, разве можно жить без друзей? Я ведь не какой-нибудь негодяй, чтобы водиться с бродягами! А он каждый день меня пилит. Вчера я ему прямо сказал: «Мои друзья будут приходить ко мне, нравится тебе это или нет». Надоело мне терпеть!

— А мне твоего отца жалко. Ему уже пора на покой. Во-первых, он старик, во-вторых, очень тяжело переживает утрату сына. Да и здоровье у него неважное. Что можно спрашивать с такого человека? Он и так работает больше, чем нужно. Если ты ничего другого не можешь придумать, по крайней мере не огорчай его. Ведь это нелегко! Поговори с ним почтительно — он и этому будет рад. Что тебе стоит спросить: «Как вы себя чувствуете, отец?» А когда ты грубишь, он совсем расстраивается. И даже видел, как он несколько раз плакал, честное слово плакал! Пойми, он совершил ошибку, женившись вто-

рой раз. Теперь он это и сам понимает. Но ты должен выполнить свой сыновний долг. Он твой отец, и тебе следует относиться к нему с почтением, а не причинять ему боль. Зачем ты заставляешь его думать, что все едят его хлеб, но никто с ним не считается? Я гораздо старше тебя, Джиярам, но я до сих пор никогда не перечил своему отцу. Если он бранит меня, я почтительно слушаю, потому что знаю, его слова пойдут мне на пользу. Кто еще, кроме отца с матерью, по-настоящему желает нам добра? Никто! Как же можно быть таким неблагодарным?

По лицу Джиярама текли слезы. Добрые чувства еще не угасли в его душе. Он искренне раскаивался в своих поступках.

— Мне очень стыдно,— пробормотал он сквозь слезы.— Меня сбили с толку, но теперь вы не услышите от отца ни единой жалобы. Только попросите его, чтобы он меня простил,— ведь я причинил ему столько неприятностей! Поговорите с ним! Пусть он только больше не сердится. А если он не согласится, я лучше утоплюсь, чем останусь жить с таким пятном!

Доктор Синха был доволен: разговор пошел на пользу. На прощанье он обнял юношу.

Когда Джиярам пришел к себе, было уже одиннадцать часов. Тотарам поужинал и только что собирался выйти из дому, когда увидел сына. Он тотчас же набросился на него с упреками:

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? Двенадцатый час!

— Я случайно встретился с доктором Синха и проводил его до дому,— кротко ответил Джиярам.— Он пригласил меня поужинать — вот я и задержался.

— Наверно, жаловался доктору на свою печальную участь?

Джиярам почувствовал, что четвертая часть его смирения улетучилась.

— Я не привык жаловаться.

— Так уж и не привык? А мне рассказывали, что язык у тебя неплохо ворочается. Может быть, люди врут?

— Этого больше не будет,— возразил Джиярам.— Все, что я сегодня говорил доктору, мог бы повторить и вам.

— Удивительно! Я просто счастлив! Неужели ты внял чьим-то наставлениям? — съязвил адвокат.

Еще одна четвертая смирения Джиярама испарилась.

— Человек может судить о своих поступках и без чьих-либо наставлений! — гордо сказал он. — Если кто-нибудь хочет сам исправиться, чужие советы ему не нужны!

— Значит, можно надеяться, что твои негодяи больше не будут здесь собираться?

— Как вы можете называть их негодяями? Ведь вы их совсем не знаете!

— Все твои друзья — мерзавцы! Среди них нет ни одного порядочного человека. Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты перестал их водить сюда, но ты и ухом не повел. Сегодня предупреждаю в последний раз. Если ты еще раз соберешь здесь этих бездельников, я буду вынужден обратиться в полицию.

Еще одной четверти смирения Джиярама как не бывало.

— Ну и обращайтесь! — запальчиво сказал он. — Посмотрим, что сделает полиция, если больше половины моих друзей — дети полицейских. Но раз уж вы сами взялись меня исправлять, я больше не стану беспокоиться!

С этими словами Джиярам ушел к себе, и вскоре из его комнаты понеслись залихватские переборы аккордеона.

Так недавно зажженный светильник добра был безжалостно погашен порывом злой насмешки. Если лошадь упрямится, надо ее приласкать, и тогда она со всей силой наляжет на хомут. Но если ее стегать кнутом, она либо не сдвинется с места, либо встанет на дыбы.

Глава девятнадцатая

На этот раз Нирмале пришлось вернуться домой. Она хотела еще немного побыть у матери, но оставить убитую горем Судху она не могла. Нирмала вернулась к мужу только ради нее.

Увидев Нирмаду, Рукмини сказала Бхунги:

— Посмотри, какая она приехала от матери! Ишь как поправилась!

— Известно, на материнских хлебах дети всегда поправляются,— ответила Бхунги.

— Еще бы! Как следует накормить может только родная мать.

Нирмале казалось, что ее приезд никого не обрадовал. Внешне Тотарам был очень доволен, но чувствовалось, что в душе он чем-то обеспокоен. Только глядя на дочку, Нирмала забывала все печали. Судха назвала ее Ашей, то есть «надеждой», и она действительно была воплощением всех надежд Нирмалы.

Тотарам захотел взять Ашу на руки, но та расплакалась и, не желая признавать отца, прижалась к матери. Тогда Тотарам решил завоевать ее расположением сладостями. Так как слуг не было, он приказал Сияраму купить сладостей на две анны.

Но Джиярам тут же вмешался.

— Нас-то сладостями никогда не балуют! — пробурчал он.

— Вы уже не маленькие! — рассердился адвокат.

— А что, мы взрослые, что ли? Принесите нам сладостей, тогда сами увидите, дети мы или нет! Давайте еще четыре анны! Пусть благодаря Аше и нам улыбнется счастье.

— У меня нет сейчас денег,— возразил Тотарам.— Ступай, Сия, и возвращайся поскорей.

— Сия никуда не пойдет! — отрезал Джиярам.— Он вам не слуга. Если Аша ваша дочь, то он ваш сын.

— Чего ты болтаешь? И тебе не стыдно равняться с такой крошкой? Иди, Сиярам, вот деньги.

— Не смей ходить!

Сиярам попал в затруднительное положение. Кого же слушать? Но, колебавшись мгновение, решил — Джиярама. Отец самое большее отругает, а Джиярам поколотит — и пожаловаться будет некому. Поэтому он сказал:

— Я не пойду.

— Хорошо же,— угрожающе сказал Тотарам.— Но теперь лучше ничего у меня не просите!

Он сам отправился на базар и взял там сладостей на целую рупию — кондитер знал адвоката и ему неудобно было покупать всего на две анны: что о нем подумают?

Когда адвокат вернулся домой, Сиярам, увидев в его руках большой пакет со сладостями, пожалел, что не

послушался отца. Как теперь подойти к нему? Да, пожалуй, он сделал большую глупость!

Сиярам уже начал раздумывать, не лучше ли ему попробовать сладости, даже приправленные пощечинами брата, когда в комнату мальчиков вошла Бхунги и поставила перед каждым по тарелке.

— Унеси это! — рассердился Джиярам.

— Чего вы сердитесь? Разве вам не нравятся сладости?

— Это принесли Аше, а не нам. Унеси, не то я все на улицу выброшу! Нам приходится каждую пайсу выпрашивать, а тут накупили сразу на целую рупию.

— Попробуйте хоть вы, Сия!

Сиярам боязливо протянул руку к тарелке, но брат сказал с угрозой в голосе:

— Не тронь, а то я тебе голову оторву, жадюга несчастный.

Угроза подействовала, и Сиярам не решился взять сладости. Узнав об этом, Нирмала решила уговорить обоих мальчиков, хотя Тотарам и настаивал, чтобы она этого не делала.

— Вы ничего не понимаете! — накинулась на него Нирмала. — Ведь все это обернется против меня!

— Они стали слишком дерзкими! — защищался Тотарам. — Всыпать бы им как следует!.. Да вот люди скажут, что мучаю детей, у которых нет матери. Если бы не это, я бы из них давно дурь вышиб?

— Я этих разговоров тоже опасаясь.

— Но теперь-то уж я им задам! Пусть говорят что вздумается.

— Раньше они не были такими.

— Джиярам совсем обнаглел. Говорит, зачем я женился, раз у меня были дети! А недавно он даже не постеснялся сказать, будто я отравил Мансарам. И это говорит мой сын! Это же не сын, а враг!

Джиярам стоял за дверью: он пришел послушать, что говорят отец с мачехой о сладостях, но, услышав последние слова адвоката, не выдержал и крикнул:

— Для вас я, конечно, враг! Иначе вы бы меня так не преследовали. А то, что вы сейчас говорили, я и сам давно понял. Мансарам этого не понимал, вот и поплатился! Но с нами у вас ничего не выйдет. Все вокруг

твердят, что брата отравили. Почему же вы так злитесь, когда об этом говорю я?

Нирмала оцепенела. Ей казалось, что ее бросили на раскаленные угли! Тотарам попытался угрозами заставить сына замолчать, но тот отвечал ему так грубо, что даже Нирмала рассердилась: «Этот желторотый птенец ничего еще не понимает в жизни, а уже дерзит, словно он здесь хозяин!»

— Хватит, ты и так слишком много наговорил, — сдерживая себя, проговорила Нирмала. — Но я знаю, ты мальчик хороший. Иди-ка лучше на улицу и поиграй.

До этого Тотарам говорил довольно спокойно, считая, что Нирмала целиком на его стороне. Но сейчас в ее словах ему почудилось скрытое одобрение Джияраму, и он пришел в ярость. Адвокат заскрежетал зубами и, прежде чем Нирмала успела схватить его за руку, ударил ее по лицу. У Нирмалы все закружилось перед глазами. Не думала она, что в высохшей руке мужа еще осталось столько силы! Нирмала опустилась на пол, держась за голову. Тотарам бросился, чтобы еще раз ударить Нирмалу, но Джиярам удержал его руку и, отбросив ее назад, сказал:

— Говорите что угодно, а рукам воли не давайте! Стыдно! Если бы не память матери, я бы вам показал!

И с этими словами он выбежал из комнаты. Тотарам буквально позеленел от злобы. Если бы Джиярама сейчас поразила молния, он, наверно, был бы только рад! Когда-то, обнимая сына, он был счастлив, но сейчас желал ему смерти.

Рукмини, которая на протяжении всей этой сцены отсиживалась у себя, теперь вошла к ним и сказала:

— Только не надо бить мальчика! Он уже стал большим.

— Я его из дому выгоню, — кусая губы, ответил Тотарам. — Пусть нищенствует или ворует — мне теперь все равно!

— А на кого позор ляжет? — спросила Рукмини.

— Мне до этого нет дела!

— Если бы я знала, что из-за моего приезда разразится такая буря, ни за что бы не вернулась! — всхлинула Нирмала. — Пожалуйста, отошлите меня назад, пока не поздно! Я больше не могу здесь оставаться!

— Он еще тебя постеснялся, сестра, иначе не миновать бы сегодня беды! — сказала Рукмини.

— Какой же еще ждать беды? Хуже быть не может! Что я ни делаю, все оборачивается против меня. Только переступила порог дома, а уже случилось такое! Боже, защити меня!

Ужинать в этот день никто не стал, только адвокат что-то поел в одиночестве. А Нирмалу грызла новая забота: как жить дальше? Если бы речь шла о ней, она не стала бы и волноваться! Но теперь она была не одна. «Великий Рама,— думала Нирмала,— какую судьбу ты готовишь моей дочери?!»

Глава двадцатая

Разве заснешь, когда душа охвачена беспокойством? Лежа на кровати, Нирмала долго ворочалась с боку на бок. Ей хотелось уснуть хоть на миг, но сон как будто поклялся не приходить к ней. Она погасила лампу, открыла ставни, а тикающие часы отнесла в другую комнату, но заснуть по-прежнему не могла. Она уже обо всем передумала и даже как будто успокоилась, и все-таки ей не спалось. Тогда Нирмала снова зажгла лампу и начала читать, но успела пробежать глазами всего несколько страниц и незаметно задремала. Книга так и осталась у нее в руках.

Вдруг в комнату неуверенной походкой вошел Джиярам и пугливо осмотрелся. Нирмала спала. Небольшой бронзовый ларчик стоял на полочке в изголовье ее кровати. Ступая на цыпочках, Джиярам приблизился, быстро схватил ларчик и стремглав выскочил из комнаты.

В тот же миг Нирмала вздрогнула и проснулась: она испуганно встала с кровати, подбежала к двери и выглянула наружу.

Что понадобилось Джияраму? Для чего он приходил к ней в комнату? Может, она ошиблась и он вышел не от нее, а из комнаты Рукмини? Но что ему делать у Рукмини? Может быть, он хотел сказать ей что-нибудь? Но о чем говорить в такое время? Для чего же он тогда приходил? Сердце Нирмалы тревожно забилося.

Тотарам спал наверху, на плоской крыше. Лестница была без перил, и Нирмала боялась туда подниматься.

Но сейчас она подумала: «Не разбудить ли мужа? Нет, пожалуй, не буду. Бог знает что подумает! Поднимется такая буря!»

И Нирмала снова взялась за книжку. «Утром сама обо всем расспрошу,— подумала она.— Кто знает, может быть, я ошиблась. Спросонок это бывает».

Но, несмотря на принятое решение, она опять долго не могла уснуть.

Утром Нирмала сама понесла завтрак Джияраму. Увидев ее, он весь задрожал. Обычно завтрак приносила ему Бхунги,— почему же сегодня пришла Нирмала? Он боялся даже взглянуть на нее.

— Это ты приходил ночью ко мне в комнату? — спросила она, словно ничего особенного не случилось.

— Я? Что мне у вас делать? А разве что-нибудь случилось?

Нирмала ответила таким тоном, как будто она поверила каждому слову Джиярама:

— Мне показалось, что кто-то вышел из моей комнаты. Лица я не разглядела, видела только спину. Вот и решила, что это тебе что-нибудь понадобилось. Как же теперь узнать, кто это был? Ведь я своими глазами видела, как кто-то выходил из комнаты!

Пытаясь доказать свою непричастность к этому происшествию, Джиярам сказал:

— Но я вчера вечером был в театре. А оттуда пошел к товарищу и остался у него. Домой пришел совсем недавно. Со мной были мои друзья,— если хотите, можете их спросить. Я только боюсь, что если что-нибудь пропадет, во всем обвинят меня. Вора теперь уже никто не поймает, вот и свалят все на мою голову. А вы знаете отца — он меня изобьет!

— При чем здесь ты? — возразила Нирмала.— Если бы даже это и ты был, никто бы не стал обвинять тебя в воровстве. Ведь воруют чужие вещи! Кто же крадет у себя самого?

До сих пор Нирмала была занята приготовлением завтрака и еще нехватила своей шкатулки. Когда адвокат ушел в суд, она начала собираться к Судхе. Они не виделись уже несколько дней, а тут и предлог подвернулся: нужно было обсудить ночное происшествие.

— Принеси-ка мне из комнаты шкатулку с драгоценностями,— приказала Нирмала служанке.

Бхунги скоро вернулась и сказала:

— Шкатулки там нет. Куда вы ее поставили?

Нирмала вспыхнула:

— Никогда ты сразу ничего не сделаешь. Куда же она могла деться? Ты в шкафу смотрела?

— Нет, госпожа, в шкаф не заглядывала, врать не стану.

— Сходи посмотри,— улыбнулась Нирмала.— И возвращайся поскорей!

Но через минуту Бхунги снова вернулась с пустыми руками.

— И в шкафу ничего нет. Где еще прикажете посмотреть?

Нирмала окончательно рассердилась:

— Для чего только бог дал тебе глаза? Пойдем, сейчас я тебе покажу, как надо искать!

Бхунги покорно отправилась за ней в комнату. Нирмала посмотрела на полочку, потом заглянула в шкаф, под кровать, в большой сундук с одеждой. Шкатулки нигде не было. Нирмала удивилась: куда же в конце концов она могла запропасться?

И вдруг, как молния, в ее голове пронеслась мысль о ночном происшествии. Сердце ее тревожно забилося. До этого момента она искала шкатулку, ни о чем не беспокоясь, но сейчас ее словно пламя охватило, и она принялась лихорадочно перерывать в комнате все подряд.

Когда не знаешь, где лежит вещь, ее ищешь где надо и где не надо. Как могла, например, такая большая шкатулка затеряться в кровати? Но Нирмала разворошила даже постель. С каждой секундой ее лицо становилось все растеряннее. Кровь застывала в ее жилах. Наконец в отчаянии Нирмала ударила себя в грудь кулаком и расплакалась.

Украшения — единственное достояние женщины. На другие вещи у нее нет никакого права. В украшениях ее сила и гордость.

Драгоценности Нирмалы стоили тысяч шесть рупий. Когда она надевала их и выходила на улицу, сердце ее переполнялось радостью. Каждая безделушка служила ей как бы защитой от жизненных бед и невзгод. Еще совсем недавно, вечером, Нирмала думала, что ей не придется быть служанкой у Джиярама. Не приведи бог, чтобы ей пришлось просить у кого-нибудь милостыню! Дра-

гоценности помогут ей и в дальнейшей жизни, помогут пристроить куда-нибудь и дочку. Ей не о чем было тревожиться: их у нее никто не мог отнять. Сегодня это просто ее украшения, а завтра они станут ей надежной опорой. И как спокойно становилось у нее на душе при этой мысли! Но сейчас, когда все ее драгоценности исчезли, она почувствовала себя совершенно беспомощной. У нее ничего не осталось. Все ее надежды рухнули.

«Боже! — думала Нирмала, заливаясь слезами. — Почему ты так несправедлив? За что ты меня так жестоко наказываешь?! Ты искалечил всю мою жизнь, а сейчас словно выколол мне глаза. Куда я теперь пойду? У чьей двери буду просить подаяния?»

Страшная слабость охватила Нирмалу. Лицо опухло от слез. Опустив голову, она продолжала плакать. Рук-мини пыталась ее успокоить, но рыдания Нирмалы не утихали, и горю ее не видно было конца.

В три часа Джиярам вернулся из школы. Услышав, что он пришел, Нирмала как безумная бросилась к нему и, остановившись на пороге его комнаты, взмолилась:

— Джия, ну скажи, что ты пошутил! Отдай мне шка-тулку! Что за радость мучить несчастную?

Сначала Джиярам растерялся: ведь это была его первая кража, и он еще не был настолько жесток, чтобы радоваться чужому горю. Если бы шкатулка была у него и он мог бы незаметно положить ее на место, он, наверно, так бы и сделал. Но, к несчастью, шкатулки у него уже не было: его приятели уже успели отнести драгоценности в лавку менялы и продать их там за бесценок.

У вора нет другой защиты, кроме лжи. И Джиярам сказал:

— Что вы, мама! Неужели я мог бы так подшутить над вами? Как вы только могли подумать? Я ведь уже говорил, что ночью меня не было дома. Но вы, я вижу, мне не верите. Очень жаль, что вы считаете меня таким подлецом.

— Я не сомневаюсь в тебе, — возразила Нирмала, вытирая слезы, — и в воровстве тебя не обвиняю. Я думала, что ты, может быть, просто пошутил.

Да и как могла Нирмала обвинять Джиярама в воровстве? Сразу бы пошли разговоры: вот, мол, мачеха возводит поклеп на беззащитного сироту! «И весь позор опять падет на меня», — подумала Нирмала.

— Пойдемте, я еще посмотрю вместе с вами,— снова заговорил Джиярам, стараясь ее успокоить.— Кто же это сделал? Как мог туда забраться вор?

— Сынок,— вмешалась Бхунги.— О каком воре вы гозорите? Что, у нас со всех сторон окна, что ли?¹ Не пролез же он в дом через крысиную норку!

— А вы хорошо искали? — спросил Джиярам.

— Весь дом перевернули,— ответила Нирмала.— Может быть, ты подсказешь, где еще посмотреть?

— Надо было раньше смотреть,— укоризненно сказал Джиярам.— А то спят все как убитые!

В четыре часа вернулся домой Тотарам и, увидев заплаканное лицо Нирмалы, спросил:

— Что с тобой? Ты не заболела?

Нирмала в ответ снова разрыдалась.

— Непонятное дело! — сказала Бхунги.— Я всю жизнь прожила в этом доме, но до сих пор здесь и пайсы никто не украл. А сейчас люди скажут, что во всем виновата Бхунги. Теперь только бог может спасти мою честь!

Тотарам начал было расстегивать свою куртку, но, услышав эти слова, снова застегнулся.

— В чем дело, наконец? — спросил он.— В доме что-нибудь украли?

— Пропали все драгоценности госпожи,— ответила Бхунги.

— А где они были?

Нирмала, всхлипывая, рассказала обо всем, что произошло ночью, но сказать, что человек, выходящий из ее комнаты, был похож на Джиярама, она не решилась. Адвокат тяжело вздохнул.

— Почему бог так несправедлив? За что он поражает тех, кто и так уже повержен? Горе нам! Беда пришла в дом. Но если это был вор, как он сюда попал? Пролома в стене не видно, а другого пути нет. И за что мне такое наказание? За какие грехи? Сколько раз я тебе говорил: «Не ставь шкатулку на полку!»

— Разве я знала, что стрясется такая беда? — оправдывалась Нирмала.

— Надо было знать! — не унимался Тотарам.— А что ты теперь будешь делать? Если заказывать новые укра-

¹ Как правило, в индийских домах нет окон, выходящих на улицу.

шения, придется выложить тысяч десять, не меньше. А нам сейчас еле удается сводить концы с концами, это ты и сама знаешь. Откуда же взять денег на драгоценности? Ну что же, пойду заявлю в полицию. Только вряд ли их теперь отыщут.

— Если вы знаете, что полиция делу не поможет, зачем же туда ходить? — робко возразила Нирмала.

— А что же еще делать? Так и смириться? Ведь обидно! Какой убыток! Не могу я сидеть сложа руки и вздыхать!

— Если нам суждено получить драгоценности назад, незачем и ходить за ними. А если не суждено, чего же зря суетиться?

— Вот я и посмотрю, что нам суждено судьбой. Либо получу драгоценности, либо вернусь с пустыми руками,— бросил Тотарам, направляясь к двери. Нирмала схватила его за руку.

— Прошу вас, не ходите в полицию! Как бы потом не было хуже. Только себе наживете неприятности!

— Ты упрямисься, как маленький ребенок! — крикнул Тотарам, вырвав руку. — Шутка ли, убыток в десять тысяч рупий! Не могу я с этим так просто смириться! Если я не плачу, думаешь, мне все равно? У меня душа переворачивается! Какой удар! Прямо в сердце...

Больше адвокат не смог ничего сказать: горло его сдавила спазма. Он быстро вышел из комнаты и направился в полицейский участок.

Алаяр-хан, начальник полицейского участка, относился к Тотараму с большим уважением. Когда-то его судили за взяточничество, и адвокат помог ему оправдаться. Поэтому теперь Алаяр-хан сразу же отправился с Тотарамом, чтобы расследовать дело на месте.

Был уже вечер. Алаяр-хан внимательно осмотрел фасад и заднюю стену дома, затем вошел в помещение и долго обследовал комнату Нирмалы и крышу. Потом он о чем-то поговорил кое с кем из соседей и после всего этого заявил Тотараму:

— Клянусь богом, господин адвокат, кража не может быть делом рук постороннего человека. Если сюда влез кто-нибудь из чужих, я готов сегодня же уйти в отставку. Кого из домашних вы можете подозревать в краже?

— У нас сейчас только одна служанка,— сказал Тотарам.

— О ней говорить нечего. Этой дурехе не додуматься! — перебил его полицейский. — А это, клянусь богом, дело рук опытного негодяя!

— Кто же еще? Кроме меня, здесь живут только мои сыновья, жена и сестра. Кого же из них можно подозревать?

— Клянусь богом,— продолжал Алаяр-хан,— это сделал кто-то из домашних. Через несколько дней я сообщу вам о преступнике, кто бы он ни был. Не могу поручиться, что удастся вернуть все драгоценности, но вора, клянусь богом, я изловлю и покажу вам.

Когда полицейский ушел, Тотарам отправился к Нирмале и передал ей его слова. Нирмала пришла в ужас.

— Прошу вас,— взмолилась она,— скажите ему, что бы он не производил расследования!

— Но почему? — удивился Тотарам.

— Неужели вам нужно еще объяснять? Ведь он вам прямо сказал, что драгоценности украл кто-то из своих!

— Чепуха!..

Тем временем Джиярам сидел у себя в комнате и призывал на помощь всех богов. От страха он то краснел, то бледнел. Джиярам слышал, что полицейские умеют обо всем догадываться по лицу, поэтому он боялся даже выйти из комнаты и не находил себе места, теряясь в догадках, о чем это отец говорит с начальником участка. Как только Алаяр-хан ушел, Джиярам бросился к Бхунги:

— Ну, что он сказал?

Служанка подошла к нему.

— Бородатый сказал, что это дело рук кого-то из домашних. Чужие здесь ни при чем.

— А отец ничего не говорил?

— Ничего. Только стоял и поддакивал. В доме ведь только один чужой человек — Бхунги. А остальные все свои.

— Я тоже чужой в этом доме.

— А ты почему чужой, сынок? — удивилась Бхунги.

— Отец сказал полицейскому, кого он подозревает? — продолжал Джиярам.

— Может, что и говорил, только я не слышала. А про

меня бородатый сказал, что я дурочка. Мол, она не додумается до воровства. Ведь хозяин и меня хотел впутать в это дело!

— Значит, ты уже вывернулась, один я остался. Скажи, ты видела меня в тот день дома?

— Нет, сынок! — ответила Бхунги. — Чего не видела, того не видела. Ты ведь ходил в театр!

— А ты сможешь это подтвердить?

— О чем ты говоришь, сынок? Госпожа добивается того, чтобы следствие прекратили.

— Правда? — встрепенулся Джиярам.

— Она все время твердит, что не нужно никакого расследования. Ведь драгоценности все равно уже не вернуть! Но хозяин и слушать ее не хочет.

В течение следующих пяти-шести дней Джиярам ни разу не поел спокойно, проглатывал два-три куска, а иногда отговаривался, что не голоден. Юноша побледнел, осунулся. Его трудно было узнать. Еще бы!.. Целые ночи проводил он без сна, боясь, что вот-вот натрянет полиция. Если бы он знал, что дело примет такой оборот, никогда бы этого не случилось! Ведь он рассчитывал, что все подозрения падут на какого-нибудь вора, а на него и внимания не обратят! Но теперь ему казалось, что тайна его с минуты на минуту раскроется. Больше всего Джиярам опасался пронизательности начальника полицейского участка.

На седьмой день вечером Джиярам прибежал домой в страшной тревоге. До сих пор, пока драгоценности не были обнаружены, оставалась какая-то надежда на спасение. Но сейчас стало известно, что они нашлись. Полиция могла явиться за ним в любой момент. Надеяться больше было не на что. Возможно, конечно, что полицейский за взятку замнет дело и до суда не дойдет. Деньги у Джиярама были на руках. Но как избежать огласки? Когда драгоценности исчезли, по всему городу прошел слух, что их украл сын адвоката, а теперь, после того как их обнаружили, об этом станут судачить на всех перекрестках. Как он покажется людям на глаза?!

Наконец вернулся из суда и Тотарам. Обхватив голову руками, он сел на кровать в полном отчаянии.

— Почему вы не раздеваетесь? — спросила его Нирмала. — Сегодня вы пришли позже, чем обычно. Что-нибудь случилось?

Тотарам печально вздохнул:

— Да стоит ли раздеваться? Разве ты ничего не слышала?

— В чем дело? — забеспокоилась Нирмала. — Я ничего не знаю.

— Украденные вещи нашлись. Джиярама теперь не-легко спасти.

Нирмала не удивилась. По ее лицу было ясно, что все это она предвидела. Она только сказала:

— Я ведь просила вас не обращаться в полицию!

— Значит, ты давно подозревала Джиярама? — спросил адвокат.

— А как же мне было не подозревать? Я видела, когда он выходил из моей комнаты.

— Но почему ты мне ничего не сказала?!

— Я не могла этого сказать. Вы бы обязательно подумали, что я обвиняю его просто так, со зла. Признайтесь, вы бы так подумали? Только честно.

— Если честно, да, подумал бы. Что уж тут отрицать! — согласился Тотарам. — Но все-таки ты должна была все рассказать мне. Тогда бы я не пошел в полицию. Ты заботилась только о себе, а о том, что из этого получится, и не подумала. Я сейчас был в полицейском участке; Алаяр-хан, наверно, скоро явится сюда.

— Так быстро? — в отчаянии спросила Нирмала.

— На все воля божья, — устремив взор к небесам, ответил Тотарам. — Если бы дать ему тысячи две, дело, возможно, удалось бы еще замять. Но ты ведь знаешь, в каком я сейчас положении. Что за несчастная судьба! Пусть я согрешил, но почему должны расплачиваться за меня мои дети? Один сын умер, а теперь и другой погибает. Грубый он был, невоспитанный, ленивый, но все-таки это мой сын! Вырос бы, взялся за ум... Этого удара я не перенесу.

— Если взятка может спасти его, я достану денег, — сказала вдруг Нирмала.

— Сколько же ты можешь достать? — спросил Тотарам.

— А сколько нужно?

— Не меньше тысячи. Иначе Алаяр-хан и разговаривать не будет. Во время одного процесса я взял с него как раз тысячу рупий, так что сейчас он со мной рассчитается сполна.

— Это можно,— проговорила Нирмала.— Сейчас же идите в полицейский участок.

В участке Тотарам пробыл долго: не скоро выдался удобный случай поговорить с полицейским с глазу на глаз. Адвокат еле уломал его взять взятку. Алаяр-хан взял с него пятьсот рупий и еще заставил себя благодарить. Но дело было сделано. Поэтому Тотарам, придя домой, расхвастался перед Нирмалой.

— Я все уладил! Правда, деньги дала ты, но главное сделал я! Знала бы ты, чего мне стоило его убедить! Без меня ты ничего бы не сделала, так и запомни! А что Джиярам, уже поел?

— И не думал,— ответила Нирмала.— Он ушел гулять и до сих пор еще не вернулся.

— Сколько же сейчас времени? Наверно, часов двенадцать?

— Я несколько раз заглядывала к нему, но в комнате темно,— продолжала Нирмала.

— А что Сиярам?

— Уже спит.

— Ты не спрашивала у него, куда ушел Джия?

— Джиярам ничего ему не сказал.

Тотарам встревожился. Он разбудил Сиярама и спросил у него:

— Тебе Джиярам не сказал, когда вернется?.. Куда он пошел?

— Ничего не говорил,— ответил Сиярам, протирая глаза.

— Что он надел?

— Только рубашку и дхоти.

— Веселый ушел?

— Нет... Не знаю, что с ним. То придет, то уйдет. Раз десять так. А потом на веранде стоял долго, плакал... Все плачет и плачет...

Тотарам испустил такой горестный вздох, словно собирался расстаться с жизнью.

— Я знаю, ты хотела сделать лучше, когда ничего мне не сказала,— обратился он к Нирмале.— Но даже враг мой не мог бы нанести мне удар сильнее, чем этот. Если бы мать Джиярама была жива, разве она поступила бы, как ты? Никогда!

— Сходите к доктору,— вдруг предложила Нирмала.— Может быть, Джиярам у него. И потом к Джияраму

каждый день приходят товарищи. Спросите у них, может, они что-нибудь знают! А обо мне сейчас нечего говорить. Что я ни делаю, все оборачивается против меня!

— Что же еще сейчас можно сделать? — проговорил Тотарам, обрадовавшись предложению жены. — Сейчас же пойду к доктору!

Но едва он вышел на улицу, как увидел доктора, который стоял возле их дома.

— Вы давно здесь стоите?

— Нет, только что подошел. Куда это вы направляетесь в такое время? Ведь уже половина первого.

— Я как раз шел к вам. Джиярам до сих пор не вернулся домой. Он к вам не заходил?

Доктор Синха взял адвоката за руку. Но едва он произнес: «Мужайтесь, мой друг!..» — как Мунши Тотарам словно подкошенный рухнул на землю.

Глава двадцать первая

— Так что же он, так и пойдет в школу босиком? — недовольно спросила Рукмини.

— А что делать? — ответила Нирмала, заплетая дочери косички. — У меня нет денег.

— На украшения деньги находятся, а мальчику на ботинки их нет. Двоих уже не стало, хочешь погубить и третьего?

— Кому суждено жить, тот будет жив; кому суждено умереть, тот умрет, — тяжело вздохнув, возразила Нирмала. — Я никого не воскрешаю и не убиваю.

Теперь между Рукмини и Нирмалой по любому поводу возникали ссоры. Нирмала сильно изменилась с тех пор, как у нее украли украшения. Она стала буквально зубами цепляться за каждую пайсу. Сиярам мог захлебнуться слезами, но выпросить денег на сладости ему все равно не удавалось. И так она поступала не только в отношении Сиярама. Нирмала перестала заботиться и о себе. Она не справляла нового сари до тех пор, пока старое совсем не расползлось, месяцами не покупала масла для волос, и хотя она очень любила жевать бетель, ее коробочка для бетеля уже долгое время оставалась пустой. Дело дошло до того, что Нирмала переста-

ла даже брать молоко для дочери. Ее больше тревожило не настоящее, а будущее этой крошки.

Мунши Тотарам теперь целиком полагался на Нирмалу. Он уже не вмешивался в домашние дела и во всем ей подчинялся. Адвокат снова начал ежедневно ходить в суд и работал сейчас больше, чем в дни своей молодости. Но зрение его заметно ослабло, и доктор Синха запретил ему читать и писать по вечерам.

У Тотарама и раньше было неладно с пищеварением, а теперь оно испортилось окончательно. Кроме того, он начал жаловаться на одышку. Несмотря на все это, бедняга продолжал трудиться с утра до поздней ночи. Хотел он этого или нет, хорошо он себя чувствовал или плохо, все равно он был обязан зарабатывать. И Нирмала его нисколько не жалела. Она подавляла в себе все добрые чувства. Осталось одно — тревога за будущее. Теперь любой нищий выводил ее из себя: ей не хотелось тратить даже на милостыню.

Однажды Нирмала послала Сиярама на рынок купить топленого масла: она перестала доверять Бхунги и больше не поручала ей никаких покупок. А Сиярам не был способен обманывать: для этого он был еще слишком наивен. Поэтому почти все покупки приходилось делать ему. Нирмала дома все взвешивала, и если оказывалось, что вес хоть немного не сходился, отправляла Сиярама обратно. Эти повторные прогулки отнимали у мальчика почти все свободное время. К тому же торговцы скоро перестали ему продавать.

То же самое случилось и сегодня. Сиярам обошел несколько лавок и купил, как ему казалось, самое лучшее масло. Но Нирмала понюхала его и сказала:

— Масло никуда не годится. Поди верни его!

— Лучше этого масла не было на всем базаре! — вспылил Сиярам. — Я обошел все лавки, пока его купил.

— Что же, я, по-твоему, ничего не понимаю?

— Я этого не говорю, но лавочник не возьмет масло обратно. Он мне говорил: «Можешь смотреть сколько угодно, товар перед тобой. Но когда купишь, обратно не возьми!» Я понюхал, попробовал и купил. С каким лицом я пойду к нему?

— Это же не масло, а сплошное сало, — сквозь зубы процедила Нирмала. — А ты говоришь, хорошее! Я не

буду на нем готовить. Делай что хочешь — либо обменяй, либо ешь сам!

Нирмала оттолкнула горшок с маслом и ушла в свою комнату. Сиярам дрожал от обиды и ярости. Как он понесет это масло назад? Лавочник ему просто скажет, что обратно он ничего не принимает. Что тогда делать? Сбегутся торговцы и прохожие — стыда не оберешься! И так уже никто не хочет ему ничего продавать, даже в лавки его не пускают. Каждый день приходится выслушивать оскорбления!

— Пусть масло остается, а я не пойду!.. — бросил Сиярам.

Нет в мире более несчастного существа, чем ребенок, потерявший мать. Он может забыть любые обиды, но этого горя он не забывает никогда. Вот и сейчас Сиярам вспомнил о своей матери.

«Если бы жива была мама, разве пришлось бы мне так мучиться? — думал он. — Мансарам умер. Джиярам — тоже. Для чего только я еще живу? Чтобы терпеть все это?»

Слезы градом хлынули из глаз Сиярама.

Вместе с горестным вздохом прямо из сердца его вырвались слова:

— Мама! Почему ты забыла обо мне? Почему не возьмешь меня к себе?

Неожиданно опять вошла Нирмала. Она думала, что Сиярам уже ушел, но увидев, что он сидит на кровати, раздраженно спросила:

— Ты все еще здесь? Когда же я буду готовить обед?

— Я в школу опоздаю, — ответил Сиярам, вытирая слезы.

— Если один раз опоздаешь, ничего не случится. По хозяйству тоже нужно помогать.

— Каждый день одно и то же! Я никогда не прихожу в школу вовремя. И на уроки времени не хватает. Что ни куплю, все приходится относить обратно и выслушивать всякую брань. Мне и то стыдно, а вам хоть бы что...

— Ах, вот как? По-твоему, я твой заклятый враг и если бы ты был моим родным сыном, то я бы тебя пожалела? Глупый! Я только и молю бога о том, чтобы ты смог получить образование! Я знаю, ты не виноват, что видишь во мне одно только плохое. Даже имя маче-

хи тебе ненавистно! Родная мать даст яд, и тот покажется тебе медом, а я нектаром напою — и ты скажешь, что это яд. Из-за вас вся моя жизнь проходит в слезах. Зачем только бог позволил мне на свет родиться! А тебе кажется, что я развлекаюсь, что мне нравится тебя мучить. Бог знает, когда наступит конец всем моим страданиям!

Глаза Нирмалы наполнились слезами, и она поспешно ушла к себе.

Едва Сиярам увидел, что Нирмала плачет, его охватил страх. Это не было раскаянием, он просто боялся, что его накажут. Молча взял он горшок с маслом и поплелся обратно на базар. Как у бездомной собаки, прокравшейся в деревню, в каждом движении мальчика сквозила боязнь и неуверенность. Даже неискушенный человек, завидя его, мог легко догадаться, что это идет сирота.

Чем ближе Сиярам подходил к базару, тем учащенней билось его сердце. Он решил, что если лавочник не возьмет масло, он поставит горшок и уйдет. Пусть потом сам его зовет! Сиярам заранее обдумал все, что скажет лавочнику. «Что же ты, хозяин, людей обманываешь,— скажет он.—Показываешь хороший товар, а продаешь никуда не годный?» Но, несмотря на принятое решение, ноги его еле двигались. Ему так не хотелось возвращаться! Чтобы оттянуть время, Сиярам сделал круг и подошел к лавке с другого переулка.

— Я же сказал, что не возьму назад проданный товар! — набросился на него лавочник.— Говорил я тебе или нет?

— Разве ты мне дал то масло, которое показывал! — вспыхнул Сиярам.— Показал одно, а дал другое. Как же тут не вернуть его обратно. Это же обман!

— Если отыщешь на базаре масло лучше этого, я тебя в парчу одену,— заявил хозяин.— Бери горшок и поди посмотри в других лавках.

— У меня нет времени. Возьми свое масло.

— Ну, нет!..

Неподалеку от лавки сидел на земле какой-то садху в рубище и молча наблюдал за всем происходящим. Потом он поднялся, подошел к Сияраму и, понюхав масло, сказал:

— Масло-то, пожалуй, не плохое, сынок...

Почувствовав поддержку, лавочник осмелел:

— Я не держу плохие товары! Разве можно продавать плохие продукты знакомым покупателям? Бери, мальчик, масло очень хорошее.

Сираям заплакал. Как он мог теперь доказать, что масло плохое? Он только сказал:

— Это она говорит, что масло никуда не годится. Неси, говорит, его назад! А я знаю, что оно хорошее.

— Кто же это? — осведомился садху.

— Наверно, его мачеха, — вставил лавочник. — Ей то одно, то другое не нравится. Гоняет бедного мальчика на базар по нескольку раз. Родная мать так бы не делала!

Садху посмотрел на Сиярама полными сочувствия глазами, а затем спросил голосом, полным сострадания:

— Сколько времени прошло со дня смерти твоей матери?

— Шесть лет, — ответил Сиярам.

— Ты, наверно, был тогда совсем маленьким! О всевышний, неисповедимы твои пути! Совсем малого ребенка ты лишил материнской любви. Большое зло сотворил ты, о боже! Шестилетний мальчик попал в лапы к злой мачехе. Где же твое небесное милосердие? Хозяин, пожалей мальчика, возьми у него масло, не то мачеха выгонит его из дому. Бог даст, ты скоро все распродашь. Да будет с тобой мое благословение.

Лавочник согласился заменить масло.

— Все равно тебя, мальчик, пошлют на базар, а народ здесь всякий — еще обманут бедного сироту. Вот тебе самое лучшее масло. Такого нигде не найдешь!..

«Добрый старик! — подумал Сиярам. — Если бы не он, разве лавочник дал бы мне такое масло?»

— Моя мать тоже умерла, когда мне было всего три года, — сказал садху. — Поэтому, как только я вижу сироту, у меня прямо сердце разрывается.

— И ваш отец женился во второй раз? — спросил Сиярам.

— Да, сынок, иначе я не был бы садху. Сначала отец не хотел жениться: он очень любил меня. Потом неизвестно почему взял и женился. Я — садху, и мне не добавляет плохо говорить о людях, но мачеха моя была так же жестока, как и красива. Она не давала мне есть целыми днями, и если я плакал, била меня. Отец тоже отвернулся от меня. Я стал ему противен. Стоило ему уви-

деть, что я плачу, как он набрасывался на меня с кулаками. В конце концов я не стерпел и убежал из дому.

Сиярам и раньше подумывал о том, чтобы убежать из дому, и сейчас эта мысль снова мелькнула у него в голове.

— А куда вы пошли, когда убежали из дому? — с любопытством спросил он.

— В тот день кончились все мои мученья, — улыбнувшись, ответил старик. — Когда я порвал все узы, связывающие меня с домом, и изгнал страх из своего сердца, настал час моего освобождения. Целый день я просидел под мостом. Вечером я повстречал одного махатму. Его звали Свами Пармананд-джи. Он с детства был аскетом. Вот этот человек сжалился и взял меня с собой. С ним я начал скитаться по свету. Он был настоящим мудрецом и открыл мне тайны йогов. Сейчас я настолько в этом преуспел, что, когда захочу, могу вызывать свою мать и разговаривать с ней.

— Но ведь ваша мать умерла! — глядя на него широко раскрытыми глазами, проговорил Сиярам.

— Ну и что ж из того, сынок? — возразил садху. — Йоги обладают такой силой, что могут вызвать душу любого человека.

— А если я выучусь этому, я тоже смогу увидеть свою маму?

— Конечно! С этой наукой все можно сделать. Нужен только хороший наставник. Учение йогов может дать тебе много выгод. Ты сможешь в мгновение ока разбогатеть, ты будешь знать лекарства от всех болезней...

— А где вы живете?

— Нигде, сынок. Я скитаюсь по всему свету. Ну, ладно, а теперь ступай. Пойду, совершу омовение и опять обращусь мыслями к богу.

— Можно мне побыть с вами еще? Я иду в ту же сторону.

— Нет, сынок, ты опоздаешь в школу.

— А когда я вас снова увижу?

— Я как-нибудь приду, сынок. Ты где живешь?

— Пойдемте к нам! — обрадовался Сиярам. — Это совсем рядом. Пойдемте, прошу вас!

Сиярам быстро пошел вперед. Он был в восторге, как будто нашел слиток золота. Подойдя к своему дому, мальчик сказал:

— Зайдите, почтеннейший садху, отдохните у нас немного.

— Нет, сынок. Я зайду как-нибудь потом, быть может, завтра или послезавтра. Теперь я знаю, где твой дом.

— А в какое время вы придете?

— Точно не знаю, но обязательно навещу тебя, мальчик!..

И длинноволосый садху пошел дальше, оглядываясь на дом адвоката. Вскоре он встретил другого такого же аскета в лохмотьях.

— Где ты был, Харихарананд? — спросил его садху. — Есть что-нибудь?

— Я обошел здесь все — пустое дело, — ответил Харихарананд. — Нашел было одного, да этот проклятый мальчишка дразнил меня потом целый час. Еле отвызался!..

— А мне, кажется, один попался. Почти наверняка попался!

— Брось, Пармананд! Ты всегда так говоришь, а толку-то что? Через пару дней он все равно убежит.

— Этот не убежит, вот увидишь. У него умерла мать, а отец женился на другой. Мачеха его совсем замучила, так что теперь ему родной дом не мил.

— Ну, если так, то может быть. Обещай ему побольше. Смотри, как бы не ушел!..

— А как же! Без этого нельзя. Такой способ — самый лучший. Теперь нам надо у него выведать, в каких еще домах есть мачехи. Там и нужно расставить сети!

Глава двадцать вторая

— Где ты пропадал так долго? — сердито спросила Нирмала, когда Сиярам вернулся.

— Заснул по дороге! — дерзко ответил тот.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? Уже пробило десять. А базар всего в двух шагах.

— Какое там в двух шагах! Прямо у порога!

— Почему ты так разговариваешь? Словно делал какую-то работу за меня!

— И что вы зря говорите? Думаете, легко вернуть назад купленный товар? Целый час с лавочником спо-

рил. Еще спасибо, какой-то старик уговорил его взять масло. А по дороге я нигде не задерживался, прямо домой пошел.

— Если ты за маслом ходишь до одиннадцати часов, то с дровами и вовсе к вечеру вернешься! Отец так и ушел голодный! Лучше бы ты совсем не ходил. Дров-то хоть принесешь?

Сиярам уже не владел собой:

— За дровами еще кого-нибудь пошлите! Я в школу опаздываю!

— А есть ты хочешь?

— Не хочу.

— Я готовлю обед... Кто же пойдет за дровами?

— Пошлите Бхунги!

— Разве ты не знаешь, что приносит Бхунги?

— Ну, а я сейчас не пойду. Мне в школу пора.

— Как хочешь, можешь отправляться голодным!

Но на самом деле Сиярам уже несколько дней не ходил в школу. Он столько времени терял на беготню по базару, что ему было просто некогда даже заглянуть в книжки, и когда он приходил в класс, ему оставалось только стоять у скамьи провинившихся или надевать позорный колпак. Поэтому он выходил из дому с книгами, шел куда-нибудь за город и там спал где-нибудь под деревом или смотрел, как маршируют солдаты. А в три часа возвращался домой.

Сегодня Сиярам тоже не пошел в школу. Но спать ему не хотелось: все внутри у него ныло от голода. Ох! Как бы он обрадовался сейчас хотя бы корке хлеба! Неужели к десяти часам нельзя было приготовить завтрак? Что и говорить — для него в доме не нашлось даже нескольких пайс! Если бы жива была мать, разве бы она позволила ему уйти так! Видно, никому он теперь не нужен!

И Сияраму мучительно захотелось снова увидеть доброго садху. «Где бы его найти?» — думал он.

Заманчивые речи старика, его показная доброта — все это привлекало мальчика.

«Почему я сразу не остался с ним? — сетовал он. — Что меня удерживает дома?»

И когда пробило три часа, он не пошел домой, а прямо отправился к торговцу маслом. Может быть, там поспасливится встретить старика? Но садху возле лавки

не оказалось. Долго ждал его Сиярам и только к вечеру вернулся домой.

Не успел он присесть, как в комнату вошла Нирмала.

— Где ты шляешься? — спросила она. — Утром без завтрака из-за тебя остались и сейчас есть нечего! Сходи на базар за овощами.

— Я целый день голодный хожу, — сердито сказал Сиярам, — а вы мне даже попить не дали и гоните на базар! Я вам не слуга! А если меня здесь кормят только за то, что я работаю, то лучше буду у чужих жить, только не у вас! Отстаньте от меня!

Нирмала не верила своим ушам. Что случилось с мальчиком? Раньше он молча выполнял все ее поручения, — почему же сегодня вдруг так изменился? Но скудость так въелась в ее душу, что ей даже в голову не приходило, что она должна была прежде всего дать Сияраму хоть несколько пайс на еду.

— Я же не требую платы за свою работу по дому! — сказала она. — Этак я скажу, что не буду готовить обед, твой отец скажет, что не пойдет в суд, что же тогда будет? Не хочешь, не ходи, я пошлю Бхунги. Я не знала, что тебе так трудно сходить на базар. Ладно! Теперь я буду платить за все втридорога, но тебя никуда не пошлю!

Сиярам немного смутился. Однако на базар так и не пошел. Все его мысли были обращены сейчас к доброму садху. Ему казалось, что если старик благословит его и возьмет с собой, — разом кончатся все страдания и воскреснут надежды. Только под его крылом, только с ним жизнь снова обретет для него смысл.

Наступил вечер. Сиярам, охваченный нетерпением, исходил весь базар. Старика нигде не было. Но наивный юнец, который уже целый день ничего не ел, с сердцем, полным надежд и страха, все искал и искал у лавок, переулков и храмов своего воображаемого спасителя и защитника, без которого жизнь казалась ему невыносимой. Около молельни он увидел какого-то садху и расцвел от радости. Но это был другой, незнакомый странствующий аскет. В отчаянии Сиярам поплелся дальше.

Понемногу улицы пустели, двери домов запирались. Сыны Индии, расстелив на тротуарах бамбуковые циновки или мешки, погружались в спокойный сон. А Сиярам и не думал возвращаться домой. К чему было идти

туда, где его никто не любит, где он стал слугой, где за него некому было заступиться?! Там, наверно, и сейчас никто его не хватился. Отец поужинал и занялся своими бумагами, мачеха пошла спать. Никто, наверно, и не заглянул в его комнату! Может быть, только тетя беспокоится и еще ждет его. Она не сядет ужинать до тех пор, пока он не вернется.

Вспомнив о Рукмини, Сиярам повернул к дому. Если она и не могла ничего изменить, то по крайней мере хоть плакала вместе с ним, прижимая его к груди. Заботилась о нем. Когда он приходил с улицы, она всегда приносила ему воды умыться.

Не все дети полощут рот молоком, и не все едят на золоте... А сколько из них живут впроголодь! Но отвращение к своему дому появляется только у тех, кто лишен материнской любви.

Сиярам уже подошел к дому, когда из переулка вдруг показался почтенный Пармананд. Сиярам бросился к нему и схватил его за руку. Вздрогнув от неожиданности, садху спросил:

— Откуда ты, сынок?

— Я ходил к товарищу, — солгал Сиярам. — А вы далеко отсюда остановились?

— Мы, сынок, сегодня уходим. Наш путь лежит в Харидвар.

Сиярам упал духом.

— Неужели сегодня? — переспросил он.

— Да, сынок. Увидимся, когда вернусь.

— Когда вернетесь?!

— Но я скоро опять приду в ваш город, сынок!

— А можно мне пойти с вами? — смиренно попросил Сиярам.

— Со мной? А родные позволят тебе?

— Какое им до меня дело, — прошептал мальчик и больше уже ничего не мог сказать. Но его полные слез глаза были красноречивее всяких слов.

— Ну что ж, сынок, если хочешь, пойдем, — обняв его, произнес Пармананд. — Ты будешь счастлив среди святых людей, и, бог даст, все твои желания исполнятся!

Глупая птица покружилась над приманкой и сама полезла в сеть птицелова. Но что ее ждет — нож или клетка, — никто не знает!

В пять часов Тотарам вернулся из суда и, пройдя к себе, упал на кровать. Адвокат целый день ничего не сл, лицо его осунулось. Нирмала поняла, что день прошел впустую.

— Сегодня опять ничего не заработали? — спросила она.

— Весь день пробегал, и все зря.

— А чем кончилось то дело?

— Моего подзащитного осудили.

— А дело пандита?

— Тоже не в его пользу.

— Но вы сказали, что все зависит от апелляции.

— Я и сейчас повторяю, что надо подавать на апелляцию, да разве его уговоришь?

— А тяжба из-за земли?

— Проиграна.

— Ну, значит, сегодня вам просто не повезло!

От адвоката теперь было мало пользы. Почти никто к нему больше не обращался, а если и перепадало какое-нибудь дело, он его обязательно проигрывал. Но Тотарам скрывал свои неудачи от Нирмалы. Если ему ничего не удавалось заработать, он занимал у кого-нибудь две-три рупии и приносил их домой. Так понемногу он задолжал почти всем своим друзьям, и сегодня ему не удалось достать денег даже этим способом.

— Если так пойдет дальше, одному богу известно, на что мы будем жить, — озабоченно сказала Нирмала. — А тут еще Сиярам ленится — трудно ему на рынок сходить! Всю работу хочет свалить на Бхунги. Пошел за маслом, а вернулся только в одиннадцать часов. Сколько раз я ему говорила, чтобы принес дров, он и слушать не желает!

— Значит, есть нечего?

— Как можно готовить без дров? Вы и дела проигрываете оттого, что плохо питаетесь.

— Так он ушел голодный?

— А чем его кормить? В доме нет ничего.

— И ты ему даже мелочи не дала? — встревоженно спросил Тотарам.

— Откуда же у нас деньги? — нахмутив брови, обронила Нирмала.

Тотарам ничего не ответил. Он еще подождал немного, надеясь, что ему хоть что-нибудь дадут поесть, но когда Нирмала не предложила даже воды, махнул рукой и ушел к себе. Сердце тоскливо сжалось, когда он подумал о Сияраме.

Прошел целый день, а мальчик до сих пор ничего не ел. Должно быть, лежит в своей комнате и плачет. Ну что бы случилось, если бы за дровами один раз сходила Бхунги? Кому нужна такая экономия, если все голодные!

Тотарам открыл свою шкатулку, чтобы проверить, не завалилась ли там какая-нибудь мелочь. Он вынул все бумаги, заглянул в каждое отделение, но ничего не нашел. Если уж у Нирмалы в шкатулке деньги не растут, то здесь и подавно искать нечего!

Он уже начал укладывать бумаги обратно, как вдруг из них выпала монетка в четыре анны. Тотарам чуть не подпрыгнул от радости. Да, тогда, когда он зарабатывал большие деньги, он не испытывал такой радости, как теперь, при виде этой монетки. Зажав ее в кулаке, Тотарам подошел к двери сына и окликнул его. Ответа не последовало. Тогда он вошел в комнату. Она была пуста. Неужели Сиярам еще не вернулся из школы? Адвокат спросил об этом у Бхунги, и та сказала ему, что мальчик пришел из школы уже давно.

— Он что-нибудь ел? — осведомился Тотарам.

Бхунги молча помотала головой и ушла.

Тотарам медленно побрел к себе.

Сначала он рассердился на Нирмалу, но уже через мгновение стал ругать самого себя. Лежа на постели в своей полутемной комнате, он упрекал себя за равнодушие к сыну. Однако усталость брала свое — за день адвокат намучился, — и он скоро заснул.

— Господин, ужин готов! — позвала его Бхунги.

Тотарам вздрогнул и поднялся. В комнате уже горела лампа.

— Сколько времени, Бхунги? — спросил он. — Я, кажется, задремал.

— На часах полицейского управления пробило девять. А мы до сих пор не ужинали.

— Сия пришел?

— Если бы пришел, куда бы ему деться.

Тотарам рассердился.

— Я спрашиваю, пришел он или нет? Что ты там бормочешь?

— Я не видела. А чего я не знаю, того не знаю.

Адвокат снова лег на постель и сказал:

— Когда он вернется, тогда и будем ужинать.

Так он полежал еще с полчаса, глядя на дверь, затем встал, вышел из дому и прошелся по улице. Вернувшись, он подошел к крыльцу и спросил:

— Сия дома?

— Нет еще!

Тотарам направился теперь в другую сторону и остановился на углу. Сиярама нигде не было видно. Он снова вернулся к дому и опять спросил:

— Сия пришел?

— Нет,— послышался голос Бхунги.

На часах полицейского управления пробило десять. Тотарам поспешно направился к парку «Компани баг».

«Наверно, Сиярам пошел туда погулять и уснул где-нибудь на траве»,— думал он. Адвокат обошел весь парк и осмотрел каждую скамью. Там спало много детей, но Сиярама среди них не было. Он несколько раз громко позвал сына, однако никто не откликнулся. Тогда ему пришла в голову мысль, что, может быть, в школе сегодня какое-нибудь представление, поэтому Сиярам и задержался. До школы было больше мили. Он пошел туда, но уже с полдороги вернулся: даже базар был закрыт! Так поздно в школе не могло быть никакого представления. Теперь он надеялся только на то, что Сиярам уже дома. Подойдя к дому, адвокат спросил:

— Сия пришел?

Двери были заперты, и никто ему не ответил. Он еще раз громко позвал. Бхунги открыла ему и проворчала:

— Еще не приходил.

Тотарам тихо подозвал ее и печально сказал:

— Ты ведь знаешь все домашние дела! Расскажи, что сегодня случилось?

— Хозяйка может меня прогнать хоть завтра, господин, но врать я не буду! С другими детьми так не обращаются! Если что нужно, на базар только и посылают Сиярама. Он весь день бегает то туда, то сюда. Сегодня не сходил за дровами, так его даже не покормили.

А сказать ничего нельзя — госпожа сердится. Если вы сами за ним не смотрите, кто же еще будет смотреть?.. Ужин стынет... Хозяйка вас давно ждет.

— Скажи ей, что я есть не буду.

Тяжело вздохнув, Тотарам пошел к себе.

— Боже, неужели мои страдания еще не кончились? — бормотал он. — Неужели и этого сына ты у меня отнимешь? Неужели вырвешь посох из рук слепца?

Вошла Нирмала.

— Сиярам до сих пор не вернулся, — сказала она. — Хотела накормить, так нет, убежал! Где его только носит? Никого не слушается, совсем от рук отбился. Сколько я его буду ждать? Идите поужинайте, а ему я оставляю.

Тотарам взглянул на нее и в сердцах спросил:

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Да, наверно, часов десять...

— Уже двенадцать!

— Двенадцать часов? Так поздно он еще никогда не приходил! Неужто вы еще будете его ждать? И подумать только — он не обедал! Негодный мальчишка! Дай ему волю, он и голодный будет бегать где-нибудь с утра до ночи!

— Почему ты его так не любишь?

— Да вы сами посудите, — уже ночь, а он и не думает возвращаться!

— Может, с ним что-нибудь случилось?

— Что с ним случится? Никуда он не денется! Верно, сидит у кого-нибудь из своих приятелей, и все!

— Может быть. Дай бог, чтобы это было так.

— Если он сейчас же не явится, накажите его как следует!

— Он у меня получит.

— Покушали бы...

— Вот у его отлуплю утром, тогда и поем! Но что ты будешь делать, если он не вернется? Где ты еще найдешь такого слугу?

— При чем здесь я? — возмутилась Нирмала. — Я его из дому не гнала!

— Никто этого и не говорит. Зачем же тебе его выгонять! Ведь он на тебя же работал. Без него тебе тяжело придется!

Нирмала ничего не ответила; она боялась, что разговор перейдет в ссору. Не говоря ни слова, она ушла к себе и легла спать. А немного погодя Бхунги заперла дверь.

Но Мунши Тотарам не мог заснуть. Из трех сыновей у него остался только один, если он тоже пропадет, жизнь Тотарама превратится в беспросветный мрак. Кто продолжит тогда его род? Никто. Какие бесценные жемчужины выскользнули у него из рук! Глаза Тотарама наполнились слезами. Единственный слабый луч надежды еще поддерживал в нем мужество. Но что будет с ним, когда и этот луч погаснет? Какие еще страдания его ожидают?

Глаза Тотарама слипались, но каждый раз, когда ему слышались шаги сына, он вскакивал с постели и прислушивался.

Едва рассвело, Тотарам снова отправился на поиски сына. Он ни к кому не обращался: ему было стыдно расспрашивать людей. Сочувствия от них все равно не дождешься! Вслух, конечно, никто его не осудит, но в душе каждый будет злорадствовать: что, мол, посеешь, то и пожнешь.

Весь день Тотарам ходил по школьным площадкам, базарам и паркам. Откуда у него брались силы, он и сам не знал: ведь он ничего не ел уже второй день!

Лишь к полуночи адвокат вернулся домой. Над входом горел фонарь. У дверей его ожидала Нирмала.

— Почему вы меня не предупредили? — упрекнула она его. — Я даже не знала, куда вы ушли! Удалось что-нибудь узнать?

— Отойди, проклятая! — ответил Тотарам, глядя на нее с ненавистью. — Задушу!.. Это твоих рук дело! Только из-за тебя я лишился всего. Разве таким был мой дом шесть лет назад? Ты разрушила мою семью, опустошила мой цветущий сад! Один только слабый росток остался! Но ты будешь довольна лишь тогда, когда и его уничтожишь! Не для того я взял тебя в жены. Я мечтал о счастливой жизни, а теперь погибаю. Всевышний меня наказал!.. Мальчишками помыкали здесь как хотели. Отец еще не умер, а ты уже считала их своими слугами! А я смотрел на все и ничего, ничего не видел! Ну что ж, дай и мне теперь яду — тогда все твои желания сбудутся!

— О боже, я сама знаю, что всем приношу несчастье! — заплакала Нирмала. — И зачем только бог позволил мне на свет родиться! Горе мне! Неужели и Сиярам?!

— Ты лучше не говори о нем!.. — прохрипел Тотарам. — Можешь радоваться! Твое желание исполнилось.

Глава двадцать четвертая

Нирмала проплакала всю ночь. Такой позор! Она не осмелилась даже рта раскрыть, когда видела, как Джиярам украл ее украшения, чтобы люди не думали, будто она клеветает на сироту. А муж считает, что Джиярам покончил с собой из-за нее. Но если бы она тогда оставила его и Джиярам от стыда навсегда покинул родительский дом, ведь опять бы во всем обвинили ее!

А что плохого она сделала Сияраму? Посылая его за покупками, она думала лишь о том, чтобы хоть немного сэкономить. Разве она копила себе на драгоценности? Ведь их доходы так уменьшились! Она обязана беречь каждую пайсу. Даже сейчас, пока у них еще есть силы, на заработок трудно прожить. А что будет в старости? Где взять денег на свадьбу дочери? Разве она одна отвечает за ее судьбу? Ведь она старалась помочь мужу. Да и не только мужу! После смерти отца главой семьи стал бы Сиярам! Разве тогда забота о том, чтобы выдать свою сестру замуж, не легла бы на его плечи? Вся экономия ее сводилась лишь к тому, чтобы оградить отца и сына от бед и трудностей, — ведь свадьба дочери в их положении была бы катастрофой! Но и здесь наградой за все ее старания был позор!..

Наступил полдень, но огня в доме никто не разводил. О еде никто и не думал. Тотарам безжизненно лежал на веранде, Нирмала — у себя в комнате. Девочка ходила от отца к матери, но никто не хотел с ней играть. Насколько раз она подбегала к комнате Сиярама и звала его:

— Братик! Братик!

Но никто не отзывался.

Вечером Тотарам вошел к жене и спросил:

— У тебя есть деньги?

Нирмала вздрогнула.

— Зачем вам деньги?

— Отвечай, раз я тебя спрашиваю!

— Разве вы не знаете? Вы же мне их сами даете.

— Есть у тебя деньги или нет? Если есть, дай мне, а нет, так и скажи.

— Если деньги есть, значит они в доме. Я их никуда не отсылаю,— снова уклонилась Нирмада от прямого ответа.

Тотарам повернулся и ушел. Он понял, что у Нирмалы деньги есть. Правда, она не сказала ни да, ни нет, но было видно по всему, что какую-то сумму она припрятала и не хочет с ней расставаться.

Тотарам вернулся домой часов в девять вечера.

— Я уезжаю, сестра,— сказал он Рукмини.— Скажи Бхунги, чтобы увязала мою постель и собрала немного белья.

— А жена? Ей все равно делать нечего,— проворчала Рукмини, продолжая стряпать.— Куда ты собрался?

— Сделай одолжение, сестра. Поверь, я не стал бы зря тебя затруднять... Почему сегодня готовишь ты?

— Больше никому! У хозяйки голова болит,— ответила Рукмини.— И куда ты в такое время поедешь? Отправлялся бы утром!

— Я уже и так три дня все откладываю. Поеду посмотрю, может где-нибудь и наткнусь на след Сиярама. Мне сказали, что он разговаривал с каким-то садху. Наверно, эти длинноволосые его и сманили.

— А когда вернешься?

— Не могу сказать. Может, через неделю, а может, через месяц — кто знает?

— А какой сегодня день? Ты спросил пандита, можно в этот день отправляться в путь или нет?..

Тотарам сел ужинать. Сейчас Нирмала искренне жалела его. Весь ее гнев пропал. Она не стала расспрашивать мужа сама, а разбудила девочку и, целуя ее, сказала:

— Спроси, куда твой папа уезжает, ладно?

Аша выглянула из-за двери и спросила:

— Папа, ты куда едешь?

— Далеко еду, дочка, еду искать твоего брата,— ответил отец.

Девочка продолжала стоять в дверях.

— Мы тоже поедem,— сказала она.

— Это очень далеко, дочка! Ты меня здесь подожди, а я тебе подарок привезу. Почему ты неходишь? Иди-ка сюда!

Аша улыбнулась, спряталась за дверь, но через минуту снова высунула головку и повторила:

— Мы тоже поедем!

— Нет, я тебя не возьму,— сказал Тотарам.

— Почему не возьмете?

— Потому что ты ко мне не идешь.

Семена ножками, девочка вошла в комнату и села к отцу на колени. Адвокат заговорил с ней и на мгновение забыл о своем горе.

Поужинав, Тотарам начал собираться в путь. Нирмала молча следила за ним. Она хотела отговорить его и не могла ничего сказать. Нужно было дать ему хоть немного денег на дорогу. Нирмала достала деньги, но так и не решилась заговорить с мужем.

Наконец, она не выдержала и обратилась к Рукмини.

— Сестра, скажите хоть вы, куда он едет? У меня точно язык отнялся, не могу с ним заговорить. Где он будет искать Сиярама? Только зря измучается!

Рукмини с жалостью посмотрела на нее и ушла в свою комнату.

Нирмала взяла девочку на руки. Она думала, что перед отъездом муж зайдет хотя бы взглянуть на дочку, но надежды ее не оправдались: Тотарам взял постель и пошел к тонге.

Сердце Нирмалы сжалось. Она вдруг поняла, что больше с ним не увидится. В тревоге она бросилась к дверям, чтобы остановить мужа, но тонга уже отъехала.

Глава двадцать пятая

Потянулись дни. Тотарам отсутствовал уже целый месяц, но до сих пор от него не было ни одного письма.

Нирмалу тревожила навязчивая мысль: «Что, если он вернется ни с чем? Что тогда?» Она не беспокоилась о муже, о том, что он скитается где-то измученный и бездомный, о том, что он может заболеть. Она уже не думала о себе. Ее волновала только судьба дочери. Что будет с девочкой? Как жить дальше?

Деньги, которые Нирмале удалось сэкономить, быстро таяли, и когда она тратила хотя бы пайсу, ей казалось, что она отдает по капле собственную кровь.

Ослепленная гневом, Нирмала проклинала Тотарама. Девочка плакала и просила есть. Тогда Нирмала обрушивалась даже на эту невинную крошку. Рукмини она теперь просто не могла выносить. Она ненавидела ее за то, что та живет в ее доме. Только этого камня на шее ей еще не хватало! А когда горит сердце, с языка невольно сыплются угли. Раньше Нирмала отличалась приветливостью и добротой, но сейчас она стала сварливой. Целый день с ее языка слетали всякие колкости: она словно позабыла простые ласковые слова, в чувствах ее не осталось и следа прежней красоты.

Бхунги уже давно служила у Тотарама и привыкла ко всему, но даже она не могла больше выносить этого постоянного ворчания. Кончилось тем, что и она ушла. И в довершение всего Нирмала стала вымещать досаду на своей дочке, которую раньше боготворила. По любому поводу она ругала ее, а иногда и била. Рукмини брала на руки плачущую девочку, ласкала ее и успокаивала. Только у нее несчастная крошка и находила теперь защиту и утешение.

Единственным местом, где Нирмала могла отдохнуть душой, оставался дом Судхи. Она пользовалась любым поводом, чтобы сходить к ней и поболтать. Но теперь она перестала брать с собой Ашу. Раньше, когда в семье был достаток, девочка смеялась в гостях и играла, а сейчас, едва переступив порог чужого дома, начинала просить есть. Нирмала кидала на нее злобные взгляды, исподтишка грозила ей, но та твердила свое. Тогда мать стала оставлять ее дома.

Рядом с Судхой Нирмала снова чувствовала себя человеком. На время она освобождалась от всех забот. Как пьяница, хлебнув вина, забывает свои огорчения, так и она, придя к Судхе, забывала все. Тот, кто видел ее дома, поразился бы, встретив ее здесь. Эта сварливая раздражительная женщина совершенно менялась: у подружки она становилась веселой, остроумной и привлекательной. Все сокровища ее молодости расцветали здесь пышным цветом. Оживленная, хорошо причесанная и нарядно одетая, Нирмала приходила к подружке не плакать, а смеяться, пряча свои страдания в глубине души.

Однако и эта единственная радость была, видно, не для нее. Обычно Нирмала заходила к Судхе в полдень или немного позже, но однажды она так от всего устала, что пришла с утра. Судха ушла на реку купаться, доктор Синха одевался, собираясь в больницу, а служанка была занята своими делами. Пройдя в комнату подруги, Нирмала спокойно села и решила ее подождать. «Судха, наверно, скоро придет», — подумала она.

Просидев так минуты три, Нирмала взяла из шкафа книгу, сбросила с головы край сари, легла на диван и принялась рассматривать картинки. В это время доктор искал свои очки. Ничего не подозревая, он вошел в комнату жены. Там была Нирмала. Увидев его, она испуганно вскочила и поспешно накрыла голову концом сари. Доктор повернулся, чтобы уйти, но вдруг задержался у бамбуковой занавески.

— Простите, Нирмала, — пробормотал он. — Я не знал, что вы здесь. Я ищу очки. Не знаю, куда их положить. Может быть, они здесь?

Нирмала заглянула в нишу у изголовья и увидела там маленький футлярчик. Она взяла его и, сжавшись всем телом, опустив голову, смущенно протянула очки доктору.

До этого Синха часто видел Нирмалу, но такого волнения, как сейчас, он еще никогда не испытывал. Пламя, которое он некогда похоронил в своем сердце, вдруг загорелось от случайного порыва ветра. Рука доктора, когда он брал очки, дрожала. Вместо того чтобы поблагодарить и уйти, он продолжал стоять.

Смущенная тем, что они находятся наедине, Нирмала спросила:

— Где Судха?

— Пошла купаться, — ответил доктор, не смея поднять глаза.

— Она скоро вернется? — снова спросила Нирмала.

— Наверно, скоро.

Доктор стоял, опустив голову, и не уходил. В его душе боролись противоречивые чувства. Его язык связывало не приличие, а скорее страх.

— Она, должно быть, пошла погулять после купания, — робко сказала Нирмала. — Тогда я лучше пойду.

Опасение, что она сейчас действительно уйдет, придало доктору смелость. Когда армия доходит в своем

отступлении до обрывистого берега реки и видит, что дальше дороги нет, силы ее удваиваются.

Доктор поднял голову, посмотрел на Нирмалу и дрогнувшим от страсти голосом проговорил:

— Не уходите, Нирмала! Она сейчас придет! Вы каждый день говорите с Судхой, побудьте сегодня со мной! О господи, какая мука! Я не могу больше так! Нирмала, поверьте мне, я без вас...

Но больше Нирмала ничего не слышала. Ее словно промом поразило! Ей казалось, что земля уходит из-под ног. Лихорадочно закутавшись в свое покрывало и не сказав доктору ни слова, она выбежала из комнаты. А доктор Синха так и остался стоять, с тоскою глядя ей вслед. Он не осмелился ни остановить ее, ни окликнуть.

Выбежав на улицу, Нирмала увидела подкатившую тонгу, в которой сидела Судха. Та заметила подругу, быстро сошла с тонги и направилась к ней, но Нирмала молча устремилась к своему дому. Судха застыла от удивления. Что случилось? Обеспокоенная, она быстро вошла к себе и обратилась с расспросами к служанке. Та ничего не могла ответить. Судха пригрозила, что все узнает сама и прогонит виновных. Потом прошла в свою комнату и увидела там мужа. Он сидел на кровати, опустив голову.

— Нирмала сюда приходила? — спросила Судха.

Доктор смущенно потер лоб.

— Кажется, приходила.

— Наверно, кто-нибудь из слуг надерзил ей. Она убежала и даже не стала со мной разговаривать.

Лицо доктора посерело.

— Но здесь никого не было, — пробормотал он.

— Почему же она обиделась? Я все равно узнаю, кто виноват, и, видит бог, плохо тому придется!

— Откуда ты взяла, что ее кто-нибудь обидел? — смутившись, возразил доктор. — Может быть, она тебя просто не заметила!

— Не заметила? Как бы не так! Я как раз сходилась с тонги; она даже посмотрела в мою сторону, но разговаривать не стала. Нирмала была в этой комнате?

Доктор замер от страха.

— Была... — нерешительно проговорил он.

— Должно быть, она убежала, увидев, что ты тут сидишь. Или кто-нибудь из прислуги выкинул номер. Эти

девки совершенно не умеют держать себя! Эй, Сундария, поди-ка сюда!

— Зачем ты ее зовешь? Ведь Нирмала отсюда прошла прямо к дверям. Со служанками она даже не говорила.

— Значит, это ты ей что-нибудь сказал?

Сердце доктора замерло.

— Что же я мог ей сказать? Неужели я так дурно воспитан? — ответил он.

— Когда она зашла, ты так и сидел здесь?

— Меня даже в комнате не было! Я искал в гостиной свои очки, не нашел и подумал, что они, наверно, тут. Кто знал, что Нирмала у тебя. Я хотел уйти, но она сама спросила, не нужно ли мне чего-нибудь. Ну я и попросил ее взглянуть, нет ли в комнате моих очков. Очки оказались вон в той нише у изголовья, и она мне их подала. Вот и все. Больше мы ни о чем не говорили.

— Но почему тогда она так расстроилась?

— Да нет же, она ушла как обычно. Я еще ей сказал: «Посидите, жена сейчас придет». Но она не осталась.

— Ничего не понимаю, — подумав, проговорила Судха. — Я сейчас же пойду к ней и узнаю, в чем дело.

— Почему сейчас же? Впереди еще целый день!

— Я так беспокоюсь, а ты говоришь: целый день! Не могу я ждать целый день! — ответила Судха, накидывая покрывало.

Она быстро пошла к дому Нирмалы и уже через несколько минут была у нее. Нирмала лежала в своей комнате и плакала, Аша стояла рядом.

— Мапочка, почему ты плачешь? Почему?

Судха взяла девочку на руки.

— Сестра, скажи мне правду, что случилось? Тебя кто-нибудь обидел в моем доме? Я всех расспросила, но никто ничего не говорит.

— С чего ты это взяла, сестра, — ответила Нирмала, утирая слезы. — Да и кому там меня обижать?

— Почему же ты не стала со мной разговаривать, а сейчас плачешь?

— Просто тяжело на душе, вот и плачу...

— Ты меня не обманываешь? Поклянись!

— Зачем я буду тебя обманывать?

— Тогда поклянись!

— И клясться незачем...

— Если ты мне все не расскажешь, Нирмала, я буду считать, что ты меня совсем не любишь! Ведь ты притворяешься! Я от тебя ничего не скрываю, а ты со мной говоришь, как с чужим человеком. Я так в тебя верила, но теперь вижу, что верить можно только себе.

Чуть не плача, Судха опустила девочку на пол и пошла к двери. Нирмала бросилась к ней, схватила ее за руку и воскликнула, заливаясь слезами:

— Судха, умоляю тебя, не спрашивай ни о чем! Ты будешь только страдать, если узнаешь правду, а я, наверно, уже не смогу смотреть тебе в глаза. Если бы я знала, что меня ждет, разве пошла бы я к тебе сегодня? Какая я несчастная! Хоть бы бог поскорее прибрал меня! Если я и сейчас так мучусь, что же будет дальше?

Судхе было достаточно одного намека. Она поняла, что доктор оскорбил Нирмалу. Вспомнив его уклончивые ответы, смущенный вид и то, как он избегал ее взгляда, она задрожала от негодования. Не сказав больше ни слова и не слыша, что ей говорит Нирмала, Судха, как разъяренная львица, кинулась к дверям и устремилась к своему дому. Нирмала пыталась ее остановить, но куда там!.. Подруга уже была на улице. В отчаянии Нирмала упала на землю и разрыдалась.

Глава двадцать шестая

Весь день Нирмала пролежала в постели. Жизнь, казалось, покинула ее. Она не умывалась, ничего не ела и не пила. К вечеру у нее начался жар. Всю ночь тело горело как в огне. Лишь наутро температура немного спала. Нирмала лежала неподвижно, уставившись глазами в одну точку.

Всюду была пустота — и вокруг и в душе — ни забот, ни страданий, ни мыслей. У нее не было сил даже думать о чем-нибудь.

Неожиданно в комнату вошла Рукмини с девочкой на руках.

— Она очень плакала? — прошептала Нирмала.

— Нет, даже не всхлипнула. Судха прислала немного молока, я ее напоила, и она всю ночь спала спокойно.

— Разве молочница не принесла молока?

— Нет, хочет, чтобы мы вперед расплатились за старое. Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Ночью только знобило очень.

— А вот у доктора плохи дела!

— Боже!.. Что случилось?! — испуганно спросила Нирмала. — Он здоров?

— Что случилось — одному богу известно. Только готовятся к похоронам. Одни говорят, что он отравился, другие — что сердце отказало.

Нирмала почувствовала, что задыхается.

— Боже мой, что теперь будет с Судхой? Как ей дальше жить? — прерывающимся голосом проговорила она и разрыдалась.

Нирмала долго не могла успокоиться. Потом через силу поднялась с постели и начала собираться к подруге. Ноги ее подкашивались, приходилось опираться о стену, но решение ее было непреклонно. «Что наговорила Судха мужу? — думала Нирмала. — Ведь я ничего не сказала, но, кто знает, как она поняла мои слова?.. Неужели его, красивого, доброго, полного сил, уже нет!»

Если бы Нирмала знала, что все так кончится, она скрыла бы свою обиду и все обратила в шутку. Сердце ее разрывалось при мысли, что она погубила и этого человека. Ей было так невыносимо больно, словно в груди поворачивали нож.

Когда Нирмала добралась до дома доктора, тело его уже унесли и воцарилась тишина. В доме остались одни женщины. Судха сидела на земле и плакала. Увидев Нирмалу, она громко вскрикнула, кинулась к ней и, рыдая, прижалась к ее груди.

Когда все, наконец, разошлись и они остались одни, Нирмала спросила Судху:

— Как это случилось, сестра? Что ты ему сказала?

Сколько раз Судха уже отвечала себе на этот вопрос! И она высказала Нирмале то же, чем успокаивала себя:

— Я не могла молчать, сестра! После того, что он сделал, в сердце осталась только обида...

— Но я же тебе ничего не говорила.

— Что ты могла мне сказать?.. Он сам признался. И тогда я ему высказала все, что так наболело. Ведь дело не в том, что он задел тебя каким-то словом. Главное то, что у человека в душе, а совершил он это или нет, — уже не важно. Ведь это не пустые слова, которые

легко обратить в шутку! Они были сказаны наедине, и если бы ты уступила... Я тебе никогда не говорила, сестра, но я видела, как он смотрел на тебя. Тогда мне казалось, что я ошибаюсь, но это было совсем не так! Если бы я больше знала мужское сердце, никогда не позволила бы тебе приходить в мой дом или сделала бы так, чтобы он по крайней мере не видел тебя. Но откуда я могла знать, что мужчины говорят одно, а думают другое? Видно, так уж было угодно богу. Ну и пусть! Лучше быть вдовой, чем иметь такого мужа! Любой нищий счастливее миллионера, которого жалит его богатство, словно змея. Лучше голодать, чем есть отравленную пищу!

Нирмала ничего не успела ответить: во дворе появился младший брат доктора с Кришной, и дом снова огласился плачем.

Глава двадцать седьмая

На третий день после похорон Судха уехала со своим деверем, и Нирмала осталась совсем одна. Раньше она могла хоть поговорить с Судхой и отвести душу, а сейчас ей оставалось только одно — плакать. Здоровье ее ухудшалось с каждым днем. Чтобы сократить расходы, Нирмала сняла ветхий домик в узком переулке. Теперь весь мир заключался для нее в единственной комнате и маленьком дворике. Ни света, ни воздуха, от сточных канав за стеной исходило удушливое зловоние.

Деньги у Нирмалы еще были, но питались они кое-как, а по временам просто сидели голодными. Послать на базар было некого. Мужа нет, сына тоже нет, кто же станет разводить огонь, если готовить не для кого. Женщины обойдутся и так. Сегодня поели, а завтра можно потерпеть. Лишь для девочки каждый день готовили свежую халву или покупали хлеб. Как тут сохранить здоровье? Заботы, горе, невзгоды — это полбеды, но скоро к ним прибавилась еще и лихорадка. Нирмала решила не принимать никаких лекарств. Разве хватило бы ее жалких сбережений на лекарства? О чем тут говорить, когда денег и на еду не хватает! Она таяла день ото дня.

— Смотри-ка, что от тебя осталось!.. — сказала ей как-то Рукмини. — Разве так можно! Пойдем, я покажу тебя какому-нибудь врачу.

— Тому, для кого жизнь — одни слезы, смерть — облегчение,— с полным безразличием возразила Нирмала.

— Что ж, ты так и будешь ждать смерти?

— Смерть приходит без зова. Теперь уже недолго ждать. Каждый день, прожитый мною, можно считать за год.

— Не убивайся так! Ты еще будешь счастливой!

— Хватит с меня такого счастья! Я им насытилась. Если бы не Аша, я уже давно бы покинула эту землю, поверьте мне! Но что будет с моей крошкой?

Обе женщины заплакали. С тех пор как Нирмала слегла, в сердце Рукмини проснулось сострадание к ней. От бывлой ненависти не осталось и следа. Рукмини бросала все и бежала на зов Нирмалы, даже если была очень занята. Часами просиживала она возле невестки и рассказывала ей старинные предания. Она старалась приготовить что-нибудь повкуснее, чтобы Нирмала хоть немного поела, и рассчитала от счастья, когда видела, что та улыбается.

Рукмини очень привязалась к девочке. С мыслью о ней она засыпала и с этой же мыслью просыпалась. Для нее теперь не было на свете никого дороже.

— Сестра, зачем так отчаиваться? — снова пробовала Рукмини убедить Нирмалу. — Бог даст, через несколько дней тебе станет лучше! Пойдем к доктору! Это очень почтенный человек. Все знает!..

— Никакие врачи мне уже не помогут, сестра. Вы обо мне не думайте: позаботьтесь об Аше. Если будет жива-здорова, выдайте ее замуж в хорошую семью. Я ничего не смогла для нее сделать. Зачем только родила ее?.. Пусть моя дочь останется в девушках, но не выдавайте ее замуж за того, кто ей не подходит. Лучше отравите! Это моя последняя просьба. Как мне тяжело!.. Я ничем не могу вам помочь! За всю жизнь я, несчастная, никому не принесла радости! Даже тень моя всем приносила несчастье. Если муж когда-нибудь вернется домой, умоляю вас, сделайте так, чтобы он простил меня. Сколько мучений я причинила ему!

— Ты ни в чем не виновата, сестра,— сквозь слезы утешала ее Рукмини. — Видит бог, ни в чем тебя не виню! А за то, что часто была к тебе несправедлива, я буду мучиться до самой смерти.

— Что об этом сейчас говорить! — печально отозвалась Нирмала. — Я была предана мужу всей душой, а он относился ко мне с недоверием. Но разве я посмела бы сделать что-нибудь недозволенное? Разве я могла бы погубить свою душу? Нет, я и так слишком много выстрадала. Не знаю, за какие грехи прежней жизни мне пришлось так расплачиваться. А если бы я согрешила сейчас, что бы ждало меня впереди? Нет, нет...

Дыхание Нирмалы участилось, и она снова упала на кровать. В последний раз ее взгляд устремился на дочь. Нет слов, чтобы описать этот взгляд! Вся боль, все страдания ее горькой жизни сосредоточились в нем.

Три дня из глаз Нирмалы неиссякающим потоком струились слезы. Она ни с кем уже не разговаривала, никого не видела и ничего не слышала. Только плакала и плакала. Кто мог измерить ее страдания?

На четвертый день к вечеру горькая жизнь Нирмалы приблизилась к концу. И в тот самый сумеречный час, когда все живое возвращается к своим гнездам, душа Нирмалы, израненная выстрелами охотников, истерзанная когтями охотничьих соколов и страшными ударами ветра, отлетела к месту вечного успокоения.

Собрались соседи и вынесли тело из дома. Встал вопрос, кто будет его сжигать¹. Пока размышляли над этим, из толпы вдруг вышел какой-то старик с мешком за плечами. Это был Мунши Тотарам.

¹ Обряд сожжения тела могут совершать только ближайшие родственники-мужчины.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. В. Балин	5
---------------------------------	---

Рассказы

Праздничная ярмарка. Перев. В. Балина	19
Колодец тхакура. Перев. М. Антонова	35
Трус. Перев. М. Антонова	40
Брызги из-под колес автомобиля. Перев. В. Балина	52
Дезертир. Перев. Ф. Ануфриева	57
Рассказ о двух волах. Перев. М. Антонова	71
Невинный младенец. Перев. Ю. Лавриненко	84
Непредвиденное обстоятельство. Перев. В. Балина	93
Посвящение. Перев. С. Болдыревой	100
Первый долг человека. Перев. С. Болдыревой	118
Совет учителя. Перев. И. Каменевой	124
Сатьяграха. Перев. В. Балина	127
Трапеза достопочтенного аскета. Перев. В. Балина	144
Поминки. Перев. Ю. Лавриненко	147
Секрет цивилизации. Перев. М. Ницберг	169
За горсть пшеницы. Перев. Ф. Ануфриева	177
Храм. Перев. И. Каменевой	186
Приглашение. Перев. С. Болдыревой	195
Рани Сарандха. Перев. Н. Вишневской	217
Слава приходит после смерти. Перев. Н. Вишневской	236
Жажда власти. Перев. В. Балина	249
Тюрьма. Перев. Н. Толстой	254
Жена — глава семьи. Перев. Ф. Богданова	266

Майку. Перев. Э. Боровика и В. Махотина	280
Ратный путь. Перев. В. Балина	285
Белая кровь. Перев. Ю. Лавриненко	299
От животного к человеку. Перев. Н. Королева	310
Победа поражением. Перев. Н. Королева	323
Наставление. Перев. Д. Гольдман	340
Испытание. Перев. Д. Гольдман	364
Жизнь клерка. Перев. Ю. Лавриненко	370
Учитель. Перев. М. Антонова	380
Отступник. Перев. М. Антонова	388
Нирмала, роман. Перев. В. Выхухолева, И. Лилина, О. Ульциферова, А. Фиалковского	407

Прем Чанд
РАССКАЗЫ, НИРМАЛА

Редактор *Вл. Быков*.
Художественный редактор *Г. Кловт*.
Технический редактор *О. Репина*.
Корректор *М. Доценко*

Сдано в набор 6/1-1958 г.
Подписано в печать 17/VI-1958 г.
А 05231. Бумага 84×108¹/₃₂ —
18 печ. л. — 29,52 усл. печ. л.
28,94 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 254.
Цена 8 р. 75 к.

Гослитиздат.
Москва, Б-66. Ново-Васманная, 19.

Книжная фабрика им. Фрунзе
Главиздата
Министерства культуры УССР.
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

